УДК 949.502
ББК Т3(0)441
К90

Кулаковский Ю. А.
К90 История Византии. Т. 1: 395-518 годы. — 3-е изд., исправ. и доп. — СПб.: Алетейя, 2003. — 492 с. — (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).
ISBN 5-89329-618-4

Ю. А. Кулаковский (1855-1919) — выдающийся русский антиковед, археолог и византинист, впервые в русской историографии создавший обобщающий труд по истории Византии в 3-х томах. В первом томе после обширного введения изложение истории начинается с момента разделения Римской империи в 395 г. до конца правления Анастасия. В сочинении Ю. А. Кулаковского прекрасно изложена внешнеполитическая история и духовная эволюция Византии, описана жизнь столицы, императорского двора, достаточно много говорится о церковных делах и государственных учреждениях. По словам автора, он «ведет читателя своим изложением в самый templum historiae byzantinae (храм истории Византии)». Ярко и талантливо написанная работа адресуется как специалистам, так и всем интересующимся историей и культурой государства, которому столь многим во всех отношениях обязана Россия.

Текст книги заново отредактирован, значительно дополнен разнообразными вспомогательными материалами и хронологическими таблицами. Приведены очерк жизни и творчества Ю. А. Кулаковского, дана новейшая библиография по отдельным разделам.

УДК 949.502
ББКТ3(0)441

На форзацах карты из первого издания «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского

© Издательство «Алетейя* (СПб.), 1996, 2003
© «Византийская библиотека*, название серии, 1996

ЮЛИАН КУЛАКОВСКИЙ И ЕГО «ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ» В ПРОСТРАНСТВАХ РОССИЙСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

ПОСЛЕДНИЙ КЛАССИК ЛЕТОПИСНОГО ЖАНРА И КУЛЬТУРА ЖАНРА

Переиздание трудов Юлиана Андреевича Кулаковского за последние несколько лет приобрело широкий характер: их автор и дело его жизни снова вышли на свет Божий из вынужденного небытия. Начало этому культурно важному процессу было положено выпуском издательством «Алетейя» его трехтомника «История Византии», впервые увидевшего свет в Киеве в 1910—1915 годах. С этого переиздания началось широкое шествие «Византийской Библиотеки» по пространствам России и стран СНГ. Ныне читатель держит в руках второе переиздание фундаментального труда почтенного автора[1], исправленное и несколько видоизмененное.

Полуэнциклопедическая справка о Кулаковском может иметь следующий вид.

Юлиан Андреевич Кулаковский (25 [13 ст. ст.] июля 1855 г., Поневеж — 21 февраля 1919 г., Киев) — российский филолог-классик, историк-византинист, археолог, переводчик, педагог. Член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду классической филологии и археологии историко-филологического отделения (1906), заслуженный ординарный профессор кафедры классической филологии Императорского университета св. Владимира в Киеве (1906-1919, с 1880 — приват-доцент, в 1881-1906 — экстраординарный и ординарный профессор), доктор римской словесности (1888), действительный статский советник (1902). Председатель Исторического общества Нестора Летописца при Университете св. Владимира (в 1905, 1908-1919). Один из первых, кто систематически исследовал архаические и античные древности Юга России (1891-1900, раскопки в Крыму), переводчик (с латыни) сохранившейся части классического труда римского историка IV века Аммиана Марцеллина «Res gestae» — «Деяния» («История»); издан в Киеве (1906-1908, при участии в переводе первых шести книг профессора А. И. Сонни; переиздан издательством «Алетейя» в несколько запусков, начиная с 1994 г., под заглавием «Римская история»).

Среди трудов по римским и греческим древностям и византиноведческой тематике: «Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи: Эпиграфическое исследование» (диссертация pro venia legendi), «Армия в Римском государстве», «Светоний и его биографии цезарей» (1881), «Краткий обзор архаизмов у Плавта» (1882), «Коллегии в Древнем Риме: Опыт по истории римских учреждений» (К., 1882, магистерская диссертация), «Помпейская стенная живопись» (1883), «Новые мысли в области греческой метрики», «К вопросу о начале Рима» (К., 1888, докторская диссертация), «Философ Эпикур и вновь открытые его изречения» (1889), «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков» (1891), вызвала острую полемику с профессором Киевской духовной академии М. Г. Ковальницким), «К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове» (1894), «К вопросу об имени города Керчь» (1895), «К вопросу о пифагореизме Нумы [Помпилия]», «Цицерон в истории европейской культуры» (1896), «Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов?» (1897), «Новые данные для истории Старого Крыма», «К вопросу о каменных бабах» (1898), «Славянское слово *плот* в записи византийцев», «Карта европейской Сарматии по Птолемею» (1900), «К вопросу об окрашенных костяках», «Вновь открытая присяга на имя Августа» (1902), «Византийский лагерь X века» (1903), «К вопросу о происхождении фемного строя в Византийской империи» (1904), «Новые домыслы о происхождении имени Русь» (1906) и проч. К сочинениям археологического цикла относятся: «Керченская христианская катакомба 491 года» (М., 1891), «Археологические заметки по вопросу о керченских катакомбах» (1892), «Две керченские катакомбы с фресками» (М., 1896), «Греческие города на Черноморском побережье» (1904), «Керчь и ее христианские памятники» (1908) и др. Фундаментальные монографии: «Смерть и бессмертие в представлениях древних греков» (К., 1899;

---

[1] См. о Ю. А. Кулаковском: *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский (1855-1919) и его «История Византии» // Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 435-445; Юлиан Андреевич Кулаковский (1855-1919): Библиографический указатель (К 80-летию со дня смерти) / Сост. и вступит. статья А. А. Пучкова. К., 1999; *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его рукопись о бургундском епископе Авите // Кулаковский Ю. А. Школа и мировоззрение Авита, епископа Вьеннского. К., 1999. С. III—XXVIII. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 299-306,354,355; *Перевалов С. М.* Ю. А. Кулаковский и его труды по истории аланов // Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 5-42; *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византинистики в России. К., 2000; *Матвєєва Л. В.* Історичні етюди Юліана Кулаковського // Східний світ. К., 2000. № 1-2'97. С. 52-83; *Матвєєва Л. В.* Юліан Кулаковський: сюжети класичного світу (80-ті роки XIX ст.) // Східний світ. К., 2000. № 1 —2'98. С. 149-166; *Пучков А. О.* Конструювання Юліаном Кулаковським характеру античного міфомислення // Мова та історія: Період. зб. наук. пр. К., 2002. Вип. 59. С. 3-12; *Матвеева Л. В.* История Крыма // Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. К., 2002. С. 3-75 (см. рец.: *Пучков А. О.* Про нове видання «Прошлого Тавриды» Юліана Кулаковського // Мовата історія: Період. зб. наук. пр. К., 2002. Вип. 60. С. 15-18); *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его исследование тектоники античного мировоззрения //Кулаковский Ю. А. Эсхатология и эпикуреизм в античном мире: Избранные работы. СПб., С. 5-44. Литература о Кулаковском растет с каждым годом.

переиздание — СПб., 2002), «Прошлое Тавриды» (К., 1906, 2-е изд. — 1914; переиздание — К., 2002). Главным трудом Кулаковского 1910-х гг. стоит считать выпущенные им три тома «Истории Византии» (К.: Типолитография С. В. Кульженко, 1910-1915, тома 1-3,2-е изд. первого тома — 1913; местонахождение рукописи четвертого тома предположительно — архив Варшавского университета). В честь Ю. А. Кулаковского издан сборник трудов «Serta Borysthenica» (К., 1911).

I. ИСТОРИЯ «ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ»

С началом 1910-х гг., собственно говоря, начинается отсчет формирования непосредственного интереса к Юлиану Кулаковскому в современной византиноведческой историографии — к периоду, когда Юлиан Андреевич вплотную начал работать над колоссальной по объему и охвату материала «Историей Византии» (в хронологических рамках ее истории — с 395 по 717 год). Конечно, дата «1910 год» — вполне условна, поскольку в этом году первый том «Истории...» уже увидел свет.

В 1900-х гг. Кулаковский, выслуживши 3000 законных рублей годовой пенсии, имеет дополнительно — по должности внештатного заслуженного ординарного профессора с 3-го ноября 1906 г. — 1200 рублей вознаграждения за чтение лекций в университете, а вместе с ними и долгожданный научный досуг. 1-го января 1910 г. он Всемилостивейше пожалован орденом св. Владимира III степени (внеся в Капитул Российских орденов положенные 45 рублей).

А. А. Васильев в (разгромной) рецензии, о которой подробно речь будет идти ниже, совершенно справедливо назвал труд Кулаковского по переводу «Res gestae» Аммиана Марцеллина, продолжавшийся в 1904-1908 гг., *введением* в «Историю Византии». Таким образом, время *зарождения замысла* создания фундаментального исследования хронологически должно быть отнесено к 1906-1907 гг., тем более что к этому же времени относится начало чтения Кулаковским курса лекций по истории Византии на историко-филологическом факультете Университета св. Владимира. Собственно, это не столь важно в отношении к тому, что им в результате было содеяно, но показательно в том смысле, что эта работа захватила Юлиана Андреевича на целое десятилетие, принудив оставить в стороне иные научные и не очень научные (скажем, публицистические) дела. Из некролога А. И. Соболевского известно, что только смерть Кулаковского «прекратила работу, но Ю[лиан] А[ндреевич] успел много сделать и для четвертого тома»[1]... Не известно, сохранилась ли рукопись (заготовки?) Кулаковского для четвертого тома, который должен был начаться 717-м годом, с царствования Льва Исавра, так называемым «иконоборческим» этапом византийской истории, и охватить, по всему вероятию, период до 800 г. — образования империи Карла Великого: личный архив Кулаковского в Центральном государственном историческом архиве Украины (ф. 264) не целостен. Но и об этом — позже.

Вернемся к началу работы над многотомником, предоставив в его выяснении слово автору. «Когда, после тяжких заминок в учебной жизни университета, восстановилась бодрая академическая деятельность в стенах наших аудиторий[2], наш факультет, в заботах о расширении преподавания, предложил мне взять на себя чтение курса по истории Византии. Не без большого колебания решился я сделать первый опыт в 1906-1907 учебном году. Те несколько лет, которых потребовал от меня раньше того перевод Аммиана Марцеллина, историка, стоящего на рубеже эпох, держали меня среди событий переходного времени и множества вопросов по истории учреждений империи. Так я из Старого Рима перешел в Новый и успел в своем курсе обозреть со своими слушателями жизнь империи до знаменательной эпохи возникновения Священной Римской империи Карла Великого. Этот первый опыт пришлось повторить через два года [1909/1910 учебный год]. Те затруднения, которые создает для учащихся отсутствие в нашей литературе общих сочинений по истории Византии, побудили меня приняться ровно год тому назад за обработку своего курса по конспектам, которые я составлял для лекций. Само собой разумеется, что пришлось опять обратиться к источникам, и мой текст, по мере обработки, разрастался против того, что было в концепте»[3].

Таким образом, из уст автора узнаем, что непосредственно к написанию первого тома «Истории...» он приступил в мае 1909 года.

Вышедший в издательстве С. В. Кульженков 1910 г. первый том произвел на российскую византиноведческую братию сильное впечатление. Не смог сдержать удивления даже такой мягкий и покладистый человек, как Александр Александрович Васильев (1867-1954), отозвавшись на новую книгу большой — объемом в печатный лист — рецензией в «Журнале Министерства народного просвещения».

«Появление первого тома *Истории Византии* проф. Ю. А. Кулаковского, — писал А. А. Васильев, — было полною неожиданностью. Работая в течение долгого времени в области римской древности, он с 1890 года начал уделять часть своего времени на христианскую археологию и на византийскую историю, а уже со второго тома *Византийского Временника* (1895) имя проф. Кулаковского стало довольно часто появляться на страницах этого журнала. В своих обыкновенно небольших статьях он преимущественно касался военного дела в Византии и отчасти фемного строя... Сделанный автором в 1906-1908 годах русский перевод Аммиана Марцеллина мог слу-

---

[1] *Соболевский А. И.* Ю. А. Кулаковский: Некролог// Известия Российской академии наук. Пг., 1919. Сер. VI. Т. XIII. № 12-18. Сентябрь-декабрь. С. 568.

[2] Имеются в виду студенческие волнения последних лет XIX — начала XX века, скверно сказывавшиеся на состоянии университетской жизни.

[3] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 6.

жить как бы введением в *Историю Византии*»[1]. Юлиан Андреевич действительно трудился над «Историей...» уединенно, «втихомолку, притом, хотя и в большом и богатом книжными собраниями, но все же провинциальном университете, и потому появление первого тома... было неожиданностью даже для Ф. И. Успенского, с которым он был в давних дружеских отношениях и который в то время сам был также занят подготовлением к изданию своей обширной "Истории Византии". В этом нельзя не видеть одного из проявлений той болезненной мнительности, которою страдал покойный и которая росла в нем с годами», — отмечал в некрологе друг Кулаковского, некогда занимавший высокий пост попечителя Киевского учебного округа, профессор А. Н. Деревицкий[2].

Как справедливо отметил А. Г. Грушевой в послесловии к первому переизданию трехтомника «Истории Византии», рецензии на первую в истории русского византиноведения общую историю Византии были заинтересованными и одновременно скептическими из-за большого числа отмечаемых рецензентами неточностей и недостатков[3]. А. А. Васильев начал рецензию с того, что «"История Византии", написанная русским ученым, давно уже являлась настоятельною необходимостью русской исторической науки... В России выходили монографии по отдельным вопросам. Не было написано у нас истории Византии и раньше. В. Г. Васильевский ее не дал. Ныне здравствующий патриарх современного византиноведения в России Ф. И. Успенский, по слухам, уже давно работает над историей Византии; но в свет она до сих пор не вышла»[4]. («Слухи» оказались верными — в 1913 г. в издательстве Брокгауз-Ефрон увидел свет первый том «Истории Византийской империи» академика Ф. И. Успенского.) А. Г. Грушевой уже осуществил подробный разбор рецензии Васильева на первый том «Истории...», и потому едва ли есть резон на этом подробно останавливаться. Так, А. Г. Грушевым были выделены три типа замечаний, которые сводятся к следующему: *первое* — недостаточная точность оформления работы в мелочах (множество опечаток и неточностей в ссылках); *второе* — невнимание Кулаковского к общим проблемам, недопустимое в книге, рекомендуемой для студентов (почему именно для студентов?); *третье* — конкретные замечания и пожелания по тексту. «Эти замечания рецензента, — комментирует А. Г. Грушевой, — воспринимаются неоднозначно, ибо не все они, если можно так сказать — по существу»[5].

Остановимся на некоторых общих чертах рецензии Васильева.

А. А. Васильев заключает, что, по его мнению, «первый том *Истории Византии* г. Кулаковского не может быть признан вполне удовлетворительным ни со стороны внутреннего содержания, ни со стороны внешнего выполнения задачи. Общего представления о предмете не дано; читатель даже не найдет определения разницы между эллинизмом и византинизмом. Существенное и важное теряется в массе мелких и излишних подробностей. Приводимые данные и особенно ссылки далеко не всегда отличаются желательною точностью. К тому же и размеры задуманной г. Кулаковским *Истории Византии* делают его книгу совершенно неподходящей для учащихся (снова для учащихся! —*А. П.);* если времени до 518 года посвящен том более чем в 500 стр., то я не могу сразу представить себе, на сколько томов рассчитана настоящая *История Византии.* Г. Кулаковский готовит продолжение своей *Истории Византии.* От души желаю ему, чтобы со второго тома его лекционные конспекты, которые, по собственным словам автора, кладутся им в основание книги, не только по мере обработки "разрастались", но именно "обрабатывались". Я даже думаю, что это "разрастание" конспектов повредило книге; гораздо лучше было бы, если бы автор вместо того, чтобы идти вширь, несколько увеличил глубину разбираемой темы и значительно сократил объем книги. Наверное, многие недостатки данного сочинения находятся в зависимости от той поспешности, с которой оно было написано и издано». И далее — «К русскому ученому, выступающему с *Историей Византии,* должны быть предъявлены, может быть, несколько более строгие требования, чем к историку иностранному (как верно сказано! — *А. П.).* Впрочем, не забудем, что в книге г. Кулаковского мы имеем *первый опыт* "Истории Византии", написанной русским ученым»[6].

Стоит согласиться с выводом А. Г. Грушевого, что рецензия А. А. Васильева в целом объективна и справедлива, и автор, несмотря на множество замечаний, относится к труду Кулаковского благожелательно. Но Юлиан Андреевич отреагировал на критику Александра Александровича обидчиво (обидчивость и даже некоторая мнительность Кулаковского отмечалась всеми, кто вспоминал о нем). «Так как этот труд, исполненный мною с большим увлечением, является первым опытом изложения истории Византии в русской ученой литературе, то я ожидал с живым нетерпением отзывов о нем ученой критики и был вполне подготовлен к тому, что в моей книге могут оказаться недочеты и недосмотры, что и высказал в своем Предисловии. Кое-что я уже сам поправил в своем экземпляре первого тома и был готов с благодарностью встретить те desiderata [пожелания], какие мне укажет благожелательная критика ученых, которым близка эта область исторического

---

[1] *Васильев А. А.* Ю. А. Кулаковский. История Византии. Киев, 1910. Т. 1 //Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Июнь. Отд. второй. С. 337-338.

[2] *Деревицкий А. Н.* Ю. А. Кулаковский (некролог) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. № 57. С. 333-334.

[3] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский (1855-1919) и его «История Византии» // Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 438.

[4] *Васильев А.А.Ю.* А. Кулаковский. История Византии. С. 337.

[5] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 439.

[6] *Васильев А. А.* Ю. А. Кулаковский. История Византии. С. 350—351.

знания»[1]. Но — увы! «Позволяю себе думать, что г. Васильеву было совершенно излишне рекомендовать меня читателю по моим “обыкновенно небольшим статьям”, а следовало непосредственно приступить к разбору большого — увы! — слишком даже большого, вследствие обилия материала, первого тома *Истории Византии*»[2].

Как в случае с рецензией Васильева, А. Г. Грушевой, разбирая *«Ответ»* Кулаковского, вновь выделяет два положения (хотя почему-то пишет, что этих положений три) общего характера, принципиально важные для понимания взглядов Юлиана Андреевича.

Первое. В ответ на замечание рецензента, что Кулаковский слишком пристрастен к легендарным сюжетам и смешивает легендарное и историческое изложение событий, автор отвечает, что никакого смешения у него нет и все легендарные подробности приводятся у него для передачи духа эпохи. «С этим можно вполне согласиться, — пишет А. Г. Грушевой, — [однако] сам Ю. А. Кулаковский, к сожалению, нигде не дает в тексте понять, как сам он относится к легендам, и у читателя вполне может возникнуть ощущение, что автор труда воспринимает их столь же серьезно, как и сообщения любого другого источника»[3]. На наш взгляд, сообщения всякого источника в значительной степени легендарны, и отделить, скажем, в текстах Феофилакта Симокатты, Иоанна Малалы и — особенно — Прокопия Кесарийского «зерна от плевел» невозможно. Известно ведь, что летописец-очевидец того или иного события непременно привносит в него нечто «от себя», и позднейшим исследователям бороться с этими наслоениями бессмысленно. Приходится либо, во-первых, принимать сообщение на веру в том случае, когда оно согласуется с аналогичным сообщением на тот же предмет у другого летописца, либо, во-вторых, подвергать каждый высказанный летописцем факт обязательному сомнению, что делает опору на источник невозможной. Кулаковский не ставил перед собой ни одну из таких целей, и потому его отношение к летописному свидетельству со всех точек зрения «по умолчанию» должно быть признано уместным и справедливым. Юлиан Андреевич невольно «сочиняет» и даже «привирает» в духе присочинений и привираний используемого им источника, и крамолы в этом нет.

Второе. Методологически оправданным, с точки зрения А. Г. Грушевого (которая совпадает с нашей), является ответ Юлиана Кулаковского на замечание А. А. Васильева об отсутствии каких-либо рассуждений о начале византийской истории: «Зачем мне dissertis verbis толковать о том, что такое история Византии, когда я веду читателя своим изложением в самый templum historiae byzantinae?» В самом деле, зачем? У Кулаковского были принципиально иные задачи, на которые он указывает во введении к первому тому: «В изложении судеб Византии я старался, предлагая вниманию читателя события живой действительности, дать возможность чувствовать дух и настроение тех давних времен... Пересматривая теперь отпечатанные листы моей работы и замечая кое-что такое, что приходится исправить, с укором себе вспоминаю совет Горация — nonum[que] prematur in annum[4]; но время не ждет, дела много, а делателей мало. Быть может, благожелательная критика укажет мне много такого, чего я сам не замечаю теперь под свежим впечатлением пережитого напряжения работы по составлению текста и его печатанию... Так как я заботился и о внешнем виде моей книги, то мне очень досадно, что в напечатанном тексте оказались опечатки... Хотя, благодаря любезной помощи студента К. А. Езерского, я имел в руках полный список опечаток, но воспользовался им не вполне, оставив без внимания погрешности в знаках препинания, которые попадали иногда не на свое место, а также неисправности в греческих ударениях и придыханиях»[5].

Разумеется, выпуская в свет первое в своем роде фундаментальное издание, Юлиан Андреевич волновался, запоем вычитывая корректуру, спешил увидеть его изданным, закрывал глаза на многое, что необходимо было исправить и на что впоследствии с таким негодованием (и, кажется, несколько завистливо) обращали его внимание придирчивые рецензенты, сами к тому времени не взявшие на себя составление труда, столь ответственного и грандиозного. «Он духом там — в дыму столетий».

Юлиан Андреевич завершает ответ на замечания А. А. Васильева патетическим восклицанием, снимая многие замечания последнего или превращая их в риторические. «Пока нашим студентам предлагается лишь препарат из науки и конспект заменяет собою ученую книгу, до тех пор не будет ученого духа в нашем университетском преподавании, а с ним и науки — quod absit! Я писал свою историю Византии пред лицом ученого мира для всех тех, кто хочет проникнуть в уразумение истории тех времен, и *не определял заранее круга моих читателей* (курсив наш. — *А. П.).* Я верю, что оживление интереса к судьбам Византии, а также и к греческому языку будет живым свидетельством о подъеме нашей русской культуры и нашего русского самосознания»[6].

То, что А. А. Васильев отнесся в конечном счете к труду Кулаковского *благожелательно,* по мнению А. Г. Грушевого, было заложено в его мягком, беззлобном характере. «Надо заметить, — пишет И. В. Куклина, — что Васильев был “человеком чрезвычайно доброжелательным и ни о ком не написал плохого слова... Можно

---

[1] *Кулаковский Ю. А.* История Византии: Ответ проф. Васильеву// Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Октябрь. Отд. второй. С. 377.

[2] Там же. С. 378.

[3] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 440.

[4] «И пусть хранится до девятого года *(лат.)*. См.: *Гораций*. Наука поэзии, 388; ср.: *Квинтилиан*. Воспитание оратора, X 4, 2.

[5] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 1. С. 7-8.

[6] *Кулаковский Ю. А.* История Византии: Ответ проф. Васильеву. С. 388.

вспомнить, как он мучился, когда в 1911 г. писал отрицательную рецензию на 1-й том "Истории Византии" Юлиана Кулаковского. "Ужасно не люблю руготни", — признавался он [С. А.] Жебелёву"[1]. Это утверждение действительно похоже на правду вот еще почему.

В 1917 г., выпуская в свет первый том «Лекций по истории Византии» (тип. Я. Башмакова и К°), в первой главе «Краткий очерк разработки истории Византии» А. А. Васильев говорит о труде Юлиана Андреевича уже в иных интонациях: «Первая попытка написать серьезное сочинение по общей истории Византии принадлежит профессору Университета св. Владимира Ю. А. Кулаковскому... С необыкновенным трудолюбием и неослабной энергией автор изучил византийские источники, греческие, латинские и восточные (в переводах), и, на основании их и хорошего знакомства с литературой предмета, подробно изложил внешнюю историю Византии... Явления внутренней истории, которых также касается проф. Кулаковский, теряются в массе подробностей из жизни внешней... Сочинение проф. Кулаковского может принести немалую пользу тому, кто захотел бы на русском языке познакомиться подробно с фактическою историей Византии или прочитать в русском изложении главнейшее содержание источников; попутно читатель ознакомится и с некоторыми выводами современной исторической литературы по главнейшим вопросам византийской истории, как внешней, так и внутренней. Чересчур подробное изложение фактического материала повело к тому, что в трех первых вышедших томах, то есть более чем на 1400 страницах], события доведены лишь до начала VIII века»[2]. (Сам Васильев таким томом — на 355 страницах — охватил историю Византии с IV по XI век. Видимо учитывая «печальный» опыт Юлиана Андреевича, Александр Васильев решил быть более кратким.)

Впрочем, на ответе Кулаковского на замечания Васильева научная «дуэль» двух ученых не прекратилась. А. А. Васильев со своей стороны счел необходимым отреагировать на «ответ» Юлиана Андреевича, напечатав в следующей — ноябрьской — книжке «Журнала Министерства народного просвещения» новую статью, значительно меньшую по объему против предыдущей и значительно более, так сказать, «объяснительную»[3]. Однако на этом «ответе» мы останавливаться не станем.

После сказанного остается искренне подивиться утверждению А. Г. Грушевого, что труд Кулаковского «нельзя назвать научным в строгом смысле слова, а яркость и эмоциональность изложения не заслоняют очевидного — многочисленных недостатков, которых чаще всего можно было с легкостью избежать» [4]. Во-первых, не совсем ясно, какой смысл вкладывает исследователь в понятие научности (и где рамки научности науки вообще?), а во-вторых, — какие недостатки, кроме опечаток и иногда неточного (или неполного) использования летописи, могут быть инкриминированы Кулаковскому? И притом, если этих недостатков можно было «с *легкостью*» избежать, Юлиан Андреевич, без сомнения, такой возможностью не преминул бы воспользоваться.

Гораздо обиднее оказалась рецензия другого византиниста — Павла Владимировича Безобразова (1859-1918), — но не на первый том «Истории...» (который был воспринят этим же рецензентом благожелательно![5]), а на следующий, второй, вышедший в Киеве в 1913 г. Маленькая рецензия П. В. Безобразова на первый том, напечатанная в «Византийском временнике», сводится примерно к тем же замечаниям, что и у А. А. Васильева.

Именно П. В. Безобразов первым назвал стиль изложения истории Византии *летописным*. И этим, пожалуй, исчерпывается все, что он смог сказать о ней *хорошего.* Его рецензия на первый том, в отличие от рецензии на второй том, была выдержана в благожелательно-нейтральном тоне и завершалась выражением одобрения и сочувствия автору, хотя и содержала множество указаний на неточности, погрешности и, конечно, опечатки.

Рецензия П. В. Безобразова же на второй том «Истории...» уже разгромна. И как всякая разгромная рецензия, во-первых, грешит натяжками, вызванными бессильной злобой, и потому — во-вторых, — чрезвычайно уязвима. А. Г. Грушевой уделил этой рецензии тоже достаточно места, чтобы вновь к ней подробно обращаться. Остановимся на наиболее выразительных фрагментах этой рецензии.

П. В. Безобразов начал с того, что манера изложения и подачи материала у Кулаковского не изменилась, оставшись летописной. — Почему она должна меняться? Странно, если бы такое действительно случилось: первый том «летописный», а следующие — в угоду рецензентам — выдержаны в другом жанре. Но, по Безобразову, «*История Византии* проф. Кулаковского имеет еще другую особенность. Автор не желает

---

[1] *Куклина И. В.* А. А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 327.

[2] *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 года). Пг., 1917. С. 33-35. Издательством «Алетейя» в 1998 г. выпущен в свет объемистый двухтомник «Истории Византийской империи» А. А. Васильева под редакцией А. Г. Грушевого, частью переведенный с последнего американского издания, частью — составленный на основании нескольких книжек, охватывающих историю Византии, которые были выпущены А. А. Васильевым в России до отъезда за рубеж; цитата о Ю. А. Кулаковском в этом издании относится к с. 81 -82 первого тома.

[3] См.: *Васильев А. А.* История Византии (Ответ проф. Ю. Кулаковскому) //Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ноябрь. Отд. второй. С. 190-195.

[4] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 441.

[5] *См.: Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Киев, 1910. Т. 1 // Византийский временник. 1910 (1911). Т. XVII. Отд. второй. С. 328-335.

[5] *Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. 2. Киев, 1912 // Византийский временник. 1913. Т. XVIII. Вып. 1-4(1911).С. 45.

пользоваться ученой литературой, совершенно не признает трудов своих предшественников и этим добровольно ставит себя в самое невыгодное положение. Больше половины тома занимает царствование Юстиниана, которое довольно подробно и полно разработано как в западной, так и в русской литературе. К многочисленным исследованиям о покорении Италии и вандальского царства трудно прибавить что-нибудь существенное. Кроме того, существует две монографии о времени Юстиниана — [Ш.] Диля, которую Ю. А. Кулаковский в своей единственной цитате называет прекрасной, но которой он не пользуется, и [У.] Хольмса (*W. Holmes.* The Age of Justinian and Theodora. London, 1907), о которой он не упоминает... Проф. Кулаковский предпосылает своей *Истории* список ученой литературы, именно 20 книг и статей по истории империи и 18 книг и статей по истории Востока. Из этого, однако, не следует, что он пользовался перечисленными тут сочинениями. На 300 страницах, отведенных им царствованию Юстиниана, имеется всего 31 ссылка на литературу, причем только 13 цитат относятся к книгам, приведенным в библиографическом списке» [1]. Надо же, почти как в известной детской сказке, — посчитал! А вот дальше: «Некоторые отделы *Истории* проф. Кулаковского можно было бы изложить лучше, чем они изложены у него»[2]. Действительно, можно: возьми и *сам* изложи, как хочется... Вот еще смешное место: «Главу о [храме] св. Софии проф. Кулаковский *обработал самостоятельно, в чем не было никакой надобности* (курсив наш; вот уж действительно: мог бы списать у кого-нибудь, ан нет, — сам возился! — *А. П.).* Автор не мог не располагать новыми материалами, и у Диля он нашел бы совершенно достаточное и вполне удовлетворительное описание этого замечательного храма. Правда, у нашего автора есть довольно много лишнего против Диля, но это басни, которым совсем не место в общей истории. Глава о Св. Софии написана проф. Кулаковским по Прокопию, Павлу Силенциарию и [Павлу] Кодину»[3]. П. В. Безобразов призывает Кулаковского переписать главу о храме св. Софии у Шарля Диля, и тогда бы он — Безобразов — был удовлетворен; но нет — Кулаковский, верный своему методу, только опирается на летописные источники. Это, по мнению критика, уж вовсе никуда не годится. Красивым легендам, связанным с возведением храма св. Софии, оказывается, тоже не место на страницах «Истории Византии»: следовало бы ограничиться «научной» тягомотиной. Строг рецензент, строг; впору бы и самому взяться за перо.

Но вот, кажется, место менее забавное: «Мы знакомимся с множеством легендарных подробностей о Св. Софии, но не находим того, что мы вправе искать в общей *Истории Византии*, не находим ответа на вопрос, к какому архитектурному стилю надо отнести этот знаменитый храм? Что такое Св. София — первый памятник византийского искусства или последний памятник эллинского искусства?»[4] Но и этот упрек не вполне корректен. Выяснять предлагаемый Безобразовым вопрос Кулаковский не считает себя вправе, отсылая читателя к специальным работам. Храм св. Софии интересует его с точки зрения роли в политической истории Константинополя, а никак не в связи с развитием искусства и строительного дела, которому он отводит последнее место, справедливо полагая, что это забота специалистов иного профиля.

Конечно, выбирая из рецензии П. В. Безобразова наиболее выразительное, мы тоже становимся на не вполне честную стезю: ведь человек потрудился в поисках несуразиц и ошибок. Но, читая рецензию, на достижение иной цели трудно себя настроить. Есть справедливые замечания, в сторону которых едва ли можно отделаться ухмылкой. Вот, скажем, такой пассаж: «Проф. Кулаковский как филолог, по-видимому, мало знаком с церковными вопросами. Он употребляет такие неподходящие выражения, как *пострижение в клир,* сообщает нам сведения об одной довольно странной комиссии... Впервые узнаем мы, что в Византии существовали какие-то комиссии, имевшие право низлагать патриархов»[5]... Здесь нечего возразить.

Но замечания, которые мы процитируем ниже, носят сугубо риторический характер и — сколь ни парадоксально — едва ли в половине случаев имеют отношение к существу дела. «Отвергнув ученые пособия, проф. Кулаковский пишет почти исключительно по первоисточникам, то пересказывая их, то сокращая, вполне довольствуясь теми сведениями, которые он находит в византийских хрониках, не стараясь их дополнить (чем? — *А. П.)* и проверить (как? — *А. П.)* (с. 56)... Проф. Кулаковский передает источники почти без всякой критики (с. 57)... Проф. Кулаковский очень часто буквально передает то, что он вычитал в источниках, хотя смысл передаваемых им слов неясен, а иногда очень неискусно переставляет фразы византийского источника (с. 59)... Иногда, чтобы понять изложение проф. Кулаковского, необходимо взять в руки источники, откуда он почерпал свои сведения (с. 59-60)...

Автор до такой степени прикреплен к своим источникам, что очень часто не в силах изменить их летописного изложения на более систематическое (с. 61)... Слепо следуя источникам, автор, не задумываясь, буквально

---

[1] *См.: Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Киев, 1910. Т. 1 // Византийский временник. 1910 (1911). Т. XVII. Отд. второй. С. 328-335.

[1] *Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. 2. Киев, 1912 // Византийский временник. 1913. Т. XVIII. Вып. 1-4(1911).С. 45.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 48.

[3] *Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. 2. Киев, 1912 // Византийский временник. 1913. Т. XVIII. Вып. 1-4(1911).С. 45.

[4] *Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. 2. Киев, 1912 // Византийский временник. 1913. Т. XVIII. Вып. 1-4 (1911). С. 50.

[5] Там же. С. 54-55.

переводит непонятные слова (с. 61-62)» и т. д.

Конечно, в потоке информации, которой владел Юлиан Кулаковский и которую стремился направить в нужное ему летописное русло, за всеми сообщениями источников уследить сложно, еще труднее провести их сравнительно-исторический анализ. П. В. Безобразов справедливо подмечает, например, такую путаницу: «Довольствуясь тем, что находит он в том или ином источнике, и передавая эти известия по большей части без всякой критики, проф. Кулаковский не обратил внимания на довольно странное обстоятельство, что некий перс Мебод появляется в его истории много раз в течение целого столетия. Это какой-то бессмертный Мебод... При внимательном чтении источников можно догадаться, что Мебод совсем не собственное имя, хотя и догадываться об этом незачем, так как таинственный Мебод разъяснен около 50 лет тому назад известным ориенталистом де Лагардом, заметившим, что в Мебоде надо видеть персидского mobal [воинское звание]» (с. 62-63). Однако П. В. Безобразов не дает себе труд понять, что он — как вольный критик — имеет дело с *одной* книгой, которую подробно разбирает, Ю. А. Кулаковский же, ставя себе аналогичные научные цели, трудился над книгами многими, где пропуски и недочеты неизбежны по природе самого труда.

П. В. Безобразову кажется, будто он прав в утверждении, что «мелочная критика по отношению к общему труду была бы совершенно неуместна, если бы автор не переполнил своей *Истории Византии* множеством мелочей» (с. 67). Ведь именно в мелочи и состоит искусство летописи, которую, как сказал сам Безобразов, пишет Юлиан Андреевич. И таких мелочей в его «Истории...» ровно столько, сколько требуется, чтобы читатель смог ощутить — почти физиологически — дух живописуемой эпохи.

Хронологией Кулаковского Безобразов тоже недоволен: «Проф. Кулаковский излагает историю Византии в хронологическом порядке, но в то же время обращает недостаточное внимание на хронологию. Он любит указывать на дни, когда случилось какое-нибудь мелкое событие, но не всегда ясно, откуда он ведет счет годов» (с. 64)... — Все-таки следует думать, — от Рождества Христова или по годам хиджры (относительно арабов), что в тексте второго тома оговаривается (может быть, даже излишне часто).

Заключительные инвективы Павла Безобразова непререкаемы. Читателю, не знакомому с разбираемой книгой, может показаться, что рецензент останавливается на всевозможных подробностях и ничего не говорит об общих вопросах, которые должны же иметь место в общем труде по истории Византии. Не останавливаться на общих взглядах автора было бы, конечно, непростительным промахом со стороны критика. Но в данном случае рецензент лишен возможности остановиться на том, что представляется ему наиболее важным, и вынужден довольствоваться указанием на существенные пробелы в этом отношении (интересно бы узнать, *чем* именно "вынужден". — *А. П.).* Проф. Кулаковский выбрал самую устаревшую манеру изложения — по царствованиям. Для подобного исключительно хронологического изложения политической истории можно найти некоторое внутреннее и внешнее оправдание. Направление дипломатических отношений и военных действий часто зависело от личности императора. Однако и фактическая история протекала нередко вне всякой зависимости от того, кто сидел на престоле. К таким явлениям принадлежало заселение славянами Балканского полуострова, и проф. Кулаковский совсем напрасно разделил славянскую колонизацию на мелкие кусочки; от этого теряется единство явления, имевшего громадное значение в византийской истории. Давно уже историки вслед за изложением политических фактов отводят отдельные главы, расположенные по эпохам и посвященные обозрению тех культурных и социальных явлений, которые не укладываются в тесные рамки отдельных царствований. Ничего подобного не находим у проф. Кулаковского. Он довольствуется изложением отдельных фактов, не считает нужным в них углубляться, избегает самого элементарного прагматизма»[1]. Во-первых, манера изложения по царствованиям, быть может, действительно устарела к тому времени, но этот упрек никак не должен бы касаться рецензируемого труда, поскольку до монографии Ю. А. Кулаковского связной истории Византии на русском языке не существовало ни в какой «манере»: ни по царствованиям, ни как-либо еще [2]. Во-вторых, «элементарный прагматизм», как можно заметить, Кулаковскому был чужд еще со студенческой скамьи. Он — филолог-историк и историк-филолог — всегда находился где-то между «небом и землей» (если позволительно здесь перефразировать высказывание А. И. Доватура, что «историк без филологии витает в воздухе, филолог без истории — прижат к земле»), отдавая должное тому, что находил нужным. Недаром А. Н. Деревицкий назвал Юлиана Андреевича «идеалистом, который проникнут возвышенным гуманитарным настроением».

Может быть, единственное, с чем можно согласиться в многостраничной и эмоциональной рецензии П. В. Безобразова (не может же он и вправду во всем быть неправым), — с тем, что «Ю. А. Кулаковский довольствуется поверхностным изложением фактов. Он не старается найти в византийской истории то, что для современного историка наиболее ценно, не вскрывает социальные и культурные основы византинизма, не интересуется общественными движениями, вызывавшими разные события, отмеченные летописцами. Проследить те корни, из которых в V и VI веках развивалось византийское древо, — интереснейшая задача, почти обязательная для ученого, решившегося написать историю Византии. Несомненно, что в византинизме переплелись и объединились три ветви, — азиатский Восток, эллинизм и романизм. Проф. Кулаковский с удовольствием

---

[1] *Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. 2. Киев, 1912 // Византийский временник. 1913. Т. XVIII. Вып. 1-4 (1911). С. 68.

[2] См. обстоятельный «Очерк разработки истории Византии» у А. А. Васильева в его «Истории Византийской империи» (СПб., 1912 //. 1996. Т. 1. С. 41-92).

передает подробности придворного церемониала, но не останавливается на вопросе, единственно важном в этом случае: не есть ли византийский этикет порождение Востока. Он очень продолжительно говорит о монофиситах, но из его книги можно вынести только одно заключение, что монофиситы — еретики, которых преследовали византийские императоры»[1]. О том же говорил и А. Н. Деревицкий: «Это труд, основанный исключительно на литературном материале. Конечно, было бы лучше, если бы во всей полноте были использованы также многочисленные археологические памятники и если бы наряду с политической, военной и церковной историей Византийской империи, на которой сосредоточен главный интерес автора, были с надлежащею рельефностью выдвинуты различные стороны культурной ее истории, — ее искусство, литература, если бы, далее, как это было указано в иностранной (и не только. — *А. П.)* критике, была установлена более тесная, органическая связь истории Византии с историею эллинистического Востока»[2]. Действительно, эти упреки справедливы в отношении работы, которая претендует на *современный* (даже для нас) уровень разработки вопроса. Ю. А. Кулаковскому такая работа была просто физически не под силу, хотя он, конечно же, четко себе представлял объем того, за что взялся.

Заключение рецензии П. В. Безобразова несправедливо и обидно. «Всякий, работавший над византийскими источниками, понимает, как тяжело написать историю Византии вполне самостоятельно, не пользуясь трудами своих предшественников. С этой точки зрения нельзя не оценить исключительного трудолюбия проф. Ю. А. Кулаковского. Но в то же время нельзя не пожалеть, что он потратил много времени на работу не нужную, давно сделанную другими и не хуже его»[3]. Вероятно, естественное чувство зависти овладело Павлом Владимировичем, понудив вынести столь безапелляционный приговор труду своего коллеги, который затратил на его свершение много лет. Ничем иным объяснить это нельзя. До Кулаковского никто работы такого масштаба ни в России, ни за рубежом не предпринимал, и потаенное обвинение в каком-то призрачном плагиате («сделано другими») беспочвенно; ну а последняя приписка — «не хуже его» — заставляет прийти к прискорбному заключению, что Безобразов не слишком искушен в вопросах научной этики и что даже местами был дурно воспитан. Тем удивительнее позиция А. Г. Грушевого, который расценил рецензию Безобразова на второй том «Истории Византии» как «справедливую по сути»[4]. Подлинной справедливости, как мы имели возможность убедиться, в этой рецензии немного, — пара абзацев. И даже если Безобразов взялся бы «громить» работу Кулаковского, сам будучи автором чего-то аналогично грандиозного по охвату материала и объему, даже тогда у него — на наш взгляд — не было бы права столь беспардонно выказывать свое недовольство на страницах ведущего византиноведческого журнала.

Бесспорно, здесь получило место столкновение двух принципиально противоположных научных позиций. П. В. Безобразов без преувеличения может быть назван представителем *прогрессивного* направления исторической науки, Юлиан Кулаковский — представителем традиционной, «*собирательно-компилятивной*», «*позитивистской*» школы, которая, к слову сказать, до сих пор себя не изжила (скажем, в архитектуроведении). Но это, разумеется, вовсе не повод для учиненного Безобразовым «ученого надругательства».

Юлиан Андреевич, прочитав рецензию, конечно, оскорбился. В письме В. Э. Регелю, редактору «Византийского временника», от 11 ноября 1913 г. он написал: «Мне было очень горько читать про свое произведение такой жестокий и грубый отзыв в специальном издании по византиноведению. Я сначала пал духом и молчал. Отвечать Безобразову ввиду его грубости и резкости я не хочу. За некоторые поправки я ему должен быть благодарен, и в своем экземпляре поправил в трех местах свой текст. А что касается до метода, то я обратился к Marquardt'у в Берлин и получил от него очень ученый ответ, который начинается так: "Rufen Sie Ihren Kritikern nur so: si tacuisse!.. ["Крикните Вы Вашим критикам только: да, летопись!" *(нем., ит.)*]". Позволю себе прибавить, что мне кажется, что резкость в отзывах допустима только тогда, когда оказывается налицо научная недобросовестность, которой Безобразов не пытался доказывать. А если ему не нравится самый способ изложения по источникам, то это не дает ему еще права глумиться [так,] как он сделал. Хотя Безобразов свободен в своих суждениях, но ведь он выступает в журнале, который может иметь свой взгляд на то, что допустимо в отношении своих сотрудников, каковым являюсь и я»[5].

После этого эпизода Юлиан Андреевич в «Византийском временнике» опубликовал только одну статью (1914, т. XXI).

В связи с возгласом Дж. Марквардта (J. Marquardt) стоит упомянуть о достаточно высокой оценке первого тома «Истории Византии» таким видным византинистом, как Луи Брейе (Louis Brehier), учеником Ш. Диля, к которому после смерти учителя перешла, по выражению Г. Л. Курбатова, «ведущая роль во французском византиноведении» и который продолжал «развивать традиции эволюционистской школы... Его

---

[1] *Безобразов П. В.* Юлиан Кулаковский. История Византии... Т. 2. С. 70.

[2] *Деревицкий А. Н.* Ю» А. Кулаковский (некролог). С. 333.

[3] Там же. С.74.

[4] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 441.

[5] Цит. по: *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. С. 166. В примечании: «Свои жалобы на П. В. Безобразова (а также А. А. Васильева) за враждебное отношение к нему и к его книге Кулаковский высказывал и в письме к В. Н. Бенешевичу от 24 апреля 1913 г.» *(Медведев И. П.* В. Э. Регель. С. 166). К сожалению, оригинал письма Регелю и письмо Бенешевичу остались мне недоступны.

“синтетическая” история Византии представляла собой обзор внутри- и внешнеполитической истории с упором на воздействие внешних факторов, а внутри — на эволюцию социальной структуры общества»[1]. Луи Брейе опубликовал рецензию на первый том «Истории Византии» Кулаковского во влиятельном журнале Французской академии наук «Journal des Savants»[2]. В предисловии ко второму изданию первого тома, подписанном 15 февраля 1913 г., Кулаковский дает краткий ответ на замечания Брейе, содержавшиеся в рецензии. «Общая концепция моего труда осталась прежней, и те широкие требования, которые развернул передо мной мой уважаемый рецензент, французский профессор Louis Bréhier... я должен был оставить в стороне как превышающие мои силы. Установить органическую связь истории Византии с историей эллинистического Востока, а не только с римскими государственными началами, унаследованными Византией и давшими политическое единство восточной половине империи, — задача непосильная для труда одного человека. Таким же трудноосуществимым требованием я готов считать и использование в историческом изложении археологических памятников, которые изучаются специалистами по истории искусства. Смею надеяться, что мое изложение исторических судеб Византии, основанное почти исключительно на литературном материале, дошедшем до нас от древности, имеет свое право на существование и может оказаться полезным»[3]. Нельзя не согласиться с резонностью такого ответа.

В связи с благожелательной оценкой западных ученых хочется обратить внимание на одну любопытную особенность.

На первый том с довольно резкой критикой обрушился А. А. Васильев, на второй — П. В. Безобразов, которые к моменту выхода этих книг занимались — и довольно плодотворно — частными вопросами истории Византии, продолжая традицию, тон которой задал академик В. Г. Васильевский.

А. А. Васильев почему-то только в 1917 г. смог выпустить в свет первый том «Лекций по истории Византии», П. В. Безобразов — кроме безусловно изящных (хотя и подвергавшихся некоторому методологическому порицанию со стороны византинистов) «Очерков византийской культуры» (1919), магистерской диссертации о Михаиле Пселле[4] да нескольких публикаций в «Византийском временнике», почти ничего значительного в области византиноведения не оставил (имел ли он моральное право на суровую критику трудов Кулаковского, если сам не был на создание таковых способен, — другой вопрос).

Почему же академик Ф. И. Успенский, «по слухам» готовивший в течение четверти века общую историю Византии и только в 1913 г. выпустивший ее первый том, как и Кулаковский, доведя его до 717 г., до «иконоборческого» времени, — никак не откликнулся на выход в свет трехтомника Юлиана Кулаковского? Не потому ли, что не знал, с какой стороны ему следует ждать критики в собственный адрес? В предисловии к первому тому «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенский пишет, что он не конкурирует и не пытается заменить «изданные истории Византии», однако питает «заветную мысль дать соотечественникам цельную систему в такой области, которую счита[ет] наиболее важной после отечественной истории»[5]. Поскольку никаких иных «историй Византии», кроме «Истории Византии» Юлиана Кулаковского, к 1912 г. в России издано не было, Успенский имеет в виду, конечно, труд Кулаковского. Ф. И. Успенский — единственный из российских византинистов — оказался наиболее тактичным и толерантным «критиком» в оценке труда Юлиана Андреевича: мог ведь обратить «пристальное» внимание и найти слово порицания, но не сделал этого, понимающе промолчав.

Невольно приходит на ум эпизод из времен Юлиана Отступника. Когда Тертулл, префект Рима, читал в курии посланную Юлианом в сенат обличительную речь против императора Констанция, высшая знать выразила свое благородство, а уж потом и верность императору в ставшей знаменитою фразе: «Auctori tuo reverentiam rogamus» — «Предлагаем [Юлиану] с уважением говорить о своем благодетеле»[6]. Ни в коей мере не проводя параллель между Федором Успенским и римским сенатом (и тем более — между Юлианом Кулаковским и императором Констанцием), хотелось бы обратить внимание читателя на научное благородство почтенного академика. Успенский доподлинно знал, какого труда стоит написать «общую историю Византии». И гораздо корректнее и честнее, нежели объемистые рецензии Васильева и Безобразова, звучит фраза Успенского: «Что же касается практической постановки изучения Византии и популяризации византийской истории среди большой публики, в этом отношении сделано весьма мало. И трудно ожидать, чтобы в ближайшем будущем изменились к лучшему неблагоприятные обстоятельства. У нас нет научной византийской школы и, по-видимому, глохнут и византийские традиции»[7]. «Мы, — продолжает ученый, — отправляемся в

---

[1] *Курбатов Г. Л.* История Византии: Историография. Л., 1975. С. 228-229.

[2] См.: *Brehier L.* L’Histoire de Byzance; Julien Kulakovskij. Istoriia Vizantij. T. 1 (395—518). Kiev, Kulijenko, 1910// Journal des Savants: Publié sous les auspices de 1’Institut de France (Academie des inscriptions et bellet-letters). Paris: Libraire Hachette et Cie, 1912. Mars. P. 79-108; см. также: Byzantinische Zeitschrift. 1912. Bd. XXI. S. 248-253.

[3] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 1. С. 5.

[4] См. новейшее переиздание: *Две книги о Михаиле Пселле: Безобразов П. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: Личность и творчество. СПб., 2001. С. 11-182.

[5] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи: [В 3-х т.] М., 1996. Т. 1. С. 6.

[6] *Аммиан Марцеллин* XXI 10, 7 / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского.

[7] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 1. С. 41.

изложении византийской истории не от определенной даты, а от истории образующих византинизм составных элементов»[1]. Эта задача намного отличалась от той, которую ставил перед собой Кулаковский, но от этого услуга, оказанная последним российскому византиноведению, согласитесь, меньше не становится.

И еще. Если брать смелость *качественного,* содержательного сопоставления «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского и «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского (а такое сопоставление, вероятно, совершить необходимо), невольно посещает желание соизмерить первый труд (вслед за П. В. Безобразовым) с *хроникой,* с историями Феофилакта Симокатты или Малалы, в то время как второй — с добротной *исследовательской монографией* об этих хрониках. Оба труда с их тематической стороны посвящены одному и тому же, но книга Кулаковского — хроника византийских событий (до начала VIII в.), ярко и образно написанная, не лишенная, конечно, недосмотров, недочетов и даже «лжетолкований» (как всякая хроника), а книга Успенского — научная монографическая работа, с одной стороны, как бы учитывающая негативные стороны работы Кулаковского (благо том «Истории...» Успенского вышел в свет, когда «История...» Кулаковского насчитывала уже два тома), с другой, — всячески избегающая хроникальности изложения, но так и не могущая до конца от нее избавиться. Тем эти «Истории...» разнятся, что взаимно дополняют друг друга, — и то, что присутствует в одной, подвергнуто тщательному разбору в другой — на ином уровне и в иной научной манере. С этой точки зрения трехтомник Ю. А. Кулаковского не что иное, как *последняя византийская хроника,* созданная через несколько веков после того, как Константинополь перестал быть Константинополем, а Ромейская империя стала называться «Византией»[2], «расположившись» на турецкой территории. Потому критерии ее оценки тоже должны быть специфическими, то есть — хроникальными.

«Византийская хроника» Юлиана Кулаковского уникальна, другой такой в русской науке нет. Многотомник Федора Успенского, включая также позднейшие, посмертно вышедшие «Очерки из истории Трапезундской империи» (*Л.*, 1929), — *первая* современная монография о византийской культуре и истории[3].

На второй и третий тома «Истории...» Кулаковского, кроме А. А. Васильева и П. В. Безобразова, отозвался также профессор Казанского университета С. П. Шестаков. Две доброжелательные рецензии, в которых основное внимание было уделено полезному указанию неточностей и опечаток, появились в «Журнале Министерства народного просвещения»[4].

В рецензии С. П. Шестакова на второй том «Истории...» отмечается, что рецензент считает долгом «после тщательного ознакомления с нею, признать в ней труд весьма ценный и солидный, который выиграл бы еще более, если бы автор внес в него, в некоторых местах, изложение своих общих взглядов на некоторые специальные вопросы византийской истории и их обработку в ученой литературе. Не сомневаемся, что обильный материал, особенно по истории внешних отношений империи, также религиозной ее жизни, содержащийся в обширных томах *Истории Византии,* будет не раз использован позднейшими исследователями в этой области. Пожелаем уважаемому автору той неутомимой бодрости в продолжении его обширного труда, с

---

[1] Там же. С. 42.

[2] По Ф. И. Успенскому, «наименование Восточной Римской империи Византийскою империей в средние века, в особенности со времени восстановления Карлом Великим (800 г.) Западной Римской империи, возбуждает сомнения и возражения как со стороны реального смысла этого термина, так и со стороны хронологической. Известно, что сами обитатели Византийской империи не называли себя ни римлянами, ни эллинами, ни греками, а ромеями, так что Византийская империя официально носила наименование Ромейской». (*Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 1. С. 35.). По А. А. Белецкому, название «Византийская империя» или просто «Византия» принадлежит позднейшему времени, но настолько уже укоренилось в научной литературе, что бессмысленно было бы от него отказываться. (См. Белецкий А. А. Проблема греческого языка византийской эпохи //Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 191). «По старой традиции это государство сохранило имя державы римлян, βασιλεία τῶν Ῥωμαίων, и удержало в своем единстве области латинской культуры на территории Италии и островах западной половины Средиземного моря», — писал Кулаковский, характеризуя время императора Ираклия (Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3. С. 311). «Византия — искусственное, изобретенное историками название», — пишет А. П. Каждан (Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. СПб.,2002. С. 11).

[3] К тому же, напомню, — в 20-е гг. А. А. Васильеву удалось выпустить в трех частях в издательстве «Academia» продолжение своих византийских лекций 1917 года: вып. 1 — «Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081-1185 гг.) и Ангелов (1185-1204 гг.)» (Пг,, 1923. 120 с.); вып. 2 — «Латинское владычество на Востоке: Эпоха Никейской и Латинской империй (1204-1261 гг.)» (Пг., 1923. 76 с.); вып. 3 — «Падение Византии: Эпоха Палеологов (1261-1453 гг.)» (Пг., 1925. 144 с.). В эмиграции А. А. Васильев неоднократно выпускал курс византийской истории на разных языках, который во втором американском издании получил качество полнокровной монографии («History of the Byzantine Empire (324-1453)», Madison, 1952).

[4] Потому странновато выглядит утверждение А. Г. Грушевого, что «на третий том... рецензий уже не было, что объясняется (! — *А. П.)* целым рядом причин. Во-первых, это уже были годы Первой мировой войны. Во-вторых, здесь немалую роль сыграла и участь «Византийского временника»... Уход В. Э. Регеля... со своего поста как раз в годы войны... привел — в условиях военного времени — к быстрому упадку издания» (*Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 443). Создается впечатление, будто на Василии Эдуардовиче и «Византийском временнике» свет клином сошелся. Во время войны продолжали выходить многие научные журналы, в том числе «Журнал Министерства народного просвещения».

какою он обработал и издал два первые его тома»[1]. В рецензии на третий том — та же благосклонная интонация: «В несомненную заслугу автору этого обширного труда по истории Византии должно поставить самостоятельное изучение, проверку и оценку источников как летописных, так и агиографических, церковно-исторических, юридических, как греческих, так и западных и восточных»[2]. И далее, в заключение: «Общее впечатление, какое оставляет у нас книга, впечатление большого и серьезного ученого труда, который внушает уверенность, что и последующие томы *Истории Византии* способны будут служить путеводной звездой в трудной области источниковедения по этому предмету и будут основаны на том же прочном материале, на котором зиждутся ее первые три тома. Такой характер труда придает ему самостоятельное и важное значение в ряду других капитальных общих и частных пособий по византийской истории. Сопоставляя третий том с первыми двумя, нельзя не признать, что качества основательности и полноты знакомства с источниками разнообразного происхождения и разнообразных свойств делают его в особенности удачным. Пусть же русская историческая наука продолжает обогащаться новыми томами *Истории Византии* в почет ей и автору, в пример неслабеющего с летами увлечения наукой и трудовой энергии для младших поколений»[3]. Ныне стоит утверждать, что предсказания С. П. Шестакова сбываются, тому подтверждение — новое переиздание трехтомника для «младших поколений». По научному духу отзывы С. П. Шестакова, конечно, ни в какое сравнение не идут с теми, которыми почтили «Историю Византии» А. А. Васильев и П. В. Безобразов. Следует заметить также, что и сам Сергей Петрович трудился над составлением истории Византии (в лекционном жанре): в 1915 г. появился первый том его «Лекций по истории Византии», обнимающий время с 395 по 800 год. Том второй (с 800 по 1081 г.) и третий (с 1081 по 1261 г.), как указывал Ю. А. Иванов в 1926 г., «совершенно законченные... лежат у него в рукописи уже около 10 лет»[4].

И если А. А. Васильев позже раскаивался, что дал слишком резкую рецензию, а памфлет П. В. Безобразова (исключая указания на неточности и ошибки) может быть частично выпущен из внимания в силу внутренней противоречивости, — остается признать, что в целом труд Юлиана Кулаковского, столь удививший русский византиноведческий мир, был принят благосклонно. Да к тому же сам Васильев не слишком далеко ушел в собственных штудиях истории Византии от той описательности, каковая им была столь настойчиво инкриминирована Кулаковскому: «Являясь по существу последним представителем русской дореволюционной школы византиноведения, Васильев в то же время отошел от многих достижений представителей этой школы в области методологии. Для него, например, характерно отсутствие какого бы то ни было интереса к социально-экономической тематике, столь ярко выраженного у его предшественников, пристрастие к описательности и т. д.», — указывал И. П. Медведев[5]... Может, потому Васильев изменил мнение о труде Кулаковского, выраженное в его «Лекциях...», что сам недалеко ушел в изложении византийской истории от описательности, и так же как Юлиан Андреевич, избегал проблемных моментов, которые им либо только называются, отодвигаясь на второй план, либо описываются внешне.

Завершая наш обзор рецензий на трехтомник «Истории Византии», остановимся на некоторых хронологических подробностях.

Как известно, предисловия к большинству книг (вплоть до конца 30-х гг.) писались в последнюю очередь, — когда основной текст был уже набран и вычитан в корректуре. Именно потому в преимущественном большинстве изданий в отношении введений и предисловий (включая титульную страницу и оглавление) была принята практика пагинации их римскими цифрами. В российских типографиях это было делом общеупотребительным. Так, предисловие к первому изданию первого тома «Истории Византии» было датировано 11 мая 1910 г., как пометил Кулаковский, — в день Natalicium Novae Romae, «подарок к дню рождения Нового Рима», Константинополя (330 год). Предисловие ко второму изданию этого тома — 15 февраля 1913 г. «Первый том моей *Истории Византии*, — указывал автор, — разошелся в первый же год после выхода в свет. Это обстоятельство дало мне смелость подумать
о втором издании, которое являлось для меня весьма желательным, потому что налагало на меня обязанность тщательно пересмотреть свой текст и устранить из него те погрешности и недочеты изложения, а кое-где и прямые ошибки, какие в нем оказались. За указание некоторых из них я должен принести благодарность моим рецензентам, другие нашел я сам после издания моей книги». Здесь же Юлиан Андреевич выражает благодарность «за некоторые добрые указания и советы... уважаемым коллегам профессорам П. К. Коковцову, С. П. Шестакову, И. Г. Турцевичу и Б. В. Варнеке»[6]. Первое издание 1996 г., предпринятое издательством «Алетейя», «Алетейя», тоже быстро исчезло с книжных прилавков.

---

[1] *Шестаков С. П.* Проф. Ю. А. Кулаковский. История Византии. Т. 2. Киев, 1912// Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Январь. Отд. второй. С. 145.

[2] *Шестаков С. П.* Ю. А. Кулаковский. История Византии. Т. 3. Киев, 1915//Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Июнь. Отд. второй. С. 255.

[3] Там же. С. 274-275.

[4] *Иванов Ю. А.* Профессор С. П. Шестаков (К 40-летию ученой деятельности) // Византийский временник. 1926. Т. XXIV (1923-1926 гг.). С. 94.

[5] Медведев И. П. Васильев // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / Отв. Ред. В. А. Дьяков М., 1979. С. 93.

[6] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 1. С. 5.

Ко второму тому «Истории...» Кулаковский, как бы отвечая на замечания рецензентов, предпосылает 8-го ноября 1911г. такое вступление: «Выпуская ныне в свет второй том *Истории Византии*, позволяю себе предварить читателя, что я, как и в первом томе, старался дать по возможности полную и цельную картину последовательного хода судеб государства на основании непосредственного изучения материала источников»[1]. Предисловие к третьему тому, подписанное 1-м апреля 1915 г. (когда Юлиан Андреевич овдовел[2]), начинается аналогично: «Как продолжение начатого труда, этот том обработан по тому же плану, как два предшествующие: моей целью было представить последовательную, точную в хронологическом отношении и по возможности полную картину жизни империи на основании непосредственного изучения свидетельств источников на уровне современной разработки материала, как она дана в монографиях, относящихся к этому периоду, а также в многочисленных исследованиях по отдельным частным вопросам»[3]. Пожалуй, только в последнем томе Ю. А. Кулаковский дает себе труд точно сформулировать задачу работы, чего он не сделал — по неясным причинам — в предыдущих томах.

Расходы по изданию трехтомника в значительной степени принял на себя Императорский университет св. Владимира, причем в отношении первого тома — полностью, в отношении последующих — на две трети. Вероятно, покрытие типографских расходов на оставшуюся треть, как это имело место и с переводом «Res gestae» Аммиана Марцеллина, Кулаковский осуществлял из своего кармана, благо профессорский доход вполне это позволял.

О судьбе рукописи четвертого тома, на существовании которой настаивали многие, интересное замечание находим в примечаниях А. Г. Грушевого к первому тому переиздания «Истории Византийской империи» А. А. Васильева. Грушевой пишет, что «в соответствующем месте исходной русской версии [Лекции по истории Византии. Пг., 1917. Т. 1. С. 253] есть несколько слов, очень важных для истории науки. А. А. Васильев в 1917 году писал о выходе четвертого тома "Истории Византии" Ю. А. Кулаковского как о само собой разумеющемся событии: "Не вышедшие еще второй том *Истории* Ф. И. Успенского и четвертый том Ю. А. Кулаковского должны будут начинаться именно с эпохи императоров-иконоборцев". Сопоставление в этой фразе вероятности появления очередных томов сочинений Ф. И. Успенского и Ю. А. Кулаковского может свидетельствовать, что Кулаковский не просто намеревался написать четвертый том своей истории, но и в какой-то мере пытался этот проект осуществить. Как известно, обобщающая работа Ю. А. Кулаковского в своем воплощенном варианте состоит из трех томов. В то же время известно, что первая половина второго тома "Истории Византийской империи" Ф. И. Успенского была в конце концов опубликована в 1927 году. Приходится признать, что это, видимо, единственное свидетельство современника о научных планах и намерениях Кулаковского. К сожалению, проверить сообщение Васильева практически невозможно, ибо архив Кулаковского не обнаружен»[4]. Если вспомнить сообщение А. И. Соболевского в некрологе Кулаковского о работе над четвертым томом, то действительно, свидетельства на этом иссякают. Однако надежда на обнаружение рукописи (ведь «рукописи не горят») не должна быть оставлена: по непроверенным данным, рукопись этого тома в 1921 г. была вывезена старшим сыном Юлиана Андреевича — С. Ю. Кулаковским — в Варшаву и может храниться в архиве Варшавского университета.

На этом остановим изложение истории создания «Истории Византии», оговорив, что, читая в университете курс истории Византии (скажем, в весеннем семестре 1916 г.), Юлиан Андреевич рекомендовал свой труд вниманию студентов в качестве пособия. Не стремясь к апологетике сделанного Кулаковским в «Истории Византии», положа руку на сердце, заметим, что сочинение этого труда было для Юлиана Андреевича своего рода шагом назад по сравнению с блестящими по методологии работами по истории Рима (кандидатской, магистерской и особенно докторской диссертациями). Понятно, что одному человеку вообще трудно за короткое время написать (от руки!) тысячи ярких страниц какой-либо хроники или летописи. Это тем более приходится признать верным, если речь заходит о хронике византийской истории. Среди этих тысяч страниц наверняка попадутся в литературном отношении страницы серые, проходные, невыразительные. Есть они и в сочинении Кулаковского: с трудом иногда пробираешься сквозь перечисление имен и событий, на которых нет акцента.

Если в книжке «Прошлое Тавриды» (1906 г., 2-е изд. — 1914 г.) Кулаковский, следуя традиции составления исторических хроник, только наметил методику связного хронологического изучения древностей локальной территории — Крыма, — то в «Истории Византии» он первым в России дал образец такого труда, в котором

---

[1] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. С. 13.

[2] На памятном листе третьего тома «Истории Византии» Кулаковский оставил посвящение: «Светлой памяти дорогой спутницы моей жизни Любови Николаевны (+ 15 декабря 1914 г.)» (с. V). Л. Н. Кулаковская (урожд. Рубцова) скончалась в Киеве от рака матки; похоронена в Вильне (соврем. Вильнюс).

[3] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 3. С. VII.

[4] *Васильев А. А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 361-362 (примечание научного редактора). А. Г. Грушевой не вполне точен в формулировках. Например, в заключении переизданного третьего тома «Истории Византии» он указывает, что «тут же [в 1910-х гг.] выходят *несколько дополнительных изданий* (курсив наш. — *А. П.*), доработанных и исправленных автором», в то время как известно, что вторым изданием вышел только первый том (весна 1913 г.).

[4] Юлиан Андреевич среди прочего огорчился, когда А. А. Васильев в рецензии на первый том «Истории Византии» назвал его мини-монографии 1890-х гг. по частным вопросам «небольшими статьями».

история неродного ему государства получила целостный портрет начальной поры существования.

От «малых произведений»[1], через опыт обобщения, представленный «Прошлым Тавриды», Юлиан Андреевич принялся за многотомную «Историю Византии» и, сам того не ведая, стал в один ряд с крупнейшими хронистами и летописцами, не только переняв, но развив и приспособив к собственному научному перу их метод изложения[2]. Если к началу XX в. этот метод представлялся устаревшим, то в этом менее всего вина Юлиана Андреевича, который стремился «объять необъятное» и тем самым подготовить почву для дальнейшего кропотливого изучения обобщенных им данных. Применяя строительный термин, Кулаковский первым возвел «коробку» того здания истории Византии, заниматься отделкой фасадов и интерьера которого было завещано его последователям. И если в некотором смысле его «История Византии» оказалась несовершенной, ответственность за это лежит не столько на авторе, для которого эта работа была *одной из многих*, коим он посвящал ученый досуг, сколько на ситуации, когда университетский профессор вынужден был и черновую, и чистовую работу выполнять в одиночку, не дожидаясь чьей-то помощи и не требуя ее. В платных помощниках у него состоял только переписчик (современная машинистка).

Как остроумно заметил Г. Ч. Гусейнов, историки, как правило, интересуются двумя вещами: властью и войнами. «Трудно представить две более неинтересные сферы человеческого существования, но на то они и историки. Сотни страниц исписал Фукидид, сотни страниц исписал Геродот и — ну ни одного лица вблизи. Все какие-то «собрал», «двинул», «избежал сражения», «сказал послам», и никогда — «зябко поежился», « сладко зевнул», «отошел в сторону и стал стряхивать песок с влажных от пота сандалий». Что толку, что через несколько столетий другие начнут лихорадочно исправлять положение»[3]. Кулаковский, по-видимому, был историком не вполне: филология (как любовь к слову) у него все-таки находилась на первом плане, и к историческому факту он подбирается с филологической стороны, сквозь слово, а не сквозь событие.

Его первое ученое движение — от листа бумаги, на которой в военной выправке латинских тропов выстроились слова, а не от собрания анекдотических рассказов, наперебой будоражащих фантазию и принуждающих соразмерять один рассказ с другим. Кулаковского интересует и глина, и горшечник (и сандалия, и след ее), но глина, пожалуй, в первую очередь. По тому, сколь внимательно вчитывался Юлиан Андреевич в Иордана или Малалу, можно заключить, что сначала он получал филологическое удовольствие от текста, затем — удовольствие историческое. Находя несуразности в сообщениях древних хронистов, Кулаковский радовался находке не меньше, чем открытию скифских курганов. Так, в журнале «Филологическое обозрение» были отведены специальные страницы, на которых русские филологи-классики предлагали свои конъектуры к тому или иному фрагменту изданного немцами классического автора (особенно в этом отношении были упорны Г. Э. Зенгер, Ф. Е. Корш, А. И. Сонни): одна-полторы странички занимательных экзегетических рассуждений о каком-нибудь спорно прочитанном и изданном слове у Катулла и Горация, Аристофана и Пиндара. Этим сейчас может восхититься всего несколько человек. Не думаю, что в конце XIX в. их число было значительнее.

Люди науки получали удовольствие от слова, вглядываясь в лица тех, кто его произносил. Всматриваясь в него, разглядывая контекст, наши комментаторы восстанавливают портрет древнего автора — если не физиогномически, то литературно. Юлиан Кулаковский, вчитываясь в тексты хроник и свидетельств, тоже портретировал их авторов. «И выплывает из океана слова / Метафоры ожившей материк» (Бенедикт Лившиц).

Читатель, знакомясь с «Историей Византии», не раз, пожалуй, поймает себя на мысли, что он разглядывает ближний план исторического кадра. Ю. А. Кулаковский, как умелый кинооператор (хотя в его время синематограф пребывал в стадии организации[4]), то «наезжает» на объект, то «отъезжает», показывая то вблизи, то в отдаленье литературно изображаемое им событие. Нужно честно признать, делает он это мастерски: вспомним хотя бы описание казни кровожадным императором Фокой семьи императора Маврикия[5] или казнь самого Фоки императором Ираклием[6]; это не описание, это — киносценарий.

Одинаково удачно и с правильно наведенной резкостью получаются у Юлиана Андреевича и широкие героические панорамы, и камерный жанр частной беседы. Такие способности могли быть даны только незаурядному автору. Вероятно, Кулаковский понимал, что отличие живого организма, действовавшего в пространстве истории, от материальной вещи, подлежащей научному описанию, заключается в том, что время — четвертая координата — в первом случае оказывается имманентным объекту и есть основание его бытия; во втором случае оно трансцендентно ему, поскольку дано как таковое, то есть дано вышедшим из породившего его потока. На противоположении этих двух данностей и возводит Кулаковский свое здание византийской историографии. И если я выше осмелился квалифицировать это как «шаг назад», то лишь с точки зрения

---

[1] Юлиан Андреевич среди прочего огорчился, когда А. А. Васильев в рецензии на первый том «Истории Византии» назвал его мини-монографии 1890-х гг. по частным вопросам «небольшими статьями».

[2] Изложение в первых главах «Прошлого Тавриды», как позже и в «Истории Византии», ведется им по царствованиям.

[3] *Гусейнов Г. Ч.* Аристофан. М., 1988. С. 144.

[4] Например, только в мае 1911 г. министром внутренних дел были утверждены «Нормальные правила по устройству и содержанию театров-кинематографов», а к 1914 году в Киеве функционировало уже 37 кинотеатров!

[5] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. С. 389-397.

[6] Там же. Т. 3. С. 26.

ранних работ Кулаковского, в которых модернизм, характерный для современной ему науки, был сведен им к минимуму. Антимодернизм работ Кулаковского о Риме был преодолен им в модернизме составления византийской хроники: это и вправду неслыханное дело и известный «шаг назад» по отношению к выработанному Кулаковским ранее научному методу.

Историцизм мышления Кулаковского и система государственного устройства Византийской империи оказались совмещенными в самых глубинных своих основаниях, что позволяет говорить о некой имманентной предзаданности Кулаковскому византийской истории. Эта предзаданность, правда, выкристаллизовалась в рамках того метода, при помощи которого ученый исследовал явления древности, — сравнительно-исторического. Публикуя надписи, занимаясь вопросами древнеримской истории (статусом римских ветеранов, деятельностью коллегий или происхождением Рима), Кулаковский всюду проводит параллели, сопоставляя, казалось бы, далеко лежащие друг от друга вещи. Тем же самым способом он сопоставляет между собой свидетельства ромейских хронистов, выдвигая нечто среднее, свое — историко-ситуативную интерполяцию, которая затем отливается в самостоятельный текст собственной хроники. Конечно, такой метод предполагает не только приобретения в качестве, но и утраты в количестве, в подробностях. Именно потому хроника Кулаковского, пожалуй, менее совершенна, нежели порознь взятые исторические сочинения самих византийских летописцев. Однако в этом заключается и сильная сторона его грандиозного научного предприятия: отбрасывая второстепенное, Кулаковский сосредоточивает внимание на «первом» и «втором» планах исторического события, оставляя «третий» план за хрониками. Поэтому нельзя сказать, что ученый «снял сливки» с сообщений Иоанна Малалы, Феофилакта Симокатты или Павла Кодина, — он сделал большее. Сочинив свою версию развития Византийской империи, Юлиан Андреевич оставил «камень на камне» в построениях византийских хронистов, не позволил своему тексту быть столь же занимательным, как тексты Средневековья.

В книге Кулаковского есть собственные и поэтика, и риторика, отличные от литературных темпераций древних авторов. В этом его труд, конечно, выигрывает по сравнению с сочинениями далеких предшественников. Пожалуй, если с чем-то и сопоставлять сочинение Кулаковского, то стоит сопоставлять его не с последовавшими за ним «Историями Византии» (или выходившими из-под пера его современников), но с трудами предшественников в лице тех авторов ромейской историографии, сведения которых он вызвался обобщить. Не вперед, в будущее, устремлена его книга, но назад, в прошлое, к истокам. Но именно ныне, в нашем с вами «будущем Кулаковского» его труд занимает столь важное место. Он сам проговорился о своих надеждах в предисловии к первому тому: не в последнем слове современника, но в первом слове древнего автора нужно искать истину. Кулаковский сам пользуется этой установкой, и у нас нет оснований ему не верить, требуя следования иным установкам, как делали это рецензенты его труда.

II. ЮЛИАН КУЛАКОВСКИЙ ВРЕМЕНИ «ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ»

С начала 1910-х гг. можно наблюдать постепенное «отступление» Кулаковского от активного участия в университетской жизни, хотя он остается членом Совета Университета св. Владимира и даже в 1910 г. входит в состав профессорского дисциплинарного суда, от членства в котором на 1911-й год он отказывается. Однако стоит обратиться к обходным листам протоколов заседаний Совета университета за 1910-1916 годы, чтобы убедиться, что Кулаковского все меньше занимают общественные вопросы. Это объясняется, несомненно, его активными занятиями «Историей Византии», а может, и некоторым, с годами пришедшим пониманием того, что в жизни есть вещи более значимые, нежели узкоактуальная во времени так называемая «общественная деятельность». Он, вероятно, почти болезненно ощутил, что его деятельность sub specie aeternitatis — нечто не вполне совместимое с «точкой зрения вечности» на российскую государственную действительность его времени

1910-е гг. были для университетской жизни социально чрезвычайно напряженными и менее всего подходящими для научной работы. Да и события связанные с визитом в Киев государя императора Николая II и убийство премьер-министра Российской империи, статс-секретаря П. А. Столыпина[1] надежду на прогресс в данном смысле не стимулировали. Первая мировая война с 1914 г. выбила университет из привычного жизненного ритма (вынудив эвакуироваться на 1915-1916 годы в Саратов), который к тому же становился все более неустойчивым, революционным. С. Ю. Витте в ответе, опубликованном в январской книжке журнала «Огонек» за 1910 г., на вопрос: «Какие благопожелания шлете вы России на 1910 год?» ответил: «Чтобы все верноподданные Государя Императора познали за непреложную истину, что государство жить здоровою жизнью на ниве взаимной ненависти не может». Василий Васильевич Розанов пожелал: «Побольше хлеба и

[1] Государю императору Николаю II профессорами Университета была направлена всеподданнейшая телеграмма: «Светлый праздник пребывания Вашего Императорского Величества с Августейшим семейством в нашем славном старом Киеве, давно для нас желанный, ознаменовался радостным единением царя с народом. Но преступный злодей, покусившийся на дорогую для России жизнь Вашего верного слуги, омрачила нашу радость, и клики восторга сменились стонами ужаса, воплями горя негодования. Вознеся в нашем храме молитвы о здравии болящего, мы, профессора Императорского университета св. Владимира, повергаем к стопам Вашего Императорского Величества чувства нашей беззаветной любви и верноподданнической преданности» (Государственный архив города Киева. Ф. 16. Оп. 446. Ед. хр. 174. Л. 186. Автограф ректора университета, проф. Н. М. Цытовича). Петр Аркадьевич Столыпин скончался 5-го сентября 1911 г. в киевской клинике С. С. Маковского, похоронен у стен Трапезной палаты Киево-Печерской Успенской Успенской лавры.

поменьше крови».

10-го ноября 1910 г. умирает Лев Толстой. В заседании Исторического общества Нестора Летописца 14 ноября Ю. А. Кулаковский как председатель Общества выступает с речью, посвященной памяти писателя. С этого времени биографические данные о Кулаковском почти полностью сраствореныс судьбой Университета. С 21 -го сентября по 5-е октября 1910 г. он командирован в Германию для участия в праздновании 100-летнего юбилея Берлинского университета, 7-го февраля 1911 г. распоряжением министра императорского двора и уделов барона В. Б. Фредерикса Кулаковский назначается сверхштатным членом Императорской Археологической комиссии, летом председательствует в работе приемной комиссии Казанского университета.

1911 год ознаменован, надеюсь, долгожданным для Ю. А. Кулаковского выходом в свет юбилейного сборника в честь тридцатилетия его научно-педагогической деятельности, исполнившегося намного раньше — 1 июля 1906 г. Хлопоты по подготовке этого издания принял на себя академик Н. П. Дашкевич, который из-за продолжительной болезни и смерти (в феврале 1908 г.) не смог довести его до завершения. Содержание сборника «*Serta Borysthenica*» (приблизительный русский перевод — «*Днепровское ожерелье*»), напечатанного в киевской типографии Т. Г. Мейнандера, красноречиво свидетельствует об оценке коллегами места, занимаемого Юлианом Андреевичем в русской историко-филологической и археологической науке: «Посвятив себя всецело служению науке и университету, Юлиан Андреевич снискал глубокое уважение многочисленными трудами в области истории и археологии и плодотворной работой на преподавательском поприще. В ознаменование упомянутого тридцатилетия друзья, товарищи и ученики юбиляра решили составить сборник, украшенный его именем. К сожалению, печатание растянулось на несколько лет; главною причиной тому была смерть академика Н. П. Дашкевича: инициатор издания, воодушевлявший всех участников, он не успел довести его до конца. Выпуская в свет настоящую книгу, составители счастливы, что могут, наконец, представить почтенному ученому скромное доказательство тех чувств глубокого уважения и признательности, которыми они вдохновлялись при осуществлении своего намерения», — сказано во вступительном слове, открывающем сборник[1]. На сборник последовала благожелательная рецензия одного из его авторов, Б. В. Варнеке, начинавшаяся словами: «Среди профессоров Университета св. Владимира за последние годы установился весьма почтенный обычай чествовать юбилеи своих именитых сотоварищей изданием особых сборников посвященных им статей. Так, за это последнее десятилетие появились в Киеве сборники в честь Н. П. Дашкевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, Т. Д. Флоринского. Подготовлялся сборник в честь почившего историка В. Б. Антоновича. Такой же способ чествования был избран и по случаю исполнившегося 1 июля 1906 г. тридцатилетия ученой и преподавательской деятельности заслуженного ординарного профессора по кафедре классической филологии Ю. А. Кулаковского, причем все труды по привлечению участников и редактированию сборника принял на себя проф. *Н. П. Дашкевич*, но продолжительная болезнь, а затем и кончина помешали ему довести это издание до благополучного конца, почему печатание сборника затянулось на целых пять лет. Но эти задержки нисколько не отразились на внешности издания, выполненного чрезвычайно изящно и украшенного прекрасным портретом юбиляра»[2]. Этот действительно удачный, литографированным способом напечатанный портрет Юлиана Андреевича — одно из немногих качественных изображений ученого.

В осеннем полугодии 1911 г. Кулаковский читал курс лекций по Тацитовым «Анналам» (4 часа в неделю) — предмет, обязательный для студентов всех отделений и специальностей, в осеннем полугодии 1912г. — курс истории римских древностей (4 часа) и — для младших студентов классического отделения — спецкурс по интерпретации речи Цицерона «Pro Milone» с переводом с русского на латынь (по 2 часа). Весной 1914 г. Юлиан Андреевич исполняет обязанности декана историко-филологического факультета (деканом был тогда профессор всеобщей истории Н. М. Бубнов), в осеннем полугодии читал курс истории римской литературы (4 часа), весной 1915-го — историю римских древностей, осенью 1915-го — вновь «Анналы» Тацита, весною 1916-го — историю Византии (по 4 часа). Жалованье Ю. А. Кулаковского, начиная с 1906 г., составляло, как уже указывалось, 4200 рублей в год — сумма по тем временам значительная.

Наряду с этими обязанностями в 1910-х гг. Кулаковский состоит членом Библиотечной комиссии университета, работавшей под председательством проф. Т. Д. Флоринского, и членом редакционного комитета «Университетских известий», численный состав которых был незначителен[3].

В конце декабря 1911 г. Ю. А. Кулаковский вместе с профессором университета А. И. Сонни (1861-1922) командируется в Санкт-Петербург на съезд преподавателей древних языков.

В августе-сентябре 1912 г. Юлиан Андреевич — в Лейдене, где участвует в работе IV Международного конгресса историков как делегат от России[4]. 1-го января 1913 г. он всемилостивейше пожалован орденом св.

---

[1] Serta Borysthenica: Сборник в честь заслуженного профессора Императорского университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. К., 1911. С. I. Смею выразить предположение, что автором этого слова был декан историко-филологического факультета университета, давний друг Кулаковского — Т. Д. Флоринский (1854-1919).

[2] Б. В. [*Варнеке Б. В.*] Serta Borysthenica: Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. К., 1911. // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Октябрь. Отд. Второй. С. 367.

[3] См.: Личный состав Императорского университета св. Владимира к 1 июля 1910 года. К., 1911. С. 4. С тех пор списки университетских преподавателей и служащих не публиковались.

[4] Послужной список Юлиана Андреевича Кулаковского // Государственный архив города Киева. Ф. 16. Оп. 465. Ед. хр. 4792. II. 30 об.

Станислава 1-й степени (вносит в Капитул орденов Российских положенные по статуту ордена 120 руб.).

К весне 1914 года относится выход в свет второго издания книги «Прошлое Тавриды», предисловие к которому датировано24марта.В рецензии на нее А. С. Башкиров указывал: «Очерк, предназначенный для ознакомления широкой публики с историческими судьбами Тавриды, превосходно выполнил свое назначение, и едва ли кто из интересующихся прошлым Тавриды минует этот содержательный очерк, полный сжатыми историческими фактами из жизни очень многих разноплеменных, разнокультурных, разнохарактерных народов... Только бесстрастная история с высоты своего величия холодно завершает оценку событий, не слыша при этом ни стонов тысяч раненых, ни клича победителей, ни скрежета зубовного побежденных. В *Прошлом Тавриды* искусная рука историка нанизала на полутораста страницах не только события Тавриды, близкие к мировой истории, но и местные, подчас, кажется, незначительные, но в корне своем глубоко вытесняющие из общей жизни и характеризующие ее. Читая книгу Ю. А. Кулаковского, чувствуешь, что она написана человеком, убежденным в достоверности каждого утверждаемого им факта с предварительным строго критическим отношением к нему... Очерк пока является незаменимым руководством для начинающих интересоваться прошлым Крыма... В заключение пожелаем, чтобы второе издание *Прошлого Тавриды* как можно скорее разошлось и создало бы потребность, если она уже не созрела, в более обстоятельном и точном очерке по истории не только Крыма, но и по истории всего Юга России»[1]. Воистину, эта восхищенная рецензия — бальзам на раны, нанесенные «воинственными» рецензентами «Истории Византии». Но этот труд в советское время постигла та же участь, что и книгу «К вопросу о начале Рима» и даже «Историю Византии», — упоминаний и ссылок на нее в 1930-1980-х годах нам встретить не посчастливилось. Хотя мы помним, что в 1906 г., откликаясь на первое издание «Прошлого Тавриды», всемирно известный немецкий византинист Карл Крумбахер (прочитавший ее по-русски) утверждал, что эта книга заслуживает быть переведенной на один из западноевропейских языков. Нет надобности говорить, что переиздание «Прошлого Тавриды» ныне представляется не менее желательным, нежели осуществленное переиздание «Истории Византии», в отношении которого А. Г. Грушевой справедливо замечает, что «нынешнее переиздание ярко и талантливо написанной работы позволит вернуть из небытия незаслуженно забытое широкой читающей публикой имя»[2]. «Подводя некоторые итоги, — продолжает А. Г. Грушевой, с которым трудно не согласиться, — хотелось бы сказать, что “История Византии” Ю. А. Кулаковского осталась в истории русской науки произведением уникального жанра. Это своего рода талантливо и ярко написанная историческая летопись первых веков византийской истории и — в отличие от других общих работ этого времени по византинистике — с хорошо ощутимыми политическими симпатиями и антипатиями автора».

На последнем утверждении — на политических взглядах Юлиана Кулаковского — объективности ради остановиться стоит. Однако этот вопрос слишком болезнен, чтобы муссировать его подробно.

Любой человек имеет определенную систему общественных воззрений, выпестованную средой, в которой обретается. Нелегко порой отделаться от чувства, что эти взгляды, так же как и вопросы веры, не должны бы выноситься наружу, подвергаться обсуждению и оценкам; как сказал бы С. С. Аверинцев, — это материал «не для секулярных обсуждений». Политические взгляды — материя столь тонкая, что касаться ее походя не только некорректно, но и, честно говоря, едва ли вообще стоит[3]. Тем более, если на научных трудах политические взгляды автора отражаются не особенно.

Что А. Г. Грушевой, вслед за А. А. Васильевым, находит странным пристрастное благоволение Юлиана Андреевича к деятельности византийских императоров Феодосия II[4] и Анастасия и высокую оценку их деятельности (что выказывает в авторе «патриотически настроенного монархиста»[5]), не удивляет. Правление этих императоров было длительным (Феодосий II правил с 408 по 450 г., Анастасий — с 491 по 518 г.) и — что еще важнее — относительно мирным. Последнее должно бы быть признано в глазах Кулаковского симптоматичным. Византия, на протяжении тысячелетней истории предпринимавшая и вынужденная ввязываться в безумное количество войн, с особым наслаждением должна была переживать периоды мира и спокойствия. И здесь миролюбивая политика Феодосия II и Анастасия больше прочего привлекали Кулаковского, будучи созвучными его собственным — общечеловеческим — воззрениям на ход исторического развития. То, что это без особой коррекции вписывалось в политическую доктрину Российской империи, — было исторической судьбой родины

---

[1] *Башкиров А. С.* Юлиан Кулаковский. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк с 3 картами, 7 рисунками на таблицах и 10 в тексте. Изд. второе, пересмотр. Киев, 1914//Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Февраль. Отд| критики и библиографии. С. 395-403. Нами ведется подготовка к изданию сочинений Ю. А. Кулаковского по истории и археологии Крыма.

[2] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 445.

[3] С. С. Аверинцев: «Когда сегодня иные пишут о мерзости власти и прочее, то я думаю: человек, который это пишет, он что, не понимает, что только уже потому, что он может все это написать и напечатать, ему, быть может, и не стоило бы этого писать?» *(Мурзина М.* Встреча с обыкновенным гением: Сергей Аверинцев: «Ах, мой милый Августин!» // Аргументы и факты. 1998. № 3 (129). С. 3).

[4] Справедливости ради стоит признать, что характеристика деятельности любимого Кулаковским императора Феодосия II из текста «Истории Византии» не вполне очевидна. Ю. А. Кулаковский пишет, что Феодосий был «тихим и кротким царем», но почему-то при этом казнил неугодных направо и налево. Хороша же кротость!

[5] *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский. С. 444.

Юлиана Кулаковского, вскормившей его, давшей возможность провинциальному сироте «выйти в люди» во время тринадцатилетнего мирного правления «императора-миротворца». Упрекать этот строй лишь за то, что он отличался от прочих политических устройств (как хронологически параллельных, так и последующего, ставшего для России трагическим), едва ли есть особый резон.

В связи с попыткой характеристики политических взглядов Юлиана Андреевича хочется процитировать фрагмент его давнего, но очень любопытного письма, адресованного Вере Ивановне Флоринской, супруге Тимофея Флоринского, посланного в 1887 г. из Рима: «Вчера сверх всякого чаяния получил я письмо Веры Ивановны, из которого узнал так много нового о Вашем пребывании среди самого мерзкого славянского народа, сербов. После этого годичного скитания по славянским землям Тимофей Дмитриевич избавится от своего славянского идеализма. Что лучше идеализма! Но политика его не вмещает, а действительность не дает ему почвы. Впрочем, этого *лучше бы не касаться* (курсив наш. — *А. П.).* Прибавлю одно: славяне-юноши и славяне-деятели — это медик-студент и медик-практик. Первый — готовый революционный матерьял, второй — субъект без сердца и без идеалов в погоне за наживой и удовлетворением дурных инстинктов. Так мне всегда казалось, и до сих пор я не встречал фактов, которые бы заставили меня переменить мнение. Другие народы — как немцы, французы, англичане — имеют старую культуру и бесконечно выше славян по духовному запасу, ею накопленному. Славяне настолько плохи, что из них нельзя даже сделать матерьяла для проведения политических и культурных идеалов, которые в силах создать для них мы *с нашим могучим отечеством* (курсив наш. — *А. П.).* Совсем не собирался говорить о политике. Но не хочу начинать сначала и бросать написанного. Надеюсь, ни Вы, ни Тимофей Дмитриевич не рассердитесь за эти замечания, а в худшем случае — оставьте их без внимания»[1]. Славянин пишет славянину, и оба вполне могут посмеяться друг над другом; но едва ли Тимофей Флоринский изменил своим «славянофильским» взглядам: его дальнейшая научная деятельность об этом красноречиво свидетельствует. В это письме налицо те радикально монархические ориентации Юлиана Кулаковского, которым он вместе с Тимофеем Флоринским оставался верен до смерти. В связи со сказанным достаточно странным *по форме* должен казаться фрагмент воспоминаний П. П. Блонского (1884-1941), учившегося в Университете св. Владимира в 1902-1907 гг. на историко-филологическом факультете, которому кроме того, что он записал о Кулаковском, как оказалось просто нечего было о нем вспомнить. И дело здесь не столько в личности Кулаковского, сколько в личности Блонского и времени, в котором он писал воспоминания о годах учения (1930-е гг.). Приведем справедливости ради этот фрагмент полностью. «Деканом у нас был Т. Д. Флоринский, крайний черносотенец, мечтавший об объединении всех славян под скипетром русского царя. Украинцы его ненавидели, так как он считал украинский язык лишь одним из наречий русского языка и во всем украинском видел украинский сепаратизм. Понятно, я не посещал его лекции, тем более что вокруг него концентрировались всегда все наши националисты. Он читал нам славяноведение, и, к счастью для меня, по его предмету был не экзамен, а только коллоквиум, без отметок и притом легкий: требовалось прочтение только одной какой-нибудь книги о славянах. Я выбрал одну такую книгу о Чехии что-то ему о ней рассказал, чуть даже не по своему выбору. Секретарем факультета был Ю. А. Кулаковский. Это был еще более крайний черносотенец исступленно поющий “Боже, царя храни” во всяких “патриотических” манифестациях»[2]. Этот фрагмент свидетельствует помимо прочего о том усердии с которым Блонский, занимавшийся политикой больше, нежели своим научным развитием, относился к учебе в университете. Все университетские преподаватели расцениваются Блонским преимущественно с точки зрения политических взглядов. Конечно, ярлык «черносотенец», к тому же «еще более крайний», необходимо должен быть *опущен,* беря во внимание обстановку 1930-х годов, когда писался текст воспоминаний П. П. Блонского. Никакого отношения к еврейским погромам и «черной сотне» ни Флоринский, ни Кулаковский не имели: тому доказательством — письма и вся деятельность Кулаковского. Но, как известно, ярлык, раз прилепленный, оторвать очень трудно. Так называемый киевский Клуб русских националистов, одним из основателей (в 1908 г.) и руководителей которого был Т. Д. Флоринский, поплатившийся за это мученической смертью от чекистской руки, преследовал вполне лояльные, «культурно-отвлеченные» цели, конечно оставаясь в рамках самодержавного мировоззрения. «Великорусский шовинизм» был в этом отношении ничуть не краше какого угодно шовинизма. И оправдания тому с этической точки зрения вряд ли когда-нибудь удастся найти. Но искренность в исповедании политических взглядов, духовная и нравственная неспособность изменить им в угоду новым политическим настроениям, подлинное благородство, духовная чистота, порядочность в отношении к ценностям, которые были выработаны обществом и впитаны с младенчества, — это может служить оправданием российского интеллигента начала XX века. С этой точки зрения сам П. П. Блонский, не принимавший — в силу убеждений — монархической идеи, тоже должен быть признан вполне порядочным человеком, которому, однако, едва ли стоило столь жестоко отзываться об учителях, лишая их права на взгляды, отличные от его собственных. Профессора университета, на университетском Совете дающие верноподданнические клятвы и хором поющие здравицы в честь государя императора (надеюсь, совершенно искренне) вместо того, чтобы усердно заниматься в это время за письменным столом, не менее курьезны, нежели студенты, которые вместо того, чтобы учиться, всячески парализуют университетскую жизнь бесчисленными манифестациями; и, конечно, не менее курьезны, чем большевистские

[1] Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (ИР). Ф. III. *Д.* 22144. Jl. 1 — 1 об.

[2] *Блонский П. П.* Мои воспоминания. М., 1971. С. 54-55.

деятели, высмеянные в «Собачьем сердце» М. Булгаковым. Рассуждая подобным образом, мы далеко выходим за рамки задач настоящей статьи об «Истории Византии» Кулаковского.

Относительно преподавательской манеры Юлиана Андреевича стоит привести фрагмент недавно изданных воспоминаний одного из слушателей его первой лекции по римской литературе в 1914 г. — студента историко-филологического факультета Университета св. Владимира В. Ф. Асмуса (1894-1975), ныне известного философа и историка философии. «Кулаковский был уже старик, но чрезвычайно бодрый, живой и энергичный. На нем был ладно сшитый штатский костюм, нарядные ботинки и изысканные носки. Войдя в аудиторию, он быстро поздоровался, оглядел нас очень строгим взглядом и сразу, без всяких предисловий начал чтение. Читал он энергично, стремительно, и каждая фраза говорила о большой учености, о безупречном владении предметом, о педагогическом мастерстве. Никакими записками, конспектами он не пользовался. Он предупредил нас, чтобы, готовясь к экзамену, мы не вздумали пользоваться Модестовым, и крайне нелестно отозвался о его курсе. Тут же он посоветовал не готовиться и по «ходящим по рукам его собственным литографированным лекциям. Он рекомендовал вести сначала собственноручные записи и по ним приготовляться к экзамену. Когда лекция уже началась, мы переглянулись и подумали, что он, наверное, преувеличивает наши способности и нашу готовность вести записи по его сложному курсу, который к тому же он читал в быстром темпе и пересыпал латинскими цитатами из самых древних памятников римской литературы... Лекции были содержательны и интересны, а темперамент Кулаковского дела их живыми, порой драматичными. Мы в полной мере оценили эти качества Кулаковского, когда он дошел до Плавта и начал анализ содержания его комедий. В аудитории часто раздавался дружный хохот. Особенно запомнились пересказы комедий Aulularia [Горшок], Menechmi [Два Менехма], Miles gloriosus [Хвастливый воин]. Свои мастерские пересказы Кулаковский вел, крайне серьезно, без тени улыбки, — в то время как, слушая его, мы часто смеялись безудержно»[1]. В другом месте В. Ф. Асмус указывал, что «темперамент Кулаковского был темперамент *политический.* Это был профессор, не, скрывавший своих "правых" политических убеждений, его чтения были насыщены политической тенденцией. И герои самого историко-литературного процесса, и ученые корифеи — западные и отечественные — истории римской литературы изображались в его курсе как носители доблестных или вредных политических начал, ими олицетворявшихся. Такими были в изображении Кулаковского и Энний и Лукреций, и Цезарь и Цицерон, и Курциус и Моммзен»[2]. Другой слушатель вспоминал, что «Кулаковский был строгий экзаменатор, но применял свою собственную методику проведения экзаменов. Сначала студенту он задавал общие вопросы по курсу. Когда обнаруживал, что студент достаточно подготовлен, он переходил к деталям, цитировал редкие первоисточники, увлекался сам своим изложением, а студента ставил в трудное положение, так как студент на заданные вопросы не мог отвечать и думал, что ему готовится неудовлетворительная оценка. Побеседовав таким образом, Ю. А. Кулаковский отпускал его с хорошей оценкой»[3].

Коллега Кулаковского по кафедре классической филологии Университета св. Владимира профессор Витольд Павлович Клингер ловко подметил одну деталь, на которую, вероятно, мало кто обращал внимания, общаясь с Юлианом Андреевичем: «Его любовь к науке была так велика, что в деле науки он не знал никаких национальных или политических предубеждений, что ради нее он прощал людям многое, — даже расхождение в основных вопросах государственной или общественной жизни, и возможность окунуться на момент в атмосферу чистой научной мысли и живого международного общения в области умственного труда на каком-нибудь научном конгрессе или юбилейном университетском торжестве бывали для него настоящим праздником, с которого он возвращался освещенным и обновленным»[4]. Это ли не самая точная характеристика ученого, *постоянно* занятого умственной работой и досадующего, что вовсе не так ведут себя окружающие, позволяя себе дозволенный *государством досуг употребить на науке не* потребное? Так, Кулаковский не упускает случая попрекнуть Т. Моммзена, у которого учился, — его преклонение перед немецкой наукой все-таки допускает критическое, то есть здоровое к ней отношение, и ошибки-неточности немецких филологов-классиков приводят Кулаковского в трепет: своими трудами он доказывает, что русский ученый не хуже, а то и лучше заграничного.

Ю. А. Кулаковский запомнился современникам как «одушевленный знаток античного мира, его языков и литератур, большой мастер слова, идеалист, проникнутый возвышенным гуманитарным настроением, неутомимый и вдумчивый научный работник, добросовестный и преданный своему делу профессор, носитель лучших университетских традиций, нелицемерный друг учащейся молодежи»[5].

Как радетель университетского просвещения, Ю. А. Кулаковский вместе с коллегами тяжело переживал становящиеся неконтролируемыми коллизии общественного процесса: студенчество бурлило, тому подспорьем была ситуация, все более и более становившаяся революционной, и никакие меры правительства не были уже в

---

[1] Вспоминая В. Ф. Асмуса... М., 2001. С. 212-213. Знакомству с этим изданием я обязан любезности В. А. Короткого.

[2] *Асмус В. Ф.* Философия в Киевском университете в 1914-1920 годах// Вопросы философии. 1990. № 8. С. 98.

[3] *Романовский В. А.* К истории подготовки профессорских кадров в дореволюционное время // Alma Mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції (1917-1920): Матеріали, документи, спогади. К., 2000. Кн. 1. С. 287.

[4] ИР. Ф. XXXIII. *Д.* 3233. *Л.* 5.

[5] *Деревицкий А. Н.* Ю. А. Кулаковский (некролог). С. 335.

состоянии сдерживать этот разрушительный процесс. Да и политическая обстановка в Европе оставалась напряженной. Чего стоит так называемый «балканский конфликт» 1912-1913 гг., который в конечном счете ускорил начало Первой мировой войны?

Каждое лето 1910-х гг. Юлиан Андреевич с семьей, а чаще без семьи, стремится уехать из шумного, политически беспокойного города, подальше от газет, «внешних» волнений и даже почты. Хотя в это время он радовался «оживлению работы в университете и с удовольствием сообщал, что на историко- филологическом факультете Киевского университета имелись классики — "люди старательные, ревностные и способные" (письмо 1912 г.), но сокрушался изгнанием языков из гимназий», — вспоминал Арсений Иванович Маркевич (1855-1942)[1]. С июля 1911 г. он живет в основном в Красной Поляне на Кавказе, на даче брата, Платона Андреевича Кулаковского, которая после смерти последнего — 18-го декабря 1913г. — вместе с постройками перешла в собственность Юлиана Кулаковского. Письма Т. Д. Флоринскому и В. С. Иконникову проливают свет на летнее времяпрепровождение Кулаковского.

«Живу в Красной Поляне, — пишет он в письме В. С. Иконникову 22-го августа 1913 г., — в своем доме среди прекрасной природы с чудесным видом на снежные горы, но живется мне здесь до крайности трудно от разных хозяйственных забот и полной невозможности сделать в данное время то, что необходимо. Сейчас вожусь с истопником, который чинил трубы, пострадавшие от здешних снегов за зиму. Нашел человека после долгих <...> стараний. Хорошо ли он работает и прочно ли будет исправление, судить об этом не могу. Садовник, с которым я сговорился в прошлом году, не исполнил обязательства <...> Эти непосильные хлопоты сокрушают меня, и вместо летнего отдыха я лишь томлюсь. Надеюсь вернуться на 1 сентября, не раньше. И вот вспомнил сегодня, что, быть может, на 28 число будет открытие памятника Кочубею. Может быть, необходимо отозваться каким-либо приветствием по этому поводу Истор[ическому] Общ[еству] Нестора?..»[2] Кулаковского как председателя Общества интересует, конечно, не столько самое открытие памятника Кочубею и Искре, сколько то, чтобы Общество в глазах общественности не осталось в стороне от этого важного и громкого для Киева события. Перед отъездом в Красную Поляну летом 1913 г. Юлиан Андреевич, увлеченный писанием «Истории Византии», запоздало реагирует на письмо Т. И. Лященко (1875-1919?), будущего архимандрита Тихона, профессора и инспектора Киевской духовной академии, по поводу Присланной им книги «Святой Кирилл, архиепископ Александрийский: его жизнь и деятельность» (К., 1913). Это письмо заканчивается постскриптумом: «Я совсем измучился с Ираклием[3] и еще не закончил его»[4]. К слову, укажем, что в предпринятом Кулаковским в 1913 г. втором издании первого тома «Истории Византии» монография Т. И. Лященко о Кирилле не упоминается (предисловие ко второму изданию датировано 15февраля 1913 г., благодарственное письмо — 6 июня 1913г.).

28-го июня 1914 г. в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд, 23-го июля «подогретая» Германией Австро-Венгрия направила Сербии ультиматум, а 28-го начала против нее войну. 29-го июля Россия начала частичную, а 30-го — всеобщую мобилизацию. 1-го августа Германия объявила войну России, 3-го — Франции, а 4-го напала на Бельгию, нарушив ее нейтралитет. В тот же день Англия объявила войну Германии... «Рубеж времен — начало Первой мировой войны, — писал С. С. Аверинцев. — Начинался, по слову Ахматовой, сразу открывшей в себе именно тогда силу плакальщицы, "не календарный — настоящий двадцатый век"»[5], для России, а значит, и для семьи Кулаковских, началось черное время.

«Если я так запоздал с своим поздравлением [к Вашим именинам — дню св. Владимира], — пишет Кулаковский В. С. Иконникову, — то главной тому причиной было то, что мое передвижение из Уфимской губернии сюда превратилось в очень длинное путешествие с переправами в Туапсе, Сочи, Адлере, и, выехав из Шафранова 5 числа, мы только 14 вечером приехали в [Красную] Поляну, причем ехали по знаменитому краснополянскому шоссе под непрерывным дождем. На пароходе от Самары до Царицына с нами ехала тысяча австрийцев, которых препровождали из Симбирска в Ставропольскую губернию на полевые работы. Их сопровождали прапорщики и 40 человек солдат с ружьями. Были то большею частью венгры, молодежь, такие благодушные и простые, жалкие люди. Я старался говорить с ними, но, собственно, это не разрешается, так как допускаются только русские разговоры. Их кормили хорошим хлебом (по 4 фунта) и кусками колбасы, а в Царицыне приготовили обед, которого они ожидали (когда наш поезд уходил), сбившись в кучу, как стадо. Публика относилась к ним сочувственно и с состраданием. Невольно думалось, так ли живется нашим пленным среди *озверелых немцев?*

В Шафранове нам жилось хорошо, но скучно. Удручали и тяжкие вести с войны. В конце нашего пребывания приехал с войны к семье очень милый и веселый артил[лерийский] генерал Дудин (командир 15 бригады) <...>. Он поддерживал настроение своей бодрой уверенностью, что наступит время, когда мы опять погоним немцев, как уже гнали их осенью. Дай-то Бог! Но вести по-прежнему невеселые, и сегодня здесь передавали, как слух, что немцы вступили в Люблин.

---

[1] *Маркевич Арс. И.* Памяти профессора Ю. А. Кулаковского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. № 57. С. 339.

[2] ИР. Ф. III. *Д.* 49552. *Л.* 1 — 1 об.

[3] Имеется в виду работа над главой о правлении в 610-641 гг. императора Ираклия (575-641); см. третий том «Истории Византии», с. 27-160.

[4] ИР. Ф. 216. *Д.* 642. *Л.* 1-2об.

[5] *Аверинцев С. С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама// Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996. С. 233.

Чудесная природа Красной Поляны (когда не идет дождь) подымает угнетенное настроение. Мы живем в своем <*нрзбр*> доме и любуемся на зеленые склоны Аигби. Приезжей публики почти что нет, как нет и хозяев множества дач, которые здесь выстроились и строятся. Мало народа и в Туапсе, и в Сочах. Мы пробыли по два дня в этих красивых приморских пунктах. Стояли свежие жаркие дни, и море манило вдаль своей безбрежной лазурью. Но на нем нет движения, и лишь изредка без расписания и вопреки срокам ходят малые пароходы какого-то частного общества. Интерес к военным событиям повсюду огромный, и везде, где был за это время, видел *Русское Слово.* Сегодня в здешней греческой кофейне, где красуется, между прочим, портрет [героя Первой мировой войны] Кузьмы Крючкова на стенке, стали получаться телеграммы Агентства, так что можно будет скорее осведомляться о событиях, чем было это до сих пор. В бытность в Сочи узнал, что поблизости имеется богатая немецкая колония. Куда же залезли эти немцы! Много немцев и в Уфимской губернии, [а] не только в Саратовской и Самарской. Не верю я, что, возможно ликвидировать немецкое землевладение, что так просто решало *Новое Время.* Хотя здесь очень хорошо жить и есть хозяйские заботы, но хочется поскорее вернуться на место постоянного жительства, чтобы можно было в работе найти отвлечение от тягот настоящего»[1]. Человек, написавший эти строки, уже не тот — «довоенный Кулаковский», каким он был недавно — эмоционально живой и энергичный. Судьба России его волнует гораздо больше его собственной. Юлиан Андреевич, морально подточенный кончинами брата Платона Андреевича и супруги Любови Николаевны, теперь более всего страшится потерять Отечество.

Знал бы он, что еще в мае 1915 г. в ответ на письмо Ф. И. Успенского А. А. Васильев называет его имя в числе ведущих российских византиноведов (правда, после имени Безобразова и своего): «Посылаю Вам список имен лиц, могущих быть полезными при замещении будущих кафедр византиноведения:

1) Безобразов П. В., магистр вс[еобщей] ист[ории] (Петроград);
2) Васильев А. А., доктор вс[еобщей] ист[ории] (- " -);
3) Кулаковский Ю. А., докт[ор] рим[ской] слов[есности], заслуженный] профессор (Киев);
4) Лопарев Х. М., магистр вс[еобщей] ист[ории] (Петроград);
5) Пападимитриу С. Д., докт[ор] греч[еской] слов[есности] (Одесса);
6) Регель В. Э., магистр вс[еобщей] ист[ории] (Юрьев);
7) Черноусов Е. А., приват-доц[ент] Университета (Харьков);
8) Шестаков С. П., докт[ор] греч[еской] слов[есности] (Казань);
9) Шмит Ф. И., маг[истр] ист[ории] искусства] (Харьков);
10) Яковенко П. А., приват-доц[ент] Университета (Юрьев).

Я здесь не упомянул о лицах, занимающих уже профессорские кафедры по родственным дисциплинам, напр[имер], И. Д. Андреев в Петрограде и П. Доброклонский в Одессе по истории Церкви, В. Н. Бенешевич по истории] церковного права в Петрограде, по искусству Д. В. Айналов в Петрограде и т. д.»[2]. Однако надежды на открытие византиноведческих кафедр так и не оправдались.

«Чувствую себя очень виноватым перед Вами, что пропустил 15 число, к которому я всегда старался отозваться к Вам, — снова пишет Кулаковский С. Иконникову из Красной Поляны. — Читая сегодня церемониал крестного хода 15 числа в *Киевлянине,* я вспомнил о своем упущении, и мне было очень стыдно. Главная причина моей оплошности это то, что я "уязвлен" прелестью здешнего пребывания. Что до термина "уязвлен", то он мне запомнился из романа Лескова "Соборяне", где "уязвление" коснулось диакона Ахиллы и имело важные для него последствия. Вероятно, Вы читали "Соборян" в свое время, и слово это не надо дальше пояснять. Мне здесь так хорошо, что я каждый вечер жалею, что [столь] скоро прошел день. Чувство *своего* дома и *своей* земли дает мне особое настроение, а необходимость работы руками на этой земле заполняет все время. Погода стоит чудесная. Веду борьбу с камнем, который надо собирать в кучу, с колючкой, которую надо выбивать киркой непременно с узловатым длинным корнем, который и невозможно вытащить целиком, так как он идет на несколько сажен и подчас прячется слишком глубоко в землю (т. е. в камни), и с папоротником, который вечно и повсюду отрастает. Продолжительные усилия за прошлые годы истребили его лишь около дома. К этим делам прибавляется еще окопка плодовых деревьев, их подвязка и др[угое] под[обное]. Есть тут и общественная деятельность, в которой я должен принять участие как член Курортного Общества Благоустройства. На нас возложена забота борьбы с дороговизной и доставка припасов. Мы получили и почти в один день распродали сто пудов сахара (теперь опять его нет), теперь продаем муку уже не столь удачно; предстоят и другие дела по этой части. Собираемся часто, нас мало, не все ладят, так что дело идет с трениями. Хоть я ехал сюда на одиночество (и этого вовсе не боялся), но вышло, что я имею сожителя — поэта Вячеслава Иванова. Это весьма интересный человек, с которым наши беседы за утренним и вечерним чаем имеют чрезвычайно широкий и очень разнообразный диапазон. Он ученый классик и к нему приложима кличка, которую дал некогда Роде начинавшему свою литературную карьеру Ницше, — der Diesußiche Vogel ["сладкопевец"]. Он теперь переводит метрами подлинника трагедии Эсхила для серии Сабашникова[3]. Здесь же и его молодой друг, философ [Владимир Францевич] Эрн, прошумевший своей речью "От Канта к Круппу",

---

[1] ИР. Ф. III. *Д.* 49550. *Л.* 1-4.

[2] Цит. по: *Куклина И. В.* А. А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. С. 336-337.

[3] См. новейшее переиздание: *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вяч. Иванова. М., 1991.

человек образованный и убежденный православный христианин. Он что-то пишет теперь о Платоне (Фэдр). Таким образом, я живу здесь в очень интересном обществе. Жены обоих очень милые дамы. Верхний этаж дачи брата занимает сама хозяйка, моя младшая племянница <...> Время проходит ужасно быстро и очень интересно. Добрые вести с войны поддерживают бодрое настроение. В кофейне получаются агентские телеграммы, так что мы не обречены на запаздывающие газеты. Я верю, что не придется ехать в Саратов[1], но никаких вестей не имею ни от кого до сих пор. Не получил и пенсии за июнь, не говоря уже о добавке, которой не получил еще ни разу в этом году. На днях написал ректору, узнав из *Киевлянина*, что он в Киеве. Писал и Тимофею Дмитриевичу [Флоринскому] в соображении, что он не засидится в Петрограде. Надеюсь, что Вы вполне благополучно проживаете в Киеве и по-всегдашнему заняты продолжением своего огромного труда[2]. Я, к сожалению, лишь изредка присаживаюсь за просмотр 2 тома *И/стории/ В/изантии/* для нового издания, которое мечтаю осуществить в Киеве»[3].

Политические события февраля 1917 года и последовавший за ними октябрьский переворот поставили крест как на научной деятельности Кулаковского, так и на его душевном спокойствии, к которому он — 62-летний пенсионер — так стремился. Еще в январе 1916-го государь император почтил Кулаковского Знаком отличия беспорочной службы за сорок лет выслуги (носился на Владимирской ленте). До 45-летней выслуги, когда университет избирал профессоров в свои почетные члены, он не дожил... «Злой рок отнял у него в 1913 г. брата Платона Андреевича, а в 1914 г. жену, давшую ему счастье, и началась у него одинокая, «сиротская жизнь», — а политические события, шедшие с необыкновенной быстротой, после некоторого подъема в начале войны и проблеска надежд на освобождение славянства от немецкого гнета и возрождение его, надежд на освобождение нами проливов и занятие Константинополя, наносили ему одну рану за другой, терзали его, убивали одну его надежду за другою, — и им стал овладевать пессимизм, доходивший порой до отчаяния. «Уныние и безнадежность, одолевшие меня и все усиливавшиеся, превратили меня в живой труп, убили всякую волю и энергию... Я страшно томлюсь и страдаю от невозможности чем-нибудь заняться. Налегла на Русь черная полоса, в которой нет просвета... Идет развал великой единой Руси, которая имела свои великие мировые задачи и мощь для их выполнения. Перебили спинной хребет живого существа, и оно трепещет конвульсивно всеми своими членами. Страшно до ужаса и жить нечем. От худого идем к худшему... Что выйдет из этого хаоса? У меня нет сил переживать это страшное настоящее» (из письма от 4 июня 1917 г.). «Современные события так тяжело ложатся на мою душу, что я временами впадаю в полное сумасшествие», — писал он 7 июня 1917 г. «Настали святки, и близится Новый год. В это время обыкновенно обменивались приветствиями близкие люди и добрыми пожеланиями. Но, Боже, Боже! Ужас нашего настоящего сковывает всякие надежды, и язык немеет для слов: “С Новым Годом, с новым счастьем”. Страшная темная туча налегла на Русь, и в этой беспросветной тьме в тревоге за грядущий день приходится не жить, а прозябать и томиться... В тумане этих событий гаснет и мысль, и сознание» (письмо от 27 декабря 1917 г.). Он сокрушался и о тяжелом положении «Киева, некогда центра русского государства», и происходившими в нем «всякими ужасами»[4]. Последние два года жизни Юлиана Андреевича были омрачены крушением всех надежд — и на ставшее ненужным восстановление греческого языка в гимназиях (по причине их закрытия), и на грядущий мир, на прекращение изнурительной войны, на покойную старость... Другой киевлянин, Михаил Булгаков, поздравляя сестру с новым 1918 г., писал 31 декабря 1917 года: «Я спал сейчас, и мне приснилось: Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино... Придет ли такое время? Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!.. Видел толпы, которые осаждают подъезды захваченных, запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке... Все воочию видел, и понял, что произошло».

Собственный дом, который только на закате дней появился у Кулаковского на далеком Кавказе, становился недоступным, наемную трехкомнатную квартиру в доме М. Ф. Михельсона по улице Пушкинской, 40 все тяжелее было содержать теплой в суровые зимы. Второе издание «Истории Византии», начавшееся выпуском первого тома в 1913 г., так и не было завершено. Четвертый том даже в первом издании не увидел свет.

За полгода до смерти, 28 сентября 1918 г. Юлиан Андреевич писал однокашнику по Виленской гимназии, председателю Таврической ученой архивной комиссии Арс. И. Маркевичу:« “Эмфизема [легких] и слабость сердца теперь мои спутники, и живется мне очень тяжело”. Его удручала невозможность работать из-за

---

[1] Во время Первой мировой Киеву пришлось служить главным тыловым центром армий Юго-Западного фронта. Несколько лет, начиная с июля 1914 г., город существовал своеобразной жизнью и заботами тыла: интересы военные возобладали над интересами гражданскими, и нормальная городская жизнь нарушилась. Киев заполняется военными, беженцами и переселенцами из приграничных округов, пленными. Отступление русской армии летом 1915 г. вызвало необходимость эвакуации музейных, архивных, библиотечных собраний в Центральную Россию и в Поволжье. Университет св. Владимира был эвакуирован в Саратов и только к началу 1916 г. вместе с другими эвакуированными учреждениями возвратился. Ю. А. Кулаковский в 1915—гг. также вынужден был жить с осиротевшей семьей в Саратове.

[2] Речь идет о труде В. С. Иконникова над многотомным сочинением «Опыт русской историографии» (в 2-х т., 4-х кн. К., 1891-1908).

[3] ИР. Ф. III. *Д.* 49549. *Л.* 1 —3. Как известно, второе издание второго тома «Истории Византии» так и не увидело свет. Авторский экземпляр второго тома с правкой Кулаковского не разыскан.

[4] *Маркевич. Арс. И.* Памяти профессора Ю. А. Кулаковского. С. 340.

типографской “разрухи” и угнетала “тяжелая дума, что нашей культуре конец”. Это были последние слова его в письме ко мне. О последних месяцах его жизни — унылой и страдальческой, очень печальной, мы мало знаем. Крушение родины сломило его физические и душевные силы, и он очутился под ее развалинами, оставив после себя светлую память»[1]. Юлиан Андреевич Кулаковский скончался 8-го (21) февраля 1919 года на 64-м году, через три дня после того, как в Киев в очередной (но не в последний) раз вошли большевики, устроив чекистскую резню.

В одном из лекционных курсов Юлиан Андреевич процитировал Квинта Энния: «Nemo me lacrimis decoret nec funara fletu. Faxit cur? Volito vivos per ora virum» — «Пусть никто меня не поминает слезами или похоронным плачем. Почему? Я летаю живым в памяти людей»[2]. Может, эти слова он хотел видеть на своем надгробном камне? Этим памятником (за неизвестностью места упокоения ученого) является серия переизданий его трудов.

К сожалению, не только во времена Кулаковского состояние научной мысли и самая внутренняя (и «внешняя») жизнь научного работника была политическим и нравственным поступком, но и нынче. И тем не менее содеянное Кулаковским выдвигает его в первые ряды русских ученых-гуманитариев XIX-XX вв. Доказательство тому — современный интерес к исследованиям Юлиана Андреевича, активное обращение его работ в современном научном пространстве, бойкое переиздание главнейших из них и, в первую голову, уже во второй раз — грандиозной «Истории Византии»[3].

А. С. Пушкин в 1829 году записал, что «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец», что «своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике»[4]. Поэт невольно ошибся: последним летописцем оказался Кулаковский, а не Карамзин. Уже во времена Пушкина жанр летописи казался устаревшим. Кулаковский, родившийся через четверть века после вынесенного Пушкиным вердикта Н. М. Карамзину и взявшийся за летопись Ромейской империи в 55 лет[5], после Эд. Гиббона, еще в 1780-х доведшего хронику «упадка и разрушения Римской империи» до падения Константинополя, после Б. Нибура, после В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. А. Полевого и С. М. Соловьева, — Кулаковский, перефразируя Пушкина[6], открыл русской науке Византию, как Колумб — Америку, а Карамзин — «древнюю Россию».

А. А. Пучков Киев, ноябрь 2002 г.

---

[1] Там же.

[2] *Кулаковский Ю. А.* Пособие к лекциям по истории римской литературы. К., 1912. С. 33.

[3] После предпринятых издательством «Алетейя» изданий, вероятно, ждут своего часа книги избранных трудов Ю. А. Кулаковского по истории и археологии Крыма, истории Римской империи и римско-ромейскому военному делу.

[4] *Пушкин А. С.* История русского народа. Сочинение Николая Полевого. Том 1. Москва, 1829 // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1950. Т. 6. С. 16.

[5] И. Кант принялся за «Критику чистого разума» в возрасте пятидесяти лет.

[6] *Пушкин А. С.* Из автобиографических записок 1826 года // ПушкинА. С. Полн, собр. соч.: В 6 т. М., 1950. Т. 5. С. 513.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первый том моей *Истории Византии* разошелся в первый же год после выхода в свет. Это обстоятельство дало мне смелость подумать о втором издании, которое являлось для меня весьма желательным потому, что налагало на меня обязанность тщательно пересмотреть свой текст и устранить из него те погрешности и недочеты изложения, а кое-где и прямые ошибки, какие в нем оказались. За указание некоторых из них я должен принести благодарность моим рецензентам, другие нашел я сам после издания моей книги. По некоторым частным вопросам я переработал вновь подлежащий материал и кое в чем исправил и дополнил свое изложение. Общая концепция моего труда осталась прежней, и те широкие требования, которые развернул предо мною мой уважаемый рецензент, французский профессор Louis Bréhier, в своем общем отзыве, помещенном в ученом французском органе — Journal des Savants (Mars, 1912), я должен был оставить в стороне, как превышающие мои силы. Установить органическую связь истории Византии с историей эллинистического Востока, а не только с римскими государственными началами, унаследованными Византией и давшими политическое единство восточной половине империи, — задача непосильная для труда одного человека. Таким же трудноосуществимым требованием я готов считать и использование в историческом изложении археологических памятников, которые изучаются специалистами по истории искусства. Смею надеяться, что мое изложение исторических судеб Византии, основанное почти исключительно на литературном материале, дошедшем до нас от древности, имеет свое право на существование и может оказаться полезным.

Две карты и рисунок стен Константинополя воспроизведены по первому изданию, а план Константинополя заимствован из сочинения *van Millingen'a:* Byzantine Constantinople (London, 1899), откуда взят и рисунок стен. Приложенный к первому тому обзор источников и литературы пересмотрен, кое-где сокращен, а отчасти пополнен и исправлен. Во избежание недоразумений позволю себе заметить, что я никоим образом не претендовал представить библиографию по истории Византии и держался в пределах того периода, который обработан в этом первом томе.

Хотя я прилагал всякие старания к исправности моего издания в отношении корректуры, но, к большому моему огорчению, вижу теперь, что мне и на этот раз приходится просить у моего читателя снисхождения к тем немалочисленным буквенным опечаткам, которые остались в моем тексте.

Мне остается высказать сердечную признательность за некоторые добрые указания и советы моим уважаемым коллегам, профессорам П. К. Коковцову, С. П. Шестакову, И. Г. Турцевичу и Б. В. Варнеке.

Ю. К.

15 февраля 1913. Киев

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Выпуская в свет первый том *Истории Византии,* чувствую себя обязанным указать на тот путь, каким я пришел в эту область исторического знания. Мои первые ученые работы относились к области римской древности и вращались в сфере вопросов по истории римских учреждений преимущественно императорского периода, для изучения которого представляют обильный материал эпиграфические тексты, широко введенные под эгидой Моммзена в ученый оборот европейской науки. Университетское преподавание, которое открылось для меня в Университете св. Владимира, направляло затем мои занятия и ученые интересы в круге установившегося цикла предметов, обнимаемых кафедрой римской словесности, причем факультет поручал мне вначале и преподавание римской истории за неимением особого преподавателя. Так в течение первого десятилетия я оставался в области римской древности.

В 1890 году Императорская Археологическая Комиссия оказала мне внимание привлечением к участию в непосредственной разработке археологических богатств нашего Черноморского побережья, и моя первая поездка в Керчь подарила меня находкой, которая оказалась первой в своем роде на неистощимой почве древнего Пантикапея, а именно: христианская погребальная пещера с написанной на стене датой 788 года боспорской эры, т. е. 491 г. по Р. Х. С тех пор древности Тавриды стали для меня близкой и родной областью. В связи с непосредственным участием в работах по разысканию памятников прошлого для меня возникали разные, по преимуществу исторические, вопросы, а поиски материала для их разъяснения все чаще и чаще приводили меня к памятникам византийской письменности. Так возникали те разнообразные заметки, рецензии и более цельные работы, появлявшиеся в *Византийском временнике, Журнале Министерства народного просвещения* и других изданиях. Серию работ по Крыму я закончил в очерке «Прошлое Тавриды». Мой давний интерес к военным учреждениям империи направлял меня, попутно с поисками по другим вопросам, и к Маврикию, и к Константину Порфирородному. Отсюда возникли этюды о друнге и друнгарии, византийском лагере X века, византийских фемах, многие доклады в Обществе Нестора-летописца и, наконец, издание «Стратегики имп. Никифора» по рукописи Московской Синодальной библиотеки.

Когда, после тяжких заминок в учебной жизни университета, восстановилась бодрая академическая деятельность в стенах наших аудиторий, наш факультет, в заботах о расширении преподавания, предложил мне взять на себя чтение курса по истории Византии. Не без большого колебания решился я сделать первый опыт в 1906-1907 учебном году. Те несколько лет, которых потребовал от меня раньше того перевод Аммиана Марцеллина, историка, стоящего на рубеже эпохи, держали меня среди событий переходного времени и множества вопросов по истории учреждений империи. Так я из Старого Рима перешел в Новый и успел в своем курсе обозреть со своими слушателями жизнь империи до знаменательной эпохи возникновения Священной Римской империи Карла Великого. Этот первый опыт пришлось повторить через два года. Те затруднения,

которые создает для учащихся отсутствие в нашей литературе общих сочинений по истории Византии, побудили меня приняться ровно год тому назад за обработку своего курса по конспектам, которые я составлял для лекций. Само собою разумеется, что пришлось опять обратиться к источникам, и мой текст, по мере обработки, разрастался против того, что было в концепте. Приступая к делу, я предполагал закончить первый том на эпохе Юстиниана, но вышло иначе, и я решился остановиться на Анастасии, в надежде начать второй том с Юстиниана.

В изложении судеб Византии я старался, предлагая вниманию читателя события живой действительности, дать ему возможность чувствовать дух и настроение тех давних времен. В какой степени удалось мне этого достигнуть, пусть о том судят другие. Круг источников, бывших у меня под руками, равно и ученой литературы, указан ниже.

Пересматривая теперь отпечатанные листы моей работы и замечая кое-что такое, что приходится исправить, с укором себе вспоминаю совет Горация — nonum prematur in annum; но время не ждет, дела много, а делателей мало. Быть может, благожелательная критика укажет мне много такого, чего я сам не замечаю теперь под свежим впечатлением пережитого напряжения работы по составлению текста и его печатанию.

Не могу при этом случае не высказать и того общего настроения, которое одушевляет меня в изучении прошлых судеб Византии. Наше русское прошлое связало нас нерасторжимыми узами с Византией, и на этой основе определилось наше русское национальное самосознание. Теперь, когда ввиду совершившегося перелома в нашем политическом строе, наше народное самосознание особенно нуждается в просветлении своих основ, принесена неведомо зачем тяжелая жертва в ущерб народному делу. Те люди, которым было вверено верховное руководство делом русского просвещения, отказались в системе высшего образования от того элемента, который дает ему силу и мощь в Западной Европе. Устранение греческого языка из программы среднеобразовательной школы является добровольным принижением нашего просвещения перед тем его идеалом, который живет и действует в Западной Европе. Ущерб, причиненный делу просвещения, ставит печальную перспективу для нашего будущего. Хотелось бы надеяться, что рост русского самосознания и просвещения, а также более глубокое ознакомление с историей просвещения на Западе, вызовут в русском обществе сознание потребности восстановить на нашей родине то первенство греческого гения в системе высшего образования, которое водворила у себя Западная Европа. Быть может, поймем и мы, русские, как понимают в Европе, что не в последнем слове современника, а в первом слове эллинов заключено творческое начало высокой европейской науки и культуры. Что же до системы образования, то здесь желательна и возможна дифференциация, а не нивелировка и опрощение.

Возвращаясь от этих мыслей к лежащему перед читателем тому *Истории Византии*, я должен высказать сожаление, что мне удалось приложить только две карты: общую карту Римской империи, заимствованную из издания: *Spruner-Sieglin.* Atlas antiquus, и уменьшенную копию прекрасной карты Балканского полуострова из неоконченного издания: *Kiepert.* Formae orbis antiqui (Berlin, 1894). План Константинополя заимствован из путеводителя *Meyer*[1] *a,* а разрез стен из книги: *Millingen.* Byzantine Constantinople (London, 1899).

Так как я заботился и о внешнем виде моей книги, то мне очень досадно, что в напечатанном тексте оказались опечатки. В приложенном списке опечаток три, особенно мне досадные выделены разрядкой, и я прошу читателя устранить их из текста, раньше чем читать его[1]. Хотя, благодаря любезной помощи студента К. А. Езерского, я имел в руках полный список опечаток, но воспользовался им не вполне, оставив без внимания погрешности в знаках препинания, которые попадали иногда не на свое место, а также и неисправности в греческих ударениях и придыханиях. Непривычка наборщиков к греческим буквам и сбитый шрифт, к тому же и смешанный, лишали меня возможности добиться успеха в этом отношении, а затяжка с корректурой увеличивала стоимость издания. «Минула лета Ярославля», когда греческая речь не была чужда в нашем Киеве...

Расходы по изданию принял на себя Университет св. Владимира, которому я считаю долгом выразить свою сердечную признательность.

Юлиан Кулаковский
11 мая, Natalicium Novae Romae. 1910
Киев

[1] В настоящем издании все опечатки, по возможности, исправлены. — *Примеч. издателя.*

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

395-518
ГОДЫ

Введение. Аркадий. Феодосий. Маркиан. Лев. Зенон. Анастасий

ВВЕДЕНИЕ

СУДЬБЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Рим на заре своего существования был городом. Царственный ход истории Рима превратил этот город в мировое государство, охватившее широким кольцом весь бассейн Средиземного моря. Республиканские учреждения, с которыми Рим начал свою победу над миром, обветшали в процессе приспособления к новому положению государства, и борьба политических партий, начавшаяся с Гракхов, привела республику к полному крушению. Соперничество Мария и Суллы открыло эру попыток водворить начало единоличной власти в государстве, и длившаяся в течение двух поколений кровавая борьба закончилась победой Августа над Антонием. Объединив в своих руках верховное командование военными силами государства, Август определил свои отношения ко всем сферам государственного управления и упрочил миродержавие Рима. Обеспечив границу империи по течению Рейна, он отодвинул ее до линии Дуная на севере и своей твердой политикой в отношении Востока достиг того, что парфяне возвратили знамена Красса и признали границы империи на верхнем Евфрате. В течение продолжительного срока своего правления Август водворил принцип единоличной власти в римских государственных учреждениях и начал собою первую династию римских императоров, которая закончилась в лице Нерона. Вслед за тем начались военные революции, и страшное кровопролитие обагрило Италию. Только четвертому претенденту на наследие цезарей, Веспасиану, удалось утвердиться во власти и дать Риму вторую династию. Дворцовая революция 96 года положила ей конец, и возвышение старого сенатора Нервы обошлось без междоусобной войны. Преемственность власти продолжалась затем путем усыновления до Марка Аврелия, оставившего трон своему сыну Коммоду. Убийство Коммода в 192 году повело к кровавой борьбе за императорский венец между тремя претендентами, и победа досталась Септимию Северу. Его сын Каракалла и два родственника по жене, Бассиан (Элагабал) и Александр Север, продолжили династическую преемственность. Максимин, убийца Александра, начал собою тяжкое мутное время непрестанных военных революций. В армии проявился провинциальный патриотизм, и в течение десятилетий империю раздирали на части многочисленные претенденты на императорский венец. Идея единства империи была, однако, так прочно внедрена в сознание тогдашних поколений, что ее не пошатнули все «тридцать тиранов», как назвали по литературной традиции римские историки кратковременных самозванцев, и законным императором считался только тот, кого признавал римский сенат. Военному гению Аврелиана удалось восстановить единство империи и вновь подчинить сирийский Восток, обособившийся в отдельное царство вместе с Египтом.

Спустя пять лет по смерти Аврелиана, в течение которых сменилось пять императоров, верховная власть досталась Диоклетиану (284 г.). Войны шли в ту пору на всех границах империи, и так как император был, по необходимости, главнокомандующим своей армии, то Диоклетиан пришел к мысли разделить империю. Он избрал себе товарища, которому предоставил равную с собою власть с тем же титулом. Сохранив за собой Восток, он отдал ему Запад. Двух августов во власти знала империя и раньше. Так было при Марке Аврелии во II веке, при Гордиане и Филиппе — в III. Но замещение трона двумя лицами не вело тогда к территориальному делению империи на две части, как случилось теперь в силу неблагоприятных внешних условий. Непрерывные войны на границах побудили Диоклетиана дать новую организацию преемства верховной власти. Не имея мужского потомства, он избрал своим цезарем, т. е. наследником, чужого человека и заставил сделать то же самое своего товарища. Оба цезаря были избраны из людей, имевших уже военные заслуги, и получили самостоятельное командование в отведенных им территориях. Одновременно с тем Диоклетиан провел новое административное деление империи на префектуры и целый ряд реформ в сфере государственного управления. Блестящие военные успехи Диоклетиана и Максимиана подняли престиж империи и обеспечили ее единство. Отпраздновав 20-летие своей власти, Диоклетиан сложил свой сан и заставил сделать то же самое Максимиана (1 мая 305 г.). Прежние цезари, Галерий и Констанций Хлор, сделались августами, и Галерий назначил двух цезарей. Но система преемства верховной власти, отрицавшая принцип кровного родства, не удержалась в силе. У Максимиана был сын Максенций, а у Констанция Хлора — Константин. Оба они приняли титул августов, вернулся к власти и Максимиан. Начались междоусобные войны и жестокое кровопролитие. Константин устранил Максенция и, оказавшись в обладании западной половиной империи, вступил в соглашение с августом

Востока, Лицинием. Упрочив свою власть, Константин резко выдвинул принцип кровной наследственности тем, что объявлял цезарями своих малолетних сыновей. Соглашение с Лицинием, скрепленное браком последнего с сестрой Константина, продержалось недолго. В 323 году началась между двумя августами междоусобная война, закончившаяся битвой при Хрисополе, в которой победа досталась Константину. Единство империи было вновь восстановлено.

Правление Константина составило в судьбах империи эпоху величайшего значения. Он положил конец тому роковому раздору в недрах государства, каким являлась борьба империи с христианством. В эдикте 313 года, изданном от имени обоих августов, христианство было объявлено дозволенной религией, а за долгое правление Константина получило значение покровительствуемой, затмившей собою и отстранившей от двора и воздействия на государственную политику старое язычество. Христианская церковь со своей прочно сложившейся по типу административного строя империи иерархией оказала могущественную поддержку политическому единству римского мира: и прочный союз империи с христианством обусловил собою ход дальнейших событий мирового значения. В связи с новым отношением главы государства к христианству стояло другое великое по своим последствиям дело Константина — создание второй столицы империи. Не посягая на суверенные права старого Рима, Константин создал «Новый Рим» на берегах Босфора на месте старого греческого города Византия, имевшего свою тысячелетнюю историю. Так как новая столица стала резиденцией императора, чем давно перестал быть Рим, то центр государственной политики передвинулся на Восток, как мечтал некогда сделать это Цезарь. Восточные области империи, наследие державы Александра Македонского, получили новый центр помимо далекого и чуждого по языку Рима. Хотя Константин, основывая новую столицу, внес в нее мощную латинскую струю, но греческий характер города и прилив в него новых сил со всех эллинских и эллинизованных областей Востока имели своим последствием то, что Новый Рим стал греческим городом. Наличие второй столицы в единой империи подготовляло ее разделение на две части — Восток и Запад. Рим с его старыми языческими традициями и национальными римскими святынями не мог оставаться единым центром империи, которая в лице Константина становится христианской державой, и в принятии Константином христианства следует видеть главную причину того, что он создал новую столицу на Востоке.

Объединивший под своею властью всю империю, Константин рассматривал ее как достояние своего дома и выделил из нее уделы трем своим сыновьям и двум племянникам. Но идея единства империи победила, и сын его Констанций стал с 353 года единодержавным владыкой римского мира. Воспитанный в христианстве, ревностный поборник единства религиозного исповедания, Констанций упрочил союз империи с христианством. Его кратковременный преемник, последний представитель династии Константина,
Юлиан, сделал безнадежную попытку расторгнуть союз империи с христианством и поднять внутренне оскудевшее язычество в значение государственной религии. Смерть, постигшая Юлиана в походе на Персию, положила конец его начинаниям, и его преемник Иовиан, избранный армией на персидской территории, восстановил прежнее положение христианской церкви в империи (363 г.). После скоропостижной смерти Иовиана армия провозгласила императором трибуна дворцовой схолы Валентиниана (364). Событие совершилось в Никомедии. Доведя свои войска до столицы, Валентиниан, в полном сознании невозможности единоличного представительства верховной власти в империи, возвел в сан августа своего брата Валента и, предоставив ему Восток, удержал за собой Запад. Так окончательно наметилось разделение империи на две части. Своего сына Грациана Валентиниан, в обеспечение будущего, провозгласил августом, а не цезарем, когда ему исполнилось 16 лет, не выделяя ему никакой территории.

Валентиниан скончался в 375 году, и ему наследовал Грациан, который женился на дочери Констанция от третьего брака и тем как бы скрепил династический принцип, живший в представлениях тогдашних людей. Когда разразилась страшная катастрофа в Восточной империи после перехода готов за Дунай и в битве при Адрианополе в 378 году пал Валент, Грациан не считал возможным остаться единолично у власти и разделил ее с Феодосием, которому предоставил Восток. У Грациана был младший брат от второго брака его отца, Валентиниан, который, без его ведома и участия, был провозглашен императором в 375 году, когда умер Валентиниан I. Честолюбивая мать Валентиниана II, Юстина, достигла того, что ее сыну была выделена часть империи, Иллирик и Италия с резиденцией в Медиолане. В 383 году был низвергнут военной революцией Грациан, и в империи стало опять два императора: Феодосий и Валентиниан II. Хотя Феодосий поддерживал Валентиниана и низверг изгнавшего его претендента, Максима, своего земляка и боевого товарища, но вскоре Арбогаст, заслуженный военный человек, франк по происхождению, убил Валентиниана и провозгласил императором Запада ритора Евгения. Феодосий не признал его соправителем, собрался в 394 году в поход на Запад и восстановил единство империи; а 17 января 395 года он умер в Медиолане и оставил империю двум своим сыновьям. Старший, Аркадий, был еще в 383 году провозглашен императором и остался на Востоке, с резиденцией в Константинополе; младший, Гонорий, провозглашенный императором перед походом на Запад, был объявлен властителем западной половины империи, с резиденцией в Медиолане. С этих пор империя более не объединялась в одном лице и обе ее половины имели раздельное существование. Но они не представляли двух государств как в сознании современников, так и в унаследованных от прошлого учреждениях: по-прежнему один консул назначался в Риме, другой — в Константинополе, и эти два имени служили для обозначения года по всему римскому миру; по-прежнему законы издавались от имени обоих императоров, по-прежнему языком

закона и суда оставался латинский в обеих империях. Так продолжала свое существование единая мировая римская держава в разделении на две половины.

Западная империя обнимала огромное пространство земель. На севере в нее входила большая часть Британнии, вся Галлия с границей по Рейну, горная область к югу от Дуная до Железных ворот по его течению, Далмация, Италия с ее островами, побережье Африки к западу от Сирта до Гибралтара и Испания. На всем этом пространстве под мощным воздействием Рима произошло объединение всех племен и народов в языке и культуре. Тип государства-города, civitas, стал единой общей формой культурной жизни. Под воздействием римских административных форм и отношений исчезло деление на племена, а культурное влияние Рима заставило замолкнуть все разнообразные языки племен и народов, вошедших в пределы империи; только в Британнии и горных местностях северной Испании уцелели остатки туземцев, не превратившихся по языку в римлян, сохранили также свою особенность племена мавров на пограничье великой пустыни Сахары. Римская школа с ее идеалом владения языком на почве изучения творений Вергилия, Горация, Цицерона объединяла сознание всего романизованного населения западных областей Европы и африканского побережья в северо-западной его половине. Тот же язык, воспринятый в изучении этих писателей, звучал в устах образованного человека Галлии, Испании и Африки, та же риторическая манера проявлялась в литературных творениях, выходивших в свет на всем этом огромном пространстве; тот же тип постройки дома господствовал в Британнии и Риме. Политическое и культурное единство было поддержано единством религиозного сознания, которое на западе с самого начала имело одного главу в лице римского патриарха, утверждавшего свой авторитет на незыблемом камне св. Петра. Западная империя, более непосредственно объединенная и скрепленная, имела, казалось, больше задатков остаться в единстве, чем Восточная.

На Востоке было свое единство языка, который Рим признал как второй язык империи; но под этим элементом единения продолжали жить и в IV веке национальные и расовые отличия: Египет, Сирия, Армения чувствовали себя и тогда как отдельные национальности, в Малой Азии сохранились в некоторых областях племенные особенности туземцев и местные языки; северная часть Балканского полуострова была романизована, и туземное население говорило не на том языке, какой господствовал в столице. Но гений Рима дал Востоку единство помимо той связи, которую установило издавна воздействие эллинизма. Администрация, двор, организация военных сил государства, городское самоуправление, сословные отношения, формы землевладения, положение промышленного класса, торгового люда, земледельческого населения, наконец, образование, его идеал и характер — все это было одинаковым на всем пространстве империи, держало Восток в единстве с Западом и являлось для самого Востока крепкой и мощной связью его единства в смысле политического целого, каким он стал после смерти Феодосия. Восток продолжал жить в старых формах политического строя и в течение веков сохранил свое политическое единство, являясь продолжением Римской империи.

Иную судьбу имел Запад. Внутренние нестроения III века ослабили его силы, и напор германского мира разложил империю на целый ряд национальных государств в краткое для жизни государства время нескольких десятилетий. С 476 года не замещался более престол римского императора на западе, и император Востока стал единым главою римского мира, за которым признавалось право давать высшую санкцию переменам, совершавшимся в пределах некогда единой мировой империи. На Западе началась новая жизнь — приспособление старых римских культурных форм к новым началам, внесенным германцами. Культурная сила туземцев и сравнительная малочисленность германцев, проникших в империю, воздействовали на этот процесс в том смысле, что Запад стал из римского — романским. Представительницей старых римских начал явилась Церковь, сохранившая свой латинский язык; глава Церкви, римский папа, вырос в своем значении и почувствовал себя представителем западного латинского мира в противоположность восточному, который остался римским только по имени и духовно отъединился от латинского Запада. Процесс взаимного разъединения завершился в VIII веке на почве церковных раздоров по вопросу о почитании икон, и в его результате явилась новая идея, объединившая сознание латинского запада, — Священная Римская империя Карла Великого. С тех пор римский первосвященник и римский император, германец по крови и языку, были в течение веков конструктивными принципами культурной жизни новых европейских народов.

Император Восточной империи долго после 476 года воплощал в своем лице идею единого верховного главы христианского мира. Блестящее правление Юстиниана явилось как бы возрождением старого величия Римской империи. Латинская традиция воспрянула с новой силой в великом деле кодификации римского права. Но то было лишь последнее зарево, и возвращение под скипетр императора Италии и Африки не оказало воздействия в смысле поддержки латинского элемента в столице и при дворе. Третий преемник Юстиниана, Маврикий, не знал уже по-латыни, как не знал по-гречески его знаменитый современник, папа Григорий Великий. За кратковременным блеском эпохи Юстиниана началось оскудение, а неблагоприятные внешние условия заставили преемников Юстиниана забыть его широкие мечты. Сто лет спустя арабы, вынесшие из своей тесной родины новую религию в широкий мир, оторвали от единства империи Сирию и Египет, — области, разобщившиеся духовно с империей раньше на почве борьбы за истину христианской догмы. Империя сократилась в своих пределах на земли, в которых преобладал греческий язык и греческая народность, и силою вещей Римская империя и римский император превратились в греческую империю и греческого императора, хотя и сохранили старое имя Рима. Лишь часть Италии и остров Сицилия оставались под властью императора

Византии и отчасти представляли собою греческие области по языку населения. Продолжая старые традиции римского мировладычества и сохраняя за собою значение главы христианского мира, византийский император продолжал приобщать к государственному и религиозному единству новые варварские народы севера.

Западный романский мир вырос в своих силах и культуре и через Церковь удержал господство латинского языка. Раздоры и разногласия между Западом и Востоком в области не столько толкования догмы, сколько церковного обихода, вызывали нередко раздражение и обостряли отношения между Римом и Византией. Так постепенно назрел окончательный разрыв. Христианский мир разделился на Запад и Восток, царство латинского и греческого языка. Начавшаяся между ними борьба привела к временному торжеству Запада и образованию Латинской империи в Константинополе. Когда возродилась вновь греческая империя, положение ее было крайне трудно. С азиатского востока напирал новый народ — турки, а на Балканском полуострове явились сильные славянские государства; итальянские республики захватили в свои руки торговые пути, утвердились на побережье всех восточных морей, засели в виде привилегированных колоний в самой Византии. Началась агония великого государства, затянувшаяся почти на два столетия. И однако, несмотря на все тяжкие условия жизни государства, столица империи оставалась центром культуры и искусства и в эти тяжкие времена.[97] Когда, в 1453 году турки положили конец существованию империи, греческие ученые вынесли на Запад свои богатые сокровища, творения греческого народного гения, и поддержали тем то движение в истории западноевропейской культуры, которое слывет под именем Возрождения. Латинский Запад вновь приобщился к вечно юному наследию греческого гения. Гомер, Платон и Аристотель вновь воцарились на Западе, как было уже это однажды в далеком прошлом, о котором говорил Гораций:

Graecia canta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio...

Деление культурных народов Европы на Восток и Запад простерлось и на славянский мир. Тогда как чехи и поляки оказались приобщенными к Западу, славяне Балканского полуострова и мы, русские, вошли в круг воздействия восточного центра культуры. Восприняв из Византии начала религии, мы связали себя с нею нерасторжимыми узами. Вместе с принятием христианства Древняя Русь подпала непосредственному культурному воздействию Византии. В большом числе явились на Русь греки, чтобы, по воле Владимира, насаждать начала христианской нравственности в тогдашние наши семейные, общественные и государственные отношения, водворять новые правовые понятия и идеалы. Церковь и клир явились органами воздействия на народные массы, и в наши «Кормчие книги» вошли византийские понятия права, как церковного, так и гражданского. Дело не дошло до рецепции чужого права, как случилось на Западе, где германцы вступили в общение с романизованными туземцами; но начались заимствования, являвшиеся прямой необходимостью при водворившихся новых условиях жизни христианского народа. В составлявшихся на Руси «книгах законных» и «мерилах праведных» воспринимались и входили в жизнь понятия и институты византийского права. С течением времени стали известны на Руси *Эклога* Льва и Константина и *Прохирон* Василия Македонянина. Из них стали заимствовать наши предки отдельные положения как гражданского, так и, особенно, уголовного права. Занесенный на Русь «Судебник царя Константина», или «Судный закон людем», является наглядным свидетельством воздействия византийского права на русскую народную жизнь. Начавшаяся на Руси письменность, как последствие приобщения к христианству, питалась от богатств Византии. Переводы греческих хроник, приходившие к нам сначала от южных славян, вызвали возникновение русской летописи. Пробудившиеся новые умственные и религиозные потребности вызвали переводы на русский язык разного рода научных трудов того времени, которые стали являться в виде сборников смешанного содержания. Живые торговые связи с Византией вызывали путешествия в столицу империи русских людей, которые приобретали на месте живое знание языка и знакомство с условиями культурной жизни, приносили на родину новые потребности и новые вкусы. Греческие архитекторы строили на Руси каменные церкви, и высокоразвитые художества и ремесла Византии богато украшали обстановку храмов. Живым свидетелем тех времен стоит и доныне Нерушимая стена Софийского храма в Киеве с мозаичным изображением Богоматери. Под воздействием новых идеалов жизни явились монастыри по византийскому образцу, с приходившими оттуда уставами монашеского общежития. Благочестивое настроение тогдашнего общества вызвало паломничество в Святую землю, и один из многих паломников того давнего времени, новгородец Антоний, оставил удивительное по точности описание святынь Константинополя, посещенного им по пути в Святую землю.[98] Нашествие татар, отрезавших Русь от моря, не прекратило упрочившихся в предшествующее время непосредственных сношений с Византией русских людей. Еще раньше татар дикие печенеги понимали выгоды от торговых сношений между Византией и севером, и искусная византийская политика, умевшая по давней традиции времен Анастасия и Юстиниана ладить с кочевниками, сменявшими друг друга в черноморских степях, владела способами поддерживать старые торговые пути. В пору господства татар русские люди по-прежнему ездили в Царьград и Иерусалим и оставались там целыми колониями. Вновь назначаемые митрополиты являлись на Русь со множеством русских людей, возвращавшихся на родину. Знакомство с греческим языком поддерживалось непосредственной связью Русской митрополии с Константинопольским престолом и постоянной дипломатической

[97] *Diehl.* Manuel d'Art Byzantin. La questoin byzantin. P. 668-689.
[98] *Лопарев Хр.* Книга Паломник // Палест. сборник. Вып. 53. СПб., 1899.

перепиской.[99]

Когда под напором турок пал Константинополь и не стало более верховного представителя восточного христианства, византийского императора, на Москве вырастало Русское царство. Дальновидная политика римского папы послала на Русь царевну Софию Палеолог, представительницу последней династии византийских императоров. Брак ее с московским великим князем оживил византийские начала, вошедшие в жизнь и народное сознание через принятие христианства и духовное общение с Византией в течение столетий. На московского царя перешли представления о христианском вселенском царе, главе христианского мира. Идеи, сформулированные некогда патриархом Фотием в *Эпанагоге* о сущности и характере власти византийского императора, вошли в плоть и кровь московского царя. Необходимым завершением этого нового вселенского идеала верховной власти было возникновение патриаршества на Руси. Иисус Христос, истинный Бог, повелевает на земле, и эта власть осуществляется через царя и патриарха. Поскольку государство сливается с Церковью, царь принимает на себя заботу об этом целом. Власть его исходит от Бога, и он есть судья и хранитель божественного и светского права. Он правитель, законодатель и судья, а в отношении Церкви хранитель истинного вероучения и благочестия. Наряду с царем стоит патриарх как верховный распорядитель в делах церковного строя.[100]

С восприятием этих византийских идей на Руси вошли в народное сознание те представления, которые формулировал некогда старец Филофей в таких словах: «Вся христианская царства преидоша в конец и спадошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам, т. е. Российское царств два убо Рима падоша, а третий стоит и четвертому не быть». Так понимали и так чувствовали живую действительность русские люди XV и XVI веков. Воспринятое из Византии христианство слилось воедино с русским народным сознанием, и в великом, длившемся в течение столетий споре в недра славянского мира за первенство между Русью и Польшей победа осталась за Москвой, которая своим обаянием верности православию притянула к себе долго пребывавшие в политическом разобщении западно- и южнорусские области, несмотря даже на то, что высший культурный класс обществ изменил вере отцов и своей национальности. Так сплотилось русское государство на основе православия, воспринятого из Византии, и тот крутой поворот в нашей истории, который осуществил Петр Великий, подчинив Русь непосредственному воздействию западной культуры, не коснулся основ нашего национального самоопределения и русского самосознания.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ИМПЕРИИ В IV ВЕКЕ

1. ИМПЕРАТОР

Выразителем единства империи и центром государственной жизни был император. Этот старый в республике почетный титул получил со времен Цезаря новый смысл и значение. Когда Цезарь победил всех своих врагов и объединил под своим начальством все военные силы государства, он отбросил в своем гражданском имени Gaius Iuluis Caesar два первых слова и стал называть себя Imperator Caesar.[101] Усыновленный им в завещании племянник его, Октавиан, заявил претензию на это имя и называл себя Imperator Caesar divi filius задолго до того, когда ему удалось собрать в свои руки всю военную силу государства и определить отношения к старым органам государственной жизни Рима и его державы. Военный элемент был сущностью новой центральной власти с самого начала ее существования. С установлением нового порядка не было более в римском государстве самостоятельных командиров военной силы, т. е., как говорили римляне, имевших собственные ауспиции, кроме одного императора. Обладая всей полнотой военной власти на всем пространстве империи, император оставался военным лицом везде и всегда, даже в пределах римского померия, т. е. городской черты, внутри которой прекращалась военная власть римского магистрата времен республики, и в стенах курии, в заседании сената. Как единый глава военной силы, император был источником власти над военными людьми для всех посредствующих органов, т. е. всего состава офицеров, и сам был окружен военной охраной, cohors praetoria, какую в республиканское время имел по праву всякий самостоятельный командир, получивший власть от народа. Дежурная когорта всегда была на охране дома Августа и придавала ему тем самым значение дворца — понятие, чуждое республиканскому Риму.

Провинции, окружавшие кольцом Италию, населенную державным римским народом, представляли собой территорию, на которой лежала его верховная власть, imperium populi Romani, осуществлявшаяся через избранных народом магистратов. Вместе с установлением нового порядка произошло разделение провинций на императорские и сенатские. Так как император был единый глава всех военных сил государства, то к нему перешло верховное управление всех тех провинций, где стояли войска, и командиры отдельных армий были представителями его власти в пределах областей расположения данных армий. В провинциях, считавшихся умиротворенными, во главе управления по-прежнему стояли сменявшиеся из года в год проконсулы и пропреторы, которые, в случае надобности, получали поддержку от начальников военной силы в соседних

---

[99] Относящиеся сюда свидетельства и факты собраны с исчерпывающей полнотой в замечательном труде проф. В. С. Иконникова (Опыт русской историографии. Т. II, ч.1, отдел I, отд. II, гл. 1-3). См.также: *ТерновскийФ.* Изучение византийской истории в Древней Руси. Киев, 1876.

[100] *Сокольский. О* характере и значении Эпанагоги // Византийский временник. 1. (1894). С. 29 сл.

[101] Таково свидетельство Диона Кассия (43, 44), которому, впрочем, отказывает в доверии Моммзен.

провинциях. Все многочисленные в ту пору царства в восточных областях, состоявшие в отношениях зависимости от Рима, перешли в ведение императора.

Вместе с этим делением империи на две части финансовое ведомство разделилось на две казны, в которые стекались доходы от налогов и податей, лежавших на провинциальном населении. Наряду со старой казной, Aerarium Saturni, оставшейся в ведении сената, возникла другая, fiscus, оказавшаяся в заведовании и распоряжении императора. Свое личное дело император исправлял через своих людей, вольноотпущенников и рабов, из которых составились огромные ведомства, получившие лишь с течением времени значение государственных учреждений.

Щадя республиканские традиции, Август постарался и сумел дать коренному перелому в государственной жизни видимость восстановления старого государственного строя. Слагая в 27 году до н. э. все свои чрезвычайные полномочия, какие он осуществлял в революционное время, Август восстановил деятельность сената со старым кругом его компетенции, а также жизнь народного собрания как для выбора магистратов, так и для проведения законов путем народного голосования. При первом его преемнике выборы магистратов были перенесены в сенат, и распределение магистратур стало делом того сословного круга, который, по старым традициям, имел право на их замещение. Законодательные функции народного собрания если и не были формально отменены, то после Августа почти никогда не вызывались к жизни, и отсутствие законодательного органа в государстве восполнилось расширением значения сенатских постановлений, senatus consulta, в форме которых развивалось законодательство. Так как законодательная инициатива фактически принадлежала императору, который сохранял за собой положение первого члена сената, то видимость и живая действительность находились в противоречии. Право проверки квалификации кандидатов в магистраты при ежегодном составлении их списка и право их рекомендации, commendatio, а также зачисление новых членов в сенат, allectio, которым пользовался уже Август, держало в зависимости от императора состав этого высшего государственного учреждения; но с формальной стороны сенат сохранил свое старое значение и удержал его за собой в течение веков.

Забота о благоустройстве города и общественной безопасности в Риме и Италии по необходимости легла на императора, и Август создал целый ряд новых, зависевших от него органов администрации, простиравших свою власть на Рим и Италию. Наряду с этой вновь зародившейся центральной администрацией продолжала существовать старая магистратура, которая хотя и не сохранила прежнего круга компетенции, но удержала за собой высокое сановное значение. По старой традиции Август удержал включение в карьеру сенатора высших офицерских постов римской армии, трибунов и легатов легиона.

Чрезвычайные полномочия, которые принял Август в 27 г. до н. э. от сената как временное и ограниченное сроком поручение, оставались за ним непрерывно всю его долгую жизнь путем продления на новый срок. С первого его преемника, Тиберия, срочность была устранена и полномочия приняты новым императором без упоминания о каком-либо сроке. Но существовавшая в начале срочность оставила свой след в обычае праздновать пятилетие власти императора, который прочно утвердился и сохранялся в IV веке и позднее.[102]

В резком противоречии с представлением императорской власти как временного поручения от сената стоял институт присяги на верность, который начал действовать при Августе. В республиканских учреждениях Рима присяга имела две формы и обозначалась двумя разными словами: iusiurandum и sacramentum.[103] Римский гражданин как член суверенного римского народа никому не приносил присяги; но когда этот гражданин становился вследствие избрания безответственным[104] на год своего сана магистратом, он должен был дать публичное обязательство в том, что будет соблюдать законы государства. Медные доски, на которых были начертаны законы, хранились в эрарии, находившемся в заведывании квесторов, потому и присяга приносилась перед квесторами и совершалась обыкновенно вскоре после вступления в сан, 3 января. Она называлась iusiurandum in leges. По миновении срока власти, в последний день перед ее сложением, 31 декабря, магистрат вновь приносил присягу перед теми же квесторами в свидетельство перед общиной о том, что он соблюдал законы государства. Когда римский гражданин являлся отбывать первую свою обязанность — защищать с оружием в руках свое отечество, то при формировании легиона он также приносил присягу в обязательстве повиноваться главе государства, консулу, который поведет его в бой с врагом. Эта присяга называлась sacramentum, и так как она приносилась на имя консула, то и действие ее оканчивалось вместе со сроком власти консула. Так как войско давно потеряло характер ополчения на летний поход и служба в регионах затягивалась на несколько лет, то римские воины повторяли присягу вместе со сменой консулов, т. е. в начале января каждого года. С Мария изменилась формула присяги, и поступающий под знамена гражданин давал присягу на все продолжение службы, 16 лет, но повторяемость военной присяги не исчезла, хотя мы не знаем, в каких случаях и при каких обстоятельствах она применялась.

В пору борьбы триумвиров за власть и во время единодержавия Цезаря гражданская присяга магистратов получила более широкое развитие. Во-первых, присягали не только магистраты, но и весь сенат; во-вторых, да-

---

[102] В хронике Марцеллина отмечены почти все пятилетия Феодосия Младшего. Праздновал свои пятилетия и Анастасий в начале VI века. *Zacharias-rhetor*. P. 123.

[103] *Кулаковский Ю.* Вновь открытая присяга на имя Августа // Филол. обозр. XX (1901). С. 159-179.

[104] *Безответственный* — в данном случае это слово употреблено в значении: не подлежащий юридической ответственности на весь срок исполнения своих полномочий. — *Примеч. ред.*

вали присягу не только in leges, но также и in acta Цезаря, т. е. личные его распоряжения. Когда Цезарь был убит, Антоний в первом после того заседании сената, где это убийство было признано ненаказуемым, провел постановление о признании законными всех распоряжений Цезаря, как вошедших в силу, так и оставшихся в его бумагах. Когда составился второй триумвират, триумвиры возобновили присягу in acta Caesaris. Обычай этот удержался в силе, когда сенат в 27 г. до н. э. поднес Октавиану титул августа, который с тех пор стал обозначением верховной власти. Тиберий не требовал присяги на свои acta, но строго соблюдал требование присяги in acta Augusti, и отказ сенатора принести ее вызывал немедленно кару, рассматривался как измена.[105] Последующие императоры относились к этому иначе, и расширение присяги на leges и acta получило характер прочного учреждения. Присягу приносили 1 января, а вслед за тем 3-го числа того же месяца[106] приносились обеты за благополучие императора, votorum nuncupatio.[107]

Так как император был единым главнокомандующим всей римской армии, то присяга солдат, sacramentum, могла совершаться только на его имя. Она повторялась всеми римскими воинами и их командирами каждый год в начале января. Формула присяги не была закреплена раз и навсегда, а могла подлежать изменению по усмотрению императора. В нее включалось имя не только императора, но и его ближайших родных. Так, император Гай (Калигула) включил имена своих сестер, при Нероне в присяге стояло имя его матери Агриппины.[108] Таким образом, в сознание населения империи внедрялась идея династического преемства верховной власти в данном роде. Институт присяги в этой форме продолжал существовать непрерывно в империи и перешел в Византию. Свидетельства о его существовании есть от конца VIII века.[109]

Так утвердилась и действовала в империи как учреждение присяга в двух ее формах — гражданской и военной. В пору борьбы между Октавианом и Антонием институт присяги получил новое значение и большую общность. Антоний, усвоив нравы монархического Востока, привел во время приготовлений к войне с Октавианом к присяге на свое имя всех восточных государей, признававших над собою власть Рима. Ответом на этот поступок Антония, который был лишен сенатом полномочий триумвира и предстоявшего ему консульства на 31 год, была присяга на имя Октавиана всех итальянских общин и западных провинций.[110] То был первый факт этого рода на Западе. Тацит описал, как присягали имп. Тиберию в Риме магистраты, сенаторы, всадники и народ, и лишь вскользь упомянул о приведении к присяге провинциального населения, как о чем-то уже обычном в его время.[111] При вступлении во власть нового императора рассылалась по всем общинам формула присяги, которую принимало население через своих представителей. Надписи сохранили формулу присяги на имя имп. Гая (Калигулы).[112] Иосиф Флавий упоминает о приведении к присяге населения Сирии на имя Гая.[113] Плиний Младший в своих письмах к Траяну из Вифинии дает свидетельство, что в провинциях представители римской власти повторяли военную присягу в первый день года, и местное население присоединяло к этому акту выражения своей верноподданности.[114] Так вырастали новые чувства и настроения, не имевшие основ в республиканском прошлом Рима. Обе различные по существу формы присяги слились воедино и воздействовали на перерождение понятия римского гражданина в другое и новое — верноподданного римского императора.

Особа императора, еще в самом начале нового порядка, облечена была особым ореолом под воздействием давно существовавшего на эллинистическом Востоке обожествления лица государя. В Египте династия Птолемеев унаследовала эту честь от фараонов, сирийские диадохи пошли по их следам, и титулы: Бог, спаситель, благодетель — были давно обычны в титулатуре греческих государей Востока. В греческой религии IV и III в. до н. э. развился культ героев, в котором был тот же дух обожествления человека, но уже по его смерти. Триумвир Антоний, вступивший через свое сближение с Клеопатрой, наследницей Птолемеев, в среду восточных державцев, выступал в божественном образе Диониса. Римские исконные представления о гении и манах, т. е. душах умерших, также стирали грань между богом и человеком. И вот уже Август именуется на греческом Востоке богом и спасителем, θεός καί Σωτήρ.[115] Римская поэзия, питавшаяся от богатства греческого

---

[105] *Tacit.* Ann. 4, 42; 16, 22.

[106] Все даты в настоящем издании приводятся по оригинальному изданию, т. е. по старому стилю (юлианскому календарю). — *Примеч. издателя.*

[107] Принесение обетов сохранилось и после торжества христианства, а в X веке термином *B&ma* обозначался особый новогодний праздник. Так было при Константине Багрянородном, когда Календы и Воты фигурируют в числе придворных новогодних празднеств *(De cerim.).*

[108] *Suet*. Calig. 15; *Tacit.* Ann. 14, 11.

[109] *Theoph.* 465.

[110] Октавиан сделал при этом исключение для граждан города Бононии, которые издавна были связаны с родом Антония, являвшегося по праву наследства патроном этой колонии. *Suet* v. Aug. 17.

[111] *Tacit.* Ann. 1, 7; 34.

[112] Cor. Inscr. Latin. II, 182; Ephemeris Epigraphica. V, 154-158.

[113] *Joseph Flav.* Antiqu. 18, 5, 3.

[114] *Plin.* Ep. ad Traianum. 52; 53; 102; 103.

[115] В общую связь с течениями философской мысли поставлен этот вопрос в сочинении Wendland'a: Die hellemstisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Chritentum. Tübingen, 1907.

[115] *Амм.Марц.* 1,77(15,5, 18).

поэтического творчества, усвоила этот тон обожествления государя, и Гораций возглашал:

Caelo tonantem credidimus Iovem
Regnare: praesens divus habebitur
Augustus adiectis Britannis
Imperio gravibusque Persis...

Вергилий, обещавший воспеть подвиги Августа, создать ему храм на широком зеленом поле и устроить ристание вокруг храма в его честь, как выражается он поэтическим языком в *Георгиках,* осуществил свое обещание созданием поэмы *Энеиды,* в которой мистически слил с Августом народного героя Энея, получившего еще за три века до того свой мифический образ. Август и его современники понимали Вергилия: его творение, несмотря на свое мифологическое содержание, было названо res gestae populi Romani, т. е. подвиги римского народа, и водворилось по всему римскому миру как школьная книга с тем значением, какое в греческом мире имел Гомер, выразитель народного самосознания.

Август сумел воспользоваться общественным настроением. В воздвигавшихся в его честь храмах на Востоке он прибавлял отвлеченный термин, не имевший никакой мифической личности, Dea Roma, и в паре с этой отвлеченной богиней получал божественное поклонение. Вскоре и на Западе стали строиться храмы в честь богини Рима и гения императора. Так возник особый институт с государственным характером, культ императора, который получил значение государственного учреждения. Божественное почитание особы императора, клятва его гением, воскурение фимиама перед его статуей стали выражением нового настроения общества, которое было неведомо римскому республиканскому сознанию: чувства верноподданности.[116]

Так мощно сложилась императорская власть с самого начала нового порядка в римском государстве. Современники Августа не подводили ее под понятие монархии и никогда не передавали слова imperator греческим термином βασιλεύς. Это было потому, что слова μουαρχία и βασιλεύς применялись к восточным эллинистическим государствам, которые были несоизмеримы с могуществом и силой римского императора. В числе тех полномочий, которые принял от сената Август, было право самолично регулировать отношения с царями Востока, и по своему усмотрению он утверждал преемников власти из лиц, имевших право наследования на разные троны, смещал неугодных ему лиц или провинившихся перед ним, иначе разграничивал царства, увеличивал или уменьшал, а иные вовсе упразднял, превращая их в императорские провинции низшего ранга, управление коих поручал своим людям в положении приказчиков, procuratores. Такую судьбу имела при Августе Иудея. Еще Тацит в начале II века гордо называл царей instrumenta servitutis, т. е. органами, при посредстве которых император держит в покорности привычные к монархическому режиму восточные народы и области.

Помимо этой несоизмеримости, была и другая причина — теоретического характера, а именно: при всем своем могуществе и божественном ореоле римский император не был монархом, так как Август выдвинул на первый план реставрационный характер своей деятельности, а в водворенной им фикции о новой власти как временном поручении от сената, действовавшего, именем суверенного римского народа, лежала причина того, что римское государство никогда не имело законов о престолонаследии, и каждый новый император как бы вновь начинал империю. Римская армия помнила свое революционное право давать главу государству по своему избранию, и смена династий сопровождалась междоусобными войнами.

Если Август, водворяя новые принципы в организацию государства, старался удержать фикцию восстановления старого порядка, то при его преемниках новая власть постепенно отрешалась от покрывавшей ее видимости, и центральное значение императора в государственной жизни предстало в полной силе. Уже Тиберий принял власть не на срок, а на всю жизнь. Уже при нем сенат явился в положении органа государственной жизни, зависящего в своих функциях от воли императора, и начальник гвардии, префект претория, занял фактически положение всевластного наместника императора. Деятельность народного собрания в выборах магистратов и законодательстве прекратилась. Вольноотпущенники императора, исполнявшие при его особе всякого рода службы, возвысились при Клавдии до положения всевластных направителей государственной политики. В императорском доме явились целые ведомства, состоявшие под управлением вольноотпущенников. Это были канцелярии: a rationibus — ведомство финансов, ab epistolis — императорская переписка по всем делам управления, a libellis — канцелярия прошений и жалоб. Осуществление императором судебной власти и перенесение на его суд как уголовных, так и гражданских дел, по желанию самих тяжущихся и обвиняемых, создало ведомство a cognitionibus, возникшее, вероятно, также при Клавдии. Эти канцелярии, получившие уже тогда значение общегосударственных органов центрального управления, стали замещаться свободными людьми, и со времени имп. Адриана во главе их стояли лица из всаднического сословия. В III веке явился титул магистра, magister, для обозначения начальников этих ведомств. Всадники сменили вольноотпущенников и рабов в управлении финансов, и постепенно выработалась иерархия государственных чиновников всаднического ранга.

Старое деление провинций на императорские и сенатские исчезло с течением времени и явилось

---

[116] Из специальных работ по этому вопросу назовем: *Beurlier.* Le culte imperial, son histoire et son organisation depuis Auguste jusqu'a Justinien. Paris, 1891.

однообразное государственное управление, имевшее своим центром особу императора. Коренное изменение произошло и в осуществлении законодательной инициативы в империи. Помимо отношения к законодательной деятельности государства через народное собрание, или сенат, на императора перешла с самого начала нового порядка та часть законодательства, которая искони осуществлялась в виде поручения, данного от сената одному лицу. Законы этой категории носили название leges datae. Сюда относится прежде всего дарование права гражданства как отдельным лицам, так и целым общинам, основание новых городов и их организация. Наряду с этим император как магистрат римского народа имел неограниченное право издавать в пределах своей компетенции эдикты и ставить решения по разным частным обращенным к нему вопросам. Такие решения носили название constitutio principis. Они не были законами и в теории имели силу только при жизни издавшего их императора; но жизнь вела к тому, чтобы эта функция верховной власти вытеснила собой другие формы законодательства. Мы имеем определение юриста II века Гая в таких словах; «Constitutio principis есть то, что император постановил декретом, эдиктом или письмом. Никогда не было сомнения, что такое определение имеет силу закона».[117] В начале III века юрист Ульпиан писал так: «Что государь постановил, то имеет силу закона, так как царским законом, который проведен о его власти, народ передает ему и переносит на него всю свою власть»[118]. Эти определения юристов позднейшего времени лишь закрепляли то, что с самого начала империи давала действительность не в силу основных законов, которых никогда не знал Рим, а реальных отношений и конкретных фактов.

С окончанием династии Септимия Севера начался страшный период непрерывных военных революций, поставивших государство на край гибели. Но римский мир выдержал это испытание, и когда верховная власть досталась Диоклетиану, он провел новые идеи в организацию государственного управления и определил положение главы государства. Пошатнувшийся за время непрерывных революций престиж императорского сана Диоклетиан поднял тем, что увеличил расстояние, отделявшее государя от подданных, и окружил его особу блеском восточных монархов. Ближайшее воздействие оказала Персия. К старому пурпуру, в который давно уже облекался император, присоединился обычный на Востоке головной убор в виде золотой диадемы, украшенной драгоценными камнями.[119] По восточному обычаю особу императора окружили евнухи, и двор из походной штаб-квартиры, чем он был в течение долгого времени военных революций, превратился в огромное и весьма сложное в своем составе учреждение. Блестящий этикет наложил свои оковы на жизнь императора, и всякий, кого допускали до его лицезрения, должен был падать ниц по-восточному, а в знак своего внимания император позволял лобызать край своей порфиры.[120] Служба при особе императора получила значение высокой чести; все исходившее от него и его окружавшее называлось словом sacer: sacrum Palatium, sacra vestis, sacrae largitiones и т. д. Диоклетиан приравнял себя Юпитеру, а своего товарища, с которым разделил империю, — Геркулесу. Термины Iovius и Herculius прилагались как почетные эпитеты к вновь формируемым полкам их армии, как в I веке термин augustus. Для общего обозначения императорского сана Диоклетиан принял слово dominus, владыка, как раньше его делал это Аврелиан, называвший себя Deus et dominus natus на своих монетах. Слово dominus с тех пор на долгие века стало титулом императора. В этом обозначении положения государя сказалось воздействие Востока, как и во всей той пышной обстановке, которая его окружала. Но этот бог и владыка оставался человеком и действовал среди условий своего времени и современного склада социальных и правовых отношений. Услужливая юриспруденция еще устами Ульпиана (III в.) объявила императора свободным от действия законов, solutus legibus;[121] но римский император никогда не превращался в восточного деспота, безответственного властителя имущества и личности своих подданных.[122] Утверждение христианства в значении государственной религии империи, последовавшее при Константине, освятило авторитет верховной власти идеей божьего избрания. Писатель конца IV века, Вегеций, смешивая языческие и христианские представления, говорит о поклонении императору как богу во плоти, tamquam praesenti et corporali Deo.[123] Сложившиеся за долгие века обычаи и нравы давали повод для этого смешения. Смиренный христианин на троне, имп. Феодосий

---

[117] Gai Inst. 1,5. Constitutio principis est, quod imperator decreto vel edicto vel epistula constituit. Nec umquam dubitatum est, quin id legis vicem obtinet, cum ipse imperator per legem imperium accipiat.

[118] Dig. 1, 4. 1. Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat. — Внесение термина lex regia обличает интерполяцию в этом тексте, но это не лишает его значения.

[119] В хронике Кассиодора сохранена и самая дата этих нововведений. — His consulibus (398 год) Diocletianus adorari se iussit ut deum et gemmas vestibus calciamentisque conseruit, cum ante eum omnes imperatores in modum iudicum salutarentur et chlamydem tantum purpuream a private habitu plus habebant. — Chron. min. II 149. Ср. Амм. Марц. 2, 69 (21, 9, 8).

[120] Амм. Марц. 1, 77 (15, 5, 18).

[121] Dig. 1,3,33. Princeps legibus solutus est: Augusta autem licet legibus soluta non est, principes illi eadem privilegia tribuunt, quae ipsi habent.

[122] Моммзен в общем изложении римского государственного права — Abriss des rбш. Statsrecht. C. 351 (изд. 1893 г.) — толкует титул dominus в том именно смысле. Мы считаем более правильным взгляд *Bury* (The Const, of the Lat. Rom. Empire).

[123] *Veget.* Epit. rei mil. 2, 5.

Младший воспрещал поклонение своим статуям[124] и заявлял, что государь связан законами и от авторитета права истекает авторитет государя.[125] Юстиниан, в своем высоком самосознании величия императорского служения, гордо заявлял: «Бог подчинил императору законы, посылая его людям как одушевленный закон».[126]

2. ДВОР И ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

В течение трех веков, протекших от Августа до Диоклетиана, совершалось непрерывное развитие административного механизма империи.[127] Вместе с процессом романизации населения, который успешно совершался в западной половине империи, распространением прав римского гражданства на провинциалов и прогрессом культуры в провинциях правительственная власть должна была стать в более близкие отношения к населению. Внешним образом этот процесс выразился в увеличении числа провинций. Огромные территории, какими были провинции при Августе, постепенно стали делиться на части; при Адриане провинций было 45, а при Диоклетиане — 97; дробление шло дальше, и в начале V века провинций было 114. Прежнее деление провинций на сенатские и императорские постепенно исчезло, и повсюду водворилась однообразная система управления.

Префект претория, бывший вначале командиром императорской гвардии, стал центральным органом администрации и высшей апелляционной инстанцией для всех судов империи. В силу такого изменения в его положении этот пост уже во второй половине II века стали занимать наиболее авторитетные законоведы своего времени. Военные функции префекта также выросли с течением времени: он стал центральным органом управления военными силами государства и заведовал интендантской частью армии.

С осложнением внешних отношений империи со второй половины II века император превратился в главнокомандующего своей армии и на долгое время покидал столицу. Центр управления переходил в главную квартиру императора, и это должно было вызывать возникновение новых органов для посредства между ним и центром государства. А когда после убийства Александра Севера начался длинный период быстрой смены императоров и претендентов на императорский венец, государственное управление должно было прийти в полное расстройство. Диоклетиану принадлежит великая заслуга восстановления империи в ее прежних границах. Он поднял престиж императорской власти и провел новые идеи в систему государственного управления. Старая императорская резиденция, Рим, была окончательно покинута. Новые резиденции двух августов, Никомидия и Медиолан, были не столицами государства, каковой оставался Рим, а только резиденциями государей. Рим продолжал жить в старых условиях с державными правами своего населения и своим особым, созданным Августом, управлением. Но Италия потеряла особые права, на нее были распространены общие нормы провинциального управления, и население ее было обложено теми же повинностями, какие несли провинциалы.[128] Двор при особе императора получил значение центра государственного управления, и Римской империи дано было новое устройство. Продолжателем дела Диоклетиана явился Константин, завершивший его реформы. Наши источники для этой эпохи не таковы, чтобы возможно было с полной точностью установить многие интересные и важные детали этих реформ. Мы имеем императорские указы в сборнике, носящем имя *Феодосиева Кодекса*, и список чинов обеих империй, *Notitia dignitatum utriusque imperii,* который можно с большой вероятностью датировать 425 годом.[129] На основании этого материала государственное управление империи предстает в таких чертах.

Центральным лицом в государстве, источником всякой власти является император. Высоко вознесенный над подданными, он окружен блестящим двором, который поделен на целый ряд ведомств. Служба как при дворе, так и в империи носит название militia в связи с преобладанием военного момента в характере власти императора. Все чины, состоящие на государственной службе, носят определенное отличие в виде военного пояса из красной кожи, cingulum, с золотой пряжкой.

Сановники, стоявшие во главе отдельных ведомств, составлявших в своей совокупности двор как центральную инстанцию государственного управления, были следующие: префект претория, префект столицы, квестор, магистр оффиций, два комита финансов — это были гражданские чины; к ним присоединялись два военные сановника — магистры армии. В одном ряду с ними стоял сановник, имевший ближайшее отношение к личной жизни государя — препозит его опочивальни. Указами Валентиниана от 372 г. магистры армии были уравнены в

---

[124] Cod. Theod. 15, 4, 1 (от 425 г.) — excedens cultura hominum dignitatem superno numini reservetur.

[125] Cod. Just. 1, 14.4 (от 429 г.) — Digna vox maiestate regnantis alligatum se principem profiteri, adeo auctoritate iuris nostra pendet auctoritas. Et re vera maius imperio est submittere legibus principatum.

[126] Just. Novellae. 105, § 4.

[127] Наиболее авторитетное и детальное сочинение по этому вопросу: *Hirschfeld.* Die kaiserlichen Verwaltungen bis auf Diokletian. 2-te Aufl. Berlin, 1905.

[128] *Aurel. Viet.* Caes. 29.

[129] Таково определение Готофреда в комментированном издании Феодосиевого кодекса — III p. 266, b. К такому же выводу пришел и Моммзен в специальном исследовании этого вопроса в статье об Аэции (Hermes . 36. S. 544-547). — В ранговом отношении высших сановников произошли к тому времени некоторые изменения против того, что было в конце IV века.

ранге с префектами[130] и гражданские сановники двора поставлены выше проконсулов;[131] в течение IV века они пользовались титулом vir spectabilis,[132] т. е. принадлежали ко второму рангу чиновной знати, но в V веке, вероятно со времени Аркадия, уравнялись в ранге с префектами и стали именоваться vir illustris; много позднее, в 422 г., уравнен с префектами препозит опочивальни.[133] Старый сан консула, за которым, ввиду его права давать имя году, осталось на все времена значение высшего сана, какого может достигнуть человек, имел преимущество чести перед всеми остальными, и это положение консула подтверждено в указе Феодосия Великого.[134] Со времени Константина существовало звание патриция, которое являлось самым высоким рангом и было пожизненным. Ранговое отличие между патрициями, консулами и придворными сановниками имело отношение лишь к придворным церемониям, императорским выходам, приемам, общественным играм и т. п. фактам публичной жизни двора, а также и к процедуре заседаний сената. В среде сановников, составлявших в своей совокупности императорский двор, существовали свои иерархические отношения, которые с течением времени подвергались некоторым изменениям и даны нам в *Notitia dignitatum* не совсем в той форме, как было это в конце IV века.

Сановником, ближайшим к особе императора в его личной жизни, являлся заведующий его покоями евнух, который носил название praepositus sacri cubiculi. Ему были подчинены дворцовые евнухи, cubicularii, которые несли разные службы при особе императора и его супруги в их частной и личной жизни. Под начальством препозита находился целый ряд ведомств: во-первых, царские покои, sacrum cubiculum, которыми заведовал сановник в звании primicerius sacri cubiculi; во-вторых, сановник, ведавший штатом личных слуг и рабов императора, в звании castrensis sacri Palatii; в-третьих, комит, заведовавший царским гардеробом, comes sacrae vestis. Штат слуг назывался paedagogia.

Второй сановник высшего ранга при особе императора назывался магистром оффиций, т. е. служб, magister officiorim.[135] Круг компетенции этого сановника чрезвычайно велик. Он — начальник дворца и всех дворцовых служб. Под его начальством находилась личная охрана государя, военный корпус из семи конных полков, по 500 человек. Полки эти назывались scholae.[136] Наряду со схолами, но выше их в ранге, стоял особый отряд военных людей привилегированного положения, которые назывались кандидатами, candidati, вероятно, от белого мундира, который они носили.[137] Кандидаты состояли в ведении магистра оффиций, а не военного начальства.

Как центральный орган администрации в империи, магистр оффиций имел при себе большой штат агентов, которые носили название agentes in rebus. Они исполняли командировки по разнообразным делам во все концы империи, преимущественно для надзора, выслеживания и ареста подозрительных лиц и препровождения их в столицу.[138] Штат этот делился на разряды, с различным окладом содержания.[139]

Третье ведомство, состоявшее в заведовании магистра оффиций, называлось канцелярией приемов, officium admissionum; оно ведало всей публичной жизнью императора, для чего нужен был огромный штат разного рода чиновников и служителей. Международные сношения и прием посольств чужих народов входили в круг обязанностей магистра оффиций, и в его руках сосредоточивалась вся дипломатическая переписка. Чины, отправлявшие дипломатические поручения, назывались магистрианами, μαγιστριανοί. Необходимость знать иностранные языки вводила в состав магистрианов людей разных национальностей. Посольства отправляли обыкновенно сенаторы, к которым прикомандировывались магистрианы.

При магистре оффиций состояли, далее, четыре императорские канцелярии, scrinia, возникшие еще при Августе, но определенно обозначившиеся только при Клавдии. То были: 1) scrinium memoriae, канцелярия, ведавшая всеми распоряжениями императора, направлявшая их по назначению и отвечавшая на запросы чиновников; 2) scrinium epistolarum, канцелярия, принимавшая депутации от городских общин, всякого рода запросы и просьбы населения; 3) scrinium libellorum, канцелярия жалоб и всякого рода апелляций и, наконец, 4) scrinium dispositionum, канцелярия, в которой хранились распоряжения, касавшиеся личной деятельности государя (dispositionum nostrarum norma seriesque). При ней состоял также архив императорских распоряжений

---

[130] Cod. Theod. 6, 7, 1, 2.
[131] Ib. 6, 9, 1,3.
[132] Ib. 9, 27, 7.
[133] Ib. 6, 8, 1.
[134] Ib. 6, 6, 1 (382 г.).
[135] Первоначально то был офицер, и в указе Константина от 320 года он назван tribunuset magister officiorum. Cod. Theod. 16, 10, 1.
[136] Организация гвардии в этом виде приписывается Константину. Было ли именно семь схол с самого начала, неизвестно; но их семь в *Notitia dignitatum*, и таково было нормальное число их при Юстиниане.
[137] Chron. Pasch. 501-502. Сформирование кандидатов в виде особой части возводится к Гордиану III и Филиппу. Во время похода и в битве кандидаты состоят при особе императора, как неоднократно сообщает о том Аммиан Марцеллин: 2, 244 (25, 3, 6); 3, 282 (31, 13, 15, 16). В этом отряде было много германцев, как видно из эпизода об их измене в Адрианополе: 3, 288 (31,15, 8). При имп. Юстине было разрешено одновременно состоять в схолариях и кандидатах: Cod. Just. 12, 33, 5, 4; кандидатом состоял Юстиниан, когда Юстин сделал его магистром армии в 520 году: Chron. min. 2,196, *Vict. Tonn.*
[138] Частные случаи см.: *Аммиан Марцеллин.* 1,67 (15, 3, 8); 127 (15, 8, 9); 186 (16, 7); 2,64 (21, 7, 3).
[139] При имп. Льве было 48 ducenarii, 200 centenarii, 250 biarchi, 1300 circitores и 450 — equites. Cod. Just. 12, 20, 3.

и указов.

Кроме канцелярий императорского двора в ведомстве магистра оффиций состояла государственная почта, cursus publicus. Он выдавал подорожные лицам, имевшим право пользоваться почтовыми экипажами и лошадьми по всем государственным дорогам.[140] В его ведении находились также оружейные заводы, расположенные в разных городах империи в значительном числе.[141]

Третий придворный сановник ведал законодательной функцией императорской власти. То был квестор царского дворца, quaestor sacri Palatii, образованный и авторитетный юрист. В ведении квестора находился меньший список чинов и должностей, laterculum minus, и от него исходили все назначения на перечисленные в списке должности.

Финансовое дело империи имело при дворе двух высших чинов: комит царских щедрот, comes sacrarum largitionum, и управляющий императорскими доменами, comes rerum privatarum.[142] Первый из них ведал всеми получениями в виде монеты (как общие по провинциям, так и специальные разного рода); далее, пошлины, торговые сборы, рудники, доходы с императорских фабрик; второй заведовал дворцами, имениями, конскими заводами.

Кроме специальных канцелярий, находившихся в ведении магистра оффиций, был еще особый класс государственных секретарей, носивших имя нотариев, notarii. Они делились на несколько разрядов. Во главе нотариев стоял примицерий, primicerius notariorum, имевший ранг vir spectabilis. В ведении нотариата находился список чинов, носивший название laterculum maius, и все дипломы о назначениях на входившие в него должности исходили от нотариата.

Военное ведомство было представлено при дворе двумя магистрами армии, которые назывались praesentales, или in praesenti, и заведовали действующей армией.[143] Наряду с ними стояли два военных командира военного ранга, начальники протекторов, protectores lateris divini.[144] В III веке при Аврелиане протекторы составляли особый военный слой людей офицерского звания, получавший высокие оклады в 200 тысяч сестерций. Здесь начинали службу дети знатных военных[145] и германские царевичи. Из них назначались командиры отдельных боевых частей. В IV веке, наряду с протекторами, существовал еще особый разряд, называвшийся доместиками, domestici. Во главе их стояли два командира с титулами комитов, один — пехоты, другой — конницы, comes domesticorum peditum и domesticorum equitum.

Таковы были высшие чины императорского двора. Будучи назначаемы по усмотрению, доверию и благоволению императора, они являлись исполнителями императорских велений. Гарантией единства в направлении государственной жизни служило учреждение, возникшее еще при Августе и называвшееся «совет императора», consilium principis. Август предложил сенату избрать 15 членов из своего состава, которые являлись его советниками в обсуждении государственных дел общего значения, а также в разборе процессов как уголовных, так и гражданских. Наряду с ними в совете принимали участие высшие чины администрации, по усмотрению и приглашению императора. Учреждение это имело свою историю за продолжительное время правления Августа, и когда он уже не был в состоянии являться в сенат по дряхлости, то состоявшему при нем совету предоставлено было право решать дела от имени всего сената. Модифицируясь кое в чем при преемниках Августа, это учреждение продолжало действовать непрерывно. При Адриане выступило значение юристов в совете императора.[146] В отношении к этим членам совета, в связи с их заслуженностью, явилась градация окладов: sexagenarius, centenarius и ducenarius — 60,100 и 200 тысяч сестерций. При Диоклетиане совет императора начал называться консисторием, consistorium. Это слово обозначало сначала, по-видимому, зал дворца, где собирался совет. Со времени Константина титул комит, comes, получил новое развитие. Первоначально он совпадал с членством совета; но широкое распространение этого звания расширило его круг и, таким образом, из общего числа комитов выделился высший разряд, который и получил название консисториальных комитов, comites consistoriani. В этот разряд входили прежде всего магистр оффиций, квестор и оба комита финансового ведомства.[147] Все они имели титул vir illustris. Наряду с ними участвовали в заседаниях консистории местный префект претория и придворные магистры армии (praesentales). Ниже их в ранге стояли комиты, имевшие по занимаемым ими должностям титул vir spectabilis. Наряду с этими двумя категориями стояли comites vacantes обоих рангов. Члены консистория сопровождали императора в его путешествиях и переездах по империи.[148]

Круг компетенции консистория зависел от воли государя. Помимо обсуждения вопросов общего характера, в консистории происходили торжественные приемы посольств от других государств, депутаций от городов и про-

---

[140] Сначала почта была в заведовании префекта претория, но с 396 г. произошла перемена. *Johan. Lyd.* De mag. 2, 10.

[141] До 396 г. оружейные заводы также находились в ведении префекта претория. *Johan. Lyd.* De mag. 2, 10.

[142] При Константине они назывались: rationalis summae rei и rationalis rei privatae.

[143] Зосим — 5, 22 — возводит возникновение этих сановников к реформам Константина.

[144] *Амм. Марц.* 1, 43 (14, 10, 2) — протектор доместик Геркулан, сын магистра конницы Гермогена.

[145] *Mommsen.* Ephem. Epigr. V 121 сл.

[146] *Hist. Aug.* v. Hadriani, 18, 1; *Дыновский.* Император Адриан. Варшава, 1892.

[147] Cod. Theod. 11, 39, 5 (362); 6, 9, 1 (372 г.).

[148] Когда Валент вступил против готов, его консисторий находился в Адрианополе (*Амм. Марц.* 3, 276 (31, 12, 10)).

винций; кроме того, консисторий являлся также судебной инстанцией для разбора важнейших уголовных и гражданских дел, особенно процессов по оскорблению величества. Протоколы заседаний консистория вели нотарии; в делах судебных эту обязанность исполняли чины специальной канцелярии, scrinium libellorum. Во время заседаний и аудиенций охрану держали силенциарии. Всех их было 30 с тремя декурионами во главе.[149]

Наряду с консисторием в значении общегосударственного учреждения стоял сенат, senatus, ἡ σύγκλητος βουλή, или сокращенно ἡ σύγκλητος. При изменившихся условиях, усилении императорского самодержавия и наличности иерархически организованной бюрократии сенат должен был потерять много весьма важных своих функций и в значительной степени сойти на положение органа муниципального управления. Но многовековая жизнь сената в Риме сохранила за ним особое положение центра государственной жизни. За время всех многочисленных военных революций III века законным императором был лишь тот, кого признавал сенат. Когда Юлиан затеял государственный переворот, то немедленно обратился с посланием к римскому сенату.[150] Император считал себя его членом и заседал в нем не на правах председателя.[151] Созидая новую столицу, Константин создал в ней второй сенат и, чтобы придать ему престиж, переселил в Константинополь несколько старых сенаторских семейств из Рима. Новый сенат не был сначала уравнен со старым римским и считался сенатом второго ранга, senatus secundi ordinis, сенаторы именовались clari, а не clarissimi.[152]

Для заседаний сената Константин соорудил поблизости от дворца на площади, носившей имя Августеон, великолепное здание, облицованное цветным мрамором и украшенное произведениями античного искусства, вывезенными из разных мест. Здесь были статуи Муз, доставленные из Геликона, а перед входом были поставлены знаменитые изваяния древних художников: Зевс из Додоны и Афина из Линда.[153]

В правление Констанция права нового сената были увеличены, но в чем именно, этого не сообщили наши источники, хотя и сохранилась благодарственная речь Фемистия, изготовленная для произнесения в Риме в год 20-летия его правления.[154] Уравнение в правах с римским сенатом произошло при Юлиане, который отблагодарил этим за любезную встречу, устроенную ему при его вступлении в Константинополь по смерти Констанция.[155] Из сообщений Аммиана Марцеллина известно, что Юлиан принимал участие в заседаниях сената и возбуждал вопросы о разных реформах.[156]

В соответствии со свидетельством о возвышении прав константинопольского сената избрание Валента в соправители Валентинианом помянуто в хронике Малалы как провозглашение его константинопольским сенатом.[157] Событие это описано Аммианом Марцеллином, который был, вероятно, его очевидцем.[158] Провозглашение произошло в предместье Константинополя Евдоме перед армией на Военном поле, очевидно в присутствии важнейших сановников, и выставлено у историка как личный акт Валентиниана. Показание Малалы интересно в том смысле, что оно указывает на перенесение на константинопольский сенат идеи о праве сената узаконить выбор императора, какое всегда признавалось за римским сенатом. В более позднее время константинопольский сенат участвовал в поставлении на царство более деятельным образом, чем в 364 году, и от него исходили иногда революционные акты, как было в 642 году, после смерти Константина, сына и преемника Ираклия.

Историческое предание конца IV века сохранило несколько упоминаний о деятельности сената и участии его в общих заботах о благе государства. Так, в ту пору, когда Феодосий I был только что избран Грацианом, о чем, быть может, еще не было известно в Константинополе, магистр армии Востока, Юлий, по сношению с сенатом и с его разрешения, истребил готских заложников в Малой Азии.[159] В сенате обсуждался вопрос о способах помочь Валентиниану II, когда он просил помощи у Феодосия против изгнавшего его узурпатора Максима.[160] В римском сенате обсуждались требования Алариха, предъявленные им в 408 году.[161] Точно так же Феодосий II ставил на обсуждение в сенате требования Аттилы.

Так как сенаторы являлись в ту пору целым сословием и не были связаны обязательством проживать в столице, то возникало различие между званием сенатора и членством в столице при особе императора. Точных сведений для конца IV века из современных источников мы не имеем, но из позднейшего времени есть прямые указания на то, что в состав сената входили патриции, консулы и все те сановники, которые по своему положению получали титул vir illustris. Такова заметка в одном тексте, сохраненном в *Дигестах* и приписанном Ульпиану; являясь интерполяцией в отношении Ульпиана, она тем не менее сохраняет всю силу своего

---

[149] *Johan. Lyd.* De mag. 2, 17; Cod. Theod. 6, 23. Указы о привилегиях по окончании службы (с 415 по 427 г.).
[150] *Амм. Марц.* 2, 71 (21, 10, 7) — Прокопий спешит в сенат, чтобы узаконить переворот. — 3, 25 (26, 6, 17).
[151] Ib. 2, 107 (22, 7, 1-3).
[152] *Anon. Vales.* 6, 30. — Быть может, этому свидетельству не следует придавать веры.
[153] *Zosim.* 5, 24; Chron. Pasch. 528.
[154] *Themist.* Or. 3, p. 57. *Dindorf.*
[155] *Zosim*. 3, 11, 5.
[156] *Амм. Марц.* 2, 107 (22, 7, 3).
[157] *Malala.* P. 342. Καί ἐβασίλευσε ὁ θειότατος Βάλης... ὑπό τής συγκλήτου Κωνσταντινουπόλεως ἀναγορευθείς.
[158] *Амм. Марц.* 3, 15 (26, 4, 1-3).
[159] *Zosim.* 4, 26.
[160] Ib. 4, 45, 5.
[161] Ib. 5, 29, 8-15.

свидетельства для состава константинопольского сената.[162] С течением времени сенат сблизился с консисторием, как это видно из указа имп. Юстиниана *De senatoribus* и случайных сообщений исторических писателей. В тексте Юстинианова указа различаются два вида заседаний: silentium, σιλέντιον, когда должны был присутствовать сановники, занимающие высшие служебные посты в данное время, и conventus, κόμεντον, когда являлись все члены синклита.[163]

3. ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

Со времени Августа и проведенного им деления провинций на императорские и сенатские вошло в жизнь империи новое начало. Те страны, где стояли войска, находились под властью командиров армий, а умиротворенные области, предоставленные сенату, стояли под управлением проконсулов и пропреторов. В сенатских провинциях смена представителей власти совершалась по старой традиции из года в год. В отношении императорских провинций Август освободил себя с самого начала от срочности и в предупреждение тех злоупотреблений и грабежей, которыми прославили себя правители провинций в период республики, стал назначать определенные оклады жалованья. Различие в характере лиц, стоявших во главе управления страною, должно было с течением времени положить начало возникновению различия между военным и гражданским управлением, и уже Тацит чувствовал его, когда противополагал военную и гражданскую юрисдикцию.[164] Но прошли столетия, раньше чем деление гражданского управления и командования военными силами водворилось в империи в виде общей системы. То была заслуга Диоклетиана, скрепившего своими реформами готовое распасться государство. Диоклетиан отделил командование военной силой от управления страной и создал однородное гражданское управление в пределах всей империи с включением Италии, которая до тех пор пользовалась привилегированным положением. В римской государственной практике суд и администрация всегда соединялись в одном лице, и этот принцип остался жить в организации империи и после Диоклетиана.

Одновременно с возникновением двух августов территория империи была разделена на две половины, и каждая половина делилась в свою очередь на две префектуры: Восточная — Восток и Иллирик, Западная — Италия и Галлия. Термин префектура был отвлечен от названия сановника — префект претория, который некогда был командиром гвардии, а с течением времени превратился в канцлера империи и центральный орган управления военными силами государства. Его компетенция потерпела существенный ущерб вследствие устранения из его ведения армии, но он сохранил свое значение высшего административного поста и пользовался титулом vir illustris. Император в обращениях к нему называл его почетным именем родитель, parens. Префекты стояли во главе гражданского управления префектуры и так как подати, собираемые в натуре, т. е. прежде всего хлеб, хранились в магазинах, состоявших в их ведении, то префекты имели отношение к интендантской части армии.[165] Все императорские указы административного характера издавались на имя префектов претория.

Ближайшими к префектам сановниками по управлению были викарии, стоявшие во главе диоцез, на которые делились префектуры. В префектуре Востока было пять диоцез: Египет, Восток, Понт, Азия, Фракия; в префектуре Иллирика — две: Дакия и Македония.[166] Префектура Италии делилась на четыре диоцезы: две в Италии, Иллирик (Далмация) и Африка; префектура Галлии — на три: Британния, Семь провинций (Галлия), Испания. Некоторые викарии имели особые титулы: так, начальник Египта назывался префектом Августалом, praefectus Augustalis, а викарий диоцеза Востока, имевший резиденцию в Антиохии, комитом Востока, comes Orientis.

Всего диоцез, по данным, которые сохранила нам *Notitia dignitatum*, было 14; но это не первоначальная цифра, так как при Диоклетиане их было 12. Диоцезы представляли весьма обширные территории, и каждая из них подразделялась на провинции, общее число которых было при Диоклетиане 97, а в пору *Нотиции* — 117, из них 61 приходилась на Восточную империю.

Общий термин для правителей провинций был презид, praeses,[167] а также iudex (судья). В восточной половине империи два из них имели титул проконсулов, 15 — консуляров, 40 назывались специально praesides и 2 — correctors. В некоторых провинциях с воинственным населением, каковы: Аравия, Исаврия, Мавритания, во главе управления стояло лицо, соединявшее в своих руках гражданскую и военную власть и носившее титул come et praeses. Обязанности презида, помимо отношения к надзору за исчислением и взиманием податей, состояли,

---

[162] Dig. 1,9,12. Senatores autem accipiendum est eos, qui a patriciis et consulibus usque ad omnes illustres viros descendunt, quia et hi soli in senatu sententiam dicere possunt.

[163] *Just. Nov.* 62. Quando silentium tantummodo propter alicuius causae examinati nem pronuncietur, etsi non addatur conventus vocabulum. *Malala.* De ins. c. 49, p. 174, 36-175, 4 — Καί έποίησε σιλέντιον 'Ιουστινικνός καί κόμεντον κελεύσας πάντας τούς άοχοντας είσελθείν καί τον πατοιαοχην Εύτύχιον καί τινας έκ τών σχολών...

[164] *Tacit.* Agr. c. 9. Credunt plerique militaribus ingeniis subtilitatem deesse, quia cast rensis iurisdicitio secura et obtusior ac piura manu agens calliditatem fori non exerceat.

[165] Это бремя их власти, при тогдашнем характере армии, нередко подвергало опасности их жизнь. См.: *Амм. Марц.* 1,13 (14, 10, 4); 2, 32 (20, 8, 20).

[166] Викариев в Восточной империи было шесть — *Not. dign.* Oriens, c. 1, 16-18. В Дакии не было особого викария, см. комментарий *Booking'a,* p. 125.

[167] Dig. 1,18,1. Praesidis nomen generale est et omnes, provincias regentes, licet senators sint, praesides appellantur, proconsulis appellatio specialis est.

по определению Ульпиана, прежде всего в заботе о мире и спокойствии в стране, подчиненной его власти. Президъ долженъ былъ разыскивать воровъ, разбойниковъ и всякихъ злодеевъ, подвергать ихъ наказанію по дѣйствующимъ законамъ, а также карать ихъ укрывателей.[168] Судебныя функціи презида включали право приговора къ смертной казни, ius gladii, и къ ссылкѣ въ рудники, in metalla.[169] Президы имѣли свою резиденцію въ главномъ городѣ провинціи и объѣзжали страну для общаго надзора. При префектахъ, викаріяхъ и президахъ состояли большіе штаты чиновниковъ, которые были поделены на канцеляріи и исполняли также разнаго рода порученія, помимо канцелярской службы. При зачисленіи на службу онъ давали присягу и за внесеніе въ списки служащихъ уплачивали извѣстные взносы въ пользу начальника той канцеляріи, въ которую вступали.[170] Чиновники, состоявшіе на службѣ при префектахъ и викаріяхъ, назывались officiates при отставкѣ получали разнаго рода привилегіи. Чиновники, составлявшіе штатъ президовъ, назывались cohortalini и стояли въ ранге ниже, чѣмъ оффиціалы. В отношеніи къ нимъ существовало обязательство наследственности службы для ихъ потомства.[171] За незаконные поступки начальствующихъ лицъ взысканію подвергались какъ они сами, такъ и ихъ канцеляріи, и в *Феодосіевомъ Кодексе* сохранилось много указовъ с угрозой штрафа канцеляріямъ.

Территорія каждой провинціи подразделялась на городскіе общины civitates, с принадлежащей имъ и изъ нихъ управляемой областью. Этотъ порядокъ былъ для однихъ местностей наследіемъ далекаго прошлаго, а для другихъ являлся результатомъ воздействія римскаго управленія. Такіе страны, какъ Сицилія, Греція, Македонія, Малая Азія, Сирія, вступили подъ римскую власть с живыми и привычными издавна к самостоятельной политической жизни городами-государствами, какъ Сиракузы, Аѳины, Родосъ, Смирна, Антіохія и т. д., и римское государство, устанавливая формы зависимости отъ центра государственной власти, сохраняло эти деленія и эти единства. В самой Италіи разложеніе большихъ племенныхъ союзовъ на отдельные общины было творческимъ деломъ Рима и поддерживалось основаніемъ колоній. В западныхъ областяхъ — Галліи, Британніи, Испаніи — первоначально деленіе на племена подвергалось общей регламентаціи во время присоединенія к имперіи, и центръ племени получалъ постепенно видъ и устройство города по образцу римскихъ городовъ, а также создавались колоніи, восполнявшіе отсутствіе городовъ. Такъ было в Галліи, Испаніи, а особенно в Дакіи, приобретенной Траяномъ. Уже при Цезаре изданъ былъ общій законъ, регулировавшій отношенія городского самоуправленія в Италіи, lex Julia municipalis. Колоніи при своемъ основаніи получали каждая свою хартію (lex coloniae) по одному общему типу.[172] Такъ постепенно по всему римскому міру утвердился общій типъ городского свободного самоуправленія, и только в странахъ с более диким и менее поддававшимся культуре населеніемъ сохранялось другое, более примитивное, деленіе на племена.[173]

Надписи I и II вековъ даютъ намъ богатые свидетельства о процветаніи муниципальнаго строя какъ в Италіи, такъ и в другихъ странахъ. Города имѣли свой сенатъ — общее имя его curia, своихъ выборныхъ представителей, свою полицію, свои суды, свое финансовое управленіе. Низшій классъ населенія, plebs, выделялъ изъ себя классы купцовъ и ремесленниковъ, в среде которыхъ действовало начало корпорацій. Общины имѣли свои имущества и особое управленіе ими для общественныхъ нужд.

Временные разстройства финансовъ общинъ вызывали иногда уже в I веке назначеніе отъ императора особыхъ ревизоровъ, curatores. При Траяне посылались иногда и в провинціи сановники с особыми полномочіями для общей ревизіи и исправленія вышедшихъ наружу разстройствъ в управленіи общественными имуществами. На такихъ правахъ былъ Плиній Младшій в Вифиніи в 112-113 годахъ. В его переписке с императоромъ сохранилось немало весьма ценныхъ данныхъ для уразумѣнія отношеній центральнаго правительства к органамъ местнаго самоуправленія.

Во второй половине II века, при Марке Аврелии, благосостояніе имперіи пошатнулось подъ воздействіемъ внешнихъ причинъ. На востоке обострились отношенія с Парфянской державой, а на дунайской границе начался напоръ германскаго міра. Чума, занесенная с востока по окончаніи войны с парфянами, уменьшила населенность Италіи и западныхъ областей. Преобладаніе арміи какъ главнаго органа в поддержаніи государственнаго единства и проникновеніе в ее среду варваровъ, превращеніе императора в главнокомандующаго какъ тяжкая необходимость настоящаго, непрерывный рядъ военныхъ революцій в теченіе III века, провинціальный сепаратизмъ, множившій число претендентовъ на императорскій санъ, — все эти бедствія тяжко отражались на внутреннихъ отношеніяхъ имперіи, осложнявшихся к тому же борьбой с новой религіей, подрывавшей старые основы жизни. Оскуденіе благосостоянія государства изменило отношеніе центральнаго правительства к местному самоуправленію тѣхъ политическихъ единицъ, на которы были разделены провинціи, т. е. городскихъ общинъ. Борьба за государственное единство и безопасность его границъ требовала огромнаго напряженіи военныхъ силъ. Нуждаясь прежде всего в деньгахъ на содержаніе военной силы, правительство стало на тяжкій путь

---

[168] Ib. 1, 18, 13.
[169] Ib. 1, 18, 6, 9.
[170] Cod. Just. 12, 19, 7, 2.
[171] Cod. Theod. 8, 7, 19 (387 г.); 8, 4, 28 (423 г.); 30 (436 г.); 12, 1, 184 (423 г.).
[172] Знаменитые эпиграфическіе тексты: Lex Coloniae Iuliae Genetivae, Lex Malacitana, Lex Salpensana.
[173] Моммзен в своемъ кратком изложеніи системы римскаго государственнаго права (Abriss etc. 280), даетъ такое определеніе римскаго государства: «Der Romerstaat im Allgemeinen genommen ist aufzufassen als Inbegriff einer Anzahl unter der Vollmacht Roms zusammengefasster, mehr oder minder selbstandiger Stadtgemeinden».

закрепощения всех классов населения. Главный источник государственных доходов, поземельная подать, исчислявшаяся для всего государства на основании земельного кадастра, распределялась по городским территориям, и дело ее взимания лежало на городски сенатах, curiae. Ответственность за получение налога полностью была возложена на куриалов с круговой порукой. Курии, пополнявшиеся некогда путем выбора из местной знати, стали получать свой состав по назначению от правительства, а еще позднее превратились в замкнутое сословие, на которое правительство возлагало бремя всяких повинностей. Деспотизм и произвол органов центрального правительства отражались многообразными бедствиями на жизни городских общин. Правительство изощрялось в способе преграждать декурионам возможность освобождения от тягостей их звания и воспрещало выход из наследственного состояния. Куриалы были лишены права поступать на государственную службу, и так как их поземельная собственность являлась гарантией платежной силы общины, то они были ограничены в праве распоряжения ею.

Ярмо закрепощения, легшее на класс земельных собственников, было распространено также и на низший класс городского населения, ordo plebeius. Сюда входили люди торгового и ремесленного труда и промысла. В пору процветания муниципального самоуправления в империи в этой среде" был широко распространен обычай соединяться в общества, collegia. Союзы людей однородного занятия или ремесла вносили оживление в жизнь городов империи в пору ее благосостояния, принимали участие в местной политической жизни, а некоторые из них брали на себя службу своему городу на общую пользу сограждан. Так, во всех городах империи пожарное дело обслуживали общества плотников, fabri, и центонариев, centonarii (от слова centones, как назывались грубые ткани, употреблявшиеся при тушении пожаров).[174] Уже от времени Септимия Севера сохранилось свидетельство о том, что правительство, предоставляя право составить общество, т. е. ius coeundi, торговцам и ремесленникам, рассматривало их общества как органы, отправлявшие известную общественную службу; это и служило основанием предоставления им тех или иных льгот.[175] При Александре Севере (222-235) торговцы и ремесленники всех видов труда были организованы в корпорации, corpora, поставлены под начальство определенных судей и получили от правительства особых представителей, уполномоченных отстаивать общие интересы членов корпорации, defensores.[176] Так было положено начало тому порядку, который действовал в IV веке по всей империи. Во всех городах были свои коллегиаты, collegiati, разных видов труда, обслуживавшие интересы своей городской общины. Правительство рассматривало труд ремесленника как наследственное состояние и лишало коллегиатов права покидать родной город и искать других способов пропитания. Это закрепощение возмещалось предоставлением льгот от тех или иных повинностей, munera, лежавших на населении общины. В указе имп. Константина от 337 года перечислено 36 видов ремесел и искусств, представители которых были освобождены от натуральных повинностей, чтобы они могли иметь досуг для лучшего усвоения своего мастерства и обучения ему своих детей.[177]

Ранговое различие между куриалом и коллегиатом определенно сказывается в размерах штрафов за укрывательство их властными людьми: за куриала штраф положен в пять фунтов золота, а за коллегиата — в один.[178]

Все усилия правительства удержать своих подданных за возложенным на них тяглом оказывались бессильными в пограничных областях, где население таяло под напором варваров.[179] Состояние отдельных стран, входивших в состав империи, было в ту пору различно, и можно утверждать, что иго закрепощения сказывалось сильнее в западных областях империи, чем на Востоке с его греческой культурой и более высоким экономическим развитием, унаследованными от прошлых времен.

Расстройство благосостояния во многих общинах в IV веке вызвало при Валентиниане I общую меру в виде создания новой должности — защитника общины, defensor civitatis, в 364 году для Иллирика, а в 365 году для всей империи.[180] Защитник был обязан охранять от притеснений людей низшего звания со стороны декурионов и органов правительства и имел юрисдикцию в делах до 50 солидов.[181] Первоначально защитники должны были избираться из бывших членов администрации на пятилетний срок; позднее условия были изменены, и избрание производилось в собрании высшего класса городской общины с участием епископа. Утверждал избранного префект претория, и соответственно этому защитник имел право личных сношений по делам со всеми высшими

---

[174] Материал по этому вопросу был сопоставлен мною в исследовании *Коллегии в Древнем Риме* (Киев, 1882. Приложение. С. 109-137).

[175] Dig. 50, 6, 6. Quibusdam collegiis vel corporibus, quibus ius coeundi lege permissum est, immunitas tribuitur: scilicet eis collegiis vel corporibus, in quibus artificii sui causa unusquisque adsumitur, ut fabrorum corpus est et si qua eandem rationem originis habent, id est idcirco instituta sunt, ut necessarium operam publicis utilitatibus exhiberent.

[176] *Lamprid. v.* Alex., c. 33. Corpora omnium constituit vinariorum lupinariorum caligariorum et omnino omnium artium idemqueex sese defensores dedit et iussit, qui ad quos iudices pertinerent.

[177] Cod. Theod. 13,14,2 = Cod. Just. 10, 66,1.

[178] Cod. Theod. 12, 1, 146 (от 396 г.).

[179] *Амм. Марц.* 3,214-215 (30, 5, 6-10).

[180] Cod. Theod. 1, 11 (29), 1 и 2 (Cod. Just. 1, 55, 1).

[181] Ib. 1, 55, 1, 3.

чинами двора. Главным делом защитника была охрана землевладельцев от захвата со стороны сильных людей.[182]

В это тяжкое время всеобщего закрепощения сохранялся от старых времен обычай отправлять к императору депутации от провинциальных сеймов и отдельных городских общин с приветствиями по разным поводам или с просьбами и жалобами. Такие депутации обыкновенно подносили императору золотой венок или известную сумму денег в виде монеты, aurum coronarium. В эпиграфическом материале сохранилось много милостивых рескриптов, которыми отвечали императоры на просьбы населения.[183] Обычай этот продолжал действовать и в IV веке. Местом, где разбирались жалобы просьбы провинциального населения, был консисторий.[184] В его заседания ставились решения по возбужденному вопросу, и обнаружившиеся злоупотребления со стороны администрации вызывали взыскания и соответственные кары виновных.

Для ясности представления о пределах восточной империи будет уместно приложить список провинций, входивших в две ее префектуры, с указанием главных городов провинций.

I. Префектура Востока:

Диоцезы: 1. Восток

1.	Первая Палестина	Кесария,
	Приморская Финикия	Тир,
	Первая Сирия	Антиохия,
	Первая Киликия	Тарс,
5.	Вторая Киликия[185*]	Аназарб,
	Кипр	Констанция,
	Аравия	Востра,
	Исаврия	Селевкия,
	Палестина Salutaris[186**]	Петра,
10.	Вторая Палестина	Скифополь,
	Финикия Ливанская[186**]	Эмеза,
	Евфратизия	Иераполь,
	Сирия Salutaris[185*]	Апамея,
	Осроена	Эдесса,
15.	Месопотамия	Амида.

2. Египет

1.	Верхняя Ливия	Созуса,
	Нижняя Ливия	Паратоний,
	Фиваида	Птолемаида,
	Египет	Александрия,
	5.Аркадия	Кино,
	Августамника	Ринокорура.

3. Азия

1.	Памфилия	Перга,
	Геллеспонт	Кизик,
	Лидия	Сарды,
	Писидия	Антиохия Писидийская,
5.	Ликаония	Иконий,
	Фригия Pacatiana	Лаодикея,
	Фригия Salitaris	Евкарпия,
	Ликия[185*]	Миры,
	Кария	Милет,
	Острова	Родос,
	Азия	Ефес.

4. Понт

	Галатия	Анкира,
	Вифиния	Никомидия,
	Гонория[187***]	Клавдиополь,

[182] Cod. Just. 1, 55, 8 (409 г.). — *Orënon.* Etude historique sur le defensor civitatis / N. Rev. du droit fr. et etr. 1889, 321-362.

[183] Имеющийся в отдельных изданиях материал сопоставлен в хронологической порядке для первых веков нашей эры в специальном исследовании: проф. *Турцевич И. Г.* Обращения к императору провинциальных сеймов, городских и других общин в первые три века римской империи. Нежин, 1900.

[184] Dig. 50,7,1-18: de legationibus, тексты из творений юристов. Cod. Theod. 12,12 De legatis et decretis legatorum, 12 указов от 355 до 426 г.

[185*] Организована в особую провинцию при Феодосии II. *Malala.* 265.

[186**] Выделены при Феодосии I. *Malala.* 347, 14; 345, 3.

Первая Каппадокия ..... Кесария,
5. Вторая Каппадокия ..... Тиана,
Понт Полемона ..... Неокесария,
Еленопонт ..... Амасия,
Первая Армения ..... Севастия,
Вторая Армения ..... Мелитена,
10. Галатия Salutaris[188*] ..... Пессинунт,
Пафлагония ..... Гангры.

5. Фракия

1. Европа ..... Евдоксиополь,
Фракия ..... Филиппополь,
Гемимонт[189**] ..... Адрианополь,
Родопа ..... Энос,
5. Вторая Мезия ..... Маркианополь,
Скифия ..... Томы.

II. Префектура Иллирика:

Диоцезы: 1. Македония.

1. Ахайя ..... Скарфия,
Первая Македония ..... Фессалоника,
Крит ..... Гортина,
Фессалия ..... Ларисса,
5. Старый Эпир ..... Никополь,
Новый Эпир[189**] ..... Диррахий,
Македония Salutaris ..... Стобы.

6. Дакия

1. Средиземная Дакия ..... Сардика,
Побережная Дакия ..... Рациария,
Первая Мезия ..... Виминакий,
Дардания ..... Скупы,
Превалитана ..... Скодра.

4. СИСТЕМА ОБЛОЖЕНИЯ И ФИНАНСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Главным и основным налогом в империи был поземельный. Римский народ освободил себя от него, когда завоевание богатых провинций позволило ему жить за их счет и трактовать завоеванные страны как имения римского народа, и с 167 г. до н. э. Италия в пределах расселения римских граждан была свободна от прямых податей. С объединением всей Италии в праве римского гражданства, эта льгота простерлась на всю страну, вышла и за ее пределы под понятием ius italicum для римских колоний. В тяжкое время междоусобных войн триумвиров не раз отменялась эта старая льгота, немало пострадала Италия и от конфискации земель в пользу ветеранов Цезаря и Августа, но с установлением мира восстановлена была и старая льгота. Ценз, который производил уже Август для разных областей империи, давал основу для исчисления налога по городским общинам и целым провинциям. С течением времени выработались весьма точные формы оценки земельного имущества.[190] При Диоклетиане произведен был полный общий кадастр империи с целью точного установления податных сил государства. Одновременно с тем Италия потеряла свои старые льготы, и на нее простерто было бремя, лежавшее на провинциях. Только город Рим и ближайшие окрестности его в ту пору были изъяты в уважение победы Рима над миром. Эта идея исключительных прав Рима прочно жила в сознании, и нередко ее выставляли основанием разных льгот и чрезвычайных щедрот, оказываемых населению Рима.

Система обложения получила при Диоклетиане единую и общую для империи форму. На основании кадастра в каждой провинции было исчислено количество единиц обложения, которые носили имя iugum или caput. Отсюда термин iugatio или capitatio terrena для поземельной подати. Наряду с этим главным прямым налогом существовал другой, который назывался также capitatio, но с прибавкой humana, и обозначал подушную подать, лежавшую на безземельном населении.

В научной литературе по вопросу о поземельной подати доселе существует разногласие о том, следует ли разуметь под caput идеальную единицу, соответствующую определенной стоимости, тысяче солидов, или же реальную, соответствующую определенному числу единиц измерения территории, которая, однако, может быть больше или меньше в соответствии с качеством земли и ее доходностью. Савиньи отстаивал первое толкование и

---

[187]*** Выделена при Феодосии II. Позднее, при Юстиниане, по указу 535 г. (Nov. 29), Гонория была восстановлена в старом единстве с Пафлагонией, а главным городом остался Клавдиополь.

[188*] Выделена при Феодосии I. *Malala.* 348, 6.

[189**] Выделены при Феодосии I. *Malala.* 342, 11; 345, 6.

[190] Dig. *50*,15, 4 — из Ульпиана.

полагал, что caput был только идеальной единицей, которая соответствовала цене 1000 солидов.[191] Но язык многих указов *Феодосиева Кодекса*, относящихся к вопросу о взимании поземельной подати, позволяет предположить, что caput был исчисляем как территория, т. е. имел реальное значение. Так, для провинции Африки proconsularis в указе 422 года число податных единиц определяется так: 9002 центурии и 141 югер обложены податью, а 5700 центурий и 144 ½ югеров не обложены; для провинции Бизацены — 7460 центурий и 180 югеров обложены, а 7615 центурий и 3 ½ югера — не обложены.[192] Центурия в Африке исчислялась в 200 югеров. Один недавно найденный в виде надписи указ, изданный между 367 и 375 годами, дает для провинции Азии такие цифры числа единиц обложения: 6736 ½ — iuga opima atque idonea и 703 — iuga deserta et sterilia.[193] В империи существовали местные различия в исчислении подлежащих обложению земельных владений и разные термины для одного и того же понятия единицы обложения.[194] В сборнике законов, переведенном с греческого языка на сирийский в 501 году,[195] сохранились точные указания на то, как исчислялась единица обложения на востоке. Земля была измерена на римскую меру — югер и делилась по характеру культуры на семь разрядов: 1) виноградники, 2) масличные насаждения первого разряда, 3) масличные насаждения второго разряда, 4) пахотные земли первого разряда, 5) пахотные земли второго разряда, 6) горные местности, или земли третьего разряда, 7) луга. По доходности за единицу обложения, ἰυγὸν, принимали: 1) пять югеров земли под виноградниками, 2) двадцать югеров земли первого разряда, 3) сорок югеров земли второго разряда, 4) 60 югеров земли третьего разряда, 5) 225 оливковых деревьев первого разряда, 6) 450 оливковых деревьев второго разряда, 7) луга — оценивались по доходности.

На основании данных оценки определялось общее число единиц обложения, capita или iuga, в каждой общине и провинции.[196] Сумма, подлежащая уплате в виде прямой поземельной подати с диоцезы, исчислялась в центре управления, канцелярии префекта претория, по провинциям и публиковалась в указе от имени императора на 15 лет (indictio). Ввиду стихийных бедствий, постигавших те или другие местности, император или вовсе отменял взыскание подати, или сбавлял число iuga, исчисленных в общей сумме на данную область.

Поземельный налог платили все собственники земли, possessores, независимо от своего положения и ранга. На основании императорского указа, префект делал распоряжение о взыскании подати в пределах своей префектуры, а правители провинций передавали приказ городским общинам в отдельности. Представительство общины, декурионы, раскладывали общую сумму на наличных плательщиков по количеству и качеству их владений и имели в своем распоряжении чиновников, которые назывались логографами и табулариями, logographi и tabulari. Податные списки представлялись на утверждение презида провинции. Взыскание подати производили особые агенты, exactores. Подать взыскивалась в три срока: 1 сентября (откуда позднейшее, ставшее в Византийской империи обычным, начало года с этого дня), 1 января и 1 мая. Взыскиваемые суммы сдавались приемщикам, susceptores, которые были обязаны выдавать квитанции (apochae, securitates) с точным обозначением даты и количества взысканной суммы денег или продукта, с указанием на число единиц обложения (ὑγοκέφαλα)[197]. Взысканные деньги препровождались к правителю провинции, который пересылал их в кассу префекта претория.

Подать взималась отчасти в виде денег, отчасти, смотря по местности, натурой: хлебом, вином, маслом. Сбор натурой производился особенными сборщиками под наблюдением местных сельских властей. Хлеб доставлялся в императорские житницы, horrea, находившиеся в заведовании особых чиновников, называвшихся препозитами, praepositi. Общее заведование хлебными магазинами лежало на префекте претория, который тем самым имел отношение к интендантской части имперской армии.

Поземельная собственность была обложена, помимо денежных и натуральных повинностей, еще одним налогом, а именно поставкой рекрутов, tironum praebitio. Старое представление о военной службе как обязанности каждого гражданина было давно забыто, и поставка рекрутов рассматривалась как налог на имущество.[198] По расчету количества земли отдельные собственники ставили по несколько рекрутов, или же, напротив, несколько мелких собственников ставили одного человека. От этой обязанности не были освобождены императорские домены. Крупные собственники сдавали в солдаты колонов, и Вегеций (время Феодосия I)

---

[191] *Savigny.* Vermischte Schriften, 2, 67-215. Ueber die römische Steuerverfassung unter den Kaisern.

[192] Cod. Theod. 11,28,13. — Римский югер — 0, 252 гектара, т. е. около четверти нашей десятины.

[193] *Schulten.* Zwei Erlasse der Kaisers Valens Uber die Provinz Asia // Jahreshefte des Oesterreichischen Instituts. 1906. S. 40 сл.

[194] Novella Just. 128, 1: ὑπὲρ ἑκάσιον ἰούγον ἢ ἰονλίων, ἢ κεντονρίων ἢ ἄλλωνοίωνδήποτε ὀνομάτων.

[195] *Bruns and Sachau.* Syrisch-romisches Rechtsbuch aus dem V Jahrhundert. 1880, §121. S. 37, 286-289.

[196] По исчислению Шультена обложение составляло одну десятую урожая. См. его статью: Von antiken Kataster // Hermes. XLI. 1906. P. 1-44.

[197] Сюда относятся указы: Cod. Theod. 12,6,18-383 г.; 11,1,19-384; 12,6,23-389; 12,1,173-410; 12,6,32-420 и сохранившийся в виде надписи указ префекта претория Востока Диоскора от 472 или 475 года со ссылкой на указ префекта Пузея (465 г.). Этот памятник издан: *Zachariae von Lingenthal.* Monatsbericht d. Berl. Akad. 1879, Februar. S. 159-169.

[198] Cod. Theod. 7, 13, 7 (375). Tironum praebito in partimoniorum viribuspotiusquam in personarum muneribus collocatur.

жалуется, что в солдаты попадают самые плохие люди, которыми тяготятся их господа.[199] Ввиду того, что государство имело возможность вербовать на службу за деньги варваров и предпочитало их в качестве солдат, нередко допускалась замена людей соответствующей суммой денег. По указу о наборе от 375 года откуп определен в 36 солидов,[200] 397 — 25[201], 410 — 30[202].

Промышленное население городов платило раз в четыре года особый налог, введение которого принадлежит Константину Великому. Он называло lustralis collatio и обнимал все виды промысла. К сбору этого налога не имели отношения декурионы, а купцы и ремесленники, занесенные в особы списки, matricula, выбирали из своей среды старшин, mancipes, которы производили раскладку и взыскивали деньги.[203] При полном отсутствии статистических данных по вопросу об этом налоге, интересно отметить одно случайное известие о сумме, какую давал этот налог в одном городе на крайне Востоке империи в конце V века. Иешуа Стилит сообщает, что Эдесса, главный город провинции Осроены в Месопотамии, платила каждые четыре года 140 фунтов золота.[204]

В соответствии с поземельной податью, capitatio terrena, существовала другая прямая подать — подушная, capitatio humana. По-видимому, она была вначале распространена на все население империи, кроме поземельных собственников. Но скоро начались изъятия в пользу городского населения. Сохранился указ Константина от 313 года, в котором городское население провинций Ликии и Памфилии освобождается от этой подати, причем законодатель замечает, что таково общее положение городов востока, т. е. все диоцезы, носившей имя Восток.[205] От 395 года имеется такое изъятие от подушной подати для всей Фракии, причем оно распространяется и на колонов, т. е. сельское население.[206] Но подушная подать несомненно существовала и лежала на сельском населении. От 386 года имеется указ относительно Армении и Каппадокии о новом, по-видимому облегченном, способе обложения,[207] и во всех указах о ветеранах речь идет о разных условиях изъятия их и их семейств от подушной подати.[208]

Кроме указанных общих налогов, существовали особые, имевшие сословный характер. Так, сенаторское сословие было обложено особыми сборами. Таков был, во-первых, налог, называвшийся gleba или follis. Так как сенаторское сословие было связано со столицей, то там существовало особое ведомство, состоявшее из оценщиков, censuales, которые вели списки имущества сенаторов. На основании этих сведений исчислялся налог для каждого сенатора и взыскивался через правителей провинций или муниципальное управление тех мест, где лежали имения. Поэтому, в обеспечение защиты от злоупотреблений, в провинциях были особые защитники сенаторов, defensores senatorum. Наименьшая сумма налога с сенаторов, не имевших земельных владений, была 7 солидов, более богатые платили от 2 до фунтов золота.[209]

Второй налог, лежавший на членах сенаторского сословия, назывался aurum oblatitium или coronarium и подносился в виде подарка императору в день нового года. Валентиниан II в десятилетие своего правления (385 г.) получил 1600 фунтов золота, или 115 200 солидов.[210] По указу 395 года римские сенаторы должны были подносить императору по одному фунту золота.[211]

Этот специальный налог на высшее сословие империи был продолжением старого обычая подносить императору золотые венцы от городских общин по случаю радостных событий: вступления во власть, победы над врагом, принятия консульства и т. п. Он восходит к самому началу императорского режима, действовал уже при Августе[212] и удерживался затем непрерывно, получив форму экстренного обложения высшего в империи сословия. Он имел широкое распространение в империи и вошел в нравы населения и администрации. В *Феодосиевом Кодексе* сохранился целый ряд указов, из которых видно, что правители провинций превращали этот обычай в обложение всего населения общин. Центральное правительство старалось ограничить это злоупотребление и выставляло принцип, что подношение золотого венца императору должно быть актом доброй воли со стороны более зажиточного класса, т. е. куриалов, не имея принудительного характера, и размеры взносов должны быть делом доброй воли.[213] Все поступления по прямым налогам на население сходились в казначейство, находившееся в ведении префекта претория, area praefecturae. Из этого источника

---

[199] *Veget*. Epist. rei mil. 1, 7. Tales sociantur armis, quales domini habere fastidiunt.
[200] Cod. Theod. 7, 13, 7, 2.
[201] Ib. 7, 13,13.
[202] Ib. 13,1,20.
[203] Ib. 13,1,17.
[204] Chronique de Josua Stytite. ch. 32.
[205] Cod. Theod. 13,10,2.
[206] Cod. Just. 11, 32. Указ обращен к префекту претория Руфину от имени трех императоров, Феодосия и обоих его сыновей.
[207] Cod. Theod. 13,12, 2: Cum antea persingulos viros, per binas vero mulieres capit' norma sit censa, nunc binis ac ternis viris, mulieribus autem quaternis unius penden capitis adtributum est.
[208] Cod. Theod. 7, 20, 4 (325 г.).
[209] Cod. Theod. 6, 2, 15 (393 г.); 26, 12 (401 г.). Налог этот был уничтожен в 450 году. Cod. Just. 12, 2, 22.
[210] *Symmachi* Rei. 13, 2.
[211] Cod. Theod. 7, 24.
[212] Monum. Ancyr. c. 21.
[213] Cod. Theod. 12, 13 — De auro coronario, шесть указов от 362 до 387, и 8,11 — Ne quid publicae laetitiae nuntii ex descriptione vel ab invitis accipiant, пять указов от 364 до 389 г.

деньги шли на содержание армии и жалованье всем чиновникам как двора, так и всей империи.[214] Таким образом, префект претория, помимо своей должности в качестве центральной инстанции по управлению, исполнял функции того лица, которое в наше время носит название министра финансов. Наряду с префектами, финансовое управление имело еще двух представителей, заведовавших двумя казначействами, состоявшими в непосредственном ведении императора: aerarium sacrum и aerarium privatum. Эти казначейства пополнялись отчасти из средств, поступавших через префекта, отчасти от косвенных налогов и тех статей, которые считались частным имуществом императорского дома. Заведовавшие ими сановники носили названия: первый — комит царских щедрот, comes sacrarum largitionum, второй — комит частного имущества, comes rerum privatarum.

Комит царских щедрот имел при себе большой штат, officium, разделенный на 10 канцелярий, scrinia, с особыми примициериями, primicerii, и одним главным примицерием всего ведомства. В каждой диоцезе были особые «комиты щедрот»; им были подчинены чиновники, называвшиеся rationales summarum. Для заведования разными кассами на местах были еще и другие комиты в общем подчинении комиту щедрот.

В «священный эрарий» поступали доходы: 1) от поземельного налога, люстральной подати, подушной (capitatio), налога с сенаторов и декурионов;
2) от косвенных налогов — пошлины (portoria, κομμέρκια), от продаж (vena licium); 3) доходы с рудников и каменоломен, соляных копей; 4) доходы с императорских фабрик. В заведовании комита щедрот находился также монетный двор.

Комит частного имущества императора имел свой штат из нескольких канцелярий, состоявших под управлением общего примицерия, а в провинциях его органами были счетные чиновники, rationales rerum privatarum, и прокураторы, procuratores rei privatae. На организацию этого управления воздействовали формы частного хозяйства, которые в Риме, еще в период республики, получили широкое развитие в деятельности компаний откупщиков.[215]

В частную казну поступали, во-первых, доходы от государственных угодий как пахотных земель, сдававшихся в аренду или обрабатываемых колонами, так и обширных пространств, эксплуатируемых для разведения скота; во-вторых, доходы с императорских имений, стад и табунов; в-третьих, доходы с имений, принадлежавших лично императору, fundi patrimoniales. Наконец, сюда же входили доходы со всех конфискованных имуществ, bona damnatorum, и всех имуществ, оказывавшихся бесхозяйственными, bona caduca.

5. АРМИЯ И ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ[216]

Когда Август после победы над Антонием оказался единым повелителем всех военных сил республики, на него легла тяжкая забота положить конец революционному состоянию, в каком находилась армия за время борьбы претендентов на единовластие. Он рассчитался с обязательством, которое лежало на нем перед солдатами, путем тяжкой для населения Италии конфискации земельного имущества в большом числе городских общин. Число легионов Август сократил до 18 и большую часть этой силы распределил по границам империи. Многочисленные войны, которые пришлось вести Августу за время его правления, вызвали увеличение числа легионов до 25. По-видимому, еще в конце его жизни легионы были распределены так, как сообщил об этом Тацит для 23 года. По линии Рейна стояло 8 легионов, в областях придунайских, которые только при Августе окончательно вошли в пределы империи, 6 легионов (2 — в Паннонии, 2 — в Далмации и также 2 в Мезии), 4 легиона охраняли Сирию, 2 — Египет, 2 — Африку. Три легиона, стоявшие в Испании, хотя и давно покоренной, но далеко еще не мирной стране, дополняли общее число легионов до 25.[217] Каждый легион получил свою постоянную стоянку, castra stativa. В легионах имели право служить только полноправные римские граждане. Продолжительность службы для поступающих в легионы была установлена в 20 лет.[218] Право солдата на земельный надел по окончании срока службы, как оно установилось в период революции, не было отменено, но к концу своего правления Август создал замену его единовременной денежной наградой при отставке. В 6 г. по Р. Х. Август ввел два новых косвенных налога и основал особую казну, aerarium militare, в которую поступали доходы от этих налогов. Солдат легиона при отставке мог получать из военного эрария 3 тысячи динариев (12 тыс. сестерций) в замену земельного надела.[219]

---

[214] Cod. Theod. 7, 4, 17 (377 г.); 32 (412 г.); 35 (423 г.).

[215] При Анастасии ведомство комита частного имущества императора разделилось на два, и наряду с тем, которое удержало старый титул, возникло другое, глава которого назывался comes sacri patrimonii. Весь материал по вопросу об этом новом сановнике исчерпывается указом Анастасия, сохраненном в Кодексе Юстиниана (1, 34), и упоминанием у Иоанна Лидийца (De mag. 2,27). По-видимому, в ведомство нового сановника отошли царские имения. Он заведовал получением доходов с них и производил соответственные взыскания с подчиненных ему землевладельцев, как свободных арендаторов, так и эмфитевтов и колонов.

[216] Общая картина развития римской армии в связи с историей государства представлена мною в очерке Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. СПб., 1909 (Отд. оттиск: Военный сборник. 1909, август. С. 1-27).

[217] *Tacit.* Ann. 4, 5.

[218] Первоначально Август установил 16 лет для службы в легионах, но затруднения в уплате денег при отставке вызвали перемену. См.: *Dio Cass.* 55, 23.

[219] *Dio Cass.* 55,23. При Калигуле сумма эта, ввиду затруднений казны, была понижена на половину и, вероятно, восстановлена при Клавдии. Каракалла ее увеличил до 5 тысяч динариев. *Dio Cass.* 77, 9, 1; *Кулаковский Ю.* Надел

Наряду с армией граждан была другая, носившая общее имя вспомогательных войск, auxilia, которую выставляло провинциальное население в виде пеших и конных полков меньшего состава, в тысячу или пятьсот человек. Эти полки поступали под общее начальство командиров отдельных легионов и составляли с легионом один корпус.

Вначале вспомогательные войска состояли из соплеменников, имели свое вооружение и свой боевой строй. Продолжительность службы в них была 25 лет, и при отставке солдаты получали право римского гражданства для себя и своих семейств. Так военная служба стала способом романизации провинциального населения, и дело это шло особенно успешно и быстро в Галлии.

В составе офицеров Август восстановил старый порядок, созданный римским аристократическим строем. Только низший офицерский чин в легионе, центурионат, был доступен для простого солдата. Командование легионом осталось в связи с сенаторской карьерой и было продолжением преторского сана. Высшие офицеры легиона — трибуны — назначались из молодых аристократов обоих рангов, сенаторского и всаднического сословия. В этом звании они знакомились с военным делом и могли продолжать военную карьеру уже в высшем ранге, после достижения претуры.

В случае больших военных предприятий от легионов откомандировывались отдельные части с особым командованием, равно как и прикомандированные к легиону вспомогательные полки, и формировались в большие армии. В год смерти Нерона в Италию стянуто было много войск для предполагавшейся войны на Востоке.[220] Большие военные предприятия времени Траяна, а затем страшная Маркоманская война в правление Марка Аврелия вызвали возникновение нескольких новых легионов и увеличение числа вспомогательных войск; но общий характер организации армии оставался тот, какой установил Август.

Прогресс романизации западных областей империи отразился на составе армии в том смысле, что легионы и вспомогательные войска объединились в своем составе. Комплектование совершалось на месте стоянки отдельных частей, и римские легионы во II веке состояли уже из провинциального населения. Постоянные лагери легионов, castra stativa, превратились в сильные крепости; около них возникали поселки, из которых с течением времени создались большие города. От стоянки к стоянке легионов протянулась укрепленная линия, limes, с крепостями и фортами, занятыми отдельными военными частями. Грозно смотрел Рим со своих границ на непокоренного еще врага. Так было на Рейне и Дунае, так было в области Евфрата и в сирийских пустынях, на юге Египта и линии гор Атласа в Африке.

Если вспомогательные отряды объединялись с течением времени в своем составе с легионами, то уже во II веке можно констатировать в составе экспедиционных армий новый элемент: отряды, комплектовавшиеся из нетронутых культурой воинственных племен, живших в пределах пограничных провинций империи. Как некогда батавы и другие германские племена, контингенты такого состава являлись под знамена императора в своем национальном вооружении и имели свой боевой строй. Термином для таких отрядов было словно numerus (число). В описании римского лагеря экспедиционной армии середины III века, сохранившемся под именем Гигина, этот новый элемент составляет около одной восьмой части общего состава. Здесь перечислены: маврские всадники — числом 600 человек, паннонские вередарии — 800, пальмиренцы — 500, гетулы — 900, даки — 700, британы (из Норика) — 500, кантабры — 700. Общим термином для нероманизованной части армии служили слова nationes или symmacharii.[221]

В III веке, особенно в пору непрерывного и одновременного в разных местах появления претендентов на императорский венец, а также под влиянием страшных вторжений варваров на Рейне и Дунае, организация армии претерпела весьма существенные и важные изменения. В это время выросло значение конницы, набиравшейся из населения Иллирика и мавров, с помощью которой Аврелиан одержал свои победы на Востоке,[222] а многое было сделано потом, по личной инициативе Диоклетиана и Константина.[223] В результате этих изменений армия разделилась на два разряда: пограничная, сидевшая в старых крепостях и укреплениях по границе, и действующая, которая расквартировывалась на зиму внутри провинций и весною выступала в назначенный пункт для военных экспедиций. От слова comitatus, что значит «свита», а также «главная квартира», действующая армия получила название milites comitatenses. Впоследствии многие из этих полков выделились в привилегированный разряд milites palatini, т. е. гвардию. Войска, расположенные по границе, назывались milites limitanei или, если граница шла по реке, riparienses. Этот разряд войск превратился постепенно в военных поселенцев. Еще со времени Александра Севера (222—235) вошло в обычай предоставлять пограничным солдатам завоеванные на границе земли для обработки, с возложением обязательства военной службы по

ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Киев, 1881 (отд. оттиск: Унив. изв.).

[220] *Tacit.* Hist. 1, 6. Inducta legione Hispana, remanenteea, quame classe Neroconsrip- serat, plena urbs exercitu insolito; multi ad hoc numeri e Germania ac Britannia et Illyrico, quos idem Nero electos praemissosque ad claustra Caspiarum ob bellum, quod in Al- banos parabat, opprimendis Vindicis coeptis revocaverat.

[221] *Domaszewski.* Hygini gromatica Liber de minitionibus castorum. Leipzig, 1887. — Ср.: *Mommsen.* Die Conscriptionsordnungder r6m. Kaiserzeit. VI Nimeri; Die rom. Provinzialomilizen // Ges. Schr. VI, 103-115, 145-155.

[222] *Zosim.* 1, 52, 3. Ср.: *Retterling.* Zum romische Heerwesen des ausgehenden III Jarh // Festschrift Hirschfeld. S. 345-349.

[223] *Zosim.* 2, 34.

наследству на их потомство.[224] В число льгот, связанных с отставкой по выслуге срока службы, входила свобода от подушной подати для ветерана, его жены и родителей,[225] а также денежное и зерновое пособие и пара волов для устройства хозяйства. Занятые ветераном новые земли освобождены навсегда от всяких налогов и повинностей.[226] В IV веке наследственная обязанность военной службы стала общим правилом для всей армии и, таким образом, в империи появилось военное сословие. Общая для всех полков продолжительность службы была при Диоклетиане 20 лет.[227] Состав войск пополнялся, во-первых, из обязательно зачислявшихся в войска детей ветеранов по достижении 18-летнего возраста. Второй элемент составляли сдаточные рекруты.

Обязательность для римского гражданина военной службы никогда не была отменена. Но с изменением социальных условий, распространением прав римского гражданства на всех свободнорожденных жителей провинций набор в солдаты получил совершенно другой вид. Служба в войсках рассматривалась как налог, лежащий на земельном имуществе, и число поставляемых рекрутов рассчитывалось по количеству земельных владений. Богатые землевладельцы ставили по несколько человек, а мелкие — одного в складчину.[228] Государство, имея возможность вербовать германцев, допускало замену рекрута определенной суммой денег.[229]

Наконец, третий элемент для пополнения армии составляли германцы. Поступление германцев на службу империи началось еще при Августе. Прирейнские племена уже в ту пору служили в виде вспомогательных отрядов, auxilia. Позднее, в середине II века, они попадали в римские полки или добровольно, или в силу договора с отдельными племенами, которые после войны принимали на себя это обязательство. Марк Аврелий, заканчивая Маркоманскую войну, взял с сарматов 8 тысяч человек; 5500 из них он отослал в Британнию для службы на северной границе этой провинции, подвергавшейся нападениям непокоренных пиктов и скоттов. Такой конец войны с пограничными варварами стал потом традицией. Когда Аврелиан разбил вандалов в 271 году, он включил в условия мира поставку 2000 всадников на службу в римской армии.[230] Германский элемент в римской армии с течением времени все более усиливался. По условиям соседства, он содействовал германизации преимущественно той армии, которая стояла в западных областях империи. Воинственность германцев имела своим последствием то, что они охотно и в большом числе поступали в солдаты за деньги и облегчали императорское правительство в его затруднениях.

Кроме свободных германцев, приходивших с родины для поступления на военную службу, в IV веке нередко германцы селились в пределах империи и получали от государства земли для обитания с обязательством военной службы. Особенно много таких переселенцев было в Галлии, где они назывались переделанным германским словом laeti и земли их — terrae laeticae. Эти поселенцы позволяли себе иногда захваты, которые приходилось ограничивать,[231] а также грабежи соседних областей.[232]

Старое деление офицерских чинов на доступные простому солдату и замещаемые знатью давно исчезло, а со времени Галлиена всякие военные чины стали даже по закону недоступны для членов сенаторского сословия. Убийца Александра Севера, Максимин Фракиец, заменивший его на престоле в 235 году, был варвар по происхождению, начавший службу солдатом при Септимии Севере. При Константине Великом лучшие его генералы были франки. При дворе на личной службе при особе императора было очень много франков, и для видных людей этого племени открылся доступ к высокому званию консула. При Константине появилось новое военное звание — магистр армии, magister militum, один для пехоты, другой для конницы.[233] Эти генералы командовали действующей армией. В пограничной армии отдельные территории, смотря по местным условиям, слагались в особые военные командования, возлагавшиеся на заявивших себя офицеров с титулом дукса, dux. Разделение империи при Валентиниане и военные потребности вызвали увеличение числа магистров армии, и в начале V века их было на Востоке пять и на Западе — три. Два магистра состояли при особе императора, были in comitatu и назывались praesentales,[234] а кроме того, три на Востоке имели территориальные командования: 1) per Illyricum, 2) per Thracias, 3) per Orientem; на Западе, кроме двух при дворе, был особый магистр per Gallias. Интендантская часть по-прежнему осталась на ответственности и заведовании префектов претория, как о том упомянуто выше; но префекты не имели никакой власти над солдатами, как, с другой стороны, магистры армии — над провинциальным населением.[235] Дуксов в Восточной империи было 13, к ним следует причислить двух

---

[224] *Кулаковский Ю.* Надел ветеранов землей... С. 37 и сл.

[225] Различия по роду войск в пору Константина см.: Cod. Theod. 7, 20, 4 (от 325 г.).

[226] Ib. 7, 20, 8 от 364 года.

[227] Cod. Just. 7, 64, 9. Но позднее мы слышим, что пограничные солдаты служат 24 года. Cod. Theod. 7, 20, 9, 2.

[228] Cod. Theod. 7, 13, 7 (375); 12 (397). — Касательно времени, когда вошел в жизнь этот новый порядок, нет прямых указаний в источниках. Выражение — tironum sive equorum praebitio — встречается у юриста Аркадия Харизия (Dig. 50, 4, 18, 3), жившего при Константине Великом.

[229] Ib. 7, 13, 13 (397); 14 (397); 20 (410).

[230] *Dexip.* frg. 24. M. 3, 685.

[231] Cod. Theod. 13, 11, 10 (399 г.).

[232] *Амм. Марц.* 1, 136 (16, 11, 4-6).

[233] Cod. Theod. 11, 1, 1 (313 или 315 год); *Zosim. 2,33, 3.*

[234] При Феодосии старшем еще сохранялось деление времен Константина: один магистр командовал пехотой, другой — конницей. См.: *Zosim.* 4,45,4: Промот командовал конницей, а Тимасий пехотой.

[235] Это положение подтверждено в специальном указе от 386 или 387 года. Cod. Theod. 1,2, 4 (Cod. Just. 1,29, 1).

comites rei militaris, Египта и Исаврии, которых отличал от других высший ранг.

Проникновение готов в пределы Восточной империи содействовало весьма резкой степени варваризации армии на Востоке, как раньше того это случилось на Западе. Уже при Феодосии I открылся для готских военачальников свободный доступ к самым высоким военным постам, о чем придется упомянуть в другой связи.

Что касается численности армии, какой располагала империя в конце века, то осветить этот вопрос, и то лишь весьма приблизительно, позволяет памятник несколько более поздней даты — список всех войсковых частей обеих империй, который сохранила *Notitia dignitatum*. Оставляя в стороне данные, относящиеся к западным областям, приведем общий счет полков, составлявших армию Восточной империи.

Под начальством первого магистра in praesenti состояло: 5 конных гвардейских полков (vexillationes alatinae), 7 конных армейских (comitatenses), 6 гвардейских легионов, 18 вспомогательных гвардейских отрядов,[236] итого 36 военных частей. Под начальством второго магистра in praesenti: 6 конных гвардейских и также 6 конных армейских полков, 6 гвардейских легионов, 17 гвардейских вспомогательных отрядов, итого 35 частей, а вместе: 71.

Под командой магистра армии Востока состояло: 10 конных линейных полков, 2 гвардейских вспомогательных отряда, 9 армейских легионов, 10 полков разряда pseudocomitatenses, итого 31 часть. Магистр армии во Фракии имел: 3 гвардейских и 4 армейских конных полка, 21 армейский легион, итого 28 частей. Магистр армии Иллирика — 2 конных гвардейских полка, 1 гвардейский легион, 6 гвардейских вспомогательных отрядов, 8 армейских легионов, 9 легионов разряда pseudocomitatenses, итого 26 частей. Таким образом, действующая армия Восточной империи около 425 года состояла из 156 военных частей, из которых 43 были кавалерийские.

Кроме этой армии, подчиненной магистрам, в отдельных провинция: стояли войска, имевшие своей специальной обязанностью охрану границ. В Египте командир с титулом comes limitis Aegyrti имел 4 легиона, 18 конных полков и 9 когорт, итого 31 часть; дукс Фиваиды — 25 конных полков, 9 легионов и 10 когорт, итого 44 части; а весь Египет — 75 полков.

По восточной границе: дукс Аравии — 14 конных полков и 6 пехотных; дукс Палестины — 18 конных и 12 пехотных; дукс Финикии — 19 конных и 7 пехотных; дукс Сирии — 12 конных и 6 пехотных; дукс Осроены — 15 конных и 4 пехотных; дукс Месопотамии — 11 конных и 2 пехотных; дукс Армении — 13 конных и 12 пехотных. Итого на восточной границе стояло: 102 конных и 49 пехотных полков.

На северной границе состояло под командой 1) дукса Скифии — 7 конных полков, 8 пехотных, 7 команд граничар (riparienses) и 1 флотилия; 2) дукса Второй Мезии — 7 конных и 10 пехотных, 6 команд граничар и речной флот; кроме того, тому же дуксу были подчинены: 1 когорта в Родопе и 2 во Фракии; 3) дукса Побережной Дакии — 9 конных, 6 вспомогательных, 1 команда разведчиков (exploratores), 11 легионов граничар и две речные флотилии; 4) дукса Первой Мезии — 8 конных, 9 вспомогательных (по-видимому, пехотных), 8 команд граничар и разведчиков (exploratores) и 2 флотилии. В общей сложности дунайскую границу защищали: 31 конный полк, 36 пехотных, 33 полка граничар и разведчиков и 6 речных флотилий.

Что касается численности людей в военных частях различных наименований, то прямых, ясных и вполне определенных данных для этого времени у нас нет, в противоположность предшествующему. Легион в 6 тысяч человек, как было при Августе, давно уже стал историческим воспоминанием, и состав тогдашних пехотных частей не превосходил одной тысячи, а часто бывал и меньше. Конные полки имели обыкновенно пятисотенный состав, как прямо засвидетельствовано это для схол. Если принять эти две цифры как приблизительное обозначение численности в отдельных частях, то армия первого магистра in praesenti будет 21 ООО человек, а второго — 20 500; армия магистра Востока — 25 000, Фракии — 24 500 и Иллирика — 22 000. Таким образом, действующая армия в общей сложности равна 113 000 человек.

Окраинная армия Египта вместе с Фиваидой[237] — 44 000, восточные провинции — 94 500; на дунайской границе — 52 000. Вся армия, как действующая, так и охранная вместе, достигает по этому приблизительному счету цифры 309 500 человек.[238] Эта цифра, несомненно, слишком высока для тогдашних условий военного дела. Отдельные сведения из конца IV и начала V века дают возможность заключить, что число людей в пехотном полку, легионе, не превышало тысячи, и в отдельных полках число наличных солдат не достигало комплекта. Так, в 397 году армия, отправленная в Африку против Гильдона, состояла из семи легионов, которые дали в общей сложности пять тысяч человек, а шесть полков Восточной армии, прибывших в Равенну в 409 году, составляли только 4 тысячи человек.[239] Что касается пограничных войск, то, в противоположность мнению Моммзена, что

---

[236] Старый термин auxilia продолжал держаться как наименование военной части.

[237] Без Ливии, список военных сил которой не уцелел в тексте *Notitia dignitatum*.

[238] Моммзен в своем анализе данных о военном деле, сохраненных в *Notitia dign.*, полагает, что наряду с легионами в 1000 человек сохранялась и старая цифра в 6000 человек. В таком случае общая цифра будет значительно больше. Мы позволяем себе, однако, думать, что в пограничных легионах, сошедших на степень граничар — земледельцев, никоим образом не могли удержаться такие крупные военные части, тем более что эти войска разбивались на отряды, занимавшие отдельные посты. Капитальное исследование Теодора Моммзена по этому вопросу: Das rösmische Militärwesen seit Diokletian // Hermes. 24 (1889), 195-279.

[239] *Claud.* Bel Gild. 1,415сл. *Zosim.* 6, 8,2. — См. подробный анализ данных о первой армии: *Cagnat.* L'armee romaine d'Afrique. Paris, 1892. P. 733 сл.

там оставались для легионов старые цифры — 6000 человек, мы готовы думать, что в них центурия была именно сотней в собственном смысле слова и имела лишь значение кадра, а не боевой тактической единицы. Но этот трудный для исследования вопрос требует очень сложной работы и вряд ли когда будет выяснен с полной определенностью.[240]

6. СОСЛОВИЯ В ИМПЕРИИ

Исторически слагавшиеся условия развития общественных отношений, а также и выработавшаяся в империи система обложения населения повинностями в пользу государства привели к тому, что к IV веку сложились сословия со строго определенными правами, привилегиями и обязанностями. Высшим сословием в империи было сенаторское, ordo senatorius. Хотя основным его признаком и историческим началом являлось членство в сенате как учреждении, но в IV веке принадлежность к сенаторскому сословию не ограничивалась этим условием, и его члены были рассеяны по всей империи в значительном числе. Раз достигнутое звание vir clarissimus оставалось по наследству за потомством.[241] Прохождение древних магистратур в столице как путь к сенаторству сохранялось непрерывно в силе, а наряду с этим того же звания достигали все сановники, отправлявшие высшие службы при особе императора и пользовавшиеся титулами vir illustris или vir spectabilis; сохранялась и старая форма adlectio, т. е. сообщение сенаторского звания как милость императора, оказанная лично по его изволению. Звания сенаторов достигали разные чины, состоявшие на придворной службе, в виде награды при отставке, и число таких привилегий постепенно возрастало.[242]

В IV веке не было закрыто звание сенатора и для декурионов, с достоинством отбывших все тягости своего звания.[243] Члены сенаторского сословия были освобождены от всех муниципальных повинностей, хотя бы их земельные имущества лежали в пределах городских общин.[244] В сфере судебных отношений они пользовались особой привилегией и подлежали суду префекта столицы, а не местному.[245] В случае привлечения к уголовной ответственности лиц высшей знати первого ранга суд проходил в императорской консистории.

Сенаторские семейства обладали обыкновенно крупным состоянием и имели земельные владения в разных провинциях. Так представляет дело Аммиан Марцеллин, живший в Риме при Валентиниане и в пору правления Феодосия I.[246] В своих сообщениях о жизни высшего римского общества он много говорит о роскоши и огромных размерах сенаторских дворцов в Риме, обширности их земельных владений, и эти сведения подтверждают другие писатели. По словам Олимпиодора, в Риме было много семейств, которые получали со своих имений по 4 тысячи фунтов золота годового дохода. Деятельное участие в столичной жизни связано было для сенатора с колоссальными расходами. Так, Проб, сын Олибрия, издержал на расходы по отправлению претуры 1200 фунтов золота (424 год). А сенатору скромного состояния, Симмаху, претура его сына обошлась в 2 тысячи фунтов золота; член богатой фамилии Максим издержал на то же дело 4 тысячи фунтов.[247] В биографиях благочестивых женщин, собранных Палладием, можно найти много частных указаний на колоссальность тогдашних состояний. Так, современница Феодосия II, знатная римлянка Мелания, приезжавшая в Константинополь на свадьбу Валентиниана III, решившись в 20 лет расторгнуть свой брак, чтобы предаться делам благочестия, сделала такие пожертвования: в Египте — 10 тысяч солидов, в Антиохии также 10, в Иерусалиме — 15 и в Риме в четыре раза больше. Она освободила на волю 8 тысяч рабов, и то были не все, так как многие не пожелали освобождения. Она продала родовые имения, принадлежавшие ей в Испании, Аквитании и Галлии; сохранила за собой земли в Кампании, Сицилии и Африке. Вместе со своей матерью Альбиной она жила затем то в Сицилии, то в Кампании с 15 евнухами, девственницами и рабынями.[248] Таковы были состояния сенаторских семейств в Риме. Наряду с богатыми от отцов сенаторами, или теми, которые сами составили себе большое состояние, были и такие, у которых вовсе не было земельных владений.[249]

Второй класс общества составляли землевладельцы, possessores, κτήτορες, из которых выделялось городское представительство, куриалы или декурионы. В пору процветания муниципальной жизни представительство создавалось путем избрания в народном собрании. Но с упадком благосостояния правительство закрепило декурионов за их службой и возложило на них разного рода тягости, изыскивая способы удержать на месте этот

---

[240] *Delbrilck.* Geschichte der Kriegskunst — во втором томе своего ценного исследования несколько раз касается вопроса о численности имперской армии — с. 229; 311 — и возражает самым решительным образом против принятия высоких норм.

[241] Cod. Just. 12, 1, II (377 г.).

[242] Cod. Theod. 6, 27, 5 (386 г.) agentes in rebus, достигшие звания princeps; 6, 24, — primicerii protectorum domesticorum, decern primi scholarum; 6, 23, 4 — silentiarii et decuriones. Эти два указа относятся к 426 и 437 годам.

[243] Cod. Theod. 12, 1, 58 (364 г.).

[244] Dig. 1,1,25: Municeps esse desinit senatoriam adeptus dignitatem. 50, 1, 22, 5. Cod Theod. 6, 3, 2-3 (396 г.): senatoriae functionis curiaeque sit nulla communicatio.

[245] Cod. Theod. 2, 1, 4 (364 г.); Cod. Just. 12, 1, 15; forum ex persona constituitur.

[246] *Амм. Марц.* 1, 23 (14, 6).

[247] *Olympiodori* frg. 44.

[248] *Pallad.* Hist. Lausiaca. C. 119.

[249] Cod. Theod. 6, 2, 13. Duorum vero follium maneat cunctos indiscreta professio etiamsi possessiones forte non habeant.

состоятельный и культурный класс провинциального населения. В деле обложения налогами наряду с декурионами стояли все вообще землевладельцы, possessores; но в сословном отношении мелкие землевладельцы, сами обрабатывавшие свою землю, причислялись к низшему классу, ordo plebeius.

Наряду с декурионами и в аналогичном с ними положении стояли члены промышленных корпораций в столицах. Они были также закрепощены за предприятием, в которое был вложен их капитал. На первом месте стояла корпорация мореходов, naviculariі, обслуживавших подвоз хлеба из Африки в Рим. Они представляли богатый и многочисленный класс, обладавший большими земельными имуществами, которые подлежали в праве наследования и распоряжения таким же ограничениям, как у декурионов. Уже во II веке государственная власть предоставляла им разные льготы в обеспечение их полезной деятельности.[250] Позднее государство закрепостило мореходов за их занятием, выставляя принцип, что расходы, сопряженные с этим, представляют повинность, лежащую на их имуществе. Гнет закрепощения в гораздо меньшей степени проявлялся на Востоке, чем на Западе, который вообще пришел в упадок в тяжкое время «Тридцати тиранов».

Ниже стоял класс, именовавшийся общим термином ordo plebeius, куда входили: 1) мелкие поземельные собственники, possessores, 2) торговцы, negotiators, записанные по отдельным городам в матрикулы в обеспечение исправного поступления лежавших на них налогов и особенно возникшего при Константине люстрального взноса, lustralis collatio, 3) ремесленники и мастеровые и 4) земледельцы, составлявшие полусвободный класс колонов, coloni.

Свободные земледельцы, сидевшие на своей земле в пределах городских округов и обрабатывавшие землю своим трудом (vicani propria possidentes), жили в селениях, которые назывались метрокомиями, metrocomia. Никакой чужой, не принадлежавший к их общине человек не мог приобретать землю в таких селениях,[251] и государство принимало меры к тому, чтобы крупные землевладельцы не захватывали таких поселков и не распространяли на них своего патроната, patrocinium. В бегстве под защиту сильного человека мелкие землевладельцы искали облегчения от фискального гнета. Борьба с этим злом, ложившимся тяжким бременем на благосостояние класса куриалов, ответственного за правильное поступление общей суммы положенного по росписи оклада, шла в течение IV и V веков, как свидетельствуют о том сохранившиеся указы императоров. По-видимому, зло патроната с наибольшей силой сказывалось в Египте.[252]

Преобладающей формой состояния сельского земледельческого населения в IV веке был колонат. Термин colonus обозначал в начале существования империи свободного арендатора, платившего землевладельцу за пользование землей условленную плату. Распространение и развитие в империи крупной земельной собственности и широкое применение рабского земледельческого труда неблагоприятно отразилось на положении свободных арендаторов, а система обложения поземельной собственности, при которой в кадастр заносились и люди в качестве орудий доходности хозяйства, привели правительство на путь закрепощения колонов за их профессией. Первый по времени указ о колонах относится к 332 году. Император воспрещает на будущее время колонам покидать обрабатываемые ими участки и приравнивает оставляющих насиженное место к беглым рабам, подлежавшим насильственному возвращению в прежнее состояние.[253] Если возможен был общий указ такого содержания, то, очевидно, социальные и экономические отношения задолго подготовили столь приниженное состояние свободных арендаторов. В указе Феодосия I, сохранившемся в Юстиниановом Кодексе, делается, по-видимому, ссылка на узаконение Константина в словах — lex a maioribus instituta.[254] В истории развития колоната в западных областях империи имело большое значение поселение в разных ее областях пленных германцев на правах полусвободных земледельцев, положение которых обозначалось у германцев словом lidi. Процесс этот начался в империи со времен Марка Аврелия. Потомков пленных германцев можно угадывать под теми inquilini и adscripticii, о которых так часты упоминания в указах IV века. В восточных областях, проживших долгую государственную жизнь раньше утверждения римского владычества, были свои особые по местностям условия для закрепощения земледельческого населения, которым воспользовалось имперское законодательство в интересах фиска, подводя под термин coloni закрепощенных за своим занятием плательщиков.[255] Позднее, чем в других областях, колонат утвердился в Палестине.[256]

Колоны считались лично свободными людьми, ingenui, могли иметь собственность и передавать ее по наследству своим детям. Но права отчуждения они были лишены законом. Так как закон трактует колонов как рабой земли, servi terrae, membra terrae, то право землевладельца является в отношении к колону ограниченным. Земля без сидящего на ней колона и колон без земли, которую он обрабатывает, не могут быть проданы, так как от этого могли бы пострадать интересы фиска. Чужого колона никто не имеет права принять к себе под страхом

---

[250] Dig. 50, 6, 6. 5; 50, 4, 5; 50, 5, 3.
[251] Cod. Just. 11, 56 (от 468 г.).
[252] Cod. Theod. 11, 23 de patrociniis, 1-6 (360-415); Cod. Just. 11, 54, 1 (468 г.), 2 (время Юстиниана).
[253] Cod. Theod. 5, 17, 1 (5, 9, 1 — в прежних изданиях).
[254] Cod. Just. 7, 11, 51. Ср. указ. 371 г.: 11, 53: De colonis Illyricianis.
[255] Эту сторону вопроса о колонате блестящим образом осветил проф. М. И. Ростовцев. Studien zur Geschichte des romischen Kolonates // Archiv fur Papyrusforschung. Leipzig, 1910. Bd. XII. 432 s.
[256] Cod. Just. 11,51 — указ от имени Феодосия и Аркадия на имя префекта претория Кинегия.

ответственности перед правительством и штрафа в 12 фунтов серебра.[257] Для колона закрыта всякая, даже самая низкая, государственная служба.[258] Колон может вступить в клир местной церкви, но лишь с согласия собственника земли и с обязательством уплаты всех лежащих на нем повинностей.[259] Повинности государству колон платит через владельца земли, который получает с него и то, что полагается ему лично. В случае повышения этих последних взысканий колон имеет право иска.[260]

Тяжкое крепостное состояние в форме колоната было распространено по всей империи. Нужды фиска побуждали правительство оберегать интересы землевладельца, и при имп. Анастасии был издан указ, по которому всякий свободный человек, проживший в одном поместье 30 лет, становится колоном, сохраняя свою личную свободу.[261]

Следует отметить еще военное сословие и людей, закрепленных за разными службами и производствами, имевшими государственное значение. Таковы низшие по рангу корпораты в Риме, как-то: pistores, suarii, codicarii, saccarii, mensores и др.; далее рабочие, fabricenses, разных разрядов по роду фабрик и заводов — оружие, пурпурные ткани, наконец, люди, работавшие на рудниках, metallarii. Чтобы сделать невозможным бегство фабричных рабочих от их наследственного ремесла, им клали на руке клеймо, что, впрочем, делалось и относительно сдаточных солдат.[262]

Таковы были классы людей свободных. Сословное неравенство вело также к различию перед судом. Все население империи делилось в этом отношении на honestiores и humiliores, и к этим последним уголовный закон относился гораздо строже, чем к первым. Ссылке для первых соответствовала смертная казнь для вторых. Это различие было в обычае с ранних пор и окончательно установилось в начале III века.[263]

Ниже свободного населения стояла огромная масса рабов, пополнявшаяся как путем рождения, так и купли. В рабство попадали в огромном числе варвары из-за пределов империи. Из сообщений Синезия, епископа Кирены в Африке, видно, что в конце IV и начале V века в его стране и Египте было очень много рабов из племени готов. Быть может, то были не всегда готы, а те варварские племена, которых они порабощали и продавали в империю через посредство торговцев людьми (mangones).[264] Имп. Юлиан обронил однажды замечание, что с готами хорошо справляются галатские купцы.[265] По-прежнему существовал институт освобождения на волю, причем очень скоро явилась форма освобождения в церкви перед лицом епископа, которую узаконил уже Константин Великий.

7. УПРАВЛЕНИЕ СТОЛИЦ

Центр римского государства, город Рим, в отношении управления стоял искони в особых условиях. Здесь концентрировалась жизнь республики, и город закрывал собою римскую державу. Эдилы, ведавшие городским благоустройством, имели значение государственных сановников и стояли в ранге между квесторами и преторами. Цензоры, устанавливавшие государственный бюджет, сдавали с подряда сооружение и ремонт общественных зданий в Риме. Водоснабжение города стало еще с конца IV в. до Р. Х. государственной заботой. Со времени Гая Гракха началось ублажение державного народа дешевым хлебом, который впоследствии стал даровым для низшего класса населения столицы. В процессе разложения республиканского строя городской пролетариат подменил собой всенародное представительство, а вместе с тем оказались несостоятельными прежние способы и органы полицейской охраны города, и в столице республики не стало ни благоустройства, ни общественной безопасности. В силу необходимости Август взял на себя заботу о благоустройстве и благочинии в Риме, и по его инициативе возник целый ряд новых органов и ведомств.

Еще в революционное время Август принял на себя заботу о доставке хлеба в Рим и организовал впоследствии целое ведомство, поставив во главе его особого начальника, praefectus annonae. При Августе возникла в Риме военная полиция в виде трех когорт по тысяче человек (позднее число их дошло до шести). Полицейская охрана города была в ведении императора, который лишь в случае своего отсутствия в Италии оставлял для исполнения этих обязанностей заместителя со старым титулом префекта города, praefectus urbi. При Тиберии эта должность стала постоянной и замешалась по усмотрению императора его доверенным лицом. В 6 г. н. э. дана была новая организация пожарному делу. Город делился на 14 частей, regiones, и на каждые две части сформирована была когорта стражников, vigiles, от 1000 до 1200 человек. Всего когорт было семь, каждая имела свою казарму и пожарную каланчу. Общий начальник стражников получил название

---

[257] Ib. 11, 48, 12, 2.
[258] Ib. 11, 48, 18 (426 г.).
[259] Ib. 1, 3, 16 (409 г.).
[260] Ib. 11, 50, 1 (время Константина), 2 (Аркадия).
[261] Ib. 11, 48, 19.
[262] Cod. Theod. 10, 22, 4 (от 398 г.).
[263] Dig. 48. 19, 38, 3 — цитата из сочинений юриста Павла, современника имп. Александра Севера. Уже Адриан запретил казнить декурионов, допуская для них смертную казнь только в случае отцеубийства. См.: Dig. 48, 19, 15 (Venuleius Saturninus).
[264] *Synesii* Oratio de regno. C. 15. P. 1093 Migne.
[265] *Амм. Марц.* 2, 109 (22, 7, 8).

префекта стражников, praefectus vigilum, который, помимо пожарного дела, имел по своей обязанности полицейскую охрану города, особенно в ночное время. Помимо этих трех новых органов администрации при Августе возникли особые комиссии по выбору императора из сенаторов для заведования многочисленными водопроводами Рима и общественными зданиями. Одни назывались кураторами вод, curatores aquarum, другие — общественных зданий, operum publicorum. Разливы Тибра, причинявшие большие разрушения в городе, вызвали возникновение особых кураторов русла реки, curatores alvei Tiberis. Так еще при первом императоре возникла особая администрация для державного города Рима.

Созданные Августом новые органы управления столицы продолжали свое существование непрерывно в течение столетий. Когда Рим перестал быть постоянной резиденцией императора, сенат и сановники, занимавшие высшие посты ведомств в администрации столицы, а также и уцелевшие магистратуры вошли в более тесную взаимную связь, и сенат получил в значительной степени характер высшей муниципальной инстанции города Рима. Первым лицом стал префект города.[266] Его назначал император из самых знатных сенаторов сроком обыкновенно на один год. Председателем в заседаниях сената оставался консул, а префект пользовался правом первого голоса. Префект имел высшую гражданскую и уголовную юрисдикцию, и апелляция от его суда могла быть только лично к императору. В случае внешних тревог он имел высшую власть над войсками, стоявшими в столице. Круг ближайших его обязанностей составляли: верховная полицейская власть, общий надзор за корпорациями, обслуживавшими городское население, и общее наблюдение за рынком.[267] Его юрисдикция простиралась на территорию вокруг города Рима до сотого милевого столба.

Высокое положение префекта города в ряду высших сановников государства сказалось в том, что он стал апелляционной инстанцией от суда правителей всех провинций Италии. Указ в этом смысле Константина от 326 года сохранился в *Феодосиевом Кодексе*.[268] В 357 году имп. Констанций передал это право префекту претория,[269] но позднее восстановлены были прежние полномочия префекта города.[270]

Ниже префекта города по рангу и в подчинении у него находились сановники, являвшиеся преемниками префектов и кураторов, созданных Августом. Наибольшее значение между ними и наиболее обширное ведомство имел префект хлеба. В его ведении находилась морская доставка хлеба из Сицилии, Африки и Египта в гавань близ устья Тибра, называвшуюся Порт, Portus, доставка по реке Тибр в город Рим, хранение его в магазинах, расположенных в разных частях города, и раздача хлеба части городского населения, расписанной по старым 35 трибам и являвшейся, таким образом, как бы представительством всего римского гражданства.

Морской подвоз хлеба лежал на обязанности корпорации судовладельцев, naviculariі, ναύκληροι, которая имела большие капиталы, корабли, земельные владения и пользовалась различными привилегиями. Как было указано выше, навикулярии были закрепощены государством за своим занятием, которое являлось в глазах правительства обязательством, лежавшим на их имуществе. Доставкой хлеба по реке Тибр в город, приемкой его в магазины и выдачей ведал целый ряд корпораций разных наименований.[271]

Часть хлеба, доставляемого в Рим, передавалась корпорации хлебников, pistores, которые занимались печением хлеба для даровой раздачи имевшей на то право части столичного населения; а другая поступала в продажу по дешевой цене подрядчикам, mancipes, общественных пекарен для изготовления хлебов второго сорта на продажу. Хлеб раздавался с особых помостов, gradus, где были начертаны на меди фамилии получавших; отсюда название для дарового хлеба — panis gradilis.[272] Кроме хлеба раздавали также масло, доставлявшееся из Африки, и свинину, которая являлась налогом в натуре для некоторых местностей Италии.[273] Раздачей свинины заведовала корпорация свинарей, suarii, закрепощенных за своим делом. Получало население и вино по дешевой цене; оно доставлялось из некоторых местностей Италии, с которых подати взимались вином. Этим делом заведовала корпорация винариев, vinarii.

Забота о кормлении народа в Риме требовала большого штата служащих с несколькими сановниками во главе. Гавань в устье Тибра, Порт, находилась в ведении сановника, носившего титул комита Порта, comes Portus, а ближайшим его помощником состоял центенарий Порта; русло Тибра от Порта и до города находилось в ведении особого сановника с титулом комита берегов и русла Тибра; старые хлебные магазины, носившие имя императора Гальбы, имели особого куратора; доставкой вина заведовал сановник, носивший звание rationalis vinorum, а свиной рынок имел своего специального трибуна.

Водоснабжением Рима заведовал сановник, носивший титул комита форм, comes formarum, т. е. водопроводов, как тогда их называли.[274] При нем состояла канцелярия вод. Кроме наблюдения за исправностью

---

[266] Cod. Iust. 1, 28, 3 (376 г.). Praefecrura urbis cunctos quae intra urbem sunt antecellat potestatibus.
[267] Общий круг обязанностей префекта города и его полномочий. См.: *Cassiod.* Var. 6, 4.
[268] Cod. Theod. 11,30, 13.
[269] Ib. 27.
[270] Ib. 11, 30, 61.
[271] Устье Тибра, Порт и способ доставки хлеба описаны у Прокопия (b. g. 1,25). О корпорациях см.: *Кулаковский Ю.* Коллегии в Древнем Риме. Киев, 1882. С. 65-104.
[272] Cod. Theod. 14. 15. 1. 19.
[273] *Zosim.* 2, 9.
[274] Cod. Theod. 14, 15, 1; *Cassiod.* Var. VII, 6.

13 водопроводов и за порядком пользования водой из них населением, комит форм имел ближайшее отношение к общественным баням (термам) — роскошным сооружениям многих императоров старого времени до Диоклетиана включительно. Общественные бани находились в ближайшем заведовании особых подрядчиков, mancipes, которые вели их эксплуатацию.[275]

Ночной порядок в городе и забота о тушении пожаров лежали на обязанности сановника, сохранившего старое имя префекта стражей, с каким его создал Август. Но пожарная команда не удержала своего военного характера и была организована по тому общему типу, который она получила в пору расцвета муниципальной жизни в Италии и провинциях. Обязанность борьбы с огнем была возложена на общества ремесленников. От слова collegium, общество, пожарные назывались collegiati.[276]

Великое прошлое Рима было перед глазами людей того времени в тех великолепных созданиях всех видов искусства, которыми украшали императоры столицу империи, начиная с Августа. На Капитолии высился под золотой крышей храм Юпитера Капитолийского, блистал в своей красоте форум Августа и превзошедший его великолепием форум Траяна, вызывавший слова восторга и умиления у старого воина Аммиана Марцеллина, доживавшего в столице мира свой век. Целый лес статуй из мрамора, бронзы и драгоценных металлов красовался на площадях и улицах Рима. Забота о сохранности статуй лежала на обязанности особого чиновника, называвшегося трибуном изящных вещей, tribunus rerum nitentium.

В заботах о насущных нуждах населения города Рима правительство организовало медицинскую помощь. По числу 14 частей города, regiones, как разделил его некогда Август, было 14 врачей, archiatri, которые состояли на жалованьи от казны. Образовательные потребности населения обслуживались учителями грамматики и риторики, которых оплачивало правительство. К сожалению, об этой стороне жизни Рима нет свидетельств в современных источниках, и только упоминания в указах о льготах и привилегиях, какими пользовались grammatici, professores litterarum, magistri, позволяют утверждать существование представителей науки в Риме.[277]

Внешний блеск Рима и его значение столицы римского мира поддерживали старые органы, связанные с ним от времен республики, — сенат и магистратура. Консулы, имена которых были издавна привычным и единственным способом обозначения года, были разделены между Римом и Константинополем, и сан этот сохранял значение величайшего почета, какого может достигнуть человек, запечатлевая навеки свое имя в текущей хронологии. [278] Консулы назначались императором, а с разделением империи на две части — обоими, по взаимному соглашению, которое нужно было обеспечить задолго до 1 января, чтобы весь римский мир мог знать, как надписывать наступающий год. Старая церемония вступления в консульство, описанная Овидием в его *Фастах*, сохранялась и справлялась с особым великолепием. Она называлась теперь processus consularis и состояла в публичном выезде нового консула. Окруженный блестящей свитой, в великолепном кортеже, на колеснице, консул бросал в народ золотые монеты и ознаменовывал день своей славы играми и различными увеселениями столичного населения. Приготовления делались задолго, и расходы достигали колоссальных цифр. Консул раздавал подарки своим друзьям в виде золотых монет и складных дощечек из слоновой кости, так называемых диптихов, с резным изображением собственной фигуры в торжественном убранстве своего сана. [279]

Наряду с консулами сохранились также преторы и квесторы. Преторы отправляли юрисдикцию по делам об освобождении на волю, восстановлении дел в прежнее положение и опеке. Из тех обязанностей, какие лежали на этих санах в старое время, выступило на первый план их отношение к общественным играм.

Когда Константин решил создать новую столицу империи, он имел готовый образец в старом Риме. Город Византий с его территорией был выделен из пределов провинции Фракии-Европы, и ему было даровано италийское право, ius italicum, т. е. право квиритской собственности на землю с освобождением населения от всех налогов и повинностей, лежавших на провинциальном населении. Новой столице империи было дано имя Новый Рим, Nov Roma. Указ о правах и привилегиях города был вырезан на мраморе и выставлен близ здания, носившего имя Стратигия, где прежде отправляли свои обязанности стратиги, составлявшие муниципальное правительство.[280] Старые стены оказались тесны для будущей столицы. Константин удвоил городскую территорию и соорудил новые стены от одного моря до другого. Для вящего сходства с Римом на территории города было найдено семь холмов и она была разделена на 14 частей, regiones.[281] В восьмом регионе Константин

---

[275] Cod. Theod. 15, 2, 1.

[276] Термины засвидетельствованы Иоанном Лидийцем (De mag. 1, 50). Ср.: *Waltzing.* Etude histor. sur les corpor. profess. II, 127-130.

[277] Cod. Theod. 13, 3, 1 — 19 (от 321 до 428 г.) — о правах и привилегиях врачей и учителей. Ср.: *Symmach.* Epp. 10, 27.

[278] Cod. Theod. 6, 9, 1 (382 г.). Universa culmina dignitatum consulatui cedere evidenti auctoritate desernimus.

[279] Cod. Theod. 15, 9, 1 (384 г.): illud etiam constitutione solidamus, ut exceptis consulibus ordinariis nulli prorsus alteri auream sportulam, dipticha ex ebore dandi facultas sit. — Диптихи сохранились в большом числе и украшают ныне музеи.

[280] *Socr.* 1,16.

[281] 12 регионов обнимали территорию города в новых стенах, 13-й — предместье «Сики» — лежал на северной стороне Золотого Рога, а 14-й — предместье «Влахерны» на южной стороне Золотого Рога — был отделен от города значительным пространством пустырей.

создал Капитолий и неподалеку от него форум своего имени, наподобие римских форумов Августа и Траяна, с великолепными портиками и роскошными залами (exedrae). На форуме была воздвигнута порфирная колонна со статуей императора-основателя. Чтобы увеличить великолепие города, Константин свозил в него произведения искусства из старых центров греческой культуры. Цирк, который был заложен и начал строиться имп. Септимием Севером, оказался тесным для будущей столицы. Он был значительно расширен и богато украшен произведениями искусства. В числе последних был Дельфийский треножник, дар богу Аполлону от греков после битвы при Платее, нижняя часть которого и доныне красуется на том месте, где он бы водворен при Константине. Поблизости от цирка были заново отстроены и богато украшены портиками и произведениями искусства общественные бани, носившие имя Зевксиппа. К западу от цирка был выстроен императорский дворец, соединенный крытым ходом с императорской ложей в цирк Площадь перед дворцом получила имя Августеон. От нее начиналась главная улица города в сторону суши, носившая имя Средней, Μέση. На Августеоне был воздвигнут милевой столб, μίλιον, от которого начинался счет миль по старой Эгнациевой дороге, составлявшей продолжение Средней улицы. На седьмой миле, уже за городом, было устроено Военное поле, Κάμπος, где имели свою лагерную стоянку войска. Эта местность носила название Septimum, или по-гречески — Ἑβδομον.[282]

Рим был исконным местом пребывания консулов, дававших имя году, и сената, центра государственной жизни государства. Чтобы уравнять новую столицу со старой, Константин разделил консульство, и с 330 года один консул назначался в старом Риме, другой — в Новом. Вместе с тем в новой столице был создан новый сенат, основу которого составили несколько семейств старой римской знати, переселившихся в новый город по воле императора. Константин сооружал за государственный счет дворцы для сенаторов и дарил их тем, кто соглашался переселиться из Рима.

На новый город была распространена старая привилегия населения Рима — даровой хлеб. Организация этого сложного дела требовала предварительных забот, и раздача хлеба была организована лишь к началу 332 года. [283] Устанавливая хлебную раздачу, Константин сделал ее премией за постройку дома, чтобы ускорить рост города. Право на получение дарового хлеба было связано с домом, и с продажей дома хозяин не мог сохранить его за собой. Житницей Нового Рима стал Египет. В 334 году Константин в специальном указе определил права и привилегии корпорации судохозяев александрийского флота. Собираемый в виде натуральной повинности с населения Египта хлеб свозился в Александрию, где его грузили для отправки в столицу. На усушку и порчу зерна отсчитывалось 4 %, и по выгрузке хлеба в столице судовладельцы получали по одному солиду за каждую тысячу модиев хлеба. [284] По аналогии с римским префектом анноны явился сановник того же имени в новой столице и при нем особая канцелярия, officium annonariae praefecturae.[285] Хлеб выдавался в готовом виде с особых помостов, gradus, расположенных в разных частях города.[286]

Воспроизводя в новой столице порядки, действовавшие в Риме, Константин сделал одно отступление: во главе управления стоял сановник с титулом проконсула, а не префекта. Пожарная охрана была организована по типу римской, и префект пожарных, praefectus vigilum, имел те же функции, что и в Риме. В своих действиях по охране порядка он был подчинен начальнику городского управления и не имел самостоятельной уголовной юрисдикции.[287] Пожарные обозначались словом collegiati. Они были распределены по всем 14 частям города. Мы не имеем известий об общем числе их при Константине и знаем лишь, что при Феодосии Младшем их было 540.[288]

В правление Констанция во главе управления города стал префект. По аналогии со значением префекта Рима в смысле апелляционной инстанции от суда правителей ближайших провинций, префект Константинополя получил такое же право по указу 361 года в отношении следующих провинций: Геллеспонт, Вифиния, Пафлагония, Фригия Salutaris, Лидия, Острова, Европа, Родопа, Гемимонт.[289] Разница в положении префектов в обеих столицах состояла в том, что в Риме префект избирался из высшей знати и оставался в должности один год. В Константинополе знать в преобладающем большинстве была новая, без старых традиций, и выбор лица был делом усмотрения императора, который предоставлял управление столицей и на более продолжительные

---

[282] О месте Евдома и Военного поля не может быть никакого сомнения ввиду совершенно ясного свидетельства Аммиана Марцеллина: 3, 15 (26, 4, 3). Но великий столп византиноведения, Шарль Дюканж, смешал свидетельство о двух Евдомах: Военном поле и Евдоме в смысле квартала на берегу Золотого Рога по соседству с Влахернами. Ошибка Дюканжа давно изобличена. Из русских ученых к вопросу о Евдоме несколько раз обращался проф. Д. Ф. Беляев. Такова его статья *Придворный и Церковный уставы о положении Евдома* (Одесса, 1896) и подробные разъяснения в третьем выпуске его *Byzantina.* — Гл. II, с. 57-87. (СПб., 1906).

[283] Chron. Pasch. 531; (368 г.). *Zosim.* 2, 32.

[284] Cod. Theod. 13, 5, 7.

[285] Cod. Just. 1, 28, 1 (368 г.).

[286] При Феодосии Младшем всех помостов в городе было 127, число хлебных пекарен — 140, из них 20 были общественными, publicae, и 120 privatae. Not. urb. Const. P. 247 Seeck.

[287] Cod. Theod. 1, 18 (Cod. Just. 1. 43).

[288] Not. urb. Const. P. 243. Ср. указ от 409 г. — Cod. Just. 4.63,5, где их число 563.

[289] Cod. Theod. 1, 6, 1 = Cod. Just. 7, 62, 23.

сроки.

В одном лишь отношении новая столица Константина представляла резкое отличие от старого Рима. Тогда как старая столица сохраняла в ту пор свой языческий характер, в ней красовалось в прежнем великолепии множество языческих храмов, ее календарь народных празднеств был связан традиционными языческими культами и многие старые знатные фамилии оставались верны религии своих предков, — новая столица с самого начала стала христианским городом. Щадя старые идеи, Константин соорудил в портиках своего форума два святилища, поставив в одном из них статую Матери богов Реи, а в другом — Фортуны.[290] Но эти святилища не были местом отправления культа. Свой переход в христианство Константин засвидетельствовал тем, что на Августеоне воздвиг храмы св. Софии и невдалеке от нее св. Ирины, а вблизи своего форума — храм св. Апостолов, который был предназначен стать местом упокоения его праха.

8. ИГРЫ, ЦИРК И ПАРТИИ[291]

Своеобразной особенностью жизни империи было обязательство правительства давать населению столиц всенародные увеселения, так называемые игры, ludi. Игры имели характер государственного учреждения, и начало их восходит к глубокой древности. Римское предание возводило их к первому царю, Ромулу. Положив основание городу и соорудив стены вокруг Палатина, Ромул устроил конские ристания в день праздника бога Конса и пригласил на это зрелище соседей, а когда внимание всех было сосредоточено на состязании, он и его бездомные товарищи совершили похищение сабинянок и тем обеспечили дальнейшее существование нового государства. Ристания требуют для своего осуществления ровного места, и само местоположение римского цирка по соседству с Палатинским холмом, колыбелью Рима, является свидетельством об исконной древности этого учреждения. Игры совершались в честь бога и были, таким образом, одним из тех культов, которые в своей совокупности составляли государственную религию римской общины. Праздник Consualia, значившийся в римском календаре 21 августа и 15 декабря, и другой, сопровождавшийся также ристаниями, Equirria, 27 февраля и 13 марта, навсегда удержались в Риме, и само устройство ристаний в эти дни лежало на обязанности главной коллегии жрецов, понтификах. С очень давнего времени существовал в Риме праздник, сопровождавшийся также ристаниями, который носил имя Ludi Romani, римские игры. Древнейшим днем его было 15 сентября.

В связи с боевой жизнью римского народа существовал обычай давать от имени общины обет богам отпраздновать игры в их честь, если боги пошлют удачу в военных предприятиях. Верховным богом общины был Юпитер, и обеты приносились прежде всего ему. Обязанность исполнения таких обетов лежала на представителях общины, консулах. С возрастанием римского могущества увеличивалось число игр, и празднества не ограничивались одним днем, как было в древности. В конце III века возникли, с характером постоянных, игры: Плебейские — в 220 г., Аполлинарские — в 212 г., Мегалезские, в связи с перенесением в Рим восточного культа Великой Матери богов, в 204 году, и Цериальские — в 202 г., а с 173 г. получили постоянное место в календаре Флоральские, которые были впервые отпразднованы по указанию Сивиллиных книг в 238 году. Помимо этих нормальных, занесенных в календарь игр, боевая жизнь республики давала широкий простор для обетных игр, и блестящие триумфы всегда сопровождались играми, которые давал триумфатор. Кроме магистратов игры могли совершать по обету и частные лица. Так, погребение знатных заслуженных граждан нередко сопровождалось играми, расходы на производство которых покрывали наследники почившего.

Лежавшая на консулах обязанность справлять игры от имени государства перешла с течением времени на эдилов, и консулы сохранили только председательство. Когда игр стало много, они были распределены между магистратами: городским претором, курульными и плебейскими эдилами. На устройство игр отпускались из казны деньги в определенных суммах.[292] Но быстрый рост римского могущества и обогащение римской знати скоро сделали недостаточными отпускаемые от казны средства, и магистраты, с целью снискать расположение народа и обеспечить себе дальнейший ход карьеры, делали щедрую надбавку из своих личных средств. Так постепенно игры превратились в весьма нелегкую повинность для лиц сенаторского звания, последовательно проходивших магистратуры; колоссальные расходы на игры вводили их в страшные долги, которые затем покрывались наживой от управления провинциями. Известно, что Цезарь во время своей претуры довел роскошь игр до того, что клетки диких зверей были сделаны из серебра, а миллионные его долги покрыло краткое управление Испанией в звании пропретора.

Самым древним увеселением на играх были конские ристания. Постепенно явились другие дополнительные зрелища и забавы. Таковы были скоморохи всякого рода, акробаты, плясуны, ученые звери, а позднее —

---

[290] *Zosim.* 2. 31.

[290] Наиболее полное изложение об играх в Риме см.: *Friedlander*. Sittengeschichte Roms. Т. 2 (5 изд. 1881). Подробное, с указанием на источники изложение об играх в их значении культа см.: *Wissowa.* Religion und Kultus der R6mer. 1902. § 64. S. 381 — 399.

[291] Наиболее полное изложение об играх в Риме см.: *Friedländer* Sittengeschichte Roms. Том 2 (5 изд. 1881). Подробное, с указанием на источники, изложение об играх, в их значении культа см.: *Wissowa*. Religion und Kultus der Römer. 1902. §64. S. 381-399.

[292] На римские игры до времени Второй Пунической войны отпускалось 200 тысяч сестерций, т. е. ок. 12 500 рублей на наши деньги. *Dion.* 7, 71.

театральные представления как в виде национальной ателланы с определенны ми типами в масках, так и переделки греческих трагедий и комедий. Еще позднее вошли в обычай бои гладиаторов и борьба людей с дикими зверями venationes. В течение долгого времени для театральных представлений здание театра возводилось на каждый раз, и только в самом конце республики появились в Риме каменные театры огромной вместимости. Гладиаторские бои и особенно борьба с дикими зверями требовали специальных приспособлений в цирке, где они давались; позднее для них начали воздвигать особые здания, амфитеатры, и самый роскошный, Colosseum, был построен имп. Веспасианом и открыт его сыном Титом.

Свободные формы городского самоуправления, в каких жила Италия распространялись по всему западу империи вместе с успехом романизации. В конституциях (leges), которые римская власть давала колониям, возникавшим на всем пространстве империи, узаконивалось обязательство дл жрецов и магистратов города давать игры в определенные дни.[293]

Распространение культа императора, начавшееся при Августе, создало обязательство давать игры в день рождения главы государства для съезжавшихся в центральный пункт страны депутатов, которые отправляли этот культ от имени данной области. На греческом Востоке было искони обычно, что богатые граждане принимали на себя расходы по устройству всенародных увеселений для своих сограждан. Культ императора дал новый повод к упрочению этого обычая.

Так, простой поначалу римский народный праздник ристаний породил из себя чрезвычайно сложное и дорого стоившее учреждение, с обязательной затратой громадных средств от представителей государственной власти.[294] Жители города Рима считали игры своим неотъемлемым правом, так как они в своей роскоши и великолепии были наглядным выражением римского миродержавия. Август, относившийся с величайшим уважением ко всем традициям республики, упрочил в течение своего продолжительного правления обязательство для верховной власти тешить народ разнообразными зрелищами. И так как игры являлись как бы возмещением того оживления, которое вносила в Рим исчезнувшая политическая свобода, то увеселения умножались и разнообразились.

Ристания вызывали развитие конских заводов, и императорский дом имел их в подходящих местах. Долгое время были в особой славе лошади испанские и африканские, а потом, наряду с ними, стали также малоазиатские, из Каппадокии. Дикие звери доставлялись из пустынь Сахары и Сирии, из лесов Германии. Конские ристания в их широкой постановке, как нормальное и часто повторявшееся народное увеселение, вызвали возникновение компаний капиталистов, которые владели всем нужным для оборудования ристаний материалом и за деньги ссужали им магистратов, которые давали игры. Эти компании назывались factiones. Они владели конюшнями в городе Риме, имели в своем распоряжении персонал наездников, возниц и огромный инвентарь экипажей, сбруи и т. п. принадлежностей этого дела. Профессиональные возницы стоили больших денег, и все предприятие требовало огромного оборотного капитала, что и повело к образованию компаний, как некогда вызывали их — государственные откупы и подряды.

Гладиаторские казармы, в которых обучали людей искусству убивать друг друга и с достоинством умирать, стали частью императорского хозяйства, и частные лица, особенно в Риме и Италии, были устранены от этого промысла.[295] По примеру столицы, гладиаторские бои распространились в западных областях империи, и поставка гладиаторов стала делом предпринимателей, которые назывались lanistae. Это дело получило широкое распространение, и от времен Марка Аврелия сохранился оригинальный документ: такса гладиаторов разных сортов для всей империи.[296]

Наряду с ристаниями и гладиаторскими боями большой популярность пользовались театральные зрелища, давно завоевавшие себе место на играх как перенесенное в Рим греческое искусство, перелицованное на латинский язык и ставшее народным. Со времен Августа в Риме было три огромных каменных театра, вмещавших по много тысяч зрителей. Из всех видов театральных зрелищ, последовательно развивавшихся на греческом Востоке переходивших в Рим, с самого начала империи преобладание получили мимы и пантомимы.

Наряду с ними влачила жалкое существование старая трагедия, превратившаяся, по-видимому, в патетические монологи, упоминания о чем попадаются еще в V и VI веках.[297] Пантомимы стояли в живой связи с музыкой в виде оркестрового аккомпанемента и хорового пения. Хореографическое искусство достигло высокого развития и имело свой центр в далекой Сирии, откуда знаменитые артисты являлись в Рим, чтобы пожинать славу в столице мира.

Завещанный республикой календарь с обозначением в нем дней, в которые были положены всенародные

---

[293] В тексте закона колонии Генетивы в Испании, который сохранился в виде надписи, обязательство давать игры поставлено рядом с религиозными священнодействиями — suo quoque anno ludos circenses sacrificia pulvinariaque faciunda curent. — Lex Col. Genet. C. 126-128. Ср.: Cod. Theod. 1, 5, 7, 3 (Карфаген) 376 г.

[294] В 51 г. отпускалось на игры: римские — 760 тысяч сестерций, Плебейские — 600, Аполлинарские — 380, Августовы —10, т. е. ок. 50000, 40000, 24000 и 625 рублей по весу металла

[295] *Mommsen.* Röm. Staatsrecht, II³ 1072.

[296] Senatusconsultum de sumptibus ludorum gladiatoriorum minuendis, factum ал Ch. 176/7. *Ephem.* Epigr. 7 (1888), 388-416.

[297] *Müller.* Das Bünenwesen in der Zeit von Constantin d. Gr. bis Iustinian. (Neue JJEf. Phil. 23. 1909. P. 40).

игры, пополнился весьма значительно новыми праздниками при Августе, а по его смерти прибавлены были новые игры в честь почившего, которые получили название ludi Augustales. Коллегия трибунов выразила готовность принять их постановку на свои личные средства, но Тиберий отклонил это предложение, и на постановку этих игр были назначены деньги из государственного казначейства. Трибунам предоставлено было право давать их в триумфальном одеянии, но без того отличия, на которое имели право преторы, а именно: делать торжественный выезд на колеснице. [298] При преемниках Августа число дней игр возрастало, при Марке Аврелии в календаре было уже 135 дней, в которые были положены игры. Поводом к возникновению новых игр служили победы римского оружия. Так, при Марке Аврелии были установлены Парфянские игры, ludi Parthici. Щедроты императоров на увеселения державного народа возрастали и в последующее время, и в римском календаре Веррия Филокала 354 года число дней игр в году достигает огромной цифры 176, причем 18 из общего числа игр были поминками в честь дня рождения императоров, 5 — в честь побед над персами, 7 — над сарматами, 6 — над готами и т. д.[299] Что касается характера увеселений, то театральные зрелища давались 150 раз в год, конские ристания 64 раза и гладиаторские бои 10 раз.

Воздействие христианства на общественную жизнь сказалось в том, что при Константине кровавые гладиаторские бои признаны были неподходящим видом народного увеселения и подверглись запрещению. Но искоренить то, что имело такую продолжительную жизнь в общественном укладе, было нелегко, и через двадцать лет после запретительных указов Константина издавал такие же указы Констанций.[300] Устранение гладиаторских боев не повело, однако, за собою осуждения близкого вида увеселений — борьбы человека с диким зверем. Хотя Феодосий Младший, по мягкости своей натуры, старался воздействовать против этого вида увеселений, но при его преемниках он опять вошел в круг обычных забав.

Наряду с ристаниями процветали театральные зрелища. Искусство актера было в глазах правительства особым видом ремесленного труда, и его представители разделили общую судьбу всех видов ремесла и искусства — были закрепощены за своим занятием. Язык императорских указов знает актеров и актрис под терминами: scenicae et scenici, histriones, thymelici; в жизни и литературе общим термином служили слова mimi et mimae. В шкале общественных рангов актеры стояли на очень низкой ступени;[301] но государственная власть признавала в них необходимый класс людей, вносивших радость и веселье в будничную трудовую жизнь человека. Христианская Церковь с давних пор начала свой протест против всяких видов народных увеселений и с особенным ожесточением громила ремесло актера, признавая его нечестивым делом, несовместимым с исповеданием христианской веры. Когда правительство стало христианским, оно не отказалось от исконной точки зрения на актерское искусство и для сохранения его нашло выход в обычае отлагать крещение до конца жизни. Сохранился указ от 367 года, в котором император подтверждает свободу от актерского ремесла для тех актеров и актрис, которые приняли крещение в час смертной опасности и затем выздоровели. Но чтобы не ослабить тем эту необходимую в складе общественных отношений корпорацию, в указе предписывалось разрешать крещение актерам лишь в крайнем случае с ведома епископа, правителя провинции и городского куратора, к которым в таких случаях должны обращаться члены актерской корпорации.[302] Дочери актрис должны были следовать профессии матери, и только в исключительных случаях допускалось освобождение от ярма повинности, клавшего клеймо позора на саму жизнь женщины. Тщетно Иоанн Златоуст громил в своих красноречивых обильных словом проповедях к своим согражданам антиохийцам нечестивое ремесло мимов и пантомимов и пристрастие к ним всех классов обществ. Его проповеди не имели успеха как в Антиохии, так и после, когда он занял престол константинопольского патриарха.[303] Государственная власть признавала право мимов на существование, и свое разрешение этого вида «смехотворных искусств», artes ludicrae, мотивировала опасением — «чтобы чрезмерное ограничение этого вида забав не порождало тоски жизни».[304] За всеми видами народных празднеств и увеселений, как они существовали в разных местах империи от давней старины, признано было значение учреждения, поддержка которого является обязанностью представителей государственной власти и в виде особой милости — императорской казны.[305] Указом 409 года в обязанность правителям провинций было вменено присутствовать на играх, какие где правятся по обычаю, и содействовать увеселению населения, не

---

[298] *Tacit.* Ann. 1, 15.

[299] Corp. Insc. Latin. I, 377-380.

[300] Cod. Theod. 15, 12, 1 (325 г.); 2 (357).—Но гладиаторы все-таки продолжали существовать. Указ 367 года воспрещает присуждать христиан в гладиаторские школы: 9, 40, 8. Тогда же был издан указ, повелевавший ссылать гладиаторов, поступавших в рабы к сенаторам, в самые отдаленные пустыни. В Риме гладиаторские игры были окончательно запрещены Гонорием (*Theodoret.* 5, 26).

[301] *Tertul.* De spectac. c. 22.

[302] Cod. Theod. 15, 7, 1 (367 г.).

[303] *Johan. Chrys.* 4, 695; 6, 102; 7, 426 (резкие нападки на театральные зрелища 643; 8, 320; 13, 511 (P. G. 56, 7, 58, 63). Ср.: *Reich.* Der Mimus. I. B. 1 Th. IB. P. 109-130.

[304] Cod. Theod. 15, 6, 2 (от 399 г.). — Ср.: *Cassiod.* Var. 4, 51.

[305] Антиохия получала 600 солидов в пособие от правительства на устройство и Указ о восстановлении этой щедроты: Cod. Theod. 12, 1, 169 5, 16.

превосходя лишь меры расходов на это дело.[306]

Исконная связь магистратуры с обязательством давать игры сохранялась в Риме все время существования империи, и в IV веке на преторах по-прежнему лежала обязанность тратить крупные суммы на положенные по календарю игры. Константин учредил двух преторов в Константинополе, при Констанции их число увеличилось до пяти,[307] а при Феодосии I — до восьми. [308] В Риме занятие магистратур было привилегией и в то же время бременем для богатых родов столичной аристократии. Замещение санов устанавливалось сенатом, который был органом этой знати, в особенности с тех пор, к Рим перестал быть императорской резиденцией и его лишь изредка навещали императоры в триумфальных въездах. Ввиду огромных расходов, которых требовали игры, отбывание этой повинности приходилось предвидеть заранее. Связанные с этим делом расходы ложились тяжким бременем на крупные состояния римских аристократов, и богатые между ними щеголяли друг перед другом суммой расходов. Так как эта экстренная и единовременная затрата требовала предварительных забот, то избрание производилось в сенате за десять лет до срока и имена, намеченные сенатом, представлялись на утверждение императора и доводились до всеобщего сведения.[309] Правительству приходилось заботиться о том, чтобы лица, обязанные нести эту тягость, не пытались избавиться от нее, проживая в своих владениях. Таков указ от 339 года на имя префекта претория, повелевающий ему заботиться, чтобы сенаторы находились в Риме и несли расходы по сценическим играм и ристаниям в цирке.[310] В указе 353 года Констанций определил штраф за уклонение от исполнения обязанности в размере 50 тысяч модиев хлеба (4365 гектолитров).[311]

В Константинополе, где жил император, где не было старой аристократии и новая знать пополнялась из разных элементов, преторы не имели, по-видимому, самостоятельной роли при постановке игр, и дело сводилось к взносу определенной суммы денег. Указ 340 года определяет размеры взносов для преторов Константинополя, в отдельности, в таких цифрах: первый претор, носивший имя Флавиев (от родового имени императора Константина и его дома), обязан внести 25 тысяч фоллов и 50 фунтов серебра, второй — Константинов — 20 тысяч фоллов и 40 фунтов серебра, третий — Триумфальный — 15 тысяч фоллов и 30 фунтов серебра.[312] В 361 году, когда преторов было пять, двое из них вносили деньги на общественные сооружения: Константинов претор — 1000 фунтов серебра, а Флавиев — 500, причем эти лица обязывались выстроить через своего прокуратора данное сооружение с правом надписать свое имя.[313] В указе 381 года четыре претора платят по 500 фунтов серебра, а из четырех вновь назначенных два — 450 фунтов и другие два, также вместе, — 250.[314] В 396 году, когда преторов было пять, одному из них, который платил 100 фунтов серебра, было повелено принять на себя устройство празднества в день рождения Гонория, брата императора Аркадия.[315] Впоследствии лежавшее на преторах бремя было с них снято указом имп. Маркиана (450 г.), по которому претур полагалось только три, по выбору сената из живущих в Константинополе знатных лиц, и обязательные прежде взносы были превращены в добровольные.[316]

Старый языческий календарь, обязывавший магистратов так часто увеселять население старого Рима, не был и не мог быть перенесен в новую столицу империи. В связи с культом императора повсеместно в империи утвердились в качестве дней всенародных увеселений день рождения императора и его вступления во власть.[317] День вступления в сан нового консула, т. е. января, и «рождения города» — 11 мая — заняли также прочное место в календаре увеселений населения столицы. Предание не сохранило точных сведений и ясных указаний о числе дней всенародных увеселений. По-видимому, они были очень часты. Воздействие христианства на общественные отношения сказалось в том, что имп. Феодосий Старший в указе от 386 года запрещал давать игры в воскресные дни и вменял в обязанность начальникам провинций заканчивать свое участие в увеселениях в полдень и не являться на возобновление их в течение дня.

В правление его благочестивого внука, Феодосия Младшего, игры были воспрещены, помимо воскресений, в праздники — Рождества Христова и Богоявления, во все дни четыредесятницы и в праздник Пасхи.[318] Но этот запретительный указ, по-видимому, не воздействовал на общественные нравы, и много лет спустя император Лев вновь воспретил все три вида народных увеселений в воскресные дни.[319]

В жизни столицы всенародные увеселения являлись способом общения царя с народом, и сердцем столицы был цирк или ипподром, как называли его на Востоке. То была старая традиция, перешедшая в Новый Рим из

---

[306] Cod. Theod. 15, 9, 2.
[307] Ib. 6, 4, 13 (363 г.).
[308] Ib. 6, 4, 25 (384 г.).
[309] Cod. Theod. 6, 4, 13, 2 (361 г.); 22, 1 (373 г.).
[310] Ib. 6, 4, 7 (353 г.).
[311] Ib. 6, 4, 4. Указ того же содержания издан в 353 году: 6, 4, 7.
[312] Ib. 6, 4, 5. Тысяча фоллов в этом счете равна фунту золота. *Mommsen.* Münzwesen. C. 858.
[313] Ib. 6, 4, 13, 1.
[314] Ib. 6, 4, 25.
[315] Ib. 6, 4, 30.
[316] Cod. Just. 1, 39, 2.
[317] Cod. Theod. 15, 5,2
[318] Ib. 15, 5, 5.
[319] Cod. Just. 3. 12. 9.

старого. Еще в пору республики народ в цирке и театрах выражал нередко свое расположение к отдельным лицам шумными манифестациями. С самого начала императорского режима появление императора или членов императорского дома в цирке сопровождалось приветственными кликами, которые с течением времени получили значение выражения чувств верноподданности. Собираясь на зрелища в огромном множестве, народ имел возможность обращаться с коллективными просьбами или жалобами, а иногда порицаниями и выражением неудовольствия и раздражения. Живое и страстное участие зрителей к совершавшимся в цирке ристаниям, а в амфитеатре — боям гладиаторов или борьбе человека с диким зверем вызывало нередко просьбы народа к императору освободить на волю того или другого возницу, сумевшего снискать своим искусством расположение народа, или помиловать вызывавшего сострадание приговоренного к растерзанию диким зверем преступника. Так в этих всенародных собраниях устанавливалось живое и непосредственное общение главы государства с народом. Грозные политические события, вести о которых волновали население столицы, служили поводом к шумным всенародным манифестациям в цирке. Хотя Рим еще в конце II века перестал быть постоянной резиденцией императоров, но в римском цирке остались жить старые нравы, и здесь нашла себе убежище старая свобода римского державного народа, каким чувствовало себя в своем самосознании население города Рима. Посещения Рима императорами приурочивались к юбилейным дням или празднованиям триумфов после блестящих побед. Соблюдая старые традиции, Констанций отпраздновал двадцатилетие своей власти триумфальным вступлением в Рим во главе своих войск и давал игры в цирке по старым обычаям своих предшественников на троне.

Значение цирка в жизни Рима выразилось в своеобразном учреждении, а именно делении населения на партии. Момент состязания и торжество победы как неотделимый элемент всякого спорта делил зрителей на партии. О театральных партиях в Риме, их соперничестве и возникавших отсюда столкновениях, нередко кровавых, сохранил живые свидетельства от первого века Тацит.[320] Увеличение числа дней игр, начиная с Августа, и их всенародный характер содействовали развитию и упрочению этого течения в общественной жизни, и партии сложились в целые учреждения, признанные государственной властью. В конских ристаниях возницы одевались в разные цвета, и по ним зрители разделялись на партии. Первое по времени известие о существовании партий цирка в Риме сохранилось у Плиния Старшего и относится ко времени за 70 лет до Р. Х.[321] Первоначально партий было две: белая, albata, и красная, russata. От времени императора Гая (Калигулы) есть упоминание о партии зеленых, prasini, а имп. Вителлия — голубых, veneti.[322] Сами цвета изъяснялись позднее символически. По одной теории, они были приведены в связь с временами года: прасины — весна, венеты — зима, красные — знойная пора года, белые — время снега; по другой — со стихиями: земля, вода, огонь и воздух.[323] Хотя партий было четыре, но соперничество требует наличности двух противников, и партии объединились по две в одну, белые примыкали к зеленым, красные — к синим. Каждая партия имела свои конюшни, свое снаряжение для постановки игр, своих возниц, своих мимов и огромный штат обслуживавших это сложное дело специальных мастеров и прислуги. Как все общества, возникавшие в свободной жизни городских обществ, партии имели своих патронов, которых они избирал из числа знатных и богатых людей, и разрешение принять это звание предоставлялось верховной властью.[324] Латинское слово partes перешло в новую столицу в переводной форме μέρος, часть, но его пересилило другое, распространенное на востоке, δῆμος, народ. Так как зрелища имели всенародны характер, то все классы населения распределялись по партиям, димам, как говорили в Константинополе, и сам император не мог оставаться вне этого деления. Он становился и сам членом одной из партий и оказывал ей особое внимание. В этой своеобразной форме деления на партии, связанные с ипподромом и театрами, шла жизнь столичного населения. Император присутствовал на играх во всем великолепии своего облачения, восседая на троне в царской ложе, κάθιζμα, высоко поднятой над ареной. Его окружал весь его двор в парадных одеждах по сану и рангу, а перед ложей располагалась на ступенях его личная охрана, экскувиты. Димоты, распределившись по своим цветам на скамьях амфитеатра, принимали самое страстное участие в борьбе за победу своего цвета. Всех охватывало дикое возбуждение, и победа сопровождалась кликами победы и радости одних, воплями и проклятиями других. Всеобщее возбуждение нередко разрешалось кровавыми свалками соперничавших партий, и эти столкновения не ограничивались ипподромом, а переходили на улицу, кончались кровавыми битвами и пожарами.

В этой своеобразной организации деления на партии жило население столицы и больших городов империи. Возникавшие из соперничества партий кровавые столкновения считались неизбежным злом. Резкие нарушения порядка карались административными взысканиями, подчас жестокими военными экзекуциями и казнями главных виновников беспорядка. Но не было более тяжкого наказания, чем временная приостановка ристаний и полное бездействие ипподрома, которое могло само явиться причиной ожесточенного бунта, как случалось в Александрии.

Жизнь димов не исчерпывалась в V и VI веках страстным отношением и состязаниям цветов в ипподроме:

---

[320] *Tacit.* Ann. 1, 77.
[321] *Plin.* N. h. 7, 186.
[322] *Suet.* v. Calig. 55, v. Vitel. 7.
[323] *Cassiod.* Var. 3, 51; *Malala.* 175-176 (от него Chron. Pasch. 208-209).
[324] *Cassiod.* Var. 1, 20.

димы являлись народным представительством и принимали деятельное участие в таких важных актах жизни государства, как избрание на царство нового государя, о чем свидетельствуют современные описания церемоний венчания на царство.[325]

* * *

Представленный в предшествующем общий очерк учреждений империи нуждается для полноты представления об условиях, в которых начала свою историю Византия, в указании на те элементы, которые вошли в жизнь государства в течение IV века. Разумеем христианство в значении государственной религии и водворение готов в пределах империи. Слияние государства и Церкви в одно живое целое получило свое осуществление в истории Византии и отразилось самым могущественным образом на ходе внутренней жизни и внешних судьбах государства. Готы, водворившиеся в империи в конце IV века, оказали непосредственное воздействие на общественные отношения и вызвали коренные изменения в организации военных сил империи.

ХРИСТИАНСТВО

В древнем мире понятие религии было нераздельно связано с идеей государства. Всякий политический союз имел своих богов, которые оберегали его существование и пользовались поклонением его членов. Нерасторжимый союз общины с богами-покровителями, religio, как называли его римляне, от глагола ligare — вязать, выражался и исчерпывался точным и своевременным выполнением разных культов, сопровождавшихся принесением жертв и исполнением других религиозных обрядов. Наряду с древними и исконными культами, например Арвальских братьев, Луперков, Салиев, очистительных обрядов разного рода, с течением времени постепенно входили в религиозный календарь римской общины новые культы, заимствованные преимущественно от греков. Антропоморфизм не был в Риме общей и исключительной формой представления о богах, и наряду с Юпитером, Минервой, Юноной, которые получали совместное поклонение в главном храме Рима на Капитолии, были боги с характером отвлеченных идей и представлений, каковы: Верность, Fides, Целомудрие, Pudicitia, был даже и такой бог, как Aius Locutius. Имя этого бога было составлено из двух глаголов aio и loquor, что значит «говорить»; ему был воздвигнут жертвенник после галльской катастрофы 390 г. до Р. Х. за вещий голос, который, однако, остался непонятым в свое время и не предупредил постигшего Рим несчастия. В числе разных способов отношения к богам был у римлян и такой, который давал возможность переманивать богов в Рим с чужой земли; к нему прибег с Успехом Камилл, покоритель этрусского города Вей. Римские боги мирно уживались со всеми чужими богами, они терпели богов покоренных народов, и притом не только таких, которые допускали отожествление с собой богов римских и греческих, но даже и столь ярко национальных, каковы были боги Египта и сам единый Иегова иудеев. Так, Рим в своей многовековой истории не знал преследований за веру.

В начале империи, под воздействием религиозных идей, широко распространенных тогда на эллинизованном Востоке, возник культ императора. Хотя римскому религиозному сознанию была чужда идея обожествления человека, но Август нашел выход в том, что прибавил к своей особе отвлеченную богиню Dea Roma. По всему римскому миру стали воздвигаться храмы в честь Августа и обожествленного города Рима. Причисление Августа по его смерти к сонму богов римского государства формальным постановлением сената сделало культ императора прочным государственным учреждением. Ближайший преемник Августа, Тиберий, свято чтил божество Августа и состоял вместе со своей матерью Ливией членом специального религиозного общества, которое возникло для отправления этого культа. Как богу римской общины, Августу приносили жертвы и устраивали в его честь игры.[326] Так создалась традиция, действовавшая в течение веков. Армия, этот связующий элемент государственного единства империи, включила особу императора в число своих богов и пронесла его по всему миру. Божественное почитание особы императора стало с течением времени простым и для всех ясным выражением чувства верноподданности всех обитателей римского мира в отношении к главе государства, являвшемуся символом единства империи.

Из всех народов, подвластных Риму, только один не мирился с обожествлением человека. То были иудеи. Единый Иегова не признавал бытия никаких других богов, они рассыпались перед ним в прах, и верный ему народ не мог принять культа новому богу римского мира. Относясь с высокомерным презрением к предрассудкам иудейского суеверия, foeda superstitio, по выражению Тацита, императоры, кроме больного духом Гая Калигулы, мирились с этим протестом, и для иудеев было допущено изъятие. В конце правления Нерона иудеи вступили в неравную борьбу с Римом, и она окончилась страшным разгромом их родины и уничтожением их духовного центра, храма Иерусалимского. Иудея перестала существовать не только как политически самостоятельная единица в единстве Римской империи, но и как народ. В своем рассеянии иудеи заняли особое положение в римском мире. Являясь исключительно городским населением, они распространились повсюду, и политическое единство римского мира облегчило для них их рассеяние. Приходя в

---

[325] Ограничиваясь этими краткими сообщениями по далеко не вполне разъясненному вопросу о природе димов, мы намеренно оставляем в стороне материал, который дает Константин Багрянородный для X века. См.: *Успенский Ф. И.* Партии цирка и димы в Константинополе // Визант. врем. 1894.1. С. 1-16.

[326] *Tacit.* Ann. 1, 15; 73 — cultores Augusti, qui peromnesdomosin modum coll rum habebantur. Ib. 6, 45 struxit (Tiberius) templum Augusto. — *Dio Cass.* 56, 46 *Ioseph. Flav.* Antiqu. 19, 1, 11 (ludi scenici на Палатине в честь Августа, доступна только для сенаторов).

соприкосновение со всякими народностями, воспринимая для общения всякий язык, они оставались иудеями, мировой религиозной общиной, всем чужой и обособленной. Их положение определялось тем, что всякий иудей стал теперь платить в казну ту дидрахму, которую прежде платил на храм, символ национального единства. Под охраной дидрахмы иудейство сохранилось в империи как особый элемент населения со своей отличной от всех других, терпимой государством, религией. Прозелитизм был вообще запрещен иудеям и карался строгим законом, хотя в течение I и II веков строгой последовательности римского правительства в отношении к иудеям не было.[327]

В недрах иудейства зародилось христианство.[328] Апостол Павел вынес его из тесного круга национальности и обратил проповедь о Христе распятом и воскресшем к целому миру. Разрушение храма Иерусалимского оказало могучее воздействие на разрыв между христианством и иудейством, и в римском мире явилась новая религия, которая, так же как иудейство, отрицала всех богов и не мирилась с культом императора. Долгое время христианство укрывалось от взоров римского правительства под покровом иудейства, sub umbraculo religionis licitae, как выражался Тертуллиан. Кровавое преследование Нерона в 64 году, когда он старался найти в христианах виновников страшного пожара, превратившего в груду развалин большую часть города, и тем подавить слухи, приписывавшие вину пожара ему самому, и казни «иудействующих», ἰουδαϊζοντες, в конце правления Домициана были преходящими эпизодами в жизни христианской общины города Рима. Ни то, ни другое событие не вызвало появления общего запретительного закона против распространения новой религии в недрах римского мира. Это случилось позднее, при Траяне, и повод к тому был дан Плинием Младшим.

Будучи послан в Вифинию с особыми полномочиями, Плиний стал с полной строгостью применять указ Траяна о запрете тайных обществ. Полученные им доносы на христиан вызвали следствия, аресты и даже казни. Но так как число привлекаемых к ответственности умножалось и Плиний при ближайшем ознакомлении с делом убедился в невинном характере этого тайного общества, то он обратился к императору с просьбой дать ему указание, как поступать с христианами. Отказываясь дать общую норму отношения к христианам, Траян повелевал так: «Разыскивать их не следует; если же на них поступают доносы и обвинение подтверждается, то должно их карать; если же кто отречется и докажет это с очевидностью тем, что воздаст поклонение нашим богам, то, оставляя под сомнением прежнее, следует прощать таких ввиду их раскаяния. Но без наличности обвинителя и письменного обвинения не должно привлекать к ответственности».[329] С тех пор преследование христиан имело основание в действовавшем законодательстве, и время от времени происходили в разных местах империи казни отдельных христиан по суду. Наряду с этим христиане страдали нередко от взрывов народной ярости ввиду существования находивших веру слухов, которые распускали их враги, насчет гнусных преступлений, которые будто бы совершаются в их собраниях, окруженных глубокой тайной и никому из чужих недоступных.

Особое настроение, которое вызывало ожидание близкого конца мира пришествия Спасителя для Последнего Суда, поддерживало и питало энтузиазм мученичества. Во время преследований Домициана мы слышим обвинение иудействующих в полной духовной распущенности, contemptissima inertia. Но закон любви, возвещенный Христом людям, создавал условия для живой внутренней деятельности в недрах христианских общин, и, отрицая мир с его злом и страданием, христиане продолжали жить в мире и действовать. Афинский философ Аристид представил императору Антонину Пию апологию,[330] имевшую целью раскрыть глаза правительству на сущность этого нового явления в мире. Но он не внял этому голосу, — как и философ на троне цезарей, Марк Аврелий, которому подана была апология философом Юстином.[331]

---

[327] Относящиеся сюда данные собраны в исследовании: *Семенов П. В.* Иудеи и греко-римский мир во втором веке христианской эры. М., 1905. С. 19 и сл.

[328] Вопросу о положении христианской Церкви в империи в течение двух первых веков была посвящена моя публичная лекция, читанная в 1891 году. Она появилась затем в Киевских университетских известиях, за декабрь того же года, и вызвала ожесточенную полемику во многих журналах; с особенной резкостью выступил против меня анонимный обличитель [М. Г. Ковальницкий. — *Примеч. ред.*] в Трудах Киевской духовной академии за 1892 г. Ответ на эти нападки я поместил в *Киевских университетских известиях* за 1892 за июль под заглавием, какое имела и лекция — «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков». В журнале Христианское чтение за 1904 год, часть первая, вопрос, который я рассматривал, был поставлен на более серьезное рассмотрение г. Павловичем, причем автор излагал содержание сочинения английского ученого Рамзая (The Church in the Roman Empire defore A. D. 170), дополняя его полемическими нападками. Краткость и, быть может, излишняя определенность некоторых моих выражений давала возможность для некоторых недоразумений, разъяснять которые после моего ответа анонимному полемисту (Труды Киевской духовной семинарии) я не считал тогда нужным. Вопрос о начале судеб христианства продолжает, что естественно, непрерывно привлекать к себе внимание, и ученая литература с тех пор значительно умножилась на всех европейских языках.

[329] *Plin.* Epp. X 96; 97.

[330] Текст апологии Аристида был открыт сначала на сирийском языке, а затем на греческом. Новейшее издание: *Geffken.* Zwei griechische Apologeten. 1907. Об этой апологии знал Евсевий и относил ее ко времени Адриана. Как выяснил Геффкен, уже в древности обращались две редакции надписания.

[331] Юстин настойчиво возражал против слухов о преступлениях, будто бы совершавшихся в собраниях христиан.

Представители государственной администрации, т. е. правители провинций, обязаны были судить христиан за их принадлежность к недозволенной религии, но лишь в том случае, если какое-либо частное лицо самолично предъявляло обвинение против того или другого члена христианской общины. Так как римский процесс не знал особой инстанции обвинителя, обязанного преследовать каждое нарушение закона, то роль обвинителя была делом доброй воли каждого гражданина. В протоколах мученичества, подлинных или близких к подлинным, дело выступает с полной ясностью. Судья требует от обвиняемого доказательства, что он не повинен в возводимом на него преступлении, и таким доказательством является воздание общепринятого культа изображению императора. Мотивы, препятствующие христианину исполнять эту обязанность верноподданного, не подлежат обсуждению. Судья может, по общему правилу, дать обвиняемому 30-дневный срок одуматься. Если же по истечении этого срока обвиняемый остается тверд в своем решении, то судья произносит приговор.[332] Преступления оскорбления величества карались смертью. Но привлечение к суду данного христианина не распространялось на других членов общины, и к мученику ходили в тюрьму его родные и знакомые, не подвергая тем себя никакой опасности.[333] Тертуллиан в своей апологии возмущается тем, что закон карает за имя «христианин». Но римское правительство оставалось глухо к этим протестам. Возможность привлечения к суду отдельных лиц была всегда открыта, и однако, в то же самое время христианские общины не только невозбранно существовали по всему миру, но крепли и усиливались, особенно в больших городах, и в частности — в столице империи, Риме.

Как некогда, в начале своей истории, христианство укрывалось под покровом разрешенного законом иудейства, так во втором веке оно могло невозбранно существовать, принимая формы разрешенного типа обществ, так называемых погребальных коллегий, collegia funeraticia. Общий закон, изданный при Адриане, разрешал низшему классу населения империи, tenuiores, составлять общества, имевшие целью обеспечить его членам место погребения.[334] Общественных кладбищ Рим не знал, упокоение усопшего на собственной или частной земле было заботой его родичей, а для рабов и людей бездомных были ямы, puticuli, куда сбрасывали трупы, как и всякую падаль. Отсутствие организованных общих кладбищ повело к тому, что в среде городского населения стали возникать общества, имевшие целью сооружение на общий счет здания, в котором каждый пайщик получал определенное число мест для постановки урн с прахом, по расчету количества взноса на общее сооружение. Такие здания назывались колумбариями от сходства с голубятнями.

Члены общества облагали себя ежемесячным взносом, stips menstrua, и собирались в известные дни на дружеские обеды. Общества избирали представителей из своей среды, могли иметь покровителя, patronus, из числа богатых сограждан города, получали от него денежные пособия, оказывали ему честь постановкой его статуи на публичном месте. Источником доходов для этих обществ было право принимать на себя охрану чужих гробниц и чествование памяти любого человека, который пожелал бы внести в кассу общества известную сумму денег, ежегодный доход с которой мог обеспечить расходы по ремонту памятника и его украшению в поминальные дни, а также и на дружеские собрания членов общества с целью поминок. Такими днями были праздники фиалок и роз, Violaria и Rosalia, и день рождения почившего. Чем больше было лиц, поручавших хранение своей памяти такому обществу, тем богаче оно было, тем чаще собирались его члены на дружеские обеды.[335]

Тертуллиан, писавший свою апологию в 197 году, подводит христианскую общину, как она существовала повсеместно в его время, под формы погребальных коллегий и устанавливает полную аналогию в деталях.[336] Усвоив эти формы для законного существования в среде языческого общества, христианская Церковь прибавила еще одну черту, которой не было в жизни погребальных обществ, а именно широкую благотворительность. В церкви больших городов стекались крупные капиталы и возникали благотворительные учреждения, заведование которыми лежало на членах клира. Особенно богата была Римская церковь, которая простирала свое благотворение не только на своих непосредственных членов, но и на другие христианские общины.

Еще со времен апостолов началось общение христианских церквей, которое получило с течением времени определенные формы собраний представителей отдельных церквей для обсуждения дел, требовавших общего согласия. Схему для более широкой объединенной церковной организации давало существовавшее в империи деление на провинции, которые имели административные центры в определенных городах. Вместе с ростом цер-

---

Эти слухи были тогда широко распространены, как свидетельствует о том достоверное повествование о преследованиях христиан в Лугдуне в Галлии (*Euseb.* Hist. eccl. V, 2).

[332] Приговор по делу Сперата и его друзей: christianos esse confitentes et imperatori henorem et dignitatem dare recusantes capite truncari praecipio. *Acta martyrum Scilltanorum* по тексту Bibliotheque Nationale. Texts and Studies. 1 (1891). Вып. 2. С. 120.

[333] Такова обстановка мученичества Перепетуи. См. там же.

[334] Текст этого указа сохранился в эпиграфической форме, lex collegii. *Aesculapii et Hygiae.* Corp. Insc. Lat. XIV 2112.

[335] Сопоставление относящегося сюда материала представлено было мною в исследовании: Коллегии в Древнем Риме. Киев, 1882. С. 44-59.

[336] *Tertull.* Apolog. c. 38. На греческом Востоке общества назывались θίασοι. Этот термин прилагает к христианам Лукиан (De morte Peregrini, 11), и Цельс в своей полемике против христиан называл их θίασῶται. *(Origen.* C. Cels. 3, 23).

ковного имущества росло и значение верховного представителя общины, епископа, который через своих диаконов ведал всякого рода благотворительными учреждениями церкви. Епископ главного города получил первенствующее значение для всех других епископов данной области, которые видели в нем своего представителя. Так вырастала церковная иерархия, получившая уже вполне выработавшиеся формы ко времени гонений на христианскую Церковь от имени римского государства в III веке. Авторитет епископа Рима вырос высоко уже во втором веке и оперся на предание об основании этой Церкви первоапостолом Петром, пострадавшим в Риме за Христа.

В III веке язычество оживилось как религия. Новый дух пробудился в нем под воздействием религий Востока. Особенно широкое распространение получил культ бога Митры, Непобедимого Солнца, как называли его римляне. Наибольший отклик нашла эта религия в армии, и во всех пределах военных стоянок от Евфрата до Рейна встречаются священные пещеры этого культа. Элагабал в начале III века сделал попытку дать религиозный центр язычеству в том восточном боге, наследственным жрецом которого он был на своей родине. Этот бог был водворен в Риме в великолепном храме, и сам император в иератических одеждах совершал ему священнодействие. Но эта попытка не удалась, и при преемнике Элагабала, Александре Севере, возобладал самый широкий синкретизм. Император имел сведения о разных религиях своей империи и собрал в своем ларарии (божнице) статуи разных богов и религиозных реформаторов, в их числе Моисея и Христа. Оживление язычества как религии сказалось в ожесточении вражды к христианству. Постигавшие империю бедствия толковались язычниками как наказание за непочитание богов христианами. В том же роде, только в обратную сторону, толковали эти события христиане. Внутри городских общин, пользовавшихся широким самоуправлением, обострялось взаимное раздражение приверженцев религий, исключавших друг друга. Выработавшаяся в недрах Церкви организация превратила ее в государство в государстве, и многие ревнители старины видели политическую опасность в том положении, какое заняли исповедующие не признанную государственной властью религию.

Начались гонения на христианство, имевшие целью не покарать отдельных членов общины за измену отечественной религии, а искоренить самую Церковную организацию. Эру таких преследований начал Максимин. Но его правление было непродолжительно, и власть его не распространилась на всю империю. В половине III века Деций и после него Валериан открыли систематическую борьбу против христианства по всей империи. Преследование было направлено на иерархию и вождей церковных. В письмах еп. Киприана сохранилось изложение эдикта Валериана. Кара за христианство постигала прежде всего епископов и членов клира. Они подлежали смертной казни. Далее следовала градация: знатные люди, сенаторы и всадники подвергались конфискации имущества как мере предварительного воздействия; если же отречения не следовало и за конфискацией, то упорствующим полагалась смертная казнь. Простые люди (christiani) подвергались конфискации и обращались в колонов императорских домен.[337] Это жестоко гонение, во время которого погиб св. Киприан и римский диакон Лаврентий, было непродолжительно, и Галлиен, после пленения своего отца, прекратил его и возвратил Церкви ее имущества. Преследования за веру повышал уровень христианской нравственности, отметали слабых, выдвигали живые идеалы, поднимали настроение, скрепляли солидарность отдельных общин, давали сознание единства Церкви. Так из гонений Церковь выходила более сильной, очищаясь в горниле испытаний, крепла церковная организация, возрастало значение епископата.

Римский папа все более и более получал значение центра христианского мира, и римское правительство само признало его авторитет в церковных делах. Когда во второй половине III века произвел большой соблазн на Востоке епископ Антиохийский, Павел Самосатский, как своим толкованием христианских догматов, так и самой жизнью, епископы этой области тщетно пытались в своих соборных постановлениях низложить и устранить этого ересиарха. Пользуясь своею властью и снискав личное расположение Зенобии, тогдашней владычицы Востока, отделившегося от римского единства, Павел не обращал внимания на протесты епископов. Когда же Аврелиан восстановил подчинение Востока Риму, противники Павла искали у него помощи. Вникнув в дело, Аврелиан запросил мнение римского епископа по предмету раскола на Востоке. Папа высказался против Павла. Аврелиан устранил его военной силой из занимаемого им епископского дома, и Павел бесследно исчез.

Последнее, самое ужасное по своей жестокости, гонение поднято был Диоклетианом в 303 году, за два года до сложения им власти. Хотя указ о преследовании христиан и разрушении их храмов был объявлен по всей империи, но кровавый характер гонение имело лишь на Востоке, где его продолжали и преемники Диоклетиана, Галерий, умерший в 310 году, и затем Максимин Дайя, низвергнутый Лицинием в 313 году. То были последние попытки борьбы с христианством от имени государства. Оба эти августа перед своей смертью издали эдикты о веротерпимости.

Когда Константин устранил Максенция, а Лициний — Максимина Дайю, римский мир оказался под властью двух августов. Они свиделись в Медиолане и с общего согласия возвестили свободу религиозного исповедания

---

[337] *Cypr.* Ep. 80, 1: rescripsisse Valerianum ad senatum ut episcopi et presbyteri et dia cones in continenti animadvertantur, senatores vero et egregii viri et equites Romani dignitate amissa etiam bonis spolienturel si ademptis facultatibus christiani persevera verint, capite quoque multentur, matronae ademptis bonis in exilium relegentur. Christiani autem quicumque vel prius confessi fuerant vel nunc confessi fuerint, confiscenturet vincti in Caesarianas possessiones descripti mittantur.

для всех подданных империи.[338]

Церковь предстала теперь перед правительством как мощное, охватившее всю империю учреждение, имевшее свою иерархию, свои капиталы, свой давно сложившийся внутренний распорядок. Внешняя организация Церкви слагалась по типу политической организации империи с идеалом самоуправляющейся общины и соединением отдельных общин в более крупные целые с центральным управлением для всей области. Константин приблизил к себе христианских епископов, держал их при себе даже во время походов, и особенным его расположением пользовался епископ Кордубы (Кордовы) в Испании, Осия. Объявляя веротерпимость как общий принцип государственной политики на будущее время, Константин сам оставался язычником и отлагал по тогдашнему обычаю крещение до самой смерти. Он понимал, какую новую силу даст ему покровительство христианской Церкви, и в полной мере использовал этот источник. Сначала он оставался верен принципу равноправия религий, разделявших мир на два непримиримых лагеря. Так, в том же 313 году он разрешил культ рода Флавиев в Африке, который существовал и 60 лет после того, а позднее (дата точно неизвестна, но она раньше 326 года) дал свое согласие на сооружение храма своему «божеству» — numini nostro — в городе Гиспелле в средней Италии;[339] он сохранил гаруспицину в качестве государственного учреждения, запретив применять ее в частном обиходе жизни. Но стоять выше всяких верований государственная власть не могла, и жизнь мощно взывала к власти по вопросам веры. С другой стороны, Церковь добивалась тех прав и привилегий, которыми пользовалась языческая религия и представители языческих культов. Так началось новое направление в религиозной политике Константина.

Прекращение гонений и признание свободы отправления культа было начальным этапом коренного изменения в положении христианской Церкви. Ее общины не остались для государственной власти в положении безразличных для нее, дозволенных организаций, какими были уже в течение веков и какими оставались и теперь иудейские синагоги. Общины эти были объединены иерархией и обнаруживали тенденцию охватить все население империи. Император, не принимая сам христианства и продолжая стоять выше отдельных религий, между которыми делилась масса его подданных, склонялся, однако, к христианству, и в числе ближайших людей держал епископов. Отсюда целый ряд льгот для представителей христианских общин, членов клира и храмовых зданий. Уже в 313 году Константин освободил клир от тягостей декурионата,[340] а в указе 315 года, которым подтверждается свобода от казенных повинностей императорских домен, res privatae, император ставит наряду с ними церкви, ecclesiae catholicae.[341] В 319 году установлена свобода членов клира (ii, qui clerici appellantur) от всяких повинностей (munera). [342] В 319 году епископам была предоставлена юрисдикция в гражданских делах, и каждый христианин мог переносить свое дело на суд епископа, в обход обычных судебных инстанций.[343] В 321 году была узаконена новая форма освобождения на волю рабов — в церкви, пред епископом,[344] и в том же году дано церквям чрезвычайно важное право приобретать имущество по завещаниям.[345] По свидетельству Сократа, Константин наделял церкви имуществом из земельных владений городских общин. [346] В 323 году появился указ, воспрещавший принуждать христиан к участию в языческих празднествах.[347] Таким образом, христианские общины и их представители заняли совершенно новое положение в государстве. Христианство стало привилегированной религией. В члены клира устремились декурионы, желая освободиться от лежавших на них тягостей, и уже в 320 году Константин издал указ, воспрещавший декурионам вступать в клир.[348] Этот указ не мог, конечно, удержать декурионов в их стремлении воспользоваться привилегированным положением членов клира, и в *Феодосиевом Кодексе* сохранился целый ряд указов позднейшего времени, регулировавших этот вопрос живой жизни и затруднявших для декурионов поступление в клир. Предоставление льгот и привилегий членам клира имело своим последствием то, что император взял на себя роль верховного решителя в вопросе о еретиках.
Первая ересь, в суждение о которой был втянут Константин, носит имя донатизма.[349]

Около времени издания Медиоланского эдикта о веротерпимости в Африке разгорелся большой раскол,

---

[338] Текст, сохраненный Евсевием, не представляет собою точного воспроизведения Указа, опубликованного на Западе.
[339] Corp. Incr. Lat. XI, 5265.
[340] Cod. Theod. 16, 2, 2. В 330 г. —16, 2, 7 — эта льгота распространена на чтецов и иподиаконов.
[341] Ib 11, 1. Под термином ecclesiae catholicae следует разуметь церкви, открытые для всех, в противоположность не еретикам, а церквам частным, домашним молельням и т. п. *Da Cange.* Glos. s. v. καθολικός.
[342] Ib. 16, 2, 2.
[343] Ib. 1,27, 1.
[344] Ib. 4, 7, 1.
[345] Ib. 16, 2, 4.
[346] *Socrat.* 5, 7. Указ имп. Юлиана от 364 г. Cod. Theod. 10, 3, 1. — восстановил старые права общин на их собственность.
[347] Cod. Theod. 16, 2, 5. Здесь христиане названы — qui sanctissimae legi serviunt. Праздники, разумеющиеся здесь, — lustrorum sacrificia, и наказание — publice fustibus verberentur.
[348] Ib. 16. 2. 3.
[349] Новейшая работа о донатизме принадлежит: *Monceaux.* L'egiise donatiste avant Saint Augustin // Rev. de l'histoire des religions. IX. 1909. № 1. С. 1-63.

длившийся более столетия и принесший много бед этой стране. В начале IV века престол карфагенского епископа занимал Мензурий. Человек твердого характера и сильной воли, он относился с осуждением к показному мученичеству, которое нередко проявлялось во время гонений со стороны людей сомнительной нравственности и даже иногда было делом промысла. После его смерти был созван Собор для избрания ему преемника, и выбор совершился раньше, чем успели прибыть все желавшие участвовать епископы. Собор избрал диакона Карфагенской церкви Цецилиана, который немедленно вступил в управление кафедрой. Но 80 нумидийских епископов и партия, враждебная Цецилиану, избрали другого епископа, Майорина, и объявили Цецилиана низложенным. Предлогом к низложению было то, что один из посвящавших его епископов был повинен в предательстве, признан traditor, как называли тех, кто во время преследования выдавал церковные сосуды, книги, священные предметы. Возглашая себя ревнителями чистоты Церкви, противники Цецилиана низлагали его за грех того, кто его посвятил. Цецилиан не уступал, раскол в Церкви обострялся и получил еще более резкую форму, когда место умершего Майорина занял в 313 году страстный и фанатичный Донат. От его имени все это движение называется донатизмом. Дело вышло за пределы африканских епархий; Соборы, состоявшиеся первый в Риме в 313 году, второй в Арелате в 314, по делу донатистов решили спор в пользу Цецилиана против Доната; но Донат не уступал. Константин вмешался в дело, но это не помогло, и в Карфагене вспыхнул бунт. Кровавые столкновения происходили во многих церквях Карфагена. Было много убитых, и в числе их один епископ.[350] Эти новые «мученики» укрепили донатистов в их особности и отделении от господствующей Церкви, и раскол длился все время правления Константина, несмотря на неоднократные попытки императора положить ему конец.

Константин был вынужден несколько раз прибегать к карам *донатистов,* и в указе 319 года о льготах, предоставляемых на будущее время членам клира, представители донатистской церкви были исключены. Это обстоятельство имело принципиальную важность, так как император являлся верховным судьей в церковном деле. Донат не признавал этого права и заявлял: «Что за дело императору до Церкви?» (quid est imperatori cum ecclesia?). Но его противники поучали его так: «Не государство находится в Церкви, а Церковь в государстве». «Над императором нет никого, кроме Бога, который его поставил. Если поэтому Донат возвышает себя над императором, то он преступает границы, поставленные нам, людям».[351] Такова была господствовавшая точка зрения представителей христианского клира.

Император со своей стороны лишил еретиков прав на все те льготы и привилегии, которые были предоставлены господствующей Церкви. В 326 году вышло два указа против еретиков. Первый был направлен против всех вообще еретиков и схизматиков (haeretici et schizmatici), второй имел в виду новациан.[352] Евсевий сохранил текст рескрипта Константина, обращенного к еретикам (новациане, валентиниане, маркиониты и павликиане во Фригии), в котором император внушал им обратиться к господствующей Церкви. Эдикт этот был выставлен во всеобщее сведение, и, по словам Евсевия, еретики целыми толпами переходили в церковное единство.[353] В пору издания этих указов вмешательство императора в дела Церкви пошло уже гораздо дальше: он принял личное участие в установлении догматических истин и явился инстанцией, утверждающей решения епископов в вопросах вероучения. Повод к этому был дан церковным раздором, который вызвал Арий.

Когда Константин осенью 323 года[354] победил Лициния и стал повелителем Востока, арианский раскол был в апогее своего развития. Ожесточение спора, приводившее к волнениям в недрах отдельных церквей, побудило епископов искать помощи у императора, который так много сделал для признания прав церкви. Первыми обратились к нему Александрийский патриарх Александр и сам Арий, виновник раздора. Будучи плохо осведомлен о догматической стороне спора, Константин отправил в Александрию епископа Осию Кордубского, который состоял при нем доверенным лицом по делам христианства и церкви еще со времени итальянского похода 312 года. Ознакомившись с делом на месте, Осия представил императору докладную записку. Примирить Александра и Ария Осии не удалось, и император решился созвать Собор, избрав для него местом город Никею. Епископам были разосланы пригласительные грамоты.[355] Собор открылся 20 мая 325 года. Когда епископы собрались, к ним вышел император, окруженный штатом придворных. Евсевий Кесарийский обратился от имени собрания с приветственным словом, сказанным на греческом языке. Император ответил на латинском, как официальном языке империи, и когда его речь, призывавшая к единению и миру, была переведена для собрания на греческий язык, он начал, уже по-гречески, руководить заседанием.

Так возник новый орган жизни Церкви, который получил значение имперского учреждения. Внешняя организация Собора епископов и делопроизводство сложились по тем нормам, какие действовали в ту пору в сенате.[356] Хотя Константин еще не принимал крещения и поэтому не мог считаться христианином, тем не менее

---

[350] *Passio Donati.* 5-10 (P. L. 8, 755-756).
[351] *Optatus.* De schismate Donatistarum, 3, 3 (P. L. 11, 999. 1101).
[352] Cod. Theod. 16, 5, 1 и 2.
[353] *Euseb.* v. Constan. 3,64-66.
[354] Эта хронология утверждена Моммзеном (Hermes. 32, 545).
[355] Текст сохранился на сирийском языке. *Pitra.* Analecta sacra, IV, p. 452. — В числе аргументов выбора места для Собора приведен и следующий: ut ego ipse adesse possim partemque habere iis quae fiant.
[356] *Gelzer.* Die Koncilien als Reichsparlamente // Ausgewahlte kleine Schriften. 1907. III, 142-145.

он с полным сознанием своего права принимал участие в прениях, и когда обсуждался текст Символа веры, первый одобрил формулу Кесарийской церкви, заявив, что она соответствует его убеждениям. Суждение императора предрешило исход прений. По окончании Собора Константин, как сообщает Евсевий, утвердил собственной печатью принятые епископами определения и привел в объяснение, что он делал это для того, «чтобы областные начальники не могли уничтожить этих решений». Считая своим правом утверждение актов Собора, император тем самым становился высшей апелляционной инстанцией в случае личного несогласия данного епископа с соборным определением. Афанасий Александрийский признал и осуществил это право императора, обратившись к Константину с жалобой на постановление Собора, состоявшегося в Тире в 335 году.

Так создалась в церкви новая центральная власть: император стал высшей инстанцией церковного законодательства в вопросах как догмы, так и церковного строительства. По словам Евсевия, Константин определял свое положение в церкви в таких словах: «Я могу назваться епископом, поставленным от Бога, для внешних дел». Неизвестно, произносил ли такие слова Константин, но в них он определял круг своей власти в менее широких пределах, чем те, в каких он ее осуществлял, давая свое утверждение догме христианского вероучения.

Со времени Константина Вселенские соборы существуют как государственное учреждение. Императору принадлежит власть созывать и распускать их. По своему усмотрению император может лично участвовать в заседаниях Собора. Открытие и закрытие Собора совершается только назначаемым от императора светским сановником, который имеет право принимать участие как в обсуждении вопросов, так и в прениях.[357]

На Соборе 325 года учение Ария было осуждено; его сочинения преданы сожжению, и он сам сослан; некоторые епископы, отказавшиеся подписать соборные определения, также подверглись ссылке.

Но единомыслие, достигнутое на Никейском соборе, не дало мира церкви. Термин ὁμοούσιος[358] не имел оснований в Священном Писании и являлся толкованием, давно уже обычным лишь на Западе. По всем восточным церквам пошла агитация против термина ὁμοούσιος. Арий представил Константину свое вероучение в новой формулировке, и Константин потребовал от Афанасия, преемника Александра на Александрийской кафедре, восстановить Ария в его церковных правах. Восточные епископы в поместных соборах отвергли эту формулу, осудили Афанасия, по решению Собора, состоявшегося в Тире в 335 году, и он был низложен и сослан в Галлию. В течение долгих затем лет, до Феодосия Великого, длился церковный раздор, и на Востоке гораздо более приверженцев имели разные виды арианского изложения веры, чем учение, принятое на Никейском соборе.

Дети Константина были воспитаны в христианстве, и Констанций, которому судьба отдала единовластие после смерти братьев, был преисполнен самого искреннего желания водворить единоверие в христианском мире и дать христианству значение единой религии государства. При нем начались преследования язычества. «Да прекратится суеверие, да будут уничтожены жертвоприношения»,— писал он в указе 341 года.[359] Через несколько лет он воспретил кровавые жертвоприношения под угрозой смертной казни.[360] Во время посещения Рима в 357 году Констанций удалил из курии изображение Победы, символ римского мировладычества.[361] Еще раньше язычникам было запрещено приобретать рабов христиан.[362] Осужденное верховной властью язычество продолжало, однако, невозбранно существовать в Риме, и восстановление его как господствующей религии в столице возможно было не только при Юлиане, но и позднее при Феодосии, когда, после смерти Валентиниана II, верховная власть досталась Евгению (393). Одновременно с осуждением язычества представители христианского клира получили новые привилегии, а епископы были изъяты от светского суда.[363]

Разномыслие в вопросе о Никейском символе длилось и обострялось за все время правления Констанция, несмотря на самые ревностные усилия с его стороны к тому, чтобы выработать на Соборах единую общеприемлемую формулу вероопределения. В огромном большинстве восточные епископы не мирились с единосущием, и против этого положения шла усиленная полемика. После многих Соборов, которые созывались с целью найти примирительную формулу, состоялся в 359 году Собор в Аримине, который дал формулу вероопределения, где не было ни термина «единосущие», ни «подобосущие», являвшихся предметом спора между арианами и православными. Одновременно с тем другой Собор заседал в Селевкии. Выработанная тогда формула рассылалась епископам для подписи под угрозой гнева императора. Не принимавшие этой формулы епископы подверглись

---

[357] Представительство на Соборе в Кесарии в 334 году было предоставлено племяннику Константина Далмацию (*Socrat.* 1, 27); на Соборе в Тире в 335 году — комиту Дионисию (*Mansi.* 2, 1139; *Euseb.* v. C. 4, 42).

[358] Единосущный (*греч.*) — понятие, выражающее больше, чем только равенство, одинаковость и подобие Иисуса Христа (Сына) и Бога-Отца. По смыслу Никейского вероучения, оно означает строгое единство бытия, тождество нерасторжимое и неизменное, неслиянную неотъемлемость Сына от Отца. — *Примеч. издателя.*

[359] Cod. Theod. 16, 10, 2.

[360] Ib. 16, 10, 4.

[361] *Ambrosii.* Ep. 18 (p. 971). При Юлиане она была водворена на старое место и окончательно устранена при Грациане по настоянию Амвросия Медиоланского. Сенатор Симмах, язычник, отстаивал Победу, Амвросий возражал.

[362] Cod. Theod. 15, 8, 1. (343 г.).

[363] Ib. 16, 8-11; 14, 14 (с 343 по 359 г).

низложению и ссылке.

Так прошло правление Константина. Его преемник на троне, Юлиан, отрекся от христианства и мечтал о восстановлении и обновлении язычества. Члены клира потеряли данные им раньше привилегии, их опять стали зачислять в курии и привлекать к исполнению гражданских обязанностей, а также и к военной службе. Все епископы, пребывавшие в изгнании за разномыслие с господствующим вероучением, получили разрешение вернуться в свои церкви; раздор в христианских общинах стал еще резче, на что и рассчитывал Юлиан.[364] Христианским грамматикам и риторам было запрещено толковать языческих авторов, и многие из них прекратили свою деятельность. Реакция была непродолжительна, и Иовиан немедленно по своем избрании на царство восстановил христианство в том значении и правах, какими оно пользовалось до Юлиана.[365] Валентиниан сумел отстраниться от церковных вопросов, но брат его Валент не остался вне той возбужденной борьбы, которая шла на Востоке, и стал на сторону арианства в новых его проявлениях и толкованиях. Время его правления наполнено было преследованием омоусиан, которых он подвергал ссылке, а нередко и смертной казни.[366] Преемник Валентиниана, сын его Грациан, был воспитан под ближайшим руководством Амвросия, епископа Медиоланского, пламенного приверженца Никейского исповедания, за которое неукоснительно стоял римский патриарший престол. В соправители себе на Востоке Грациан избрал Феодосия, родом из Испании, где под воздействием Рима господствовало Никейское исповедание. Крещение Феодосий принял от Асхолия, епископа Фессалоники, единомышленного с Западом в вопросах вероучения. Это определило дальнейшее направление его церковной политики на Востоке в единодушии с Западом.

В ту пору в Константинополе, по словам Григория Нисского, омоусианские споры занимали и увлекали всех. Святитель с иронией говорит, что меняла, раньше чем разменять деньги, ведет речь о том, рожден или не рожден Иисус Христос; булочник, не отвечая на вопрос о цене хлеба, толкует о том, что Отец больше Сына, а банщик на вопрос о ванне отвечает, что Сын Человеческий произошел из ничего.[367] Среди такого возбуждения и всех захватившего интереса к богословским спорам явился указ, который должен был прекратить и закончить споры и борьбу. Он был издан в Фессалонике 27 февраля 380 года. «Мы хотим, чтобы все народы, находящиеся под нашим милостивым управлением, пребывали в той религии, которую передал римлянам святой апостол Петр, как свидетельствует о том и доселе вдохновляемое им учение, которого держится понтифик Дамас и епископ Петр Александрийский, муж апостольской святости. Согласно апостольскому наставлению и евангельскому учению, будем верить в единое Божество, Отца, Сына и Святого Духа, в равном величестве и блаженной Троице. Тем, кто следует этому учению, повелеваем принять имя католических христиан и считаем других сумасбродными безумцами; они должны нести на себе позор еретичества и собрания их не должны себе присваивать имени церквей. Они подлежат прежде всего возмездию от Бога, а затем и мщению от нашего побуждения, которое мы восприняли по вдохновению свыше».[368]

Эдикт Феодосия начинает собою новую эру в истории империи. Твердо уверенный в истине Никейского исповедания, император объявил его обязательным для всех своих подданных, считавших себя христианами. 10 января 381 г. Феодосий издал другой указ в подтверждение принятого и, объявляя Никейское исповедание единым истинным, в то же время осудил ереси фотиниан, ариан и евномиан.[369] Затем последовал целый ряд указов против еретиков, с запрещением им строить церкви и собираться для отправления культа, ставить себе епископов и членов клира; вместе с тем были подвергнуты ограничению их гражданские права.[370] В столице были отобраны военной силой церкви от ариан. Епископу Демофилу было предложено принять Никейское исповедание или удалиться в изгнание. Он избрал последнее, и сам император с военной охраной ввел еп. Григория[371] в кафедральный храм Константинополя.

В 381 году Феодосий созвал Собор в Константинополе для утверждения православия, и вновь был возглашен Никейский символ с дополнением и некоторыми исправлениями текста.[372] На том же Соборе было принято постановление, чтобы епископ Нового Рима, сравненного теперь уже во всех правах с древним своим собратом, имел преимущество чести пред всеми епископами после римского. Это постановление истекало из политических соображений; но ни Римская церковь, ни Александрийская не признали этих прав константинопольского епископа, и 70 лет спустя опять был поднят на Соборе тот же вопрос, но встретил и тогда решительный отпор со стороны Рима. Феодосий подтвердил права клира на льготы от гражданских повинностей.[373] В календарь был включен праздник Пасхи,[374] в дни четыредесятницы были запрещены телесные

---

[364] *Амм. Марц.* 2.105 (22,5:4): «Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях».
[365] Nic. Call. 10, 39.
[366] *Socrat.* 4, 16, 17, 22.
[367] *Greg. Nyss.* Oratio de deitate Filii (P. G. 46, c. 557).
[368] Cod. Theod. 16, 1,2.
[369] Ib. 16, 5, 6.
[370] Ib. 16, 5, 7-24.
[371] Григория Богослова. — *Примеч. издателя.*
[372] *Socrat.* 5, 10.
[373] Cod. Theod. 16,2,26 (381 г.). Льгота была распространена и на церковных сторожей, custodes ecclesiarum.

наказания,[375] сделаны были и другие установления, вводившие в обиход общественной жизни христианские обычаи и идеи.

Утверждение единой истинной веры указом императора не прекратило того возбуждения, которое вносили в общественную жизнь споры и публичные прения, о чем так горько сетовал Григорий Нисский. В 386 году Феодосий издал указ на имя префекта претория, в котором повелевал привлекать к ответственности по закону об оскорблении величества виновников волнений в христианской Церкви.[376] В 388 году был повторен запрет публичных прений по религиозным вопросам,[377] а в 392 г. — определено карать за нарушение запрета ссылкой.[378]

Одновременно с тем, как христианство в Никейском исповедании было объявлено государственной религией империи, началось преследование язычества. Уже Констанций издавал общие запреты кровавых жертвоприношений, грозил даже смертью за ослушание,[379] делал распоряжения о закрытии храмов в городах, но запрещал закрывать те, которые стояли за городом и были центром народных празднеств.[380] Грозные слова: cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania, как начинается указ Констанция от 341 года,[381] и последующие указы не вели, однако, к репрессиям, и Рим, столица империи, был и оставался в ту пору более языческим, чем христианским. Реставрационная попытка Юлиана, безнадежная по существу, обострила отношения и подготовила борьбу с язычеством в недрах самого общества. Феодосий, выступивший столь решительно насадителем единой правой веры, начал энергичные действия против язычества. В указе 381 года он запрещал посещение языческих храмов, в 385 году грозил казнью за гаруспиции, в 391 году определил штраф в 15 фунтов золота за исполнение языческих обрядов, а в 392 повелел карать по строгому закону об оскорблении величества.[382]

Наиболее живым центром общественной жизни на Востоке была тогда Александрия. Феодосий в 384 году послал туда префекта претория Кинегия с приказанием закрыть все храмы и прекратить отправление всех культов.[383] Такое отношение правительства к язычеству являлось весьма удобным для агитации фанатичных врагов язычества среди епископов. Глава Египетской церкви, Феофил, исхлопотал у императора разрешение превратить в церковь один уже раньше закрытый храм Вакха. При его перестройке нашли между прочим статую Приапа, и Феофил, в посрамление язычников, приказал носить ее по городу. Это глумление вызвало протест со стороны приверженцев старой религии, и взаимное раздражение выразилось в кровавых стычках на улицах города. Под предводительством философа Олимпия язычники заняли огромный храм Сераписа, стоявший на искусственном холме, и, выходя из этой цитадели на борьбу с христианами, вступали в кровавые схватки, а захваченных в плен принуждали к отречению от христианства. Долго длилась эта братоубийственная война, пока ее не прекратило пресыщение убийствами, как выражается Сократ. Боровшиеся партии заключили перемирие, и префект Египта представил дело на усмотрение императора. В своем ответе Феодосий приказал не производить следствия о бунте и предал дело забвению, но, в наказание за происшедшее, повелел уничтожить культ Сераписа. Теперь Феофил имел опору в военной силе, расположенной в столице Египта, и, не встречая противодействия, приступил к разрушению храма. Огромная статуя Сераписа занимала центр храма. Долго никто не смел поднять на нее руку. Язычники были уверены, что покушение на бога вызовет катастрофу Вселенной. Какой-то солдат бросил копье в голову статуи, этот удар и его безнаказанность разрушили обаяние, и статуя была разбита на куски, которые христиане волочили затем с позором по улицам. Феофил нашел в храме какие-то приспособления и документы, позорящие язычество. Драгоценным металлом статуй богов Феодосий разрешил воспользоваться для церковных сосудов и на цели благотворительности по усмотрению епископа. После Серапея были разрушены и ограблены другие храмы Александрии, а также Канопа и других городов Египта. Из множества статуй Феофил сохранил только одну и выставил ее напоказ с той целью, «чтобы язычники не могли впоследствии отрекаться, каким богам они поклонялись».[384] Язычники во множестве бежали из Александрии. Олимпий нашел приют в Италии, а два грамматика, Геладий и Аммоний, бежали в Константинополь, где у них, между прочим, получил свое образование Сократ, автор «Церковной истории», изданной при Феодосии II.

Раньше, чем в Египте, началось разрушение языческих храмов в Сирии. Епископы во главе черни и монахов, при помощи солдат закрывали и разрушали старые святыни. В некоторых местах язычники оказывали сопротивление. Так, Маркелл, епископ Апамеи, успевший разрушить храм Зевса в своем городе, погиб в огне во время разрушения храма в городе Авлоне. Хотя позднее убийцы его были обнаружены, но епископы этой провинции

---

[374] Ib. 2, 8, 19 (389 г.). Sanctos etiam Pasche dies id est, septem qui antecedunt et septem qui sequuntur.
[375] Ib. 9, 35, 5(389 г.).
[376] Ib. 16, 4, 1.
[377] Ib. 16, 4, 2.
[378] Ib. 16, 4, 3.
[379] Ib. 16, 10, 4 (вероятно, 354 г.).
[380] Ib. 16, 10, 3; 4.
[381] Ib. 16, 10, 2.
[382] Cod. Theod. 16, 10, 7; 9; 10: 12.
[383] *Zosim*. 4, 37.
[384] *Rufin.* 2, 22-30; *Socrat.* 5, 16-17; *Sozomen.* 7,15.

сами воспротивились тому, чтобы те понесли за это кару.[385] При Аркадии продолжалась борьба с язычеством и разрушение храмов. Таков указ общего содержания от 7 августа 395 года и 10 июля 399 года — специально о храмах.[386] Всякого рода привилегии, которыми в разных городах по старым узаконениям пользовались жрецы, были отменены указом 396 года.[387]

Итак, христианство стало государственной религией, а глава государства принял на себя обязанность блюсти чистоту веры. Права епископов в отношении подчиненных им членов клира, с установившимися иерархическими отношениями, были признаны государством, и церковное устройство получило значение государственного учреждения. Все церковные споры епископов и членов клира, а также и проступки последних подлежали суду епископов. Внутренняя жизнь Церкви шла в давно сложившихся формах, и выбор епископов остался делом общины. Но совместная деятельность епископов требовала для своего осуществления участия верховной власти, в компетенцию которой входило созвание Собора, постановка вопроса для обсуждения, утверждение соборных решений и, наконец, всякого рода административные воздействия для водворения принятых на Соборе решений в жизнь Церкви.

Эти широкие права императора в делах Церкви не подлежали никакому сомнению еще со времени Константина. Церковь живет в государстве, и тем самым глава государства является главой Церкви. Отметить светский характер этой власти было заслугой епископа Амвросия Медиоланского. Когда однажды Феодосий во время пребывания в Медиолане явился на богослужение в храм и, сделав свое приношение, остался затем в алтаре за преградой, отделявшей паству от клира, Амвросий приказал своему диакону спросить его, что ему угодно. Феодосий объяснил, что на Востоке он всегда так поступал, бывая в церкви. Тогда Амвросий приказал диакону передать императору, что место его, как мирянина, перед решеткой. Феодосий подчинился, вышел за преграду и с тех пор соблюдал это и в Константинополе.[388] Такое же значение имел и другой поступок Амвросия: за кровавое дело в Фессалонике он наложил на Феодосия отлучение и разрешил явиться в храм только восемь месяцев спустя, когда настал праздник Рождества Христова.[389]

Императорская власть, с ее давно сложившимся абсолютизмом, представляла грозную реальную силу, к которой прибегали епископы для скорейшего достижения торжества над ослабевшим уже язычеством. В общем складе тогдашних отношений правительства к населению епископы сразу заняли положение влиятельных заступников за население своих епархий в делах, не имевших никакого отношения к церковной жизни. Так, когда большое увеличение налогов, произведенное Феодосием, вызвало бунт в Антиохии, причем население низвергло статуи императора и его покойной супруги и с позором таскало их по улицам, Феодосий решил строго наказать город и навсегда лишить его значения столицы Востока. В Константинополь отправился епископ Флавиан и вымолил прощение виновным.[390] Эта новая функция епископской власти с течением времени получала все большее признание и нередко осуществлялась по случаю разных стихийных бедствий, постигавших население той или иной области. Властный Амвросий, пользуясь своим авторитетом, позволял себе вмешиваться в дела по управлению, которые задевали интересы христианства. Так, благодаря его настоянию осталось безнаказанным для епископа и клира города Каллиника на Евфрате разрушение иудейской синагоги. Феодосий распорядился, чтобы синагога была отстроена на счет виновных в этом насилии; но Амвросий настоял на отмене этого решения.[391]

Вместе с клиром Церковь ввела в общественные отношения новый социальный орган, успевший принять форму учреждения. То было монашество. Оно зародилось в Египте, где имело глубокие корни в давнем языческом и иудейском прошлом. Начавшись в форме удаления в пустыню людей, склонных к созерцательной жизни, оно получило широкое распространение еще в IV веке в виде общежитий в уединенных оазисах пустыни. Отцом пустынножительства был Антоний, оставшийся в истории с титулом Великого. Свой подвиг он начал ок. 270 года и вел его до конца своих дней в 356 году. Его пример увлек очень многих, и избранная им пустыня Писпир и окрестные горы наполнились людьми, покидавшими для пустыни все связи людского общежития. К западу от дельты Нила и к югу от Александрии в пустыне, носившей имя Нитра, создал другой центр отшельничества Аммоний, в первой четверти IV века. В верхнем Египте явился свой центр отшельничества, созданный Пахомием (ум. 348 г.). Здесь сложился тип общежительных монастырей. Египетские отшельники получили очень скоро большую известность, и в конце IV века начались паломничества к ним из далекого Рима и Галлии. Из Египта монашество распространилось в Сирию и было особенно многочисленно в Палестине, где самая природа страны представляла большие удобства для пещерной жизни подвижников. Отцом палестинского монашества был уроженец Газы Иларион, долгое время подвизавшийся в пустыне Писпир при Антонии. В конце IV века Василий Великий распространил монашество на северо-востоке Малой Азии и

---

[385] *Theodoret*. 5, 26.

[386] Cod. Theod. 16, 10, 13, 16. Живую картину разрушения языческих храмов при Аркадии старанием епископов дает Житие Порфирия Газского, гл. 58-69 (Палест. патерик. Вып. 5).

[387] Cod. Theod. 16, 10, 14 (7 дек.).

[388] *Theodoret*. 5, 18, 21 (p. 313, 1238): ἀλουργίς γάρ βασιλέας ού ἱερέας ποιεῖ.

[389] *Socrat.* 7,25.

[390] *Sozomen.* 7, 23.

[391] *Ambrosii* Ep. 40. (P. L. 16).

положил основание уставам монастырского общежития.

Выставляя своим принципом отречение от мира, монашество никогда, однако, не чуждалось мира и с особенной ревностью откликалось на споры о чистоте христианского учения, непрерывно возникавшие в Восточной церкви. Но и помимо церковных дел монахи выступали со своим протестом и в событиях мирского характера. Так, при Феодосии I один антиохийский отшельник удержал царских слуг, прибывших для совершения экзекуции над населением. В конце IV века Исидор Пелусиотский обращался к Руфину с жалобой на правителя области и достиг цели: правитель был смещен. При Феофиле Александрийском египетские монахи были деятельным и фанатическим орудием епископа в борьбе его с язычеством.[392] То же самое было и в Сирии, где монахи с особенной ревностью предавали разрушению языческие храмы. Свидетель этих событий, ритор Либаний, обращался к имп. Феодосию с просьбой о пощаде памятников культуры и искусства.[393] Быть может, в некоторой связи с этим красноречивым словом стоит указ Феодосия от 390 года, которым он воспрещал пребывание монахов в городах и возлагал на правителей провинций обязанность принимать меры воздействия к их удалению.[394] Вскоре, впрочем, запрет был снят,[395] и при том же Феодосии монашество проникло и прочно утвердилось в столице империи.[396] Основателем древнейшего монастыря в Константинополе был сирийский подвижник Исаак. Под его воздействием почувствовал влечение к отречению от мира один офицер придворной схолы по имени Далматий. Он расстался с женой, отослал ее с дочерью на родину в Сирию и вместе со своим сыном Фавстом вступил в общину, собравшуюся вокруг Исаака. Второй по времени монастырь был создан Руфином, занявшим при Феодосии пост префекта претория Востока. Он основал его в своих обширных владениях близ Халкидона и пригласил монахов из Египта. По смерти Руфина (395 г.) монастырь запустел, но вскоре получил новую жизнь, благодаря водворению в нем уроженца Фригии Ипатия, подвизавшегося во Фракии. Имя основателя сохранилось за этим монастырем, и он назывался Руфинианами, *αἱ Ρουφιανί*.[397] Тогда же возник монастырь Дия, о начале которого не сохранилось точных известий.

Отношения монашества к представителям церковной иерархии не были регламентированы никакими каноническими определениями, и Иоанн Златоуст, сам подвизавшийся некогда в сирийских пустынях, возбудил против себя недоброжелательство в среде многочисленного столичного монашества теми ограничениями свободы, которые он стал предъявлять к монахам.

ГОТЫ В ИМПЕРИИ

Германское племя готов считало своей родиной Скандинавию и увековечило память об этом в великолепной легенде, которую сохранил Иордан. Под предводительством царя Берига готы выселились на трех кораблях, и местом их высадки был Коданский залив (sinus Codanus), т. е. устье Вислы. Один из трех кораблей был менее поворотлив и быстр, чем два другие. Ленивый по-готски gepanta, отсюда название племени гепидов, которое было сродни готам, но имело в Европе свою особую от готов историю.[398] Два других корабля, равные по быстроте, переносят своим числом в доисторическое время деление племени готов на гревтунгов и тервингов, ост- и вестготов.[399] В низовьях Вислы знал готов, gotones, Тацит, когда писал свою *Германию.* Уже при Тиберии отдельные дружины готов проникали далеко от родной страны вглубь территории, занятой германцами в те времена. Гот Катуальда заставил бежать в римские пределы могущественного раньше царя Маробода, а впоследствии и сам был вытеснен и нашел приют в империи.[400] В низовьях Вислы помещает готов Птолемей в своей географии, которую он составлял по римским данным в половине II века в Александрии.[401]

Вероятно, еще в конце II века готы подались к югу и, пройдя через болотистую местность, — очевидно, бассейн Припяти, — вышли на Днепр,[402] а в первой половине III века спустились к морю, заняв нынешние южнорусские степи от Дона и до низовьев Дуная. Гепиды много позднее, чем готы, подались на юг, и во второй половине III века их местожительством были горные области Траяновой Дакии. Острие копья с рунической надписью (имя Tilarids), найденное близ г. Ковеля на Волыни, является подтверждением исторической

---

[392] *Socrat.* 7. 13.
[393] *Libanii* Oratio pro templis, III 87-118 *Förster.*
[394] Cod. Theod. 16, 3, 1.
[395] Ib. 16, 3, 2.
[396] О начале монашества в Константинополе см.: *PargoireJ.* Les debuts du monachis me a Constantinople//Rev. d. Ouest, hist. 1899.
[397] Местоположение Руфиниан в настоящее время точно констатировано. См .:*Pargoire J.* Roufinianes // Byz. Zeitsch. VIII (1899), 429-477.
[398] *Jord.* Get. 25-95.
[399] Германисты не отрицают сродства скандинавских диалетов с готским языком, но высказываются за исконность готов на материке и готовы предположить обратное против свидетельства легенды переселения. См.: Grundriss der germanischen Philologie. III. (1900), XV. Etnographie. § 50. S. 785; § 85-86, S. 818-819.
[400] *Tacit.* Ann. 2, 62-63.
[401] *Кулаковский Ю.* Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.
[402] Это предположение подтверждает давнее наблюдение археологов. В Киевской земле и на Волыни попадаются монеты до времени Марка Аврелия. Очевидно, произошло какое-то передвижение населения, прервавшее старые, давно наладившиеся торговые связи.

достоверности пути готов на юг, как он записан у Иордана на основании готских преданий. Тот страшный напор германцев на империю в области среднего течения Дуная, который остался в истории под именем Маркоманской войны при Марке Аврелии, имел, по всему вероятию, своей главной причиной передвижение на юг готов, сопровождавшееся нашествием на другие племена и вытеснением их из их территорий.

Утверждение готов на берегах Черного моря грозило самому существованию старых греческих культурных городов на поморье, которые с давних пор, еще со времен Августа, были в кругозоре римской политики и постепенно признали над собой власть императора. После завоеваний Траяна в Римскую империю вошли значительные пространства земель по левому берегу Дуная. Граница шла по низовьям Тизии (Тиса) до устья Маризии (Марош) и по этой реке, до выхода ее из горных местностей в долину, поднималась затем к северо-западу, охватывая всю нынешнюю Семиградию, доходила до Днестра, спускалась по течению этой реки к югу и захватывала по побережью города Тиру и Ольвию. Значительная часть этой огромной территории на востоке от течения Алуты (Ольта) не имела городских поселений и занята была варварскими племенами туземцев: гетов, тирагетов, певкинов, роксолан и др. Она причислялась к провинции Нижняя Мезия. Широкую равнину по течению Тизии занимали сарматы, носившие имя язигов. То было кочевое население иранского корня, сохранившее свою независимость от империи. К северо-востоку от Дакии жило германское племя бастарнов.

Надвигаясь с востока и приближаясь к римской границе, готы потеснили свободные племена, жившие на границах империи, и уже в 218 году отмечено в наших источниках вторжение «свободных даков» в пределы провинции этого имени — Дакии. Греческие города побережья оказались в большой опасности, и вероятно, вскоре после 235 года попала под власть готов Тира, так как с этого времени прекращается здесь чеканка монеты. Одно случайное известие недавно найденной на территории Ольвии надписи позволяет утверждать, что в 248 году в Ольвии стоял римский гарнизон, охранявший город, очевидно, от готов.[403]

Первое вторжение готов в пределы империи относится к 238 году. Оно было предпринято совместно с туземным пограничным племенем карпами. Разорению подвергся город Истр, лежавший при море к югу от устьев Дуная. За деньги было куплено отступление готов, и с тех пор империя обязалась платить им ежегодно за спокойствие на своих границах. Такое отношение к пограничным варварам было в обычаях империи еще со времени Домициана. В ту пору, когда готы достигли берегов Черного моря, в империи наступило тяжелое смутное время. Быстрая смена императоров и борьба претендентов на императорский венец в течение 30 лет истощили силы государства, и пограничные провинции тяжко страдали от постоянных нашествий варваров. В пору правления Александра Севера организовалось новоперсидское царство на развалинах Парфянской державы, и империя вынуждена была вести постоянные войны на восточных границах, ослабляя свои военные силы на западе.

Когда в 242 году Гордиан III собрался с большими силами в поход против персов, он должен был задержаться на Дунае, так как в это время сарматы, готы и аланы сделали вторжение за Дунай и дошли до Филиппополя. Приближение большой армии устрашило варваров, и Гордиан, очистив страну от насильников, прошел далее на восток и начал войну с персами, во время которой он был убит, и его место занял префект претория Филипп (244 г.). На обратном пути с востока Филипп имел дело с готами на Дунае и отразил их. Командиром войск в Дакии и Мезии был назначен Деций. Готы вместе с другими варварами вторглись в пределы империи и осадили Маркианополь.[404] За щедрые денежные дары они прекратили осаду этого города и очистили страну. Сменивший царя Остроготу Книва начал в 248 году еще более решительно теснить империю, и появление этого сильного врага привело к военной революции, которая возвела на престол Деция. Но Децию пришлось совершить поход в Италию, чтобы низвергнуть Филиппа. Когда он вернулся из Италии, готы были за Дунаем, и Книва осаждал крепость Новы. Он был отбит и оттеснен к Никополю. Здесь встретил его Деций и одержал над ним победу (250 г.). Книва направился на юг, дошел до Филиппополя и осадил этот город. Деций следовал за ним; но близ Берои в Македонии потерпел поражение и отступил за Балканы. Измена коменданта Филиппополя Приска отдала город в руки готов. С богатой добычей и пленными готы перешли на север к низовьям Дуная. Здесь их опять встретил Деций. Битва произошла в болотистой местности близ города Абритта.[405] Деций потерпел поражение и пал в бою (251 г.). В том же году свирепствовала в придунайских странах чума, еще более ослабившая население, пострадавшее от нашествия. В последовавшее затем страшное для империи время правления Валериана и Галлиена готы и другие соседние варварские народы заняли дакийские провинции; римское и романизованное население отчасти отбивалось за стенами городов, отчасти бежало на правый берег Дуная.

Распространяя свое господство по побережью Черного моря к востоку от Днепра, готы простерли свою власть на Боспорское царство, составлявшее самую крупную культурную силу в тех пределах.

Большие морские силы Боспора дали готам мысль воспользоваться ими для морского набега в римские пределы, и в 256 году готы напали на крепость Питиунт (Пицунда). Отвага и энергия командовавшего там вождя Сукцессиана сделали бесцельным их набег, и с большим уроном готы вернулись к берегам Тавриды. На

---

[403] Сведения о судьбе городов Крыма и Черноморского побережья собраны мнок в книге: Прошлое Тавриды. Киев, 1906 (2-е изд. — 1914).

[404] Город, основанный Траяном и названный по имени его сестры Марции. Его локализуют на месте нынешнего Правади.

[405] Абритт лежал к востоку от Дуростора, ныне — Силистрия.

следующий год они повторили морскую экспедицию, захватили и разграбили город в устье реки Фазида (Рион), а затем взяли и разрушили Питиунт, храбрый защитник которого был вызван для участия в войне с персами. Пользуясь попутным ветром, варвары подплыли затем к главному городу восточных областей малоазиатского побережья Трапезунту. Небрежная охрана города позволила готам влезть ночью на стены; гарнизон бежал, а население было перебито или взято в плен. Готы грабили затем окрестные местности и с богатой добычей вернулись назад в свои пределы.

Успех восточных готов в морском предприятии побудил к тому же их западных соплеменников. В 258 году вышел огромный флот из лимана Днестра, где морское искусство культурного населения Тиры и, вероятно, Ольвии пошло на службу варварам. Спускаясь по побережью на юг, готы, после тщетной попытки овладеть Томами, дошли до Анхиала, воспользовались рыбацкими судами из гавани Филей, перебрались на азиатский берег, захватили город Халкидон, покинутый гарнизоном, затем — Никею, Киус, Апамею, Прусу, направились на Кизик, но разлив реки Риндака задержал движение, и готы повернули назад. Посланный для борьбы с ними полководец Феликс застал только следы их грабежей и разбоев. Такой же морской поход повторили готы в те же места в 263 году.

В следующем году восточные готы снарядили экспедицию в Трапезунт. Достигнув побережья, они прошли с грабежом и разбоем Каппадокию, Галатию, Вифинию и благополучно вернулись назад со множеством пленных.[406] Этот последний поход имел очень важные последствия для самих готов. В числе пленных был каппадокиец Евтих, имя которого сохранил епископ Кесарии Василий Великий. Он приписывает Евтиху заслугу распространения среди готов первых семян христианства.[407] С готской православной Церковью в Крыму в конце IV и начале V века поддерживал сношения Иоанн Златоуст и поставил епископом Унилу. Когда позднее, при Юстиниане, выступили на свет истории крымские готы, как мирное население, занимавшееся в горах виноделием и хлебопашеством среди моря окружавших их кочевых гуннских орд, историк Прокопий недоумевал, почему они были православные и ничего не знали об арианстве, имевшем тогда значение национального вероисповедания готов, а через них и других германских племен.

С тех пор морские походы готов стали чаще повторяться. В 265 году они грабили Вифинию и взяли город Гераклею. В 267 году снаряжен был поход из Меотиды, на берега которой проникли эрулы, подвластные остготам. Варвары прошли через Босфор, захватили Византий и противолежащий Хрисополь, разорили Кизик, опустошили острова Лемнос и Скирос, покушались на Афины, Коринф и, будучи отрезаны от моря подоспевшими на помощь войсками, дошли до Македонии. На пограничье между Македонией и Фракией их разбил имп. Галлиен. Тем не менее они успели пробиться в Родопу, откуда часть их достигла берегов Дуная и прошла затем в Приазовье.[408]

В таком опасном положении были придунайские страны и малоазийское побережье в течение целого ряда лет. Кризис настал в 269 году. Императорский престол занял в ту пору Клавдий, сменивший Галлиена. В лимане Днестра готы снарядили большой флот и на поддержку ему двинулись большой массой сухим путем в область нижнего Дуная. Количество их биограф императора Клавдия определяет, с очевидным преувеличением, в 320 тысяч. Десант с флота сделал попытку овладеть Томами, но был отбит; такая же неудача постигла готов и при Маркианополе. Корабли готов прошли через Босфор и дошли до Афонского мыса. Здесь была сделана остановка для починки повреждений, а затем готы подступили к Фессалонике и осадили ее. Слух о приближении императора с большими силами заставил их отступить; они рассеялись по Македонии, Фессалии, дошли до Ахайи. С моря они ограбили Крит, Родос, Кипр и малоазийское побережье. Главные силы готов прошли в долину Марга (Моравы). Клавдий занял Скупы и отрезал сообщение между готскими шайками на юге и главной массой. Борьбу с готами, находившимися в Македонии, успешно вел Аврелиан, будущий император, а сам Клавдий дал битву готам близ Наисса (Ниш). Пятьдесят тысяч трупов усеяли поле битвы, и остатки готов бежали на Балканы. Проходы были заняты, готы не могли пробиться и очень страдали от болезней. В начале 270 года Клавдий подошел с юга к Балканам и или уничтожил их остатки, или взял в плен. Одновременно с тем были также предприятия на море против разбойничьего флота. Много пленных расселили в пределах провинций на правах колонов, другие были зачислены в легионы и служили затем в войсках. Счастливый победитель недолго пережил свою победу: он умер от чумы в 270 году.

Блестящая победа Клавдия не была использована в интересах империи, и обширная область за Дунаем оказалась во власти разных варварских племен. Аврелиан, преемник Клавдия, решал другие, более важные задачи, чем борьба с варварами. Империя была в полном разложении, и давно уже отпавший Восток имел свой центр в Пальмире. Аврелиану удалось покорить Восток и восстановить единство империи, но он не признал возможным отвоевывать задунайские области империи и перевел остатки романизованного населения на правый берег Дуная. В бассейне рек Ута, Альма и Эска из пределов провинции Мезии выделена была новая провинция Дакия, которую впоследствии разделили на два управления: Дакия Прибрежная и Дакия Средиземная. Западная ветвь готов заняла большую часть прежней Дакии; гепиды, тайфалы и вандалы

---

[406] Hist. Aug. v. Gallieni, 11, 1.
[407] *Basilius*. Ep. 164. Ср.: *Philostorg*. 2, 5.
[408] Hist. Aug. v. Gallieni, 13, 9.

распределили между собой остальное пространство. Между варварами начались междоусобия и войны. Но это не только не мешало, а, быть может, даже содействовало их новым нашествиям в пределы империи. На обратном пути с Востока Аврелиан отражал готов, и свой триумфальный въезд на Капитолий справил на четырех оленях, как «готский повелитель». Он принял титул Gothicus maximus, который принимали и два его предшественника на троне, Галлиен и Клавдий. Сражался с готами также кратковременный император Тацит и его преемник Проб (276-282). В год правления Тацита готы снарядили морской поход и, ограбив Понт и Галатию, проникли до Киликии.

Запустевшие придунайские местности нуждались в пополнении оскудевшего населения, и Проб переселил 100 тысяч бастарнов в пределы Фракии.[409] Вторжения готов продолжались и при Константине, который принял титул Gothicus maximus в 315 году. А когда во время борьбы между Лицинием и Константином, в 323 году, готы опять проникли за Дунай, Константин победоносно отразил их и принял титул Gothicus victorac triumphator. В решительной битве Константина с Лицинием близ Хрисополя готы под начальством сына царя Раусимода бились на стороне Лициния. В 332 году римские войска участвовали в войне сарматов против готов и тайфалов, и в кровопролитной битве пал готский царь Видигойя. Это вмешательство римской власти в дела варваров привело к заключению мира, и готы за известное ежегодное вознаграждение обязались охранять римскую границу и выставлять в случае надобности вспомогательные отряды.

В исполнение принятых на себя обязательств, готы ставили вспомогательные отряды под римские знамена во время войн Констанция с персами в 348 и 360 году; они участвовали также в походе Юлиана в Персию в 363 году. Когда Прокопий, родственник Юлиана, подготовлял междоусобную войну против Валента, он обратился к царю Атанариху с просьбой оказать ему помощь, и тот прислал отряд в три тысячи человек. Готы не поспели вовремя, и бунт Прокопия был вскоре подавлен и сам он казнен. Утвердившись во власти, Валент не пропустил готов назад за Дунай, заставил их выдать оружие и рассеял их по разным городам.[410] Атанарих оправдывал свое вмешательство в дело Прокопия тем, что считал себя в силу договора обязанным помочь родственнику Юлиана, но Валент не принял этих объяснений и начал с ним войну. В течение трех лет (367-369) он переправлял войска за Дунай и воевал с готами. Безуспешность военных действий привела Валента к решению заключить мир и возобновить старые союзные отношения. Свидание между императором и Атанарихом произошло на реке, так как последний заявил, что связан клятвой, данной отцу, не переступать на римский берег Дуная. Мир был скреплен клятвами христианскими со стороны Валента и языческими — Атанариха.[411]

Расселение готов по левому берегу Дуная и в пределах Дакии имело своим последствием разделение этого народа на два племени, которые затем продолжали отдельно свое существование. Западные готы назывались вестготами или тервингами, восточные — остготами или гревтунгами. Остготы утвердили свое господство на широких пространствах нынешней южной России, и славный их царь Эрманарих, оставшийся жить в германских народных сагах, покорил огромное число разных народов. Он успешно воевал с эрулами, сидевшими в Приазовье и на Дону, подчинил себе мордву и мерю, воевал со славянами.[412]

Христианство, занесенное к готам каппадокийскими пленниками, мирно распространялось среди них, и во время Первого Вселенского собора готская церковь была настолько многочисленна, что имела своего представителя в Никее в лице Феофила, подпись которого имеется в соборных актах.[413] Около того же времени началась просветительная деятельность Ульфилы. Гот по отцу, Ульфила происходил по матери из Каппадокии.[414] Детство он провел в пределах империи и получил греческое образование. Будучи посвящен в церковное звание чтеца, он действовал затем на родине. С одним посольством Ульфила был отправлен в Константинополь и прожил там несколько лет в пору усиленной борьбы между православием и арианством. Он сблизился с епископом Евсевием, столпом арианства, и принял от него в 340 году, в возрасте 30 лет, посвящение в сан епископа. Вернувшись на родину, он действовал там семь лет и прославил свое имя переводом книг Священного Писания на готский язык. Вестготский царь, — вероятно, то был уже Атанарих, — подозрительно относился к христианам, и когда начались преследования, Ульфила обратился к императору Констанцию с просьбой предоставить ему и его пастве право переселиться в пределы империи. Император ответил согласием, и готам были отведены земли на реке Ятре (Янтра) близ Никополя, в предгорьях Балкан. Событие это относится к 347 или 348 году.[415] Община Ульфилы продолжала свое мирное существование в тех местах и в ту пору, когда

---

[409] Hist. Aug. v. Probi, 18,1; *Zosim*. 1,71,1. — Бастарны — германское племя, которое передвинулось из германской родины на низовья Дуная уже в начале II в. до Р. Х. Во время Маркоманской войны при Марке Аврелии они были в числе врагов империи.

[410] *Eunap.* frg. 36.

[411] *Амм. Марц.* 3, 61-64 (27, 5).

[412] *Jord.* Get. 116-120.

[413] *Gelzer.* Nomina patrum Nicaenorum. 1898. P. 56.0 христианстве у готов см. работу: *Беликов Д. Н.* Начало христианства у готов и деятельность епископа Ульфилы. Вып. I. Казань, 1887.

[414] *Philost.* 2, 5 (p. 468). Мать Ульфилы происходила из семейства, имевшего оседлость в селении Садагольфина в округе города Парнасса в Каппадокии.

[415] Когда Феодосий на повторных Соборах старался утвердить Никейское исповедание, то на третий из них, в 383 году, прибыл и глубокий тогда старец Ульфила. Он умер в Константинополе. *Sievers.* Das Todesjahr des Wulfila // Beitrage z. Gesch. deutsch. Sprache und Literatur, 22 (1898), 312-322.

Иордан писал свою историю готов (551 г.).

Около 350 года в землю готов направился ревностный миссионер, по имени Авдий, сириец по происхождению. Аскет и ревнитель чистоты христианской жизни, Авдий вел борьбу против злоупотреблений клира и скоро впал в разномыслие по некоторым вопросам церковного обихода и догматического учения. Он стоял за празднование Пасхи в один день с иудеями и развивал учение о материальности Бога. Подвергшись осуждению за ересь, он был сослан в Скифию. Оттуда Авдий перешел к готам за Дунай и стал ревностно распространять христианство в своем толковании вероучения и склонять к монашеской жизни. По его инициативе возникло много монастырей. Атанарих, враждебно относившийся к христианству, возбудил преследование христиан, и его поддерживали многие готские князья. По местам расселения готов стали возить идола и заставляли всех приносить жертвы и есть идоложертвенное мясо. Монастыри авдианцев были закрыты, много монахов бежало за Дунай, а оттуда на восток, в область городов Халкиды и Дамаска, а также на Евфрат. Епифаний знал имена двух авдианских епископов из тех мест, Урания и Сильвана. В его время было два поселка авдиан на Евфрате.[416]

Во многих местах оставшиеся в язычестве готы старались выгородить от преследования христиан своего поселка, приносили клятвы, что в их среде нет христиан, или давали христианам вместо идоложертвенного простое мясо. Не все шли на такой обман, и сохранился один прекрасный документ: послание Готской церкви к церкви Каппадокийской о мученической кончине св. Саввы.[417] Отказавшись от помощи друзей и открыто заявив себя христианином, св. Савва принял мученическую смерть 12 апреля 372 года. Его утопили в реке Museos (ныне Бузео). Дукс Скифии, Юний Соран, препроводил тело мученика в Каппадокию. Св. Савва был православный, но были также мученики из ариан. Сохранилось повествование о 26 мучениках, заключенных в церкви и сгоревших вместе с нею.[418]

В связи с преследованием христиан у вестготов возникли большие раздоры; часть племени отложилась от Атанариха и избрала своим вождем Фритигерна. Чувствуя себя недостаточно сильным для борьбы с Атанарихом, Фритигерн бежал за Дунай и просил Валента оказать ему помощь. Валент послал войска за Дунай. Атанарих был разбит, и Фритигерн отстоял свою самостоятельность. В благодарность императору он принял христианство и содействовал его утверждению в той части племени, которая признавала его своим главой.[419] Так как сам Валент ревностно придерживался арианства, то присланные им проповедники утвердили окончательно у готов это исповедание, и с тех пор арианство стало национальным исповеданием готов и перешло от них к соседним германским племенам.

Так наладились более близкие отношения между империей и вестготами. Но в это самое время на горизонте римских политических отношений появился новый народ, выступивший на арену европейской истории под именем, которое дали ему китайцы, Hiung-nu — гунны.[420] Огромная держава гуннов, существовавшая в I веке до Р. Х. к западу от Китая, имела свою историю,[421] и неведомые нам ближе события толкнули огромную массу кочевых племен урало-алтайской расы на запад. Гунны подчинили себе восточных алан, кочевников иранского племени, занимавших азиатские степи до Аральского моря, распространили свою власть дальше к западу и вместе с аланами обрушились на державу Эрманариха. Первое нападение было сделано с небольшими силами;[422] но страшный внешний вид и дикие нравы новых врагов поразили воображение готов, и Иордан сохранил нам отголосок того ужаса, какой вызвали гунны. Готы признали в них порождение ведьм, которых некогда изгнал царь Филимер (пятый после выселения из Скандинавии), и злых духов пустыни.[423] Г розный воитель Эрманарих терпел неудачи в войне с гуннами и покончил жизнь самоубийством. Его преемник, царь Витимир, отбивался некоторое время от гуннов и пал в решительной битве с ними. Малолетнего сына Витимира, Видериха, спасли верные ему люди, Алафей и Сафрак, и отошли со своими дружинами на запад.

Когда весть о разгроме остготского царства и появлении страшных варваров дошла до вестготов, общая опасность заставила их объединиться вокруг царя Атанариха. Все военные силы племени собрались на Днестре, чтобы оказать здесь сопротивление надвигавшимся варварам. Но гунны обошли готов, и после страшных потерь Атанарих отступил в горную местность Кавкаланд (Семиградские Альпы). Гунны, затрудненные в своих движениях огромной добычей, не пошли дальше Днестра и вернулись в свои степи. Ужас, который нагнали гунны на вестготов, сообщился и другим соседним народам, и в той части вестготского племени, которая недавно сблизилась с империей, возникла мысль просить у императора разрешения перейти за Дунай и поселиться в

---

[416] *Theodoret.* 4, 10; *Epiphan.* Panaruim sive Arcula, LXX, Contra sectam Audianorum, c. 14-15 (P. G. 142. p. 372-375).

[417] Латинский перевод см.: *Ruinard.* Acta marturum. 617-620 (изд. 1859 г.). Boehmer-Botmund предложил догадку, что автором послания был Ульфила (*Neue Jahrb. f. Phil. u. Pädag*. 272-288). Последние слова послания делают весьма сомнительной эту гипотезу.

[418] *Sozomen.* 6,27.

[419] *Socrat.* 4, 33. Acta SS. Septembris V, 38-40, Niceta Gothus.

[420] Тождество имени гунны и hiung-nu утверждал в свое время Дегин. Новое освещение данных по этому вопросу: *Hirth.* Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu // Sitzungsber. der Bayrisch. Akad., h. ph. Cl. 1899, 2, 245 сл.; Иностранцев К. Хунну и гунны. СПб., 1900.

[421] *Wirht.* Geschichte Asiéns und Osteuropa. Halle, 1905. 94 и сл.

[422] *Sozomen.* 6, 37.

[423] *Jordan.* Get. 24, 121.

пределах империи. Валент вел в ту пору войну с персами и находился в Антиохии. Туда было отправлено к нему посольство.

Переселения германцев не только отдельными группами, но и целыми племенами в пределы империи случались нередко. За сто лет до Валента имп. Проб переселил в Фракию сто тысяч бастарнов. Во время готских нашествий на Балканский полуостров с 248 по 270 год осталось немало переселенцев — отчасти добровольно, отчасти по принуждению. Военные качества германцев издавна пользовались признанием в империи, и готы давно уже были не только врагами, но и боевыми товарищами римских воинов. Отдельные вожди своими дружинами состояли и теперь на службе императора.[424] При дворе Валента просьба готов была принята с полным сочувствием, так как с переходом целого воинственного племени в пределы империи предполагалась возможность вовсе отменить набор туземцев, заменив его откупом, от чего ожидали большого увеличения средств государственного казначейства.[425] Численность населения в придунайских странах была ослаблена еще со времени бедствий прошлого столетия. Валент дал свое согласие на переселение готов и обещал отвести им земли во Фракии. Предварительным условием была поставлена выдача заложников, что и было исполнено готами. Огромное множество готской молодежи было отправлено в Малую Азию и расквартировано в разных городах Вифинии и других провинций.

Место переправы было назначено, и в ее ожидании готы собрались со всем своим домашним имуществом и стадами на левый берег реки. К месту переправы стянута была дунайская флотилия и общее руководство делом поручено магистру армии во Фракии — Лупицину. То был человек корыстный, тщеславный и плохой администратор, как характеризует его лично знакомый с ним по службе Аммиан Марцеллин.[426] Когда началась переправа, немедленно обнаружился страшный беспорядок. Не хватало судов, не соблюдалась очередь, много людей потонуло. Хотя готы были обязаны выдавать оружие перед переправой, но они не хотели с ним расставаться, и большинство переправившихся сохранило его обманом или путем подкупа. Переправа шла не только на указанном месте, но и в других, без ведома и надзора властей. В это время к месту переправы подошли остготы с Алафеем и Сафраком во главе и остгот Фарнобий со своей дружиной. Они также просили у императора земель для поселения, но им было отказано. Долго затем задерживали готов на берегу Дуная; хлеба не было заготовлено в должном количестве, начался голод, пошли вымогательства. Офицеры и солдаты льстились на готских красавиц и рабов, давали дохлых животных вместо убитых, брали в рабство детей за пропитание отцов и матерей.[427] Страшное возбуждение в голодной толпе грозило разразиться открытым столкновением. Когда, наконец, готы двинулись на юг от Дуная, то берег оказался без охраны, и среди всеобщего беспорядка и суматохи, которую вызвало переселение целого народа, остготы Алафей и Сафрак, которым было отказано в их просьбе, построили плоты и переправили свои дружины; переправился и Фарнобий со своими людьми. Алафей и Сафрак расположили свои стоянки вдали от мест, где были вестготы, а Фарнобий соединился с тайфалами и направился в Иллирик.

Когда главная масса вестготов подошла к Маркианополю, возбуждение достигло крайних пределов. В города, где переселенцы могли купить себе хлеба, их не пускали. В это время Лупицин пригласил Фритигерна, Алавива и других вождей готов к себе на обед в Маркианополь. Они явились со свитой телохранителей, которые расположились во дворе дворца, перед залом, где был устроен пир. В это время готы толпились у запертых ворот крепости, добиваясь разрешения купить хлеба. Их не пускали, дело дошло до кровавой схватки у ворот города. Узнав об этом, Лупицин задумал захватить вождей и приказал перебить оруженосцев. В зал, где сидели гости, долетели шум и крики. Фритигерн первый нашелся. Выхватив меч, он потребовал пропуска за ворота крепости, чтобы успокоить своих соплеменников. Готы вскочили на коней и умчались. Теперь началась открытая война. Голодные готы, отойдя от города, разбились на шайки и стали грабить население. Лупицин выступил против них с войсками, потерпел поражение, бежал с поля битвы, а готы овладели оружием и доспехами павших римлян и воспользовались этим достоянием. Это было осенью 376 года.

Готы рассыпались по стране и перешли через Балканы. Близ Адрианополя к Фритигерну присоединились два готских полка, состоявшие на римской службе. Была сделала попытка овладеть городом, окончившаяся неудачей. К готам бежали их соплеменники, попавшие в рабство путем продажи, или те, которые сами себя продали от голода во время переправы. Подневольные рабочие на приисках и в рудниках оставляли свой тяжелый труд и присоединялись к грабителям. Рабы, бежавшие к готам, указывали им хлебные амбары и места убежища местного населения. Грабеж и разбой не встречали отпора.

Валент, находившийся в Антиохии, поручил организацию борьбы с нашествием полководцам Траяну и Профутуру. Им удалось вытеснить готов за Балканы и занять восточные проходы. Получив известие о происшедшем на Востоке, Грациан послал на помощь Валенту войска из Галлии под начальством Рихомера.

---

[424] Таковы были Сверид и Колия со своими дружинами, стоявшие тогда в Адрианополе и вынужденные впоследствии примкнуть к разбойничавшим во Фракии готам, о чем рассказывает Аммиан Марцеллин. — 3, 254 (31, 6). Таков был гот царской крови по имени Модарес, сподвижник Феодосия.

[425] *Амм. Марц.* 3, 246 (31, 4, 4). Сократ (4, 34) говорит, будто плата за рекрута была 80 солидов, что находится в противоречии с указами, сохранившимися в *Феодосиевом Кодексе.*

[426] *Амм. Марц.* 2, 5 (20, 1, 2); 3, 248(31, 4, 10).

[427] *Zosim.* 4, 20.

Готы собрались в большом лагере близ города Салиции (Salices), неподалеку от Том (Кюстендже), и окружили себя табором из телег. Римские войска значительно уступали в числе готам и в упорной битве, которая была здесь дана и длилась целый день, понесли большие потери и отошли в Маркианополь (осень 377 года). Готы сильно пострадали в этой битве. Фритигерн вызвал из-за Дуная алан и гуннов. Линия Дуная не имела охраны, и свежие полчища варваров усилили готов. Рихомер ушел в Галлию, чтобы привести подкрепления.

Римские войска сначала охраняли проходы на юг, возводили в них укрепления и надеялись взять готов измором; но готы, усилившись в числе и истребив все имевшиеся запасы, прорвались на юг, и римляне, боясь обхода, оставили охрану проходов. Готы дошли до Родопских гор с одной стороны и крепости Дибальта (близ нынешнего Бургаса) с другой. Здесь они разбили арьергард римской армии. Присланный Грацианом полководец Фригерид укрепился в Берое (Эски-Загра), но он чувствовал себя слишком слабым для борьбы с готами, которые направили против него все свои силы, и, пройдя через перевал в Балканах, направился в Иллирик. По дороге он наткнулся на шайки тайфалов, перешедших из-за Дуная под начальством остгота Фарнобия. Фарнобий пал в бою, и Фригерид увел сдавшихся и пленных в Италию, где им были даны места для поселения близ городов Мутины и Пармы.

Желая оказать деятельную помощь Валенту в борьбе с готами, Грациан решил самолично вести войска на Восток и весною 378 года выступил из Галлии. Во время прохода войск через Рецию ленциенцы, аламанское племя, сделали набег на римские пределы, и Грациан, не ограничившись их отражением, предпринял карательную экспедицию в их земли. Военные действия были удачны, но они задержали Грациана, и только в июле он прибыл в Сирмий, главный город префектуры Иллирика, и затем направился на юг по Дунаю. Его передовые отряды заняли проход Сукки на дороге из Иллирика во Фракию между Наиссом и Сардикой.[428]

Валент между тем стягивал войска с Востока для борьбы с готами. Главное командование было вручено опытному полководцу Себастиану, который был вызван из Италии. Слабая дисциплина и распущенность войск, прибывших с Востока, не внушали доверия Себастиану. Он предпочел составить отборный отряд из лучших людей, которых выбрал сам из отдельных полков, и с этими двумя тысячами человек занял ближайшие укрепленные места и начал мелкую войну с готскими шайками, которая шла некоторое время весьма успешно.[429] Но отставленные от командования офицеры завидовали Себастиану и, действуя через придворных евнухов, вооружили императора против него. Сам Валент склонялся к мысли покончить с готами одним ударом, а Себастиан настаивал на том, что с таким врагом можно справиться только мелкой войной, которая даст возможность вытеснить его за Дунай.[430] Победило худшее решение. Валент самолично принял главное командование, войска были стянуты к Адрианополю с тем, чтобы дать генеральное сражение готам.[431]

Фритигерн со своей стороны стягивал свои силы в двух пунктах: близ Никополя — против войск, ожидавшихся с запада, и около Берои (Эски-Загра). Главные силы готов двинулись из Берои в направлении Адрианополя. Чтобы затянуть время и дождаться прибытия остготов и алан под предводительством Алафея и Сафрака, которые обещали оказать помощь, Фритигерн начал переговоры с императором. Он делал вид, что употребляет все усилия сдержать бранный пыл своих соплеменников, и ручался за мир, если готам будет предоставлена провинция Фракия со всем скотом и имуществом тамошнего населения. Переговоры тянулись безуспешно; разведчики дали ложные сведения о числе готов, приняв передовой их отряд за главные силы, и хотя 7 августа прибыл к Валенту Рихомер с письмом Грациана, который просил дядю подождать подхода его войска для совместных действий против готов, Валент отдал приказ войскам 9 августа с рассветом идти на лагерь готов. В полдень враждебные силы сошлись, и войска начали выстраиваться к битве. Фритигерн прислал опять переговорщиков и предлагал предотвратить битву выдачей заложников. Рихомер предложил свои услуги отправиться к готам и вышел было из лагеря; но в эту пору завязалась битва на правом крыле римской линии. Войска не успели еще стянуться, люди были утомлены переходом и страдали от жажды, план битвы был составлен плохо и войска расположены слишком тесно. Битва началась около двух часов дня. Готы обнаружили отчаянную храбрость и страшное ожесточение, и битва скоро превратилась в бойню. Роковой для римлян исход решила остготская конница, налетевшая под командой Алафея и Сафрака с окрестных высот во фланг врагу. Битва длилась до наступления ночи. Большая часть армии легла на поле брани, уцелевшие остатки направились под начальством магистра Виктора в сторону Филиппополя, предполагая там найти Валента. Но император бесследно исчез, и о его гибели ходили потом разные слухи.[432]

На следующий день готы подступили к Адрианополю и с ожесточением штурмовали город. Но понесенные ими большие потери заставили их прекратить безнадежное дело. В грабительских шайках рассыпались они по окрестностям и направились по старой римской дороге к столице. Императрица принимала меры охраны и

---

[428] Сирмий — Митровица, Наисс — Ниш, Сардика — София.

[429] *Eunap.* Frg. 47 (где дана и общая характеристика этого генерала).

[430] *Zosim.* 4, 24.

[431] Аммиан Марцеллин говорит о зависти Валента к Грациану и нежелании его разделить с ним славу победы.

[432] *Амм. Марц.* 3, 276-283 (31, 12-13); Philost. 9, 17; Sozom. 4. 40; Delbrük. Geschichte der Kriegskunst. Berlin, 1902. II, 280-297, — старается доказать, что количество готов, участвовавших в этой битве, было не более 15 тысяч. Его вывод принимает Шмидт. (Geschichte der Deutschen Stämme. 1 Abth., 2 Buch, 113. Мы не считаем правильной аргументацию Дельбрюка.

выдавала оружие населению. Готы подошли к самым стенам города, но его огромные размеры и крепкие стены делали для них невозможной осаду. Против них действовала арабская конница, прибывшая в ту пору в столицу. Аммиан Марцеллин рассказывает один эпизод, который будто бы ускорил отступление: арабский всадник налетел на гота, убил его и, спрыгнув с коня, перерезал врагу горло и стал пить его кровь.[433]

Готы и с ними вместе гунны отхлынули от столицы и рассыпались в грабительских шайках по всей Фракии. Римские отряды прятались от них за стенами укреплений. В Малой Азии были расквартированы готские заложники, выданные еще до начала переправы через Дунай. Они находились на попечении магистра армии Востока Юлия. Когда весть о несчастной битве при Адрианополе дошла на Восток, среди готской молодежи началось брожение. В предупреждение опасности Юлий снесся с константинопольским сенатом и с его одобрения истребил всех готов. Был отдан приказ по всем городам, где были расквартированы заложники, чтобы они сходились в главные города провинций получать царское жалованье. Отдельные партии молодых готов собирались в указанные места, но там их встречала засада, и все они были перебиты.[434]

Во время роковой для Валента битвы Грациан находился в городе Марсов Лагерь на Дунае. Получив известие о страшном поражении армии и гибели Валента, Грациан отошел с войсками в Сирмий.

Передовой его отряд в проходе Сукков был разбит и отброшен, готы прошли в Иллирик. Так как у Валента не было наследника и положение восточных областей требовало присутствия императора, то Грациан остановил свой выбор соправителя на Феодосии, сыне того Феодосия, который некогда успешно действовал в Британнии, а затем закончил войну с претендентом на императорский сан в Африке, Фирмом.[435] Человек весьма решительный и склонный к жестоким мерам, он вооружил против себя многих; придворные интриги пришли на помощь, и в 377 году Феодосий был арестован в Карфагене и казнен. Сын его, носивший также имя Феодосий, оставил службу, удалился на родину в Испанию и жил в своих поместьях. Грациан вызвал его в Сирмий, и 16 января 379 года Феодосий был провозглашен императором, с предоставлением ему Востока.[436]

Из Сирмия оба императора предпринимали военные действия против варваров и имели успех. В начале лета Грациан отбыл на Запад, а Феодосий направился в Фессалонику, главный после Сирмия город префектуры Иллирика, административный центр той части ее, которая отошла к Восточной империи.[437] Туда явилась к нему депутация от константинопольского сената, и знаменитый ритор Фемистий изготовил ему приветственную речь[438]. Первые заботы нового императора были обращены на формирование армии, и в ближайших областях был объявлен набор.[439] Летом Феодосий вышел с войсками на север и 6 июля был в городе Скупах, в провинции Дардании.[440] По-видимому, Феодосий прошел с войсками на север до Дуная, очищая страну от разбойничьих шаек. Его сподвижником и помощником был гот царского рода по имени Модарес.[441] Он действовал во Фракии, где ему удалось захватить врасплох большую шайку готов и алан, которую он истребил. Кроме пленных победителям достался обоз в четыре тысячи телег с семействами варваров и всяким добром.[442]

Зиму на 380 год Феодосий провел в Фессалонике, как и весь этот год.[443] Что предпринимали готы и где находилась их главная масса в течение 379 года, об этом нет никаких данных в наших источниках. По-видимому, они разделились еще после успеха в битве при Адрианополе, и остготы направились на запад. Пройдя через Иллирик, остготы вторглись в Паннонию и разорили там города: Стридон на границе Далмации,[444] Мурзу (Эссек) и Петовион.[445] Император Грациан прибыл в эти места в сентябре 382 года, но не пытался очистить страну от поселившихся в ней варваров, и остготы держались с тех пор в провинции Первой Паннонии.

Феодосий, формируя армию, открывал самый широкий доступ варварам, как готам, рассеявшимся по Фракии, так и задунайским варварам, и между ними аланам. Такой состав армии делал ее весьма ненадежной. Так как в Македонии и Фракии было много готских дружин, промышлявших по-прежнему разбоем, то через

---

[433] *Амм. Марц.* 3, 292 (31, 16, 5-6).
[434] *Zosim.* 4, 26.
[435] *Амм. Марц.* 3, 167 (29, 5).
[436] *Socrat.* 5, 2.
[437] От 17 июня 379 года сохранился указ, датированный Фессалоникой. Cod. Theod. 10, 1, 12.
[438] *Themistii* or. 14.
[439] Ib. P. 223. ποιεῖς δέ ἤδη τούς γεωργούς φοβερούς καί τούς μεταλλέας, καί τόν χρυσδν άφέντας κελεύεις τόν σίδηρον μεταλλεύειν.
[440] Ib. 6, 30, 2, указ касается Каппадокии. Грациан 19 авг. был в Бауксаре (Боцен) в Норике — ib. 6, 30, 3.
[441] К нему обращены два письма Григория Назианзина — 135 и 136 (P. G. 37, 232-233).
[442] *Zosim.* 4, 25.
[443] В *Феодосиевом Кодексе* имеются указы с датой Фессалоники: от 30 янв., 31 авг., 20 сент., 19 ноября— 10, 10, 12-15.
[444] Из этого рода был родом блаж. Иероним. Он упоминает о разрушении города и дает его локализацию: oppido Stridonis, quod a Gothis eversum Dalmatiae quondam Pannoniaeque confinium fuit (De viris illustr. 135). Булич локализует Стридон в Граховом поле (Festschift Benndorf. 1898. С. 276).
[445] В печальной судьбе этого города имели значение и церковные раздоры между православными и арианами. Население города стояло в большинстве за православие и имело своим епископом Марка. Но у него был соперник в лице епископа Юлиана Валента, который сблизился с готами и даже усвоил их обычай носить шейную золотую цепь и браслеты на руках. Валенту, однако, не удалось и после взятия города стать в нем епископом. См.: *Ambrosii* Ep. 12.

своих соплеменников, поступивших под знамена Феодосия, готы были осведомлены обо всем, что делалось в лагере императора. Во время одного похода в Македонии Феодосий едва спасся от своих же солдат-варваров. Римские воины, давшие ему возможность бежать, пали от руки своих товарищей-варваров. Из Фессалоники, куда бежал Феодосий, он обратился с просьбой о помощи к Грациану и вскоре тяжко заболел, был даже близок к смерти. Это побудило его принять крещение, которое совершил епископ Асхолий, приверженец омоусианства. Между тем готы Фритигерна проникли в Фессалию и Грецию. Грациан послал в Македонию двух своих полководцев, Баутона (или Баудона) и Арбогаста, франков по происхождению. Они оттеснили готов во Фракию.

Оправившись от болезни, Феодосий прибыл в столицу и вступил в нее с триумфом как победитель готов.[446] Около того же времени в пределы империи перешел Атанарих с оставшейся верной ему частью вестготов.[447] Феодосий пригласил его в столицу как союзного царя и принял с большим почетом, выехав ему навстречу за ворота города (11-го января 381). Атанарих, уже глубокий старец, вскоре заболел и скончался. Феодосий устроил ему похороны с царским великолепием по языческому обряду (25 января). Готы Атанариха вступили в союз с империей и были поселены, вероятно, по Дунаю с обязательством охраны границ от вторжения других народов. Отдельные готские дружины вступали в договорные отношения к империи еще в бытность Феодосия в Фессалонике, но главные силы Фритигерна держались еще враждебно, и только в октябре 382 года все готское племя сдалось императору.[448] Главная заслуга в переговорах с готами принадлежала Сатурнину, который был вознагражден консульством на следующий 383 год. Готы получили земли на Дунае и во Фракии с обязательством нести военную службу, но уже не в римских полках, как предполагалось раньше, путем набора, а в виде национальных ополчений со своими герцогами. Их земли не были обложены налогами, и император обязывался, кроме того, платить им жалованье. Они расселились по своим национальным делениям со своей родовой знатью и не знали над собой никаких представителей римской администрации. Известный ритор того времени, Фемистий, славил наступление новой эры, водворение мира между местным населением и варварами, которые «живут теперь под одной кровлей, состоят в союзе и вместе празднуют победу над собою».[449] Но действительность была не столь идиллична. Водворение готов на местах их расселения вызывало иногда кровавые столкновения. Так, одна партия готов получила земли в Малой Скифии, неподалеку от города Томы (Кюстендже). Гарнизоном в этом городе командовал Геронтий, человек храбрый и смелый. Дерзкое поведение готов вызвало подозрение в том, что они помышляют овладеть городом. В предупреждение этого Геронтий напал на них и истребил всех. Золотые шейные цепи, которые они носили как подарок императора, Геронтий собрал с убитых и отослал в казну.

О происшедшем он донес Феодосию и ожидал награды; но император очень рассердился на Геронтия и отдал его под суд, от которого тот избавился только тем, что истратил все свое состояние на подкуп царских евнухов.[450]

Зачисляя варваров в полки, Феодосий предоставил им право отлучаться на родину на время и присылать оттуда заместителей на свое место.[451] Дух и дисциплина полков такого состава были весьма ненадежны. Опасаясь оставлять некоторые части, сформированные из готов, поблизости от их соплеменников, Феодосий решил отослать их в Египет и вызвал им на смену стоявшие там полки. Готы позволяли себе по дороге всякие бесчинства и насилия. В Сирии, в городе Филадельфии, египетские полки встретились с готами. На базаре готы брали все, в чем нуждались, не платя денег, и на требования уплаты грозили расправиться мечом. Египетские солдаты вступились за местных, произошла свалка и было перебито более 200 готов.[452]

Желая ввести готов в новые условия жизни, Феодосий приблизил к себе их князей и предводителей, нередко приглашал их во дворец на пиры и поддерживал с ними дружеское общение. Роскошь и богатство придворной жизни будили варварские инстинкты, и среди сотрапезников императора стала назревать измена. Но были среди них люди, понимавшие обязанность держать раз данную клятву верности. Таков был Фравита. Однажды, когда готы после пира у императора заспорили на эту тему, Фравита в раздражении выхватил меч и заколол Эриульфа, склонявшего товарищей к измене. С тех пор Феодосий стал осторожнее в своем общении с варварами.[453]

Готские отряды были распределены в разных городах, и начальники их получали высокие военные чины. Таков был, между прочим, Бутерид, назначенный командиром военных сил в Иллирике с резиденцией в Фессалонике. Из-за одного возницы, которого он арестовал, у него вышли недовольствия с населением, и во

---

[446] Дата 14 ноября 380 года вероятнее, чем 24 ноября, какую дает Сократ (5, 6) и Chron. Pasch. (p. 561), так как тот же Сократ приурочивает меры, принятые против ариан, к 21 числу (5, 7).

[447] Причины, побудившие к тому Атанариха, не ясны, и в сообщениях источников есть несогласия и противоречие.

[448] *Marc. com*. s. a. 382: eodem anno universa gens Gothorum Athanarico rege suo defuncto Romano sese imperio dedit mense Octobrio (Chron. min. II. 61.). *Oros.* 7, 34, 7.

[449] Themist. or. 16. p. 256, 23-25; 34, 24, p. 466.

[450] *Zosim.* 4,40. Что касается золотых шейных гривен, то Зосим не прав, называя их подарками императора. Носить гривны был готский обычай, как и браслеты, как знал это Амвросий Медиоланский.

[451] *Zosim.* 4, 31. Ср.: Pacat. Paneg. C. 32.

[452] *Zosim.* 4, 30.

[453] *Eunap.* Frg. 60.

время бунта он был убит.[454] Феодосий позволил готам отомстить за своего вождя и перебить во время игр известное число жителей города. Событие имело беспримерный вид жестокости и дикости. Феодосий жил тогда в Медиолане и находился в общении с епископом Амвросием. За это кровавое дело Амвросий подверг Феодосия церковному отлучению на несколько месяцев.

Улаживая трудные отношения с новыми поселенцами в пределах империи, Феодосий страшно нуждался в деньгах и с первого же года правления повысил обложение. Местами это вызвало протест населения и даже приводило к бунтам. Особенно резко проявилось раздражение в Антиохии, где население низвергло статуи императора и умершей уже императрицы Флакцидии и таскало их с позором по улицам (387 г.). Антиохии грозила страшная кара, но заступничество епископа Флавиана спасло раскаявшийся город от экзекуции.[455] Христианские писатели, в чувствах живой благодарности этому императору за его религиозную политику, стараются смягчить черты дикой жестокости и насилия, которые проявлял Феодосий. Но язычник Зосим говорит о его правлении с видимым озлоблением.

Занятый внутренними делами в своей половине империи, Феодосий отнесся равнодушно к гибели Грациана в 383 году и даже признал своим соправителем низвергшего его Максима, своего земляка. Статуи Максима как признанного императора и соправителя, были выставлены по обычаю в главных городах империи,[456] и только много позднее, в 388 году, когда Максим изгнал Валентиниана II из его части империи, Феодосий снизошел к просьбам матери Валентиниана Юстины и, женившись на красавице сестре Валентиниана Галле, собрался в поход на Запад и низложил Максима. Дунайскую границу оберегал после водворения готов в империи храбрый и предприимчивый сподвижник Феодосия Промот. В 386 году на Дунае появились огромные силы остготов, просивших так же, как раньше вестготы, мест для поселения в империи. Промоту удалось перехитрить варваров и нанести им тяжкое поражение во время переправы.[457] Вождь остготов Одофей пал в этом сражении, а пленные и сдавшиеся готы были поселены во Фригии.[458] В честь этой победы была воздвигнута на площади близ Капитолия колонна, украшенная рельефными изображениями боевых сцен, и на ней высилась серебряная статуя императора.[459] Позднее она получила название колонны Тавра.

Феодосий остался в памяти истории с эпитетом «друг готов». Готы жили в империи на особых условиях. Старый термин «федераты», каким обозначались их отношения к империи до переселения на ее территорию, остался за ними, но изменил свой смысл и значение. Готы составили привилегированное военное сословие, жившее на иждивении правительства. Начальники отдельных дружин получали офицерские чины римской армии и формировали отряды из своих соплеменников. Дружинное начало, исконный институт германцев, о котором знал уже Тацит в свое время, получило широкое распространение в империи, и под его воздействием явился особый класс военных людей, которому было присвоено название букеллариев, от слова bucella, как назывался хлеб лучшего качества. Старая военная дисциплина и тактика пришли в забвение, и подробное изложение Вегеция о римском военном строе в его сочинении *Epitome rei militaris* имеет характер напоминания о старых, уже исчезнувших порядках организации армии. Под воздействием готов в личные дружины стали поступать и туземцы,[460] и регулярная армия прежнего времени уступила первенство национальным ополчениям и ремеслу кондотьера. Через достижение высоких военных чинов готы вступали в ряды сенаторского сословия империи и сливались затем с высшим классом общества. Арианство, получившее у готов характер национального исповедания, явилось существенной преградой для слияния их с местным населением и, при всей религиозной нетерпимости, отличавшей политику Феодосия, для варваров допускалось исключение: они невозбранно оставались арианами. В предупреждение слияния туземцев с варварами существовало еще с 370 года запрещение смешанных браков,[461] которое действовало и во время Юстиниана.

---

[454] *Sozomen.* 7,25 — подробный рассказ об этом событии с ужасными подробностями кровавой мести готов.

[455] Христианские писатели, выставляя заслуги Флавиана, не упоминают о помощи, которую оказал ритор Либаний. В его сочинениях до нас дошли две речи к имп. Феодосию (Or. 19 и 20), магистру оффиций Кесарию и магистру армии Эллобиху (Or. 21 и 22). *Libanii* Opera, ed. Förster; II, 373-493.

[456] *Zosim.* 4, 37, 5. Кинегий отвез статую Максима в Александрию.

[457] *Zosim.* 4,40. К этому нашествию относятся 55 фрагментов Евнапия. Здесь сообщается, что готы во время переправы выставляли себя христианами и выдвигали своих епископов, священников, монахов и диаконисе, зная, что они могут рассчитывать на сочувствие императора за приверженность к христианству; но вместе с тем они везли и свои языческие святыни, оберегая их от взоров чужих людей. Об этой победе говорит Клавдиан в поэме на 4-е консульство Гонория (621 ст. и сл).

[458] *Claud.* In Eutr. И, 153. ...Ostrogothiscolitur mixlisque Gruthungis Phryx ager...

[459] *Mars. Com.* s. a. 390. (Chron. min. II62). Описание этого памятника дано в поэме Константина Родосца, которую издал Эмиль Легран в журнале *Revue des etudes grecques* (1896. С. 32 и сл). Поэма написана между 931 и 944 годами. Описание колонны в поэме — ст. 202-240. Она была снесена при султане Баязиде ок. 1500 года.

[460] *Olympiodori* frg. 7. Ὅτι τὸ βουκελλάριος ὄνομα ἐν ταῖς ἡμεραις Ὀνωρίου ἐφέρετο κατά στματιωτῶν οὐ μόνον Ῥωμαίων, ἀλλά καί Γότθωτ τινῶν, ὡς δ'αὕτως καί τό φοιδεράτων κατά διαφόρον καί συμμιγοῦς ἐφέρετο πλήθους. — О букеллариях см.: *Benjamin.* De Justiniani imperatoris aetate quaestiones militares. Berlin, 1892; *Seeck*, Zeitsch. f. Savigny-Stif., Ger. Abth. 17, 97.

[461] Cod. Theod. 3, 14, 1. Nulli provincialium, cuiuscunque ordinis aut loci fuerit, cum barbara sit uxore coniugium, nec

* * *

Два раза пришлось Феодосию властно вмешаться в дела западной половины империи. Максим, которого он несколько лет терпел в качестве полупризнанного соправителя, изгнал в 386 году Валентиниана II из его части империи и стал единым повелителем Запада. Валентиниан бежал с матерью и сестрой к Феодосию. Через два года Феодосий снарядил большой поход на Запад и после победы над войсками Максима водворил Валентиниана в Медиолане, обеспечив за ним обладание Западом. Вместе с ним Феодосий совершил триумфальный въезд в Рим в 389 году (13 июня). В 392 году Валентиниан был убит заслуженным генералом Арбогастом в Галлии, в городе Вьенне, и Арбогаст дал Западу императора в лице римского сенатора Евгения. Феодосий не признал совершившегося переворота и весною 394 года, обеспечив трон своему старшему сыну Аркадию на Востоке, собрался вторично в поход на Запад. В сражении на Холодной реке (Frigidus — Виппах) он одолел противника. Евгений был казнен, Арбогаст бежал и лишил себя жизни. Феодосий вступил в Медиолан, но 17 января 395 года он умер, обеспечив западный трон своему младшему сыну, малолетнему Гонорию, которого провозгласил цезарем в Константинополе 23 ноября 393 года.

ulli gentilium provincialis femina copuletur. Quod si quae provinciales affinitates ex huiusmodi nuptiis exstiterint, quod in his suspectum vel noxium detegitur, capitaliter expietur.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

АРКАДИЙ

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ. РУФИН

17 января 395 года скончался в Милане император Феодосий, и верховная власть перешла к его старшему сыну, Аркадию, на Востоке, и младшему, Гонорию, на Западе. С тех пор эти две половины единого политического целого не объединялись.

Деление империи на Запад и Восток, без нарушения ее единства, было нормальным порядком со времени правления братьев Валентиниана и Валента и продолжалось затем при Феодосии до смерти Валентиниана II в 392 году. Люди того времени и сам Феодосий не соединяли с делением империи на две половины представления о раздельном существовании двух самостоятельных государств. Современный историк Орозий выражается об этом событии в таких словах: «Аркадий и Гонорий начали сообща держать империю, имея только различные резиденции».[462] Внешним выражением единства империи служило обозначение годов в пределах римского мира именами двух консулов, из которых один назначался в Риме, а другой в Константинополе; признаком внутреннего единства было то, что императорские указы, единственная в ту пору форма законодательства, публиковались от имени обоих государей независимо от того, исходили ли они от западного или восточного двора. Новый порядок, начавшийся с 395 года, отличался от того, какой был некогда создан Диоклетианом, лишь тем, что оба августа были теперь совершенно независимы друг от друга в пределах своей территории, и единство в направлении государственной политики находилось в зависимости от доброго согласия обоих дворов.

Аркадию было в ту пору 17 лет. Еще в шестилетнем возрасте он был объявлен августом и соправителем,[463] три раза оглашалось его имя в звании консула, Феодосий брал его с собою в поход против остготов и сделал участником триумфального возвращения в столицу. «Малого роста, сухощавый, слабосильный, он имел смуглый цвет лица; вялость его души обличал характер его речи и свойство глаз, которые смыкались сонливо и болезненно». Так описывает наружность молодого императора Филосторгий.[464] Риторическое образование Аркадий получил от знаменитого тогда греческого ритора Фемистия, а религиозное воспитание от дьякона Арсения, который впоследствии удалился в Нитрийскую пустыню и удостоился причтения к лику святых.

Младший сын Феодосия, Гонорий, император Запада, был тогда еще мальчиком десяти лет. Руководителем слабого Аркадия Феодосий оставил Руфина, который занимал с 393 года пост префекта претория. Руфин был родом из города Элузы в провинции Новемпопулана, в южной Галлии. То был человек с большим самосознанием, представительной наружности, с живой и бойкой речью, [465] честолюбивый и тщеславный, как его характеризовали современники. Обладая огромным состоянием, он отличался страшным корыстолюбием. Опеку над младшим сыном Феодосий поручил своему боевому сподвижнику Стилихону.[466] Вандал по происхождению, сын заслуженного генерала римской армии, Стилихон с 392 года занимал пост магистра армии, и по смерти Феодосия был главнокомандующим всех военных сил западной половины империи. Желая приблизить его к своему дому, Феодосий выдал за него свою любимую племянницу Серену. Олимпиодор сообщает, будто Феодосий поручил попечению Стилихона обоих своих сыновей,[467] но это свидетельство стоит одиноко и не подтверждается событиями, последовавшими по смерти Феодосия. Опекун Гонория и руководитель Аркадия были между собой в натянутых отношениях, и эта взаимная враждебность сказалась вскоре в тяжких для государства последствиях. Современный свидетель Евнапий делает такое общее замечание о тех временах: «Царями правили люди, опекавшие их власть, а сами опекуны все время вели между собою войну

---

[462] *Oros.* 7, 36,1: Arcadius... et Honorius... commune imperium divisis tantum sedibus tenere coeperunt. Ср.: *Marc. com.* s. a. (Chron. min. II 64).

[463] 16 января 383 года — *Socrat.* 5, 10. Событие совершилось в Евдоме по примеру, данному Валентинианом. *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 61). Гонорий был объявлен цезарем в 393 г. также в Евдоме (ib. s. a. p. 63).

[464] *Philostorg.* 11,3. Весьма резкий отзыв о слабом умственном развитии Аркадия дает также историк Зосим — 5, 28.

[465] Ib. 11, 5. Иоанн Лидиец объясняет честолюбие Руфина тем, что государственная почта и фабрики оружия перешли в ведение префекта претория от магистра оффиций, который ведал ими раньше. *Johan. Lyd.* De magistr. 2, 10.

[466] *Claud.* Paneg. de VI cons. Hon. 583.

[467] *Olympiodori.* frg. 2.

не открытой силой и с поднятым оружием в руках, но тайно, не оставляя неиспользованным никакого обмана и коварства».[468]

Властный характер Руфина вызывал вражду к нему в придворных кругах и наиболее ожесточенным врагом его был евнух Евтропий, занимавший важный и влиятельный пост препозита царской опочивальни.[469] У Руфина была взрослая дочь, и он надеялся выдать ее за Аркадия, чтобы тем еще более упрочить свое положение. Евтропий мечтал заменить Руфина при особе императора и сумел предупредить осуществление его плана. Когда Руфин уехал в Антиохию, чтобы наказать комита Востока за личную обиду, Евтропий воспользовался его отсутствием и показал Аркадию портрет одной красавицы. То была Евдоксия, дочь франка, генерала римской армии Баутона, которого Грациан посылал когда-то на Восток на помощь Феодосию против готов. Отец ее уже умер, и она жила в Константинополе в доме вдовы магистра армии Промота, казненного по проискам Руфина. Аркадий влюбился в красавицу, немедленно были сделаны приготовления к свадьбе, и когда Руфин вернулся из Антиохии, ему осталось только присутствовать на торжестве бракосочетания императора (27 апреля 395 года). Таким образом положена была преграда честолюбивым замыслам Руфина.

Первый год правления Аркадия ознаменовался тяжкими бедствиями как в восточных, так и западных областях империи. Гунны, утвердившие свое господство над аланами и остготами, кочевали в степных пространствах Северного Кавказа и Черноморского побережья. Дорога на юг через кавказские проходы давно была известна кочевникам севера, и по одному из проходов прорвались гунны. Наши источники называют Каспийские Ворота как место, через которое они прошли на юг, т. е. Дербентский проход. Гунны наводнили Месопотамию, оттуда проникли в Сирию, осадили Антиохию. Охрана кавказских проходов была еще с первого века нашей эры предметом соглашений между империей и Парфянской державой, а позднее, с половины III века, сменившей ее персидской.[470] Но существовавшие в проходах крепости нередко оказывались слишком слабыми, и дикие народы севера прорывались на юг, сметали города, разоряли земледельческое население и целыми толпами уводили пленных. На этот раз враг был новый, еще невиданный в тех местах, который поразил воображение пострадавшего населения страшной быстротой своих набегов и своей дикой жестокостью. Бедствие имело стихийный характер и затянулось на несколько лет. Военная охрана восточных провинций была ослаблена тем, что Феодосий увел большие силы на Запад для борьбы с Евгением и Арбогастом. Кроме кратких упоминаний об этом нашествии, в записях хронистов и у историков,[471] мы имеем живой отклик о происходивших на Востоке ужасах в письмах блаженного Иеронима, доживавшего свой век в Иерусалиме. В одном из них он дает следующее сообщение.

«Внезапно разнесшиеся вести привели в трепет весь Восток: от далекой Меотиды, между ледяным Танаисом (Дон) и дикими племенами массагетов, где запоры Александра задерживают дикие народы скалами Кавказа, прорвались полчища гуннов. Летая туда и сюда на своих быстрых конях, они наполняли все убийством и ужасом. Римского войска не было налицо, так как его задержала междоусобная война в Италии... Да отклонит Иисус от римского мира таких сверхзверей (ultra bestias). Они всюду являлись неожиданно и, предупреждая молву о себе своей быстротой, не щадили ни религии, ни сана, ни возраста, не имели сострадания к лепету младенцев. Обрекались на смерть те, кто еще не начал жить и не понимавшие своего несчастия младенцы, улыбавшиеся на руках врагов среди стрел. Все единогласно утверждали, что гунны направляются в Иерусалим и спешат в этот город из чрезмерной своей страсти к золоту. Исправляли стены, о которых забыли думать в мирное время. Антиохия подверглась осаде. Тир, желая отделиться от земли, искал своего древнего острова. Тогда и мы были принуждены готовить корабли, быть на берегу, выжидать прихода врага и, при неистовстве ветров, бояться больше варваров, чем кораблекрушения, не столько думая о себе, сколько спасая целомудрие дев...»[472] В другом письме он называет гуннов «волками севера» и с ужасом восклицает: «Сколько было взято монастырей! Сколько рек обагрилось человеческой кровью!»[473]

Однородное бедствие постигло в тот же год западные области империи. В числе варварских дружин, которые ходили с Феодосием против Евгения и Арбогаста, были вестготы из числа тех, которые получили земли в придунайских областях. Вождем их был Аларих, по прозвищу Балта, т. е. смелый, как истолковал это слово

---

[468] *Eunapii* frg. 62; 63.

[469] Евтропий был родом с Востока и в детские годы был продан, как раб, в столицу империи. Он сумел выдвинуться при Феодосии и занял влиятельный пост препозита.

[470] Относящиеся сюда свидетельства собраны в моем исследовании «Аланы по сведениям классических и византийских писателей». Киев, 1899 (отд. оттиск из XIII тома *Чтений в Историческом обществе Нестора-летописца).*

[471] *Philostorg.* 11, 8; *Socrat.* 6, *l;Sozomen.S,*1. Chron. Edess. №40, p. 104; *Jos. Styl.* с. 9 — дает 707 год, т. е. 395 — 6. Так как набег мог быть только летом, то, быть может, следует отнести его к 396 году, как делает Дюваль (Litter. Syr. P. 336).

[472] *Hieronymi* Ep. 67, 8 (P. L. 22, p. 693). Другой литературный памятник об этом нашествии, исчезнувший для нас, — поэма Кириллоны, ученика Ефрема Сирина. В Эдесской хронике сохранен отрывок.

[473] Ib. 60, 16 (p. 600). Ecce tibi anno praeterito ex ultimis Caucasi rupibus, immissi in nos, non iam Arabiae, sed Septentrionis lupi tantas brevi provincias percurrerunt. Quot monasteria capta quantae fluviorum aquae humano cruore mutatae sunt! Obsessa Antiochia et urbes reliquae, quae Halis, Cydnus, Orontes Euphratesque praeterfluunt. Arabia, Phoenice, Palaestina, Aegyptus timore captivae.

Иордан в своей истории готов.[474] Аларих был отпущен назад раньше, чем другие восточные войска, уведенные Феодосием в этот поход. Он желал получить сан и положение магистра армии, как достигали этого раньше его соплеменники уже при Феодосии. Под предлогом задержки в уплате жалованья готы двинулись с мест своего обитания, произвели грабежи в Мезии, Фракии и Македонии и подступили к столице. Руфин вступил в переговоры с Аларихом, являлся к нему в лагерь, переодевшись для безопасности в готский костюм, и устроил какое-то соглашение. Действовать силой против восставших не было возможности, так как Стилихон задержал отправку назад восточных полков, а сам находился в ту пору на Рейне. После переговоров с Руфином Аларих отступил от столицы, но направился не в места своего обитания, а прошел в Македонию, производя по пути страшные опустошения. Из Македонии он двинулся в Фессалию. Имения Руфина Аларих щадил на своем пути, и в этом видели указание на личное между ними соглашение. На требование византийского двора отослать войска, уведенные Феодосием, Стилихон ответил тем, что, быстро покончив дела на Рейне, явился в Иллирик и дошел до Фессалии, где в ту пору находился Аларих со своими готами. Местные войска удачно сражались с готами, и Аларих был заперт в горных долинах, где и оставался в укрепленном лагере.[475] В появлении Стилихона во главе военных сил на территории, принадлежавшей Восточной империи, Руфин видел незаконное вмешательство с его стороны в дела Восточной империи. Был послан приказ от Аркадия с требованием, чтобы он удалился и отослал восточные войска в столицу. Между тем Стилихон, имея возможность уничтожить Алариха, не предпринимал против него военных действий, предавался кутежам и разным эксцессам, а своим солдатам дозволил воспользоваться той добычей, которую побросали готы. Так прошло лето. Очевидно, Стилихон имел при этом свои особые виды на Алариха. Он вступил с ним в тайное соглашение, отвел свои войска на север и отослал в Константинополь восточные полки под главным начальством гота Гайны, имевшего от Феодосия сан магистра армии восточного двора. Гайна поступил на римскую службу задолго до перехода вестготов за Дунай и был теперь уже пожилым человеком и заслуженным генералом римской армии.[476]

После отступления Стилихона, Аларих двинулся на юг. Геронтий, командовавший в Фессалии[477] и занимавший с гарнизоном Фермопильский проход, не решился дать отпор Алариху. Бессилен был пред готами проконсул Ахайи, и Аларих, пройдя через Фермопилы, ограбил и разорил Беотию, причем Фивы, однако, уцелели за своими стенами; вступил затем в Аттику, взял и ограбил Пирей. Афины откупились и приняли Алариха как гостя.[478] Славный город Элевсин с его священными для греческой религии памятниками был предан грабежу, и в огне погиб великолепный храм Деметры, центр элевсинского культа. Мегара, Коринф, Спарта попали в руки готов. Когда готы продвинулись в Элиду, их встретил Стилихон, который приплыл морем из Италии и высадился в Коринфе (396 г.). Готы, сильно пострадавшие от эпидемических болезней, были загнаны в горные местности Элиды и заперты на плоскогории Фолое. Но и здесь вторично Стилихон выпустил готов, быть может по вине солдат, предавшихся грабежу, и вернулся в Италию. Аларих с награбленным добром прошел через Фессалию и направился оттуда в Эпир, в местности близ морского побережья около города Диррахия, древнего Эпидамна. Теперь за свои грабительские подвиги он получил сан магистра армии в Иллирике и определенный оклад соответственно этому сану.[479] Во главе управления Восточной империи стоял уже не Руфин, а евнух Евтропий, счастливый его соперник. Этот переворот совпал с возвращением в Константинополь войск под начальством Гайны.

По старому обычаю[480] для встречи возвращавшихся войск император с высшими сановниками двора выехал на Марсово поле (Κάμπος), находившееся за городской стеной неподалеку от Золотых ворот. Во время этой встречи солдаты окружили Руфина, зарубили его мечами, а потом носили по городу его отрубленную руку и кричали: «Подайте бедному Руфину!» Репутация корыстолюбия и алчности была прочно установлена за Руфином, и городское население встретило весть о его смерти с ликованием. Это случилось 27 ноября 395 года.

Убийство Руфина было, очевидно, поручением, которое возложил Стилихон на Гайну, и римский поэт Клавдиан, прославлявший Стилихона в своих поэмах, вменяет ему в заслугу и это убийство.[481]

---

[474] *Iordan.* Get. 146.
[475] *Socrat.* 7, 10.
[476] Ib. 6, 6.
[477] Вероятно, это тот самый командир, о котором помянул Зосим по поводу эпизода в Томах.
[478] Зосим — 5,6 — рассказывает о спасении Афин богиней Афиной и Ахиллом; другие источники свидетельствуют об ограблении Афин. *Philostorg.* 12, 2; *Hieronym.* Ep. 60, 16.
[479] *Claudian.* De bel. Goth. 535 сл.

At nunc Illyrici postquam mihi tradita iura
Meque suum fecere ducem...
Inque meos usus vectigal vertere ferri
Oppida legitimo iussu Romana coegi.

Ср. In Eutrop. II 214-220.
[480] *Амм. Марц.* 2, 14 (20, 4, 12).
[481] *Claudian.* In Ruf. 2,400 сл.

Unus per medios audendi pronior ense.
Prosilit exerto dictisque et vulnere torvus
Impetit: Hac Stilicho, quem iactas pellere dextra

Константинопольское правительство легализовало это преступление тем, что состояние Руфина было конфисковано.[482] Часть его досталась Евтропию и его приверженцам.[483] В числе имущества, принадлежащего Руфину, были земли, неправильно захваченные им в разных провинциях, владельцы которых из страха пред всемогущим префектом не возбуждали протеста. В *Феодосиевом Кодексе* сохранился текст указа, изданного по этому поводу и печально характеризующего тогдашние нравы. Ввиду того, что протеста не было, пока был жив Руфин, все такие имущества объявлены были принадлежащими императорской частной казне с воспрещением права исков.[484] Жена и дочь Руфина, когда он был убит, бежали в церковь, опасаясь за свою жизнь. Им разрешено было, по их просьбе, переселиться в Иерусалим, где они и проживали, как и многие другие знатные женщины того времени, переселявшиеся в Святую Землю добровольно.

ЕВТРОПИЙ. ГАЙНА

По смерти Руфина первым лицом в Восточной империи стал евнух Евтропий, пользовавшийся неограниченным влиянием на слабого императора. То обстоятельство, что преступное дело Гайны осталось безнаказанным, с очевидностью свидетельствует о том, что Евтропий участвовал в интриге Стилихона против Руфина. Гайна остался в положении магистра армии. Страшно честолюбивый и властолюбивый, Евтропий поработил волю слабого императора и сосредоточил в своих руках направление всех государственных дел, занимая по-прежнему пост препозита. Свои интриги он направил прежде всего на заслуженных военных людей, Абунданция и Тимасия, сподвижников Феодосия. Первый был родом из Скифии, т. е. северо-восточной провинции Фракийской диоцезы, выдвинулся как военный человек при Феодосии и в 393 г. достиг консульства. По наветам Евтропия, который желал воспользоваться его состоянием, Абунданций был сослан в Питиунт, где находился и в начале 400 года. Зосим называет местом его ссылки Сидон.[485]

О процессе Абунданция нет сведений в наших источниках. Вероятно, он был привлечен к ответственности по старой и весьма растяжимой форме обвинения в оскорблении величества. Больше подробностей сохранило предание о суде надТимасием. То был видный и заслуженный военный человек, сподвижник Феодосия I во всех его предприятиях. Своим орудием Евтропий избрал одного мелкого мошенника по имени Барг. Этот человек, родом из города Лаодикеи, попался в каком-то темном деле и бежал в Сарды. Там он обратил на себя внимание Тимасия, обошел его лестью и был назначен командиром одной военной части. Вскоре Тимасий переехал в Константинополь и перевез туда же Барга, хотя тот за свои провинности не имел права жительства в столице. Евтропий воспользовался этим человеком с запятнанным прошлым, чтобы возбудить через него обвинение против Тимасия в замыслах произвести государственный переворот. Процессы этого рода были очень часты при Констанции и Валенте, которые с особенной настойчивостью и неумолимостью давали ход доносам и с большой жестокостью вели следствия.[486] Под председательством самого императора снаряжена была судебная комиссия по делу Тимасия. Этот суд ввиду доброй славы и авторитета Тимасия вызвал неблагоприятные толки в столице. Император предпочел уклониться и поручил разбирательство дела Сатурнину и Прокопию. Первый был заслуженный старый сановник, второй — зять императора Валента. Прокопий был *человек* смелый и резкий. Он упрекал Сатурнина за то, что тот допустил обвинение заслуженного Тимасия таким недостойным человеком, каким являлся Барг. Тем не менее Тимасий был осужден и приговорен к ссылке. Его отправили под стражей на оаз в Египет. Вскоре прошел слух, что сын Тимасия, Сиагрий, освободил отца по пути, и с тех пор оба они бесследно исчезли. Барг был вознагражден назначением командиром полка, но скоро его постигла казнь. Во время его отсутствия в столице, жена его, рассорившись с мужем, подала императору жалобу с обвинением Барга в различных злодействах. Евтропий снарядил суд и по его приговору казнил своего пособника.[487]

Вероятно, в связи с этим процессом находится указ 397 года на имя префекта претория, в котором даны точные определения касательно конфискации имущества лиц, виновных в заговоре (factio) на жизнь не только императора, но и членов консистория и сената.[488] Самый заговор предполагается в соучастии с солдатами, частными людьми или варварами. Подтверждая смертную казнь для виновных, законодатель повелевает конфисковать все имущество такого лица, кроме той части имущества жены, которая по закону переходит к дочерям. Сыновья виновного теряют право достигать каких бы то ни было санов и не могут получать никаких наследств и легатов; они должны «навсегда остаться в жалкой нищете». Враждебные Евтропию наши источники выставляют дело так, будто он преследовал своих личных врагов с целью захватить их состояния. Такими же личными мотивами изъясняется проведение ограничительного закона против права убежища, каким пользовались христианские церкви. Спасения от суда бегством в церковь искали во множестве разные люди,

---

[482] *Summach.* Ep. 6, 14, 1.
[483] *Zosim.* 5, 10.
[484] Cod. Theod. 9, 42, 14.
[485] *Zosim.* 5, 10.
[486] Аммиан Марцеллин описал много таких процессов.
[487] *Zosim.* 5, 9-10. Бл. Иероним с сочувствием поминает о Тимасии и Абунданции. Местом ссылки последнего он называет Питиунт (Пицунда), а о втором сообщает, что он скрывается в г. Acce. *Hieronimus.* Ep. 60, 16.
[488] Cod. Just. 9, 8, 5. Quisquis cum miltibus vel privatis, barbaris etiam scelestam inierit factionem aut factonic ipsius susceperit sacramenta vel dederit, de nece etiam virorum illustrium, qui consiliis et consistorio nostro intersunt, senatorum etiam (nam et ipsi pars corporis nostri sunt)...

часто то были недобросовестные должники или прямые преступники.[489] Но священное право церкви было формально узаконено с давних пор; за него крепко стояли представители клира, и Иоанн Златоуст вступил в резкие пререкания с Евтропием. Тем не менее закон, направленный против должников казны, был проведен и должен был войти в силу.

Существовавшие раньше добрые отношения Евтропия и Стилихона скоро превратились во враждебные. Так как в распоряжении Евтропия не было достаточно военных сил для борьбы с готами Алариха и он к тому же устранил несколько видных военных людей, то Евтропий предпочел купить расположение Алариха, предоставив ему, после его грабительского похода в Грецию, сан магистра армии Иллирика с соответственным содержанием для его войска. В этой новой силе Евтропий имел некоторую опору против покушений Стилихона на влияние в Восточной империи. Вскоре затем дружба Евтропия со Стилихоном превратилась в непримиримую вражду, которая получила характер столкновения двух империй.

В среде подвижного и неустойчивого в своем настроении мавританского населения Африки Евтропий нашел человека, который был готов содействовать его видам на Африку. То был царевич Гильдон, занимавший пост комита войск Африки. Около 25 лет тому назад в Африке было восстание мавров, которое с большим трудом подавил полководец Феодосий, отец будущего императора. Во главе движения стоял мавританский князь, один из многих сыновей царя Нубеля, Фирм, который провозгласил себя императором в 372 году.[490] Гильдон, брат Фирма, стоял тогда на стороне правительства и содействовал подавлению восстания в 375 году. Достигнув позднее поста комита Африки, Гильдон возымел дерзкие замыслы стать независимым государем и отложиться от Рима. Когда Феодосий собирался в свой последний поход на Запад против Евгения, Гильдон отказал ему в поддержке. Теперь, после разделения империи, зависимость от отдаленного Константинополя казалась ему легче, чем от близкого Рима. Овладев всеми африканскими провинциями, Гильдон не допускал подвоза хлеба из Африки в Рим, вступил в сношения с Евтропием и готов был признать зависимость от Восточной империи (397 г.). Как прежде Гильдон был противником своего брата Фирма, так теперь он встретил протест со стороны другого, Масцизеля. Гильдону удалось, однако, вытеснить его, и тот бежал в Рим. Стилихон снарядил войска, и весною 398 года Масцизель с римскими силами вернулся в Африку. Местом его отправления из Италии был город Пиза; армия состояла из семи легионов общей численностью в пять тысяч человек. Гильдон потерпел поражение и, чтобы не попасть в руки брата, лишил себя жизни. Масцизель с торжеством вернулся в Рим, но вскоре Стилихон устранил коварным образом своего помощника: оруженосцы Стилихона столкнули Масцизеля с моста в реку, и он утонул.[491]

После африканских событий вражда между империями велась уже открыто. Стилихон упрочил свою власть над Гонорием тем, что весною 398 года выдал за него замуж старшую свою дочь от Серены Марию, и поэт Клавдиан увековечил это событие в стихотворном эпиталамии, который дошел до нас.

Между тем Евтропий, упрочивая свою власть и положение, добился возведения в сан патриция, которого не получали никогда до того евнухи. Вскоре он стяжал себе и военные лавры. Гунны, вторгшиеся через кавказский проход, продолжали свои грабежи в восточных областях империи. В 398 году Евтропий сам стал во главе военных сил, изгнал гуннов из Армении и затем оттеснил их за Кавказ. С триумфом вернулся Евтропий в столицу и был удостоен назначения консулом на ближайший год. Консулат также никогда еще не доставался евнуху. В столице и разных городах Евтропию воздвигали статуи с перечислением его санов и заслуг. Западный двор, по настоянию Стилихона, не признал консулата Евтропия.

Пользуясь неограниченным влиянием на Аркадия, Евтропий продолжал свои корыстные процессы, возбуждая тем против себя всеобщее негодование.[492] Огромные богатства, которые он накоплял, возбуждали зависть многих, и в том числе заслуженного военного человека, гота Гайны. При помощи других лиц и, быть может, являясь отчасти их орудием, Гайна низверг могущественного временщика в самый год его консулата (399). Поводом послужили тяжкие бедствия, постигшие провинцию Малой Азии от соплеменника Гайны Трибигильда, командира готов, поселенных во Фригии.[493]

Наши источники оставляют в неясности вопрос о том, чем Евтропий оскорбил Трибигильда. Быть может, то был недостаточно щедрый подарок за поздравление со вступлением в консульство, роскошно отпразднованное Евтропием.[494] Вернувшись из Константинополя на место своего жительства в Наколию во Фригии, Трибигильд,

---

[489] Cod. Theod. 9, 40, 16; 9, 45, 3; 16, 2, 31; *Socrat.* 6, 5. Ограничения права убежища церкви начались еще раньше, с 392 года. Cod. Theod. 9, 45, 1.

[490] Подробное, хотя не вполне ясное описание восстания Фирма и войны с ним см.: *Амм. Марц.* 3, 167-183 (29, 5). — Мятежное движение в Африке стояло в связи с расколом донатистов, но Аммиан Марцеллин оставил без внимания эту сторону дела.

[491] *Zosim.* 5, 11; *Oros.* 7, 36, 6. Полки эти названы по именам у Клавдиана (Bel. Gildon. ст. 415 и сл). Они были расположены в Италии и Испании. Подробный анализ данных см. в исследовании: *Cagnat.* L'armee romaine d'Afrique. Paris, 1892. P. 733 сл. — Дочь Гильдона Сальвина вышла замуж за Небридия, племянника жены Феодосия, и жила в Константинополе.

[492] *Zosim.* 5, 12. 1.

[493] Сократ — 5,6 — называет его хилиархом, т. е. трибуном; Филосторгий — 11,8 — дает ему звание комита.

[494] Так объясняет начало движения Клавдиан (In Eutrop. II 178). Заразительно подействовал на готов пример Алариха, вознагражденного за разбои и грабежи саном магистра армии. *Claud.* 214. Tandem Tarbigilum Geticae

под предлогом смотра подчиненных ему сил, превратил свой объезд в варварское нашествие и подверг страшному грабежу мирное население. На своем пути он не щадил ни пола, ни возраста, и вскоре во всех приморских городах появились толпы беглецов из пострадавших местностей. Готы были в значительном числе поселены во Фригии еще при Феодосии, а кроме того, повсюду было много рабов из этого племени, которые и поддержали это движение. Когда весть об этом несчастье пришла в столицу, явилось опасение, как бы восставшие готы не вознамерились перейти на европейский берег. Евтропий распорядился, чтобы Гайна принял командование во Фракии и не допускал готов к переправе; а в Азию был послан личный приятель Евтропия, совершенно несведущий в военном деле командир, Лев. Гайна вышел со всеми варварскими войсками из столицы. Из Гераклии он вступил в сношения с Трибигильдом и приглашал его переправиться на европейский берег. Но Трибигильд не согласился и предпочел пройти с грабежом через Писидию, где он не встречал никакого противодействия. Он брал города и крепости, предавал смерти поселян и солдат римской армии. Лев, переправившись в Азию, считал своей задачей помешать переправе готов в Европу и не переходил сам в наступление, а Трибигильд, ограбив Писидию, двинулся в Ликаонию. В этой горной стране передвижение грабительских шаек было труднее, а в Памфилии, куда проникли затем готы, в городе Сельге нашелся римский офицер Валентин, который собрал ополчение из селян и рабов, занял высоты и устроил готам засаду. Много готов было раздавлено камнями или перебито; другие попали в болота и там погибли. Самому Трибильгиду удалось спастись с тремя сотнями всадников через крутое ущелье, по которому могли пройти в ряд только два человека. Оно было защищено укреплением, в котором сидел гарнизон под начальством Флорентия. Польстившись на деньги, Флорентий не воспользовался случаем уничтожить Трибигильда.

После этого поражения готов местное население стало смелее, и вскоре Трибигильд был заперт в местности между реками Меланом и Евримедонтом, близ городов Сиды и Аспенда. Он дал знать оттуда о своем положении Гайне, и тот придумал план спасти его. Льву было приказано двинуться против Трибигильда, чтобы действовать против него совместно с Валентином. Как бы с целью усилить Льва, Гайна посылал к нему все новые и новые отряды готов, которые занялись во Фригии тем же самым, что прежде их делал Трибигильд. Пользуясь замешательством, которое явилось результатом такой помощи в борьбе с ним Льва, Трибигильд спасся из трудного положения. Борьба Льва с Трибигильдом окончилась тем, что на Льва было сделано ночное нападение, и во время бегства он утонул в болоте.[495] Готы воротились во Фригию. Между тем Гайна сам переправился на малоазиатский материк из Европы и прошел также во Фригию. Вступив в сношения с Трибигильдом, он посылал императору ложные донесения о происшедшем, превозносил подвиги Трибигильда и настаивал на необходимости вступить с ним в соглашение ввиду грозной опасности, которую он будто бы представлял. Вину всех несчастий, которые постигли Малую Азию, он возлагал на Евтропия и требовал его устранения, заявляя, что иначе Трибигильд не соглашается прекратить войну.

В эту самую пору в Константинополе распространился ложный слух, будто в Персии произошла смена на троне и готовится вторжение в пределы империи. Аркадий обратился с просьбой о помощи к западному двору[496], и Стилихон, осведомленный о политике восточного двора и, вероятно, поддерживавший непосредственные сношения с Гайной, своим боевым товарищем прежних времен, соглашался оказать поддержку против персов, но ставил предварительным условием устранение Евтропия. В слепой привязанности к Евтропию Аркадий не решался жертвовать им; но в эту пору вмешалась в дело императрица Евдоксия. Властная и своевольная, она имела свои счеты с Евтропием и, если можно верить Зосиму, сама участвовала в его грабежах. Евтропий позволил себе по какому-то поводу пригрозить ей, что удалит ее из дворца.[497] Воспылав к нему ненавистью, Евдоксия устроила сцену Аркадию. Она вошла к нему с обеими своими малютками-дочерьми и со слезами и всякой лестью умоляла его устранить Евтропия и отправить его в ссылку. Вмешательство Евдоксии сломило упорство Аркадия. Могущественный временщик, ограничивший право церкви давать убежище преследуемым, сам бежал в Софийский храм. Когда явились войска требовать Евтропия и ожесточенная толпа черни окружила с криками храм, Иоанн отстоял неприкосновенность алтаря. В творениях Иоанна сохранились две проповеди, сказанные им по делу Евтропия. Первая из них была произнесена в присутствии самого Евтропия, державшегося за алтарь. Она звучит холодным тоном укора и поучения павшему величию в назидание присутствующим. Иоанн, выйдя из храма, направился через возбужденную толпу на свидание с императором. Евтропию дано было ручательство личной безопасности, и его отправили в ссылку на остров Кипр. Имущество его было конфисковано, статуи опрокинуты.[498] Вторая проповедь патриарха, сказанная до приговора над Евтропием, является общим рассуждением о ничтожестве дел человеческих, и прежде всего богатства, и заканчивается прославлением Церкви Христовой.[499]

Несчастия, постигшие Евтропия, не окончились ссылкой. Его низвержение было делом интриг и влияния

(alae Hic erat) adgreditur...

[495] Ср.: *Claudian.* In Eutrop. II 432-461.

[496] *Claudian.* In Eutrop. II... sola renidet In Stilichone salus... (501-502), речь к Стилихону — 535-602.

[497] *Philostorg.* 11,6.

[498] Cod. Theod. 9,40,17. Указ этот дошел с датой 17 января 399 г.; очевидно, дата ошибочна, и Моммзен в своем издании поставил знак вопроса. *Seeck (Pauly-Wissowa.* Realencyclopadiederclassischen Alterumwissenschaft, III, 1146) предлагает поправить дату на 17 августа и подтверждает эту поправку весьма вескими соображениями.

[499] *Творения Иоанна Златоуста,* рус. перев. СПб., 1892. Т. 3. Ч. 2. С. 403-430.

Стилихона. Так именно представил это дело певец славы Стилихона придворный поэт Клавдиан в своих творениях. Стилихон в своей политике следовал принципам Феодосия, оставшегося в памяти истории с эпитетом «друга готов», и поддерживал живые сношения как с варварами, состоявшими на службе восточного двора, так и с партией, которая разделяла эти принципы при дворе Аркадия. Но падение Евтропия было также делом и другой партии, враждебной варварам и отстаивавшей национальную политику. Во главе этой партии стоял Аврелиан, который был вызван теперь ко двору, получил пост префекта претория Востока и явился главным руководителем Аркадия. Его брат, занимавший пост префекта города, Кесарий, держался противоположных воззрений и поддерживал дружественную варварам политику.

Гайна не удовлетворился ссылкой Евтропия. По его настоянию Евтропия привезли назад с Кипра, судили и приговорили к смертной казни, которая и была исполнена над ним в Халкидоне. После смерти Евтропия Гайна двинулся через Фригию и Лидию на Запад. Трибигильд следовал за ним и на своем пути обошел Сарды. В городе Фиатире они сошлись. Трибигильд стал жалеть, что такой богатый город, как Сарды, остался неограбленным. Гайна с ним согласился, и они решили вернуться назад. Исполнению этого плана помешал ливень, от которого поднялись горные речки и затруднили дорогу. После этой неудачи Гайна направился в Вифинию, а Трибигильд пошел в направлении Геллеспонта. Гайна дошел до Халкидона, а Трибигильд остановился в Лампсаке. Брат Аврелиана, Кесарий, известил через жену Гайну о том, что ему угрожает обвинение в измене. Гайна потребовал свидания с императором, которое и состоялось в церкви св. Евфимии в Халкидоне. Обе стороны обеспечили клятвой свою личную безопасность.[500] Под угрозой взять Константинополь силою Гайна потребовал выдачи ему его личных врагов, каковыми он считал префекта Аврелиана, бывшего консула, занимавшего пост магистра армии, Сатурнина, и интимного друга Аркадия — комита Иоанна. Страх перед готами был так велик, что император согласился на выдачу этих своих верных слуг. Их сопровождал к Гайне патриарх Иоанн, чтобы воздействовать на варвара. Гайна ограничился тем, что приложил к шеям выданных ему сановников лезвие меча, и они были затем отправлены в изгнание.[501] Префектуру Востока получил теперь Кесарий, действовавший, по-видимому, в соглашении со Стилихоном. Готы перешли через Босфор, и Гайна вступил в город. Население столицы чувствовало себя в большой опасности и тревоге. Гайна потребовал, чтобы его соплеменникам-арианам для отправления богослужения на готском языке была предоставлена одна из больших церквей города. Император готов был согласиться на это, но патриарх Иоанн воспротивился и не отдал церкви еретикам.[502] Среди готов, находившихся в столице, были и православные, вероятно, преимущественно из Таврического полуострова, той части племени, которая давно уже обособилась от главной массы народа, будучи оторвана от него гуннским нашествием. С этими готами Иоанн находился в близком общении, поставил им епископа Унилу и сам проповедовал в их церкви в Константинополе.[503]

Между местным населением и готами Гайны усилилось взаимное раздражение и недоверие, и ходили слухи о коварных замыслах Гайны, который, пользуясь властью магистра армии, высылал из Константинополя под разными предлогами войска и свел их число до самых незначительных размеров. Трибигильд со своими готами переправился также на европейский берег Босфора и находился поблизости от Константинополя.

Впоследствии враги готов рассказывали, что Гайна имел намерение овладеть Константинополем и направил свои виды сначала на меняльные лавки, а затем и на дворец императора. Два раза по ночам готы делали попытку осуществить планы своего вождя; но оба раза, совершенно для них неожиданно, являлось войско защитников, которое отражало их нападения. То была чудесная помощь свыше, так как римских войск не было в таком числе в столице вследствие распоряжений Гайны. На третью ночь Гайна сам видел этих небесных защитников. Почувствовав себя нездоровым и нуждаясь в отдыхе, Гайна выехал из города со своей семьей и частью готских сил под предлогом искать исцеления в церкви св. Иоанна, расположенной у седьмого милевого столба от города. В городе настроение было очень тревожно и ходили всякие слухи. Часть готов собралась выступить со всем своим добром ночью с 11 на 12 июля 400 года. Но во время выхода их из ворот стража заметила, что готы скрывают оружие в своей поклаже. Их стали задерживать, и произошло побоище, во время которого много готов успело выйти из города. В городе началось страшное возбуждение, граждане сбежались к воротам и оттеснили готов в их церковь. Извещенный об этом Гайна подошел к городу, но ворота были заперты и на стенах стояли защитники. Зосим сообщает, что когда готы сбежались в церковь, император приказал перебить их. Но никто не решался нарушить святость места. Тогда разобрали крышу и стали бросать внутрь здания горящие головни. Произошел пожар, и погибли готы, сбежавшиеся в церковь, числом до семи тысяч человек.[504]

Гайна ничем не мог помочь избиваемым соплеменникам и отошел от стен города. Префект Кесарий, который по мере сил старался предупредить эту бойню, не терял надежды на возможность успокоения и хотел послать

---

[500] *Johan. Antiochen.* С. 81.

[501] Проповедь Иоанна Златоуста, произнесенная в церкви после высылки этих сановников, трактует вопрос о богатстве и бедности. *Твор. Иоанна Злат.* 3, 2, 430-435.

[502] *Socrat.* 6, 5; *Sozomen.* 8, 4.

[503] *Theodoret.* 5, 30.

[504] Очевидно, то была та церковь, которую патриарх Иоанн предоставил православным готам. Событие это *Пасхальная хроника* помещает на 12 число июля. — По словам Синезия, погибло около одной пятой части всей готской силы.

Иоанна Златоуста для переговоров с Гайной, который стоял неподалеку от столицы. Но теперь была уже открытая война, и патриарх, по-видимому, отклонил от себя это *предложение*.[505] Гайна *с готами и другими подчиненными* ему полками не мог нигде утвердиться, так как население сбежалось в соседние крепости, держало ворота на запоре и выставляло на стены защитников. Ввиду затруднений содержать свою силу Гайна решил переправиться через Дарданеллы в Вифинию. Но это ему не удалось. Начальство над войсками, расположенными на азиатском берегу пролива, было вручено старому заслуженному генералу, сподвижнику Феодосия, Фравите. То был гот, человек строгого чувства чести и верности клятве, который когда-то доказал свою верность убийством Эриульфа, побуждавшего своих товарищей изменить Феодосию и захватить дворец.[506]

Приняв начальство над войсками, Фравита начал их упражнять на военных учениях и поднял дух солдат. В его распоряжении был также военный флот быстроходных судов, которые носили название либурнок, известное нам со времен Августа. На этих судах охранял Фравита азиатский берег днем и ночью. Затруднения в прокормлении войск заставили Гайну спешить с переправой. Из бревен, нарубленных в Херсонесе, были построены лодки, на которые перевели лошадей и сели люди. Не ожидая серьезного сопротивления, Гайна приступил к переправе. Фравита отчалил свои корабли от берега и сам выступил против дерзких пловцов. Железным носом корабля он опрокинул первое приближавшееся судно и потопил людей и лошадей. За ним пошли другие суда, и переправа стала невозможной.[507] Гайна потерял очень много людей и, убедившись в невозможности переправиться на азиатский берег, оставил это намерение и двинулся во Фракию. Опасаясь нападения от какой-либо другой римской армии, Гайна сначала перебил всех римских солдат, которые были при нем, а затем направился к Дунаю и перешел на левый берег в места прежнего обитания готов. Фравита не преследовал Гайну и дал ему уйти. Это вызвало вскоре неблагоприятные для Фравиты толки. Одни находили, что он не умеет пользоваться победой, другие высказывали подозрение, что тут не обошлось без измены, что гот Фравита не желал губить гота Гайну. Император встретил победителя, когда тот явился доложить об успехе, с благодарностью и спросил его, какой он хочет награды. Фравита отвечал, что желает получить разрешение воздавать поклонение богу по обычаям предков. — Император вознаградил его консульством на 401 год.[508]

Бежавший Гайна оказался за Дунаем в местах кочевий гуннской орды, вождем которой был Ульдис. Желая сделать угодное императору, а может быть, опасаясь иметь в соседстве Гайну с готами, Ульдис напал на него. В жестокой сече пало много готов, был убит и Гайна, дорого продавший свою жизнь. Ульдис приказал засолить его голову и отослал ее императору. За эту услугу он был вознагражден щедрыми дарами и принят в число федератов империи.[509] Бедствия Фракии не окончились с выходом Гайны из ее пределов. Многочисленные дезертиры и беглые рабы собирались в шайки и производили страшные грабежи, выдавая себя за гуннов, чтобы увеличить страх населения. Фравита выступил против них и очистил Фракию от разбойников.

Когда Гайна из властного магистра армии превратился во врага империи, сосланные по его требованию сановники возвратились в Константинополь. Особого почета был удостоен при этом Аврелиан, которого все население столицы встретило с ликованием, приветствуя в нем вождя партии, враждебной варварам. Вскоре он занял пост префекта Востока и явился направителем государственной политики. Ему оказывала поддержку императрица, расположением которой он заручился еще раньше предоставлением ей титула августы (январь 400 года).[510] Кесарий был отрешен от должности и попал в тюрьму. Следствие выяснило сношения его с Гайной через жену, которая знала готский язык и находилась в дружбе с женой Гайны. Хотя против Кесария было очень возбуждено население столицы, но Аврелиану, тем не менее удалось спасти брата от смертной казни.[511]

---

[505] Феодорит — 5 ,33 — говорит об этом посольстве как о состоявшемся и поминает о большом почтении, которое оказал Гайна Иоанну. А Симеон Метафраст идет еще дальше и подробно рассказывает, как Гайна и его дети падали к ногам Иоанна. В соответствии с таким приемом Иоанна у Гайны, в житии утверждается, будто Гайна вернулся к покорности императору и только потом уже опять забунтовал. Vita Johan. C. 29 (P. G. 114).

[506] Фравита оставался язычником, и ввиду его честной службы ему было разрешено жениться на христианке.

[507] *Пасхальная хроника* (с. 567), помещает это событие на 23 декабря 400 года.

[508] *Eunap.* Frg. 82; *Zosim.* 5, 21; *Johan. Antioch.* C. 18, p. 122-123.

[509] *Zosim.* 5,22. В *Пасхальной хронике* (стр. 567), указан день, когда в Константинополь была прислана голова Гайны: 3-й день до январских нон, т. е. третье число января. Но эта дата вызывает сомнение, так как битва на море записана под 23 декабря, т. е. промежуток оказывается слишком малым. *Clinton* (Fasti Hell. s. a. 400) — делал поправку в тексте хроники, и битву относил на 14 декабря, а прибытие головы Гайны в столицу — на 11 января. В хронике Марцеллина (Chron. min. II. 66) смерть Гайны отнесена к февралю месяцу 401 года, и эта датировка является более вероятной. Сократ, Созомен и Иоаин Антиохийский не знают об участии Ульдиса в гибели Гайны и приписывают его поражение римским войскам, настигшим его во Фракии. Имя Ульдис обличает тюркскую народность, и слово это значит звезда. Wirth. Gesch. Asiens. P. 212.

[510] Chron. Pasch. 567.

[511] Сведения об отношениях и поведении обоих братьев даны Синезием в иносказательной форме в трактате: De providentia, I—II (P. G. 66, p. 1209-1277). — Ввиду несогласованности и противоречий в наших источниках и неясности многих иносказаний Синезия весь эпизод восстания Гайны трудно поддается точному выяснению в деталях. Разгадку иносказания дал *Sievers* (Studien. P. 387). Наиболее полный анализ данных представил *Gtildenpfenning.* Geschichte des ostr Smischen Reichs unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885. C. 107-131. Самостоятельное и весьма продуманное изложение этого эпизода представил также *Seeck,* под словом Arcadius в *Энциклопедии Pauly-Wissowa.* III, 1144-1151 и в специальной статье PhilologusN. F. 6,442-458. Mommsen, в

По-видимому, Фравита успел оказать еще одну услугу государству борьбой с исаврами в Памфилии. Но против этого прямого и честного варвара недобросовестные люди сплели целый узел интриг. Он был привлечен к ответственности и отдан под суд за измену. Его судьей был комит Иоанн, вернувшийся из ссылки вместе с Аврелианом, интимный друг императора.[512] Фравита был казнен. Участвовавший в интриге Гиеракс после смерти Фравиты самым дерзким образом производил грабежи в Памфилии и оказался для населения тяжелее исавров.[513]

Так окончился полной неудачей заговор, во главе которого встал Гайна, видный военный сановник, имевший боевые заслуги и достигший в империи высшего военного поста магистра обоих разрядов армии, пехоты и конницы. Несмотря на свое высокое звание, он остался грубым варваром и ни в малой степени не слился с тем высшим классом общества, к которому принадлежал по своему положению и государственным заслугам. Гайна является типичным представителем того полуварварского элемента, который в гордом сознании своей силы властно вступал в совершенно чужую ему по культуре и традициям среду. Попытка Гайны стать ближе к источнику верховной власти, даже в случае удачи, не могла принести ничего кроме преходящего кровопролития и замешательства. Неудача этого движения имела большое значение для последующих отношений в Восточной империи. Властный готский элемент и его грубая сила были ослаблены; самое число готов в империи уменьшилось, и местное культурное население, особенно в Малой Азии, поднялось в своем сознании. В направлении государственной жизни возымела верх национальная римская партия, одержавшая решительную победу над «друзьями готов». Но вместе с тем еще более обострился раздор между восточным двором и западным, где верховным руководителем государственной политики оставался Стилихон, опиравшийся на варваров.

Подъем общественного настроения, вызванный победой над варварами, воодушевил поэта того времени, схоластика Евсевия. Он сочинил поэму в четырех песнях под заглавием *Гайния*, Гата, в которой изложил очень полно и подробно этот эпизод современной истории. На нее ссылается Сократ в своем описании событий и, быть может, к этому источнику восходят подробности чудесного характера, внесенные им в свой рассказ. Византийские поэты того времени не дошли до нас, но мы имеем римского современного поэта в лице Клавдиана, певца подвигов Стилихона. По старой римской традиции поэтическое повествование у Клавдиана изукрашено мифологическим убором. В Византии было, по-видимому, иначе, и место мифологического элемента занял чудесный в соответствии с настроением общества того времени.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА. ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Самым видным представителем Церкви на Востоке был в правление Аркадия Иоанн, оставшийся в памяти истории с эпитетом Златоуста. Он происходил из знатной фамилии города Антиохии. Рано потеряв отца, он был воспитан своей матерью, Анфисой, которая осталась вдовой в 20-летнем возрасте. Блестяще одаренный от природы Иоанн учился у лучших учителей родного города и готовился к карьере юриста. Его учителем риторики был всесветно знаменитый Либаний, учитель и друг императора Юлиана, сохранивший верность эллинизму, как тогда называли язычество. Когда друзья Либания спрашивали его на смертном одре, кого бы он желал видеть своим преемником, он сказал, что желал бы видеть Иоанна, если бы его не украли христиане.[514] Когда Иоанну исполнилось 20 лет, он почувствовал свое призвание и отдался изучению Священного Писания. После тщательной подготовки он принял крещение от антиохийского епископа Мелетия (368 г.). Вскоре после того умерла его мать. Он удалился в пустыню и предался подвигам аскетизма; но через четыре года расстроенное здоровье заставило его вернуться в Антиохию, чтобы прибегнуть к помощи врачей. В 381 году был посвящен в диаконы, в 386 — в пресвитеры в родной Антиохии, и со всей пламенностью своей натуры и мастерством слова отдался деятельности проповедника. Очень скоро он стяжал огромную популярность в Антиохии.

Когда в 396 году, за смертью Нектария, стала вакантной кафедра константинопольского епископа, всевластный тогда при дворе Евтропий обратил внимание императора на знаменитого антиохийского проповедника, и вопрос о заместителе Нектария был решен в пользу Иоанна. Приверженность к нему Антиохии была так сильна, что можно было опасаться сопротивления со стороны антиохийцев. Ввиду этого командир войска Астерий получил приказ тайно увезти Иоанна в Константинополь.[515]

26 февраля 398 года состоялась хиротония Иоанна в столице империи. Его возвышение шло вразрез с видами весьма влиятельного тогда на Востоке епископа Феофила, патриарха Александрии, который имел своего кандидата на Константинопольскую кафедру. Но Евтропий, наметивший Иоанна, показал Феофилу список его проступков, за которые он мог быть подвергнут ответственности. Феофил уступил и вынужден был, по приглашению императора, принять непосредственное участие в посвящении Иоанна. С тех пор он воспылал к нему ненавистью, которая впоследствии отразилась на судьбе Иоанна.

Пламенея ревностью о чистоте христианской жизни, Иоанн, заняв патриаршью кафедру в столице,

---

статье *Reichsprefect ur* (*Ges*. Sch. 6,293), — не считает доказанным тождество Тифона с Кесарием.

[512] Столичные сплетни называли его отцом Феодосия. *Zosim*. 5, 18.

[513] *Eunap*. Frg. 86; 87

[514] *Sozomen.* 8, 2.

[515] *Sozomen.* 8, 2. *Pallad*. Dialog. C. 5 (P. G. 47, p. 19).

немедленно вступил в борьбу с теми пороками, которыми в ту пору был заражен столичный клир. Таков был обычай так называемого духовного брака членов клира с девственницами. Иоанн обрушился на него своим пламенным словом и воспретил его применение в своей епархии.[516] Он воспретил монахам проживать в частных домах и пользоваться роскошной обстановкой и обильным столом частных лиц, оказывавших им гостеприимство. Он упорядочил общежитие вдов и завел более строгие порядки в этих благотворительных учреждениях Церкви. Найдя расходы на содержание епископского дома чрезмерными, он сократил их и богатые средства Церкви направил на благотворение: улучшал больницы, сооружал новые, заведование ими поручал благочестивым священникам, а из монашествующих набирал врачей, поваров и больничную прислугу.[517]

Блестящий ораторский талант Иоанна сразу создал ему огромную популярность в столице империи, а любимые темы его проповедей — осуждение богатства, роскоши и пышности — привлекли к нему сердца простого народа. Двор оказывал ему благоволение, хотя его идеалы аскетизма, смелость и резкость его нападок на сильных и богатых задевали многих лиц из высшего круга и не могли вызвать сочувствия императрицы Евдоксии, любившей блеск и роскошь. Тем не менее, как в начале, так и потом она оказывала ему самое искреннее уважение и подчинялась его авторитету. В целях усиления религиозного настроения народа Иоанн завел ночные бдения с процессиями в предшествии креста и светильников. Он допускал на них только мужчин. Инициатива устройства подобных процессий принадлежала арианам, которые были довольно многочисленны в столице. Императрица пожертвовала крест для этих процессий и поручила своему евнуху Брисону заботу об их организации, а также и заведование хором. Случилось однажды, что православная процессия встретилась с арианской; произошла свалка, были раненые и между ними Брисон, получивший удар камнем в голову. Аркадий запретил арианам устраивать процессии, предоставив это право только православным, которые удержали этот обычай и после Иоанна.

Арианство было национальным исповеданием готов, но среди готов были и православные общины. Ревнуя об утверждении православия среди готов, Иоанн отвел одну церковь в Константинополе для отправления церковных служб на готском языке, часто бывал в ней и проповедовал. Не ограничиваясь личным воздействием, Иоанн посылал проповедников к готам, жившим за пределами империи, и поставил им епископа, с которым находился в живых сношениях.[518] Но церквей для арианского культа он не допускал в столице, и когда Гайна после своей победы над Евтропием потребовал церкви для соплеменников-ариан и слабый император дал свое согласие, Иоанн восстал против этого всей силой своего авторитета, и всемогущий Гайна примирился с отказом.

Отношения зависимости церквей от Константинопольского патриарха не были в ту пору точно установлены; но, по свидетельству Феодорита, Иоанн распространил свою власть на три диоцезы: Фракию, Восток и Понт.[519] Нравы клира в Малой Азии были не лучше, чем в столице, и Иоанну пришлось вскоре проявить свою строгость в отношении подчиненных ему епархий. К нему поступали доносы и взаимные обличения враждовавших между собою епископов. В 399 году в Константинополе состоялся Собор из 22 епископов, на котором, между прочим, епископ города Валентинополя Евсевий представил записку о больших и весьма наглых злоупотреблениях и хищениях, которые позволял себе эфесский епископ Антонин. Иоанн хотел сам туда ехать, но бунт Гайны явился препятствием. Комиссия из трех епископов отправилась в Эфес; но за неявкой Евсевия, обвинителя, вернулась ни с чем и, согласно предварительному уговору, изрекла отлучение над Евсевием. Между тем Антонин умер, и в Эфесе началась ожесточенная борьба претендентов на кафедру и их партий, грозившая вызвать уличные беспорядки. Иоанн получил просьбу приехать и, поручив свою кафедру Севериану Гавальскому из Келесирии,[520] 9 января 401 года покинул Константинополь. В Эфесе собралось на Собор 70 епископов из провинций, имевших свой административный центр в этом городе. Так как агитация кандидатов сопровождалась страшным раздражением, разного рода злоупотреблениями и подкупом, то Иоанн наметил сам преемника в лице прибывшего вместе с ним диакона Ираклида и провел его выбор в Соборе. Евсевий Валентинопольский, пропустивший раньше случай доказать свои обвинения, возбужденные против Антонина, сделал это теперь. Явившись на этот Собор, он представил свидетелей и изобличил шесть епископов диоцезы Азии в симонии, т. е. в том, что они получили сан от Антонина за деньги. Обвиняемые сознались и оправдывали свою вину желанием избавиться через епископский сан от тягостей декурионата. Они готовы были сложить сан, но просили вернуть назад деньги, уплаченные Антонину за посвящение, указывая на неоплатные долги, в которые они вошли, добиваясь епископства. Собор постановил потребовать от наследников Антонина возвращения денег, отрешил виновных в симонии от священства, не лишая их, однако, церковного общения. На кафедры низложенных были поставлены новые епископы. Кроме этих шести было низложено еще несколько других, и общее число лишенных кафедры епископов доходило до 15. Властные распоряжения Иоанна создали ему много врагов среди

---

[516] *Pallad.* Dialog. С. 5 — В числе сохранившихся проповедей Иоанна есть «Слово к жившим вместе с девственницами» и «Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами». *Творения Иоанна Златоуста*, 1, 245-290. О духовном браке см.: *Лебедев А. П.* Духовенство древней вселенской церкви, М., 1905. С. 330-346.

[517] *Pallad.* Ib.

[518] *Theodoret.* 5, 32.

[519] *Theodoret.* 5, 28.

[520] Епископы дальних городов, чувствовавшие в себе дар слова, приезжали в столицу, чтобы своей проповеднической деятельностью собирать деньги. *Socrat.* 6, 19.

восточных иерархов. Во время своего путешествия по Азии Иоанн проявил свою нетерпимость в отношении новациан и других еретиков.

Пока Иоанн находился в Азии, враги, которых он имел в столице в среде клира, монашества и при дворе, воспользовались его отсутствием, чтобы пошатнуть его положение. В это время в царской семье случилось радостное событие: родился наследник престола, нареченный при крещении именем деда, Феодосий (23 марта 401 года).[521] Иоанн получил от императора приглашение на крестины, но не прибыл, и крещение было совершено Севериаком, который сумел приобрести расположение двора.[522] Против Иоанна действовали три знатные дамы, близкие к царице: Марса, вдова Промота, Кастриция, жена Сатурнина, и Евграфия. Он оскорбил их насмешками над их желанием казаться моложе, чем они были в действительности. Когда Иоанн вернулся в столицу, он ополчился на Севериана, запретил ему проповедовать в столице и выслал из города. Севериан повиновался и уехал в Халкидон, чтобы вернуться в свою епархию в Келесирии. Двор употреблял все усилия смягчить гнев Иоанна, и Евдоксия достигла примирения следующим поступком. В один из праздничных дней она явилась в храм до начала литургии и, подойдя к Иоанну, положила ему на колени младенца сына, прося ради него простить Севериана. Иоанн уступил, согласился отозвать Севериана в столицу, и между противниками восстановилось церковное общение.[523] Положение Иоанна было, однако, поколеблено.

Властолюбивый и далекий от всякого аскетизма и ревности к чистоте христианской Церкви Феофил, завидовавший влиянию Иоанна, вступил с ним в столкновение по следующему поводу. В Палестине продолжались споры и раздоры относительно учения Оригена. Чтобы положить им конец, иерусалимский епископ обратился к Феофилу, и при его участии оригенисты были осуждены. Среди невежественной массы монашества в Египте шли свои раздоры об Оригене, исказившиеся в спор о том, следует ли представлять Бога в человеческом образе или же — бесплотным духом.[524] Так как Феофил имел случай высказаться за бесплотность Бога, то монахи обвинили его в сочувствии Оригену, явились огромной толпой в Александрию и грозили низложить и устранить его. Феофил сумел успокоить монахов и, чтобы упрочить свое положение, предпринял поход на монастыри, где имели свой приют оригенисты. Во главе части монашества, исповедовавшей бесплотность Бога, стояли четыре брата, которые имели прозвище «долгих братьев». Старший из них, Аммоний, пользовался большим авторитетом и был известен в столице. Он имел случай посетить ее в пору всемогущества Руфина, который именно от него хотел принять крещение. Монастыри оригенистов подверглись страшному разгрому и разграблению. Пострадавшие «долгие братья» бежали сначала в Палестину, а затем, не найдя там поддержки, в Константинополь и обратились с просьбой о помощи к Иоанну Златоусту. Он внимательно отнесся к ним и обратился с письмом к Феофилу, прося его смягчить свое отношение к оригенистам и восстановить церковное общение с ними. В ответ на это Феофил заявил претензию, что Иоанн вмешивается в дела чужой кафедры, и утверждал, что если по его делу с оригенистами нужен суд, то он по праву принадлежит Собору египетских епископов.

Между тем оригенисты нашли доступ к императрице во время одного ее выхода; она приняла их жалобы с сочувствием и обещала посодействовать тому, чтобы был созван Собор для суждения о поведении Феофила. Местом Собора был избран Константинополь, Иоанн должен был явиться его председателем, и к Феофилу был послан императорский комиссар, чтобы передать ему приказ явиться в Константинополь. Феофилу грозил суд; но обстоятельства изменились во время проволочки, и суд состоялся не над Феофилом, а над Иоанном.

Так как у Иоанна было очень много врагов среди епископов и членов клира, как в Малой Азии, так и в

---

[521] По записи Chron. Pasch. (p. 597), Феодосий родился 10 апреля, т. е. за четыре дня до Пасхи, которая в тот год приходилась на 14 апреля. Но с этой датой не сходится подробный рассказ о жизни двора и столицы в ту пору, который сохранился в *Житии Порфирия Газского.* Свидетельства *Жития* столь живы и непосредственны, что усомниться в их подлинности невозможно. Порфирий и Иоанн, еп. Кесарии в Палестине, уехали из Константинополя 18 апреля, успев наилучшим образом воспользоваться рождением наследника и его крещением, чтобы исхлопотать указ о разрушении языческих святилищ в городе Газе. По данным *Жития,* рождение Феодосия произошло за три недели до Пасхи. Считаем вероятным предположить, что 10 апреля совершилось крещение Феодосия. Так как этот день был отмечен большим торжеством как важное событие в жизни империи, то он и оказался записанным в хрониках.

[522] Порфирий и его спутники, прибывшие в начале марта в Константинополь, застали там патриарха Иоанна, и он устроил им свидание с евнухом Амантием, занимавшим пост кастрензия в придворном штате. Иоанн Златоуст сам рассказал Порфирию и Иоанну, почему он не имел личных сношений с двором в это время. О близости родов царицы знали на Родосе около 2 марта, тем более мог это знать Иоанн. Но, вероятно, он намеренно уехал в это время из Константинополя, так как знал, что не будет приглашен крестить наследника, мать которого недавно жестоко публично оскорбил, в чем, однако, судя по сообщению автора *Жития св. Порфирия*, нисколько не раскаивался. Он оскорбил царицу заступничеством за одну бедную женщину, у которой царица отняла виноградник. По этому поводу Иоанн держал беседу на тему: Иезавель и Илия. В рассказе об отъезде Порфирия и Иоанна из столицы нет упоминания о прощании с Иоанном Златоустом. Очевидно, в это время его не было в столице.

[523] *Socrat.* 6, 21; *Sozomen.* 8, 10. Preuschen считает почему-то этот рассказ неправдоподобным (Real-Encykl. filr prot. Theol. 4, 108).

[524] *Sozomen.* 8, 11.

столице, а равно и среди монахов, которые тяготились введенными им стеснениями образа жизни, то Феофил решил использовать его заступничество за нитрийских монахов, обвинив его в сочувствии осужденному учению Оригена. Он побудил престарелого епископа Кипрского Епифания, прославившегося своей борьбой с оригенизмом, отправиться в столицу, чтобы обличить Иоанна в ереси и отлучить от Церкви. Епифаний направился в Сирию, а затем в Константинополь сухим путем через Малую Азию, где завязал по пути сношения с врагами Иоанна. Приехав в столицу, он не вступил в общение с Иоанном и позволил себе поступки, нарушавшие каноны. До обличения дело не дошло, Епифаний уехал в Кипр, но по дороге скончался.[525] В то время как Епифаний был в Константинополе, Иоанн в одной из своих проповедей избрал темой обличение суетности женщин. Общественное мнение истолковало слова и нападки Иоанна в том смысле, что он имел в виду императрицу Евдоксию, а враги его в придворной сфере сумели раздуть это дело и дали ему такую огласку, что Евдоксия почувствовала себя оскорбленной, сама обратилась к Епифанию, прося его изобличить Иоанна в ереси, и требовала у императора, чтобы над Иоанном был снаряжен суд.

В таком положении были отношения в Константинополе, когда туда прибыл Феофил. Огромные средства Александрийской кафедры позволили ему прибыть с целым флотом. Он привез с собою 28 епископов, огромный штат служащих и большие средства, которые были предназначены на подкуп разных влиятельных лиц. В Константинополе было всегда очень много людей из Египта, и они устроили своему архипастырю торжественную встречу. Свою враждебность к Иоанну Феофил выразил тем, что проехал мимо Софийского храма, не повидался с Иоанном, отклонил его приглашение принять приготовленное для него помещение[526] и поселился во дворце Плацидии, который был для него приготовлен друзьями. Он немедленно вступил в сношения со всеми врагами Иоанна и в числе их с теми знатными женщинами, которые вели против него интригу при дворе. На его благополучие, Аммония не было уже в живых; умер и другой из четырех «долгих братьев», Диоскор. Феофил принял в церковное общение двух остальных, посетил могилу Аммония, совершил торжественную панихиду и прославил его как идеал монаха. Таким образом, вопрос о суде над Феофилом сам собою устранился и обвинителей против него не было. Местом для предстоявшего Собора был избран дворец Руфина в Халкидоне, который был конфискован вместе с остальным его имуществом в 396 году. Дворец этот носил название «У Дуба» (ἐπί δρῦ). Список обвинений против Иоанна был давно составлен его врагами, и Феофил пригласил Иоанна и его архидиакона Серапиона на суд в Собор. Иоанн послал трех епископов и двух пресвитеров к Феофилу с заявлением о своем отказе явиться на суд в Собор, составленный из явных его врагов. От императора явились звать Иоанна на суд скороход и нотарий. Феофил держал заседание открытым, и так как Иоанн не явился, хотя за ним посылали четыре раза, то и был заочно осужден во всех взводимых на него преступлениях и объявлен низложенным.[527] Приговор Собора Феофил представил императору, указав при этом также на вину Иоанна в оскорблении величества, в суждении о чем епископы не считали себя компетентными.[528]

Император утвердил приговор и послал к Иоанну одного из своих комитов с вооруженным отрядом известить его, что он должен оставить церковь. Город был в страшном возбуждении во время суда над Иоанном, и огромная толпа народа охраняла церковь и своего пастыря днем и ночью. Лишь на третий день Иоанн подчинился изреченному над ним приговору. В прощании с паствой он делал жесткие намеки на враждебность к нему Евдоксии: «Иезавель неистовствует, и Илья убегает. Иродиада веселится и Иоанн заключается в узы...» А далее, уже прямо по адресу императрицы, выражался так: «Огрубевшая во плоти враждует против бесплотного, занятая омовениями, умащениями, мужем, враждует против чистой и непорочной Церкви. Но сама она будет сидеть вдовою еще при жизни мужа, потому что, будучи женщиной, хочет сделать вдовою Церковь...»[529]

Воспользовавшись временем полудня, когда толпа, охранявшая храм, поредела, Иоанн тайком от народа отдался в руки стражи и в глубокую ночь был препровожден на азиатский берег Босфора в Иерий. Опасаясь оставаться в соседстве своих врагов, Иоанн переехал по морю в поселок Пренет в Вифинии на Астаканском заливе.[530]

Когда стало известно об его отъезде, в городе началось страшное возбуждение. Епископ Севериан пытался на следующий день разъяснить народу справедливость изреченного над Иоанном приговора, но это лишь усилило возбуждение. Происходили сцены насилия и кровопролития. Зосим рассказывает об ужасном побоище в церкви, когда солдаты перебили монахов и затем избивали всех, кто был одет в черное. Погибло много лиц, носивших траур по своим родственникам.[531] Толпа направилась к дворцу и с грозными криками и воплями требовала возвращения Иоанна. Ночью во дворце случилось какое-то несчастье. Императрица увидела в этом наказание за удаление Иоанна; она сама написала ему письмо, оправдывалась перед ним, заявляла о своей непричастности к его делу, выражала свое уважение к нему и просила немедленно вернуться. Евнух царицы Брисон свез письмо в Пренет, где находился Иоанн.

---

[525] Sozomen. 8, 14.
[526] *Твор. Иоан. Злат.* 3, 551 (письмо Иоанна к папе Иннокентию).
[527] Sozomen. 8, 14-17.
[528] Акты этого Собора и список обвинительных пунктов сохранились. *Mansi.* 3, 1114-1148. Concilium ad quercum.
[529] *Johan. Chrisost.* op. P. G. 52, 443-448 *(Твор. Иоанна Злат.* II, 400).
[530] В письме к папе Иннокентию (3, 552) Иоанн говорит: «Насильно привели, насильно бросили в корабль».
[531] *Zosim.* 5, 23.

Население столицы с ликованием встретило Иоанна на Босфоре. Он не хотел вступить в город и задержался в гавани. Он сам указывал на затруднение, а именно: необходимость отменить соборное низложение раньше, чем ему можно будет вступить в церковь. Но возбуждение народа, вышедшего встречать Иоанна, было слишком сильно, и император сам просил Иоанна вступить в город и занять кафедру. Его провожала огромная толпа с зажженными свечами и пением гимнов. Вступив в храм и воссев на свою кафедру, Иоанн сказал блестящее слово, которое народ своими криками восторга не дал ему окончить.[532] С почтением говорил Иоанн об императрице и приводил отрывки из ее письма.[533] Феофил, которого толпа искала, чтобы утопить, бежал в Египет.[534]

Восстановившееся согласие между двором и патриархом было весьма непродолжительно. Поводом к ожесточению раздора послужило празднество, устроенное в день открытия серебряной статуи Евдоксии, которая была воздвигнута на порфирном пьедестале поблизости от здания сената и Софийского храма, с южной его стороны, близ церкви св. Ирины. По старым обычаям, соблюдавшимся при открытии статуй лиц императорского дома, такие празднества сопровождались играми и разными увеселениями с участием мимов и пантомимов, в присутствии двора.[535] Иоанн, громивший еще в Антиохии ристания и театральные представления, увидал в этом празднестве намеренное оскорбление Церкви и разразился грозной проповедью в обличение грешных забав. Императрица разгневалась и потребовала созвания Собора для обсуждения дела Иоанна. Со своей стороны Иоанн ответил пламенной проповедью, которая начиналась такими словами: «Опять беснуется Иродиада! Опять она пляшет! Опять требует главы Иоанна на блюде!..»[536] Двор прекратил сношения с патриархом. Некоторые из епископов, находившиеся раньше в общении с Иоанном, стали, под воздействием двора, на сторону его врагов. В праздник Рождества Христова император не сделал обычного выхода в Софийский храм и заявил Иоанну, что не будет иметь с ним общения, пока тот не оправдается перед собором в выставленных против него обвинениях. Собор состоялся, и мы имеем его акты.[537] Иоанн его игнорировал. По совету отсутствовавшего Феофила епископы заявили, что так как Иоанн был низложен решением Собора, то, на основании 4 и 12 положений Антиохийского собора 341 года, он не имел права вернуться на свою кафедру иначе, как после нового соборного решения, принятого в отмену прежнего постановления. Таким образом, пребывание Иоанна на кафедре является нарушением канонических правил.[538] Иоанну было передано это постановление Собора. Но он не подчинился ему и оспаривал применимость правил, принятых на арианском Соборе, осудившем Афанасия. Он перестал, однако, являться в храм и не выходил из епископского дома. В городе было тревожно. Приверженцы Иоанна устраивали сборища. Свидетельство об этом сохранилось в указе от 29 января, которым было воспрещено всем состоящим на службе принимать участие в «бунтарских сборищах» (tumultuaria conventicula), под угрозой отставки и конфискации имущества.[539]

Так прошел весь Великий пост. Незадолго до Пасхи Иоанну был передан приказ оставить церковь, так как он осужден двумя Соборами. Но Иоанн, объявил, что уступит только силе. В навечерие Пасхи, когда по старому обычаю совершалось крещение, в Софийский храм собралось огромное множество народа, и Иоанн вышел из своего заточения, чтобы совершить крещение и церковную службу. Но в храм вошли войска, произошло кровавое побоище, крещальня оросилась кровью, и иоанниты были вытеснены из храма.[540]: Приверженцы Иоанна собрались затем в банях Константина, но и оттуда были вытеснены военной силой вместе с совершавшими таинство епископами и священниками. И здесь произошло кровопролитие. В день Пасхи иоанниты собрались за городом в Ипподроме Константина, который назывался Деревянным цирком, Ξυλόκιρκος, и оградились против нападения частоколом.[541] Военный отряд был послан разогнать их, и вновь произошло

---

[532] В своем письме к папе Иоанн говорит, что он требовал созвания большего Собора, перед которым он был готов оправдаться в возводимых на него обвинениях. Грамоты о созыве Собора были, по его словам, разосланы императором. — *Твор. Иоан. Злат.* 3, 553. — Но Собор не состоялся.

[533] *Sozomen.* 8, 18.

[534] *Johan. Chrys.* Op. P. G. 52,433-448 *(Твор. Иоан. Злат.* 3,460). Царица писала: «Да не подумает твоя святость, что я знала о случившемся; я не повинна в крови твоей: люди злые и развращенные устроили эти козни; моих же слез свидетель Бог, которому я священствую...» «Я помню, что твоими руками крещены мои дети». И сам Иоанн называет ее так: «Матерь церквей, питательница монахов, покровительница святых, опора бедных». «Вчера, в поздний час она прислала ко мне человека с такими словами: „Скажите ему: молитва моя исполнилась; я достигла желаемого; я увенчана лучше, нежели диадемой; я восприняла священника, возвратила главу телу, кормчего кораблю, пастыря пастве, жениха брачному чертогу"».

[535] Надпись на пьедестале этой статуи сохранилась. Corp. Insc. Latin, 3, 736. — Роскошный характер подобных празднеств был старой традицией языческого культа, приносившегося особе императора. Позднее, в 425 году, при Феодосии Младшем, был издан указ, по которому сохранялись игры по поводу постановки статуи императорского дома, но воспрещались излишества. — excedens cultura hominum dignitatem superno numini reservetur. — Cod. Theod. 15, 4, 1.

[536] *Socrat.* 6, 18; *Sozomen.* 8, 20; *Johan. Chrys.* Op. P. G. *59,*485: πάλιν ταράττεται, πάλιν ὀρχεῖται, πάλιν ἐπιζηεῖ τήν κεφαλήν 'Ιωάννου ἀνόμως ὑπό 'Ηρωδου ἀπδτμηθῆναι. *Theoph.* 79.

[537] *Mansi.* 3, p. 1157 сл.

[538] *Sozomen.* 8, 20.

[539] Cod. Theod. 16, 3, 4.

[540] *Sozomen.* 8, 21.

[541] Этот цирк находился поблизости от Босфора, к северу от предместья Сикки (Пера).

кровопролитие. Такое тревожное состояние длилось до дня Св. Троицы. Иоанниты, лишенные кафедрального храма, собирались, где могли. Епископский дом, где жил Иоанн, охраняла большая толпа народа днем и ночью. Было два случая покушения на Иоанна. Так думали его приверженцы. Второй покушавшийся, раб пресвитера Ельпидия, убил во время бегства несколько ни в чем не повинных людей. Префект города арестовал его и отказался выдать иоаннитам. 10 июня епископы Акакий и Антиох настояли перед императором на удалении Иоанна силой. Об этом было дано знать Иоанну. Но прошло еще десять дней, и только 20 июня Иоанн, простившись с друзьями и преданными ему диаконисами, вышел из дома не в ту сторону, где его ожидали, и, отдавшись в руки властей, был перевезен на азиатский берег Босфора.

Когда весть об этом распространилась, часть толпы бросилась к берегу моря, другая, находившаяся в храме св. Софии, была окружена военной силой. Сломав двери, толпа повалила из храма, и в эту пору начался в церкви пожар с кафедры, на которой проповедовал Иоанн. Сгорел Софийский храм и расположенное между храмом и дворцом здание сената, богато украшенное роскошными мраморами и большим количеством великолепных статуй. Перед входом в него стояли знаменитые древние изваяния: Зевс Додонский и Афина из Линда. На них капал свинец с растопившейся от пожара крыши храма, и оказалось потом, что эти статуи остались под свинцом невредимыми. Но статуи девяти Муз, привезенные при Константине из Геликона, погибли во время этого пожара.[542]

26 июня 404 года был поставлен патриархом Арзакий, человек очень старый, брат предшественника Иоанна, Нектария. Иоанн был сослан в город Кукуз в Армении. Выбор места ссылки, по его словам, принадлежал императрице.[543] Иоанниты и их враги взаимно взваливали друг на друга вину происшедшего бедствия.[544] Было снаряжено расследование дела и суд под председательством префекта города, Оптата. Многие видные лица из числа приверженцев Иоанна были признаны виновными и подвергнуты разным наказаниям. В числе привлеченных к суду была и диакониса Олимпиада. Знатная и богатая по происхождению, Олимпиада была дочерью невесты императора Константа, бывшей впоследствии в замужестве с армянским князем.[545] Олимпиада была наказана крупным штрафом и, покинув столицу, переселилась в Кизик. К лицам низшего положения суд был строже.[546] Так, один пресвитер, по имени Тигрис, по происхождению варвар-вольноотпущенник, подвергся телесному наказанию и умер на пытке. Чтец Евтропий, совсем молодой человек, после страшных телесных истязаний умер в тюрьме. Пострадало много лиц разного положения, одни — по суду, другие — во время военных репрессий, разгонявших собрания иоаннитов. По свидетельству современника, знавшего лично многих из пострадавших, солдаты позволяли себе разные бесчинства: срывали богатые одежды с женщин, рвали с них ожерелья, пояса, вырывали серьги из ушей, а иногда и вместе с ушами.[547] Из этого последнего сообщения следует заключить, что мятежные собрания иоаннитов продолжались и правительство принимало против них строгие меры. Указ от 11 сентября, обращенный к городскому префекту, повелевает взыскивать штраф в 3 фунта золота с хозяев, рабы которых будут участвовать в мятежных сходках; городские корпорации за участие своих членов в сходках подлежат уплате штрафа в 50 фунтов золота.[548] Своими проповедями против сильных и богатых Иоанн вызвал брожение в низшем классе населения столицы и являлся в глазах правительства демагогом. А тот фанатизм, который обнаружили его приверженцы во время его удаления, объясняет строгость мер в отношении иоаннитов и самого пастыря. Иоанн имел приверженцев не только в столице, но и в городах Малой Азии, которые устраивали ему по пути кое-где торжественные встречи, о чем он сам помянул в письмах к друзьям с дороги.[549] Считая его низложение незаконным, иоанниты отказались от общения с патриархами Константинопольским, Антиохийским и Александрийским и были настолько многочисленны, что грозили явиться новой сектой. 18 ноября 404 года был издан указ на имя префекта претория Востока, в котором было повелено правителям провинций воспрещать частные собрания тем, кто не признает патриархов Арзакия, Феофила и Порфирия.[550] Таким образом, волнение, вызванное Иоанном, захватывало широкий круг, не ограничиваясь столицей, и имело в глазах правительства вид церковного раскола.

Путешествие Иоанна на место ссылки затянулось на несколько месяцев — отчасти вследствие постигшей его тяжкой лихорадки, а также и тех задержек, которые вызывали разбойничавшие по всей Малой Азии исавры. Он испытал по дороге большие неприятности от Леонтия, епископа Анкиры, и Феретрия — Кесарии Каппадокийской. По наущению Феретрия, на дом, где жил Иоанн, сделали нападение монахи, отбитые военным конвоем, сопровождавшим Иоанна. Одна благочестивая почитательница Иоанна хотела дать приют больному изгнаннику на своей вилле в 5 милях от Кесарии; но феретрий заставил удалить его среди ночи под предлогом слуха о нападении исавров. Иоанн посылал с пути письма многочисленным своим друзьям в столице и с

---

[542] *Zosim*. 5, 24.
[543] Письма Иоанна, 112,3, 729. «Я пишу это письмо из Кукуза, куда велела сослать нас императрица».
[544] *Zosim.* 5, 23-24.
[545] *Pallad.* Hist. Lausiaca, cap. 144. — Рассказывая о ее добрых делах, автор называет ее «драгоценным сосудом Духа Божия».
[546] Жестокость наказаний Сократ (6, 18) объясняет тем, что Оптат был язычником.
[547] *Socrat.* 6, 18; *Sozomen.* 8, 20 и сл.
[548] Cod. Theod. 16, 4, 5.
[549] *Твор. Иоан. Злат*. 3, 729.
[550] Cod. Theod. 16. 4. 6.

особенной нежностью и заботой обращался к Олимпиаде. Зная ее преданность и нежную заботу о нем, он скрывал от нее те бедствия, которые постигли его в пути и о которых сообщал другим друзьям, утешал, стараясь поднять ее дух из того уныния, в которое она впала, и главной темой, особенно первых писем, ставил положение о духовной радости как состоянии истинного христианина во всех постигающих его бедствиях. Он написал ей с дороги 17 писем[551]

В конце 404 года Иоанн прибыл в Кукуз, который называл «самым пустыннейшим местом всего нашего государства». Около того времени, когда Иоанн прибыл на место ссылки, умерла императрица Евдоксия, которую общественное мнение считало виновницей всех злоключений Иоанна. Ее смерть не изменила ни в чем положения дела об иоаннитах, которое находилось в руках светской власти, продолжавшей всякие виды кар против привлекаемых к суду лиц разного положения.

Жизнь на армянской окраине империи была в ту пору весьма тревожна вследствие бесчинств, которые там производили разбойничьи шайки исавров. Спасаясь от их нападений, население бежало в горы. Одно время и сам Иоанн укрывался в городе Арависсе, лежавшем в той же провинции. С места своего изгнания Иоанн вел обширную переписку и обращался, между прочим, к Анфимию, по поводу вступления его в консульство, а также к евнуху Брисону, с которым у него когда-то были близкие отношения. Надежда на возвращение не покидала Иоанна, как видно из его распоряжений пастырского характера. Он хлопотал, и успешно, о том, чтобы в Финикию были посланы миссионеры для борьбы с язычеством,[552] просил задержать назначение епископа готам вместо поставленного им Унилы, который в ту пору скончался.[553] Он писал также и папе Иннокентию и нескольким благочестивым знатным женщинам в Риме, принимавшим участие в его приверженцах, которые нашли у них приют.

Находясь в изгнании, Иоанн задавался широкими планами утвердить христианство в Персии. Для этого ему нужна была помощь епископа Мартирополя Маруфы; но тот был в числе его врагов и отверг приглашение повидаться. Патриарх Арзакий, его преемник, не пробыл на кафедре и двух лет. Его сменил Аттик. При нем, в 407 году, в связи с нескончаемым следствием по делу о иоаннитах, Иоанн был сослан еще дальше, в крепость Питиунт (Пицунду), на крайний предел империи на северо-востоке. На пути к этому отдаленному месту изгнания Иоанн скончался в городе Команах 14 октября 407 года.[554]

Еще в ту пору, когда Иоанн упорно боролся против своих врагов и не уступал им поля битвы, он обратился с посланием по своему делу к римскому папе Иннокентию.[555] Четыре верных Иоанну епископа отвезли его послание в Рим, и папа принял дело близко к сердцу. Он признал деяния Феофила противоречащими канонам и, по соглашению с императором Гонорием, ответил Иоанну, обратился также с посланием к Аркадию и клиру Константинопольской церкви.[556] Он осуждал насилие, произведенное над Иоанном, и приписывал вину императрице Евдоксии, которую честил именем «новой Далилы», предательницы Самсона.[557] Император Гонорий обратился со своей стороны с письмом к брату. А когда в Риме были получены более подробные сведения о происшедших ужасах и туда прибыло много пострадавших от преследования иоаннитов, то во втором письме Гонорий изливал целый ряд упреков о кровавых бесчинствах и насилиях, омрачивших святость дня Пасхи, заточении священников, убийствах в самой церкви, скорбел о пожаре храма, в котором хранились приношения их отца, императора Феодосия, и резко упрекал брата за рабство у женщины.[558] Аркадий почтительно ответил папе, просил его «иметь в своей любви» как его самого, так и его супругу, и сообщал, что он так строго наказал Евдоксию, что та захворала и слегла в постель.[559] 6 октября 404 года Евдоксия скончалась и была погребена в храме св. Апостолов.[560]

Папа смотрел надело Иоанна как на чисто церковное, подлежавшее церковной юрисдикции,[561] а потому и настаивал на необходимости рассмотреть его на Соборе, местом которого предлагал избрать Фессалонику, принадлежавшую к его патриархату. В Константинополь было отправлено посольство из четырех епископов и двух пресвитеров с целью договориться насчет созыва Собора. Но в Константинополе смотрели на дело иначе, и враги Иоанна были в силе. Близ Афин корабль, везший легатов папы и с ними нескольких восточных епископов, побывавших в Риме, был встречен двумя военными кораблями, и командовавший ими трибун потребовал, чтобы

---

[551] *Твор. Иоан. Злат.* 3, 565-649.
[552] Ib. 3, 805, письмо к Порфирию.
[553] 14-е письмо к Олимпиаде, 3, 644.
[554] *Sozomen.* 8, 18.
[555] *Mansi.* 3, 1113-14.
[556] *Sozomen.* 8, 26.
[557] *Mansi.* 1119; nova autem Dalila Eudoxia, quae paulatim te erroris seu seductionis novacula totondit, exsecrationem ex multorum ore sibi induxit, grave et quod gestare nequibat peccatorum pondus colligens atque id prioribus peccatis suis superaddens.
[558] Ib. P. 1121.
[559] Ib. P. 1122: καί αὐτῆ (Eudoxiae) ἀντακαπέδωκα κατά τό σφάλμα αὐτῆς οὐ μετρίως, ὡς ἐκ τῆς τοιαύτης λύπης καί θλίψεως ἐν ἀρρωστία βαρυτάτή κατακεῖσθαι αὐτήν.
[560] Chron. Pasch. 569.
[561] Ib. 1121. Si quid de causa religionis inter antistites ageretur, episcopate oportuit esse iudicium. Ad illos enim divinarum rerum interpretatio, ad nos religionis spectat obsequium.

посольство пересело на его суда. Корабль легатов был отослан в Афины. Трибун доставил послов в Константинополь; но им было запрещено высадиться в городе: их провезли в Афиру на фракийском берегу[562] и заточили в крепости. Там у них силой отняли письма к императору и, продержав некоторое время в заточении, отослали в обратное плавание под охраной военной команды. Плохое состояние корабля заставило заехать в Лампсак, откуда папские послы уже на другом судне и, вероятно, без военной охраны прибыли после 20-дневного плавания в Гидрунт в Калабрии (Отранто).

Так закончилась попытка папы заступиться за Иоанна. Гонорий в третьем письме упрекал брата за столь неуважительное отношение византийского двора к послам и нарушение обычаев.[563] Папа Иннокентий продолжал решительно и твердо стоять за Иоанна и прервал церковное общение с тремя восточными патриархами, которые дружными усилиями боролись против иоаннитов. Тяжкие внешние беды, постигшие вскоре Италию, прервали на некоторое время общение Востока с Западом. Только после того, как сменились представители Антиохийской и Александрийской кафедр и была восстановлена память Иоанна на Востоке, восстановилось и церковное единство. Тридцать лет спустя после смерти Иоанна его останки в торжественной процессии были принесены в Константинополь и водворены в храме св. Апостолов. Это случилось 27 января 438 года, и кроткий сын Евдоксии, император Феодосий, молился на гробе святителя за грехи своей матери.[564]

РАЗБОИ ИСАВРОВ. СМЕРТЬ АРКАДИЯ

На южном побережье материка Малой Азии, между Памфилией на западе и Киликией на востоке, лежала горная область, населенная диким племенем исавров. Неприступные и непроходимые горные ущелья, наполнявшие эту страну, скалистый и опасный для плаванья берег содействовали тому, что население мало поддавалось воздействию греческой культуры и сохраняло за собой с глубокой древности громкую славу диких разбойников как на суше, так и на море. Хотя эта область вошла, как и соседние страны, в круг воздействия эллинизма, но внутри ее население оставалось диким. Римляне были вынуждены столкнуться с исаврами впервые в 78 году до Р. Х., и титул Isauricus украсил победителя исавров Сервилия. Со времени этого похода Исаврия считалась покоренной страной, но не была тогда же обращена в провинцию, и вскоре, по действовавшим тогда порядкам, была предоставлена в управление царю Галатии Аминте вместе с остальными территориями, расположенными к югу от Галатии. С постепенным исчезновением греческих царств и династий в пределах Малой Азии Исаврия стала римской провинцией и составила одно целое с Ликаонией, лежавшей на север от нее.[565] В тяжкое время разложения римского государства при Галлиене исавры отложились от империи и поставили императором некоего Требеллиана, который укрепился в неприступных горных твердынях и в течение нескольких лет отстаивал свою независимость. Полководцу Галлиена Камсисолею, исавру, судя по имени, удалось выманить его на равнину и разбить. В течение некоторого времени затем непокорная и неприступная страна была окружена военным кордоном и считалась варварской землей.[566] Император Клавдий, счастливый победитель готов на Балканском полуострове, сделал попытку выселить исавров из их гор на равнину Киликии. Император Проб имел дело с исаврийскими разбойниками по пути своего похода на Восток. Разбив и предав казни знаменитого тогда разбойника Пальфруерия, он предоставил в собственность ветеранам более открытые долины в предгорьях, обязав их ставить с 18 лет своих сыновей на службу, чтобы они не превращались в разбойников. Среди пленных, которые украсили его триумф, были также и исавры.[567] В пору Диоклетиана Исаврия образовала самостоятельное административное целое. Дикие нравы населения делали невозможным провести в отношении к этой области разделение гражданской и военной власти, и во главе управления Исаврии стоял командир военной силы, расположенной внутри страны в отдельных крепких пунктах.[568] Большая часть этой области не признавала над собой ничьей власти, и население пребывало в первобытной дикости. Слава разбойников прочно держалась за исаврами, а от половины IV века Аммиан Марцеллин сохранил подробные сведения о тех страшных разбоях, какие они производили время от времени в соседних провинциях. Собираясь в шайки, исавры с чрезвычайной быстротой и невероятной наглостью предпринимали походы в соседние области, грабили и разоряли мирное население, не останавливались иногда и перед стенами укрепленных городов. Их дикая отвага, быстрота и особое умение преодолевать всякие трудности перехода через крутые горы делали их неуловимыми для регулярной армии, и римская власть ограничивалась в отношении к разбойникам лишь тем, что старалась загонять их в родные ущелья, не тревожа в их собственной неприступной стране. В обеспечение мира правительство требовало от исавров заложников, что, однако, недостаточно обеспечивало спокойствие с их

---

[562] Буюк-Чекмедже.
[563] *Mansi.* 3, 1123.
[564] *Marc. Com. s.* a. (Chron. min. II 79.
[565] *Strab.* 12, 6, 5.
[566] Hist. Aug. Triginta tyranni, 26, Trebelianus.
[567] Hist. Aug. v. Probi, 16. 20.
[568] Notitia dign. Oriens, c. 26. Во главе управления стоит comes per Isauriam и имеет под своим командованием два легиона: Secunda Isauria и Tertia Isauria (первый исаврский легион, sagittaria, — входил в армию магистра армии Востока, cap. 6).

стороны.[569] Последний из описанных у Аммиана Марцеллина набегов исавров относится к 368 году.

В 403 году, собравшись с силами после долгого затишья, исавры вновь зашевелились. Их шайки появились сначала в Киликии, прошли оттуда в Сирию и грабили население до самых границ с Персией; на западе они опустошали Ликию и Памфилию, на севере Писидию и Ликаонию, проникли оттуда в Каппадокию и дошли до самого Понта.[570] Это бедствие было тем тяжелее, что оно захватило и те области, которые лишь недавно терпели грабительские подвиги Трибигильда и его дружин. Более трех лет продолжали исавры свои разбои. Когда Иоанн Златоуст был на пути к месту изгнания в году, слухи о появлении этих разбойников провожали его по всей Каппадокии. В Кесарии Каппадокийской сделана была остановка, так как поблизости хозяйничали исавры и все военные силы выведены были из города для борьбы с разбойниками.[571] Одно тяжелое приключение, едва не стоившее жизни Иоанну, близ Кесарии Каппадокийской, имело причиной слух о появлении исавров поблизости от города. В письмах к друзьям с места изгнания в 406 и 407 годах Иоанн очень часто поминает о тех бедствиях, какие причиняли исавры на далекой окраине империи.

Зима и морозы не останавливали предприимчивых разбойников; население покидало дома, пряталось в горных ущельях, надеясь там найти убежище от нападения варваров. «Никто не смеет теперь, — пишет Иоанн к Полибию, — жить дома, и всякий, покидая свое жилище, спешит куда-нибудь укрыться. В городах остаются только стены и крыши, а леса и ущелья становятся городами... Мы, жители Армении, принуждены каждый день перебегать с места на место, проводя жизнь каких-то номадов и не смея нигде остановиться... Кого найдут дома, тех режут, жгут, обращают из свободного состояния в рабство».[572] В другом письме, обращенном к Ельпидию, читаем: «Мы никак не можем установиться на одном месте, но живем то в Кукузе, то в Арависсе, то в каком-либо ущелье, или где-нибудь в пустыне: до такой степени всюду здесь царствует смятение и тревога. Огонь и железо пожирают все — и людей, и жилища; целые города истребляются окончательно вместе со всем народонаселением».[573] В письме из Арависса к диакону Феодоту Иоанн пишет: «Стеснительность нашего осадного положения увеличивается с каждым днем... Однажды отряд исавров в 300 человек ворвался в город среди самой ночи, сверх всякого чаяния и ожидания, и едва не захватил и нас».[574] В другом письме к Феодоту: «С наступлением весны расцвели и ужасы их нашествия. Они разлились по всей стране и сделали совершенно непроходимыми все большие дороги. Несколько благородных женщин взято ими в плен; несколько известных людей убито».[575] Так действовали безнаказанно разбойники в пограничной области в течение нескольких лет.

Историки не сохранили упоминаний о мерах правительства в борьбе с этим бедствием. Только Зосим помянул, что в Памфилию, в начале нашествия, был послан военачальник Арбазакий, армянин по происхождению. Он очистил страну от исавров и загнал в их родные ущелья, недоступные для римских войск.[576] Отличаясь большим корыстолюбием, Арбазакий брал выкуп с разбойников и позволял себе всякого рода вымогательства в отношении местного населения. Когда в Константинополь дошли о том вести, Арбазакий был отозван и находился в опасности подвергнуться судебной ответственности. По словам Зосима, он избежал этого тем, что поделился награбленным добром с императрицей Евдоксией.[577] Человек диких страстей, Арбазакий вел распущенную жизнь и держал при себе огромный штат певиц и плясуний.[578]

Борьба с исаврами продолжалась долго. Захваченные разбойники подлежали суду правителей провинций, и количество пойманных было весьма велико. Сведение об этом дает один указ от 408 года, изданный за несколько дней до смерти Аркадия. Судьям было предписано не прекращать разбирательства по делу о разбойниках ни в дни Четыредесятницы, ни даже святой Пасхи.[579]

Одновременно с тем, как исавры опустошали малоазиатские провинции, города африканского побережья к западу от Египта сильно страдали от нападений варваров пустыни. С 404 по 407 год повторялись нашествия племен мазиков и авзуриан.[580] В письмах епископа Кирены Синезия сохранились живые и горькие жалобы на недостаток военной охраны, нераспорядительность и трусость командиров, уклонявшихся от встречи с врагом. Привычное к этим бедствиям население само принимало меры защиты и, как могло, оборонялось от

---

[569] *Амм. Марц.* 1. 9-15 (15, 2); 282-283 (19, 13); 3, 75-76 (27, 9).

[570] *Malala.* 363; Theodosio et Remorio cos., т. е. 403 год, но в тексте это событие по ошибке помещено в правление Феодосия. Зосим (5, 15) дает 404 год.

[571] *Philostorg.* 11,8.

[572] Письмо 114, 3, 2. 732.

[573] Письмо 118, с. 735.

[574] Письмо 122, с. 739.

[575] Письмо 127, с. 743.

[576] Synes. Ep. 134 — поминает о деятельности этого полководца, называя его Артабазином.

[577] О корыстолюбии царицы и обидах от нее частным лицам сохранились свидетельства в позднейших обработках жития Иоанна Златоуста, см.: *Symeon. Metaohr.* v. Job. c. 31 (P.G. 114).

[578] *Eunap.* Frg. 81; 86: *Zosim.* 5, 25.

[579] Cod. Theod. 9, 35, 7. Ne differatur sceleratorum proditio consiliorum, quae per latronum tormenta quaerenda est, cum facillime in hoc summi numinis speretur venia, per quod multorum salus et incolumitas procuratur.

[580] *Philostorg.* 11, 7-8. (Αὐξωριανοί, у Синезия — Αὐσουριανοί, у Амм. Марц. — Austoriani — 3, 15 (26, 1, 5); 3, 130 (28, 6, 2).

насильников.[581]

В апреле месяце 407 года столицу постигло землетрясение, причинившее страшные бедствия не только на суше, но и на море. Это несчастье широко огласилось в христианском мире.[582] Отношения к Западной империи были весьма обострены в эту пору в связи с делом Иоанна Златоуста и тяжкой обидой, нанесенной послам папы. Вражда со Стилихоном, руководившим политикой западного двора, еще более обострилась: он был объявлен врагом государства (hostis publicus), и это было сделано на основании решения, принятого на заседании сената.[583] Со своей стороны Стилихон закрыл для кораблей с Востока итальянские порты. Дело грозило дойти до междоусобной войны. Стилихон надеялся опереться на помощь Алариха, с которым вступил в более тесные сношения еще после первого его похода в Италию. Но тяжкие внешние беды, постигшие Западную империю, задержали приготовления Стилихона, и вмешательство Запада в дела Востока не состоялось. Политику восточного двора направлял в ту пору Анфимий, занимавший пост префекта претория Востока и пользовавшийся полным доверием императора.

Аркадий умер 1 мая 408 года на тридцать первом году жизни.[584] О предсмертных распоряжениях Аркадия Прокопий рассказывает так. — Когда слабый умом и телом Аркадий стал чувствовать приближение смерти, его смущала мысль о судьбе сына Феодосия, малолетнего соправителя и будущего преемника, которому шел 8-й год. Он боялся назначить кого-либо соправителем, опасаясь, что в таком случае, кого бы он ни выбрал, сын его будет совершенно устранен от наследования. Поэтому в своем завещании Аркадий написал одно лишь имя своего сына как законного наследника и преемника верховной власти. Никого из родных Аркадия не было в Константинополе, его жена была в гробе с 404 года; на помощь брата он не мог рассчитывать, тем более что в связи с делом Иоанна Златоуста отношения между обоими дворами были весьма натянуты и даже враждебны. Аркадий опасался, что сильные люди из придворной знати воспользуются малолетством императора, выступят претендентами на власть и положат конец династии Феодосия. Тревожили его также опасения насчет всегда враждебных империи персов. И вот он, «человек вообще не мудрый, по совету ли более умных, или по чьему-то внушению», назначил в своем завещании царя Персии Иездигерда опекуном Феодосия и включил в текст завещания усердную просьбу о том, чтобы Иездигерд обеспечил престол Феодосия. Получив завещание Аркадия, Иездигерд отнесся к его просьбе самым сочувственным образом. Он гарантировал империи мир на восточной границе и обратился с письмом к сенату, грозя войной, если случится какое-либо посягательство на трон Феодосия.[585]

Продолжатель Прокопия, Агафий, воспроизводит это свидетельство, но относится к нему с недоверием.[586] Феофан в своей хронике добавляет к сообщению Прокопия сведение, что Йездигерд прислал в Константинополь своего доверенного человека, Антиоха, с письмом к сенату такого содержания: «Так как Аркадий скончался и поставил меня опекуном (κουράτορα) своего сына, то я послал человека, который будет моим заместителем в этом деле. Итак, пусть никто не дерзнет злоумышлять на отрока, чтобы я не начал непримиримой войны против римлян». Антиох поселился во дворце и был неотступно при Феодосии до самой своей смерти.[587] Это свидетельство воспроизвел Никифор Каллист,[588] а Кедрин прибавил сообщение, что Аркадий послал Иездигерду тысячу фунтов золота.[589]

Еще со времени Тильмона все это сообщение вызывает недоверие историков Византии.[590] Вряд ли, однако, есть основания считать его вымыслом.[591] При Аркадии отношения империи к Персии были упрочены неоднократными посольствами. Одно из них исправлял тот самый Анфимий, который был затем в течение нескольких лет регентом в малолетство Феодосия.[592] Епископ города Мартирополя в Месопотамии Маруфа несколько раз посещал двор Иездигерда и пользовался его вниманием в своих ходатайствах за христиан в Персии.[593] Нет ничего невероятного и в сообщении Кедрина о тысяче фунтов золота, посланных Аркадием, так как, помимо обычных подарков, которыми обменивались дворы во время посольств, империя давно платила деньги персам за охрану кавказских проходов от вторжения варваров с севера. Так как Прокопий ничего не знает

---

[581] *Synes.* Ep. 40; 61; 107; 108; 122 (военный подвиг диакона Фауста); 125 и др.

[582] Chron. Pasch. 570. *Philostorg*. 11, 7. Сюда относится упоминание о всенародном покаянии Константинополя у блаж. Августина в его речи по поводу взятия Рима Аларихом. *Augustin*. De excidio urbis, 6-7.

[583] *Zosim.* 5, 11, 2.

[584] *Socrat.* 7, 1; *Theoph.* 80. — дана другая дата: 22 августа.

[585] *Procop.* b. Pers. 1, 2.

[586] *Agath.* 4, 26.

[587] *Theoph.* 88, 8 — 20; — 82, 4.

[588] *Nic. Call*. XV, 1.

[589] *Cedr.* 1,586. — Евфремий в стихотворном обзоре истории по императорам поминает об опекунстве Иездигерда, ст. 705-708. Бон. изд.

[590] Новейшая работа по этому вопросу: *Sauerbrei.* Jazdegerd der Sunder, als Vormund des byz. Kaisers Theodosius. (Festschrift Alb. v. Bamberg). Gotha, 1905.

[591] *Haury* в рецензии на работу, названную в предыдущем примечании, — Byz. Zeitschift, XV (1906), с. 291 -294 — считает рассказ Прокопия вполне правдоподобным.

[592] *Theodoret.* Hist, relig. VIII. Aphraates. (P. G. 82. P. 1369).

[593] *Labourt.* Le Christ, dans l'Empire Perse. Paris, 1904. P. 87~92.

об Антиохе в роли воспитателя Феодосия, то, очевидно, Феофан заимствовал свое сведение не из Прокопия, а из какого-то общего источника. Не лишено значения и то, что Феофан употребил греческое слово κουράτωρ в смысле опекун.[594] В дипломатических сношениях с персами в ту пору, по всей вероятности, оставался еще в употреблении латинский язык по старой традиции прежнего времени, и можно думать, что Феофан в своем источнике нашел этот термин. О том, что Антиох состоял при Феодосии, знает и Малала, который, впрочем, смешал этого Антиоха с другим евнухом того же имени.[595] Вероятность обращения Аркадия к персидскому царю с просьбой об опеке малолетнего преемника подтверждается и тем, что сто лет спустя с подобной просьбой обращался к Юстину персидский царь.

НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В год смерти Аркадия Западная Римская империя пережила страшный кризис, который оказался началом конца ее существования. До этого времени бразды правления при Гонории держал Стилихон. Свое влияние на слабого императора он старался поддержать и тем способом, о котором мечтал когда-то Руфин на Востоке. Он выдал в 398 году за Гонория свою старшую дочь Марию. Подавляя силой своего авторитета слабого императора и пользуясь правом опекуна в направлении государственных дел, Стилихон следовал политике Феодосия, «друга готов», и расширял ее также на варваров других национальностей, помимо готов. Он имел личные сношения с царями разных варварских народов, как германцев, так и гуннов, кочевавших в придунайских равнинах. Как магистр обоих разрядов армии, т. е. пехоты и конницы, единый главнокомандующий всех сил Западной империи, он привлек в свое окружение огромное число варваров в качестве личной дружины. С Аларихом он вступил в сношения во время его грабительского похода в Фессалию и Ахайю. Два раза Стилихон, являвшийся как бы для войны с Аларихом, выпускал его, не открывая военных действий. Историки, близкие по времени к тем событиям, сохранили толкование поступков Стилихона в том смысле, что он желал при помощи Алариха присоединить к Западной империи всю префектуру Иллирика, не довольствуясь Далмацией и Паннонией.

Аларих закончил свой поход на юг тем, что водворился со своими готам на новом месте, которое доселе не страдало от варварских нашествий, в Эпире, в области феспротов, молоссов и приморского города Эпидамна, который назывался теперь Диррахием.[596] Его грабежи и разбои не только остались безнаказанными, но Евтропий не нашел иного выхода из трудного положения, как предоставить Алариху сан магистра армии в Иллирике с соответственным окладом и содержанием для его дружины, как солдат империи.

В течение нескольких лет Аларих смирно держался в новом месте, а весной 401 года предпринял поход на север, прошел в Италию и в ноябре месяце осадил Аквилею. Стилихон отправился за Альпы, заключил договор с германцами, занявшими Рецию, и, получив от них вспомогательные силы, вернулся в Италию, стянул бывшие в Италии войска и выступил против Алариха, который взял между тем несколько городов и угрожал Медиолану, где находился тогда император. Оставив Медиолан, Аларих направился далее на запад, чтобы перейти По и двинуться на юг. Близ города Гасты (Асти) Аларих потерпел небольшой урон и отошел к Полленции. Здесь, в самый день Пасхи, 6 апреля 402 года, один из подчиненных Стилихону полководцев, Саул, язычник по религии, напал на готов, которые не ожидали сражения в этот день, и в упорной битве нанес им поражение. Лагерь Алариха с женами и детьми и вся добыча, награбленная готами, достались победителям. После этого начались переговоры, окончившиеся тем, что Аларих получил беспрепятственный пропуск для обратного похода в Иллирик. Вопреки договору он сделал по пути нападение на Верону, но был отбит. Затем он предпринял попытку пройти на север через проход, который ныне носит название Бреннера, но был отбит эрулами, и войско его здесь сильно страдало от голода и эпидемических болезней. После этих неудач Аларих вернулся в Эпир. Стилихон, имевший свои виды на Иллирик, вступил в сношения с Аларихом и рассчитывал на его поддержку в случае осуществления похода на Восток.[597] Но предположениям Стилихона не суждено было осуществиться.

В 406 году случилось страшное нашествие на Италию с севера под предводительством Радагайса. В сборных дружинах этого воителя главную массу составляли, по-видимому, готы. Стилихон опять вызвал на помощь варваров из-за Альп. Гунны явились под предводительством Ульдиса, готы — Сара, а кроме них были также и аланы. Стилихон стянул в Тицин тридцать полков римской армии.[598] Производя страшные опустошения, полчища Радагайса прошли в область реки По и перебрались за Апеннины. Но Стилихону удалось искусными маневрами запереть главную массу близ крепости Фезулы (Фиезоле) и голодом принудить их к сдаче.[599] Из огромного числа сдавшихся и взятых в плен Стилихон набрал в свою дружину 12 тысяч человек, которые

---

[594] Ср.: Institut. lust. 1, 23.
[595] *Malala.* 361.
[596] *Zosim.* 5, 26.
[597] *Sozomen.* 9,4. — утверждает, будто Стилихон предоставил Алариху сан магистра армии от западного двора. Едва ли это верно, так как было бы непонятно, почему Гонорий в 408 году так упорно отказывал Алариху в этом звании.
[598] *Zosim.* 5, 26, 6.
[599] *Paul. diac.* 12. У Зосима (5, 26) здесь странное недоразумение: он говорит, что Стилихон отправился за Дунай и там разгромил варваров.

названы у Олимпиодора «оптиматами».[600] Множество пленных варваров продано было в рабство по очень дешевой цене; однако спекуляция этими дешевыми рабами оказалась убыточной, так как между варварами была страшная смертность.[601] Уничтожение орд Радагайса и освобождение Италии от страшной опасности упрочило положение Стилихона, и он помышлял теперь осуществить свой давний план явиться в Иллирик и присоединить всю эту префектуру к Западной империи.

В ближайшей хронологической связи с нашествием Радагайса стоит событие, роковое по своим последствиям для судьбы испанских провинций, а именно переселение вандалов, а вместе с ними свевов и алан на Запад. Вандалы, с разрешения императора Константина, поселились после страшного поражения, нанесенного им готами, в провинции Паннонии. К северу от них, на левом берегу Дуная, жили свевы, которые еще с первого века нашей эры имели постоянные отношения к империи. Аланы — имя, сменившее старый термин «сарматы», жили в равнинах между Тисой и Дунаем и находились в близком общении с германскими племенами свевов и квадов. Это общение сказалось в том, что германцы усвоили от них нравы и обычаи конных кочевников.[602] Вандалы поднялись всем племенем, к ним присоединились свевы и часть алан.[603] Вся эта масса народа в 406 году передвинулась на Рейн, чтобы искать новых мест для поселения в Галлии. Франки, которые давно уже упрочились в области нижнего Рейна и широко распространили свои владения на территории Галлии, отразили эту новую волну варваров и особенно тяжкое поражение нанесли вандалам.[604] Последствием этого было отклонение в направлении нашествия к юго-западу. Часть алан с царем Гоаром во главе вступила в соглашение с римскими властями и получила для обитания территорию в средней Галлии. Позднее, в V веке, аланы оказываются на среднем течении Луары и имеют своим центром город Аврелиан (Орлеан). Вину этого нашествия современные писатели возлагают на Стилихона, который ничего не предпринял для отражения своих соплеменников.

Появление вандалов, свевов и алан в Галлии имело своим последствием то, что в Британнии войска отложились от Гонория и выставили одного за другим трех претендентов на императорский сан. Двое первых были убиты, а третий, Константин, переправился с войсками через пролив в Бононию (Булон), был признан императором сначала в северной Галлии, а затем и на юге страны. Стилихон послал против него за Альпы Сара, которому удалось разбить войска Константина, состоявшие под начальством вождя Юстиниана, и запереть самого Константина в Валенции. На седьмой день осады Сар вынужден был, однако, снять осаду и спешно возвратиться назад в Италию. События эти относятся к 407 году. Упрочившись теперь в своем положении, Константин занял альпийские проходы и перенес свою резиденцию в Арелат.[605] Вторгшимся в Галлию варварам он нанес поражение, заключил с ними договор и занял опять границу на Рейне, чтобы оградить страну от новых нашествий. В Испании, куда Константин отправил своих людей, войска признали его императором, и, таким образом, вся префектура Галлии была, казалось, потеряна для Гонория. Находившиеся в Испании два родственника Гонория, Дидим и Верениан, сумели организовать военную силу из поселян и рабов и заняли проходы в Пиренеях, чтобы не допустить туда Константина и сохранить Испанию для Гонория.

Одновременно с тем, как развивались эти события, Стилихон из Равенны сносился с Аларихом, чтобы осуществить при его помощи захват Иллирика. Аларих подвинулся из Эпира на север, вступил в сношение с остготами, сидевшими тогда в Паннонии, и его стоянкой была Эмона. Оттуда он отправил к Стилихону посольство с изложением своих требований. Он желал получить от императора весьма крупную сумму денежного вознаграждения, а в противном случае грозил вторжением в Италию.[606] Стилихон прервал свои приготовления к походу на Восток и отправился в Рим. Требования Алариха были поставлены на обсуждение в римском сенате. Большинство сенаторов высказывалось за войну с ним, а Стилихон с немногими стоял за мир и удовлетворение требований Алариха. Он добился того, что сенат дал согласие выплатить Алариху четыре тысячи фунтов золота. Стилихон настаивал на осуществлении своего плана захватить Иллирик и показал имевшийся у него приказ Гонория, составленный в этом смысле. Во время горячих дебатов сенатор Лампадий, один из наиболее стойких и резких противников соглашения с Аларихом, произнес слова, сохраненные в латинской форме греческим историком Зосимом: non est ista pax, sed pactio servitutis (это не мир, а выкуп рабства). Такая смелость была опасна, и Лампадий поспешил укрыться в ближайший храм.

Около того времени, когда в Риме принято было решение купить мир с Аларихом, пришло из Константинополя известие о смерти Аркадия, последовавшей 1 мая. Это обстоятельство существенно усложнило

---

[600] См. наши замечания об оптиматах в статье «К вопросу о фемах византийской империи» (*Изборник Киевский:* В честь профессора Т. Д. Флоринского. Киев, 1904. С.95-118).

[601] *Oros.* 3, 37, 4-17; *Iordan.* Rom. § 321 (из Орозия); *Zosim.* 5, 26 *Marcel. Com* s. a. (Chron. min. II, p. 69).

[602] *Амм. Марц.* 1, 191 (17, 12, 2-3).

[603] Свидетельства древних историков об этом событии сопоставлены в моем исследовании: Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

[604] *Cregor. Turon.* 2, 9.

[605] *Sozomen.* 9, 4; *Zosim*. 5, 31; 6, 2.

[606] Олимпиодор — frg 5—говорит, что Аларих при жизни Стилихона получал по 40 кентенариев золота в год. Так как это та же сумма, что и помянутая у Зосима, то следует заключить, что это замечание Олимпиодора имеет в виду тот же факт.

общее положение дел. Гонорий пожелал сам отправиться с войсками на Восток и обеспечить власть племянника, которому недавно пошел восьмой год.[607] Но Стилихон воспротивился и удержал Гонория, указывая ему на опасность, какую представлял для Западной империи Константин.

Было условлено, что Стилихон отправится в Константинополь для упрочения власти малолетнего Феодосия и возьмет с собой четыре полка римской армии и одно из двух священных знамен «Лабар» (Λάβωρον). Гонорий хотел снабдить его собственноручным письмом с изложением возложенного на него поручения. Что касается до Алариха, то Стилихон предлагал направить его в Галлию для борьбы с Константином. По совету честолюбивой и властолюбивой Серены, жены Стилихона, которая имела право считать себя членом императорского дома как дочь любимой сестры Феодосия, Гонорий задумал покинуть Рим и посетить главный лагерь римских войск в Тицине, где было собрано до 30 полков. Стилихон считал эту поездку излишней, но отговорить Гонория ему не удалось. Зосим рассказывает, что Стилихон, чтобы устрашить императора, вызвал мнимый бунт готских войск, стоявших в Равенне под начальством Сара. Но и это не подействовало, и Гонорий выехал из Рима на север.

Стилихон отправился в Равенну к своим варварам. Когда император был в Бононии, вспыхнул бунт в сопровождавших его войсках. Стилихон был вызван из Равенны, и ему удалось очень скоро привести войска к повиновению, не прибегая к казням, которых требовал император. Гонорий уехал затем в Тицин, выдав грамоту Стилихону, уполномочивавшую его действовать в Константинополе, и тот оставался еще некоторое время в Бононии.

Против Стилихона, продолжавшего политику Феодосия-«друга готов», усиленно действовала при дворе национальная римская партия, не мирившаяся с дружбой к варварам и возвышением их значения за счет местного элемента и в ущерб ему. Самым влиятельным при Гонории из числа врагов Стилихона был грек Олимпий, происходивший из местностей, прилегавших к Понту, и занимавший тогда высокое придворное звание. Усиленно интригуя против Стилихона, он внушил Гонорию мысль, будто тот намеревается посадить на восточный престол своего сына Евхерия. К чести Стилихона и в опровержение этой сплетни, Зосим замечает, что Стилихон не сделал ничего, чтобы выдвинуть своего сына, и тот был в ту пору трибуном в составе дворцового нотариата.[608] В сопутствии Олимпия и большой свиты, Гонорий прибыл в Тицин, чтобы приветствовать армию перед походом за Альпы. Но на четвертый день его пребывания в Тицине произошел страшный бунт. Зосим приписывает его интригам Олимпия. Солдаты бросились избивать всех лиц высокого положения. Убит был прежде всего Лимений, префект претория Галлии, и Хариобавд, магистр армии в Галлии, которые не хотели изменить Гонорию, не признали Константина и бежали к законному государю. Погибли, далее, Викентий, магистр конницы, Сальвий, комит доместиков, Неморий, магистр дворцовых войск, Петроний, занимавший высокий пост финансового ведомства (comes rerum privatarum) и квестор императорского двора, другой Сальвий. Император, к ногам которого припадал Сальвий, не был в состоянии защитить его. Бунт длился до вечера. Гонорий переоделся в простое платье и бежал от бушевавших солдат. Разысканный к вечеру Лонгиниан, префект претория Италии, был также убит. Кроме этих видных лиц пострадало еще много других.

Находившийся в Бононии Стилихон, узнав о бунте, совещался с начальниками варварских отрядов, которые были при нем, о плане действий. Было решено, если бунтовщики покусились на особу императора, пойти на них войною, чтобы наказать их и восстановить порядок. Когда же выяснилось, что Гонорий жив, Стилихон не счел возможным и нужным вести своих варваров на войну против туземных полков и направился в Равенну. Но отдельные варварские отряды, из которых состояла военная сила Стилихона, задержались на разных стоянках, выжидая, чтобы выяснилось отношение Гонория к Стилихону. Между варварами отдельных национальностей вышли наружу какие-то свои счеты, и гот Сар перебил гуннов, составлявших личную охрану Стилихона, и завладел его обозом. Опасаясь настроения варваров, Стилихон сделал распоряжение, чтобы их не пускали в города, где находились их семейства. Олимпий, всецело овладевший волей и разумом Гонория, достиг того, что в Равенну пришел приказ арестовать Стилихона. Узнав об этом, Стилихон бежал ночью в церковь. Оставшиеся ему верными варвары готовились защитить его. Но солдаты вошли в церковь, и в присутствии епископа Стилихону было разъяснено, что дело не идет о его жизни. Евхерий, сын Стилихона, бежал в Рим, а сам он остался под стражей. Скоро пришел другой приказ, в котором Гонорий повелевал казнить Стилихона по обвинению в измене. Верные ему варвары и слуги готовы были его отбить; но Стилихон употребил весь свой авторитет, чтобы предупредить кровопролитие, и смело пошел на казнь, которую совершил над ним Гераклиан (23 августа 408 года). Смертный приговор был распространен также и на бежавшего Евхерия. Поручение поймать его и казнить было возложено на придворных евнухов Арзация и Теренция.

Так сошел с исторической арены человек, державший в своих руках бразды мировой политики в это трудное время. Олимпий получил теперь сан магистра армии и стал направителем воли Гонория. Возбуждено было расследование об измене Стилихона, привлечены к ответу его друзья, и хотя они не давали никаких показаний в смысле существования заговора против законного императора, но многие подверглись казни или конфискации имущества. Ожесточение местного населения против варваров сказалось, между прочим, в том, что солдаты и население стали избивать семейства варваров, состоявших на службе императору, жившие в разных городах Италии. Эти избиения повели к тому, что более 30 тысяч воинов, призывая в свидетели нарушения римлянами

[607] *Sozomen.* 9. 4.
[608] *Zosim.* 5, 34, 11.

верности клятве, отказались от службы императору, перешли под стяг Алариха и тем значительно увеличили его силы.[609]

Победа римской партии над Стилихоном сказалась в улучшении отношений к Восточной империи, и в *Феодосиевом Кодексе* сохранился указ, которым был восстановлен беспрепятственный торговый оборот между обеими империями.[610]

Аларих, оставаясь в пределах Норика, продолжал переговоры с двором. Он соглашался отступить в Паннонию, требовал заложниками Ясона, сына бывшего префекта претория Иллирика, Иовия, или Иовина, с которым он имел отношения, когда находился в Эпире, и Аэция, сына Гауденция. Со своей стороны, он также предлагал выдать заложников. Но Олимпий, поработивший волю и ум императора, был за то, чтобы не вступать ни в какие соглашения с Аларихом. Сделаны были новые назначения военных командиров, неудачные, по мнению Зосима.[611]

Ничего не добившись путем переговоров, Аларих вступил в соглашение с братом жены своей Атаульфом, который обёщал ему деятельную помощь, и, не ожидая его, двинулся в Италию. Варвары, покинувшие римскую службу после смерти Стилихона, усилили его дружины. Путь Алариха лежал через Аквилею, Альпин, Кремону, где он переправился через По, на Бононию. Он захватил здесь крепость Ойкубарию, прошел затем через провинцию Эмилию, оставив в стороне Равенну, дошел до Аримина (Римини) и двинулся затем в область Пицен. Оттуда он повернул на запад в сторону Рима, захватывая и разоряя по пути все укрепленные пункты.

В Пицене находились в ту пору евнухи Арзаций и Теренций. Они исполнили поручение Гонория, отдали Серене ее дочь Терманцию,[612] состоявшую до того супругой императора, но казнить Евхерия в Риме им не удалось: он укрылся в церкви и бежал в Пицен, надеясь спастись, к Алариху. Им удалось нагнать его в пути и убить. Они не могли уже направиться в Равенну сухим путем и поехали морем. Император вознаградил их за услуги повышением на придворной службе. Тогда же Гераклиан, убийца Стилихона, был назначен комитом Африки на смену казненного родственника Стилихона, Ботанария.

Между тем Аларих подступил к Риму. Вдова Стилихона Серена была заподозрена в сношениях с ним и казнена по приговору сената, который поддержала и Плацидия, сестра императора от второго брака Феодосия с сестрой Валентиниана II, Галлой.[613] Аларих осадил город. Население надеялось на помощь из Равенны и храбро выдерживало осаду. Но Аларих не допускал подвоза провианта, и вскоре начался страшный голод, а за ним, как неизбежное последствие, болезни и усиленная смертность. Трупы нельзя было вывозить за город, и это еще более усилило страдания осажденных. Широкой благотворительностью прославила себя в ту пору Лета, вдова императора Грациана, со своей матерью Писсаменой. Она проживала в своем дворце в Риме и пользовалась, по распоряжению Феодосия, большой пенсией из государственной казны соответственно своему высокому сану. Ее дворец был убежищем голодных.

В лагерь Алариха было отправлено посольство. Один из послов, бывший трибун нотариев Иоанн, имел с ним личное знакомство. Аларих отнесся к речам послов с издевательством и сказал между прочим, что легче косить густую траву, нежели редкую. Он заявил, что хочет взять из Рима все золото и серебро, какие там имеются, утварь и всех рабов варварского происхождения. На вопрос одного из послов, что он им оставит, Аларих дал краткий ответ: «Жизнь».[614] Вторичное посольство привело к некоторому соглашению. Аларих требовал: пять тысяч фунтов золота, тридцать тысяч фунтов серебра, четыре тысячи шелковых одежд, три тысячи пурпурных кож, три тысячи фунтов перца. Богатый класс населения, т. е. сословие сенаторов, был подвергнут экстренному обложению, но денег не было у сенаторов, как и в казне. Решено было воспользоваться драгоценностями языческих храмов, причем переплавляли на металл статуи богов.[615] Получив выкуп, Аларих на три дня открыл рынок, дозволил выходить из города через все его ворота, и население мало-помалу оправилось. Он отвел затем свои полчища на север, в Этрурию, а варвары, находившиеся в большом числе в рабстве у римлян, массами покидали город и присоединялись к Алариху. Общее число бежавших насчитывало до 40 тысяч.

---

[609] *Zosim.* 5, 35.

[610] Cod. Theod. 7, 16, 1 (408 г. 10 дек.). Hostis publicus Stilicho novum atqueinsolitum reppererat, ut litora et portus crebris vallaret excubiis, ne cuiquam ex oriente ad hanc imperii partem pateret accessus. Huius iniquitate rei moti et ne rarior sit diversarum mercium commeatus, praecipimus hac sanctione, ut litorum desistat ac portuum pernitiosa custodia et eundi et redeundi libera sit facultas.

[611] *Zosim.* 5, 36, 2. Магистром пехоты был назначен Варан, конницы — Турпиллион, комитом доместиков — Вигилянций.

[612] Терманция, младшая дочь Стилихона и Сирены, выданная замуж за Гонория по смерти старшей сестры Марии.

[613] В языческих кругах римского населения ходил рассказ, изъяснявший казнь Серены как возмездие за преступление. Когда Феодосий, подавив восстание Евгения, дал приказ грабить языческие храмы и святилища, Серена из любопытства вошла в храм Марса и, увидав красивое ожерелье на статуе богини Реи, сняла его и возложила на себя. Это видела старушка весталка и попрекнула ее. Серена приказала ее прогнать, а та изрекла разные проклятия на гибель самой Серены и ее семейства. Впоследствии Серену преследовали страшные сны по этому поводу, а теперь пришло наказание *(Zosim.* 5, 38).

[614] *Zosim.* 5, 40: τάς ψυχάς.

[615] *Zosim.* 5, 41.

Гонорий бездействовал в Равенне, и поработивший его Олимпий продолжал свой сыск по делу о заговоре Стилихона, который, однако, ничего не выяснял. Константин сделал попытку добиться от Гонория признания законности приобретенного им положения в Галлии и прислал к нему своих евнухов, надеясь вступить в переговоры. Свое желание мира он выразил тем, что в пределах своей власти объявил на следующий, 409 год консулами Гонория и себя. Гонорий, имевший раньше в виду направить против него войска, стоявшие в Тицине, и Алариха с его готами, не вступил ни в какие переговоры, но дал надежду на признание тем, что послал ему через его евнухов императорскую порфиру,[616] опасаясь за судьбу своих родственников Дидима и Верениана, которые отстаивали его интересы в Испании.

Так как Аларих, освобождая Рим от осады, выразил желание заключить договор и требовал выдачи ему в заложники детей знатных людей, то римский сенат решил отправить к Гонорию посольство. Оно состояло из трех лиц: Цецилиана, Аттала и Максимина. Послы сообщили императору о тех ужасах, которые пережил Рим, и передали ему требования Алариха. Но результатом этого посольства было только то, что Гонорий назначил Цецилиана префектом претория Италии и Аттала префектом города Рима. Чтобы усилить оборонительные средства Рима, Гонорий распорядился вызвать из Далмации шесть полков, имевших славное боевое имя. Их повел в Италию смелый, но неосторожный командир Валент. Аларих узнал о приближении этих войск, устроил засаду, и из пяти тысяч человек спаслось не более ста, а с ними и Валент. Так как Гонорий не вступал ни в какое соглашение с Аларихом, то положение Рима стало опять опасным. Решено было вторично отправить посольство. Участие в нем принял и папа Иннокентий. Аларих назначил отряд готов для охраны посольства по пути. В это время прибыл в Италию Атаульф из Паннонии с большими силами готов в подкрепление Алариху. Из Равенны вышли войска и близ Пизы напали на готов. Атаульф потерял 1500 человек, а римляне только 17. Очевидно, то был конный наезд гуннов. Ослабленный этой неудачей, Атаульф присоединился к Алариху.

Вскоре придворные евнухи вооружили Гонория против Олимпия. Он был лишен своего сана и, опасаясь за свою жизнь, бежал в Далмацию; с тех пор о нем нет упоминаний в нашем предании. Префектом претория был назначен Иовий, или Иовин,[617] а главнокомандующим военных сил в Далмации, Паннонии, Реции и Норике — Гунерид. Подобно Фравите, Гунерид оставался язычником и пользовался всеобщим уважением за свою глубокую честность, бескорыстие и благородный характер.[618] Иовин состоял ок. 403 года префектом претория в Иллирике и имел тогда непосредственные сношения с Аларихом. С придворными евнухами и командирами войск, которые были назначены после смерти Стилихона, Иовин имел свои счеты. По соглашению с Аллобихом, занимавшим пост комита доместиков, Иовин устроил бунт в войсках, стоявших в Равенне. Солдаты потребовали удаления от двора людей, неугодных Иовину. Турпиллион и Вигилянций были арестованы и приговорены к ссылке; но на корабле их убили солдаты по приказанию Иовина. Евнухи Теренций и Арзаций были сосланы: один на Восток, другой в Медиолан. Освободившиеся посты магистров армии заняли Валент, бывший командир далматских полков, и Аллобих, а препозитом опочивальни стал Евсевий.[619]

Упрочив свою власть, Иовин сделал попытку войти в соглашение с Аларихом и столковаться насчет условий, на которых было бы возможно заключить мир. Местом свидания был избран Аримин. Туда прибыли Аларих и Иовин. Аларих предъявил следующие требования: предоставить его готам области Венецию, Норик и Далмацию, платить ему ежегодно известную, сумму денег и доставлять провиант для его войска. Иовин препроводил Гонорию в Равенну требования Алариха и в дополнительном письме советовал императору назначить Алариха магистром армии, чтобы тем смягчить его настроение и в дальнейших переговорах добиться от него уступок. Полученный вскоре ответ императора Иовин прочел в присутствии Алариха и готов. Гонорий предоставлял Иовину как магистру армии самому назначить сумму вознаграждения Алариху и количество провианта для его войск, но в то же время решительно отказывался предоставить Алариху пост магистра армии.

Аларих почувствовал себя оскорбленным и немедленно отдал приказ своим войскам идти на Рим. Иовин вернулся в Равенну и тут, неизвестно вследствие каких причин, резко стал против соглашения с Аларихом. Он побудил Гонория дать торжественную клятву, что он никогда не вступит ни в какое соглашение с Аларихом.

Такую же клятву дал сам Иовин и все высшие чины двора. Произнося клятву, они касались головы императора и клялись ею.[620] Аларих, опасаясь тяжких последствий своего предприятия, сам отправил к Гонорию посольство епископов. Теперь он ограничивал свои требования одним Нориком с его двумя провинциями, отказывался от требования денег и предлагал самому императору назначить количество хлебной дачи по числу бежавших к нему от римлян людей. Но Гонорий и его двор остались глухи к этому выходу из трудного положения: серьезность клятвы, которую принес двор и сам император, не позволяла отступиться от принятого решения.

Начались приготовления к войне. Десять тысяч гуннов было вызвано в Далмацию, с возложением

---

[616] *Zosim.* 4, 43; *Olympiodori* frg. 62.

[617] Иовием называют его Созомен (8, 25) и Зосим, Иовианом — Олимпиодор (frg.; 13), Иовином — другие наши источники, которые говорят о дальнейшей его судьбе.

[618] *Zosim.* 5, 46.

[619] *Zosim.* 5, 48, 1.

[620] *Zosim.* 5, 49; *Sozomen.* 9, 8.

обязательства на население доставлять им хлеб, баранов и волов.[621]

409-й год, в течение которого положение в Италии имело такой тревожный характер, был роковым для Испании. Констанций и Геронтий легко справились с тем сопротивлением, которое было организовано Дидимом и Верениаиом, родственниками дома Феодосия, и Констанций, оставив Геронтия в Испании, перешел к отцу в Галлию, увозя с собою взятых в плен Вереииана и Дидима. Константин поспешил их казнить.[622] Между тем Геронтий, организовавший от имени Константина дела в Испании, поручил охрану проходов через Пиренеи, которую прежде держали местные отряды, сборному отряду войска, носившего название гонориаков.[623] Когда вандалы со свевами и аланами, после поражений, нанесенных им в Галлии, подошли к Пиренеям, гонориаки разбежались и оставили проходы открытыми для варварского нашествия в Испанию. Так началась новая эра в истории Испании. Константин послал Констанция назад в Испанию с новым командиром на смену Геронтия, Юстом, для борьбы с варварами; а в то же время, желая добиться от Гонория узаконения своего положения, отправил к нему посла и старался оправдать себя в убийстве родственников императора, заявляя, что это случилось без его ведома. Со своей стороны он предлагал императору прийти к нему в Италию на помощь против Алариха с войсками Галлии и Британнии. Но Гонорий не верил Константину и опасался, что он хочет захватить Италию и устранить его.

Между тем Аларих обложил Рим, захватил порт на устье Тибра и овладел всеми запасами хлеба, грозя вызвать в Риме голод. Сенат вынужден был искать выход из трудного положения и вступил в соглашение с Аларихом. Недавно назначенный Гонорием префект города Аттал был провозглашен императором, и эта церемония была отпразднована с обычной торжественностью. На следующий день Аттал держал в сенате гордую речь, в которой высказывал уверенность, что ему удастся вывести Италию из трудного положения. Аларих был назначен магистром армии, Атаульф — комитом доместиков. Пост префекта претория получил Лампадий, враг политики Стилихона, а префекта города — сенатор Марциан.[624]

Аттал принадлежал по своему происхождению к самому знатному и богатому в ту пору роду Аниииев. Войдя в соглашение с Аларихом и пользуясь его доверием, он, по-видимому, искренно верил в возможность водворить мир и упрочить силу империи. В угоду Алариху Аттал принял крещение от арианского епископа Сигесария, а потому ариане считали его своим; в то же время на него рассчитывали и приверженцы старой римской религии, в которой он долго пребывал раньше своего крещения.

Предметом ближайшей заботы нового императора было обеспечение подвоза хлеба из Африки, житницы Рима. Аларих хотел послать туда готов. Но Аттал не соглашался на это и отправил в Африку Константа с поручением вытеснить Гераклиана и овладеть страной. Чтобы упрочить свое положение в Италии, Аттал должен был или вступить в соглашение с Гонорием, или низложить его. Он вышел с войсками из Рима и направился к Равенне. Когда он был в Аримине, к нему прибыло посольство от Гонория, которое составляли Иовин, префект претория, Валент, вождь погибших далматских полков, назначенный магистром армии, квестор Потамий и примицерий нотариев Юлиан. Уже самим составом посольства Гонорий выразил признание Аттала своим соправителем. Но Аттал отказался вступить в переговоры об условиях соправительства и выразил лишь готовность сохранить жизнь Гонорию и поселить его на острове. То была обычная еще с Августа форма ссылки для знатных лиц. Таким образом, предложение Гонория было отвергнуто, и посольство уехало ни с чем. Но Иовин приезжал к Атталу еще несколько раз и кончил тем, что изменил Гонорию и принял пост магистра оффиций при Аттале. Самыми влиятельными лицами при Гонории стали препозит Евсевий и магистр армии Аллобих.[625] Пока шел обмен посольств, Аларих со своими готами обходил Эмилию и приводил на верность Атталу города этой области. Город Бонония запер пред ним ворота и сохранил верность Гонорию. Из Эмилии Аларих прошел в Лигурию, чтобы обеспечить власть Аттала и в этой провинции.

Одно случайное обстоятельство подняло настроение Гонория. В Равенну зашла эскадра восточного императора с шестью полками десанта, общей численностью четыре тысячи человек.[626] Этим войскам Гонорий поручил охрану стен города и прекратил сношения с Атталом. А в то же время из Африки пришло известие от Гераклиана, что он удачно справился с Константом, взял его в плен и казнил. Вместе с этим известием были присланы подати из Африки, и Гонорий располагал деньгами для содержания войска. При дворе Гонория продолжались интриги. Евсевий был убит на глазах императора Аллобихом. Аллобих вступил в сношения с Константином и старался склонить Гонория к соглашению с ним: но в следующем, 410, году был сам казнен по подозрению в измене.

Вопрос об африканском хлебе был насущным для Рима, а также и готов. Ввиду отсутствия подвоза страшно выросли цены на хлеб, были слухи о случаях каннибализма. Аттал был вызван в Рим, и в сенате обсуждалось дело о способах подчинить Африку. Аларих требовал отправки туда готов под начальством вождя Друмы. Иовин

---

[621] Очевидно, гунны, т. е. будущие болгары, в большой массе кочевали тогда в местностях, близких к Иллирику, в пределах древней Дакии за Дунаем.

[622] *Zosim.* 6, 4, 1-6.

[623] Суля по имени, то был новый полк, сформированный при Гонории, как на Востоке были аркадианы.

[624] *Philostorg.* 2. 3: *Sozomen.* 9, S; *Zosim*. 6, 7, 2.

[625] *Olympiodori* frg. 13.

[626] *Zosim*. 6, 8, 2.

поддерживал это требование, соглашался с ним и сенат.[627] Но Аттал не давал своего соизволения. Иовин, интриговавший прежде против Гонория, стал теперь вооружать Алариха против Аттала и достиг того, что Аларих вступил в переговоры с Гонорием об устранении Аттала. С ведома Гонория Аларих низложил Аттала в Аримине, сняв с него диадему и порфиру пред войском, и удержал его затем в своем лагере вместе с его сыном Алипием. Все назначенные Атталом сановники сняли пояс (cingulum), т. е. признали себя отставленными; но Гонорий дал им разрешение остаться в приобретенных ими чинах и должностях. Так окончилось кратковременное правление Аттала и разбиты были его гордые мечты водворить мир и согласие.

По низложении Аттала Аларих сделал новую попытку добиться соглашения с Гонорием. Он двинулся на север и расположил свой стан в укреплении Альпы, лежавшем в 60 стадиях (ок. 10 верст) от Равенны. Но тут вмешался в дело гот Сар, державшийся дотоле в стороне от событий и не присоединявшийся ни к Гонорию, ни к Атталу. С Атаульфом у него была давняя личная вражда, закрепленная на общей родине в Паннонии, и так как Атаульф действовал заодно с Аларихом, то Сар относился враждебно и к нему. Некоторое время Сар держался в Пицене, а когда в эту область явился Атаульф, он перешел на север за Апеннины. Он имел около себя только 300 воинов, но то были храбрые люди, испытанные в войне и в военном деле, как и он сам. Ночью Сар напал на лагерь Алариха и перебил много народа.[628] Тогда Аларих оставил свои мысли насчет возможности достигнуть какого-либо соглашения с императором, двинулся на юг и осадил Рим, отрезав все пути сообщения. В Риме начался голод и дело дошло до каннибализма. Одна благочестивая женщина по имени Проба из сострадания к несчастным приказала своим рабам открыть ночью ворота. Это случилось 24 августа 410 года.[629] Вступив в город, Аларих отдал его на разграбление. Три дня длился грабеж столицы мира. Исключение было сделано только для храма св. Петра. Когда обнаружилось, что были похищены золотые и серебряные сосуды, принадлежавшие этому храму, то Аларих приказал возвратить в церковь это достояние Петра. Орозий, составлявший в Испании свою *Историю* вскоре после этого события, с умилением рассказывает о том, как несли церковные сосуды в храм Петра по улицам Рима. Готы и местные христиане пели псалмы на своих языках, и этот нестройный хор свидетельствовал о силе христианства и давал залог лучшему будущему.[630] Папа Иннокентий не переживал вместе со своей паствой ужасов взятия и ограбления города, так как находился тогда в Равенне.

На третий день после взятия Рима Аларих увел своих готов из города, увозя в свой лагерь огромную добычу и знатную пленницу, сестру Гонория от второго брака Феодосия, Галлу Плацидию. Гонорий пребывал в бездействии в Равенне во время взятия Рима и ничем не отозвался на это страшное событие, которое ужасом пронеслось по всему римскому миру. Блаженный Иероним, погруженный в Иерусалиме в заботы о насаждении аскетических идеалов христианской жизни, так отозвался на эту страшную весть: «Ужасная весть приходит с Запада: Рим в осаде, жизнь граждан выкупается за золото, ограбленных окружают, чтобы отнять у них жизнь. Голос застревает в гортани, рыдания прерывают слова... Взят город, который взял целый мир. Муки голода довели людей до ужасной пищи, пожирали взаимно члены друг друга, и мать не давала пощады сосущему ее младенцу». [631] Епископ Иппоны, блаженный Августин, сказал своей пастве проповедь на тему «о гибели города». Более холодный, чем Иероним, он не нашел горячих слов скорби в своем сердце, напоминал слушателям о гибели Содома и Гоморры, угрожал гневом Божьим за грехи мира.[632]

От Рима Аларих отошел на юг Италии. Забота об обеспечении пропитания войска создавала необходимость подчинения Африки. Он снарядил флот, но буря разбила корабли у берегов Сицилии. Вскоре Аларих захворал и умер. Готы стояли тогда близ города Консенции в Бруттии. Сподвижники воителя устроили ему великолепное погребение: они отвели течение реки Бузента, вырыли в ее русле глубокую могилу, положили в ней своего царя с его сокровищами, а затем пустили реку на прежнее русло. Все рабы, трудившиеся над этим сооружением, были перебиты, чтобы никто впоследствии не мог потревожить прах героя.[633] Зять Алариха, Атаульф, был провозглашен царем. В его руках была Плацидия, и он держал ее с почетом в лагере, питая надежду на возможность достигнуть через нее соглашения с Гонорием. Но император оставался непреклонен, пока готы находились в Италии, и в 412 году Атаульф вывел свои дружины за Альпы в Галлию, чтобы найти поприще для проявления боевого духа своих соплеменников в разыгрывавшихся там событиях.

Более трех лет пробыли готы в Италии, и тяжкие следы того разорения, которое они внесли в эту страну, видел своими глазами Прокопий, когда участвовал в походе Велизария более ста лет после того времени. По его словам, «города, которыми овладевали готы, они подвергали такому разрушению, что, кроме какой-нибудь одной уцелевшей башни, ворот или чего другого, не осталось никаких следов, особенно около Ионийского

---

[627] Так излагает Зосим. Созомен (9, 8) говорит, что сенат был на стороне Аттала в вопросе об Африке.

[628] *Sozomen.* 9, 9. *Olympiodori* frg. 16; *Zosim.* 6, 13.

[629] *Sozomen.* 9, 9; *Procop.* b. vand. 1, 2.

[630] *Oros.* 7, 39: Itaque magno spectaculo omnium disposita per singuios singula et super capita elata palam aurea atque argentea vasa portantur; exertis undique ad defensionem gladiis pia pompa munitur. Hymnum Deo romanis barbarisque concinentibus publice canitur... Concurrunt undique ad vasa Petri, vasa Christi, plurimi etiam pagani Christianis professione etsi non fide admiscentur et per hoc tamen ad tempus, quo magis confundantur, evadunt... O praeclara ilia Christianae militiae tuba, quae generaliter cunctos dulcissimo ad vitam modulamine invitans...

[631] *Hieronimus.* Ep. 127, 12 (p. 1094), 128, 4.

[632] *August.* De excidio urbis (P. L. 40, 715-724).

[633] *Jordan.* Get. 157-158.

залива (т. е. Адриатического моря). Попадавшихся им навстречу людей готы избивали всех, как старых, так и молодых, не давая пощады ни женщинам, ни детям. Отсюда и эта теперешняя малонаселенность Италии».[634] Выход готов на север за Альпы облегчил положение Италии, и Гонорий начал принимать свои меры к упрочению пошатнувшегося трона.

[634] *Procop.* De bello Vandalico, 1, 2.

ФЕОДОСИЙ

РЕГЕНТСТВО АНФИМИЯ

По смерти Аркадия верховная власть перешла к его сыну и соправителю Феодосию, которому только что пошел восьмой год. Опека над малолетним императором, которую принял на себя царь Йездигерд, обеспечивала мир на восточной границе, а его обращение к сенату не осталось без воздействия на придворную знать в столице. Управление государством оказалось в руках Анфимия, который занял пост префекта претория Востока в 405 году. Он принадлежал к высшей служилой знати империи, так как дед его, Филипп, занимал тот же пост при Констанции (346-348 г.).[635] По своим воззрениям Анфимий, очевидно, принадлежал к той самой партии придворной знати, которая взяла в свои руки направление государственной политики во время бунта Гайны. Опытный администратор, занимавший раньше префектуры другие высокие посты по государственному управлению,[636] Анфимий с честью исполнил выпавшую на его долю задачу вести государственный корабль в малолетство государя. В первый же год своего регентства он воспользовался добрыми отношениями, установившимися с персидским царем, чтобы заключить новый торговый договор с Персией. Дело было слажено при посредстве месопотамского епископа Маруфы[637], который пользовался расположением Иездигерда и несколько раз являлся к нему с дипломатическими поручениями от византийского двора. В тексте договора были определены те крайние пункты на территории обоих государств, куда имели право заезжать купцы со своим товаром. На персидской территории то был город Нисибин в Месопотамии и Артаксата в Армении,[638] на римской — город Каллиник на Евфрате. На правителей пограничных областей возложена была обязанность следить, чтобы торговый обмен не шел по другим путям, а купцам за нарушение этого условия грозила конфискация товара.[639] По-видимому, тогда же были выяснены взаимные обязательства держав по отношению к охране кавказских проходов, как можно заключить об этом из краткого упоминания у Иоанна Лидийца.[640]

В жизни столицы первый год правления Феодосия ознаменовался большими уличными беспорядками, вызванными угрозой голода. Константинополь жил привозным хлебом, и житницей его был Египет. Еще имп. Константин определил условия, на которых корпорация александрийских мореходов должна была доставлять хлеб в столицу, и предоставил ей некоторые льготы в обеспечение исправной службы. Случайные обстоятельства, а иногда недобросовестность капитанов, вызывали задержку в доставке хлеба, и в 408 году с марта и до ноября не пришло ни одного корабля из Александрии. Угроза голода вызвала возбуждение среди населения, и разыгрался бунт, обратившийся на префекта города Монаксия. Мятежная толпа сожгла его дом, он сам подвергся оскорблениям и его экипаж (καροῦχα) с позором волочили по улицам.[641] Бунт успокоили своим воздействием на толпу оба магистра армии и комит царских щедрот.[642] В распоряжение префекта города было ассигновано 500 фунтов золота из добровольного обложения членов сената и средств, изысканных префектом. Эта сумма должна была расходоваться под строжайшим контролем.[643] В обеспечение правильной доставки хлеба на будущее время Анфимий точнее определил обязанности по надзору за этим делом комита Египта и правителя провинции Островов. На пути из Александрии в Константинополь суда имели остановку на острове Карпафе (ныне Скарпанте). Корабли, возившие хлеб, были зарегистрированы, одни — в Александрии, другие — в Карпафе. Ответственность за правильную доставку была возложена на представителей корпорации мореходов (summates). Расчеты вознаграждения за провоз должны были вестись на будущее время не с отдельными

---

635 *Socrat.* 7, 1.

636 В 400 году он был comes sacr. largitionum (Cod. Theod. 1, 10, 5), в 404 — magister officiorum (ib. 6, 27, 14; 10, 22, 5; 16, 4, 4), в 405 консулом, а затем получил сан патриция (ib. 9, 34, 10; 12, 12, 14).

637 Ср. выше. С. 197.

638 Арташат у армянских историков. Развалины его видны и ныне, неподалеку от Еревана — между Двином и Аралыком.

639 Сведение об этом договоре сохранилось в указе, изданном на имя Анфимия (Cod. Justin. 4, 63, 4).

640 *Johan. Lyd.* De mag. 3, 52.

641 Префект города появлялся публично всегда в экипаже. См.: *Амм. Марц.* 1, 85 (15, 7, 4).

642 Chron. Pasch. (571), где, впрочем, дана неверная дата — 407 год.

643 Cod. Theod. 14, 16, 1.

капитанами, а с представителями корпорации, равно как и убытки от кораблекрушений и порчи хлеба по случайным обстоятельствам должны были ложиться на всю корпорацию. Каждый случай кораблекрушения, во избежание мошенничества со стороны капитанов, подлежал строгому следствию со стороны правителя Египта или провинции Островов. Корпорации мореходов были предоставлены некоторые новые льготы по обложению их имущества.[644] По-видимому, капитаны судов нередко позволяли себе мошеннические проделки, не держали прямого рейса и продавали хлеб на сторону. Императорский указ 410 года установил смертную казнь за такие проступки.[645]

Помимо затруднений, вызванных расстройством снабжения столицы хлебом, Анфимию в первый же год пришлось иметь заботы по устройству отношений империи с варварами на северной границе. Гуннский царь Ульдис, оказавший услугу Аркадию в 400 году и ставший тогда в договорные отношения с империей, вторгся через Дунай в провинцию Дакию, раскинул свои становища в местности города Лагерь Марса (Castra Martis)[646] и начал оттуда набеги в области Фракии. Кроме гуннов, в полчищах Ульдиса было много германцев из племени скиров. Магистр армии во Фракии стянул войска и раньше, чем начать военные действия, вступил в переговоры с Ульдисом. Но гордый хан заявил, указывая на восходящее солнце, что весь мир открыт для его побед. Эта похвальба не оправдалась. Римский командир завязал сношения с главарями отдельных отрядов в полчищах Ульдиса и, прибегнув, по всей вероятности, к подкупу, достиг того, что гунны во множестве покинули своего вождя, перешли на службу императора и разбили свои палатки близ римского лагеря. Ульдис успел уйти за Дунай с теми соплеменниками, которые сохранили ему верность, но понес при этом много потерь. Особенно тяжкому разгрому подверглись скиры, которые в большой массе попали в плен. Правительство не считало безопасным оставить этих пленников в пределах Фракии и Иллирика, и в Феодосиевом Кодексе сохранился указ на имя Анфимия от 12 апреля 409 года, в котором запрещено было обращать скиров в рабов и селить в городах, а предоставлялось землевладельцам брать их в нужном количестве для поселения на правах колонов в малоазиатских провинциях.[647] Современник Феодосия Созомен сообщает, что он сам видел много пахарей-скиров в Вифинии близ горы Олимпа.[648] Гунны успели похозяйничать в империи раньше, чем разразилась катастрофа, и войска отбили много пленных, которые попали в рабство к солдатам. Сохранился указ, в котором правительство вступается в это дело и приказывает отпустить свободных пленных на место их жительства, а рабов передать их владельцам.[649] Самая возможность насильственного задержания пленных и обращения их в рабство солдатами указывает на то, что против Ульдиса действовала пограничная армия, солдаты которой были сами землевладельцами и занимались хозяйством на землях, приписанных к данной крепости или укреплению.

В связи с этим вторжением Анфимий принимал деятельные меры к усилению охраны дунайской границы. Кроме сухопутных войск, расположенных в крепостях, на Дунае были сторожевые флоты (naves lusoriae). От 412 года сохранился указ на имя магистра армии во Фракии о сооружении новых кораблей и ремонте старых. Нижнее течение Дуная разделено было между двумя провинциями: Нижней Мезией и Скифией. Первой провинции отводится 90 вновь построенных на императорских верфях кораблей и 10 отремонтированных старых, Скифии — 110 новых и 15 старых. Указ содержит повеление продолжать постройку и ремонт судов с тем расчетом, чтобы для Скифии строилось и оснащалось ежегодно по 5 судов типа, который назван naves indicatoriae, и по 15 — типа agrarienses, а для Мезии 4 — первого типа и 15 — второго. Ремонтируемые старые корабли должны обращаться в транспортные для подвоза хлеба. Забота о сооружении кораблей и их оснастке лежала на обязанности дуксов этих провинций, и указ содержит угрозу штрафом как дуксам, так и состоящим при них канцеляриям в случае замедления и неисправности в деле усиления речной охраны. Постройка была рассчитана на семь лет, и, таким образом, к концу 418 года дунайский флот должен был представлять весьма значительную силу.[650]

Иллирийские области, и в частности Эпир, в год смерти Аркадия освободились от вестготов, которые под начальством Алариха передвинулись на север и из Эмоны вели сношения с римским двором. Оставленная готами страна нуждалась в особых заботах правительства для предупреждения на будущее время тех бедствий, какие она перенесла, и от апреля 408 года сохранился указ на имя префекта претория Иллирика с приказанием принять экстренные меры для возведения стен городов и укреплений. К этому важному делу привлекались все классы населения, без всяких изъятий, по расчету податного обложения.[651] Работы длились несколько лет, и от 412 года мы имеем другой указ по тому же делу, из которого видно, что население обязано было доставлять строительные материалы.[652] Ввиду тех опустошений, которые пережил Иллирик, правительство обращалось к

---

[644] Ib. 13, 5, 32.
[645] Ib. 13, 5, 33.
[646] Ныне Кулё неподалеку от Виддина, где есть развалины.
[647] Cod. Theod. 5, 6, 3.
[648] *Sozomen.* 9, 5.
[649] Cod. Theod. 5, 6, 2.
[650] Cod. Theod. 7, 17, 1. Штраф дуксу определен в 30 фунтов золота, а его канцелярии (officium) — 50.
[651] Ib. 11, 17, 4. Указ помещен в титуле De equorum conlatione. Это указывает, что в числе повинностей по исполнению этого дела была доставка строительного материала.
[652] Ib. 15, 1, 49.

патриотизму населения, вызывало добровольные пожертвования на дело общей безопасности и допускало некоторые изъятия от действия общих законов касательно принудительного зачисления в декурионы.[653]

В церковных делах ко времени регентства Анфимия относится постепенное успокоение того волнения и раздора, которые были вызваны низложением Иоанна Златоуста. Его преемника, Арзакия, в 406 году сменил Аттик. Родом из Севастии в Армении, не блиставший образованием и авторитетом в богословских вопросах, Аттик слыл мягким и ласковым в обращении человеком, близко стоял ко двору и пользовался большим влиянием.[654] Преследование иоаннитов продолжалось сначала и при нем, но постепенно ослабло, а когда умер главный враг Иоанна, Феофил Александрийский (412 г.), а затем и Порфирий Антиохийский, Аттик прекратил преследование. Римский папа продолжал настаивать на восстановлении чести Иоанна и не имел церковного общения с восточными иерархами. Преемник Порфирия, Александр, который некогда был пресвитером в Софийском храме, включил имя Иоанна в диптихи своей церкви[655] и обратился к папе в Рим с просьбой восстановить общение. Его примеру последовал Аттик и настоял, чтобы преемник Феофила в Александрии, Кирилл, сделал то же самое. Когда это, наконец, устроилось, прекратился раскол между церквями Востока и Римским престолом.

В истории города Константинополя время регентства Анфимия отмечено важным событием: возведением новых стен со стороны суши. Когда Константин превращал старый Византий в свою столицу, он более чем удвоил городскую территорию и провел со стороны суши стену от Пропонтиды до Золотого Рога. Город вырос за протекшие с тех пор почти два века, и стены оказались тесными. Они пострадали также от многократных землетрясений. Анфимий широко раздвинул пределы городской территории, и стена захватила большие пространства как выросших за стенами предместий, так и местности, вовсе еще не застроенные. Общее протяжение новой стены было около 5 верст,[656] на ней высилось 92 башни. Предместье Влахерны, составлявшее 14-й регион города, осталось за стеной, которая доходила до Золотого Рога ближе к городу. Это крупное предприятие было осуществлено очень быстро и закончено в 413 году, как видно из дошедшего в Феодосиевом Кодексе указа.[657] Изогнутая линия в южной части стены объясняется, помимо характера местности, еще тем, что в новую стену была включена триумфальная арка, воздвигнутая в честь Феодосия I, которая и составила парадные ворота города, получившие имя Золотых.[658] Современная Феодосию I надпись красуется и ныне на своем старом месте.[659] Соответственно пяти воротам стены Константина в новой стене было также пять ворот, которые были назначены для пользования населения, а поэтому против них были настланы мосты над рвом. В мирное время эти пять ворот были открыты для беспрепятственного въезда и выезда. Кроме этих ворот, на протяжении стены было еще пять других, которые имели назначение служить в военное время для обороны города. Против них не было мостов над рвом. В мирное время они были заперты. В выдвигавшихся наружу башнях стены были устроены боковые выходы для военных целей. Новая стена удержала навсегда название Феодосиевой в честь императора, который в ту пору еще не принимал никакого участия в управлении государством. Новые башни были предоставлены в пользование тем горожанам, на земле которых они оказались, с обязательством ежегодного их ремонта.

В завершение своего счастливого управления государством Анфимий провел в 415 году указ о сложении со счетов всех недоимок с населения провинций префектуры Востока за 40 лет до того времени и тем значительно облегчил счетоводство и взимание на будущее время. Из этой льготы были исключены только мраморные ломки на острове Проконнесе и рудники в Троаде и в Докимене во Фригии.[660]

ПУЛЬХЕРИЯ. ВОСПИТАНИЕ ФЕОДОСИЯ. ДЕЛА В АЛЕКСАНДРИИ. БРАК ФЕОДОСИЯ С АФИНАИДОЙ. ОСНОВАНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ. ФЕОДОСИЕВ КОДЕКС. КАТАСТРОФА В ЦАРСКОМ СЕМЕЙСТВЕ

В течение шести лет стоял Анфимий у кормила правления при полном сочувствии двора и сената. В 414 году произошла перемена: Пульхерия, старшая дочь Аркадия и Евдоксии, 4 июля была провозглашена августой и взяла в свои руки бразды правления. Анфимий уступил свой пост Аврелиану, который был его предшественником до 405 года. Так как Аврелиан в свое время провел провозглашение августой Евдоксии, то весьма вероятно, что сообщение того же титула Пульхерии было также его делом. В том же году 30 октября в сенате были торжественно водворены бюсты Гонория, Феодосия и Пульхерии в ознаменование единства Римской

---

[653] Cod. Theod. 12, 1, 177 (от 413 г.).
[654] *Socrat.* 7, 2; 25.
[655] *Theodoret.* 5, 35.
[656] Паспати считает 4950 метров. См.: *Дестунис Г. С.* Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя //Труды четвертого Археологического Съезда. Т. 1, 235-280. По другим измерениям — 5650 метров. *Pauly— Wissowa.* Realencyclopadie der classischen Altertumwissenschaft, IV 975.
[657] Из историков только Сократ кратко поминает об этой заслуге Анфимия (7, 1). Cod. *Theod. 15,* 1,51 (от 4 апреля 413 г.).
[658] *Strzygowski J.* Das goldene Thor in Konstantinopel *11* Jahrbuch d. k. d. Arch. Inst. VIII, 1893, 1-39.
[659] Corp. Insc. Lat. Ill 735.
[660] Cod. Theod. 11, 28, 9 (от 9 апреля 415 г.).

империи под верховным управлением этих трех носителей титула август.[661] Властная и энергичная Пульхерия отличалась пламенным благочестием и, решившись взять в свои руки верховную власть, одновременно с принятием титула августы принесла в Софийском храме обет безбрачия. Ее малолетние сестры Аркадия и Марина принесли такой же обет вместе с нею и провели свою жизнь как благочестивые монахини. Патриарх Аттик стоял в самых близких отношениях ко двору и имел влияние на Пульхерию.[662] Под воздействием Пульхерии императорский двор, по свидетельству современников, стал походить в своем внутреннем обиходе на монастырь. День начинался с пения псалмов и чтения Евангелия, неукоснительно правились все положенные выработавшимся уже церковным уставом службы, соблюдались посты, и из двора исходило самое широкое благотворение.

Воспитанием и обучением Феодосия руководила сама Пульхерия. Учиться он начал еще при жизни отца и обнаружил большое прилежание. Его товарищем по учению был его сверстник Павлин, сын комита доместиков, и завязавшаяся между ними в нежном возрасте дружба росла и крепла с годами. Из наук, которым обучался Феодосий, он проявил наибольшую склонность к естествознанию и астрономии, интересовался также живописью и пластикой .[663] Пульхерия владела письменной и устной латинской речью, владел ею и Феодосий. Мягкий и ласковый в обращении, выросший с малого детства в религиозной обстановке, Феодосий всем своим сердцем усвоил идеал благочестия, и твердая вера была основной чертой его духовного склада. Он легко подчинялся авторитету сильных по характеру людей, и прежде всего своей сестры и воспитательницы Пульхерии. Придворная обстановка того времени окружала царственных особ евнухами, и это наложило свою печать на характер Феодосия. То были ближайшие к нему люди в домашней обстановке, и он всю свою жизнь находился под влиянием того или другого евнуха. Он любил общество духовных лиц и сам приобрел с течением времени глубокое знакомство со Священным Писанием, как то отметили с похвалой современники. Он интересовался книгами духовного содержания и составил впоследствии во дворце богатую богословскую библиотеку.[664] В его приветливой наружности обращали на себя внимание прекрасные черные глаза, унаследованные им от красавицы матери. Ни Пульхерия, ни близкие к Феодосию люди не признавали в нем живого и самостоятельного ума.[665] Пульхерия восполняла этот недочет своим решительным характером и большими умственными дарованиями.

Войдя в юношеский возраст, Феодосий предоставил Пульхерии сохранять властное положение, которое она заняла с 414 года, и она пользовалась не только титулом августы, но и всеми прерогативами этого сана. Она имела свой придворный штат и особого препозита, на что не давал права титул августы, сообщавшийся супруге императора.[666] Церковные историки прославляют ее как святую, говорят о божественных откровениях, которые ее посещали, и она осталась в памяти потомства в ореоле святости. Язычник Евнапий сохранил нам весьма строгий отзыв о продажности должностей и большой неправде в судах за время правления Пульхерии. Управления провинциями были таксированы, смотря по их доходности, и места правителей предоставлялись тому, кто давал больше, чем соискатели, в надежде возместить свои расходы во время управления. Но так как нередко возбуждались процессы о вымогательствах, то подвергавшиеся обвинению теряли не только свою наживу, но и собственное состояние и впадали в бедность, так что вскоре пропал интерес искать места правителя провинции.[667] Обычай оплаты назначений на должность правителя провинции существовал издавна; позднее, при Юстиниане, установлена была точная такса.[668] Так как при дворе видная роль принадлежала евнухам, на которых всегда тяготело обвинение в корыстолюбии и стяжательстве,[669] то их подкупность и жадность создавала нередко разного рода злоупотребления. [670] Что касается лично Пульхерии, то она со своим христианским благотворением и чистотой личных побуждений стоит выше всяких подозрений в причастности к злоупотреблениям двора.

Во внешней жизни государства годы самостоятельного правления Пульхерии протекли в глубоком мире. Но в первый год ее правления случились тяжкие события в Александрии на почве религиозной нетерпимости молодого патриарха Кирилла. Он был племянник Феофила, вырос и получил образование под руководством дяди. Богословским его образованием руководил известный тогда в Египте Серапион, спасавшийся в Нитрийской пустыне. Когда Кирилл вернулся из монастыря в Александрию, он был посвящен в духовный сан и с большим

---

[661] Chron. Pasch. 571. στηθάρια.

[662] Под 417 годом в хронике Марцеллина упомянуто, что Аттик поднес Пульхерии и ее сестрам весьма замечательную книгу о вере и девстве (Chron. min. II 73).

[663] *Sozomen.* 9, 1; Prooemium p. 849 (P. G. 67).

[664] *Socrat.* 7, 22.

[665] *Cedr.* 587.

[666] *Theoph.* 98, 34-35.

[667] *Eunap.* Frg. 87. Ср. о продаже должностей при Аркадии: *Claud.* In Eutrop. 1,202.

Vestibulo praetiis distinguit regula gentes
Tot Galatae, tot Pontus, est tot Lydia nummis
Si Luciam tenuisse velis, tot millia ponas.

[668] Novellae Justiniani VIII от 535 года.

[669] *Амм. Марц.* 1, 122. (16, 7, 4).

[670] *Johan Antioch.* c. 69. (Exc. de virt. p. 203).

успехом выступил в качестве проповедника. Одаренный блестящим литературным и ораторским талантом, Кирилл скоро стал заметным членом александрийского клира. В 403 году он был вместе с дядей в Константинополе и участвовал в деяниях Собора, низложившего Иоанна. Враждебность к Иоанну и иоаннитам он сохранил с тех пор надолго, и только в 417 году согласился внести имя Иоанна в диптихи Александрийской церкви. По смерти Феофила осенью 412 года он был выбран на Александрийский престол, вопреки видам и стараниям правительства, так как стоявший тогда во главе управления Египта Абунданций боялся возвышения этого властного и честолюбивого человека.[671] В период борьбы на жизнь и смерть с язычеством при Феодосии I александрийские епископы сумели придать своему сану чрезвычайное значение и являлись властью, конкурирующей с представителями государственного управления. Их церковная юрисдикция непререкаемо простиралась на весь Египет и соседние области к западу, в пределах распространения греческого языка.[672] Префекты Египта вынуждены были считаться с патриархом, а властолюбивый Кирилл пошел дальше своих предшественников и немедленно по своем водворении на кафедре стал действовать как полноправный начальник страны.

Сначала Кирилл обрушился на новациан. Он приказал закрыть все их церкви, взял всю священную утварь и конфисковал все имущество их епископа Феопемпта.[673] Вслед за тем он произвел в городе страшный разгром иудеев, которые составляли еще со времен Птолемеев значительную часть населения Александрии и имели свое самоуправление и особые права.[674] Кирилл раздражал иудейскую общину своими угрозами, и они отомстили христианам ночными убийствами. Подосланные иудеями люди кричали, будто пожар охватил церковь Александра. Христиане сбегались тушить, а иудеи их избивали. На следующий день, когда это разгласилось, Кирилл сам повел народ на синагоги, разорил их до основания, выгнал из города всех иудеев и отдал их имущество на разграбление черни. Вся иудейская часть города запустела. Префект Египта Орест был крайне возмущен этим делом патриарха и довел обо всем до сведения двора. Но Кирилл со своей стороны писал о злодействах иудеев.[675] Вражда Кирилла к Оресту разгорелась еще больше, и нитрийские монахи явились в числе 500 человек в Александрию и, выждав время, когда тот проезжал на своей колеснице, бросились на него и осыпали всякой бранью, называя его язычником. Орест кричал им, что он христианин и крещен константинопольским патриархом Аттиком. Монахи не слушали, и один из них, Аммоний, бросил в Ореста камнем и разбил ему в кровь голову. На помощь префекту сбежались димы и обратили в бегство монахов. Аммоний был схвачен и замучен на пытке. Кирилл добыл труп Аммония и выставил его в церкви как мученика, назвав его Фавмасием.[676] Орест посылал в столицу донесения о бесчинствах Кирилла, но тот парализовал их своими сообщениями, в которых выставлял все дело в ином свете. Фанатичные монахи и параволаны, как назывались служители при благотворительных учреждениях церкви,[677] продолжали свои бесчинства и в следующем году совершили злодейское дело на улицах Александрии.

В этом городе давно жила и действовала высокообразованная женщина Ипатия, дочь Феоны, унаследовавшая от отца преподавательскую профессию и обучавшая математике и философии. В числе ее учеников были и христиане, и один из них, Синезий, родом из Кирены, давно уже занимал епископскую кафедру в своем родном городе. Ипатия оставалась верной эллинизму, как тогда называли язычество. Ее глубокая ученость пользовалась известностью на всем Востоке. Правитель Египта Орест поддерживал с ней добрые отношения. И вот однажды изуверы под руководством Павла, имевшего церковное звание чтеца, напали на нее на улице, приволокли к главной церкви города Кесарион, умертвили, снесли на лобное место и там сожгли ее труп. Событие совершилось в марте 415 года, и главными участниками его были параволаны.[678] Дикое проявление кровожадных инстинктов толпы, теперь уже христианской, совершилось под знаменем церкви, и это убийство легло неизгладимым пятном на память Кирилла.

В ту пору верховная власть перешла в руки Пульхерии. В Александрию был послан сановник высокого ранга Эдесий с поручением произвести следствие и наказать виновных. Он пробыл там более года. Как отнесся Эдесий к Кириллу, неизвестно. Но в связи со следствием Эдесия находится, очевидно, указ от 29 сентября 416 года, в котором, во-первых, было воспрещено клиру иметь какое-либо касательство к городскому сенату, а во-вторых, число параволанов было ограничено цифрой 500 и зачисление в эту корпорацию было поставлено в зависимость от канцелярии префекта.[679] Но Кирилл пользовался большим уважением у Пульхерии, и ему удалось

---

[671] *Socrat.* 7, 7.

[672] Западные области африканского побережья имели свой центр в Карфагене, митрополиты которого искони стояли в близкой связи с Римским престолом.

[673] *Socrat.* 7, 13.

[674] О положении иудеев в Александрии см.: *Bludau.* Juden und Judenverfolgungen in alten Alexandrien. 1906.

[675] *Socrat.* 7, 13.

[676] Ib. 7, 14. Иудейская община, издавна могущественная в Александрии, была всегда во вражде с христианской, и в сочинениях Кирилла есть много резких отзывов об иудеях. Chron. Pasch. 1, 5. «Иудеи превосходят всех людей нечестием... они преисполнены всякой скверны и нечистоты».

[677] О параволанах см. прекрасное исследование: *Болотов В. В.* Параволаны ли? // Христ. чтение. 1892, II, 235-254.

[678] *Socrat.* 7, 15. Хронология события дана точно: десятое консульство Гонория и шестое Феодосия, т. е. 415 год (Chron. Pasch.).

[679] Cod. Theod. 16, 2, 42.

впоследствии добиться увеличения числа параволанов до 600 и права самостоятельно замещать открывавшиеся вакансии.[680]

Времени самостоятельного правления Пульхерии принадлежит несколько указов о язычниках и иудеях. Так, в 416 году язычникам было воспрещено поступать на государственную службу (militia) и, в частности, отмечен запрет назначать их правителями провинций.[681] В 418 году закрыта была государственная служба для иудеев. Указ повелевал дать отставку иудеям, какие окажутся состоящими на дворцовых службах или среди императорских агентов (agentes in rebus), не взыскивая с них за то, что они попали на службу, и отнюдь не принимать их на будущее время. Точно так же все иудеи, какие попали на военную службу, должны быть немедленно отпущены в отставку. Для образованных иудеев разрешалась и на будущее время карьера адвоката, а равно и участие в городских сенатах, если по происхождению они принадлежали к этому классу.[682] Точно так же в 415 году вышло два указа против монтанистов и евномиан с запрещением их собраний и угрозами разных кар.[683]

В жизни двора событием чрезвычайной важности была женитьба Феодосия. Хронисты сохранили живые подробности, свидетельствующие о том интересе, с каким отнеслись к этому событию современники. Когда Феодосий выразил желание вступить в брак, он заявил, что его супруга должна быть красавицей, какой другой нет на свете, и принадлежать к царскому роду; но если бы такой не оказалось, то не нужно ни знатности, ни богатства, ни принадлежности к царскому роду, только бы была красива. Пульхерия и Павлин, друг Феодосия, усердно искали подходящую невесту. Павлин ездил по разным местам в поисках за красавицей, а Пульхерия разослала правителям провинций приказ искать царю невесту. Поиски были напрасны, но случай привел в Константинополь красавицу, какую хотел Феодосий.

То была гречанка Афинаида, дочь афинского философа Гераклита (или Леонтия), который дал ей блестящее образование.[684] Риторика и философия составляли сущность тогдашнего идеала образованности, и юная Афинаида, богато одаренная от природы, усвоила всю полноту тогдашнего высшего знания. Она умела сочинить и произнести речь, владела стихом. Умирая, Гераклит оставил все свое состояние двум сыновьям, а про дочь написал в завещании, что ей «следует выдать лишь сто номизм, так как для нее достаточно ее счастья, которое превосходит всякое женское счастье». На коленях просила она братьев выделить ей третью часть имущества; но они отказали. Она ушла из дома отца к тетке, вместе с ней приехала в Константинополь, где жила сестра ее отца, и явилась к Пульхерии, чтобы искать правды насчет наследства. Пульхерия сразу пленилась ее красотой и, разузнав о ней все, что было нужно, поместила ее вместе с теткой во дворце. Брату она сообщила, что нашла ему красавицу. Тот стал просить, чтобы она показала ее ему и Павлину, хотя бы через завесу. Просьба была исполнена. Феодосий сразу влюбился, и дело было решено. Воспитанная в Афинах, умственном центре тогдашнего язычества, Афинаида оставалась язычницей. Ее обучили христианскому закону, окрестили и дали имя Евдокии. Бракосочетание совершилось 7 июня 421 года и было отпраздновано конскими ристаниями и театральными представлениями. Когда до братьев Афинаиды дошло известие о счастливой судьбе сестры, они бежали, боясь наказания, и скрылись. Их разыскали и привезли во дворец. Императрица их встретила словами: «Если бы вы меня тогда не обидели, не пришлось бы мне отправиться в Константинополь». Они были взысканы милостями: Гезий стал префектом префектуры Иллирика, Валериан получил сан магистра.[685]

Через год у Евдокии родилась дочь, нареченная при крещении именем Евдоксии, а в 423 году Евдокия была провозглашена августой. Примирившись с благочестивой обстановкой жизни двора, она сама сочиняла поэмы на религиозные темы. Пульхерия и после бракосочетания Феодосия осталась в положении соправительницы и отстранила Евдокию от участия в государственном управлении.

Во дворе оказалось два центра и пошли неизбежные в придворной жизни интриги. Сохранился рассказ о том, как Пульхерия, желая заставить брата внимательнее относиться к делам и перечитывать то, что он подписывал, подсунула ему для подписи указ, по которому он отдавал навсегда в рабство Пульхерии свою жену Евдокию.[686] Рассказ этот свидетельствует, что между этими двумя женщинами высокого положения не было полного согласия. В свои молодые годы Феодосий относился с большим равнодушием к государственным делам, слишком доверялся окружавшим его придворным евнухам и не раздумывая на все давал свою подпись. Отсюда происходило много обид и неправды. Вина падает на евнухов, которые пользовались легкомыслием молодого императора, позволяя себе незаконные поборы. Но, войдя в возраст, Феодосий стал серьезнее относиться к обязанностям верховного правителя. Закалив себя физически, он легко выносил жару и холод и в зрелые уже годы пристрастился к верховой езде и охоте. В личном обращении с людьми он не проявлял никогда горячности и со всеми был очень ласков и обходителен. Сопоставляя его с Юлианом, Иоанн Антиохийский замечает, что

---

[680] Ib. 16, 2, 43 (от 3 февр. 418 г.).
[681] Ib. 16, 10, 21, на имя Аврелиана.
[682] Ib. 16, 8, 24 — на имя префекта претория Палладия. В 438 году издан был указ аналогичного содержания. Novella 3.
[683] Ib. 16, 5. 57 и 58.
[684] Занять кафедру в Афинах помог Гераклиту Олимпиодор. *Olympiodori* frg. 28.
[685] Так рассказано об этом событии, с приведением подлинных слов, у Малалы (Chron. 353-355). Близко и часто дословно — Chron. Pasch. 575-78.
[686] *Theoph.* 101, 13.

тогда как Юлиан как специалист, постигший всякую философию, применял пытки и истязания, Феодосий, «сказав “прости” всяким силлогизмам», на деле усвоил высшую мудрость и проявлял удивительное умение сдерживать гнев, скорбь и радость. От казней и убийств он совершенно воздерживался. Когда однажды кто-то спросил его, почему он не казнит смертью виновных, он ответил: «А возможно ли воротить к жизни умерших?» Где и по закону полагалась смертная казнь, он щадил жизнь.[687] Если даже случалось, что суд приговаривал какого-нибудь преступника к смертной казни и его уже вели на лобное место, то у городских ворот шествие встречал вестник с помилованием от императора. Однажды, когда во время ристаний разразилась страшная гроза, Феодосий прекратил зрелище, встал со своего места на кафизме и запел псалом. И весь народ, собравшийся на увеселение, пел и молился вместе с императором.[688]

В домашней жизни во дворце Феодосий поддерживал порядки, к каким привык с детства. День начинался с пения псалмов, по средам и пятницам держался пост, строго исполнялись все церковные службы. Феодосий любил общение с духовными лицами и благочестивыми монахами, которых нередко сам разыскивал,[689] и свое уважение к духовным лицам доводил иногда до крайности. Когда один грубый монах, приставший к нему несколько раз с какой-то просьбой, получил вновь отказ, он обрушился с бранью на императора и произнес над ним отлучение. Вернувшись во дворец, Феодосий не сел обедать и послал к патриарху просить его, чтобы тот, кто наложил на него отлучение, разрешил его. Патриарх объяснил императору, что не от всякого следует признавать отлучение, и своей властью разрешил его. Но Феодосий не успокоился, пока не разыскали того монаха и тот не снял с него сам отлучения.[690]

Если заботы о насаждении благочестия и христианских нравов исходили от Феодосия и Пульхерии, то, быть может, справедливо будет признать влияние Евдокии в одном важном событии 425 года, а именно: основание высшей школы в Константинополе. Историки и хронисты не отметили этого события, но мы имеем три императорских указа, которые относятся к организации нового образовательного учреждения в столице империи. Школа с ее определившимся у греков учебным планом, в двух стадиях учения: грамматика и риторика, перешла еще во время республики в Италию, а в императорское время получила повсеместное распространение. С тех пор как император Веспасиан дал высокое общественное положение авторитетному учителю риторики Квинтилиану, распространение школ, содержимых на средства отдельных городов, быстро пошло по Италии, а затем и по провинциям. При Марке Аврелии в Афинах государство пришло на помощь существовавшим там философским школам, и представители разных систем, академики, стоики, эпикурейцы были обеспечены содержанием от государства. С течением времени сложился своеобразный тип высшей школы, выработавшей постепенно свою особенную академическую жизнь. Высшая школа в Афинах пользовалась широкой известностью и привлекала к себе молодых людей, искавших высшего просвещения помимо того риторического образования, которое можно было получить повсюду. Вместе с торжеством христианства и признанием его государственной религией Афинская школа, жившая старыми преданиями и привлекавшая к себе умственные силы с греческого Востока, стала духовным оплотом язычества. Но дух этой школы не был воинствующим, и если Юлиан вынес оттуда свое утверждение в отпадении от христианства, то его современники Василий Великий и Григорий Богослов приобрели там же глубину философского образования, которое послужило им для обоснования истин христианства. Теперь, когда спутницей жизни римского императора была воспитанница Афинской школы, новообращенная христианка, возникла мысль создать новое высшее образовательное учреждение в столице империи, чтобы оно могло явиться центром просвещения христианского общества. Афинский университет остался неприкосновенным и по-прежнему пользовался предоставленными ему в разное время имуществами, а наряду с ним возникло новое просветительное учреждение в Константинополе.[691]

В восьмой части города, на Капитолии, были отведены для аудиторий обширные залы (exedrae), примыкавшие к северному портику форума Константина. Всем грамматикам и риторам, или софистам, как их тогда называли на греческом Востоке, которые за плату обучали детей и юношей в общественных помещениях, воспрещено было на будущее время пользоваться ими и разрешалось заниматься обучением не иначе как на своих частных квартирах. Во вновь созданной высшей школе положено было по штату определенное число кафедр по разным предметам обучения, с разделением по двум языкам империи: государственному — латинскому и допущенному на равных правах на Востоке — греческому. Всего кафедр было 31, а именно: десять грамматиков, обучавших латинскому языку, и также десять — греческому, три латинских ритора и пять греческих; к ним были прибавлены два законоведа и один специалист по философии.[692] Таков был преподавательский штат в новой высшей школе. Латинский язык и латинское ораторское слово были поставлены наравне с греческим, который преобладал в частной жизни и господствовал в Церкви на всем Востоке и в столице. Но закон и суд держались по традиции первого государственного языка, т. е. латинского, а самые

---

[687] *Iohan. Antioch.* C. 71 (Exc. de virt. p. 204).
[688] *Socrat.* 6. 22.
[689] *Cedren.* 1, 595-96. Рассказ о том, как Феодосий посетил монаха, спасавшегося неподалеку от столицы.
[690] *Theodoret*. 5, 25.
[691] Cod. Theod. 15, 1, 53 (17 февраля 425 г.). Notitia urb. Const. IX, p. 236 Seeck. *Mordtmann.* Esquisse topographique de Constantinople. Lille. 1892. 1. § 10.
[692] Ib. 14, 9, 3 (также 27 февраля 422 г.).

источники права изучались тогда не иначе как в латинском подлиннике. Назначение на кафедры специалистов, достигших известности в области своего знания, было предоставлено сенату, и школа находилась в ближайшем заведовании префекта города. Занимающие кафедру профессора не имели права обучать кого-либо дома и должны были все свои силы посвящать на пользу своих слушателей в школе, под угрозой потерять предоставленные им преимущества. Они состояли, во-первых, в определенном окладе из средств государства и, во-вторых, в почетном звании комита первого ранга. Назначения были сделаны, по-видимому, не сразу. В указе от 15 марта 425 года этот высокий ранг получили два греческих грамматика, Гелладий и Сириан, и один латинский — Феофил, два греческих ритора — Мартин и Максим, а также законовед — Леонтий. Для других назначенных, а также и подлежавших еще назначению профессоров, этот высокий чиновный ранг был обусловлен 20-летним сроком службы.[693] Так возникло высшее образовательное учреждение в Восточной империи, которое в самом своем составе поддерживало идею равенства двух государственных языков и тем самым свидетельствовало о единстве империи.

Как раз около того времени это сознание было укреплено важными событиями политического характера: на престол после смерти бездетного Гонория, последовавшей в 423 году, Феодосий посадил малолетнего племянника Гонория, Валентиниана, и мать его Галлу Плацидию, имевшую титул августы, о чем будет сказано в другой связи. Валентиниан до своего отъезда в Италию был обручен с двухлетней дочерью Феодосия и Евдокии, Евдоксией, и, таким образом, узы, соединявшие обе империи, были еще теснее скреплены.[694] Осенью 437 года[695] Валентиниан в сопровождении высших чинов своего двора и блестящей свиты прибыл в Константинополь, и здесь было торжественно отпраздновано бракосочетание западного императора с дочерью восточного (29 октября). Непосредственное общение двух дворов дало возможность решить некоторые неясности в пограничных отношениях обеих империй. Угроза, которую представляли гунны для Иллирийской префектуры, требовала изменения пограничной черты, и по свидетельству, сохраненному Кассиодором, Валентиниан предоставил своему тестю весь Иллирик.[696]

Большое значение для жизни всей империи имело состоявшееся тогда же соглашение о принятии нового свода императорских эдиктов, выработанного в Константинополе. Со времени основания высшей школы в Константинополе оживилось изучение права, и к 429 году назрела мысль составить в интересах суда и администрации, которые не были отделены в империи, сборник императорских указов, начиная от Константина и до настоящего времени. Так как указы являлись с давних пор главной и единственной формой законодательства в империи, то знакомство с ними было делом прямой необходимости для имперской бюрократии. От времени Диоклетиана существовал сборник указов, начиная с Адриана и до Диоклетиана. По имени составителя он назывался *Codex Gregorianus*. В дополнение к нему в IV веке возник сборник последующих указов под именем *Codex Hermogenianus*.[697] При Феодосии явилась мысль составить систематический свод указов христианских императоров и тем облегчить знакомство с этим важным материалом действующего права. Эдиктом императора от 29 марта 429 года была составлена комиссия из наиболее опытных и имевших административные заслуги государственных людей и специалистов законоведов, на которую было возложено собрание и систематизация подлежащего материала. Дело велось осмотрительно и довольно медленно.[698] В 435 году (20 декабря) комиссия была переформирована и предоставленные ей полномочия по части редакции текстов и их выбора точнее определены,[699] а через два года новый сборник был выработан окончательно. Во время пребывания Валентиниана в Константинополе представители римского двора приняли выработанный в Константинополе новый кодекс, и он, таким образом, должен был явиться общим для всей империи. 15 февраля 438 года кодекс был опубликован на Востоке и получил название *Codex Theodosianus*, [700] а 23 декабря того же года состоялось в Риме заседание сената, на котором он был принят для Западной империи. Протокол этого заседания сохранился в дошедших до нас текстах *Феодосиева Кодекса* и представляет особый интерес тем, что дает нам ясное представление о процедуре сенатских заседаний того времени.

Префект города Рима, председательствовавший в собрании, Аниций Фавст, заявил о препровождении кодекса в Рим. Его обращение к сенату прерывалось возгласами похвалы и одобрения: «Nove diserte, vere diserte», «Aequum est, placet, placet». Затем председатель прочел текст императорского манифеста, в котором изложены были принципы, положенные в основу составления сборника, а также история его обработки. В ответ раздались одобрительные возгласы, из которых каждый повторялся много раз: Augusti Augustorum, Maximi Augustorum (8 раз), Deus vos nobis dedit, Deus vos servet (27 раз), Romani imperatores et pii felices, multis annis imperetis (22 раза) и т. д. Когда эти крики закончились, председатель заявил, что присланный кодекс будет переписан и экземпляры

---

693 Cod. Theod. 6, 21, 1.
694 *Marc. Com. s. a. 424.*
695 Такова общепринятая хронология этого события. Но у Сократа — 7, 44 — названы по именам консулы, которые обозначают не 437, а 436 год.
696 *Cassiod.* Var. 11, 1. Это весьма сомнительно, так как нет сведений, чтобы Далмация раньше победы Юстиниана над готами принадлежала Восточной империи.
697 Оба эти кодекса дошли до нас в виде весьма скудных фрагментов.
698 Cod. Theod. 1, 1, 5.
699 Ib. 1, 1, 6.
700 Leges Novellae ad. Theodosianum pertinentes. Nov. 1.

его распределены по соответствующим учреждениям. Одобрительные возгласы на это заявление закончили заседание.

Материал в Феодосиевом Кодексе распределен на 16 книг, и каждая книга делится на большее или меньшее число глав (tituli), а в этих последних указы распределены в хронологическом порядке. Шестнадцатая книга заключает в себе указы, относящиеся к религиозной жизни государства. Текст всех указов латинский, независимо от того, выходили ли они в Риме или в Константинополе. Империя была римская, и хотя в видах практического удобства греческий язык допускался в официальных документах для восточных областей еще при Августе, но лишь в виде перевода с латинского подлинника, который и прилагался при этом.

Валентиниан с молодой супругой уехал сначала в Фессалонику, где молодые провели зиму, а весною 438 года — в Равенну. Отъезд молодой царевны имел свои последствия в жизни восточного двора. Императрица Евдокия, которой, по-видимому, тяжело жилось при властолюбивой невестке, стала просить мужа дозволить ей сделать путешествие в Святую Землю в исполнение данного ею обета помолиться за благополучие новобрачных у Г роба Господня.[701]

Путешествия в Святую Землю с благочестивой целью имели в ту пору уже большую давность. Елена, мать имп. Константина Великого, долго жила в Иерусалиме, созидала храмы, обрела Честной Крест Господень и воздвигла его. С середины IV века (333 г.) сохранился дорожник с указанием всех городов и станций по пути из аквитанского города Бурдигалы (Бордо) до Иерусалима.[702] Паломничество в Святую Землю вошло в обычай, и многие члены римской знати посещали святые места. Такова была знатная и образованная женщина из южной Галлии, по имени Эгерия, оставившая описание своего путешествия,[703] такова знатная римлянка Мелания, учредившая в Иерусалиме монастырь.[704] Когда Руфин погиб и евнух Евтропий конфисковал его состояние, узаконив тем самым это убийство, жена и дочь Руфина просили разрешения уехать в Иерусалим, где и жили до самой смерти.[705] Внучка той Мелании, приходившаяся племянницей знатному римскому сенатору Волузиану, жила в Иерусалиме.[706] Так как Волузиан должен был сопровождать Валентиниана в его поездке на Восток, то Мелания списалась с дядей и приехала повидаться с ним в Константинополь. По своему положению она вошла в придворный круг общества, и весьма вероятно, что именно общение с нею и вызвало у Евдокии желание побывать в Святой Земле.

Окруженная подобающей свитой, Евдокия поехала морем на Восток и по пути остановилась в Антиохии. Этот старый город с его живым и подвижным населением стоял в ту пору на высоте культуры и роскоши. Некогда имп. Юлиан, считавший себя эллином по духу, снаряжал из этого центра свой роковой поход против персов. Своей показной религиозностью и преследованием христианства он вооружил против себя население и вызвал даже глумление над собою.[707] Теперь явилась сюда царственная особа, настоящая эллинка по духу и образованию, и захотела показать себя народу. Она держала публичную речь, сюжетом которой было прославление города. Свою блестящую речь, сказанную на чистом аттическом языке, она заключила стихом Гомера:

Ὑμετέρης γενέης τε καί αἵματος εὔχομαι εἶναι[708]
(В честь я вменяю себе, что я вашего рода и крови).

Успех был блестящий. В городском сенате ей была воздвигнута золотая статуя, а на площади — бронзовая.[709] Пребывание императрицы в Антиохии ознаменовалось разными щедротами на общую пользу. Укреплены были стены города, сооружена новая большая базилика, расширены и украшены общественные бани, пользование которыми вошло, как воздействие Рима, во всеобщий ежедневный обиход.[710] Из Антиохии Евдокия проехала в Иерусалим и провела там восемь месяцев. Живо интересуясь всем, она изучала тамошнее монашество, представлявшее большое разнообразие в строе подвижнической жизни, строила сама общежития и лавры, т. е. монастыри из широко раскинутых и уединенных келий, занималась делами благотворительности.[711]

Проведя более года в этом путешествии, Евдокия вернулась назад в столицу и привезла с собой священные реликвии в виде мощей (439 г.). Отношения между нею и Пульхерией никогда не были близки, а теперь началась взаимная вражда. Являясь соправительницей Феодосия, Пульхерия имела своего препозита и соответственный

---

[701] *Theoph. 92.*
[702] Сводный текст этого интересного памятника издан *Тоблером:* Itinera Hierosolymitana. Genavae, 1877-1879. В издании «Православный Палестинский Сборник» помещен во 2 выпуске 1 тома перевод этого текста (Петерб., 1882).
[703] Латинский текст с русским переводом проф. И. В. Помяловского см.: Палест. сборник. Т. VII. Вып. 2. Первый издатель назвал паломницу Сильвией, и лишь недавно установлено точно ее имя и хронология.
[704] Биографию Мелании старшей см.: *Pallad.* Hist. Lausiaca c. 117 (P G 34).
[705] *Zosim.* 5, 2.
[706] Биографию Мелании младшей см.: *Pallad.* Hist. Lausiaca c. 119.
[707] *Амм. Марц. 2,* 136-137 (22, 14).
[708] Ilias. 20, 241.
[709] *Evagr.* 1, 20. Бронзовая статуя оставалась на месте еще во время Евагрия (кон. VI в.).
[710] *Malala.* 360. — О щедротах Феодосия Антиохии см.: *Evagr.* 1, 18.
[711] *Evagr.* 1, 21.

штат. Тайное недоброжелательство разжигали интриганы.[712] При дворе боролись разные влияния, и наиболее сильным лицом при императоре стал евнух Хрисафий. Он сумел при содействии Евдокии устранить Пульхерию,[713] которая вынуждена была отказаться от соправительства, отослала брату своего препозита и удалилась в Евдом, где и жила затем во дворце, строго соблюдая данный ею монашеский обет, в полном отстранении от государственного управления.[714]

Евдокия стала теперь свободнее и заняла, по-видимому, более влиятельное положение. Но в 440 году случилось одно мелкое событие, которое имело самые тяжкие последствия. Наиболее подробный рассказ об этом сохранился у Малалы и в *Пасхальной хронике*.[715]

Однажды, когда император в день Богоявления отправился из дворца, чтобы идти в храм, один простой человек (πένης) принес ему фригийское яблоко невероятно больших размеров. Феодосий по-царски вознаградил принесшего, выдав ему 150 номизм, а самое яблоко отослал жене. Друг детства императора Павлин, неразлучный спутник его жизни, занимавший пост магистра оффиций, жил всегда во дворце и имел свободный доступ как к Феодосию, так и Евдокии. Павлин был нездоров и остался дома. Желая сделать приятное другу своего мужа, Евдокия послала ему яблоко, не сообщив, от кого оно к ней попало; а Павлин захотел сделать подарок Феодосию и переслал ему яблоко, когда тот вернулся из церкви. Феодосий спрятал яблоко, позвал жену и спросил ее: «Где яблоко, которое я тебе послал?» Евдокия сказала, что она его съела. Феодосий потребовал, чтобы она поклялась его жизнью (κατά τῆς αὐτοῦ σωτηρίας) в том, что она съела яблоко и никому не отдавала. И Евдокия дала клятву. Тогда Феодосий показал ей яблоко. Он страшно рассердился и, заподозрив, что Евдокия послала яблоко Павлину как своему любовнику, сослал Павлина в Кесарию Каппадокийскую, где он и был потом казнен. Все знали, что это сделано из-за Евдокии.

Таков рассказ хронистов, которым мотивируется разрыв в семье императора.[716] Яблоко в римской поэзии есть любовный символ, и весь этот рассказ не может претендовать на достоверность в смысле исторического свидетельства о том, что было причиной разрыва, и самое событие занесено в хроники под разными годами. Дата смерти Павлина, 440 год, позволяет приурочить к этому времени крушение семейного счастья Феодосия. Евдокия, тяготясь сложившимися отношениями, просила разрешения покинуть столицу и переехать в Иерусалим на постоянное жительство. Ее отъезд случился, по-видимому, не раньше 442 года. В свите, сопровождавшей ее, были два близкие ей члена клира, пресвитер Север и диакон Иоанн. В 444 году Феодосий послал в Иерусалим комита доместиков Сатурнина, и тот казнил Севера и Иоанна. Разгневанная Евдокия отомстила ему смертью Сатурнина, быть может, убила его сама.[717] Феодосий ограничился тем, что лишил ее блеска императорской обстановки, и она осталась в Иерусалиме на положении частного лица. Она располагала, однако, достаточными средствами, чтобы ознаменовать свое пребывание в Святом Городе крупными сооружениями и делами благотворения. Хронисты сообщают, что она укрепила стены Иерусалима, причем применяла к себе слова псалма Давида: «По благоволению твоему (εὐδοκία σου) созиждутся стены Иерусалимские».[718] Свидетельства наших источников о великолепном храме св. Стефана, сооруженном Евдокией,[719] и укреплении стен города не совсем согласуются с утверждением, будто Феодосий лишил свою жену

---

[712] Уже в 431 г. положение Пульхерии было скомпрометировано подозрениями о близости между ею и Павлином, другом детства Феодосия.

[713] Точная дата отстранения Пульхерии от участия в деле государственного управления не нашла себе места в более древних записях. У позднейших хронистов, которые отчасти пользовались древними писателями, отчасти вносили свои комбинации, даты ненадежны. Никифор Каллист — 14, 49 — занес в свое изложение сведение, что Пульхерия была в отстранении в течение семи лет. Так как Феодосий опять приблизил к себе Пульхерию за несколько месяцев до смерти в 450 году, то, таким образом, переселение ее в Евдом придется отнести к 443 году.

[714] Об интригах, посредством которых Хрисафию удалось устранить Пульхерию, подробно говорит Феофан, помещая это событие в последний год правления Феодосия. По его словам, Хрисафий действовал через Евдокию. По его наговорам Евдокия стала просить Феодосия, чтобы он сделал Пульхерию Диаконисой, так как монахине неприлично иметь своего препозита и жить во дворце и в царской роскоши. Феодосий сначала защищал Пульхерию, указывая на ее государственные заслуги, но затем поддался наговорам жены и написал Флавиану о зачислении Пульхерии в диаконисы. Не желая исполнить воли Феодосия, Флавиан написал Пульхерии письмо, советуя ей не посещать его, чтобы не наткнуться случайно на то, что могло бы быть ей неприятно. Пульхерия поняла интригу, отослала своего препозита императору и сама переселилась в Евдом (*Theoph.* 98-99). Так как Флавиан занял патриарший престол только в начале 447 года, а Евдокия была в опале с 444 года и жила в Иерусалиме, то весь этот рассказ является весьма сомнительным и восходит, по-видимому, к тем темным слухам, которыми широкая публика объясняла тяжелые события, происходившие во дворце. К тому же источнику восходят и грязные сплетни насчет отношений Феодосия к Хрисафию, нашедшие отклик у Иоанна Антиохийского (Exc. de virt., c. 13, p. 162-163), которые затем повторяли позднейшие авторы хроник.

[715] *Malala*. 356-7; Chron. Pasch. 584-585, под 444 годом.

[716] Измененная версия того же сказания дана у Псевдо-Кодина. De aedificiis // Praeger. Patria. III, § 146, p. 261.

[717] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 80).

[718] Пс. 50:20. В русском переводе псалмов принято иное чтение: «воздвигни стены Иерусалимские».

[719] Жит. св. Евфимия, гл. 51; *Evagr.* I, 22.

ее содержания как царицы.[720] Живя в Иерусалиме, Евдокия продолжала сношения с Пульхерией, которой прислала образ Божьей Матери Одигитрии, писанный по преданию евангелистом Лукой. Пульхерия водворила его в соименном образу храме, который построила в Константинополе.

В раздоре между сторонниками Халкидонского собора и их противниками, который разразился в Иерусалиме бунтом, — о чем придется сказать в другой связи, — Евдокия приняла сторону монофизитов.[721] Император Маркиан просил папу Льва, который вел в ту пору живые сношения с византийским двором по тревожному вопросу о признании Халкидонского собора на Востоке, оказать воздействие на Евдокию, и до нас дошло одно его письмо к ней.[722] Из Константинополя по тому же вопросу ей писали ее брат Валерий и Олибрий, муж ее внучки. Эта переписка осталась без воздействия, и лишь смерть ее зятя Валентиниана III и плен дочери и внучек сломили ее упорство. Евдокия обратилась за советом к Симеону Столпнику, тот ее направил к палестинскому отшельнику Евфимию, и этот последний посоветовал ей восстановить церковное общение с Ювеналием. Она покорилась, и многие последовали ее примеру. Сооруженный ею храм св. Стефана был освящен в 460 году. В том же году 20 октября Евдокия скончалась и была в нем погребена.[723] Перед смертью, как записали хронисты, она принесла клятву, что в деле Павлина на ней не лежало никакой вины.[724]

Роковой удар семейному счастью Феодосия поднял в его кроткой душе чувство ревности, и сеть придворных интриг опутала его. Он поддался влиянию евнуха Хрисафия, который занял властное положение при слабовольном государе.[725] 441 год ознаменован убийством Иоанна-вандала.[726] Откуда и когда явился этот человек на службе Феодосия, об этом молчат наши источники, а Феофан смешивает его с тем Иоанном-нотарием, который после смерти Гонория занял его престол.[727] Иоанн-вандал был человек военный, пользовался одно время расположением Феодосия и занимал пост командира во Фракии. Его убийцей был магистр армии во Фракии Арнегискл; но дело это приписывалось Хрисафию, и впоследствии Пульхерия отомстила ему за это злодеяние. Политический горизонт империи омрачился в это время. Вторжение арабов и ганнов на восточной границе, угроза войны с персами, военные предприятия против вандалов, не удавшиеся вследствие страшного нашествия Аттилы, — все это скопилось в одно время и заставило Феодосия пережить немало тяжких испытаний. Несчастный для империи 443 г. отмечен был также жестокими поступками Феодосия в отношении близких его слуг. Один из придворных евнухов, который был приставлен к нему в качестве воспитателя еще Аркадием, по имени Антиох, возведенный им в сан патриция, — честь, какой удостоился в прежнее время один только Евтропий, — впал в немилость за свободу обращения, которую позволял себе по старой привычке. Он был лишен своего высокого звания, пострижен в духовное звание и зачислен в члены клира Софийского храма. Его состояние было конфисковано. Одновременно с тем был издан закон, воспрещавший на будущее время возведение в члены сената евнухов.[728] Весьма вероятно, что эта немилость к Антиоху стояла в связи с той душевной мукой, которую переживал Феодосий вследствие крушения своего семейного счастья.

С большой уверенностью можно предполагать ту же самую причину другого поступка Феодосия — в отношении к видному государственному деятелю Киру. Александриец по происхождению, человек блестяще образованный и известный поэт своего времени, Кир пользовался вниманием императрицы Евдокии на почве общего их интереса к поэзии. Он сделал блестящую карьеру и в течение четырех лет, с 439 по 442 год, занимал высокий пост префекта сначала города,[729] а потом соединил с ним другой — префекта претория и достиг большой популярности за свои заботы по благоустройству и украшению города. Его заслугой является организация ночного освещения Константинополя по образцу Александрии.[730] Все общественные здания, воздвигнутые при Константине, успели прийти в ветхость и нуждались в обновлении. Кир сумел произвести этот ремонт в такой роскошной форме, что население встречало его в ипподроме восторженными кликами: «Константин основал, Кир обновил». Популярность префекта вызвала подозрительность государя, Кир был обвинен в приверженности к эллинизму, т. е. язычеству, и приговорен к ссылке. Состояние его было конфисковано. То обстоятельство, что он был заподозрен в язычестве, не помешало, однако, посвятить его в духовное звание и назначить епископом города Коттиея в провинции Фригии Salutaris. В церковной общине Коттиея были

---

[720] Никифор Каллист (15, 9) поминает о состоявших при Евдокии телохранителях, во время беспорядков, связанных с бунтом против Ювеналия.
[721] Жит. св. Евфимия, гл. 44; *Niceph.* 15,6.
[722] Leonis Epp. 133 от 454 года, а в письме к еп. Юлиану (117, 3) папа поминает о поручении Маркиана.
[723] *Evagr.* 1, 22, 1; Жит. св. Евфимия, гл. 44-45, 51.
[724] *Malala.* 358; Chron. Pasch. 585. — Биографию Евдокии дал *Gregorovius* в очерке под заглавием *Athenais* (1882).
[725] Малала (р. 363), сообщает, что его фамилия была Στομμᾶ, что он был красавец собой, состоял кубикулярием и отличался большим корыстолюбием. Хрисафий принял на себя звание патрона партии прасинов πατρων καί προωσταάτης τῶν Πρασίνων. Другие источники называют его спафарием, т. е. оруженосцем императора. *Theod. lecet.* 1, 1. Τρουμᾶ.
[726] *Marc. Com. s. a.*
[727] *Theoph.* 97, 16-24.
[728] *Malala.* 361; *Theoph.* 96.
[729] В октябре 439 г. префектуру занимал еще Флорентий (Nov. 17), а в декабре того; же года Кир (Nov. 18).
[730] Chron. Pasch. 588.

беспорядки, и четыре епископа кряду кончили жизнь насильственной смертью. Когда Кир прибыл в свою епархию и настал день Рождества Христова, паства потребовала проповеди, и Кир сказал такую речь: «Братья мои, Рождество Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа должно быть почтено молчанием, потому что только от восприятия (благовестил) слухом произошло у Пресвятой Девы зачатие. Слава Господу вовеки. Аминь!» Эта краткая речь была принята аплодисментами слушателей, и Кир остался епископом Коттиея до самой своей смерти.[731] Таков рассказ о судьбе этого блестящего человека, занесенный в хроники. Если в нем и не все правда, то и в таком случае он остается интересным показателем тогдашних настроений. Печальный конец Кира был, по-видимому, делом Хрисафия, который с тех пор остался главным направителем воли Феодосия.[732]

ДЕЛА НА ЗАПАДЕ И ОТНОШЕНИЯ ФЕОДОСИЯ К РИМУ. ВАНДАЛЫ В АФРИКЕ

В первые 15 лет правления Феодосия Восточная империя и византийский двор стояли вне всякого отношения к тем грозным событиям, которые шли своим чередом на Западе. После гибели Стилихона между римским и византийским дворами наладились дружественные отношения, но это не вызвало ни вмешательства, ни помощи. В Константинополь нескоро приходили вести о том, что совершалось в Западной империи, и если они были благоприятны, то вызывали сочувственный отклик и соответственные торжества. Так, в 415 году 25 сентября была в Константинополе иллюминация и конские ристания после получения известия о гибели Атаульфа.[733] Точно так же и в следующем году, после того как пришла весть «о победе императора Гонория над тираном Атталом», были даны 26 июня сценические представления, а 7 июля — конские ристания.[734]

Страшное время пребывания Алариха в Италии Гонорий пережил в Равенне. Целый ряд дворцовых переворотов не пошатнул его трона. Константин тщетно домогался признания достигнутого им положения и по соглашению с Аллобихом, магистром армии при дворе Гонория, предпринял в 410 году поход в Италию. Но в Вероне он получил известие о казни Аллобиха и направился назад за Альпы.[735] В Галлии он застал своего сына Констанция, который возвратился из Испании, так как не мог там держаться против Геронтия, который провозгласил в Тарраконе императором Максима. Нуждаясь в подкреплении своих сил, Константин послал за Рейн полководца Эдобиха, чтобы завербовать новые дружины германцев. Констанций стоял с войсками в Вьенне. Геронтий, вторгшийся из Испании, разбил его, захватил в плен и казнил.

Около этого времени Гонорий снарядил поход в Галлию под начальством вождей Констанция и Ульфилы. Войска императора встретились за Альпами с Геронтием. Констанций сумел подействовать на его войска; они перешли на службу императору, и Геронтий с одним верным аланом бежал в Испанию и был там вскоре убит. Констанций и Ульфила после этого успеха подступили к Арелату, где находился Константин с младшим своим сыном Юлианом. До них дошла весть, что Эдобих ведет из-за Рейна свежие силы германцев на помощь Константину. Они готовы были прекратить осаду и уйти за Альпы, но им удалось поймать Эдобиха в засаду и разбить его.[736] Константин потерял всякую надежду на помощь со стороны, Арелат не мог более держаться и был сдан неприятелю, Константин с Юлианом искали убежища в церкви. Отец и сын выговорили себе личную безопасность и приняли духовный сан. Их отправили в Италию; но в 30 римских милях от Равенны они, были преданы казни. Головы их были посланы Гонорию, который отправил затем голову Константина в Тарракон.[737]

Претендентство Константина имело важные последствия для римской власти в Британии и северной Галлии. Лишенная военной охраны Британия и галльская область Арморика отложились от империи, изгнали находившихся там римских чиновников и организовались как самостоятельные политические целые. Борьбу с варварами они продолжали уже самостоятельно.[738] Так началось разложение Западной империи.

Максим, ставший императором в Испании по воле Геронтия, был низложен после его смерти и остался, однако, в живых, так как во время своей власти никому не причинил никаких обид.[739]

Когда вестготы с Атаульфом во главе появились за Альпами, в Галлии был новый претендент на императорскую диадему, Иовин, префект претория при Гонории в 408 году, затем магистр оффиций Аттала, интриговавший против него у Алариха. Провозглашение Иовина императором состоялось в Могонциаке (Майнц); поддержку ему оказали царь аланов, живших в Галлии, Гоар, и бургунды, проникшие в эту пору на территорию Галлии. Сар, враг Алариха и Атаульфа, отступился от Гонория, оскорбившись на него за казнь одного из своих людей. Он вступил в сношения с Иовином и с малым отрядом таких же храбрых людей, как он сам, перешел через Альпы, чтобы присоединиться к Иовину. Но по пути он наткнулся в Галлии на готов Атаульфа и погиб со своим отрядом, дорого продав свою жизнь.[740]

---

[731] *Malala.* 361; Chron. Pasch. 588; *Theoph.* 96-97. — Пасх. Хроника и Феофан отводят ему кафедру в Смирне.
[732] *Suidas*. ν. Θευδόσίος.
[733] Chron. Pasch. P. 572.
[734] Ib. P. 573.
[735] *Sozomen.* 9. 11.
[736] *Sozomen.* 9, 14.
[737] *Prosper.* Epit chron. s. a. 411 (Chron. min. 1.486). — 21 сентября 411 г. голова Константина на копье была выставлена в Тарраконе (Chron. min. 1, 246).
[738] *Zosim.* 6, 5, 2-3.
[739] *Prosp.* Epit. Chron. s. a. 412.
[740] *Sozomen.* 9, 15; *Olympiodor*i. frg. 16.

Когда Атаульф решился покинуть Италию, он имел в виду поддержать Иовина. Этот план внушил ему Аттал, бывший император, которого готы держали в своем лагере, как и Плацидию, сестру Гонория. Но вскоре Атаульф оказался во вражде с Иовином. Грабежи и опустошения, которые производили готы, вовсе не входили в интересы Иовина, а гибель Сара была прямой ему обидой. Когда же Иовин, вопреки желанию Атаульфа, провозгласил соправителем своего брата Себастиана, то между недавними союзниками началась война. Этому содействовал префект Дардан, сохранявший верность Гонорию. При его посредстве Атаульф предложил императору свою службу на условии доставки провианта готам. В ожидании благоприятного ответа он выступил против Иовина и разбил его. Себастиан пал в этой битве, а Иовин укрылся в город Валенцию, где и был осажден. Вскоре он был принужден сдаться Атаульфу, и префект Дардан казнил его. Головы Иовина и Себастиана были отосланы в Равенну к Гонорию. Так как провиант, о котором просил Атаульф, не был ему доставлен, то готы продолжали свои грабежи и захватили город Нарбонну. Попытка овладеть Массилией была неудачна, и Атаульф был при этом ранен. Изложенные события относятся к 413 году.

В том же году потерпел неудачу еще один претендент. То был правитель Африки Гераклиан, убийца Стилихона. Он оставался верен Гонорию во время пребывания Алариха в Италии и, задерживая подвоз хлеба в Порт, ставил готов в безвыходное положение. В 413 году Гераклиан собрал флот, посадил на суда три тысячи воинов и направился в Италию с намерением захватить Рим. Комит Марин разбил его; он бежал в Карфаген с одним кораблем и был вскоре убит в Африке.[741]

Между тем Атаульф, с которым Гонорий не вступал и теперь в соглашение, пришел к мысли оформить свое отношение к Галлии при помощи Аттала. Приняв опять отличия императорского сана, Аттал предоставил готам Аквитанию и Новемпопулану. Это событие ничем не улучшило общего положения готов. Нуждаясь в провианте, они продолжали грабительские походы по южной Галлии. Когда они угрожали городу Вазасу, епископ Герман своим пастырским авторитетом достиг того, что союзная с готами орда алан отложилась от них и взяла на себя защиту города. Выдав заложников, аланы вступили в город, и когда готы подошли к его стенам и увидали своих прежних союзников готовыми защищать от них римлян, то отступили, и город не подвергся разорению.[742]

Атаульф держал в своем лагере сестру Гонория Галлу Плацидию, возлагая на нее свои надежды достигнуть соглашения с императором. В январе 414 года Атаульф отпраздновал свой брак с Плацидией, «сочетал глину с железом», по выражению Филосторгия.[743] Церемония бракосочетания была отпразднована по римским обычаям и придворному ритуалу, причем видная роль выпала на долю Аттала, который читал сочиненный им стихотворный эпиталамий в честь новобрачных.[744] Трудное положение, в котором находился Атаульф, и та исконная ненависть к вандалам, которую питали готы, побудили Атаульфа перейти Пиренеи и начать завоевание Испании. Возможно, что одной из причин движения готов на юг было появление полководца Констанция за Альпами. Когда у Плацидии родился сын, ему нарекли имя деда Феодосий, и Атаульф надеялся, что это событие сблизит его с императорским домом. Но младенец вскоре умер, а сам Атаульф был убит в городе Барциноне в Испании как жертва личной мести (415 г.). За короткое время у готов сменилось затем два царя. Первый из них был Сигерих, брат Сара. Он казнил детей Атаульфа от первого брака, лишил Плацидию того привилегированного положения, каким она пользовалась как вдова царя, и держал ее как простую пленницу. Скоро он был убит; той же участи подвергся и его кратковременный преемник, восстановивший права Плацидии. Третий после Атаульфа царь, Валлия, счел за лучшее отослать Плацидию в Равенну к Гонорию, куда она и была препровождена как вдова готского царя, с почетным готским эскортом, который остался при ней в Равенне на личной ее службе (416 г.). Готы находились тогда в обладании Аквитанией, с городами Толозой и Бурдигалой, и северо-восточной части Испании. Гонорий после возвращения Плацидии пошел на уступки и признал готов законными обитателями захваченных ими областей (418 г.). За пять лет до того удостоены были равеннским двором той же чести бургунды, самовольно захватившие юго-восточную часть Галлии (413 г.). Так эта римская страна разделилась на части, получившие характер национальных государств. В обладании Гонория оставалась только юго-восточная приморская область и земли по Луаре до тех областей, которые были уже заняты франками.

Но сам Гонорий смотрел иначе на свое положение. На 417 год он объявил консулом себя в 11-й раз и полководца Констанция — во 2-й. В январе он отпраздновал бракосочетание Констанция с Галлой Плацидией и в том же году совершил триумфальный въезд в Рим в честь своих побед над врагами. Попавший в плен к Констанцию во время бегства от готов Аттал украсил этот триумф и был затем сослан на остров Липару.[745]

---

[741] *Marc. Com.* S. a. 413. 3 авг. 413 г. был издан указ, которым были кассированы все распоряжения Гераклиана. Остались в силе лишь акты по освобождению на волю рабов. Cod. Theod. 15, 14, 13.

[742] Этот интересный эпизод сохранен в поэме Павлина Пеллейского *Eucharistikon* // Corp. scrip, eccles. latin. v. XVI, ст. 330 и сл.

[743] *Philostorg.* 12, 4. Атаульф имел жену из племени аланов, которой дал развод.

[744] *Olympiodori* frg. 24. Устроил этот брак Кандидиан, оставшийся и позднее на службе у Галлы Плацидии и сопровождавший ее в Рим из Константинополя. Свадебные подарки подносили Плацидии 50 мальчиков, одетых в шелковые одежды; каждый из них поднес ей два блюда, одно с золотом, другое — с драгоценными камнями. То была часть добычи от грабежа Рима.

[745] *Philostorg.* 12, 5. Атталу отрубили на руке первый и третий палец. *Prosper*, s. a. Honorius triumphans Romam ingreditur, praeunte currum eius Attalo, quem Liparae vivere exulem iussit.

Гонорий вернулся в Равенну, и между сестрой и братом установились очень близкие отношения. В 418 году у Плацидии родилась дочь, получившая имя Гонории, а 3 июля 419 года — сын, названный Валентинианом. По настоянию Плацидии он получил новый титул нобилиссима.[746] В 421 году Гонорий объявил Констанция августом и соправителем, а Плацидию — августой. Но византийский двор отказался признать третьего августа, и в Константинополе не приняли портретов Констанция, присланных по обычаю Гонорием для водворения их в главнейших городах империи. Привыкший к свободе военной жизни, Констанций тяготился стеснениями придворного этикета; он вскоре заболел и на седьмом месяце своего царствования умер.

Отношения между Плацидией и Гонорием из слишком нежных, вызывавших дурные толки в обществе, превратились скоро во враждебные, и дело доходило до резких столкновений. Не обошлось даже без кровавой борьбы между солдатами Гонория и готской охраной Плацидии. Правитель Африки Бонифаций поддерживал добрые отношения с Плацидией и ссужал ее деньгами.[747] Раздор Плацидии с Гонорием завершился тем, что в июле 423 года она покинула Равенну и отправилась с детьми в Константинополь. Ее встретили с должным почетом в соответствии с ее саном. А 15 августа скончался в Равенне Гонорий. Когда эта весть дошла до Константинополя, был объявлен семидневный траур.[748]

Иоанн, занимавший пост первого нотария при дворе умершего императора, по соглашению с военными людьми, захватил верховную власть и был провозглашен императором. Он обратился к Феодосию с просьбой о признании, но в Константинополе, вместо ответа, заточили его послов. Законным преемником Гонория, умершего бездетным, Феодосий признал сына Плацидии Валентиниана, которому тогда было пять лет. В эту пору он находился вместе с матерью в Фессалонике. Предвидя необходимость защищать достигнутое положение, Иоанн стал готовиться к войне. Поддерживавший его молодой и талантливый военачальник Аэций, сын генерала Гауденция и готской княжны, бывший в детские годы заложником у Алариха, а потом у гуннов, отправился к этим последним, чтобы вызвать их на помощь.

Феодосий послал в Фессалонику магистра оффиций Гелиона, который поднес Валентиниану титул цезаря и облачение этого сана. Против Иоанна были отправлены войска под начальством трех вождей: магистра армии Ардабурия, его сына Аспара и еще одного полководца, Кандидиана, который действовал в 414 году в Галлии и был, таким образом, ближе знаком с западными отношениями.[749] Армия направилась в Далмацию и овладела Салоной. Ардабурий и Кандидиан посадили пехоту на суда и держали курс на Аквилею, главный порт к северу от Равенны. Аспар с конницей пошел по побережью. Вследствие неблагоприятного ветра эскадра Ардабурия была отброшена на юг и попала в плен к Иоанну. Но Кандидиану удалось взять Аквилею, куда вскоре прибыл и Аспар со своей конницей. Не желая войны и не располагая для нее военными силами, Иоанн рассчитывал привести дело к миру через такого важного пленника, как Ардабурий, и содержал его с большим почетом. Ардабурий воспользовался своим свободным положением, чтобы подготовить измену гарнизона Равенны. Этот город считался неприступным, так как был окружен на огромном пространстве непроходимыми болотами, которые являлись более надежной защитой, чем самые стены. Аспару удалось, однако, найти проводника и благополучно провести войска через болота. Он очутился под стенами города, когда никто не ожидал нападения. Без боя, вероятно вследствие измены, Аспар овладел городом, освободил своего отца и схватил Иоанна. В благополучном переходе Аспара через болота современники увидали чудо, а в самом проводнике признали ангела, посланного с неба.[750] Иоанн был отправлен в Аквилею, куда между тем прибыла морем Плацидия с сыном. По пути она выдержала жестокую бурю и свое счастливое избавление от опасности увековечила впоследствии сооружением в Равенне церкви во имя Иоанна. На стенах этого храма и доселе уцелели надписи с именами лиц царского дома и объяснением обетного характера этого сооружения.[751]

Иоанн был подвергнут публичному позору в цирке Аквилеи: его возили на осле, отрубили правую руку и затем казнили. На третий день после смерти Иоанна прибыл на место событий Аэций с гуннами. Он напал на Аспара, битва была весьма кровопролитна, и успех был на стороне Аэция. Но так как Иоанна уже не было в живых, то Аэций вступил в переговоры с новым двором и прекратил войну, обеспечив за собой звание комита. Гунны были щедро вознаграждены за помощь и, выдав заложников в обеспечение мирного возвращения в свои кочевья, ушли назад.[752] Известие об успешном окончании предприятия пришло в Константинополь, когда Феодосий давал ристания на ипподроме. Он прекратил увеселение и с пением псалмов направился в сопутствии всего народа в храм, чтобы возблагодарить Господа за ниспосланную победу.

Феодосий помышлял сначала о поездке в Рим, но отказался от этого намерения и отправил в качестве своего представителя магистра оффиций Гелиона, который облек в императорский пурпур Валентиниана.[753] За малолетством императора правила его мать Плацидия. Она не сумела надлежащим образом воспитать своего

---

[746] *Olympiodori* frg. 34.
[747] Ib. frg. 40.
[748] *Theoph.* 84, 16.
[749] *Olympiodori* frg. 46.
[750] Socrat. 7, 23; Johan. Antiochen. C. 82; Theoph. P. 84, 24.
[751] Corp. Inscr. Lat. XI 276.
[752] *Philostorg.* 12, 13.
[753] *Olympiodori* frg. 46. 23 октября 425 года — Chron. Pasch. 580.

сына. Он возымел склонность к тайным наукам астрологии и отрав и, войдя в юношеский возраст, вел распущенную жизнь, любил роскошь и удовольствия и вовсе не проявлял знаний и талантов, требуемых его саном и трудным положением империи.[754]

При дворе шло соперничество враждовавших между собой сильных людей. Интриги Аэция вызвали восстание Бонифация в Африке. Будучи объявлен врагом отечества, Бонифаций вызвал на помощь вандалов из Испании. Царь Гензерих переправился в Африку всем племенем вместе с слившимися с вандалами аланами. Бонифиций скоро возобновил свои добрые отношения к двору, но Гензерих превратил свою помощь в завоевание. Из Рима были посланы войска для поддержки Бонифация в борьбе с вандалами. На границе провинции Мавритании Бонифаций дал вандалам битву, но потерпел жестокое поражение. Гензерих его преследовал и осадил в Гиппоне. Августин, епископ этого города, поддерживал бодрость населения и защитников до самой своей смерти. Плацидия просила помощи у Феодосия, и он отправил в Африку войска под начальством Аспара (431 г.). Гензерих снял осаду Гиппона, но военные действия имперских войск шли неуспешно, и Гензерих нанес им поражение. Бонифаций бежал в Рим, а Аспар уехал в Константинополь, оставив в руках Гензериха много пленных и в числе их своего доместика Маркиана, будущего императора. Не встречая сопротивления, вандалы взяли и сожгли крепость Гиппон, из которой население разбежалось заранее, и продолжали подчинять себе страну. Равеннский двор начал переговоры с Гензерихом, и в 435 году был заключен договор,[755] по которому император признал вандалов властителями захваченных ими областей, а Гензерих обязался выплачивать часть взимаемых с населения податей. Карфаген остался римским городом. В обеспечение верности договору, Гензерих выдал Валентиниану заложником своего сына Гунериха, но вскоре получил его назад. Так как вандалы были ариане и духовенство их отличалось большим фанатизмом, то между победителями и местными жителями, твердо державшими православие, была глубокая вражда.

Пользуясь тем, что Аэций был занят в Галлии, Г ензерих постепенно распространял свои владения, а в 439 году захватил Карфаген и подверг город жестокому опустошению.[756] Много представителей местной знати, потеряв все свое состояние, бежало в Италию, иные попали на Восток, в Сирию, и искали там поддержки и помощи.[757] Овладев великолепной гаванью и главным портом Африки, Гензерих сделал набег на Сицилию и осадил Панорм, угрожая южной Италии. Ввиду этой опасности Валентиниан издал указ на имя магистра армии Сигисвульда с поручением организовать армию. Был объявлен набор по всей Италии и дано разрешение населению запасаться оружием для защиты от постоянной угрозы нападения на побережье.[758] Одновременно с тем Валентиниан обратился к Феодосию с просьбой о помощи. Господство Гензериха в Африке и его сила на море создавали страшную опасность для Италии и грозили также торговым интересам Восточной империи. Восточные купцы вели широкие предприятия на Западе, были всегда в большом числе в Италии и самом Риме.[759] Отношения между дворами после женитьбы Валентиниана на Евдоксии были очень близки и сердечны. Феодосий снарядил огромный флот в 1200 кораблей и послал большую военную силу под начальством четырех вождей: Ареобинда, Апсила, Индобинда и Германа.[760] Но это широко задуманное предприятие окончилось в Сицилии и не простерлось на Африку.[761] Гензерих вступил в переговоры и отправил посольство в Константинополь. А в эту пору Аттила сделал страшное вторжение в придунайские области, очевидно, по соглашению с Гензерихом. Феодосий вынужден был отозвать свои войска и заключить с Гензерихом мир (442 г.). Не располагая силами для борьбы с вандалами, то же сделал и Валентиниан. Западная часть Нумидии и Мавритания остались под римской властью.

Так создалось и было признано со стороны империи новое варварское арианское царство в житнице Западной империи, Африке, с ее романизованным и преданным православному исповеданию населением. Гензерих развивал свое морское могущество и обеспечивал свою власть над соплеменниками. Он утопил вдову царя Гунтериха, казнил много знатных вандалов, завязал сношения с вестготами и женил одного из своих сыновей на дочери Теодориха, царя вестготов. Как правоверный арианин, он начал склонять африканских туземцев к измене православию, но встретил резкий отпор с их стороны, и преследования по местам имели характер кровавых насилий.

ОТНОШЕНИЯ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ ИМПЕРИИ

Отношения империи к персидской державе в первые годы царствования Феодосия были весьма дружественны. Царь Йездигерд, приняв опекунство над малолетним императором, сдержал свое слово, и на восточной границе империи до самой его смерти, последовавшей в 420 году, невозбранно продолжался мир на

---

[754] *Procop.* De bel. Vand. I. 3.

[755] *Prosp.* s. a. 435. Pax facta cum Vandalis data eis ad habitandum Africae portione (Chron. min. I, 474).

[756] Комит Марцеллин дает день взятия Карфагена — 23 октября.

[757] Среди писем епископа Феодорита Кирского сохранился целый ряд его обращений с просьбой помочь некоему Целесцениану. — *Theodoret* Epp. 29-36 (G. P. 83, 1208 и сл.).

[758] *Novella Valent.* 6, p. 90.

[759] Ib. 5.

[760] *Prosp.* Cos. Cyro solo, т. е. в 441 году. *Theoph.* 101, 18.

[761] Qui longis cunctationibus negotium differentes Siciliae magis oneri quam Africae praesidio fuere. *Prosp.* s. a.

благо обеих держав. Когда же по смерти Иездигерда царем стал Бахрам — пятый по счету этого имени на троне Сасанидов, по прозвищу «Гор», т. е. дикий осел, — мир был нарушен.[762] Серьезность опасности для населения восточных провинций засвидетельствована указом от 5 мая 420 года на имя префекта претория, в силу которого было дано разрешение всем земельным собственникам пограничных провинций возводить стены и укрепления в своих владениях.[763] Ближайшим поводом к началу военных действий со стороны империи явилось преследование христиан, которое начал Бахрам в пределах своего царства. Персидские христиане во множестве бежали в пределы империи, и представители их явились в Константинополь с просьбой о заступничестве. Патриарх Аттик отнесся к ним с полным сочувствием, и Феодосий немедленно двинул войска под начальством Ардабурия на персидскую границу. Помимо этой причины были еще и другие мотивы к враждебным отношениям. Римские купцы жаловались на обиды и грабежи их караванов в персидских пределах, а кроме того, Бахрам не возвращал мастеров по добыванию золота, которые были наняты на определенный срок.

Ардабурий вторгся через Армению в персидскую область Арзанену и произвел там страшные опустошения. Против него выступил персидский вождь Нарсей (Mirh-Nerseh), но потерпел поражение и, изменив свой военный план, перешел в Месопотамию. Туда же передвинул свои войска и Ардабурий. Нарсей, не чувствуя себя достаточно сильным, занял Нисибин[764] и укрепился в этой пограничной крепости. Ардабурий ждал подкреплений, и когда с новыми силами явился на театр войны Прокопий, обложил Нисибин и приступил к осаде города, начав строить осадные машины. Бахрам, получив известие о неудачном ходе дела, вызвал на помощь летучие отряды арабов, царем которых был Аламундар, собрал войско и двинулся сам в Месопотамию. По слуху о том, что Бахрам привел много слонов, Ардабурий снял осаду, сжег свои машины и перешел на римскую территорию.[765] В местности на берегу Евфрата враждебные армии встретились, и битва окончилась чрезвычайно удачно для римлян. В персидском лагере произошла паника, и целые отряды войск бросались в реку в боевом вооружении и тонули в волнах. Оставшиеся в порядке войска были окружены римлянами и потерпели тяжкое поражение. Погиб до единого человека отборный отряд, носивший название «бессмертных». Такова запись об этой битве у хронистов.[766] Сократ описывает гибель «бессмертных» так. — Когда уже начались переговоры о мире, «бессмертные» просили царя позволить им сделать засаду. Они обошли с двух сторон один римский отряд, но Прокопий вовремя поспел на помощь, окружил «бессмертных», и они пали до единого человека[767]. Военные нравы того времени знали поединок, как замену боя целых армий, и когда войска Прокопия встретили царя Бахрама, то, по предложению последнего, было условлено решить дело единоборством. С римской стороны выехал комит федератов, по имени Ареобинд. Он уклонился от удара копья своего противника, поймал перса на аркан и зарезал его. Этот военный подвиг был началом блестящей карьеры Ареобинда.[768]

Персидское царство при Бахраме, как и после него, было сильно затруднено войнами с ефталитами и гуннами, на восточной и северной границах. Продолжение неудачно начавшейся войны не входило в интересы персов, и вскоре начались переговоры об условиях мира; с римской стороны их вел патриций Гелион. Он послал к Бахраму Максимина, своего асессора. Мир был заключен в 422 году. В число условий договора было включено обязательство персидского царя прекратить преследование христиан[769], а император обязывался не принимать под свою власть арабов, подчиненных персам, не сооружать новых укреплений в пограничной полосе и платить известную сумму денег за охрану кавказских проходов.[770] Феодосий рассматривал успешный ход войны и скорое ее окончание как знак божьего благоволения и славословил Господа в песнопениях, которые распевал вместе со своими пребывавшими в девстве сестрами. Представители изящного слова сочиняли похвальные речи и поэмы для публичного прочтения, и сама императрица Евдокия, владевшая греческим стихом, сложила в прославление этой победы большую поэму в гексаметре.[771]

В связи с событиями этой войны широко огласился подвиг христианской любви епископа Амиды Акакия. Римские солдаты привели из Арзанены семь тысяч пленных, которые томились в неволе и страдали от голода. Акакий собрал членов клира своей церкви и предложил сплавить на металл церковные сосуды из золота и

---

[762] *Procop.* b. pers. c. 2 — ошибочно утверждает, что мир на персидской границе не прерывался в правление Феодосия и рассказывает любопытный анекдот про встречу Бахрама с магистром армии Анатолием.
[763] Cod. Just. 8, 10, 10.
[764] Эта крепость принадлежала со времени похода Диоклетиана империи и была сдана персам по договору с Иовианом в 363 году. Аммиан Марцеллин подробно описал сдачу этого сильного пограничного пункта: 2, 271 (25, 9).
[765] *Socrat.* 7, 18.
[766] *Theoph.* 86, 4 — говорит о 100 тысячах потонувших, но у него под мириадой персов разумеется также и полк персидской армии.
[767] *Socrat.* 7, 20.
[768] *Malala.* 364. Аркан назван словом σωκάριν, т. е. σωκάριόν. Готы усвоили его за время своего жительства в черноморских степях.
[769] *Theoph.* 87.
[770] *Procop.* De bel. Pers. 1, 10, 16.
[771] *Socrat.* 7, 21.

серебра, как ненужные Богу, а на эти деньги накормить и выкупить пленных. План епископа встретил одобрение, и пленные были отосланы на родину. Персидский царь был поражен этим поступком Акакия и пригласил его к себе, чтобы лично с ним познакомиться. С разрешения Феодосия, Акакий отправился в Персию и побывал у Бахрама.[772]

По смерти Бахрама V воцарился его сын Йездигерд II (438 или 439 г.). Отношения между обеими державами ухудшились, и дело едва не дошло до войны. Арабы начали свои грабительские набеги, через кавказские проходы прорвались с севера гунны, начали свои разбои исавры, и персидский царь выступил на границы империи. В 440 году на Восток были отправлены войска под начальством магистров армии Анатолия и Аспара. В наших источниках не сохранилось никаких сведений о ходе военных действий, а в хронике Марцеллина под 441 годом помещено краткое известие о заключении мира на один год.[773] В эту пору сделал свое страшное нашествие Аттила, и войска были нужны на Западе. По всему вероятию, дело не ограничилось перемирием, так как после 442 года мир длился до времен Анастасия.

Времени правления Феодосия принадлежат некоторые важные перемены в судьбах страны, давно связавшей свою судьбу с империей на ее северо-восточных границах — Армении. Западные ее области находились издавна в вассальной зависимости от империи, и римский император властно вмешивался в вопрос о престолонаследии армянских царей. В конце IV века при Феодосии I окончилась самостоятельная династия Арсакидов в Армении. По договору между персидским двором и императором состоялся раздел Армении между державами. К империи отошла западная, меньшая, часть армянской территории.[774] Северная часть этой области носила имя Великой Армении. Представителем власти императора являлся здесь сановник с титулом комита. Южная часть в верхнем течении Тигра и его левых притоках была разделена на пять областей: Софанена, Анзитена, Софена, Астианена и Балабитена.[775] Земли эти оставались под управлением знатных местных родов.[776] Власть предоставлялась пожизненно, и инсигнии власти новому правителю присылал император. То был пурпурный, затканный золотом плащ (χλαμύς) с золотой застежкой, украшенной драгоценным камнем, с которой свешивались три золотые цепочки с укрепленными на них смарагдами; нижнее платье (χιτών), шелковое с золотыми клавами, и пурпурные сапоги до колен.[777] Так держались здесь на крайнем северо-востоке порядки, кот рые в начале империи предшествовали на всем Востоке установлению непосредственного провинциального управления.

Так как в Армении в ту пору христианство было уже господствующей религией, то существовало церковное общение, и армянский историк Моис Хоренский сохранил свидетельство о живых сношениях епископа Сагака с патриархом Аттиком и императором Феодосием.[778] Тот же историк сообщил нам о сооружении нового опорного пункта римской власти в армянской земле в местности, носившей у армян имя Карин. Сооружение крепости в верхнем течении Евфрата было делом магистра армии Анатолия, который занял этот пост на Востоке в 438 году и оставался в этом звании и в 443.[779] Новый город был сильно укреплен и служил с тех пор в течение столетий опорным пунктом римской власти в тех областях. От имени императора он получил название Феодосиополя, с каким и жил в истории, пока не был переименован в Эрзерум.

ОТНОШЕНИЯ НА ДУНАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ. АТТИЛА

Огромное море гуннов и других варварских племен, расселившихся в пределах некогда римской Дакии и задунайской части провинции Нижней Мезии, не было объединено единой властью, и дикая их сила не представлялась грозной опасностью для империи. В это время гунны продвинулись Запад, и главные их становища оказались в широких равнинах по нижнему течению Тисы до излучины среднего Дуная. Здесь были особенно благоприятные условия для жизни кочевого народа, державшего огромные табуны лошадей и стада рогатого и мелкого скота. В 20-х годах наиболее сильным ханом был Руа, Руга или Роила. Наряду с ним были и другие властители, его братья Мунджук и Октар.[780] Так как Аэций в свои молодые годы был заложником у Роилы, то отсюда можно заключить, что кочевья этого властителя были ближе к западной границе, чем других ханов. От Роилы получил Аэций в 423 году 60 тысяч конного войска на поддержку Иоанна. Аэций опоздал со своей помощью и предпочел вступить в соглашение с новым двором, гунны, получив щедрое вознаграждение,

---

[772] Ib.

[773] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 80).

[774] *Giiterbock.* RSmisch-Armenien und die r6mischen Satrapien im vierten bis sechsten Jahrhundert. K6ningsberg, 1900; *Baynes Norman.* Rome and Armenia in the Forth Century //Hist. Rev. 1910. 625-648.

[775] Nov. Just. 31, ср. Cod. Just. (1,29, 5), где даны шесть имен: Анзитена, Ингилена, Астианена, Софена, Софенена, Балабитена.

[776] Аммиан Марцеллин сохранил свидетельство о живых связях местной знати тех областей с империей. См.: 1, 230 (18, 6, 20).

[777] *Procop.* De aedif III 1, p. 247 Bon.

[778] *Langlois.* Collection des historiens de I'Armenie. Moise de Khorene. III 5 p. 164-166.

[779] Novella IV, p. 12 (изд. Mom.-Meyer); Cod. Just. 1, 46, 3.

[780] *Jord.* Get. 180. Attila patre genitus Mundzuco, cuius fuere germani Octar et Roa Roas — 'Ρούγας у Сократа, 'Ρωίλα — у Феодорита, 'Ρούας — у Приска. Сократ (3, 30) сохранил свидетельство о набеге Уптара на бургундов, который окончился него весьма неудачно: он потерял 10 тыс. человек. Вероятно, имя Οὖπταρος то же, что Octar.

воротились в свои кочевья. Когда в 432 году соперничество Бонифация и Аэция дошло до междоусобной войны, Аэций оказался слабее и бежал через Далмацию к Роиле. При его посредстве Аэцию удалось восстановить свое положение при дворе Валентиниана и Плацидии. В связи с этим вмешательством Роилы во внутренние дела Западной империи стояло расширение занятой гуннами территории в направлении запада. Им была уступлена северная часть Паннонии, и пограничной областью империи на северо-востоке стал теперь Норик. Восточной империи принадлежало течение Дуная от Сингидона (Белград) и до устья реки. Область течения Савы, т. е. провинции Вторая Паннония и Савия, осталась, по-видимому, и тогда в обладании Западной империи, и в городах Сирмии и Сисции стояли римские гарнизоны.[781] Бракосочетание Валентиниана и Евдоксии послужило поводом к изменению границы обеих империй, и, если верить Кассиодору, то весь Иллирик отошел к восточной ее половине.[782]

Одновременно с тем, как Роила поддержал Аэция, у него начались неудовольствия с восточным двором, от которого он получал по договору ежегодные поминки в количестве 350 фунтов золота. Отдельные колена гуннов переходили на службу к императору. Укрепляя свою власть над соплеменниками и покоренными народами, жившими в придунайских местностях, Роила видел нарушение договора со стороны империи в принятии на службу гуннов. Он собрался на войну против своих соплеменников и отправил в Константинополь послом своего верного слугу по имени Ислу, который уже имел случай исполнять его посольства, с требованием выдачи ему всех бежавших в империю гуннов. Дело обсуждалось в сенате, и было принято решение снарядить ответное посольство к гуннам, возложив его исполнение на двух магистров армии, удостоившихся уже назначения в консулы. Но так как посольство императора должно было прибыть после возвращения Ислы к своему повелителю, то дело затянулось, а между тем пришла весть о скоропостижной смерти Роилы во время похода. По случаю избавления от грозной опасности совершено было благодарственное моление, и патриарх Прокл держал речь, в которой уподобил гуннов росам и мосохам пророка Иезекииля.[783]

Преемниками Роилы оказались его племянники, дети его брата Мунджука, Бледа и Аттила. К новым властителям решено было отправить посольство, исполнение которого было поручено магистру армии во Фракии, готу по национальности, Плинте. По его просьбе вторым членом посольства был назначен Епиген, занимавший пост квестора.

Послы императора прибыли в город Марг, лежавший на Дунае,[784] против крепости Констанции на левом берегу реки, куда явились представители Аттилы. Совещание шло вне города на конях, как принято было у гуннов, и мир был заключен на следующих условиях: римляне обязуются выдать всех гуннов, какие перешли к ним хотя бы и давно, не принимать на свою службу на будущее время никого из гуннов, выдать римских пленных, бежавших от гуннов без уплаты выкупа, или же уплатить за каждого такого человека тому, кто взял его в плен, восемь солидов; не вступать в союз и не поддерживать ни одного народа, с которым гунны будут вести войну; держать свободными и доступными для гуннов рынки в пограничных городах и, наконец, уплачивать в год 700 фунтов золота вместо 350, как было раньше. Договор был утвержден клятвами обеих сторон, согласно обычаям и верованиям каждой.

В силу этого договора были выданы гунны, перебежавшие к римлянам, и в числе их оказались дети Мамы и Аттакама. Они были царского рода, и, получив их, гунны распяли их на римской территории, в городе Карсе в провинции Скифии. Аттила и Бледа, скрепив мир с империей, направились на Восток на покорение племени сарагуров.[785] В течение нескольких лет не было никаких тревог на дунайской границе. Но в 441 году мир был нарушен.

Во время ярмарки в одном из пограничных городов гунны напали на римлян и перебили многих. Из Константинополя было отправлено посольство с требованием объяснения причины нарушения договора. Ответ был дан в том смысле, что то было лишь отмщение за обиду: епископ города Марга тайно похитил в их земле сокровища из могил их царей. Гунны требовали выдачи виновного и грозили войной. Начавшиеся переговоры не

---

[781] Таково свидетельство *Notitia dignitatum* (Occidens, с. 31). Если та редакция памятника, которая дошла до нас, относится ко времени не раньше 425 года, то свидетельство это имеет важность для времени уступки Паннонии гуннам. Точных сведений о судьбе этих городов нет в наших источниках. Но известно, что Сирмий попал в руки Аттилы, и в это время случилось одно мелкое обстоятельство, которое повело к продолжительным сношениям Аттилы с Римом; и дело не было закончено еще в 448 году. Взятие Сирмия, вероятно, относится к 443 году, оно случилось еще при жизни Бледы. Интересно отметить, что император Юстиниан в своей 11 новелле дает одну историческую справку, по-видимому, не точную. По его словам, вследствие опустошений Аттилы префект Иллирика Апремий оставил Сирмий и перенес свою резиденцию в Фессалонику. Это обстоятельство и повело за собой возвышение значения епископа этого города в положение митрополита. Но, во-первых, Сирмий в пору Аттилы принадлежал Западной империи, во-вторых, епископ Фессалоники имел положение митрополита еще в 20-х годах пятого века, когда патриарх Аттик хотел подчинить Иллирик своей юрисдикции.

[782] *Cassiod.* Var. 11, 1, 9; (Placidia) nurum sibi amissione Illyrici comparavit factaque est coniunctio regnantis divisio dolenda provinciis. Повторяет это сведение и Иордан (Rom. § 329): datamque pro munere soceri sui totam Illyricum.

[783] *Socrat.* 7, 43; *Theodoret.* 5, 37.

[784] Ныне Орашье на правом берегу Моравы при ее впадении в Дунай. Констанцию *Иречек* помещает близ Кубина на левом берегу Дуная.

[785] *Prisci* frg. 1.

привели к соглашению, и гунны сделали набег на правый берег Дуная, производили грабежи и опустошения, захватывали укрепления и взяли крепость Виминакий.[786] Жители Марга хотели уже выдать своего епископа, но тот предупреди л их и сам бежал к гуннам. Он предложил им, в случае прощения его вины, сдать город. Гунны ему доверились, и он вернулся с большим отрядом, который укрыл в засаде, а ночью впустил в город.[787] В связи с этими событиями Аттила потребовал от Феодосия письмом выдачи всех перебежчиков и скорейшей уплаты дани, которая была задержана вследствие враждебных действий гуннов. Он требовал также, чтобы к нему прибыло посольство для выработки условий уплаты дани на будущее время. Ответ, который был дан Аттиле, не удовлетворил его. Он сделал набег в пределы империи, разорял римские земли, захватывал укрепления и овладел Рациарией, главным городом Побережной Дакии. Военные силы империи были в ту пору отвлечены в далекие предприятия для отпора персам на восточной границе и экспедиции против вандалов. Феодосий поспешил закончить ту и другую войну, и широко задуманная и удачно выполненная экспедиция против Гензериха не привела ни к каким результатам. Западная империя была слишком ослаблена, чтобы без помощи Восточной справляться с таким предприимчивым и энергичным врагом, и православная Африка подпала под власть фанатичного арианского государя. Богатая житница Рима была окончательно потеряна, и море оказалось во власти Гензериха.

Как далеко простерлось гуннское нашествие в 442 году, об этом нет точных сведений в наших источниках. По-видимому, вся Фракия была наводнена гуннскими грабительскими отрядами, так как отправленный ко двору гуннских царей посол императора Сенатор не решился ехать сухим путем, хотя его титул давал гарантию личной безопасности, и направился из столицы морем в Одисс (Варну), где имел свое пребывание дукс провинции Скифии.[788] Об условиях, на каких был восстановлен мир с гуннами, не сохранили сведений дошедшие до нас источники.

В связи с теми тяжкими бедствиями, которые пережила империя от нашествия гуннов, стоит указ Феодосия, изданный на имя магистра оффиций Нома 12 сентября 443 года. Под угрозой строгих кар император повелевал пограничным дуксам довести состав пограничных войск до нормального числа и не обижать пограничных солдат и состоящих в союзе племен (foederatae gentes) при выдаче им содержания (annonaria alimenta); далее, подтверждается старое право пограничных солдат владеть и пользоваться предоставленной им землей, не платя никаких повинностей. На эти земли не простирается никакое право давности при захвате ее другими лицами, а равно он не подлежат отчуждению. Магистру оффиций вменяется в обязанность в январе месяце каждого года докладывать императору о точной цифре всех пограничных войск по всем границам империи, а также о состоянии сторожевых флотов, а в то же время сообщать о лицах, заслуживающих наград за ревностную службу или кары за нерадение. В заключение император выражает надежду, что при надлежащем состоянии пограничной охраны, в случае нашествия где-либо врага, раньше придет весть о дарованной Богом победе, чем о битве.[789] Указы о неприкосновенности земель, предоставленных пограничным солдатам, выходили и раньше: в 409 и 423 годах,[790] но, очевидно, злоупотребления продолжались по вине корыстных командиров.

На следующий год после заключения мира Аттила устранил от соправительства своего брата Бледу и стал единым повелителем всех гуннских орд, кочевавших на широком пространстве от Паннонии и до Кавказских гор, а также и множества других народов, покоренных гуннами как в прежнее время, так и особенно в его грозных походах. Своими военными подвигами Аттила поразил воображение современников и остался жить навеки в эпическом образе германских народных саг. Его двор был теперь живым центром международных сношений с далекими народами, он имел при себе верных слуг не только из германцев, но и римлян. По-прежнему он поддерживал дружеские сношения с Аэцием, сын которого, Картелион, жил у него одно время в качестве заложника.[791] Аэций прислал ему из Рима образованного человека, который служил ему секретарем в сношениях с империей, а Аттила. подарил Аэцию шута по имени Зеркона, который пользовался особенным расположением покойного Бледы.[792] В пору дружеских сношений с Аэцием Аттила принял от западного двора звание магистра армии, и те деньги, которые он получал ежегодно из Рима, считались его жалованьем по должности.

Мирные отношения с гуннами, восстановленные в 443 году, продержались до 447, который ознаменовался страшным нашествием Аттилы, имевшим гораздо более грозный характер, чем предшествующее. Ближайшим поводом послужили, по-видимому, задержки в уплате ежегодной дани и не прекращавшееся бегство гуннов от своего повелителя на службу императора. Гунны наводнили всю Фракию. На берегах реки Ута (Вид) магистр

---

[786] Этот город одни помещают на месте Костолаца, Арчер-Паланка, другие признают его в Пожаревце или Смедереве.

[787] *Prisci* frg. 2, p. 72-72.

[788] *Prisci* frg. 4, p. 78.

[789] Nov. Theod. XXIV (c. 61-64 ed. *Meyer).*

[790] Cod. Theod. 7, 15, 1; 2.

[791] *Prisci* frg. 8.

[792] Ib. 11. Урод, родом из Египта, по племени маврусий. Будучи взят в плен Аспаром, он был подарен Ардабурию; опять попал в плен к гуннам во время одного нашествия и пользовался большим расположением Бледы. По смерти Бледы он был подарен Аэцию, который подарил его Аспару. О его забавном шутовстве во время пира у Аттилы поминает Приск в своем рассказе.

армии Арнегискл дал большую битву Аттиле, но потерпел поражение и сам пал в бою.[793] Гунны прошли до Маркианополя и завладели этой сильной крепостью.[794]

Среди всеобщей паники и беспомощности только незначительный придунайский город Асимунт создал себе славное имя.[795] Асимунтинцы не прятались за своими стенами, но выходили навстречу конным отрядам гуннов и победоносно сражались с ними. Когда гунны, после многих потерь, оставили надежду овладеть этим городом и отошли от него, асимунтинцы пошли за ними, выслеживали отдельные грабительские отряды, отбивали добычу и в неожиданных нападениях истребляли врага. Благодаря быстроте своих действий, смелости и ловкости, а также знанию места, они имели постоянно успех и истребили много гуннов, отбили и отпустили много пленных и принимали к себе перебежчиков. Подвиги асимунтинцев указывают на то, как под влиянием грозных условий жизни в тех местах и постоянной опасности варварских нашествий изменились нравы населения. Из мирных земледельцев оно превратилось в такой же народ воинов, каковыми были их соседи за Дунаем.

Аттила между тем спускался на юг по долине Марга (Моравы) и дошел до Наисса (Ниш). Этот укрепленный город, родина императора Константина Великого и недавнего кратковременного носителя царской диадемы Констанция, мужа Плацидии, храбро оборонялся; но осадные орудия Аттилы разбили его стены; город был взят и превращен в груду дымящихся развалин.[796] Долго потом он оставался в виде развалин, и послы императора по пути к Аттиле не могли здесь найти приюта для остановки.

Наисс представлял узловой пункт, где старая римская дорога раздваивалась: на юг к Фессалонике и на восток — к Константинополю. Аттила пошел по дороге на Константинополь, взял Филиппополь, прошел по долине Эбра (Марица), занял Аркадиополь (Леле-Бургас) и дошел до Фракийского Херсонеса. Он захватил также и город Афиру близ Босфора, вторую станцию по дороге из столицы на запад, в 22 римских милях от Константинополя (Буюк-Чекмедже). Из более значительных городов в этой области уцелели только Адрианополь и Гераклея на Пропонтиде.[797] Одновременно с тем конные массы гуннов пронеслись через Македонию и Фессалию и достигли Фермопил.[798]

В эту трудную пору огромную услугу империи оказали исавры, известные доселе лишь как народ разбойников. Знатный человек из этого племени, принявший имя Зинона, явился с большими силами своих земляков на охрану столицы.[799] Аттила занял Фракийский Херсонес, и здесь дана был большая битва, окончившаяся поражением императорских сил.[800] После этого начались переговоры об условиях мира. Вести их с Аттилой был уполномочен магистр армии Анатолий. Условия, на которых был заключен мир, были таковы: выдача перебежчиков, шесть тысяч фунтов золота за прежне время, 2100 фунтов ежегодной дани на будущее; 12 золотых за каждого бежавшего без выкупа пленного; обязательство не принимать на будущее время гуннов на службу императора.

Огромные суммы, которые необходимо было немедленно выплатить грозному воителю, потребовали экстренного обложения всего населения, без всяких изъятий, действовавших прежде. Многие знатные фамилии обеднели с тех пор, многие отдавали драгоценные украшения своих жен; взыскивалась эта экстренная контрибуция с большой жестокостью, и было много случаев самоубийств.[801] Многих гуннов, не желавших воротиться к Аттиле перебили солдаты императора; среди них были люди царской крови. Аттила заявил, что не будет считать договора исполненным, пока жители город Асимунта не выдадут взятых ими в плен гуннов или бежавших к ним из плена римлян. Долго шли переговоры, но требования Аттилы не были удовлетворены, так как асимунтинцы заявили и подтверждали клятвой, что римлян они отпустили, а гуннов в плен не брали, а только убивали. Они задержали только двух гуннов, которых поймали во время преследования тех, кто захватил пастухов скота асимунтинцев. Наряжены были розыски. Анатолий и дукс Фракии Феодул сносились с асимунтинцами и настаивали на выполнении требований Аттилы, но ничего не вышло, и Аттила отошел наконец, в свои становища на Тисе. Столица стала понемногу оправляться от пережитых бед. Заключение мира Анатолием относится к 447 году.[802]

Пользуясь своим положением победителя, Аттила слал в Константинополь одно посольство за другим, и в

---

[793] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 82).

[794] Chron. Pasch. 566.

[795] Крепость в провинции Moesia inferior при впадении реки Asemus, Осма, в Дунай. Ныне она называется Осем-Калесси.

[796] Отрывок Приска об осаде города см.: Fr. h. g. ed. *MiillerV,* p. 25. — Сооружение осадных машин было делом римских пленных, как и бани, которые выстроил себе Онигисий в резиденции Аттилы.

[797] *Theoph.* 103. 1.

[798] *Marc. Com.* s. a. 447 — ad Thermopilin.

[799] *Prisci* frg. 8, p. 94, a; *Muller.* Ζήνων... καί πολλήν άμφ' αύτον ἔχων ἰσαύρων δύναμν, μεθ' ἧς καί τήν Κωνσταντίνου κατά τὸν τοῦ πολέμου καιρὸυ φυλάττειν ἐπετετοάπετο.

[800] *Prisci* frg. 5. В отрывке Приска только упомянуто о несчастной битве, и никакого ее описания до нас не дошло.

[801] *Prisci* frg. 5

[802] Güldenpfenning и за ним проф. J. Bury относят мир Анатолия к 443 году, им следовал и я в первом издании. Но, переработав вновь относящийся сюда материал, отказался от этого решения вопроса и соответственно тому существенно изменил свое изложение в этом отделе.

течение 447 года всего его посольств было четыре. Обилие посольств являлось тяжким бременем для имперской казны, так как послы получали щедрые подарки, и Аттила направлял к императору тех из своих близких людей, которых хотел облагодетельствовать.

Еще при жизни Бледы произошло одно обстоятельство, вызвавшее неудовольствие Аттилы против западного двора. Во время взятия Сирмия (вероятно, в 443 году) епископ этого города скрыл церковные сосуды и передал их секретарю Аттилы Констанцию, происходившему из Галлии и присланному из Рима, с тем, чтобы тот воспользовался этими драгоценностями для выкупа из плена — в случае взятия города — его самого, или же, если его не будет в живых, других граждан Сирмия. Город был взят. Констанций забыл об уговоре и, когда ездил затем по какому-то делу в Рим, свез туда сосуды и отдал Сильвану, префекту монетного двора. Аттила заподозрил Констанция в измене и распял его на кресте. По смерти Бледы Аттила требовал от римского двора выдачи ему Сильвана и удержанных им сосудов. Дело тянулось несколько лет, и в 448 году к Аттиле прибыло посольство по этому самому делу. Жестокая смерть секретаря Констанция не устрашила другого Констанция поступить по рекомендации Аэция на службу к Аттиле, и он оказался счастливее своего предшественника.

На следующий год после восстановления мира Аттила отправил посольство к императору с новыми требованиями. Посольство исправлял верный слуга Аттилы, германец Эдекон, а спутником и переводчиком его был Орест; то был римлянин, женатый на знатной гражданке города Петовиона, находившегося в той части Паннонии, которая была уступлена гуннам западным двором. Он поступил на службу к Аттиле и, как человек образованный, играл видную роль в дипломатических сношениях с обоими дворами. Аттила требовал формальной уступки ему побережья Дуная от пределов Паннонии до города Новы, на пять дней пути, и перенесения рынка в Наисс, лежавший тогда в развалинах. Хрисафий вступил в переговоры с Эдеконом и, соблазняя его подарками и обещаниями, склонял убить своего повелителя. Эдекон делал вид, что готов поддаться уговорам Хрисафия. Доверенным лицом по этому делу был Вигила, гот, судя по имени. Он знал гуннский язык и состоял переводчиком при Анатолии во время переговоров в 447 году. Дело между Хрисафием и Эдеконом было слажено и выговорена сумма за убийство — 50 фунтов золота. Но Эдекон отказался получить эти деньги на руки и предложил предварительно послать с ним Вигилу ко двору Аттилы, обещая известить через него Хрисафия, как прислать ему условленную сумму денег. Хрисафий сообщил императору о своем замысле, и в это дело был посвящен только один сановник двора — магистр оффиций, в ведении которого состоял дипломатические сношения. Решено было отправить к Аттиле посольство, исполнение которого было поручено сенатору Максимину[803], и дать ему в качестве переводчика Вигилу. Максимин взял секретарем Приска, состоявшего на службе в дипломатическом ведомстве. Приск нес эту службу долгие годы и оставил подробное описание тех посольств, в которых он участвовал. К сожалению, это сочинение дошло до нас в отрывках, извлеченных из него составителями исторического свода при Константине Багрянородном в X веке. Посольство направилось к гуннам вместе с возвращавшимися назад послами Аттилы по старой римской дороге на Сардику (София) и Наисс (Ниш) и далее по долине Марга (Морава) до Дуная. Переправу посольство совершало на лодках-однодеревках (σκάφη μονόζυλα). Дунай в тех местах был во власти гуннов, и сам Аттила находился в эту пору поблизости и намеревался переправиться на римский берег на охоту; послы знали, что охота только предлог для вторжения. После разных проволочек Аттила принял послов своем шатре, сидя на деревянном кресле. Максимин приветствовал его, передал письмо императора и пожелал от имени Феодосия доброго здоровья ему и его близким. Аттила отвечал тем же и сейчас же резко набросился на Вигилу, которого знал лично, и приказал секретарям прочесть список бежавших к римлянам гуннов, которые ему не были выданы, согласно условию, включенному в договор с Анатолием. Вигиле он приказал немедленно собираться в обратный путь вместе с его послом Ислой. Затем он потребовал от Максимина подарков, присланных императором, и, приняв их, отпустил посольство. Эдекон повидался с Вигилой и, не выдавая ему, что он уж открыл коварный умысел Хрисафия Аттиле, просил его привезти деньги, которые нужно раздать разным людям для осуществления плана убить Аттилу. Замысел Хрисафия был и остался секретом от Максимина и его свиты. Вигила отправился в обратный путь, а посольство Аттила задержал до времени возвращения того доверенного лица, через которого он вел дела с империей. Оставив свой план отправиться на охоту на римский берег Дуная, Аттила двинулся на север и пригласил посольство сопутствовать ему. По пути пришлось переправляться через реки Дрикон (Δρήων), Тига (Τίγας) и Тифиса (Τιφήσας).[804] В одном месте посольство имело случай воспользоваться гостеприимством вдовы брата Аттилы, Бледы, и отблагодарило ее подарками. На дальнейшем пути произошла встреча с посольством от западного двора, во главе которого стояли комит Ромул и правитель Норика Промот. После переправы через несколько рек, имен которых Приск не сохранил, Аттила прибыл в свою резиденцию.

То было весьма значительное поселение с деревянными постройками. Дом Аттилы был украшен башнями и окружен деревянной оградой. Через несколько дней Аттила устроил пир, на котором чествовал послов. Позво-

---

[803] В 435 году он был квестором и принимал участие в редакционной комиссии Феодосиева Кодекса; а раньше, в 425 году, состоял комитом царских щедрот.

[804] Последнее имя соответствует, очевидно, римскому имениТибиск для реки, которая ныне носит имя Темеш. *Иордан* (Get. 178), заимствуя сведения из Приска, назвал реки Tisia, Tibisia, et Dricca. *Томашек* отождествляет реку Drecon, Drenkon, Dricca с восточным притоком Тисы — Бега.

лим себе привести описание этого пира словами Приска.

В означенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по местному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к скамьям, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли скамьи. Посередине сидел на ложе Аттила, а позади его было другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой тканями и пестрыми завесами для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом для пирующих почиталась правая сторона от Аттилы, а вторым — левая, на которой сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Верих. Онигисий сидел на скамье вправо от царского ложа. Против Онигисия сидели на скамьях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, потупив глаза в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести привета встал с места; садиться следовало лишь после того, как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь все присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая из них. У каждого был свой виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести второй гость и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия, виночерпии вышли и были поставлены столы подле стола Аттилы для каждых трех или четырех гостей или даже большего числа; таким образом, каждый имел возможность брать себе из наложенного на блюда кушания, не выходя из ряда сидений. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, поданные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-нибудь другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложеные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему сидению прежде, чем каждый гость из первого ряда выпивал поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого кушанья, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. С наступлением вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на середину против Аттилы, запели сложенные ими песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о битвах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух нуждался в спокойствии, проливали слезы. После пения выступил какой-то скифский шут и начал нести всякий вздор, которым всех рассмешил. После него вошел маврусиец Зеркон — он всех развлек и возбудил неугасимый смех у всех, кроме Аттилы. Последний оставался неподвижным, не менялся в лице и никаким словом или поступком не обнаруживал своего веселого настроения. Только когда самый младший из сыновей, по имени Ирна, вошел и встал около него, он потрепал его по щеке, смотря на него нежными глазами. Когда я выразил удивление тому, что он не обращает внимания на других детей, а к этому относится ласково, сидевший рядом со мною варвар, понимавший по-латыни и предупредивший, чтобы я никому не передавал его слов, объяснил, что кудесники предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном. Пока гости проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая долго засиживаться за попойкой. [805]

После этого пира посольство было задержано на некоторое время, пока секретари Аттилы составляли ответ на письмо императора. Жена Аттилы Крека угостила послов обедом у управляющего ее делами, некоего Адамия, на следующий день их опять пригласил сам Аттила. За столом он удостоил их ласковой беседой. Речь шла между прочим о том, чтобы император исполнил свое обещание дать его секретарю Констанцию богатую невесту. Констанций имел случай побывать в Константинополе с одним из посольств и сам просил императора дать ему богатую невесту, обещая со своей стороны устроить прочный мир с гуннами. Император обещал исполнить его желание и имел в виду дочь Сатурнина, убитого в Иерусалиме Евдокией. Но исавр Зинон, занимавший в ту пору пост магистра армии Востока, похитил эту девушку и держал ее в какой-то крепости, имея в виду выдать за своего родича Руфа, что и привел в исполнение. Феодосий конфисковал наследство Сатурнина.

Через три дня после второго обеда у Аттилы посольство было отпущено назад, и с ним вместе отправился в качестве посла к императору один из приближенных к Аттиле князей по имени Верих. По дороге назад, уже за Адрианополем, послы встретились с возвращавшимся к Аттиле Вигилой.

Когда Вигила прибыл в становища Аттилы, его обыскали, нашли деньги, и Аттила, разоблачив его злые умыслы, грозил казнить на его глазах его сына. Впрочем, он смиловался и, задержав отца, отправил сына в Константинополь привести еще 50 фунтов золота в виде выкупа, а сам отправил в Константинополь Ислу и

---

[805] *Латышев В. В.* Scythica et Caucasica e veteribus scriptioribus graecis et latinis collegit et cum versione Rossica. СПб., 1896. 1, 833-833 (перевод заимствован с некоторыми изменениями).

Ореста. Последнему было приказано явиться к императору, надев на шею кошель, в котором были деньги, отнятые от Вигилы, и спросить, знаком ли ему этот кошель, а Исла должен был высказать от имени Аттилы резкий упрек императору, что он поступил «как раб, покушающийся на жизнь своего господина». Аттила знал, кто был виновником этого замысла, и потребовал выдачи Хрисафия.[806] Но Хрисафий, пользовавшийся тогда всеобщим расположением, не был выдан. Ответное посольство снаряжено было из самых видных сановников, состоявших в ранге патрициев, магистра армии Анатолия и магистра оффиций Нома, человека, лично расположенного к Хрисафию, очень богатого и щедрого. Посольство везло богатые подарки и значительную сумму денег от Хрисафия. Аттила встретил послов высокомерно, но смягчился от богатых даров и обещал признавать на будущее время границей течение Дуная, заявил, что больше не будет беспокоить императора требованием перебежчиков, если император, со своей стороны, не будет больше принимать на свою службу гуннов. Щедро одарив послов конями и мехами, он приказал своим близким людям сделать им подарки и, отпуская послов, позволил в знак своего благоволения взять без выкупа много пленных, томившихся в гуннской неволе, а также освободил Вигилу, которого держал в заточении. Вместе с послами он отпустил и своего секретаря Констанция.

Исполняя свое обещание, император приискал для Констанция невесту. То была вдова Арматия, сына Плинты, консула 419 года, который исполнял первое посольство к Аттиле. Арматий воевал в 441 или 442 году в Ливии против авзуриан, составлявших постоянную угрозу для городов той области. Поход был удачен, но, вернувшись из похода, Арматий заболел и умер.[807]

В год смерти Феодосия Аттила собирался в большой поход на Запад. По сообщению хронистов, он послал в обе столицы какого-то гота, поручив ему передать обоим императорам такое повеление: «Тебе приказал мой и твой владыка приготовить ему дворец».[808] Дерзость этого обращения стояла в связи с желанием и намерением Аттилы породниться с домом Феодосия. Дочь Плацидии и Констанция, Гонория, жившая с матерью после восшествия Валентиниана на римский престол, имела несчастье сойтись с одним офицером придворных войск (или прокуратором, по другим источникам), Евгением. Когда это стало известно матери, Евгения казнили, а Гонорию отослали в Византию под строгий надзор благочестивой тетки Пульхерии. [809] Царевна томилась в скучной и строгой атмосфере двора Феодосия и наконец придумала способ освободиться из плена. Она послала Аттиле кольцо и предложила ему себя в жены. Посредником был евнух, состоявший при царевне, Иакинф. Аттила имел много жен и постоянно умножал их число; однажды он справлял новую свадьбу во время пребывания у него посольства из Константинополя. Он отлично понял, какие выгоды может извлечь из брака с Гонорией, принял ее предложение и потребовал от Феодосия прислать ему невесту. Феодосий поспешил отослать Гонорию в Равенну к ее матери и брату. Там ее выдали замуж за Геркулана, бывшего консула, человека пожилого, от которого нельзя было ожидать, что он, опираясь на родство с династией Феодосия, захочет искать прав наследования. Валентиниан расследовал все дело, подверг пытке Иакинфа и казнил его.[810] Аттила потребовал от Валентиниана свою невесту и в приданое за нею желал получить часть империи как наследство Феодосия. Ему отвечали, что Гонория замужем, брак расторжению не подлежит и что женщины в императорском доме не наследуют царства. Аттила не удовлетворился этим ответом и считал себя обманутым. Но вследствие этого эпизода его мысли были обращены на Запад, где была его невеста. В эту пору скончался Феодосий, и руководство политикой Восточной империи перешло в другие руки.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

Церковные отношения в начале правления Феодосия были омрачены, продолжавшимся расколом иоаннитов. Помянутый выше патриарх Аттик, второй преемник Иоанна, человек мирного характера, относившийся с христианской терпимостью к еретикам, находился в наилучших отношениях ко двору и имел большое влияние на Пульхерию. Упрочивая пошатнувшийся престиж власти Константинопольского патриарха после катастрофы, постигшей Иоанна Златоуста, Аттик добился издания указа, по которому в диоцезах Фракии, Азии и Понта воспрещалось рукополагать епископов без предварительного согласия константинопольского престола. Таким образом положено было прочное основание утверждению церковной власти Константинопольского патриарха.

После восстановления памяти Иоанна не было поводов для раздора с римским папой. Но около 420 года несогласия и раздоры, возникшие между епископами церквей Иллирика, дали повод патриарху Аттику вмешаться в церковные дела этой диоцезы. Иллирик как префектура принадлежал сначала к Западной империи и потому отошел под духовную власть папы. Епископ города Фессалоники, как митрополит области, пользовался от папы титулом викария апостольского престола (vicarius sedis apostolicae). Двор поддержал Аттика, и в 421 году был издан указ, по которому епископам Иллирика, принадлежавшего теперь в большей своей части Восточной империи, повелевалось на будущее время в случаях каких-либо спорных вопросов обращаться к суду

---

[806] *Prisci* frg. 12.
[807] *Prisci* frg. 13-14.
[808] Chron. Pasch. 587.
[809] В хронике Марцеллина это событие записано под 434 годом, но еще в 443 году Гонория была в добрых отношениях с братом.
[810] *Johan. Antiochen*. c. 84.

константинопольского престола.[811]

Папа восстал против этого посягательства, и Иллирик остался под его духовной властью. При четвертом преемнике Аттика, Прокле, спор об Иллирике возобновился (434 г.), но папа Лев отстоял и на этот раз свои права. Интересно отметить, что в переписке по этому поводу папа признавал наряду с собой только два престола: Александрию и Антиохию.[812]

По смерти Аттика в 425 году патриарший престол занял глубокий старец Сисинний, привлекавший сердца всех своей благотворительностью и кротостью.[813] В конце 427 года он умер, и по инициативе двора, в обход соперничавших между собою кандидатов, был призван на константинопольский престол антиохийский пресвитер Несторий. Сириец по происхождению, родом из Германикеи, Несторий получил богословское образование в Антиохии, был зачислен в клир и жил в монастыре св. Евпрепия у стен города. Слава красноречивого проповедника обратила на него внимание двора, но он сам некоторое время колебался принять высокую честь. Посвящение Нестория произошло 10 апреля 428 года, и в первой своей речи после вступления на кафедру он обратился к императору с такими словами: «Царь, дай мне землю, очищенную от ересей, и я за то дам тебе небо; помоги мне истребить еретиков, и я помогу тебе истребить персов».[814]

Свою нетерпимость в делах веры Несторий обнаружил самым решительным образом тем, что на пятый день после своего посвящения распорядился разрушить начатый постройкой арианский храм в Константинополе. Тогда ариане сами подожгли здание, пожар распространился на соседние дома и причинил много бед. Несторию дали прозвище поджигателя.[815] Так как существовавшие с давних пор законы против еретиков пришли в забвение в мягкое правление Аттика и двор был против резких мер за религиозные несогласия, то, очевидно, под воздействием энергичного Нестория издан был 30 мая 428 года общий указ о еретиках на имя префекта Флорентия.[816] Указ начинается с общего положения, что все церкви православных, захваченные еретиками, должны быть отобраны у них и возвращены православным; далее, устанавливается штраф в 10 фунтов золота за поставление нового члена клира еретической общины с того, кто посвятил и кто принял посвящение; в случае их несостоятельности взыскание обращается на общину. Ариане, македониане и аполлинаристы лишаются права иметь церкви в городах; новациане и саббатиане теряют право обновлять свои церкви; монтанисты, присциллиане, донатисты, манихеи и другие перечисленные в указе еретики теряют право молитвенных собраний. Манихеи подлежат изгнанию из городов. Еретики не могут состоять на государственной службе за исключением весьма тягостного наследственного состояния когорталинов, т. е. состава канцелярии при правителях провинций. Все действовавшие раньше постановления, лишавшие еретиков прав дарения и наследования, сохраняются в силе. Еретикам воспрещается крестить и обращать в свою веру как свободных людей, так и рабов, под угрозой штрафа в 10 фунтов золота и ссылки.

Не заключая в себе каких-либо строгостей относительно еретиков, указ своим появлением свидетельствует, что представители администрации нуждались в напоминании о существовавших в законе ограничениях в правах членов разных еретических общин, которые выделились из единого тела Церкви и продолжали в разных местах свое существование.

Свой дух нетерпимости Несторий проявил и в отношении мирных новациан. Но двор сдержал его пыл. Следуя примеру патриарха, епископ города Герм в Геллеспонте, Антоний, начал преследование македониан, и дело велось с такой жестокостью, что македониане в отчаянии убили его. Несторий убедил императора отнять у македониан в наказание их церкви, что и было исполнено.[817]

Человек строгой жизни и ревнитель чистоты христианских нравов, Несторий скоро стал очень непопулярен в среде столичного населения. Он требовал от членов клира и особенно от умножившегося тогда в столице монашества христианской жизни и строго карал проступки. Как некогда Иоанн Златоуст, он запрещал монахам проживать вне своих монастырей и пользоваться удобствами жизни в богатых домах, где им оказывали приют. По свидетельству одного благожелательного к нему сирийского источника, Несторий относился с полным осуждением к всенародным увеселениям и забавам и наложил на них запрет.

Непопулярный в столице, но имевший за себя поддержку двора, Несторий вооружил против себя в самом начале своего патриаршества властного и гордого Кирилла Александрийского — тем, что принял участие в судьбе членов александрийского клира, которые явились в столицу с жалобой на своего патриарха. Он помог им получить аудиенцию у императора, а Кирилл увидал в этом оскорбление себе и воспылал к нему ненавистью.

---

[811] Cod. Theod. 16, 2, 45.

[812] *Mansi.* 8, 755. Вопрос о судьбах Иллирика в церковном отношении специально рассмотрен в исследовании: *Лепорский П. И.* История Фессалонийского экзархата до присоединения его к Константинопольскому патриархату. СПб., 1901. — Подробности этого дела, в частности, см. стр. 79 и след.

[813] *Socrat.* 7, 26.

[814] Ib. 7, 29; *Evagr.* 1, 7.

[815] *Socrat.* 7, 26.

[816] Cod. Theod. 16, 5, 65. — Флорентий имел репутацию «верного и испытанного в православии» человека. Во время соборного рассмотрения дела Евтихия в 448 году император прислал его на Собор для участия в обсуждении, и он принимал на себя председательство в заседаниях.

[817] *Socrat.* 7,31. — Следует заметить, что дошедшие до нас церковные историки относятся недоброжелательно к Несторию.

Папа Целестин был также оскорблен Несторием, так как он принял участие в деле членов африканского клира, изгнанных папой и явившихся в Константинополь искать там защиты. Несторий несколько раз писал папе по этому делу, но папа не удостоил его ответа. Враждебность двух патриархов к Несторию создавала для него опасность, которой он вовсе не предвидел. В числе его врагов оказалась впоследствии и Пульхерия. Помянутый выше сирийский источник объясняет вражду Пульхерии личной обидой, которую нанес ей Несторий. При патриархе Сисиннии завелся обычай, что в день Пасхи Пульхерия принимала св. причастие в алтаре вместе с Феодосием. Несторий увидел в этом нарушение церковных правил и отказался допустить Пульхерию в алтарь, заявив, что вход в него имеют только мужчины. С тех пор Пульхерия стала в число его врагов.[818] В своей апологии, написанной много лет спустя, Несторий делает намек на другую причину враждебности к нему Пульхерии. Он не считал ее непорочной, и говорит о себе, что «имел жалость к ее душе, и не хотел обречь в жертву тех, кого она преступно избирала». Не входя в раскрытие этого намека, он объясняет свое умолчание тем, что Пульхерия его любила и потому боролась против него.[819]

Несторий был избран на столичную кафедру ввиду его репутации высокообразованного богослова, и еще в Антиохии он разъяснял в проповедях христианские догматы. Это направление своей проповеднической деятельности он продолжал в столице. Самым близким лицом к патриарху был пресвитер Анастасий, которого он привез с собою из Антиохии и сделал своим синкеллом. Однажды Анастасий в проповеди, которую держал в присутствии патриарха, произнес такие слова: «Пусть никто не называет Марию Богородицей, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно». Слова эти вызвали большое смущение, и Несторий поддержал высказанное Анастасием положение. Этот случай вызвал большое возбуждение в городе. Пошли споры и разногласия, а Несторий начал с тех пор часто обращаться в своих проповедях к этой теме.[820] В день Рождества Христова при большом стечении народа он дал подробно обоснованное изложение своей точки зрения на этот вопрос. В один из праздников Богородицы выступил со словом возражения против Нестория Прокл, близкий некогда человек к Иоанну Златоусту, который был поставлен Сисиннием в епископы Кизика, но не был принят и проживал в Константинополе.[821] Прокл вызвал к себе большое сочувствие, и Несторий воспылал к нему враждою. Вскоре во время проповеди Нестория на ту же тему речь его прервал резким возражением схоластик, т. е. ритор по профессии, Евсевий, обозвав слова патриарха ложью и богохульством.

Через несколько дней на стенах церкви св. Софии появилось сформулированное обличение Нестория в ереси, причем его учение сближалось с ересью Павла Самосатского, в борьбе с которым церкви оказал некогда помощь имп. Аврелиан.[822] Автором обличения был названный выше схоластик Евсевий. Волнение в столице по делу Нестория разрасталось.[823] Император был на его стороне, но Пульхерия встала на сторону его противников. В отместку враги Пульхерии пустили сплетню о близости ее к Павлину, другу детства императора, с целью бросить на нее тень и тем ослабить ее влияние. Волнение не ограничилось столицей империи. Вопрос о наименовании Девы Марии Христородицей, а не Богородицей, Θεοτόκός, требовал разъяснения тайны слияния Божества с человечеством в лице Иисуса Христа. С величайшей горячностью отнесся к делу Александрийский патриарх Кирилл. Не ограничившись посланием к египетским монахам по поводу соблазна, который производило учение Нестория,[824] Кирилл обратился с письмом к римскому папе Целестину и с обличительным посланием к Несторию,[825] который ответил ему в резком тоне.[826] Несторий сам писал римскому папе Целестину, препровождая к нему свои проповеди.[827] Кирилл писал императору и Пульхерии с Евдокией,[828] обращался и к константинопольскому клиру.[829] Папа ответил Кириллу,[830] а к Несторию обратился с обличительным посланием; он писал также константинопольскому клиру и народу по возбужденному Несторием вопросу.[831] Кирилл и Целестин придавали огромное значение делу Нестория, и оба писали о нем Антиохийскому патриарху Иоанну.[832] Несторий пользовался в эту пору большим расположением и полным доверием императора, который относился к горячей агитации Кирилла с большим осуждением. Сохранилось послание императора к Кириллу,

---

[818] Таково свидетельство письма друзей Нестория (в том числе Кандидиана) от второй половины 30-х годов, сохранившегося в сирийском подлиннике (Zeitsch. d. M. Ges. 54 (1900), 378-395).
[819] *Nau.* Nestorius, Le livre d'bteraclide de Damas. Paris, 1910. P. 89.
[820] *Socrat.* 7, 32.
[821] Слово Прокла занесено в акты Третьего Вселенского собора. *Mansi.* 4, 578-588.
[822] Ib. 4, 1008-1012.
[823] Свидетелем тревог и волнений того времени в столице был благочестивый иверский царевич — знаменитый впоследствии столп монофизитства в Сирии, оставшийся в истории с именем Петра Ивера. С его слов сообщает об этом автор сочинения *Плирофорий — Rev. de I'Orient Chretien.* 1898. С. 237.
[824] *Mansi.* 4, 488-492.
[825] Ib. 4, 884-885.
[826] *Mansi.* 4, 992-1000.
[827] Ib. 4, 1021-1035.
[828] Ib. 4, 617-680 к Феодосию и 804-884 к императрицам.
[829] Ib. 4, 1104-1108.
[830] Ib. 4, 1012-1017 письмо Кирилла, 1017-1021 ответ папы.
[831] Ib. 4, 1036-1045.
[832] Ib. 4, 1048-1052.

в котором Феодосий очень резко и строго осуждает его за возмущение церковного мира и согласия, порицает и за то, что тот позволил себе обратиться не только к нему, но также к Евдокии и Пульхерии и писал притом им иначе, как будто желая усилить разногласие, возникшее по этому делу во дворце. Поведение Кирилла Феодосий называл недостойным духовного лица.[833] Несмотря на это строгое внушение, Кирилл продолжал свою агитацию и имел на своей стороне полное сочувствие папы. Когда папа на местном Соборе в Риме осудил Нестория, то вслед за ним сделал то же и Кирилл в Александрии. К Несторию он обратился с требованием отказаться от своих лжеучений и свои разногласия сформулировал в 12 анафематствованиях (κεφάλαιά). Посольство Кирилла вручило Несторию требование отречься от своих заблуждений в десятидневный срок. Между тем в Константинополе разрасталось раздражение, которое охватило монахов многочисленных монастырей. Несторий позволял себе в отношении к ним грубые жестокости, а один монах, не пустивший его в церковь, был им избит, отдан светскому суду и приговорен к бичеванию и ссылке.[834]

Уверенный в своей правоте Несторий предложил императору сделать спорный вопрос предметом соборного обсуждения, и Феодосий сакрой от 19 ноября 430 года назначил Собор на праздник Пятидесятницы следующего года, избрав местом его город Эфес.[835] Папа поручил свое представительство Кириллу, назначив также и своих легатов. Император поручил внешнее руководство Собором комиту доместиков Кандидиану. В акте об открытии Собора было изложено точное изъяснение его обязанностей: он должен был следить за тем, чтобы монахи и мирские люди не вмешивались в обсуждение догматического вопроса епископами, чтобы Собор был открыт при наличности всех приглашенных и чтобы съехавшиеся епископы не покидали Эфеса раньше, чем разрешат спорный вопрос. Императорского уполномоченного касался внешний порядок соборных заседаний, но участвовать в прениях по существу Кандидиан не имел права.[836]

В числе первых прибыл в Эфес Несторий. Он явился с небольшим числом епископов, но с большой блестящей свитой. С ним вместе приехал комит Ириней, усердный его почитатель, преданный изучению богословских вопросов, который впоследствии променял свое высокое служебное положение на сан епископа. Главный храм города Эфеса был посвящен Богородице, и почитание Девы Марии было освящено сказанием о том, что она провела здесь последние годы своей жизни. Епископ города Мемнон видел в Нестории как бы личного своего врага за умаление чести Пресвятой Девы, прием, оказанный ему, был весьма холоден. Иначе встретили Мемнон и население Эфеса Кирилла, когда он прибыл в сопутствии 50 епископов и большой свиты служителей и параболанов.

Для Кирилла были открыты все храмы, тогда как для Нестория они были закрыты. Вновь прибывавших епископов Кирилл и Мемнон старались привлечь к себе всякими способами, тогда как Несторий держал себя весьма надменно и при личном свидании с двумя расположенными к нему епископами отвратил их от себя резкими и оскорбившими их смиренную веру рассуждениями. То были Акакий, епископ Мелитены, и Феодот — Анкиры. Время шло, между тем ни Иоанн, патриарх Антиохийский, ни легаты папы не являлись. Кирилл и Мемнон настаивали на открытии Собора, но Кандидиан заявлял, что необходимо подождать приезда Иоанна с епископами Сирии, которые были в пути; против открытия Собора были также Несторий и единомышленные с ним епископы.

Рано утром 22 июня Кирилл и Мемнон с епископами своей партии собрались в главном храме Эфеса, где должны были, по распоряжению Мемнона происходить заседания Собора. Кандидиан явился в собрание и заявил протест, ссылаясь на распоряжение императора, который поручил ему следить, чтобы Собор не оказался партийным ввиду того, что такие собрания единомышленников ведут только к схизмам и раздорам в Церкви. Но Кирилл и Мемнон не уважили протеста представителя императора и хитростью заставили его прочесть императорский указ об открытии Собора. Выразив затем громкими криками верноподданнические чувства императору, они заставили Кандидиана удалиться, так как он не имел права участвовать в обсуждении порученного императором Собору дела, и открыли заседание. Несторий и сочувствующие ему епископы, которые стояли за то, что необходимо ожидать прибытия всех приглашенных на Собор, прислали свой протест через депутацию, которая вошла в храм вместе с Кандидианом. Депутаты не были выслушаны, и гневные крики собравшихся и грубые поношения заставили их удалиться. Кирилл принял председательство ввиду того, что папа Целестин поручил ему свое представительство, и заседание шло по форме. Была отправлена депутация пригласить Нестория, но она не была им принята. Ее направили к нему во второй и третий раз с тем же успехом. Формальность трехкратного приглашения была соблюдена, и Собор приступил к чтению документов. При величайшем единодушии собравшихся 198 епископов Несторий был осужден и над ним изречено отлучение.[837]

Пункты обвинения Нестория были точно сформулированы и присланы ему. Кандидиан запретил

---

[833] Ib. 4, 1109-1110. (5, 527). Император грозил Кириллу и требовал прекратить агитацию: καί τήν παρ᾽ ἡμῶν σχέσιν μή ἄλλως ἀνακτήσασθαι προρδοκᾷν, εἰ μή πᾶν λυπηρόν καί ταραχῶδες παύσειας.
[834] Ib. 4, 1101-1108.
[835] Ib. 4, 1112-1116.
[836] *Mansi.* 4, 1117-1120; указ о назначении Кандидиана с определением круга его обязанностей относительно Собора.
[837] *Mansi.* 4, 1211.

публиковать решение и издал эдикт, в котором излагал, как Собор открылся вопреки его протесту.[838] Одновременно с тем он послал донесение императору о самоуправных действиях Кирилла и Мемнона. Несторий с сочувствовавшими ему епископами также обратился к императору с жалобой на самоуправство Кирилла и Мемнона и с заявлением, что они не чувствуют себя безопасными в Эфесе ввиду угроз произвести над ними насилие.[839]

Через три дня прибыл Иоанн с сирийскими епископами. Немедленно составился другой Собор с участием Нестория и сочувствовавших ему епископов, который, после ознакомления с деяниями Кирилла и Мемнона, изрек над ними отлучение, о чем и уведомил их. От имени Собора восточных епископов были отправлены послания к императору, императрицам, сенату, клиру Константинополя и народу с извещением об этом постановлении.[840]

Когда в Эфес прибыли легаты римского папы, епископы Аркадий и Проект и пресвитер Филипп, Кирилл составил заседание с их участием 10 июля. Папские легаты вели себя с сознанием высоты римского престола. Сначала было заслушано послание Целестина, вызвавшее восторженные восклицания собрания, а на заседании 11 числа легаты выслушали доклад о соборном осуждении Нестория и присоединились к нему. 16 июля произошло четвертое заседание под председательством иерусалимского епископа Ювеналия, в котором было окончательно оформлено осуждение Нестория, а 17 числа был изречен приговор над Иоанном Антиохийским. В заседании 22 июля были осуждены сочинения Феодора, епископа Мопсуестии. Последнее заседание произошло 31 июля в церкви Богородицы.

Получив известие о беспорядочном начале Собора, Феодосий сакрой от 29 июня, которую отвез в Эфес магистриан Палладий, повторил свой запрет разъезжаться епископам, пока они в полном собрании всех съехавшихся не придут к решению поставленного на обсуждение вопроса.[841] Одновременно с тем воспрещена была всякая частная корреспонденция между Эфесом и столицей, и в портах самым тщательным образом обыскивали прибывавших из Эфеса лиц. Но единомышленники Кирилла нашли возможность поднять в защиту своего дела константинопольское монашество. В этой среде наибольшим авторитетом пользовался в ту пору архимандрит Далматий, к которому питал расположение имп. Феодосий. В течение 48 лет он не покидал своей келии, и император нередко посещал его. Один известный в Антиохии нищий привез в пустой палке письмо Кирилла Далматию с жалобой на враждебность к нему и его Собору представителей власти и невозможность довести истину до императора. И вот в условленный день из всех монастырей вышли крестные ходы к монастырю Далматия, откуда затем все множество монахов двинулось под его предводительством к дворцу с пением псалмов. Феодосий принял Далматия, выслушал его жалобу и дал согласие на прибытие депутатов от Собора для личного доклада.[842] Шествие направилось затем к церкви св. Мокия на краю города, и там, после прочтения письма Кирилла и разъяснений Далматия, раздались крики: «Анафема Несторию!»[843] От Собора Кирилла прибыли два епископа, от Собора «восточных» епископов явился комит Ириней,[844] и после обсуждения дела в заседании консистория было решено отправить в Эфес с особыми полномочиями сановника Иоанна, занимавшего пост комита царских щедрот.

В первых днях августа прибыл в Эфес с военной охраной из схолариев Иоанн и приказал, чтобы к нему наутро явились все епископы. Так как он знал о страшном раздражении партий, то распорядился заранее поставить в разных местах солдат, чтобы не вышло столкновения. Епископы явились все, кроме Мемнона, который потом оправдывался нездоровьем. Возбуждение было так велико, что Иоанну лишь с трудом удалось водворить спокойствие, чтобы прочесть приказ императора. В нем содержалось повеление о низложении Кирилла, Мемнона и Нестория.[845] Кирилл бы немедленно арестован и отдан под стражу Якову, комиту четвертой схолы, Нестория взял под свою охрану Кандидиан. Затем Иоанн отправился в храм Богородицы, арестовал там Мемнона и отдал его под стражу тому же Якову. Обо всем происшедшем он послал доклад императору.[846] По устранении из состава Собора тех лиц, которые считались виновниками ожесточения, Собор должен был продолжать свою деятельность, чтобы решить поставленный ему вопрос.

Несторий, пережив всю эту тревогу и убедившись в невозможности отстаивать свои идеи при таком раздражении, как аскет по духу и настроению, решил удалиться в уединение. Он обратился к одному придворному евнуху с письмом, в котором опроверг ложное обвинение, возведенное на него Кириллом, об анафематствовании им имени Богородицы[847], и просил императора о разрешении удалиться в свой монастырь

---

[838] Ib. 5, 770-771.
[839] Ib. 5, 768-69.
[840] Ib. 4, 1271-1275 (*Theodoreti* Epp. P. G. 83, Epp. 152-156, p. 1440 сл.).
[841] *Mansi.* 4, 1378-80.
[842] Речь Далматия — *Mansi.* 5, 565. Этот эпизод подробно рассказан Несторием с изложением речи императора: *Nau.* Nestorius, Le livre d'Heraclide, 241-246.
[843] *Mansi.* 4, 1428-29.
[844] Послание, врученное Иринею, см.: *Theodoret.* Ep. 158 (P. G. 83).
[845] *Mansi.* 4, 1396-97.
[846] Ib. 5, 779-781.
[847] Ib. 5, 777-779.

под стенами Антиохии. Разрешение было дано и в канцелярии префекта сделано распоряжение о назначении ему путевых издержек и свиты, причем от его желания зависело — ехать ли морем или сухим путем, пользуясь государственной почтой.[848] Несторий покинул Эфес, и в течение нескольких лет мирно жил в своем монастыре.[849]

Убедившись из донесений комиссара и тех посланий, которые он получал от обеих партий, что цель, для какой собран Собор, не может быть достигнута, Феодосий сделал последнюю попытку: вызвал в столицу по семь человек от каждой партии, чтобы устроить совещание с целью примирения в своем присутствии.[850]

Ввиду того возбуждения, которое охватило столицу после вмешательства в дело константинопольских монахов, было признано более удобным задержать депутатов в Халкидоне. 11 сентября прибыл туда император, и в течение некоторого времени шли совещания, не приведшие, однако, ни к какому соглашению.[851] Потеряв надежду на возможность примирения, Феодосий отбыл в столицу и хотя сам стоял на стороне «восточных» епископов, пригласил, однако, их врагов — представителей партии Кирилла — в столицу для посвящения нового патриарха на Константинопольскую кафедру. По-видимому, в этой непоследовательности императора сыграло свою роль как настроение константинопольского монашества, так и то обстоятельство, что на стороне Кирилла были легаты папы. Преемником Нестория оказался Максимиан, родом из Рима, товарищ детства папы Целестина, посвященный некогда в клир Иоанном Златоустом. Перемену в отношении императора к партии Кирилла современники объясняли подкупами, которые удалось сделать прибывшему еще раньше в Константинополь врачу Кирилла Иоанну.[852]

В указе о роспуске Собора император, указав на тщету своих стараний примирить враждующие партии, предлагал епископам разъехаться в свои епархии и поправить то зло, которое они сделали. Кирилл и Мемнон должны были остаться под арестом как низложенные.[853] Но Кирилл нашел возможность покинуть Эфес и вернулся на свою кафедру.[854] Это самовольное действие Кирилла было узаконено другим актом о роспуске Собора, который повторял содержание первого с оговоркой, что Мемнону разрешено остаться в Эфесе, а Кириллу в Александрии. Император по-прежнему утверждал свою солидарность с «восточными» епископами, которые не были пред ним изобличены в своей неправде.[855] Такой исход дела был результатом подкупов, которые Кирилл самым щедрым образом производил в столице в отношении придворных евнухов и близких к особе императора лиц при посредстве своего апокрисиария и архидиакона Епифания, имевшего добрые отношения с патриархом Максимианом. Сохранился текст письма Епифания к Максимиану и список даров и лиц, которым они были предназначены. Из этого письма видно, что Пульхерия стояла на стороне Кирилла и оказывала ему свое содействие.[856]

Тот резкий антагонизм, который обнаружился на Соборе 431 года между Иоанном и Кириллом, продолжался в дальнейшее время, и церковного общения не было между Антиохийской и Александрийской церковью. Правительство не могло относиться безразлично к расколу, и с целью прекратить его, предполагалось устроить свидание между Кириллом и Иоанном в Никомидии и добиться примирения. Но этот проект был оставлен и дело поручено трибуну и нотарию Аристолаю. Он потребовал от обоих иерархов прекращения раскола. Посредником в сношениях между иерархами явился епископ города Эмессы Павел. По соглашению с несколькими епископами Антиохийского патриархата Иоанн составил определение веры и в заключение послания отметил, что по требованию императора он признает Нестория низложенным и анафематствует «его дурные и неподобающие новшества».[857] Кирилл вступил в непосредственное общение с Павлом и, подчиняясь воле императора, подписал Антиохийское исповедание веры. Так прекратился открытый раскол и искупительной жертвой примирения явился Несторий.

Формула соглашения была редактирована так: «Мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, единородный, совершенный Бог и совершенный человек из разумной души и тела, предвечно рожден по божест-

---

[848] Ib. 5, 792-793.

[849] То был монастырь св. Евпрепия, в двух стадиях от Антиохии. *Evagr*. 1, 7 — О мотивах своей просьбы Несторий дает разъяснение в своей апологии. *Nau*. Nestorius, с. 249.

[850] Мандат депутатам «восточных» епископов — *Mansi.* 4, 1400, — партии Кирилла — ib. 1457-1460.

[851] Ib. 5, 794.

[852] Таково свидетельство комита Иринея. *Mansi.* 4, 1592.

[853] Ib. 4, 1465.

[854] Он приехал в Александрию 3 атира, т. е. 30 октября, 431 года. Ib. 5, 798-799.

[855] Ib. 5, 805.

[856] Текст этого письма сохранился в библиотеке Монтекассинского монастыря. Он издан в *Bibliotheca Casinensis* (1873, с. 46-47) и воспроизведен в издании аббата Но: *Nestorius* etc. с. 368-369. Сведения об этом пополняет письмо Акакия, епископа Верой — *Mansi.* 5,819. Dum omnia piissimus imperator cum orientalibus sentiret et diceret, multa pecunia, quam dedit Cyrillus, pro peccatis nostris obruit veritatem. Nam postquam mortuus est scholasticus eunuchus, piissimus imperator res eius inquirere et aurum, quod reliquerat infinitum, invenit hypomnysticum continens, quia multas auri, libras acceperit a Cyrillo. Et vero aurum tradebatur a Paulo quodam filio fratris Cyrilli Alexandrini, qui illic comes erat consistorianorum; praeter alia innumera, quae in variis speciebus sunt diversis oblata personis. Detensio vero Cyrilli et Memnonis fuerat confirmata, et ut praedicaretur quoquo convenerat. Et sic tempus inveniens, dum custodiretur in Epheso fuga est usus... Videns enim multam turbam monachorum piissimus imperator valefecit episcopis, satisfaciens eis.

[857] *Mansi.* 5, 292 D.

ву от Отца, а в конце дней ради нас и нашего спасения от Марии Девы по человечеству, единосущен Отцу по божеству и единосущен нам по человечеству, ибо совершилось единение (ἕνωσις) двух естеств (φύσεων). Поэтому мы признаем единого Христа, единого Сына, единого Господа. Ввиду такого представления о неслиянном соединении мы признаем Пресвятую Деву Богородицей, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился, и в самом зачатии соединил с собою храм от нее воспринятый».

Принятый епископами компромисс не дал прочного мира, так как на Востоке многие видные иерархи были в числе недовольных.

Папа Целестин продолжал преследовать Нестория и еще в 432 году требовал удаления его из Антиохии.[858] Но император не обратил тогда внимания на настойчивое внушение папы, и только в 435 году Кириллу и его друзьям удалось добиться полного торжества над Несторием. Феодосий издал указ на имя префектов с осуждением учения Нестория. Он и его последователи были названы симонианами, сочинения как его самого, так и его последователей были запрещены в обращении и объявлены подлежащими сожжению; симониане были лишены права собраний, и за нарушение этого запрета им грозила конфискация имущества.[859] Префекты издали от себя в пределах своей власти эдикты, воспроизводившие решения царского манифеста.[860] Одновременно с тем был издан приказ о ссылке Нестория в город Петру в Аравии.

Через несколько лет после того он был сослан еще дальше, в один из оазисов Египта, и прожил в этом изгнании долгие годы. Поддерживая сношения со своими друзьями, Несторий получал от них вести о том, что происходило в столице. Лишенный возможности отстаивать свои воззрения и устранить недоразумения, внесенные в его дело Кириллом, он не терял бодрости духа и уже на склоне дней написал свою апологию. Он заканчивал свой труд в то время, когда в жизни Церкви назревал вопрос о созыве Халкидонского собора.

Признание Нестория еретиком и его ссылка были торжеством гордого и властного Кирилла[861]. Уния между ним и Иоанном Антиохийским, которую должен был признать и наиболее видный богослов из его противников во время Эфесского собора 431 года, Феодорит, епископ Кирский, не установила мира и согласия, и отношения церквей Александрийской и Антиохийской преисполнены были взаимного недоверия и недоброжелательства.

Первый преемник Нестория на Константинопольской кафедре, Максимиан, занимал ее лишь около трех лет. По его смерти в 434 году по выбору императора кафедру занял давно ее ожидавший епископ Прокл. Его патриаршество ознаменовалось водворением праха Иоанна Златоуста из места его изгнания в столичном храме св. Апостолов (27 января 438 года).[862]

По смерти Кирилла (27 июня 444 г.) Александрийскую кафедру занял его племянник Диоскор, человек столь же властного характера, как и Кирилл, но не обладавший его литературным талантом и авторитетом. Он был убежденный противник унии, заключенной в 433 году, и резко отнесся к тем родственникам Кирилла, которые участвовали в ее установлении. Он стал в добрые отношения к евнуху Хрисафию, владевшему умом и волей Феодосия, и это обстоятельство имело свои тяжкие последствия для нового нарушения церковного мира, которого так жаждал и не мог создать кроткий и мягкий Феодосий.

Преемником Прокла на Константинопольской кафедре был Флавиан, занимавший раньше пост скевофилака Софийского храма. По-видимому, это назначение не входило в виды Хрисафия, и Диоскор обнаружил сразу свое неодобрение тем, что вовсе не ответил на синодальную грамоту Флавиана. В год его поставления столица пережила ужасы нашествия Аттилы. Страшная нужда в деньгах для уплаты выкупа Аттиле легла тяжким бременем на государственную казну, и экстренное обложение, к которому пришлось прибегнуть, не обошло и церковных имуществ, что поставило патриарха в натянутые отношения со двором.[863]

Положение патриарха стало еще труднее, когда ему пришлось начать борьбу с новой ересью, которая вышла из недр константинопольского монашества. После смерти Далматия (ок. 440 г.) самым влиятельным лицом среди столичного монашества был архимандрит Евтихий, принимавший в свое время участие в борьбе с Несторием. Он пользовался личным расположением императора и воздействовал на него в смысле недоверия к «восточным» епископам после победы Кирилла. Человек малообразованный, как и большинство монахов того времени, Евтихий богословствовал в духе анафематствований Кирилла и, развивая изъяснение тайны воплощения, пришел к весьма крайним воззрениям. Как убежденный противник Нестория, он склонял императора к строгим мерам против его друзей на Востоке, и, по-видимому, благодаря ему был издан 16 февраля 448 года указ на имя префекта претория, в котором было повторено осуждение Нестория и его творений и предписывалось низлагать членов клира и отрешать от церковного общения мирян, которые повинны в единомыслии с Несторием. В том же указе приказано было низложить и исключить из клира старого друга Нестория, бывшего комита Иринея,

---

[858] *Mansi.* 5, 268.

[859] Ib. 5, 413 — 414. Извлечение из этого указа от 3 авг. 435 года, см.: Cod. Theod. 16.5, 66 (Cod. Just. 1, 5, 5).

[860] Ib. 5, 416 — 417.

[861] «Не могу отрешиться от представления, что родоначальником монофизитства был Кирилл, а Несторий — живи он во время Халкидонского собора — был бы именно православный в нашем смысле слова» — писал Ю. А. Кулаковский в июне 1913 года в письме Т. И. Лященко (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 216. Д. 642. Л. 2). — *Примеч. ред.*

[862] *Socrat.* 7,41.

[863] Указание на это сохранил Несторий в своей апологии (*Nau.* Nestorius, c. 299).

который занимал с недавнего времени епископскую кафедру в городе Тире.[864]

В добровольно взятой на себя борьбе с несторианством Евтихий искал знакомства с Евсевием, который некогда начал открытую борьбу против Нестория. Евсевий занимал епископскую кафедру в городе Дорилее. Из бесед с Евтихием Евсевий убедился в еретическом образе мыслей Евтихия и отдал всю свою энергию на борьбу с этим столпом константинопольского монашества, которого терпел в его властной роли патриарх Флавиан.[865] Во время поместного Собора епископов в Константинополе осенью 448 года Евсевий подал официально письменное обвинение Евтихия в распространении им еретического учения. Еретические мнения Евтихия имели тогда уже широкую огласку, и за год до того Антиохийский патриарх Домн в послании от своего Собора к императору обращал его внимание на заблуждения Евтихия, но без успеха.[866]

Патриарх Флавиан принял к сведению донос Евсевия и потребовал Евтихия на суд в Собор. На первый вызов Евтихий отвечал отказом, ссылаясь на обет, воспрещающий ему покидать свой монастырь. Но он представил через посланных свое изложение веры, которое вполне подтвердило обвинение Евсевия. Собор не мог уже уклониться от обсуждения дела. На второй письменный вызов Евтихий не явился, а на третий заявил, что не может явиться по нездоровью. Заявление это было уважено, и Евтихий явился только в седьмое заседание Собора 22 ноября. Император, лично расположенный к Евтихию,[867] пожелал, чтобы заслуженный сановник Флорентий принял участие в обсуждении вопроса об учении Евтихия, и епископы встретили это предложение с величайшим сочувствием.[868] Флорентий прибыл на заседание, куда Евтихий явился в сопровождении множества монахов, солдат и служителей префекта. Сопровождавшая его толпа потребовал от собора заявления, что Евтихий не будет задержан.[869] На происшедшем допросе Евтихий формулировал свое учение так: «Я исповедую, что Господь наш состоял из двух естеств до соединения, а после соединения исповедую одно естество».[870] Самое тело Иисуса Христа он признавал не единосущным с нашим. Собор признал его учение еретическим и приговорил «отрешить его от всякой церковной службы, церковного общения и начальства над монастырем».

Приговор вступил в силу. Пользуясь своей близостью к императору, Евтихий принес жалобу на неправильности, будто бы допущенные в редакции соборных актов.[871] Император приказал произвести следствие по этому делу, но оно не подтвердило справедливости жалобы Евтихия. Раздражение императора против Флавиана за осуждение Евтихия сказалось в том, что он потребовал от патриарха исповедания веры. Подчиняясь этому оскорбительному для его достоинства требованию, Флавиан исполнил волю императора и изложил свое вероопределение в духе унионного акта, принятого Кириллом и Иоанном в 433 году.[872] Между тем Евтихий обратился с жалобой на свое осуждение к папе Льву, патриарху Диоскору и другим епископам. Диоскор кассировал от себя лично приговор Константинопольского собора и объявил Евтихия православным. Он настаивал на созыве Собора, и Феодосий сакрой от 30 марта 449 года назначил Собор в Эфесе на 1 августа того же года, предоставив председательство на нем Диоскору.[873]

Между тем папа, разобравшись в этом деле, признал Евтихия еретиком. Свое суждение он изложил в посланиях к Флавиану,[874] Феодосию и Пульхерии,[875] высказался против Собора и предлагал положиться на решение римского престола. В послании к Флавиану он излагал учение о тайне воплощения, приближаясь в формулировке к воззрениям «восточных» епископов и расходясь с тем изъяснением формулировки Кирилла, которое тогда восторжествовало в его Церкви. Это послание получило имя τὸμος Λέοντος. Предложение папы положиться на его решение относительно еретического характера учения Евтихия не было принято, и Собор состоялся в августе в Эфесе. Число съехавшихся епископов было 138. Императорскими комиссарами были комит Ельпидий и нотарий Евлогий. Диоскор прибыл в Эфес с большой свитой приверженцев и монахов. Папа прислал на Собор своих легатов. Самый авторитетный богослов того времени, Феодорит, епископ города Кира в

---

[864] *Mansi.* 5, 417; ср.: Cod. Just. 1, 1, 3.

[865] *Nau.* Nestorius, с. 296-298.

[866] Свидетельство об этом сохранил Факунд Гермианский, Predefensionc trium capitulorum, 8, 5 и 12, 5 (P. L. 67, 726; 852).

[867] В письмах к Эфесскому собору Феодосий упоминает о своих стараниях примирить патриарха с Евтихием. — *Mansi.* 497.

[868] *Mansi.* 6, 733: ἐπεεδή δέ οίδαμεν τὸν μεγαλοπρεπέστατον πατρίκιον Φλωρέντιον όντα πιστόν καί μεμαρτυρομένον έπί τή όρθότητι, θέλομεν σύνειναι αντόν τή άκροάσει τής συνόδου, έπειδή λόγος περί πίστεως έστίν. Ср.: *Evagr.* 1,9. Это обращение императора, прочтенное председателем, встречено было криками собрания в честь императора, причем один из возгласов был таков: τώ άρχιερεί βασιλεί — наряду с обычными многолетиями. Флорентий был допущен в собрание, и в качестве руководителя принимал деятельное участие в прениях.

[869] Ib. 6, 732.

[870] *Mansi.* 6, 744. άμολογώ έκ δύο φύσεων γεγενήσθαι τόν Κύριον ήμων πρό τής ένώσεως, μετά δέ τήν ένωσιν μίαν φύσίν όμολογώ.

[871] Ib. 6, 764.

[872] Ib.6, 540-541.

[873] Ib. 6, 588-589.

[874] *Leonis* Epp. 24.

[875] Ib. 29, 27, 30, 31.

Киликии, не только не получил приглашения на Собор, но ему было приказано не выезжать из своей епархии.[876]

Очевидно, это было делом Евтихия. В своей борьбе с несторианством он находил отклик в среде сирийских монахов. Один из сирийских архимандритов, Барсаума, агитировавший против местных епископов, которых он подозревал в сочувствии Несторию за их отношение к нему в 431 году, получил специальное приглашение явиться на Собор и прибыл в Эфес с большим числом сирийских монахов.[877]

Председательствовавший на Соборе Диоскор повел дело властно и резко. Послание папы к Собору он не позволил прочесть, а приложил его к актам, несмотря на протест папских легатов. Так как Собор имел своей ближайшей задачей рассмотрение дела Евтихия, то Диоскор лишил права голоса всех епископов, участвовавших в Константинопольском соборе 448 года. Евтихий дал свои объяснения, и его учение было признано православным; он был восстановлен в своих правах, а одновременно с тем Флавиан и Евсевий были объявлены низложенными. Подписи о низложении их собирались на чистых листах, на которые вписано было затем определение Собора. В собрание ворвались монахи и параболаны, вызвана была и военная стража, которая окружила Флавиана, чтобы увести его из церкви. Впоследствии, во время собора в Халкидоне, многие из присутствовавших показывали под клятвой о диких сценах насилия, которые при этом произошли. Флавиан и Евсевий были отправлены в ссылку. Флавиан вскоре умер на пути из Эфеса в Сарды, но он успел передать свой протест против насилия Диоскора легатам папы.[878] Собор продолжал свои заседания уже без участия папских легатов, и Диоскор провел низложение еще многих епископов, в том числе: Домна Антиохийского, Ивы Эдесского и Феодорита Кирского. Феодосий утвердил все постановления Собора и твердым тоном высказал убеждение, что теперь восстановлена Никейская вера. Флавиан и Евсевий были признаны еретиками, продолжателями дела Нестория. Сочинения последнего, равно как и других сочувствовавших ему богословов, а в том числе и Феодорита Кирского, приказывалось предавать публичному сожжению.[879] Во время издания этой сакры константинопольский престол занимал уже Анатолий, бывший раньше апокрисиарием александрийского престола при императоре.

Легаты папы, отказавшиеся от участия в Соборе, были задержаны. Но одному из них, дьякону Гиларию (будущему папе), удалось бежать.[880] Таким образом папа вскоре получил точные сведения о том, что происходило на Соборе. 15 октября того же года папа Лев созвал поместный Собор в Риме и кассировал все постановления Эфесского собора. Узнав об этом, Диоскор произнес отлучение над папой.[881] Горячо взявшись за дело, папа Лев обратился с письмами к императору Феодосию и Пульхерии, обличал самовластие Диоскора и просил назначить новый Собор и притом устроить его в Италии.[882] Он писал также и к населению Константинополя («клиру, чиновным лицам — honorati — и народу»). По его побуждению о том же просил Феодосия имп. Валентиниан, его мать Плацидия и жена Евдоксия. Плацидия отдельно писала Пульхерии.[883] Но Феодосий решительно отказал всем.[884] Он был твердо убежден в виновности Нестория и Флавиана и считал делом любезного ему церковного мира твердое решение Диоскора, который опирался на огромный авторитет почившего Кирилла.

Твердо стоявший за Диоскора Феодосий поколебался, однако, в своем настроении, которое поддерживал в нем, очевидно, Хрисафий. Быть может, раскрылись какие-то тайны в семейном несчастье Феодосия. Он отстранил от себя Хрисафия, отправил его в ссылку на остров и опять приблизил к себе Пульхерию. 28 июля 450 года Феодосий скончался, и дальнейшее направление дела о Соборе 449 г. принадлежало уже Пульхерии и ее супругу Маркиану.

Среди столичных сановников было многих таких, которые не сочувствовали решениям Собора и приняли участие в судьбе епископов, низложенных Диоскором в 449 году. Феодорит обращался с письмами ко многим лицам и в том числе к патрицию Анастасию, магистру армии Аспару и Винкомалу, занимавшему пост магистра.[885] Хотя Аспар был арианин, но Феодорит с полной уверенностью обращался к нему с просьбой ходатайствовать за него пред императором и Пульхерией. Столичное монашество, носившее доселе добровольно иго Египта, было настроено против Диоскора, и Феодорит писал, обращаясь как к своему единомышленнику, Маркеллу, архимандриту монастыря акимитов, ἀκοιμήται, и в обширном послании к константинопольским монахам

---

[876] *Mansi.* 6,600. — Феодорит завел по этому делу обширную переписку с многими видными сановниками. Он писал Анатолию, Ному, Евтрехию, сенатору Тавру, Протогену и др. Обращался также и к Диоскору (P. G. 83, 1256 и сл.).

[877] Приглашение Барсаумы на Собор и извещение о том Диоскора. — ib.6, 593.

[878] Апелляции Флавиана и Евсевия к папе Льву были открыты в недавнее время и опубликованы *Grisar*'ом в журнале «Zeitschrift fur katholische Theologie» (VIII, 1883, стр. 191 сл). Русский перевод первой из них см.: *Иер. Анатолий*. Св. Флавиан//Тр. Киевской духовной академии. 1912.

[879] *Mansi.* 7, 497 сл.

[880] Ib. 6, 25 — письмо Гилария Пульхерии.

[881] *Duchesne* (Hist. de Í'Egl. III, p. 428), высказывает предположение, что Диоскор анафематствовал папу Льва непосредственно перед Халкидонским собором, когда был в Никее.

[882] *Leonis* Epp. 43; 44; 45 *(Mansi.* 6, 7-23).

[883] Ib. 55 — 58.

[884] Ib. 62 — 64. *(Mansi.* 6, 68-72).

[885] *Theodoreti* Epp. 138-140 (P. G., 83, 1364 сл.).

изъяснял существо спорного догматического вопроса.[886]

Возникновение монастыря акимитов относится к началу правления Феодосия II. Основатель монастыря Александр, после долгой скитальческой жизни в пустынях Сирии на пограничье с персидской державой, появился в столице и водворился со своей общиной близ церкви св. Мины. Александр и его братия несли свой обет монашества тем, что, чуждаясь всякого стяжания и всякой работы, непрерывно предавались песнопениям во славу Господа, для чего делились на смены. Отсюда название их ἀκοιμῆται, т. е. неусыпающие. Это новшество вызвало сначала соблазн и подверглось преследованию, так что акимиты были изгнаны из города. Они нашли приют у Ипатия в Руфинианах и при его помощи создали свой монастырь близ Иерия у выхода Босфора в Черное море на восточной стороне пролива.[887] По смерти Александра акимиты перешли оттуда на другое место, ближе к столице, на побережье Босфора против гавани Сосфения, перенеся туда прах своего основателя.[888]

СООРУЖЕНИЯ ФЕОДОСИЯ, ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ. СМЕРТЬ ФЕОДОСИЯ

Жизнь столицы в правление Феодосия шла в старых, унаследованных от прошлого формах близкого общения царя с народом и непрерывной заботы двора об украшении города великолепными памятниками и общественными сооружениями. Еще в регентство Анфимия была сооружена новая стена со стороны суши и пристроен роскошный портик к баням, носившим имя Гонория.[889] Сгоревший в 404 году во время низложения Иоанна Златоуста храм св. Софии отстраивался в течение нескольких лет и был торжественно освящен 10 декабря 415 года.[890] В 421 году, в год бракосочетания Феодосия воздвигнута была серебряная статуя его отца на высокой колонне, сооружение которой потребовало долгого времени, она была заложена еще в 403 году самим Аркадием. Место для нее было выбрано на седьмом холме столицы, носившем имя Ксеролофа (Сухой холм). Колонна была воздвигнута на высоком пьедестале и облицована мраморными плитами с рельефными изображениями, которые шли спиралью, как на старых памятниках римской славы, сохранившихся и доселе в Риме колоннах Траяна и Марка Аврелия. Позднее этот памятник считался одним из семи чудес столицы.[891] В настоящее время от него уцелел лишь пьедестал, и то в сильно поврежденном виде, на тесной площади, носящей имя Овечьего рынка — Аврет-базар.[892] Широкое пространство вокруг колонны было предназначено для сооружения нового форума, и здесь в течение многих лет возводились различные сооружения. В 435 году площадь была открыта под именем Форума Феодосия, по старой традиции римских императоров, начиная с Августа. Имя Феодосия не удержалось за нею, и ее называли впоследствии Форумом Аркадия по украшавшей ее колонне.

В 427 году были перестроены общественные бани Константина, которые с тех пор назывались Феодосиевыми.[893] В 443 году были отстроены после пожара и вновь открыты бани, называвшиеся Ахилловыми.[894] Одновременно с тем шло сооружение новых храмов. Главная инициатива в этом деле принадлежала Пульхерии, которая обращала все свои средства на постройку храмов, больниц, сиротских домов. Ей принадлежало сооружение храмов Богородицы Одигитрии, Богоматери во Влахернах, св. Лаврентия. Примеру двора следовали и другие благочестивые люди из сановной знати. Феодосий относился с полным сочувствием к деятельности своей сестры и соправительницы. Под 427 годом записано в хрониках, что он раздал бедным большие суммы денег, заказал великолепный золотой крест, украшенный драгоценными камнями, и послал его в Иерусалим для водружения на лобном месте. В виде ответного дара патриарх прислал императору руку первомученика Стефана, мощи которого были недавно открыты.[895] Пульхерия имела ночное видение о прибытии мощей и выехала с братом в Халкидон, чтобы торжественно встретить их и проводить с процессией в столицу. Во дворце был выстроен храм во имя первомученика, где и были водворены мощи.[896]

Строительная деятельность Феодосия не ограничивалась столицей. Когда главный город Вифинии, Никомидия, страшно пострадал от землетрясения, охватившего Малую Азию на широком пространстве, от моря и до Фригии, Феодосий отстроил все церкви города, храм св. Анфимия, бани, гавань, театры.[897] В Александрии он воздвиг великолепный храм, который сохранил навсегда имя Феодосия.[898] В Антиохии был сооружен также великолепный храм, но свое название он получил от имени магистра Востока Анатолия, ко-

---

[886] Ib. 141, 142, 145 (1376-1389).
[887] Греческий текст жития Александра см.: Patrologia Orientalis, VI (1911), 659 — 701.
[888] Ныне эта бухта Чибуклы. См.: *Muller.* Geog. Gr. min II 86.
[889] Cod. Theod. 15, 1, 50.
[890] Chr. Pasch. 572; *Marc. Com.* s. a.
[891] Краткое описание колонны дано в поэме Константина Родосца, современника Константина Багрянородного.
[892] Ее рельефы воспроизведены по старым рисункам в издании: *Banduri.* Imperium Orientale. II, 381 sqq. Найденные в недавнее время рисунки XVI и XVII веков вызвали исследования — *Strzygowski J.* Die Saule des Arcadius in Konstantinopel // Jahrbuch des Arch. Inst., VIII, 230-244; *Geffroy.* La colonne d'Arcadius a Constantinople // Fonds Piot. II, 79-130.
[893] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. p. 76).
[894] Ib. p. 81.
[895] *Niceph. Coll.* 14, 9 — событие отнесено к 415 г.
[896] *Theoph.* 86, 26.
[897] *Malala.* 363. О том же землятресении см.: *Evarg.* 1, 17.
[898] *Malala.* 359.

торый явился исполнителем поручения, возложенного на него императором. В нарфике храма на стене было мозаичное изображение императоров Феодосия и Валентиниана, а под ним подпись: «Сооружение Феодосия». Кроме того, Антиохия была удостоена особой чести: она получила свои «Золотые ворота», точно такие же, какие были в столице. Они приходились со стороны предместья Дафны.[899] Особых милостей удостоился по части сооружений и город Кизик, куда император ездил в 434 году.[900]

Строгий тон благочестия, царивший при дворе, и неукоснительное соблюдение христианских праздников, обязательное для всего населения империи, не являлось препятствием для процветания народных увеселений на ипподроме. Из двух главных партий, на которые делилось население города, партией императора были зеленые, которые пользовались поддержкой его не только в столице, но и в других городах империи. В размещении зрителей на ипподроме Феодосий сделал перемену. Прежде прасины сидели на скамьях направо от кафизмы, где восседал император; Феодосий передвинул их налево, а гвардию, которая занимала место против кафизмы, переместил на скамьи венетов, т. е. синих. Это случилось во время префектуры Кира. Император сказал Киру: «Кого я люблю, того хочу видеть пред собой». Прасины кричали в ответ: «Твоя от твоих». Феодосий ответил через прокуратора: «Оказывая вам почет, я посадил вас налево от кафизмы, куда я сам смотрю».

Кроме ристаний были и другие виды удовольствий, и прежде всего театральные представления, разного рода потехи, а также борьба с дикими зверями (venationes). Горячий протест Иоанна Златоуста еще в Антиохии и затем в столице против водворения в христианском обществе этих всенародных увеселений не возымел действия в свое время, а его преемники был более терпимы в этом отношении, и теперь, когда императорский двор в лице Феодосия и Пульхерии явился осуществлением идеала христианского императора, ристания и сценические представления мирились с благочестием. Даже кровавые зрелища борьбы людей с дикими зверями, venatione унаследованные от давнего прошлого, оставались в обычае в молодые годы Феодосия, и сохранился один указ от 417 года, в котором предписывало пограничным начальникам не задерживать отправки диких зверей, которых доставляли из пустынь Сирии и Египта.[901] В годы самостоятельного правления Феодосий не допускал этого вида забавы в своем присутствии, и когда однажды народ бурными криками требовал подобного зрелища, он настоял на своем отказе.

Если Феодосий I ограничивал игры днями рождения императора и вступления его на престол, то при его внуке игры правились гораздо чаще. Это можно заключить из текста указа от 425 года, в котором благочестивый император воспрещал игры во все воскресные дни, в праздники Рождества Христова, Богоявления и Пасхи и во все дни Четыредесятницы.[902] Историк Приск переживавший последнее десятилетие правления Феодосия, когда империя так страдала от грозного воителя Аттилы и император только откупался от этого врага, высказывает ему упрек за большие расходы на игры и забавы столичного населения.[903] Но, очевидно, финансы государства были в хороше положении, если и в это время возможны были огромные затраты на сооружение укреплений Константинополя. В начале префектуры Кира, в 439 году, Феодосий отдал ему приказ окружить город стенами по морскому побережью.[904] Скудное предание об этом важном событии не дает нам никаких мотивов этого предприятия. В одной лишь хронике Марцеллина под 438 годом помянуто событие исключительного характера, которое можно привести в связь с этим сооружением, а именно, что пират Контрадий (Contradis) был захвачен в море и казнен.[905] Вандалы уже в Испании до перехода в Африку занимались морским разбоем, и хотя Марцеллин ничего не говорит о национальности Контрадия, но, вероятно, такая новость для того времени, как морской разбой, должна быть отнесена на их счет. А в том же году, когда в Константинополе было решено воздвигнуть стены со стороны моря, совершилось роковое событие в Африке: 23 октября Гензерих овладел Карфагеном и начал затем свои пиратские подвиги на побережьях Сицилии и Италии.[906] Укрепление столицы с моря имело, таким образом, весьма основательные мотивы.

Закончив это важное дело, Кир предпринял капитальный ремонт сухопутной стены Константинополя.[907] Вскоре, однако, после того, в 447 году, город постигло страшное землетрясение, во время которого особенно

---

[899] *Malala.* 360; *Evagr.* 1,18. Строителями были посланные от императора в разное время — Мемноний, Зоил, Каллист и Анатолий. Евагрий говорит только о великолепных портиках, которыми украсился город в это время. Отстройка стен города связана была с пребыванием в столице Востока Евдокии. *Evagr.* 1, 20.

[900] *Marc. Com. s. a.*

[901] Cod. Theod. 15, 11.1.

[902] Ib. 15, 5, 5.

[903] *Prisci* frg. 5.

[904] Chron. Pasch. 583.

[905] В хронике Проспера Аквитанского записано под 437 годом о пиратских подвигах дезертиров — barbari foederatorum, а под 438 — об ограблении ими многих островов и особенно Сицилии. Возможно предположить, что Контрадий, пойманный и казненный в 439 году, по свидетельству хроники Марцеллина, был главарем этих пиратов, которые перешли в воды Восточной империи.

[906] Несторий в своей апологии в перечислении бедствий, постигших империю, поминает о набеге вандалов на остров Родос. *Nau.* Nestorius, c. 331.

[907] Марцеллин в заметке о землетрясении 447 года поминает о недавнем ремонте стены — muri recenti adhuc reaedificatione constructi (Chron. min. II, 72.10), а Михаил Сириец (Chabot, II 16) приписывает ремонт Киру.

тяжко пострадала сухопутная стена: на ней обрушилось 57 башен.[908] Сохранивший это сведение комит Марцеллин сообщает, что исправления были сделаны в короткий срок трех месяцев. Но современное свидетельство, которое и поныне красуется на старом месте на воротах, носящих ныне имя Иени-Капусси (Старые ворота), заставляет нас сократить и этот срок. Надпись гласит —

Theodosii iussis gemino nec mense peracto
Constantinus ovans haec moenia firma locavit
Tam cito tam stabilem Pallas vix conderet arcem.
"Ημασιν έξήκοντα φιλοσκέπτρω βασιλεί
Κωνσταντινος ὑπαρχος έδείματο τείχει τεῖχος

(т. е. по приказанию Феодосия Константин меньше чем в два месяца с торжеством укрепил эти стены— так скоро, как едва могла создать Паллада сильную твердыню. В шестьдесят дней префект Константин пристроил для скиптролюбца царя стену к стене).[909] Другое двустишие на греческом языке такого же содержания сохранилось в литературном источнике.[910] Как видно из текста надписей, Константин не ограничился ремонтом повреждений, причиненных землетрясением, а «пристроил стену к стене». По всему вероятию, это свидетельство следует понимать в том смысле, что именно тогда на протяжении всей стены Анфимия на половине расстояния от нее до рва выстроена была внешняя стена, значительно ниже внутренней, с 80 башнями на ее протяжении. Это и есть προτείχισμα Θεοδοσίου τείχους; (предстение: стены Феодосия), как названо это сооружение в одной надписи от времени Юстина II.[911] По общим узаконениям, действовавшим в империи, работы по возведению и ремонту городских укреплений являлись натуральной повинностью населения,[912] и в одном позднейшем источнике сохранилось свидетельство, что венеты и прасины выставили по 8 тысяч рабочих. Венеты начали работу от Влахерн, а прасины — от Золотых ворот. Те ворота, у которых обе партии сошлись, получили тогда название πόρτα Πολύανδρος; когда же впоследствии было забыто происхождение имени, оно было переделано в народной речи в «ворота Колиандра».[913]

С землетрясением 447 года связано сказание о чудесном возникновении песни *Трисвятое.* Позднейшая версия этого чуда, сохраненная Феофаном, такова. — Когда население города в страшной панике бежало на Военное поле, сильный порыв ветра унес одного мальчика в воздух и поднял его над землей на глазах у всех. Когда он благополучно спустился на землю, то рассказал, что слышал, как ангелы славословили Господа на престоле Его славы. Они пели: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Благочестивый император и его сестра Пульхерия немедленно распространили это песнопение по всему царству.[914] — О таинственном происхождении этой песни знал Несторий, проживавший тогда в далекой ссылке. В своей апологии он привел *Трисвятое* и изъяснил слова этой песни как указание на правильность своих догматических положений, что Бог не мог страдать и предаться смерти. О самом чуде Несторий говорит в очень неопределенных выражениях и замечает, что тот, кто слышал эту песнь, не был разыскан.[915] Так как Несторий связывает возникновение песни с землетрясением, то мы имеем, таким образом, в его словах точную дату события.

Благочестивое настроение тех времен признавало в землетрясениях проявление гнева Божьего за грехи мира, и все население города с императором и знатью во главе совершало всенародные процессии и моления с пением псалмов среди развалин. Император не облекался в свои великолепные одежды и шел в простом платье и босой в толпе молящихся. Дни землетрясений заносились в святцы на вечное поминование их крестным ходом и всенародными молениями. В *Пасхальной Хронике* от последних лет правления Феодосия отмечены два таких дня: 6 ноября и 26 января. Первый отнесен к землетрясению 447 года, второй — 450.[916] В одном древнем списке служб Константинопольской церкви относительно землетрясения 26 января сохранено сообщение, что оно случилось в воскресенье в 9 часов утра.[917] Но воскресенье приходилось на 26 января именно в 447 году. Таким образом, можно

---

[908] *Marc. Com.* s. a. 447. — К этому свидетельству с недавнего времени присоединилось другое: свидетельство Нестория в его апологии (p. 318). В своей далекой ссылке Несторий знал, что стена пострадала мало, но во многих местах выпятились из нее отдельные камни, а башни отстали от стен.

[909] Corp. Insc. Lat. 3, 734.

[910] Anthologia Palatina, ed. *Iacobs,* II p. 264, № 696.

[911] *Millingen,* Byz. Const, c. 97.

[912] Cod. Theod. 15, 1, 23.

[913] Patr. Const. 58, c. 182. *Praeger* (πολύς — многий, άνήρ — человек).

[914] Theoph. 93. — Рассказ Феофана помещен под 438 годом, но не в виде изложения событий этого года, а как вставка о землетрясениях, случавшихся в патриаршеству Прокла. Михаил Сириец (или его источник) неправильно понял Феофана и истолковал водворение праха Иоанна Златоуста в Константинополь как меру умилостивления гнева Божия, выразившегося в тяжком землетрясении, посетившем столицу. *Mich. Syr.* 8, 2 (Chabot. II, p. 11). — *Песнь Трисвятое* неразрывно связана с патриаршеством Прокла. Один позднейший источник, Patria Constant. (II 150 *Praeger),* относит землетрясение с этим чудом к пятому году правления Феодосия и тем не менее патриархом называет Прокла.

[915] *Nau.* Nestorius etc. c. 319.

[916] Chron. Pasch. 586 и 589.

[917] *Беляев Д. Ф.* Новый список древнего устава Конст. церквей (Визан. врем. III, 1896) — «в воскресение в 9 часов дня

допустить, что в записях *Пасхальной Хроники* оба землетрясения перепутаны, и дата одного попала на место даты другого.

Посещали столицу империи и другие бедствия. Так, под 431 годом записано у хронистов о волнении, которое вызвал голод. Когда Феодосий направлялся к хлебным магазинам, разъяренная толпа бросала в него камнями.[918] Несколько раз занесены в хроники за время правления Феодосия заметки о больших пожарах, причинявших страшные бедствия. В августе 433 года пожар, свирепствовавший два дня, истребил значительную часть города, причем сгорели хлебные магазины и бани, носившие имя Ахилла.[919] Только десять лет спустя удалось отстроить это общественное сооружение и предоставить его вновь для пользования населению. В 448 году был большой пожар, в котором сгорели Троадские портики. Их отстроил префект Антиох.[920] Стихийные бедствия, посещавшие время от времени столицу империи, требовали деятельной помощи от правительства. Соперничество партий на ипподроме обходилось при Феодосии довольно мирно, и только под 445 годом отмечено кровавое столкновение. В тот же год был мор на людей и скот, а в следующем году голод и, как его последствие, моровая язва, открывшаяся вновь после землетрясения 447 года.[921]

Последние годы правления Феодосия были отягчены нашествиями гуннов и постоянной угрозой вторжения через Дунай великого воителя Аттилы. Государственная казна должна была страдать от бремени огромных расходов, которыми только и можно было купить мир у жадного варвара. Переживший тяжелую семейную драму император находился в ту пору под влиянием евнуха Хрисафия, который сумел удержать свое положение почти до самой смерти Феодосия. Окончательно расставшись с супругой, разойдясь с сестрой, Феодосий обнаруживал большую подозрительность и, в сознании величия императорского сана, проявлял подчас даже жестокость в оберегании своего царского венца от покушений. Так, родственник его Руфин, занимавший пост префекта столицы, подвергся обвинению в стремлении совершить государственный переворот и был казнен.[922] Иоанн Антиохийский сообщает имена двух лиц, неизвестных нам ближе, — Бандона и Даниила, которых Феодосий удалил от себя, подозревая их в стремлении покуситься на переворот.[923] В 450 году он подозревал в таких же замыслах исавра Зенона, оказавшего большие услуги охраной столицы во время нашествия Аттилы. Был составлен план послать войска в Исаврию, чтобы занять крепости в этой стране и лишить Зенона возможности поднять восстание, а также направить флот для поддержки армии. Впрочем, до исполнения этого плана дело не дошло.[924]

Смерть Феодосия последовала от случайной причины в 450 году. По свидетельству современного ему историка Созомена, Феодосий уже в зрелые годы проявил охоту к спорту и закалил свой слабый в юности организм. Во время одной прогулки верхом на берегах реки Лика в ближайших окрестностях города император упал с коня и повредил себе позвоночник, а на следующий день скончался. День его смерти — 28 июля.[925]

Впоследствии это событие было разукрашено такими подробностями. — Хотя Феодосий в свои 50 лет был здоровый и сильный человек, но его часто посещала мысль о смерти, и он думал о том, кому предоставить наследие в царстве. Он совершил путешествие в Эфес, чтобы помолиться в храме Иоанна Богослова и там вопросить, кто будет его преемником. Ему было указано свыше на Маркиана. То был отставной трибун римской армии, не занимавший за всю свою жизнь никакого видного поста. Вернувшись из поездки, Феодосий не поделился ни с кем полученным им откровением, и лишь почувствовав приближение смерти, вызвал к себе Пульхерию и открыл ей, кому суждено царствовать после него, а затем в присутствии магистра армии Аспара и всего синклита заявил Маркиану: «Мне открыто свыше, что тебе должно стать царем после меня». Через два дня он скончался.[926]

Так прошло сорокадвухлетнее царствование Феодосия. — Обозревая все изложенные выше события одним общим взглядом, нельзя не признать время правления этого императора чрезвычайно важной эпохой в судьбах Восточной империи. Уже сама продолжительность этого царствования имела большое значение в смысле установления традиций. В течение сорока двух лет одно лицо стояло во главе правления и утверждало монархическую идею на основе христианских воззрений и принципов. Со времени Эд. Гиббона даже в серьезных

упали стены города и значительная часть домов, особенно же около Троадисиевых портиков до Бронзового тетрапила, вследствие чего царь, совершая со всем народом крестный ход, говорил: “Избави нас, Господи, от праведного гнева Твоего”» (с. 455). — В Пасхальной Хронике относительно землетрясения 26 января (помещенного под 450 годом) сделано указание на те же самые местности.

[918] *Marc. Com*. s. a.

[919] *Marc. Com*. s. a. 433; Chron. Pasch. 582. — Бани Ахилла находились в ближайшем соседстве с банями Зевксиппа.

[920] *Marc. Com*. s. a.

[921] *Marc. Com*. s. a.

[922] *Malala.* 361; Chron. Pasch. 588; *Theoph.* 96-97.

[923] *Johan. Antiochen*. c. 84.

[924] *Prisci* frg. 14. — К Зенону, в бытность его магистром армии на Востоке, обращался Феодорит со словами утешения в каком-то семейном бедствии. Он же поздравлял его и с достижением консульства в 448 г. *Theodoreti* Ep. 65 и 73 (P. G. 83, 1236, 1244).

[925] *Theod. Led*. 2, 64.

[926] *Malala.* 366-67; Chron. Pasch. 589; *Theoph.* 103, 8. (20 июля).

научных трудах появляются и доселе издевательские отзывы о личности Феодосия.[927] Но в этих приговорах сказывается недостаточно внимательное отношение к фактам в отдельности и неумение понять дух и настроение тех давних времен. Глубоко и искренно благочестивый, неукоснительно твердый в своей вере, мягкий и кроткий по характеру, поддававшийся влиянию окружающих, Феодосий был преисполнен сознания высоты своего служения и своего сана и неукоснительно нес свой жребий как долг перед Богом и своим народом. Счастливая судьба послала ему Анфимия в годы его детства, и этот человек твердо держал бразды правления, не встречая ни от кого протеста и оппозиции. Анфимия сменила Пульхерия, с которой Феодосий разделил затем верховную власть и допустил соправительство. Несмотря на свой мягкий и слабый характер и не отличаясь бойкостью ума, Феодосий был всегда прекрасно окружен и имел вокруг себя верных, честных и талантливых слуг. Он менял людей на высоких постах и проявлял иногда в отношении к ним даже жестокость, не свойственную вообще его характеру; но эти перемены не отражались в направлении государственной политики, и его правительство ясно сознавало свои задачи и обязанности и было способно вести государство к силе, чести и славе. Тогда как на Западе варварский элемент и всемогущество военных людей подрывали самые основы государственной власти, Восток империи остался свободен от этого бедствия и, пережив при Аркадии восстание Гайны, воспрянул в сознании силы местного культурного элемента. Варвары верно служили императорскому престолу и проливали свою кровь во славу римской идеи единства мира под скипетром одного Богом поставленного государя.[928]

Придворная знать, пополнявшаяся из представителей разных народностей; сирийцев, египетских греков, армян, а отчасти и готов, давала Феодосию во время его правления сильных и твердых волей и сознанием долга слуг и исполнителей царских велений. Эта сила поддерживалась религиозным настроением государя, и оно прежде всего обусловливало твердый тон государственной политики за это время. Государство окрепло в царствование Феодосия, и тот мир, в котором пребывали его восточные области, шел на пользу финансовой силы государства и его культурного развития. Угроза, которую представлял собою Аттила, несмотря на все ужасы нашествия 442-443 и 447 годов, не оставила, однако, следов в общем ходе дальнейшего развития государства.

В своем глубоком и искреннем благочестии Феодосий оказывался слабым в направлении церковной политики. От всего сердца он желал одного: мира, спокойствия и согласия в недрах Церкви и видел в этом опору благополучия государства.[929] Он сумел заставить гордого и властного Кирилла признать формулу унии, выработанную в Антиохии, подчиниться его требованию и прекратить раскол между Церквями. Только уже в конце правления Хрисафий внес резкий диссонанс потворством самовластию Диоскора и планом убийства Аттилы.

Личность государя в монархиях отражается самым непосредственным образом на общем ходе и характере жизни государства, и та сильная сторона Феодосия, которая выражалась в его неукоснительной верности долгу на почве искренней веры в Бога и в надежде на Его помощь во всех испытаниях, какие выпадали на его долю, видна в событиях того времени. Феодосий сердцем чувствовал долг государя и скрепил своим жизненным подвигом империю, которая сознавала себя единой христианской державой. Смиренный образ этого кроткого царя, шествующего с босыми ногами в простой одежде во время всенародных молений в час гнева Божьего, распевавшего каждое утро псалмы со своими монахинями-сестрами, прекратившего ристания и запевшего псалом на ипподроме, когда пришла весть об удаче военного предприятия, чтобы вознести в храме благодарение Господу Богу за ниспосланную победу, миловавшего преступников у городских ворот, когда их уже вели на казнь по приговору суда, этот простой и кроткий образ царя, неизменно твердого в своей сердечной вере, имеет право на высокое место в ряду византийских государей и является по-своему великим.[930]

---

[927] Таков отзыв о Феодосии в труде: *Терновский Ф. А.* Грековосточная церковь в период Вселенских соборов. Киев, 1883. С. 151 -153; *Гидуллянов П. В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов. Ярославль, 1908. С. 596. В том же тоне оговорился и великий Моммзен в случайной заметке в статье об Аэции: «Da starb durch einen man wagt kaum zu sagen durch einen ungiicklichen Fall vom Pferde Kaiser Theodosius» (Hermes, 36,527). Там же Моммзен делает ни на чем не основанное утверждение, будто Феодосий дал свое соизволение на брак Гонории с Аттилой. Ни один источник этого не знает.

[928] В хронике Марцеллина упомянуто лишь об одном бунте в армии. Он случился в 420 году на Востоке, и жертвою его пал командир по имени Максимин (Chron. min. II 74), а под 418 годом помещено загадочное известие о гибели в Палестине комита Плинты.

[929] Эта идея много раз высказана в переписке по поводу несогласий и борьбы на Соборе в Эфесе 431 г.

[930] Император Феодосий остался в памяти позднейших поколений в ореоле аскета на троне, и эта его слава вызвала впоследствии возникновение повести о нем для благочестивого назидания, которая перешла и в нашу литературу в виде перевода. См.*Лопарев Х. М.* Повесть об императоре Феодосии II // Виз. врем. 5,1898.73-90. Возникновение этой повести исследователь приурочивает ко времени не раньше XII века. Славу каллиграфа Феодосий хранит и доселе: синайские монахи показывали в 1881 г. проф. Н. П. Кондакову Евангелие, писанное золотом с миниатюрами, о котором они заявляли, что — это труд Феодосия. См.: *Кондаков Н. П.* Путешествие на Синай. Одесса, 1882. 104, 230.

МАРКИАН

ПРОШЛОЕ МАРКИАНА, НАЧАЛО ЕГО ПРАВЛЕНИЯ И ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

Маркиан, которому пришлось явиться преемником Феодосия, был в ту пору уже в летах. Он был родом из Фракии и начал службу солдатом, будучи зачислен в полк, стоявший в Филиппополе. Неожиданный переход власти к человеку, не занимавшему раньше никакого поста, сильно занимал воображение современников, и впоследствии сложился целый ряд сказаний о предречении ему верховной власти указанием свыше. Рассказывали, будто тот умерший солдат, на место которого он был зачислен в полк, назывался Августом. Когда потом он направлялся вместе со своим полком на Восток для войны с персами, то захворал по пути в Ликии и остался для излечения в городе Сидиме. Там он близко сошелся с двумя местными жителями, братьями Юлием и Тацианом, и вместе с ними ходил на охоту. Однажды, когда они легли в полдень отдохнуть и уснули, старший брат проснулся прежде других и был поражен странным зрелищем: Маркиан спал на солнце, а над ним парил орел и, распластав крылья, давал ему тень. Подивившись этому, он разбудил брата, и оба вместе смотрели на диво. Когда Маркиан проснулся, братья, поняв знамение как предвестие для него императорского сана, стали его спрашивать, чем он отблагодарит их за дружбу, когда будет императором. Маркиан отвечал: «Кто я, чтобы со мной это приключилось?» Но братья не отставали, и Маркиан обещал, что сделает их своими отцами. Они дали ему на обратный путь 200 номизм и напомнили, отпуская в путь, об обещании.[931] Вернувшись в Константинополь, Маркиан вступил в дружину Аспара и пробыл на его службе 15 лет, дослужившись до звания доместика, т. е, начальника дружины. В 430 году Аспар был послан с войсками в Африку на помощь Бонифацию, которого тогда теснил Гензерих и осаждал в Гиппоне. Гензерих снял осаду, но в происшедшем сражении Аспар был разбит и много его людей попало в плен. Пленные были загнаны во двор дворца, так как Гензерих хотел осведомиться об их рангах и распределить их в рабство своим людям по рангу. В полдень пленники спали, спал и Маркиан, раскинувшись на солнце. Из верхнего этажа дворца Гензерих увидел странную картину: орел парил в небе и, распластав крылья, закрывал Маркиана. Он признал в этом указание свыше, позвал Маркиана к себе и спросил, кто он. Узнав, что он доместик Аспара, Гензерих, признавая в знамении волю Божию, отпустил Маркиана в Константинополь, взяв с него клятву, что, если предзнаменование сбудется, он не будет воевать с вандалами. Маркиан сдержал свое слово.[932] Не забыл он и своих друзей в Ликии: он вызвал их в столицу, объявил своими отцами и сделал Тациана префектом города, а Юлию дал Ливийскую префектуру.[933]

Относительно того, в какой форме состоялось возведение на царство Маркиана, источники наши не сохранили точных сведений. Ближайший по времени писатель, Феодор-чтец, сообщает, что это событие произошло в Евдоме, и самое избрание приписывает армии.[934] Так как со времени провозглашения императором Валента Евдом с его Военным полем был обычным местом этой церемонии,[935] то свидетельство Феодора-чтеца заслуживает полного доверия, и мы вправе предположить, что поставление на царство Маркиана совершилось в такой же форме, какая сохранена в современной записи относительно императора Льва, через семь лет после того. Феофан выдвигает на первый план участие Пульхерии.[936] Так как Пульхерия носила с 414 года титул августы и последние месяцы правления Феодосия опять делила с ним верховную власть, то ей должна

---

[931] *Theoph.* 104, 4.

[932] *Procop.* b. v. I, 4; *Evagr.* 2. 1; *Theoph.* 104.

[933] Император в обращении к префектам титуловал их parens carissime.

[934] *Teod. Led.* 1, 2 (p. 168).

[935] *Marc. Com.* s. a. 383: Arcadius partri suo Theodosio consors imperii septimo ab urbe miliario coronatus est; s. a. 393: Honorium pater suus Theodosius in eodem loco, quo fratrem eius Arcadium, Caesarem fecit, id est septimo ab urbe regia miliario (Chron. min. II 61; 63).

[936] Западный современник этого события, *Prosper Tiro,* занес в свою хронику известие о событии в таких словах: Marcianus consensione totius exercitus suscepit re gnu m (Chron. min. 1481). В ученом исследовании *Sickel*'а — Das byzantinische Kronungsrecht bis zum X Jahrhundert (Byz. Zeit. VI. 1898,511 -557) — допущена весьма существенная ошибка. Так как относительно венчания Маркиана на царство нет современной записи, то вполне неправильно утверждение *Sickel*'а, будто с Маркиана идет право патриарха возлагать венец. Первый случай возложения венца патриархом засвидетельствован относительно Анастасия, когда были на то особые причины.

была принадлежать видная роль в избрании на царство преемника Феодосия. Церемония в Евдоме совершилась 24 августа,[937] т. е. почти месяц спустя после смерти Феодосия. Таким образом, верховная власть была некоторое время в руках одной Пульхерии. Чтобы упрочить положение Маркиана, она сняла, очевидно, с разрешения патриарха, свой обет безбрачия и была повенчана с Маркианом. Маркиан был вдов, имел одну дочь, которую выдал замуж за Анфимия, внука по матери того Анфимия, который правил государством во время малолетства Феодосия.

Первым делом нового правительства была месть Хрисафию, находившемуся тогда в заточении. Пульхерия выдала его Иордану, как того Иоанна-вандала, виновником смерти которого он считался, и Иордан казнил его тем родом смерти, каким погиб его отец.[938]

Начало своего правления Маркиан ознаменовал эдиктом о сложении недоимок за 9 лет, с 438 по 447 г.,[939] и несколькими указами, в которых сказалось понимание истинных интересов государства. Так, были воспрещены всякие поборы при назначении на административные должности, зло, которое постоянно возрождалось в империи.[940] Обязательные прежде денежные взносы для преторов при назначении в этот сан обращены были в добровольные и поставлены на усмотрение назначаемых.[941] Огромные затраты, связанные с вступлением в консульство, Маркиан хотел обратить на общую пользу и предписал вносить на ремонт городского водопровода те деньги, которые доселе новый консул тратил в виде монет, бросаемых в толпу во время первого выезда, processus consularis.[942] Но старый обычай остался в силе, или же восстановился после Маркиана, как свидетельствуют события из времени Юстиниана.[943]

Маркиан отличался искренним благочестием, и жизнь двора носила в новое правление тот же характер, какой установился при Феодосии. Маркиан неукоснительно участвовал во всех тех религиозных церемониях и молениях, какие определились при Феодосии, и простирал свое усердие до того, что, несмотря на свой пожилой возраст, ходил из дворца пешком на Военное поле в день 26 января с крестным ходом в воспоминание землетрясения 447 года. Патриарху он предлагал совершать этот путь на носилках от площади Тавра до Евдома; но, следуя примеру императора, пешком ходил и патриарх.[944] И в последний год своей жизни Маркиан, уже больной, не отступил от того, что считал своей обязанностью.

Самым важным событием внутренней истории империи в правление Маркиана, имевшим длительные последствия, был Вселенский собор, состоявшийся в 451 году в Халкидоне. Инициатива в этом принадлежала Пульхерии. Отстраненная от участия в государственном управлении всемогущим Хрисафием, она оставалась молчаливой свидетельницей оправдания Евтихия и унижения Флавиана. Встав опять у кормила правления, она отменила постановления Эфесского собора 449 года. Память Флавиана была восстановлена, его прах привезен в столицу и с торжественной процессией по главной улице города (Μέση) водворен в храме св. Апостолов. Все низложенные Диоскором епископы были восстановлены в своих правах и вызваны из ссылки. Патриарх Анатолий на поместном Соборе в Константинополе осудил учение Евтихия и принял послание папы Льва к Флавиану. Пульхерия от своего имени известила об этом папу.[945] Император Маркиан в послании папе высказал свое соизволение на созвание Собора.[946]

Папа настаивал на том, чтобы Собор состоялся в Италии, но византийский двор на это не соглашался; тогда папа готов был отказаться от Собора, находя, что его послание к Флавиану вполне разъясняет дело. Тем не менее сакрой императора от 17 мая 451 года Собор был назначен на 1 -е сентября в Никее. Пульхерия послала от своего имени приказ правителю провинции Вифинии принять меры к тому, чтобы в Никею не набирались непризванные к участию в Соборе монахи, которые могли бы вызвать беспорядки, как случилось то в Эфесе в 449 году.[947] Так как Маркиан, во избежание тех настроений, которыми сопровождались два предшествующих Собора, хотел лично на нем присутствовать, а дела задерживали его в столице, то Собор был переведен в Халкидон и состоялся в огромном и роскошно обставленном храме св. Евфимии.[948] Папа Лев прислал в качестве своих представителей епископов Пасхазина и Луценция и пресвитеров Бонифация и Льва. Делопроизводство на

---

[937] *Theoph.* 103,8-16.

[938] *Theoph.* 103. — Феофан ошибочно отождествляет Иоанна-вандала с претендентом на западный трон Иоанном-нотарием. Убийство Иоанна у комита Марцеллина — s. a. 441 — приписано Аргегискл. В Chron. Pasch. (590), записано место казни: ворота Мелентиады. При имп. Льве Иордан играл видную роль. В 470 году он был консулом и занимал пост магистра армии. *Johan. Antiochen.* С. 92.

[939] *Nov. Marc.* 2. (Cod. Theod. II, 2, p. 187-9).

[940] *Theod. Led.* 1. 2; *Clyc.* p. 487 Bon.

[941] Cod. Just. 1, 39, 2 (450 г.).

[942] *Marc. Com.* s. a. 452. Marcianus Augustus suis statuit decretis, ut hi, qui consules fieri cupiebant, nihil aeris in populum spargerent, sed statutam pecuniam ad reparandum urbis aquaeductum deponerent.

[943] Nov. Just. 105, (от535г.) с.2,1. — Помянув о запрете Маркиана, Юстиниан разрешает бросать в народ серебряную монету, не делая этого обязательным.

[944] *Theod. Lect.* I, 6 (p. 169).

[945] *Mansi.* 6, 100-104 (ноябрь 450 г.).

[946] Ib. 6, 97 и сл.

[947] Ib. 6, 556.

[948] Описание храма см.: *Evagr.* 2,3, где описан также и способ чудесного получения крови мученицы, чего удостаивались люди святой жизни.

Соборе было поставлено под ближайший контроль органов правительства, и в заседаниях присутствовало 17 сановников из видных членов сената, которые являлись посредниками в сношениях Собора с двором. Епископы съехались в большом числе — и впоследствии этот Собор носил имя Собора 630 отцов. Римская Африка дала двух представителей. Патриархи Антиохийский и Александрийский прибыли с подобающей свитой. Общее руководство деятельностью Собора было возложено на патриарха Анатолия. 8 октября состоялось первое заседание Собора, всего заседаний было 16, и последнее пришлось на 1 ноября.

Согласно воле императора, выраженной в акте о созыве Собора, на него была возложена задача утвердить единое истинное исповедание веры путем устранения всех сомнений и разномыслий, которые омрачили жизнь Церкви в течение предшествовавшего времени. Общее направление деятельности Собора было предрешено тем, что патриарх Анатолий принял послание папы Льва к патриарху Флавиану, учение Евтихия было признано ересью и низложенные Собором Диоскора епископы восстановлены в своих правах. При таких условиях Диоскор оказался в первом же заседании собора в роли подсудимого, как он поступил сам с Флавианом в Эфесе в 449 году. С обличением против него выступил осужденный им Евсевий, затем в обличение его прочитаны были акты Собора в Эфесе 449 года и включенные в них акты поместного Собора в Константинополе 448 года, на котором был осужден Евтихий. При единодушных криках многочисленных членов собрания руководившие внешним порядком делопроизводства сановники сформулировали приговор над Диоскором и пятью его ближайшими сотрудниками на Соборе 449 года. То были епископы: Иерусалима — Ювеналий, Кесарии Каппадокийской — Талассий, Анкиры — Евсевий, Берита — Евстафий и Селевкии Исаврийской — Василий. Все шесть епископов были признаны виновными в неправильных действиях на Соборе и присуждены к лишению епископского сана, о чем решено было довести до сведения императора.

Диоскор не явился на второе заседание Собора, а также и на третье, несмотря на троекратный вызов, и был осужден заочно «не за веру», как это оговорил формально Анатолий в одном из последующих заседаний, а за то, что позволил себе не доложить Собору в Эфесе послания папы Льва и предал его затем анафеме. Ближайший сотрудник Диоскора Ювеналий изменил ему еще на первом заседании и открыто перешел на сторону его врагов, изменили ему и четыре египетских епископа. Император утвердил низложение Диоскора и сослал его в Гангры; остальные пять епископов были помилованы ввиду их раскаяния в прежних заблуждениях, сохранили свои кафедры и остались членами Собора.

К главной своей задаче, устранению разномыслия в определении веры, Собор приступил на втором собрании, через два дня после первого. Прочитаны были Символ веры Никейского и Константинопольского соборов, послание папы Льва к Флавиану по вопросу об учении Евтихия и выдержки из творений Отцов Церкви. Заседание имело целью подготовить единодушие присутствующих, и на патриарха Анатолия было возложено поручение воздействовать на колеблющихся в личных сношениях. На четвертом заседании дело пошло дальше, и присутствующим было предложено подписать послание папы Льва. Все давали подпись, кроме оставшихся верными Диоскору египетских епископов. Они ссылались на то, что их Церковь лишена главы, и они не могут сами решить этого вопроса. Этот мотив был уважен и им дана отсрочка. Формула вероопределения в пояснение к Символу веры была выработана особой комиссией под председательством патриарха Анатолия и принята собравшимися на Соборе епископами. Торжественное объявление совершилось в следующем заседании, 25 октября, на которое прибыли император Маркиан и Пульхерия. Император обратился к собранию с речью на латинском языке, которая затем была переведена на греческий. Прочитан был Символ веры и принятое на прошлом заседании, подписанное епископами истолкование веры, заключенной в Символе. В этом истолковании отцы Собора писали так: «Следуя святым отцам, мы все согласно учим исповедовать Господа нашего Иисуса Христа Сыном, единым и тем же самым, совершенным по Божеству и совершенным по человечеству, Богом по истине и Его же по истине человеком из разумной души и тела, единосущным Отцу по Божеству и Его же единосущным нам по человечеству, во всем нам подобным, кроме греха, предвечно рожденным от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и нашего спасения — от девы Марии Богородицы по человечеству, единым и тем же Сыном, Господом, единородным, в двух естествах (ἐν δύο φύσεσιν) неслиянно, неизменно, нераздельно, нерасторжимо познаваемым, не с уничтожением различия естеств от соединения, а, напротив — с сохранением особенности каждого естества и соединением в одно лицо и одну ипостась, не разделяемым или расторгаемым на два лица, но единым и тем же самым Сыном и единородным Богом-Словом, Господом Иисусом Христом».[949] Первая часть этой формулы является дословным воспроизведением начала того вероопределения, которое дано в акте унии 433 года между Антиохией и Александрией, но вторая вводит новые моменты, навеянные посланием папы Льва, и резко оттеняет неслиянность двух естеств, о чем не было речи в том акте в угоду учению Кирилла. Последующие тревоги, вызванные этой формулой, показали, в чем была ее слабая сторона. Но в этот момент достигнутого и утвержденного соглашения в среде многолюдного собрания было иное настроение, и на вопрос императора: все ли так веруют, раздались крики: «Все так веруем, одна вера, одно моление; все мы, согласившись, подписали... Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду, многие лета... Ты укрепил православие!.. Многие лета августе! Вы светила православия! Да сохранит Бог хранительницу веры!.. Бог да сохранит вашу державу! Бог да умирит ваше царство! Маркиан — новый

[949] *Mansi.* 7, 116.

Константин! Пульхерия — новая Елена!.. Ты восстановил Церковь, победитель врагов, учитель веры! Многие лета августе...»[950]

После разрешения главного вопроса Собор в дальнейших заседаниях занялся разными текущими делами. Сотрудники Диоскора были помилованы, дошла очередь до его противников, и прежде всего Феодорита, помилованного императором, нашедшего поддержку у папы Льва и приглашенного на Собор. Враждебное к нему отношение за его полемику с Кириллом в защиту Нестория резко сказалось в первом заседании Собора, а на восьмом заседании был найден выход. Вместо объяснения, которое он предлагал, ему было предложено анафематствовать Нестория, и он удовлетворил собрание словами: «Анафема Несторию, как и тем, кто отказывает в имени Богородицы Деве Марии или разделяет Христа на двух сыновей».[951] Более затруднений представило дело епископа Эдессы Ивы, который был также осужден на Соборе 449 года. Ему ставили в вину единомыслие с Несторием и полемику с Кириллом в письме к персу Марису. Это письмо было прочитано в заседании Собора[952] и хотя признано неправославным, но собрание удовлетворилось и в отношении к нему тем, что он также произнес анафему на Нестория.

Наиболее важные из административных вопросов, рассматривавшихся на Соборе, помимо возвышения в ранге епископа Иерусалима, которому на будущее время было дано положение патриарха, с предоставлением ему юрисдикции в пределах трех провинций Палестины, наибольшее значение имели меры, принятые относительно положения монахов на будущее время. Доселе монахи не были подчинены епископам и представляли собою весьма многочисленный класс вольных людей, не признававших над собою ничьей власти, свободно толпами и в одиночку бродивших из города в город и из страны в страну и доставлявших немало тревог и затруднений представителям духовной и светской власти. Отныне Собор определил их подведомственность местному епископу, как гласит 4-й пункт соборных решений, принятых на 15-м заседании. Основание монастырей могло на будущее время совершаться не иначе как с ведома и разрешения епископа, монахам было запрещено покидать свои монастыри и свободно скитаться, как то было раньше.

Последнее заседание Собора было посвящено выяснению положения Константинопольского патриарха. «Восточные» епископы, без участия папских легатов, приняли постановление, что патриарх столицы должен занимать второе место после римского папы, а на Востоке иметь первенство перед тремя остальными патриархами: Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским. Легаты папы не приняли участия в этом и заявили протест, который не был, однако, уважен сановниками, принимавшими участие в последовавшем затем обсуждении вопроса.

Признавая авторитет папы, Собор, раньше чем разойтись, обратился с почтительным посланием к нему, в котором, между прочим, отведено было много места разъяснению канона 28 о почетном положении Константинопольского патриарха, с упоминанием о протесте, который был заявлен его легатами.[953] Лев, принимающий соборные решения, не соглашался, однако, признать 28 канон, и по этому поводу возникла переписка между обеими столицами, длившаяся до 454 года и закончившаяся установлением доброго совета между патриархами, с умолчанием, однако, о действии 28 канона, которого папа не признал.[954] В послании к Маркиану папа хвалил государя за его «священническую ревность».[955] Оспариваемый папой канон 28 действовал, однако, на Востоке.[956]

По окончании Собора император издал несколько указов на имя префектов претория и города, в которых объявлял об утверждении истинного учения веры христианской, с кратким указанием на сущность соборных определений, и повелевал опубликовать об этом в пределах их власти. В манифесте к населению столицы от 7 февраля 452 года Маркиан объявил о радостном событии, окончательном устранении всяких разногласий и сомнений, и воспрещал на будущее время вести какие бы то ни было публичные споры по вопросам веры, сопровождая свой запрет угрозой наказания: клирику — исключением из клира, состоящим на службе лицам — отставкой, а прочим — изгнанием из города.[957] Через месяц, 13 марта, последовала другая сакра на имя префектов с повторением той же угрозы *за* религиозные споры, с распространением ее на всю империю.[958] Такие же сакры общего характера вышли 6 и 28 июля.[959]

Если Маркиан и Пульхерия были искренни в своей уверенности в том, что найдена форма вероопределения, которая должна на будущее время прекратить все волновавшие людей тревоги относительно чистоты веры, то

---

[950] *Mansi.* 7, 169-170.
[951] Ib. 7, 189.
[952] Ib. 7. 241-249.
[953] *Mansi*. 6, 147-156.
[954] Патриарх Анатолий в письме к папе от апреля 454 года устраняет себя от подозрения в участии в составлении 28 канона, возлагает всю ответственность на константинопольский клир и прибавляет такое замечание: cum et sic gestorum vis omnis et confirmatio auctoritati vestrae Beatitudinis fuerit reservata (*Mansi.* 6, 279).
[955] Ib. 6, 288: dum in christianissimo principe sacerdotalem experimur affectum.
[956] *Hefele.* Conciliengeschichte 2. Aufl., II 563.
[957] *Mansi.* 7, 476-477.
[958] Ib. 7, 477-480.
[959] Ib. 7, 497-500.

действительность должна была скоро раскрыть им глаза на истинное положение дела. Как на Никейском соборе формулировка была взята с Запада и не удовлетворила Восток, так и теперь Халкидонское вероопределение было началом не мира, а жестокой вражды и разногласия. Наиболее затруднений представили Палестина и Египет. В Палестине немедленно по окончании Собора началось мятежное движение, вождем которого явился один египетский монах по имени Феодосий. Принимавший уже давно участие в церковных спорах в Александрии и потерпевший публичное наказание от Диоскора, он был в числе других в Халкидоне во время Собора, и на его глазах совершил свою измену Ювеналий. Немедленно по окончании собора Феодосий поспешил в Палестину и начал агитацию против Ювеналия. Он встретил живое сочувствие среди многочисленного палестинского монашества, а также и в населении Иерусалима. На сторону врагов Ювеналия стала проживавшая в Иерусалиме императрица Евдокия. Когда Ювеналий вернулся из столицы, монахи потребовали от него, чтобы он отрекся от Халкидонского собора. Город был в таком возбуждении, что Ювеналий бежал в Константинополь. Опустевшую кафедру занял Феодосий, посвящение которого совершилось в церкви Воскресения. Он низлагал епископов, принявших Халкидонское вероопределение, и посвящал новых. В числе последних был иверийский царевич Петр, сын царя Бакур-Вараза, отдававшийся аскетическим подвигам в монастыре близ Газы.[960] Феодосий посвятил его в епископы города Майюмы (гавань Газы). Мятежное движение охватило всю страну, в городе и окрестностях происходили пожары и убийства. В числе жертв мятежа был Север, епископ Скифополя. Дукс Дорофей получил приказание подавить мятежное движение военной силой, а патриарху Ювеналию были предоставлены чрезвычайные полномочия. Близ города Неаполя войска атаковали монахов и рассеяли их после большого кровопролития. Феодосий, Занимавший кафедру в течение 20 месяцев, бежал из Иерусалима и, по слухам, которые держались в столице, нашел убежище в горах Синая.[961] Кровавые репрессии продолжались в Палестине, и тщетно император обращался с увещеванием к населению Иерусалима и Собору епископов. Пульхерия от своего имени обращалась к монахиням в лице Бассы и к монахам.[962] Ювеналий низлагал поставленных Феодосием епископов, кроме Петра Ивера, который был изъят от преследования по распоряжению императора, мирно проживал в Майюме, а затем удалился в Египет.[963] Императрица Евдокия оставалась непреклонной и тем поддерживала упорство других. Старания Маркиана подействовать на ее настроение через посредство папы Льва и ее родных не имели успеха в течение нескольких лет, и только тяжкие удары судьбы сломили ее твердость. Когда она смирилась и вступила в церковное общение с Ювеналием, за ней последовали и другие.

В Египте положение было еще тревожнее. Кафедру сосланного Диоскора занял Протерий. Его водворение вызвало крупные беспорядки в Александрии, в которых приняло участие все население города. В наказание за бунт отменена была хлебная выдача, которую получало население, прекращены игры на ипподроме и закрыты публичные бани. Префектом Египта был тогда Феодор. На смену ему был послан Флор, которому предоставлена была и военная власть.[964] Волнение продолжалось, и его свидетелем оказался Приск, спутник Максимина по его дипломатическим поручениям. В своем сочинении Приск описал ужасы, происходившие тогда в Александрии, но сохранились только отрывки. Евагрий, *Церковная история* которого дошла до нас целиком, заимствовал из его труда следующие подробности.

Когда разразился бунт, толпа оттеснила солдат на площадку храма Сераписа, разрушенного в 390 году Феофилом, и там они погибли в огне. Получив известие об этом, император приказал послать в Александрию отряд в две тысячи человек. То были молодые солдаты, недавно сформированные в полки. Они прибыли в

---

[960] Подробное изложение о событиях того времени в Палестине см.: *Zacharias* (3, 3-9, с. 10-17). От Захарии заимствовал свои сведения Евагрий (2, 5). Петр Ивер был сыном царя Иверии Бакур-Вараза. Его имя, по свидетельству грузинского жития, было Мурван. В молодых годах он попал в Константинополь в качестве заложника во время первой войны Феодосия с персами и приобрел большое расположение императора, его супруги и Пульхерии. Чувствуя непреодолимое влечение к жизни аскета, он бежал из Константинополя в Святую Землю и в пору начала движения находился в Газе. Житие Петра Ивера на грузинском языке, написанное современником, издано с русским переводом проф. Н. Я. Марром (Палест. сборник. Т. 16 вып. 2 (1896)). В сирийской литературе сохранилось гораздо более подробное житие. В оригинале оно издано Ландом в III т. *Anecdota Syriaca*. В 1895 г. оно вышло с немецким переводом — *Raabe*. Petrus der Iberer. О событиях в Палестине в это время см. исследование: *Арх. Феодосий*. Палестинское монашество в IV-VI вв. Киев, 1889 (с. 210 и сл). Арх. Феодосий пользовался Захарией по латинскому переводу извлечений, сохранившихся на сирийском языке — 2 *Migne*. P. G. 85.

[961] Державшийся в столице слух о бегстве Феодосия на Синай опровергает Захария (3,9, p. 15-17) по сообщению которого Феодосий переоделся солдатом и старался в своих скитаниях укрепить настроение своих сторонников. Он был узнан, схвачен и заточен в Сидоне, где до самой смерти вел беседы с приходившими к нему об истине воплощения, причем изобличал в ереси как приверженцев Халкидонского собора, так и тех, которые разделяли мысли Нестория, а равно и Евтихия. — Михаил Сириец воспроизводит то же сведение из труда Захарии (Chabot. II 90).

[962] *Mansi*. 7, 484-497; 515 и сл. — письма Маркиана; 505-512 — Пульхерии.

[963] По свидетельству биографа еп. Севера, Иоанна Амидского, Петр Ивер пользовался покровительством Пульхерии как ее приемный сын. Patrologia Orientalis, II, 219-223.

[964] *Evagr*. 2, 5, p 51, 20.

Александрию на шестой день по отъезде из Константинополя. Поведение их на улицах города с женщинами еще более усилило возбужденное настроение горожан. Приск дал совет Флору воздействовать мерами снисхождения, и Флор, собрав народ на ипподроме, дал обещание возвратить хлебную выдачу, открыть бани и разрешить общественные увеселения. Это имело успех, и население мало-помалу успокоилось.[965]

В связи с беспорядками в Александрии Маркиану пришлось приняты особые меры для обеспечения доставки хлеба в столицу. В предупреждение того, чтобы взбунтовавшееся население Александрии не могло завладеть хлебными запасами, предназначенными для Константинополя, Маркиан распорядился перевести магазины в Пелузий, где с тех пор и грузились корабли, направлявшиеся в столицу.[966]

Хотя в Александрии постепенно настало успокоение, но большинство населения отказывалось признать своим духовным главой Протерия. Чтобы успокоить население и примирить его с Протерием, Маркиан послал в Египет Иоанна, первого силенциария, с особым посланием, обращенным к жителям Александрии. Старания Иоанна не увенчались успехом, и он вернулся в столицу с жалобой на Протерия, которому ставили в вину злоупотребления в расходовании церковных средств, в чем раньше обвиняли низложенного Диоскора.

Беспорядки в Александрии и явное неповиновение населения запрету продолжать споры об истине вероучения побудили Маркиана издать общий указ в 455 году (от 31 июля), в котором был повторен прежний запрет, осуждались еретические учения и подновлены в памяти прежние определения относительно умаления гражданских прав еретиков. За устройство тайных собраний грозило публичное наказание палками, а люди привилегированного положения облагались штрафом в 10 фунтов золота. Для евтихиан и аполлинаристов закрыта была государственная служба, кроме состояния когорталинов. Еретические сочинения подлежали публичному сожжению. Император требовал немедленного и строжайшего исполнения своего указа, особенно в Египте, где положение было наиболее тревожно.[967] Но строгости не действовали, а быть может, и не применялись, и в Египте готовилось то, что случилось, когда туда пришла весть о смерти Маркиана.

Воспользовавшись отсутствием в городе дукса Дионисия, враги Халкидонского собора, не признававшие Протерия своим патриархом, овладели главной церковью Александрии и поставили патриархом Тимофея, по прозвищу Элура. То был человек, которого некогда Кирилл насильно извлек из отшельнического уединения в пустыне и посвятил в пресвитеры. Прозвище Элур — ласка — было дано Тимофею приверженцами Протерия за его малый рост и чрезвычайную худобу, последствие его подвижнической жизни. Оно осталось за ним в истории. Монахи, чрезвычайно многочисленные в Египте, и толпа схватили Тимофея, насильно привели его в кафедральный собор города, называвшийся Кесарием,[968] для посвящения в патриархи. По действующим канонам, посвящение должно было быть совершено тремя епископами. На этот раз ограничились двумя. В Александрии был в ту пору епископ Пелузия Евсевий, другого нашли в лице Петра, епископа Майюмы, который случайно находился в Александрии.[969] При величайшем одушевлении всего населения Александрии монахи, не спрашивая о согласии Тимофея, устроили его посвящение в епископы на патриарший трон св. Марка (16 марта 457 г.).

Когда Дионисий вернулся в город, он арестовал Тимофея. Арест сопровождался большим кровопролитием. Тимофей был заточен в одном укреплении в 30 милях от столицы. Народное волнение превратилось в открытый бунт, настолько грозный, что Дионисий через несколько дней признал за лучшее водворить своего пленника на кафедру. Он устроил это при посредстве одного монаха по имени Лонгин, известного всем своей святой жизнью. Тимофей занял кафедральную церковь, а законный патриарх Протерий имел свою кафедру в церкви св. Квирина. Подошло время Пасхи. Накануне этого дня было тогда принято совершать крещение младенцев. К Тимофею принесли множество крещаемых, а к Протерию — всего пять. При общем возбуждении явилась мысль изгнать Протерия из храма. Против насилия Протерий прибег к помощи военной охраны, и произошла кровавая схватка, в которой было много убитых. Протерий, расходовавший на солдат много денег из церковных средств, был недоволен безуспешностью действия военной силы. И вот один солдат, рассердившись за упреки, всадил ему в грудь свой меч, другие добили и оставили лежать на улице. Тогда уже александрийская чернь овладела трупом, таскала его по улицам, сожгла на ипподроме и развеяла его прах по ветру. Так рассказывает об этом кровавом событии современник Юстиниана, Захария-ритор.[970]

---

[965] *Prisci* frg. 22; *Evagr.* 2, 5. Живые подробности о кровавых событиях в Александрии и борьбе населения с Протерием см.: *Raabe.* Petrus der Iberer. P. 59 и сл.

[966] *Theoph.* 106, 32.

[967] *Mansi.* 7, 517-520.

[968] По свидетельству Малалы (Chron. p. 217), это здание было сооружено самим Цезарем и названо так по имени сына от Клеопатры. Либерат (Brev. c. 18) объясняет имя этого здания тем, что некогда то был храм в честь Цезаря.

[969] *Raabe.* Petrus der Iberer. P. 64. Он бежал из Сирии, подвергался преследованию от Протерия и жил некоторое время в Элефантине.

[970] *Zacharias* 3, 11; 4. 1-3, c. 18-19, 24-25. Весьма вероятно, что участие солдат в убийстве Протерия измышлено для смягчения вины населения Александрии, которое издавна отличалось склонностью к эксцессам. Из Захарии черпал Евагрий: 2, 8. Ср.: *Raabe.* Petrus der Iberer. P. 67-68. В 362 году случилось в Александрии событие, аналогичное с убийством Протерия: был убит и растерзан толпой патриарх Георгий, преемник Афанасия. Император Юлиан оставил дело безнаказанным. Амм. Марц. 2, 130-132 (22, 11), — Созомен (3, 3) сохранил текст

Тимофей, оставшись один на патриаршей кафедре, распоряжался, по словам монофизитского бытописателя, денежными средствами, как этого требовали законы христианского милосердия, В интересах мира члены александрийского клира, признававшие Протерия, люди с именем и положением, искали церковного общения с Тимофеем Элуром и обещали отправиться в Рим, чтобы убедить папу Льва взять назад свой «томос». Но раздражение было слишком сильно, и они не были приняты в общение. Тогда они отправились в Рим к папе и представили все дело в неблагоприятном для Тимофея освещении. Тимофей обратился от себя с посланием к императору Льву, который был чрезвычайно обеспокоен событиями, происшедшими в Александрии. Дальнейший ход этого дела будет изложен в другой связи.

ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ. СМЕРТЬ МАРКИАНА

Первым делом Маркиана в сфере внешней политики было изменение отношения к Аттиле. Как человек военный, Маркиан считал оскорбительным для империи то приниженное состояние в отношении к варварам, какое установилось при Феодосии. Когда Аттила, узнав о перемене на престоле, отправил посольство с требованием дани, Маркиан ответил, что он не обязан давать ему столько, сколько по своей щедрости давал Феодосий. Выражая готовность обеспечить Аттиле получение даров, он ставил обязательным для гуннов условием сохранение спокойствия и мира на границе, прибавляя при этом, что для войны он сам имеет достаточно сил и средств. Послом к Аттиле был отправлен Аполлоний, брат Руфа, женившегося на дочери Сатурнина. Аттила нашел посла недостаточно сановитым и, не допустив его к себе, требовал передачи даров. Аполлоний отказался и заявил, что неприлично гуннам просить того, что им передают сами послы при свидании, или что можно взять у них, ограбив убитого. Свидание не состоялось, и посол императора вернулся назад. Враждебных действий со стороны гуннов не последовало, так как мысли Аттилы склонялись к походу на Запад. Помимо желания добыть невесту от Валентиниана, он был втянут в враждебные отношения между варварами Запада. Гензерих оскорбил вестготского царя тем, что отослал ему его дочь, бывшую в замужестве с его сыном Гунерихом, порезав ей ноздри и отрубив уши по подозрению в намерении отравить его. Во избежание войны с готами, Гензерих вызывал против них Аттилу и послал ему богатые дары. Точно так же несогласия по вопросу о престолонаследии у франков вызвали посольство к Аттиле с просьбой о помощи. К Аттиле обратился старший брат, а младший имел за себя поддержку Аэция.[971] Прежде чем выступить в поход, Аттила еще раз потребовал у Валентиниана отдать ему невесту; в доказательство своих прав на нее приказал показать кольцо, которое прислала ему Гонория, и требовал половины царства Валентиниана как ее приданого.

В Риме оказался человек, который был на высоте положения. То был Аэций, поддерживавший дотоле с Аттилой самые дружественные сношения. Ему удалось собрать воедино силы вестготов, бургундов, франков и других племен, считавшихся федератами империи, и направить их в сторону движения Аттилы. В городе Аврелиане (Орлеан) на среднем течении реки Лигера сидели тогда аланы с царем Сангибаном, и Аттила желал сделать этот город своим опорным пунктом. Аэций и Теодорих вестготский поспели вовремя, чтобы выручить город (июнь 451 г.). Аттила подался к северу, и здесь, на Каталаунских полях, произошла страшная битва народов, в которой, по свидетельству близких к тому времени людей, легло 300 тысяч человек. Реки, протекавшие по этой равнине, превратились в кровь. Самым крупным эпизодом битвы было сражение вестготов с остготами; царь первых, Теодорих, пал от руки амала Андага и был оплакан своими на поле битвы. Победа оказалась на стороне Аэция, но сила Аттилы оставалась грозной по-прежнему.[972]

Аттила отвел свои полчища из Галлии. На следующую весну он собрался в поход на Италию. Проходы через Юлийские Альпы не были защищены; Аттила спустился на юг и осадил Аквилею. Осада длилась долго, и он хотел уже отступить, но его остановил аист, гнездившийся на одной башне. Все время осады аист оставался на месте, а тут он снялся и, положив себе на спину одного птенца и поддерживая других, улетел из города. Аттила увидел в этом указание на то, что город обречен на гибель, и на следующий день взял его и предал разрушению. Тицин (Павия) и Медиолан разделили судьбу Аквилеи.[973] Из Рима было снаряжено посольство к Аттиле. Его исправлял папа Лев с двумя сенаторами, Авиеном и Тригецием. Аттила принял послов и после переговоров с ними двинулся назад в свои придунайские степи. Еще в те времена спасение Италии многие современники приписали папе Льву, а Рафаэль увековечил эту версию сказания о событии своей знаменитой картиной в Ватиканском дворце. Но сохранились и другие свидетельства. Рассказывали, что Аттила боялся судьбы Алариха, который умер вскоре после того, как взял Рим. В Италии предшествующий год был неурожайный, и это должно было вызвать затруднение в прокормлении полчищ Аттилы; начались повальные болезни и мор. В то же время войска Маркиана под начальством Аэция усиленно действовали против гуннов с тыла.[974] Италия была спасена от

письма Юлиана с упреками и укоризнами населению.

[971] *Prisci* frg. 16. — Приск видел его в Риме и, описывая его наружность, отмечает длинные русые волосы, падавшие на плечи, как их носили меровинги.

[972] *Jordan.* Get. 197-213. —Доселе не установлено с полной точностью, где следует видеть Каталаунскую равнину. Обыкновенно полагают, что битва произошла неподалеку [к западу] от города Труа, древних Трикассинов [в Шампани].

[973] *Jordan.* Get. 219-222.

[974] Hydati Chron. s. a. 453. Huni... divinitus partim fame, partim morbo quodam plagis caelestibus feriuntur; missis

нашествия. Великий воитель собирался на следующий год в поход против Маркиана, который не платил ему дани и грозил войной.[975] Но он скоропостижно умер на новой свадьбе, которую праздновал с красавицей Ильдиконой (453 год).[976]

Смерть Аттилы послужила сигналом к распаду его державы. Поднялись все народы, которые были под его могучей рукой; инициатива принадлежала гепидам.[977] Гуннские орды в главной массе отхлынули на Восток. Любимый сын Аттилы Ирнах занял «крайние пределы Малой Скифии»[978], т. е. местности поблизости от низовьев Дуная. Гепидам досталась область, где жил Аттила, остготы заняли Паннонию, эрулы поселились на левом берегу среднего Дуная. Часть алан перешла в пределы империи за Дунай. То была орда царя Кандака, поселившегося в Скифии (Добрудже). От этих алан вел свой род историк Иордан, написавший при Юстиниане (в 551 г.) историю готов, Тогда же перешло в пределы империи много гуннов, разбившихся на отдельные улусы. Так, вожди Ульциндур и Эмнецур перешли со своими людьми в Прибрежную Дакию и поселились на реках, впадающих в Дунай с юга, — Ут, Эск и Альм (Вид, Искер и Лом). Отдельно упомянуто у Иордана поселение гуннов, смешавшихся с другими племенами, в местности старой крепости Лагерь Марса (Castramartena urbs). Иордан прибавляет общее замечание, что в эту пору «прорвалось» в пределы империи еще много гуннов в разных местах, и возводит к ним происхождение отрядов в византийской армии при Юстиниане, носивших имена: сакромонтизии и фоссатизии.[979] Это последнее имя указывает и на то правовое положение, в которое они попали в империи. То были давно уже выработавшиеся отношения федератов взамен исчезавших пограничных солдат, milites limitanei.

Теперь на северной границе империи настали новые отношения, менее тяжкие, чем прежде, так как варварские народы не были объединены сильной единой властью, а преемники и наследники Аттилы разбились на свои улусы. Грозный образ Аттилы был запечатлен в записях современников и остался жить в предании германских народов, которые сделали его центральным лицом своего народного эпоса. У Аттилы пируют, с Аттилой сражаются и гибнут их герои, добывая золото, которое так жадно собирал исторический Аттила.

На следующий год по смерти Аттилы не стало и его победителя, Аэция. Его убил собственной рукой император Валентиниан по происках евнуха Ираклия, не без участия сенатора Максима, который имел свои основания желать зла Валентиниану. И когда император спросил потом Максима, хорошо ли он сделал, что убил Аэция, тот ему ответил, что это все равно, как если бы он правой рукой отрубил себе левую. В феврале следующего года за Аэция отомстили два бывших его оруженосца, готы Оптила и Фравстила; будучи взяты на службу к императору, они убили его (16 марта 455 г.). Запутанный во всей этой интриге Максим был провозглашен императором в Риме и насильно заставил выйти за себя замуж вдову Валентиниана, Евдоксию. Когда он открыл ей сам свою виновность в убийстве Валентиниана, объясняя это страстной любовью к ней, гордая дочь Феодосия обратилась к помощи варвара Гензериха.[980] Он отозвался немедленно на призыв. Весть о его приближении вызвала страшную тревогу и бунт, во время которого был убит Максим. Гензерих вступил в город и предал его грабежу. Через две недели он отплыл в Карфаген, увозя вместе с награбленными несметными сокровищами царицу Евдоксию и обеих ее дочерей, Евдокию и Плацидию, а также и Гауденция, сына Аэция. Скорбные вести о судьбе дочери и ее потомства дошли в Иерусалим к одинокой Евдокии, счастье которой, по гаданиям ее отца, должно было превзойти счастье всех женщин.

Удерживая царственных пленниц, Гензерих хотел добиться брака между своим сыном Гунерихом и внучкой Феодосия, чтобы породниться с императорским домом. Он рассчитывал тем самым усилить свое положение в нарождавшихся международных отношениях, как возлагал на то надежды некогда Атаульф и как хотел того же великий воитель Аттила.

В Риме была анархия. 9 июля того же 455 года в Толозе, по соглашению с вестготами, был провозглашен императором знатный и богатый сенатор, галл по крови, Марк Марцилий Авит. Из Толозы он отправился в Арелат, где был принят как император; римский сенат прислал ему свое признание. Осенью того же года Авит был в Риме, но императорский венец оказался ему не по силам. После ограбления Рима Гензерихом не было золота в казне, не было и хлеба в городе. Расплаты приходилось делать медью, кормить солдат было нечем. Авит вышел с войском на север, но в Плаценции был застигнут и низложен магистром армии, свевом Рехимером, который имел от него поручение отправиться с войсками в Сицилию, чтобы действовать против Гензериха (456 г.).[981] Маркиан, к которому Авит обратился с просьбой о помощи против Гензериха, ограничился тем, что отправил в Африку посла с требованием выдать царственных пленниц. Гензерих оставил это требование без

---

etiam per Marcianum principem Aetio duce caeduntur auxiliis pariterque in sedibus suis et caelestibus plagis et per Marciani subiguntur exercitum, (Chron. min. II 26).

[975] *Prisci* frg. 19.

[976] Приск дал подробный рассказ о смерти и погребении Аттилы, и на его изложение ссылается в своем описании Иордан (Get. 251-258). Приск помянул и о вещем сне Маркиана: в ту самую ночь, когда умер Аттила, Маркиан видел во сне, что сломался лук Аттилы (*Jord.* Get. 255).

[977] *Iordan.* Get. 261.

[978] Ib. 263.

[979] Ib. 259-266.

[980] *Johan. Antiochen.* c. 85.

[981] *Johan. Antiochen.* c. 86.

внимания. Маркиан вторично предъявил свое требование, отправив послом арианского епископа Бледу. Когда Гензерих пренебрежительно отнесся к речам Бледы, тот переменил тон и стал резко требовать возвращения пленниц. Но это не помогло, и Гензерих отпустил царского посла ни с чем.[982] Так и остались царственные пленницы в Карфагене до самой смерти Маркиана. Бездействие Маркиана современники объясняли той клятвой, которую он некогда дал Гензериху, когда был у него в плену.

В отношении к другим внешним врагам политика Маркиана отличалась твердостью и уверенностью в силах империи. Когда на восточной границе мир был нарушен вторжением арабов в Сирию, Маркиан назначил магистром армии Востока Ардабурия, сына Аспара, стяжавшего себе военное имя в борьбе с варварами во Фракии. Ардабурий разбил арабов близ Дамаска. Максимин и прикомандированный к нему Приск прибыли в качестве делегатов императора, когда Ардабурий вел уже переговоры с послами арабов об условиях мира, который вскоре и был заключен Максимином.[983]

В том же 453 году Максимин заключил договор с другими южными соседями империи, племенами блеммиев и нубадов, которые жили на южной границе Египта. Эти варвары нередко совершали нашествия, грабили и разоряли страну, уводили пленных. Максимин добился того, что они выдали заложников из своей знати, возвратили награбленное и без выкупа отпустили пленных. Он заключил с ними письменный договор, который был выставлен в храме города Филы в южном Египте. В этом договоре было обеспечено за блеммиями и нубадами право участвовать в культе Изиды во время ежегодно совершаемого священного плавания ее статуи по водам Нила, после чего она вновь водворялась в храме на острове близ города Элефантины. Максимин вскоре захворал и умер. Тогда варвары отбили своих заложников и опять стали производить набеги.[984]

Этот эпизод внешней политики Маркиана интересен в том отношении, что в нем дано свидетельство о невозбранном существовании культа Изиды в это время на юге Египта в пределах христианской империи. Представители императорской власти признавали этот факт и мирились с ним. Так было до времени Юстиниана, который положил конец остаткам язычества в пределах римской державы.

Чтобы исчерпать материал, сохраненный Приском о внешних отношениях империи при Маркиане, остается отметить его вмешательство в дела царства иверов. Иверия вошла в кругозор Римской империи при Диоклетиане. По договору 297 года она была признана зависимой от империи страной и цари ее стали получать от императора знаки своего достоинства.[985] Принятие христианства иверами в начале IV века сблизило их с империей, но воздействие со стороны Персии не прекратилось, и все войны империи с персами не обходились без участия Иверии. В правление императора Валента было допущено как результат соглашения с царем Сапором разделение Иверии на два царства.[986] Позднее Иверия опять соединилась, и местная династия находилась в постоянных сношениях с византийским двором. Современные византийские источники не сохранили свидетельств об этом, но в агиографической литературе есть несомненные данные по этому вопросу.[987] В правление Маркиана царем Иверии был Гобаз. Он объявил царем своего сына, и это послужило поводом к открытию военных действий со стороны империи. Римские войска выступили в поход на Колхиду. Царь Гобаз просил помощи у персов, но те были заняты в ту пору войной с гуннами-кидаритами и не оказали ему поддержки. Он отправил посольство к Маркиану, чтобы уладить дело на переговорах. Внешнюю политику империи направлял тогда магистр оффиций Евфимий, пользовавшийся доверием Маркиана. По его настоянию Гобазу было предложено или самому сложить власть, или отнять ее у сына.

Гобаз соглашался сложить власть и просил императора прекратить военные действия. Со своей стороны Маркиан потребовал, чтобы Гобаз явился в Константинополь. Царь ставил условием, чтобы в Иверию был послан к нему заложником сановник Дионисий. Переговоры затянулись, по-видимому, на, долгое время, так как Гобаз прибыл в Константинополь вместе с Дионисием уже в правление императора Льва в 465 году.[988]

Маркиан скончался в конце января 457 года после тяжкой болезни, которая приковывала его к постели в течение пяти месяцев и кончилась гангреной ноги. Болезнь эту современники приписывали тому огорчению, которое причинили императору большие уличные беспорядки, происшедшие в 456 году в Константинополе на обычной почве борьбы партий ипподрома. Византийский император не мог оставаться в стороне от жизни димов, и каждый из них был связан с одной из двух главных партий, прасинами или венетами. Феодосий считал своей партией прасинов, Маркиан, напротив, поддерживал венетов и свое покровительство этой партии простер на всю империю. Так как Хрисафий был патроном прасинов, то, вероятно, выдача его на казнь Иордану и была причиной того, что Маркиан сделал своей партией венетов. Что произошло в Константинополе в этот раз, в

---

[982] *Prisci* frg. 24.

[983] *Prisci* frg. 20. Приск называет вторгшихся сарацинами, как и в frg.6. Под этим именем знал арабов Аммиан Марцеллин. (1, 16-17 (14, 4)).

[984] Ib. Frg. 21. Отношения к этим диким племенам определил Диоклетиан, положивший им денежную выдачу в обеспечение от их набегов южного Египта. Деньги выплачивались и при Юстиниане, что не спасало от грабежей (*Procop.* De bel. Pers. 1, 19, 27-37).

[985] *Petri patric.* Frg. 14, p. 189.

[986] *Амм. Марц.* 3, 89 (27, 12, 16).

[987] Житие Петра Ивера.

[988] *Prisci* frg. 28; *Simeon. Metaphr.* Vita Danielis, c. 41 (P. G. 116, p. 1008).

точности неизвестно; но в хрониках сохранилось свидетельство, что император был чрезвычайно разгневан на прасинов за их дерзость и, чтобы их наказать, издал указ, по которому все, принадлежащие к партии прасинов, теряли на три года право занимать какие бы то ни было посты на службе как гражданской, так и военной.[989]

[989] *Malala.* 368; Chron. Pasch., 592. Запрет μή πολιτεύεσθαι στρατεγτεύεσθαι не вполне ясен по существу, и данное в тексте изъяснение есть лишь общепринятая догадка.

ЛЕВ

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО. ДЕЛО ТИМОФЕЯ ЭЛУРА. ИСАВРЫ

Со смертью Маркиана, супруга Пульхерии, окончилась династия Феодосия. Принцип единоличной верховной власти стоял нерушимо в сознании тогдашних людей, и конец династии не ознаменовался никакими тревогами и замешательствами. Преемником Маркиана оказался Лев. В ту пору он имел звание комита и состоял командиром (трибуном) старого полка маттиариев, имевшего свою стоянку в Силимврии.[990] По происхождению он не принадлежал к столичной знати и, подобно Маркиану, начал службу простым солдатом. Малала сохранил известие, что по племени он был бессом, как называлось одно из племен, населявших Фракию в местности между Балканами и Родопой.[991] Лев был женат на Верине и имел от этого брака одну дочь — Ариадну. Ни о каких заслугах Льва, которые бы могли объяснить его восшествие на престол, наше предание не знает. Позднее возникли сказания о предречении ему императорского венца свыше задолго до этого события. Они были связаны с историей сооружения Львом церкви Живоносного Источника в окрестностях Константинополя.[992] Избрание его на царство предание единогласно приписывает властному влиянию Аспара, который занимал пост первого члена сената.[993] Знатность его была очень недавней даты, шла от отца его, Ардабурия. Алан по крови, Ардабурий был женат на дочери гота Плинты, достигшего консульства в 419 году. Сам Ардабурий был удостоен консульства в 427 году. Еще в молодые годы Аспар играл видную роль в военных предприятиях империи и в 434 году был консулом.[994] У Аспара было три сына; старший из них, Ардабурий, выдвинулся как военный человек в конце правления Феодосия и был удостоен консульства к 447 году. Как все военные люди того времени, Аспар имел свою дружину, οἰκία, как называли это учреждение в Византии, и командира этой дружины, доместика, как ближайшего к себе человека. Около 430 году эту должность занимал при Аспаре Маркиан. Вероятно, ту же должность занимал позднее Лев, чем и объясняется близость его к Аспару, отмеченная во всех наших источниках.

О церемониале, какой был осуществлен при возведении на престол Льва, сохранилась современная запись, которая, к сожалению, подверглась общей обработке сто лет спустя и во второй своей части потеряла характер точного отчета о событии. Вместе с другим подобным ей материалом дворцового архива она попала в сочинение магистра Петра, современника Юстиниана, и оттуда вошла в компилятивный труд Константина Багрянородного *О придворных обрядах*.[995]

Венчание Льва на царство произошло 7 февраля 457 года[996] на Военном поле, и сама церемония описана так. — Когда сенат принял решение предоставить верховную власть Льву, на Военное поле собрались все

---

[990] Полки этого имени помянуты в *Notitia dignitatum* (Oriens, c. 5, 6). — Mattiarii seniores, пехотный полк, legio palatina, состоял в армии второго магистра in praesenti, а Mattiarii iuniores — первого. О боевой жизни полков этого наименования есть упоминания у Аммиана Марцеллина: 2, 85 (21, 13, 16), 3, 280 (31, 13, 8) — битва при Адрианополе в 378 г., и у Зосима, 3, 22. Имя mattiarii Валезий производил от слова mattium, которое обозначает особый вид оружия, описанный у Вегеция (Epitome rei militaris 1, 17), где дан и другой термин — plumbata.

[991] Феофан называет Льва фракийцем по происхождению, т. е. обобщает термин Малалы. Более близкий по времени писатель, Кандид Исавр, называет родиной Льва «Дакию в Иллирике». Дакия как провинция была выделена из Мезии и вошла в префектуру Иллирика.

[992] *Niceph. Call.* 15, 25.

[993] В одной из позднейших обработок византийской истории, у Зонары, дело выставляется так: Аспар, как исповедовавший арианство, не мог выставить свою кандидатуру; но, выдвигая Льва, он заручился от него обещанием сделать своим преемником одного из его сыновей. События правления Льва в их последовательности позволяют признать это утверждение позднейшей комбинацией и общим осмыслением фактов, а не историческим событием. К такому же выводу пришел другим путем проф. С. П. Шестаков в исследовании *Кандид Исаврский* (Летопись И. Ф. Общества при Новорос. унив. IV 144).

[994] Полное имя Аспара — Flavius Ardaburius Aspar —сохранилось на серебряном щите. Corp. Inscr. Latin. XI 2637.

[995] Constant. Porphyrogen. De Cerim. 410-417. Комментарий *Reiske*, p. XVII.

[996] Chron. Pasch. 592.

высшие чины, патриарх Анатолий, придворные схолы и солдаты гарнизона. Войска опустили знамена и пригнули их к земле. Из толпы начались возгласы: «Услыши Господи, Тебя молим! Услыши, о Боже! Жизнь Льва, услыши, о Боже! Лев будет царствовать! О Боже милостивый, государство[997] требует Льва царем. Войска требуют Льва царем! Льва ждут законы! Льва ожидает дворец! Те самые мольбы двора! Те самые желания войска! Те самые мольбы синклита! Те самые мольбы народа! Льва ожидает мир! Льва принимает войско! Пусть придет Лев, общая краса! Пусть царствует Лев, общее благо! Услыши, Боже, Тебя молим!» Под эти крики был выведен Лев и взошел на трибунал. Кампидуктор[998] Бусальг положил на его голову свою золотую шейную цепь, а другой кампидуктор, Олимпий, дал такую же цепь ему в руку.[999] Тогда поднялись с земли все знамена и раздались крики: «Лев август, ты побеждаешь, ты благочестивый, ты севаст! Бог тебя дал, Бог тебя сохранит! Почитая Христа, ты всегда побеждаешь! Да царствует Лев много лет! Христианскую державу да хранит Бог!» — Тотчас кандидаты окружили Льва на трибунале, построившись черепахой.[1000] Лев облачился в императорскую одежду[1001], надел диадему и показался всему собранию. Ему подали копье и щит. Все сановники по очереди и по рангу приветствовали его земным поклоном. Из толпы неслись крики: «Могущественный, победитель, август! В добрый час! Царствуй много лет! Да хранит Бог это царство! Христианское царство да сохранит Господь» и т. п. Затем Лев обратился к собранию через глашатая с таким словом: «Император кесарь Лев, победитель, всегда август. Всемогущий Бог и ваше суждение, храбрые боевые товарищи, избрали меня в добрый час императором римского государства».[1002] В ответ раздались крики: «Лев август, да будет твоя победа! Избравший тебя сохранит тебя! Своего избранника Бог охраняет! Благочестивое царство Бог сохранит. Благочестивый и могущественный!» Император продолжал свою речь так: «Вы будете иметь во мне владыку-начальника (ἐξουσιαστὴν ἄρχοντα), сослуживца-воина в ваших трудах, которые я научился выносить, отправляя службу вместе с вами». Раздались крики: «В добрый час! Войско хочет тебя царем, победитель! Войско хочет тебя царем, счастливый! Тебя мы все желаем!» Император продолжал: «Я знаю, какие дары я должен дать войскам». Все кричали: «Благочестивый, мощный, мудрейший!» Император сказал: «За достижение моего святого и благополучного царства я вам дам по пяти номизм и по фунту серебра на человека».[1003] Толпа кричала: «Благочестивый и щедрый! От тебя исходят почести, от тебя имущества! Да пребудет твое счастливое царство золотые века!» Император положил конец этим крикам словами: «Да будет с вами Бог».

После этого присутствовавший на церемонии патриарх покинул Евдом и отправился в город, чтобы встретить императора в храме св. Софии. Лев, сойдя с трибунала, в сопровождении патрициев, обоих префектов и магистра оффиций вошел в мутаторий,[1004] стоявший подле палатки, где была устроена походная церковь. Туда вошли по три человека от каждой схолы и получили от него подарки (λιγατούρας).[1005] Оставив свою корону в мутатории, император прошел затем в походную церковь, где его встретили священники. Помолившись в церкви и выйдя из нее, Лев возложил на себя корону, сел на белого коня, дал разрешение сопровождающим его сановникам также сесть на коней, и шествие направилось в церковь св. Иоанна Крестителя, находившуюся поблизости в Евдоме.[1006] Войдя в приготовленный для этого случая мутаторий, император снял корону и передал ее препозиту. Вместе с ним он вошел в церковь и, подойдя к престолу, возложил на него корону; взяв ее затем оттуда, вновь передал препозиту и через комита уделов (τῶν πριβάτων) сделал пожертвование на храм. Выйдя из церкви, Лев надел корону, сел на белого коня и

---

[997] Τό πράγμα τό δημόσιον — перевод слова — res publica.

[998] Кампидуктор, как писали и, очевидно, выговаривали в то время, есть латинский термин campidoctor. Так назывался офицер, руководивший муштровкой солдат и сообщавший людям военную выправку. Когда во время осады Амиды персами два галльских полка выказали в одной вылазке чудеса храбрости и самообладания, то имп. Констанций, после взятия города персами, приказал поставить в Эдессе статуи их кампидукторов в боевом вооружении. *Амм. Марц.* 1, 261 (19, 6, 12). — *Daremberg el Saglio.* Diet, des ant. I, 2, 884.

[999] Аммиан Марцеллин в изложении о провозглашении Юлиана в Галлии — 2, 15 (20, 4, 15) — рассказывает, что солдаты хотели возложить на его голову одно из золотых украшений его жены, но он это отверг. Стали искать конскую фалару, но гастат Мавр сорвал свою шейную цепь и возложил ее на голову Юлиану. В таком виде его подняли на щите. — Так как в церемонии возведения Льва возложение шейной цепи на голову есть часть обряда, то, вероятно, это германский обычай, как и поднятие на щите провозглашаемого властителя. Аммиан не знал этого и изложил дело неточно.

[1000] Черепахой, testudo, назывался тесный строй человека к человеку, причем воины поднимали щиты кверху и сближали их между собой.

[1001] Τήν βασιλικήν ἐνδυσάμενος ἐσθῆτα — какая разумеется одежда, это неясно, так полный императорский орнат Лев возложил на себя позднее. Вероятно, то был скарамангий.

[1002] Τῶν Ρωμαίων δτμοσίων πραγμάτων — res publica.

[1003] Καταβουκυῦλον — κατά buccam (рот). — Размеры донатива за провозглашение императором установились давно. Столько же платил Юлиан в 361 году. *Амм. Марц.*16 (20, 4, 18).

[1004] Т. е. особое помещение, где можно было переодеваться.

[1005] По-видимому, здесь разумеется немедленная выдача донатива.

[1006] Эта церковь была сооружена Феодосием Великим.

направился во дворец Елены, τὰ Ἑλενιανά.[1007]

С этого места описание обряда имеет другой характер: автор не описывает в точности шествия Льва, а дает общий церемониал, указывая частные случаи отступления в деталях в связи с тем, в какой день приходится коронация.

Доехав верхом до дворца Елены, император сходит с коня; навстречу ему выходит из парадных дверей заведующий дворцом (φύλαξ) и склоняет перед ним колени (если это не воскресный день). Веститоры выносят большой крест и ставят его справа от императора. Император входит в мутаторий дворца и облачается в парадный царский орнат, а именно: надевает парадную обувь — καμπαῖα,[1008] белый с золотыми клавами дивитисий[1009] и порфирную хламиду. В этом костюме император садится в экипаж и едет дальше, предшествуемый крестом и «персикиями».[1010] С собой в колесницу император сажает первого патриция или того, к кому питает расположение, и тот, войдя в колесницу, целует руку императора. Остальные сановники идут впереди колесницы. По обеим сторонам царского выезда идут два комита схол, держась за ручки дверец (τὰ μῆλα τῆς καρούχας). В городских воротах их сменяют два комита доместиков. Поезд направляется к Форуму Константина. Здесь император выходит из экипажа и принимает приветствие от префекта города и сената. Первый член сената и префект подносят ему золотую корону. Ответив на приветствие, император опять садится в экипаж, и шествие тем же порядком направляется через площадь Августейон в храм св. Софии. От Форума Константина до дворца два военные чина, бывшие консулы (δύο ἀπό ὑπάτων στρατιωτικοί), держат ручки дверец. Вступив в нарфик храма, император в мутатории снимает корону и передает ее препозиту; затем вместе с ним направляется в алтарь, чтобы возложить корону на престол и, помолившись, опять взять ее оттуда. И здесь, как в церкви Иоанна в Евдоме, император делает приношение на храм, которое может быть дано в виде монеты. Сойдя с солеи, император останавливается на некоторое время перед алтарной преградой, затем проходит в паратиклин и слушает чтение Евангелия (а если хочет, то и причащается Святых Даров). Перед выходом императора из храма патриарх возлагает на него корону, а император дает дары (ρογεύει) членам клира и затем удаляется во дворец. За «царскими вратами» дворца императора встречают все сенаторы. Сюда же являются и те комиты схол, которые охраняли город и дворец во время церемонии и на ней не присутствовали. Они падают ниц перед императором (если это не воскресенье) и целуют его ноги, на что император отвечает ласковым приветствием. После этого сенаторы и префект подносят ему «питтакий» в три тысячи литров золота.[1011] Император принимает его и тотчас возвращает назад. Затем он входит во внутренние покои в сопровождении сановников. Префекты получают отпуск в зале консистория. Сенаторы и другие сановники ждут стоя, пока император, пройдя с патрициями в кувуклий, не отпустит их. Сановники приносят императору присягу в том, что не будут злоумышлять на него (по-видимому, это совершается в консистории). Текст присяги хранит у себя император. За торжественным обедом в день коронации за царским столом сидят оба препозита, патриции по выбору императора, оба префекта и магистр оффиций, за другими столами — военные чины. По желанию императора, могут увеселять гостей во время обеда забавники (παίγνια). Все гости за этим обедом должны быть в белых одеждах и компагиях (κομπάγια). На следующий день бывают ристания и опять обед, если угодно государю.

Так как во второй половине описания восшествия на престол Льва автор отступил от того тона, какой он держал вначале, то мы лишены возможности судить о том, как прошла эта вторая часть церемонии в день восшествия на престол Льва и что именно из помянутых здесь подробностей было осуществлено в 457 году. Но весьма естественно предположить, что в Софийском храме было именно то, что здесь рассказано, так как раньше то же самое происходило в походной церкви на Военном поле и в храме Иоанна Крестителя.

Вчитываясь в это описание, нельзя не видеть, что главный момент восшествия на престол есть провозглашение данного лица императором войсками. В речи Льва отмечен только этот момент.[1012] За время непрерывных военных революций III века армия осуществляла свое право давать главу государству, и еще тогда сложился тот церемониал, который выступает с полной определенностью в описании Аммиана

[1007] Дворец Елены находился на седьмом холме, Ксеролофе, в пределах города Константина.

[1008] Compagia назывались открытые мелкие башмаки, красной кожи, расшитые жемчугом. См.: *Daremberg et Saglio.* Diction, des Ant. s. v. — Значит, раньше император был в сапогах, покрывавших голень, как нужно для езды верхом.

[1009] Дивитисий — длинная, доходящая до ног, довольно широкая одежда, перехватывавшаяся поясом. Ей сродни современный архиерейский саккос. Хламида — плащ, застегивавшийся на правом плече пряжкой и оставлявший свободной правую руку. Вопросом о царском костюме много занимался Беляев (Byzantina. II), где приложены таблицы с изображениями царей в разных костюмах.

[1010] По догадке Reiske, это был кошель с деньгами.

[1011] Продолжение обычая aurum coronarium. Питтакий — хартия, бумага.

[1012] *Chron. Pasch.* 592, ἐπῆρθη Λέων ὁ μέγας ὑπὸ ἑξερκέτου. *Malala.* 369 — ἐστέφθη ὑπὸ τῆς συγκλήτου Λέων ὁ Μέγας. Позднейшие хронисты в обработках истории на основании старого материала упрощали события, не вникая в подробности. Так, *Cedren.* 1, 608, — о восшествии Льва на престол выражается так: ἐστέφθη δὲ ὑπό Ἀνατολίου πατριάρχου. Роль патриарха в этой церемонии не выдвигается, и не он первый возлагает венец на голову избранника. Император получает ее от армии и затем сам снимает и возлагает на себя венец несколько раз, раньше чем возложил его патриарх при выходе из храма.

Марцеллина таких событий, как провозглашение августом Юлиана и Грациана.[1013] Но мирное состояние государственных дел и сложившийся уклад отношений двора и правительствующей знати позволяли в Константинополе сводить роль армии в поставлении императора к простой видимости. Кандидатура Льва, выдвинутая Аспаром как первым членом сената, оказалась принятой патриархом, высшими сановниками и всем сенатом, которые и провели избрание Льва на царство в традиционной для этого времени форме акта военной жизни государства.[1014] В начале своего изложения наш автор упоминает о постановлении сената (τοῦ ψηφίσματος γινομένου παρὰ τῆς συγκλήτου).

Религиозный момент в идее императорской власти сказывался с полной силой в общественном сознании того времени, и яркое проявление этого можно указать в том обращении, которое направили к Льву представители александрийского клира по близкому для них делу об их патриархе. Они писали так: «Август, священнейший из всех автократоров, дар жизни, данный от благодати свыше, ты после Бога непрестанно, как подобает, ежедневно печешься об общем благе».[1015] Император — наместник Бога на земле, и само его избрание — дело Божие. Такой же тон держит в своих письмах к императору Льву и римский папа Лев. Поводом к этой переписке было то дело, которым прежде всего пришлось заняться императору. То были события, происшедшие в Александрии: убийство Протерия и занятие Александрийской кафедры Тимофеем Элуром.

Получив челобитную от представителей Александрийской церкви, возмущенных убийством Протерия, а также и послание от самого Тимофея, Лев отправил в Александрию сановника Стилу с поручением наказать виновных. У Феофана сохранилось сообщение, что двум человекам были урезаны языки. По тогдашним нравам наказанных было, вероятно, гораздо больше. Папа Лев выступил горячим противником Тимофея и настаивал на его смещении.[1016] Но так как само дело было связано с борьбой против Халкидонского вероопределения, то Лев склонялся к мысли созвать Собор. Но патриарх Анатолий опасался, что новый собор внесет еще большее разложение и нимало не послужит к успокоению Церкви. Император согласился с этим соображением и решил письменно опросить всех епископов империи по двум вопросам: о Халкидонском вероопределении, против которого с особенной резкостью восставали в Египте, и об избрании на патриарший престол Тимофея Элура.[1017] К царскому посланию были приложены челобитные александрийского клира и самого Тимофея, а также письмо римского папы Льва, который в борьбе против халкидонских соборных определений видел оскорбление римского патриаршего престола. Запрос императора был направлен ко всем епископам, а также некоторым отшельникам, пользовавшимся большой известностью, как Симеон Столпник, сириец Яков, проживавший за пределами империи, в городе Нисибине, и другие.

Папа Лев в своем ответе императору называл Тимофея антихристом и требовал его низложения. Со своей стороны Тимофей в послании к императору изобличал «томос» папы Льва и опровергал Халкидонское вероопределение. Большинство епископов высказалось за Халкидонский собор и почти все осуждали Тимофея как незаконно принявшего епископский сан. Епископ города Сидона, Амфилохий, от имени Собора епископов своей епархии и своего собственного, резко порицал Халкидонское вероопределение, но и он осуждал посвящение в патриархи Тимофея как нарушение действующих канонов. Император принял в обиду суждения Амфилохия, и только заступничество влиятельного Аспара спасло Амфилохия от преследования.[1018]

Когда ответы были получены и мнения сведены, император приговорил Тимофея к ссылке и местом ее назначил Гангры, город в Пафлагонии. Арест Тимофея сопровождался большими беспорядками и кровопролитием, а его путешествие, начиная от высадки в Берите (Бейрут) и до самых Гангр, сопровождалось сочувственными манифестациями населения и клира городов Востока.[1019] Так резко определилось в ту пору в Сирии и восточной части Малой Азии монофизитское направление в догматических определениях существа Воплощения. Позднее, уступая настоянию папы Льва и других врагов Тимофея, император сослал его в Херсон в Таврии.[1020] Путешествие на далекий север совершилось вполне благополучно, хотя время было

[1013] *Амм. Марц.* 1, 87-91 (15, 8) и 3, 65-68 (27, 6); 3, 14-19 (20, 4, 12-20, 5). На это обстоятельство не обратил внимания Дж. Бьюри в своем этюде The constitution of the later Roman Empire. Cambridge, 1910.

[1014] Позднее, в легенде о построении Львом церкви Живоносного Источника, возведение Льва на царство выставлялось как предреченное свыше. *Niceph. Call.* 15, 26.

[1015] *Evarg.* 2. 8.

[1016] Папа Лев писал по этому делу много раз императору: в 457 г. — 9 июня (Ep. 145), сент. (Ep. 148), 1 декабря (Ep. 1). *Leonis* Epp. 145, 148 159 — от 457 года (9 июня, сент., 1 дек.); 162, 164, 165 от 458 года (21 марта, 17 и 27 авг.); 169 — от 460 года (17 июня). 165-е письмо представляет целый богословский трактат.

[1017] Текст циркулярного послания от имени имп. Льва сохранил Евагрий. *Evag.* 2,9.

[1018] *Zacharias.* 4, 7, p. 32. — Отрывки из послания Амфилохия сохранены в хронике Михаила Сирийца (Chabot. II 145-147).

[1019] Выселению Тимофея из Гангр содействовал и тамошний епископ. Тимофей получал из Александрии и Египта большие средства, которые раздавал бедным местной общины и тем умалял значение местного епископа. Такового сообщение монофизита Захарии. — *Zacharias.* 4, 11, p. 38.

[1020] *Zachar.* 4, 9, p. 3-35. — Когда пришел приказ удалить Тимофея из Александрии, он бежал в баптистерий

зимнее. В течение всего правления Льва Тимофей жил в Херсоне, поддерживая живые сношения с друзьями и приверженцами в Египте и Сирии. Он много писал против халкидонского вероопределения и повсюду рассылал свои творения, поддерживая настроение сочувствовавших ему Церквей и единомышленных с ним богословов. В своем богословствовании Тимофей расходился как с Несторием, так и с Евтихием и считал обоих еретиками.[1021]

Самым могущественным лицом в окружении императора Льва был Аспар. Обладая, как все тогдашние знатные люди, огромным состоянием, он выказывал свою связь со столицей царства щедротами на общую пользу. Так, в 459 году он начал постройку большой цистерны.[1022] Второй сын его, Патрикий, был в этот год консулом.[1023] На Аспара смотрели как на соправителя Льва, и это заметно в письмах папы Льва.[1024] В Риме в ту пору вся власть была в руках Рехимера, и папа, по-видимому, представлял себе отношения на Востоке между императором и начальником военной силы в той же форме, как это было в Риме. Но положение западного и восточного императора было очень различно. На Западе, еще начиная со времени Стилихона, только магистр армии занимал исключительное положение и имел военную власть по всей империи. В Византии отношения были менее расшатаны, соблюдалось деление командований по территориям и военачальники не перерастали императора. Большое значение имели и те традиции, которые сами собой образовались в продолжительное правление Феодосия Младшего, умевшего высоко держать достоинство царского величества. Лев, как и его предшественник, был человек самостоятельный и твердый. Будучи обязан Аспару своим возведением на престол, Лев с самого начала правления искал противовес, на который он мог бы опереться против властного и честолюбивого военачальника, имевшего, по тогдашним обычаям, свое личное войско и непосредственные отношения к варварам, состоявшим на положении военного сословия, не подлежащего никаким повинностям, кроме военной службы.

Опору против Аспара и готов Лев нашел в исаврах. В изложении о правлении Феодосия было отмечено, что исавры сослужили большую службу империи в грозную годину нашествия Аттилы. Их вождь, принявший греческое имя Зенона, был удостоен консульства в 448 году, занял пост магистра армии Востока и вошел в круг высшей знати. В составе гарнизона столицы был с тех пор корпус исавров, деливший эту службу с готами. Зенон, после своего консульства, вел себя так, что Феодосий заподозрил его в стремлении посягнуть на государственный переворот. Поэтому он хотел послать Максимина в Исаврию с поручением захватить крепости этой страны, чтобы тем самым ослабить для Зенона возможность попытки сделать восстание.[1025] Но этот план не был приведен в исполнение. Зенон пережил Феодосия и умер в правление Маркиана. Упоминание о его смерти у Иордана заставляет предположить, что был какой-то бунт, опасный для империи, во главе которого стоял Зенон.[1026]

Когда Лев вступил на престол, исавры находились в большом числе на службе в столице. Лев сформировал из них особый дворцовый отряд, носивший имя экскувитов. Если схолы с давних пор комплектовались из германцев и в Константинополе — преимущественно из готов, то экскувитов Лев стал набирать из исавров.[1027] Вынужденный впоследствии начать борьбу против могущества Аспара и теснее сблизиться с исаврами, чтобы иметь опору против готов, император Лев выдал за одного из исаврских вождей, по имени Тарасикодисса, отец которого носил имя Русумбладеот, свою старшую дочь Ариадну. Тарасикодисса принял имя Зенона, своего славного соплеменника,[1028] и был удостоен консульства на 469 год.

ВАНДАЛЫ. ДЕЛА НА ЗАПАДЕ. СМЕРТЬ АСПАРА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. СМЕНА ЛИЦ НА РИМСКОМ ТРОНЕ

В ту пору, когда воцарился Лев, самым опасным врагом империи был царь вандалов Гензерих. Смелый и предприимчивый, кипевший энергией, счастливый во всех своих начинаниях, Гензерих считал Африку

главного храма и был вытащен силою.

[1021] Ib. 4, 12, p. 38-25. —Письмо Тимофея против учений Нестория и Евтихия с приведением в заключении текстов из писаний богословов прежнего времени.

[1022] Chron. Pasch. 593.

[1023] *Marc. Com.* s. a.

[1024] Письма папы к Аспару не сохранились, но в упоминаниях об Аспаре *он* ставит его наряду с императором... Certus enim sum, quod clementissimus imperator et vir magnificus Patricius cum omni coetu illustrium potestatum (Ep. 449); apud clementissimum principem, quam apud magnificentissimum virum Patricium nosta scripta testantur (Ep. 150).

[1025] *Iohan. Antioch.* C. 84. Ср.: *Prisci* frg. 8, p. 94 a.

[1026] *Jord.* Rom. § 333. Зенон сопоставлен с Аттилой, как враг империи, и то обстоятельство, что оба эти человека умерли раньше Маркиана, выставлено как особое благополучие последнего.

[1027] *Iohan. Lyd.* De mag. 1, 16 — определяет численность экскувитов в 300 человек и приписывает сформирование этого отряда Льву. Ему следует Моммзен (Hermes, XXIV, стр. 225). Но самое имя экскувитов в смысле термина гораздо древнее, и об экскувитах как телохранителях во дворце не раз упоминает Аммиан Марцеллин.

[1028] Национальное имя зятя Льва передается различно: Ἀρικμήσας — у Евстафия, Ταρασικοδίρρα — у Кандида Исавра, Στρακοδίσσος — у Малалы, Κωδισσεύς — Chron. Pasch., Τρασκαλισταῖος — у Теофраста.

завоеванной страной и организовал свое царство на новых началах. Он никогда не был федератом империи, не носил никаких римских чинов и званий, как Аларих и другие цари германских племен, и чувствовал себя свободным от всяких обязательств в отношении империи. Вандалы и слившиеся с ними в один народ аланы представляли народ воинов, который был разделен в новой стране на 80 военных командований, имевших во главе тысяченачальников. Территорию африканских провинций Гензерих разделил на три части в отношении податного обложения. Бизацена, Аборитана, Гетулия и часть Нумидии составили удел самого Гензериха. Зевгитана была предоставлена войску, остальная территория считалась принадлежащей императору, и Гензерих обязался отсылать в римскую казну получаемые с нее доходы. После смерти Валентиниана и набега вандалов на Рим власть Гензериха распространилась и на эту часть страны. В Африке с очень давнего времени преобладало крупное землевладение, и значительная часть территории составляла императорские домены, res privata. Способ эксплуатации больших поместий давно получил определенные формы ведомств, с канцеляриями, которые сдавали участки в арендное держание, производили взыскание податей и вели отчетность. Эти условия облегчили установление нового порядка, и Гензерих сохранил старую администрацию с ее чинами, иерархией чиновников и латинским языком.

Треть обработанной земли вандалы брали себе. Они сгоняли с земли собственников, земли которых отходили к ним, или же обращали их в своих рабов. По свидетельству Виктора Витенского, в рабство попало таким образом немало свободных людей, и не только низшего звания, но и чинов клира и лиц почетного положения (honorati).[1029] Насильственное отнятие земель внесло страшное разорение в среду местных жителей и стечение обнищавших людей в города. Многие бежали в Сицилию и Италию. Местное население не выказало никакой силы сопротивления. После взятия Карфагена Гензерих отдал приказ, чтобы все несли ему сами все то золото, серебро, драгоценные камни и дорогие одежды, какие у кого были. Обобрав таким образом население, он посадил на суда епископа и большую часть клира и выслал их из Африки. Флот благополучно прибыл в Неаполь, где и нашли себе приют сосланные. Отнимая затем церкви от православного туземного населения, чтобы передать их арианским епископам, он ссылал клириков и других лиц в пустыню или передавал их союзным маврам. Если при этом многие гибли, то эта ссылка имела и другие последствия: распространение христианства там, где оно еще не успело утвердиться раньше.

Туземное население было привержено к Церкви и крепко стояло за православие. Вандалы же были арианами, духовенство их отличалось большим фанатизмом, и арианство получило значение господствующей Церкви. Маврские племена, которые нередко прежде делали восстания против римской власти, доставляли немало затруднений и Гензериху. Но это не помешало ему снести стены всех городов, кроме Карфагена, чтобы укрепления не могли служить опорными пунктами для сопротивления туземцев.[1030] Владея огромной линией берега и повелевая населением, издавна привычным к мореходству, Гензерих очень скоро развил свои морские силы и явился грозой для всего Средиземного моря.

Западная империя не имела средств для борьбы с морским царем. Распорядителем ее судеб после набега Гензериха, был Рехимер, состоявший в сане магистра армии. Через несколько времени по низложении Авита он поставил императором Майориана. Этот храбрый воин и опытный полководец имел свой план борьбы с Гензерихом. Обеспечив себя союзом с вестготами, он надеялся проникнуть в Африку из Испании и предпринял туда поход.[1031] Но Гензерих захватил корабли, какие успел собрать для переправы Майориан и ему пришлось вернуться в Италию. Магистру армии Марцеллину он поручил организовать поход против вандалов из Сицилии, и тот привел туда войска, набранные по преимуществу из готов. Рехимер состоял, по-видимому, в соглашении с Гензерихом и, не желая успеха предприятиям Марцеллина, стал переманивать его готов на свою службу, раздавая им деньги. Марцеллин бежал в Далмацию, откуда был родом и где имел большие владения. Вскоре Рехимер низложил Майориана, а 7 августа 461 года он был убит.[1032] Марцеллин остался верен памяти убитого и занял самостоятельное положение в Далмации, отложившись от империи. Гензерих захватил Сардинию и продолжал из года в год свои грабежи побережья Италии и Сицилии.

Рехимер вступил в сношения с византийским двором, и в Карфаген явились одновременно два посольства. Римское — требовало прекращения грабежей побережья Италии вопреки существовавшему со времен Валентиниана договору, а константинопольское — поддерживало это требование и возобновило ходатайство насчет царственных пленниц, томившихся в Карфагене. В сознании своей силы, Гензерих не прекращал своих морских подвигов и удерживал у себя Евдоксию с обеими ее дочерьми. Когда ему удалось добиться того, что Евдокия-младшая вышла замуж за его второго сына, Гунериха, он отослал ее мать и сестру Плацидию в Константинополь. Это событие относится, по всей вероятности, к 462 году.[1033] Плацидия вышла замуж в Константинополе за римского сенатора Олибрия, с которым была помолвлена еще при жизни отца.

На римском престоле с 17 ноября 461 года сидел, по воле Рехимера, знатный римский сенатор Либий

[1029] *Vict. Viten.* De persec. Vandal. 1, 4. (M. G. H., auct. ant. 3, 1).
[1030] *Procop.* b. v. 1, 6.
[1031] Прокопий передает рассказ, что Майориан, подготавливая войну с Гензерихом, проник к нему в Карфаген как член посольства, изменив свой вид и перекрасив волосы. Он видел все, даже арсенал Гензериха в Карфагене, и благополучно вернулся. *Proc.*, b. v. 1, 7.
[1032] *Iohan. Antioch.* c. 87.
[1033] *Prisci.* frg. 29.

Север, имевший огромные владения в южной Италии. Положение империи было весьма тяжко. Ей угрожала коалиция вандалов с властными представителями знати, отложившимися от империи после убийства Майориана, Марцеллином, занявшим самостоятельное положение в Далмации, и Эгидием — в Галлии. Гензерих имел теперь новый предлог продолжать свои грабежи. Он требовал от западного двора выдачи ему всего состояния императора Валентиниана, а также и Аэция, сын которого, Гауденций, находился у него. От имени своей невестки Евдокии он требовал также выдачи ему имуществ, принадлежавших императорскому дому в пределах Восточной империи. В лице Олибрия, мужа Плацидии, Гензерих имел своего кандидата на римский престол и оправдывал свои грабежи невниманием к своему родственнику.

Римский сенат обратился к императору Льву с просьбой оказать воздействие на Марцеллина и вандалов. Посол Льва, Филарх, отправился сначала к Марцеллину, и ему удалось, по-видимому, содействовать делу мира. В Карфагене он не имел никакого успеха.[1034] В 464 году Лев отправил послом в Карфаген видного сановника Тациана. Но это посольство было также безуспешно.[1035]

Когда в 465 году скончался император Либий Север, Рехимер, сознавая необходимость соглашения с восточным двором для противодействия Гензериху, не замещал от себя престола и предоставил сенату вступить в сношения с восточным двором. Император Лев избрал сам кандидата на римский престол, и с его выбором согласился римский сенат. То был сенатор Анфимий. Он носил имя своего деда по матери, того Анфимия, который с таким успехом управлял государством в малолетство Феодосия. Отцом его был Прокопий, сделавший при Феодосии военную карьеру до высшего поста магистра армии. Анфимий был женат на дочери императора Маркиана, и это обстоятельство, помимо его огромного богатства, делало его подходящим кандидатом на трон. Уже в 455 году он был консулом.[1036] Свою военную карьеру Анфимий начал при Маркиане и продолжал при Льве участием в военных действиях против готов и гуннов во Фракии. О предоставлении римского трона Анфимию Гензерих был оповещен посольством из Константинополя. Его исправлял тот же Филарх. Лев повторил свои требования прекратить грабежи итальянского побережья и грозил войной. Но Гензерих не внимал угрозам и обвинял императора в нарушении каких-то соглашений.[1037]

Продолжая завязавшиеся еще раньше сношения с Марцеллином, Лев достиг того, что тот согласился сопровождать Анфимия в Рим. Огромные средства Анфимия позволили ему снарядить целую армию, с которой он направился в Италию. Сенат, народ и войско вышли ему навстречу за три римские мили от города. Анфимий принял здесь отличия императорского сана и в триумфальном шествии вступил в город (12 апреля 467 года). Затем начался нескончаемый ряд торжеств. По предварительному соглашению Рехимер женился на дочери Анфимия, Алипии, и бракосочетание продолжило празднества. Эти торжества видел и писал о них поэт Аполлинарий Сидоний, который затем в день 1 января следующего года держал пред императором панегирик в его честь и был вознагражден назначением на пост префекта Рима.

Анфимий сумел поднять престиж императорского сана, вступил в сношения и приблизил к себе Экдиция, главу галльской знати, отстаивавшей римскую идею, импонировал германским царям Испании и Галлии и принимал от них посольства. Сближение двух империй было вызвано прежде всего сознанием необходимости общих и согласованных военных предприятий против вандалов.

План войны был составлен в Константинополе. С морским царем нужно было воевать прежде всего на море. С большим напряжением ресурсов казны, а также и личных средств Анфимия, был снаряжен огромный флот в 1113 судов. Сумма расходов на эту экспедицию исчислялась в 65 тысяч фунтов золота и 700 тысяч фунтов серебра, т. е. на наши деньги свыше 30 миллионов золотых рублей.[1038]

Главнокомандующим флота был назначен Василиск, брат царицы Верины, занимавший пост магистра армии и имевший уже военные заслуги в войнах с варварами, вторгавшимися в придунайские области. Сухопутная армия, которая должна была поддерживать операции флота, была поставлена под начальство опытного командира Ираклия, родом из Эдессы. Ираклию предстояло высадиться на африканском побережье в Триполисе, который находился под властью вандалов. Туда должны были подойти к нему войска из Египта и Фиваиды и направиться под начальством Ираклия, сухим путем по побережью на поддержку Василиска. Одновременно с тем Марцеллин из Далмации должен был напасть на остров Сардинию и, овладев ею, идти на юг, чтобы содействовать окончательному разгрому вандалов.

Ираклий благополучно высадился в Триполисе, разбил вандалов, преградивших ему путь, и пошел на запад.[1039] Марцеллин вторгся на остров Сардинию и действовал успешно. Василиск благополучно совершил

[1034] *Prisci* frg. 30.

[1035] Ib. frg. 32. —Тациан занимал пост префекта города в первый год правления Маркиана. *Theoph*. 162, 17.

[1036] Весьма вероятно, что это консульство следовало за браком на дочери Маркиана, и тем самым выдвигало его как вероятного преемника,

[1037] *Prisci* frg. 40.

[1038] Кандид Исавр сообщает, что префект выдал из средств, находившихся в его ведении, 47 тысяч фунтов золота, а комит царских щедрот — 17 тысяч фунтов золота и 700 тысяч фунтов серебра. Иоанн Лидиец, современник Юстиниана, когда выяснение этих расходов имело особый интерес, дает те же цифры: 65 тысяч фунтов золота и 700 т. ф. сер. *(Johan. Lyd.* De mag. 3, 44). Прокопий (b. v. 1,6) определяет сумму расходов в 1300 кентенариев; ту же цифру дает Приск (frg. 42). *Niceph. Call.* 15, 27 — 1200 кент.

[1039] У Феофана поход Ираклия отнесен к следующему году после поражения Василиска, что противоречит

плавание и пристал к берегу Африки в 280 стадиях (ок. 50 верст) от Карфагена в порту, носившем имя Храм Меркурия (Fanum Mercurii). Дело вандалов казалось погибшим. Флот Василиска был снабжен всеми усовершенствованиями тогдашней техники морского дела и, между прочим, воспламеняющимися составами.

Но все дело, снаряженное с таким трудом, такими большими расходами и так хорошо обдуманное, погибло вследствие полной неспособности главнокомандующего или допущенной им измены. Вместо того чтобы немедленно брать Карфаген, Василиск поддался увещеваниям хитрого Гензериха и за деньги дал ему перемирие на пять дней. Искушенный в морском деле Г ензерих видел, что ветер благоприятен для римлян, а не для него. В ожидании перемены он подготовлял свой флот, снабдил его огненосными судами, и, когда ветер переменился, он, не выжидая срока купленного им перемирия, двинулся на имперский флот, который не ожидал нападения и стоял очень тесно. Брандеры Гензериха сделали свое дело, ветер раздул пожар, моряки напрягали все усилия вывести свои корабли на глубину, все смешалось, и погиб флот, какого еще никогда до сих пор не снаряжала империя. Солдаты десанта храбро отбивались в лагере, но и туда был брошен пожар. Василиску удалось бежать в Сицилию в числе первых на быстроходной либурнке.[1040] Узнав о поражении флота, Ираклий отступил; а Марцеллин, действовавший в Сардинии, был убит по проискам Рехимера, который имел свои счеты с Гензерихом и не желал разгрома вандальского царства.

Так все это огромное предприятие рушилось в ослабление империи и во славу Гензериха. Погибло огромное войско и много дельных и выдающихся военачальников. Малала называет одного знатного антиохийца, Дамоника, который был раньше дуксом, а в этом походе занимал пост (στρατηγάτης ἐξπείτου), т. е. был командиром десанта[1041]. По-видимому, о том же самом человеке поминает Прокопий, называя его ипостратигом Иоанном. Хотя Генцон, сын Гензериха, лично его знавший, давал ручательство сохранить ему жизнь, но Иоанн сражался, пока мог, на палубе, а затем бросился в море, закричав Генцону: «Никогда Иоанн не будет в руках псов!»[1042]

Решимость Льва начать агрессивные действия против вандалов поставила его во враждебные отношения к Аспару и его партии. Арианство было национальным исповеданием всех германских племен в ту пору, и готский язык перевода Священного Писания, сделанного Ульфилой, получил значение общего церковного языка германцев. Нетерпимостью своей церковной политики Гензерих обострил замолкший раньше спор между православием и арианством. Аспар, исповедовавший со всем своим домом арианство, не желал допустить разгрома вандальского царства и мог опереться в своем противодействии императору на готов, живших в пределах империи, с которыми поддерживал живые связи. В третьем браке он был женат на сестре, или тетке Теодориха, сына Триария, который принадлежал к царскому роду Амалов. Противодействие могущественного Аспара было, однако, побеждено, и поход на вандалов состоялся. На Западе знали о той борьбе, которую приходилось выдерживать Льву, и один далекий испанский хронист занес заметку о гибели Аспара и его дома за три года до события.[1043]

Разгром флота Василиска объясняли его изменой по соглашению с Аспаром. Таково свидетельство Феодора Чтеца.[1044] В позднейших византийских обработках родной истории дело представляли так. — Честолюбивый Василиск желал стать преемником на троне Льва, не имевшего мужского потомства; возведение на царство Льва было делом Аспара, и тот же Аспар обещал Василиску свое содействие в достижении трона, если он погубит дело, во главе которого был поставлен. Так и сделал Василиск.[1045]

Гибель огромного флота и крушение обширных надежд, которые были связаны с этой экспедицией, вызвали в столице страшное негодование против Василиска, и, возвратившись в Константинополь, он должен был искать спасения бегством в церковь. Верина отстояла своего брата, и он жил затем в полном отстранении от государственных дел в городе Гераклее на Пропонтиде.

Противодействие и интриги Аспара во время снаряжения африканской экспедиции заставили императора Льва искать более тесного сближения с исаврами, и он выдал свою старшую дочь Ариадну за исаврского князя Тарасикодиссу, который принял имя Зенона. В год похода против вандалов Зенон был назначен магистром армии на Востоке, а в следующем году, когда он был удостоен консульства, Лев пожелал иметь его поближе к себе и дал ему командование во Фракии, поставив под его начальство часть полков из армии, состоявшей в ведении магистра in praesenti.

Год консульства Зенона прошел весьма тревожно. Его соплеменник Индак, сидевший в центральной крепости страны, носившей имя Папирия, позволял себе грабежи и разбои. Шайка исавров сделала морской набег на остров Родос и произвела там грабежи и убийства. Цанны, дикое племя, жившее в гористых и труднодоступных местностях к востоку от Трапезунта, грабило окрестности этого города. Тогда же поднялись и остготы, жившие в Паннонии. Царем их был в ту пору Теодемир, наследовавший власть после смерти

другим свидетельствам и является простым недоразумением компилятора.

[1040] То был тип военных судов, державшийся в римском флоте со времен Августа.

[1041] Chron. min. II 35.

[1042] *Malala.* 373.

[1043] *Procop.* b. v. 1, 6.

[1044] *Theod. Lect.* 1, 25; *Prisci* frg. 42 — утверждается подкуп со стороны Гензериха.

[1045] *Niceph. Gall*. 15, 27.

старшего брата Валамира.[1046]

Отношения между императором и Аспаром обострились, и ближайшим поводом к раздору послужило назначение префектом города не того лица, за которое стоял Аспар. Кандид Исавр называет имена Тациана и Вивиана, по-видимому, как соперников в этом деле.[1047] Имея большое родство среди константинопольской знати и опираясь на личные отношения с готами, Аспар потребовал от императора назначения кесарем одного из своих сыновей. Положение дел было таково, что Лев вынужден был уступить и выбрал Патрикия, достигшего консульства еще в 459 году. Так как Аспар и весь его дом держались арианства, то в столице началось большое волнение. Под предводительством монахов огромная толпа народа собралась на ипподром и убеждала императора не предавать православной веры. Предводителем монахов в этом движении был Маркелл, архимандрит монастыря «неусыпных». Лев успокоил возбужденную толпу уверением, что сын Аспара примет православие, и народ удалился довольный результатом своих настояний.[1048] Вслед за объявлением Патрикия кесарем состоялось его обручение с младшей дочерью Льва, Леонтией, которой было тогда около 12 лет. После этого Патрикий отправился с большой свитой в Александрию, и там при нем были открыты новые бани, получившие имя Корион.[1049]

В том же 469 году один из сыновей Аттилы сделал вторжение в пределы империи из-за Дуная, и война была благополучно закончена под главным начальством Аспара. Но эта новая его заслуга и возвышение его сына в кесари не содействовала установлению внутреннего мира. Напротив, шла какая-то глухая борьба между императором и властным магистром армии. Аспар являлся представителем всей готской силы, жившей в пределах империи. Его сын, Ардабурий, сделал попытку вступить в более тесные отношения с исаврами, князь которых стал теперь зятем императора. Ответом на эти происки был указ императора от 469 года, который содержит общее запрещение набирать на личную службу исавров и готов.[1050] Магистр армии во Фракии, Анагаст, отличившийся недавно в войне с гуннами, убил другого командира, гота Уллиба,[1051] и готов был начать бунт против императора. Но посланные на место волнения посредники от двора успокоили Анагаста, и он выдал им письмо Ардабурия, сына Аспара, которое и было причиной его мятежного поведения.[1052] На Зенона, стоявшего с войском во Фракии, было сделано покушение, и он едва спасся в крепость Сардику.[1053] Через одного близкого к Аспару человека, по имени Мартин, Зенон получил сведения о злоумышлениях Аспара против особы императора,[1054] и отношения между двором и всемогущим раньше Аспаром стали еще враждебнее.

В темной борьбе интриг и взаимного недоверия прошел 470 год, а в начале следующего совершилось во дворце предательское убийство. Лев заманил Аспара и двух его сыновей во дворец, и там на них бросились с мечами евнухи. Аспар и старший его сын, Ардабурий, были убиты, а Патрикий, хотя и был ранен, успел убежать.[1055] Так закатилась звезда Аспара, и не удалось ему дать империи новую династию варварской крови. Его старший сын, Ардабурий, был уже заслуженный воин и еще при Маркиане был назначен за военные успехи во Фракии магистром армии Востока. Приск, который знал его лично, сообщает, что этот военный человек, при большой своей храбрости и энергии, предавался со страстью во время мира всем удовольствиям городской жизни, очень любил театральные зрелища и другие удовольствия и позволял себе всевозможные излишества. Еще в 447 году он достиг консульского сана.[1056] Третий сын Аспара, Арменрих или Арменарих, был консулом в 465 году. Он имел добрые личные отношения к Зенону, который находился во время убийства в Халкидоне. Зенон спас его, дав возможность бежать в Исаврию, где Арменрих женился на его родственнице. После смерти Льва он вернулся в столицу и жил как частный человек.[1057]

Предательское убийство во дворце послужило поводом к прозванию Льва мясником, μακέλλης. Борьба с Аспаром оживила старый спор православия с арианством, и по его смерти, а быть может и раньше, был издан эдикт, по которому арианам в Константинополе было запрещено отправлять богослужение в своих

[1046] *Johan. Antioch,* с. 90.

[1047] Вивиан был префектом претория в 469 году (Cod. Just. 1, 3, 26); Тациан — префектом города в 450 г. (Ib. I, 3, 2).

[1048] Подробный рассказ с упоминанием действующих лиц см.: *Symeon Metaphrast.* Vita Marcelli. C. 34 (P. G. 116, 74).—Отголоском разгоревшейся тогда борьбы между православными и арианами является сообщение Феодора Чтеца (2, 43) о публичном состязании между красноречивым и искусным в слове арианином и православным, менее его ученым. Не умея переспорить противника, православный предложил испытание огнем. Арианин отказался, а православный взошел на костер и выдержал испытание, доказав тем истину своего исповедания.

[1049] *Theoph.* 116, 20.

[1050] Cod. Just. 9, 12, 10.

[1051] *Johan. Antiochen*. с. 89.

[1052] Ib. с. 90.

[1053] *Theoph.* 116, 22. Сардика — София.

[1054] *Candid lsaur.* p. 134. Miiller.

[1055] Никифор Каллист — 15, 27 — сохранил очень подробное описание этого события, причем роль убийцы Ардабурия и Аспара отведена Зенону. Рассказ изобилует такими данными, в которых нельзя признать свидетельств современников, и в целом он не заслуживает доверия.

[1056] *Prisci* frg. 20.

[1057] *Theoph.* 117, 30.

собраниях.[1058] Борьба с арианством Льва имела и политическую сторону: она была ответом на преследования, которые терпели православные в Африке от вандалов-ариан.

Убийство Аспара имело свои кровавые последствия. Источники наши не позволяют выяснить в точности ход событий. По сообщению Малалы, мстителем за Аспара явился его телохранитель Острис, видный участник войны с гуннами 469 г. Он вторгся во дворец и дал сражение экскувитам. Произошло большое кровопролитие, но готы оказались слабее исавров и были вытеснены из дворца. Острис, посадив себе на седло красавицу готку, любовницу Аспара, бежал во Фракию в места расположения готов. Решительность и смелость, которые проявил Острис, вызвали к нему всеобщее сочувствие, которое сказалось в поговорке: «Нет друга у мертвого, кроме Остриса» (Νεκροῦ φίλος οὐδεὶς εἰ μὴ μόνος Ὄστρυς).[1059] Был ли Острис свидетелем убийства, или же он узнал о нем позднее, неясно из изложения Малалы.

Феофан, черпавший свои сведения из того же Малалы, но более полного текста, чем сохранившаяся хроника, излагает дело несколько иначе. По его словам, Острис, оруженосец Аспара, соединившись с Теодорихом, сыном Триария, вторгся во дворец и произвел большое побоище. Но Зенон и Василиск вытеснили готов из города.[1060] В этом изложении момент убийства Аспара и мести за него раздвинуты.

Несомненно, что Теодорих, сын Триария, мстил со своими людьми за смерть Аспара, и дело получило характер войны. Такое положение тянулось два года. Лишь на третий год (473) Лев послал к восставшим готам силенциария Пелагия, чтобы уладить дело. Ответное посольство от готов Теодориха явилось в столицу и предъявило такие требования: 1) передача всего наследства Аспара Теодориху, сыну Триария, как его родственнику, 2) разрешение оставаться во Фракии и 3) предоставление Теодориху командования теми войсками, вождем которых был Аспар. Император соглашался только на последнее. Тогда Теодорих послал один отряд своих людей в Македонию в направлении города Филиппополя, а с другим подступил к Аркадиополю и осадил его.[1061] Гарнизон долго отбивался, но помощь не приходила; когда осажденные съели все, что было съедобного, они сдались Теодориху. Отряд, посланный в Македонию, производил грабежи и разбои. Не получая царского жалованья, готы терпели голод и сами завели с императором переговоры, которые привели к тому, что Теодорих получил звание магистра армии in praesenti и две тысячи фунтов золота в год на содержание дружины.[1062] За ним было признано царское достоинство (причем наш источник употребляет слово αὐτοκράτωρ, а не обычное для варваров ῥῆξ), и император дал обещание не принимать на свою службу никого из людей Теодориха. Последний обязывался вести войну под знаменами императора против всех его врагов, кроме вандалов.[1063] Исключение вандалов объясняется тем, что они были арианами, как и готы.

Таким образом, борьба с Аспаром и его гибель привели к весьма существенному изменению в отношениях между империей и проживавшими в ее пределах готами. Аспар, поддерживавший свои связи с готами, чувствовал и сознавал себя членом высшей столичной знати, в среде которой он имел родственные отношения. Теперь положение готов стало иное. Они объединились под начальством своего царя, которого признал в этом звании император, и этот царь, облеченный высшим военным званием в империи магистра армии обоих разрядов, ставит от себя условия, на которых он будет нести службу, командуя своими соплеменниками. Но далеко не все жившие в империи готы признавали Теодориха своим царем, и этим несколько смягчалась трудность положения.

Среди тех тяжких внутренних тревог и затруднений, которые пришлось переживать Льву как последствия катастрофы, постигшей широко задуманную и богато обставленную экспедицию против вандалов, он продолжал поддерживать сношения с Анфимием, положение которого стало вскоре очень трудно. Как грек, он не был популярен в Риме, где на него смотрели как на чужого, а своими строгими мерами против властных людей, имевших опору в Рехимере, он скоро вооружил против себя этого последнего. В 470 году Анфимий впал в тяжкую болезнь, которую приписал волшебству. Много людей было привлечено к ответственности и подверглось казни. В числе казненных были знатные лица, близкие к Рехимеру. Покинув Рим и став во главе армии, назначенной действовать против вандалов, Рехимер грозил из Медиолана войной Анфимию.[1064] Епископ Тицина Епифаний устроил примирение,[1065] но оно продержалось недолго, и в 472 г. Рехимер пошел войной на Рим.

На помощь Анфимию в его трудном положении Лев отправил в Рим сенатора Олибрия, мужа Плацидии. Принадлежа по своему происхождению к римской знати, Олибрий сохранял старые связи в ее среде и был одновременно членом как константинопольского, так и римского сената. Приезд Олибрия в Рим имел

[1058] *Malala.* 372; Chron. Pash. 597. В *Пасхальных Хрониках* Убийство Аспара записано под 468 годом. В обоих источниках ариане названы ἐξακιονῖται от местности, называвшейся «Эксакионион» по имени колонны, носившей это имя. Там был, очевидно, готский лагерь, оказавшийся в стенах после расширения города при Анфимии. Ср.: *Malala.* 385. ἦν δὲ Ἀρσιανὸς (Ἀλάριχος) τῷ δύγματι, ὅ ἐστιν Ἑξακιονίτης.

[1059] *Malala.* 371.

[1060] *Theoph.* 117, 25-32.

[1061] Ныне Леле-Бургас.

[1062] Ок. 900 тысяч рублей золотом.

[1063] *Malchi* frg. 2.

[1064] *Johan. Antiochen.* c. 91.

[1065] Подробный рассказ см.: *Ennodii* vita Epiphanii, § 51-75 (M. G. H., auct. ant. VII, p. 90).

последствия, которых не предвидел Лев. В хрониках сохранился такой рассказ.

Олибрий имел поручение от Льва, уладив дела в Риме, заехать в Карфаген, чтобы попытаться склонить Гензериха к заключению мира. Оставив семью в Константинополе, Олибрий уехал в Рим. Но Лев не питал доверия к Олибрию и боялся его сношений с Гензерихом, которые поддерживались по родственным и имущественным связям. Он опасался, что Гензерих, который выставлял кандидатуру Олибрия на римский престол, может устроить переворот в пользу Олибрия в самом Константинополе. Когда Олибрий был уже в пути, Лев отправил письмо Анфимию через дипломатического агента (магистриана) Модеста такого содержания: «Я убил Аспара и Ардабурия, чтобы не встречать ни от кого противодействия в своем управлении государством, а ты убей своего зятя Рехимера, чтобы не было над тобой повелителя. Я послал к тебе патриция Олибрия. Убей также и его и царствуй, повелевая сам, а не принимая приказания от других». Так как Рехимер был в открытой войне с Анфимием и, обложив город, охранял сообщения, то Модест был схвачен и письмо попало не по адресу. Рехимер сообщил его содержание Олибрию и обещал ему свое содействие в достижении римского престола.[1066] В осажденном Риме начался голод и повальные болезни. На помощь Анфимию прибыл из Галлии еще раньше магистр армии Билимер с небольшими силами. Рехимер вызвал на помощь своего племянника, бургундского царевича Гундобада, и вместе с ним осадил город. В числе офицеров Рехимера был скиф Одоакр, недавно прибывший в Италию. После пятимесячной осады, упорной борьбы на улицах и гибели Билимера Рим был взят и отдан на разграбление солдатам. Анфимий бежал в церковь св. Хрисогона, но был вытащен оттуда, и Гундобад отрубил ему голову (4 июля 472 года). По предложению Рехимера римский сенат провозгласил императором Олибрия. Так осуществилось желание Гензериха. Но недолго пришлось Олибию сидеть на троне: 18 августа умер Рехимер, а вскоре заболел Олибрий и 23 октября скончался. Гундобад поставил императором комита доместиков Глицерия, и так как дела требовали его присутствия на родине, то он удалился в Бургундию.[1067]

Получив известие о том, что произошло в Риме, Лев не признал Глицерия и предоставил западный трон другому кандидату. То был Юлий Непот, племянник Марцеллина, имевший большие владения в Далмации. Он был женат на родственнице царицы Верины и сблизился с византийским двором, по-видимому, во время сношений Льва с Марцеллином с целью удержать его от враждебных действий против Италии. Верина поддержала его кандидатуру, и он, снарядив войско, вступил в Италию. Глицерий не располагал средствами для борьбы с Непотом, бежал из Рима, был захвачен в Порте, объявлен низложенным и отослан в Далмацию. Там он принял духовный сан и сделался епископом города Салоны. 24 июня 474 года Юлий Непот принял в Порте императорский сан и был признан сенатом. Из Рима он направился в Равенну.

Так император Лев два раза по своему усмотрению замещал римский престол.

ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ НА ВОСТОКЕ И СЕВЕРЕ

В правление Льва между империей и персидским царством не нарушались мирные отношения, основанные на договоре, заключенном Феодосием Младшим в 422 году и подтвержденном в 442. После смерти Йездигерда II персидский престол оспаривали два его сына: Пероз и Ормузд III, царь Сагастана. Помощь ефталитов и военные таланты Бахрама, происходившего из знатного персидского рода Михранов, обеспечили царство за Перозом. Ефталиты были недавними соседями персидской державы. То было тюркское племя, вторгшееся ок. 420-430 гг. в области верхнего течения реки Окса (Сырдарья). Китайская летопись знает их под именем Yue-tschi.[1068] Добрые отношения, завязавшиеся между царем Перозом и ефталитами, сменились на враждебные, и царствование Пероза протекло в непрерывных войнах. Северные области персидской державы были в постоянной опасности со стороны гуннских племен, занимавших степные пространства к северу от Кавказских гор. С давних пор персы охраняли проходы от их нашествий. В половине V века совершился большой переворот в отношениях между кочевыми племенами азиатских степей на пограничье Китая. Дипломатическое ведомство в Византии было осведомлено о появлении нового народа, аваров, переселившегося с берегов далекого океана. Появление этих новых кочевников вызвало передвижение в среде других племен, занимавших прикаспийские степи, авары потеснили сабиров, а те в свою очередь обрушились на сарагуров, урогов (угуров) и оногуров. Сарагуры, будучи принуждены уступить свои земли сабирам, вторглись в пределы акатиров, которых покорял в начале своего владычества Аттила.[1069] В результате этих передвижений сарагуры с акатирами сделали попытку проникнуть в Персию через прикаспийский проход. Встретив отпор на этом пути, они пробились через Иверию, разорили эту страну и проникли в Армению. Пероз отправил посольство к имп. Льву и просил помочь ему деньгами в охране крепости Вирипарах, которая являлась ключом позиции в тех местах.[1070] Он указывал на опасность, какую

[1066] *Malala.* с. 32.

[1067] *Johan. Antiochen*. с. 93.

[1068] *Gutschmid.* Geschichte Irans und seiner Nachbartander. 1888. S. 170; *Specht.* Etudes sur I'Asie Centrale d'apres les histoirens Cbinois (Jour. Asiat. 1883, 317-350).

[1069] *Prisci* frg. 30. — Маркварт исправляет οὖρωγοι на οὖγσυροι.

[1070] Так как сарагуры с акатирами вторглись через Иверию, то они могли пройти через тот проход, который ныне зовется Дарьяльским ущельем. Имя крепости Ἰουραειπαάχ (Οὐροεισάχ cod.) у Приска (frg. 31) и Βιραπαράχ — *Johan. Lyd.* De mag. 3, 52 — Томашек (Real-Encycl. f. Cl. Phil. III 489) объясняет из армянского языка Vir-a-Parhak, т. е. иверская защита, или i-Verojpahak. Это объяснение весьма вероятно, и мы вправе

представляют эти вторжения и для империи. Но Лев не внял этой просьбе и отпустил ни с чем персидских послов, а затем отправил в Перозу послом Констанция в 466 году. Пероз был занят войной с ефталитами, и Констанций долго жил в Эдессе, раньше чем царь принял его в городе Горго.[1071]

Сарагуры, покорив акатиров, отправили посольство в Константинополь и просили императора принять их в союз. Посольство было любезно принято в столице и отпущено с щедрыми дарами.[1072] Так в кругозор византийской политики входили новые народы, не представлявшие еще в ту пору прямой опасности для империи по своей отдаленности, и прошло столетие, раньше чем грозные авары появились в Приазовье и начали свою историю в Европе.

На крайнем юго-востоке империи времени имп. Льва принадлежит одно событие, память о котором сохранил Малх. В 473 году в столицу империи явился священник, араб-скенит по племени, или сарацин, как их тогда называли.[1073] Племена этого имени кочевали в пустынях на юго-восточной границе империи и признавали над собою власть — одни — персидского царя, другие — императора. По договору империи с Персией 442 года, обе стороны обязались не дозволять арабам менять наладившиеся в прежнее время отношения зависимости. Один из филархов, живший под властью персов, по имени Аморкес, перешел со своим племенем на Запад, подчинил себе другие арабские племена, избегая нападать на римлян, и, постепенно усилившись, захватил остров Иотабу у входа в Эланитский залив. Этот остров считался состоящим под римской властью.[1074] Изгнав оттуда таможенных сборщиков, взимавших десятину от имени императора, Аморкес отправил послом в Константинополь местного епископа с просьбой предоставить ему верховную власть над всеми арабами, кочевавшими в провинции Аравия, составлявшей юго-восточную окраину империи. Лев милостиво отнесся к послу и пригласил Аморкеса в столицу.

Когда тот поспешил на зов, император принял его с большим почетом, угощал за своим столом, ввел в сенат и посадил на кресле перед протопатрициями. Он дал свое согласие на просьбу Аморкеса и, отпуская его назад, подарил ему свой портрет, усыпанный драгоценными камнями, и предложил также членам синклита сделать ему подарки. Этот необычайный почет, оказанный варвару из далекой окраины, был в свое время предметом живого обсуждения, и Малх в своем рассказе сохранил отголоски осуждений императора за его отношение к варвару: в недоступном отдалении, в переговорах с варварами, император и его столица остаются в ореоле недосягаемой силы и мощи; а этот варвар видел по пути города без охраны, пользовался гостеприимством государя и не будет уже с таким страхом смотреть на представителей власти невысокого ранга, с какими ему придется иметь дело на месте. Император оправдывал свою любезность тем, что Аморкес намерен принять христианство.[1075] Быть может, в этих толках следует видеть отголосок того, что Аморкес не сохранил верности империи.

Иначе отнесся император к другим варварам, на северной границе, к сыновьям Аттилы, кочевавшим на левом берегу нижнего Дуная. В 468 году прибыло от них посольство в столицу с просьбой открыть для них рынки на Дунае. Император отказал удовлетворить эту просьбу, памятуя прежние обиды во время недавнего могущества гуннов. Когда этот ответ был получен в орде, братья, Денгизих и любимый сын Аттилы Ирнах, рассорились между собою. Денгизих стоял за то, чтобы немедленно начать войну, Ирнах был против. Начальник охраны Дуная, Онигискл, узнав о приготовлениях Денгизиха к войне, отправил к нему запрос по этому поводу; но Денгизих не дал ответа и отправил от себя посольство к имп. Льву. Он требовал земли и де-

---

локализовать эту крепость при входе в Дарьяльское ущелье, хотя Приск помещает ее — ἐπὶ τῶν Κασπίων πυλῶν. Географ Киперт полагал, что нынешние осетины — потомки персидских колонистов, помещенных здесь для охраны прохода. Kiepert. Lehrbuch der alten Geographie. § 85, прим. 3, с. 85.

[1071] *Prisci* frg. 31, 32, 33, 37. — Констанций зовется также Константином. Он был префектом претория в 447 году и спешно отстраивал стены Константинополя, затем занимал ту же должность в 456 году (Cod. Just. 1, 4, 13) и в третий раз в 459 (Ib. 8, 53, 30). — Горго — Гурджан, как называлась область, лежавшая близ юго-восточной оконечности Каспийского моря, откуда персы предпринимали свои походы против ефталитов.

[1072] *Prisci* frg. 30.

[1073] О кавказских проходах см. в том же исследовании Маркварта (с. 96-107). Характеристику племени см. *Амм. Марц* 1, 16-18 (14, 4).

[1074] Эланитский залив — ныне зовется Акабским, Иотаба — н. Ябоа. По свидетельству Прокопия — bel. Pers. 1, 19, 3-4, — остров был населен иудеями. Портовый город, ближайший к острову, назывался Элиа и находился на расстоянии 1000 стадий, т. е. ок. 170 верст. См.: *Forbiger*. Handbuch der alten Geographie. II, 761, примеч. 97. М. М. Хвостов (История восточной торговли. Казань, 1907, с. 199) поминает о римском гарнизоне на острове, о чем, однако, Малх ничего не знает.

[1075] *Malchi* frg. 1. — О тогдашних условиях дворцового этикета наши источники не дают сведений. Интересно поэтому отметить один эпизод, сохраненный комитом Марцеллином под 462 годом. — Имп. Лев был болен и пригласил знаменитого врача Якова (ахейца по происхождению и язычника по религии). Подойдя к императорскому ложу, на котором лежал больной, врач сел на стоявший около стул и приступил к медицинскому осмотру пациента. Придворные нашли поведение врача неприличным. Когда он в тот же день был вторично позван к императору, стула не оказалось. Тогда врач сел на край царского ложа и приступил к своему делу. Ему пришлось затем оправдывать свое поведение, и он сослался на правила своей профессии. *Marc. Com.* s. a.

нег для себя и своей орды и в случае отказа грозил войной.[1076] Очевидно, внутренние раздоры привели Денгизиха к мысли перейти на правый берег Дуная, как сделали то некоторые орды гуннов после распада державы Аттилы.[1077] Переговоры не привели, однако, к мирному соглашению, и Денгизих начал войну (469 г.).

Он был разбит Анагастом и пал в бою.[1078] Его голова была прислана в столицу во время ристаний, ее носили по улицам и водрузили затем на шесте в «Деревянном цирке» (ξιλόκιρκος)[1079]. Война с ордой Денгизиха под главным командованием Аспара имела ожесточенный характер и окончилась почти полным ее истреблением. Гунны дорого продавали свою жизнь, и война стоила много жертв римской армии. Остатки орды Денгизиха успели переправиться через Дунай и спастись в становища своих соплеменников. Ирнах остался за Дунаем со своей ордой, которая позднее выступила на свет истории под именем болгар.

ОСТГОТЫ В ПРАВЛЕНИЕ ЛЬВА

Правление Льва было временем, когда начал свою историческую судьбу Теодорих, будущий основатель остготского царства в Италии. Остготское племя, подчинившееся в главной своей массе гуннам, вместе с ними покинуло черноморские степи и подвинулось к Западу. Состоя под властью гуннов, остготы имели своих царей из рода Амалов.[1080] Около 440 г. умер их царь, и преемство досталось трем братьям: Валамиру, Теодемиру и Видимиру. Все три царя ходили с Аттилой в его поход в Галлию и храбро сражались со своими соплеменниками. Амал Андаг нанес смертельную рану царю вестготов Теодориху. После смерти Аттилы и крушения его державы готы подались еще далее на Запад и с соизволения императора заняли Паннонию. Эта область входила в пределы Западной империи, но в Риме после убийства Аэция была анархия, и разрешение было получено готами от Маркиана, который признал их федератами и определил размер ежегодных даров. Старший брат, Валамир, который, по свидетельству Иордана, пользовался большим расположением Аттилы, сохранял власть над всем племенем, но самостоятельность всех трех царей выразилась в том, что братья поделили землю. От реки Скарниунга (Лейта) и до реки Аква Нигра (вероятно, Рааб) сидел Валамир, близ Платенского озера — Теодемир, а третий брат, Видимир, занимал среднее между ними пространство. К северу от готов за Дунаем жили германские племена: руги, эрулы, скиры и свевы, к востоку — сарматы между Дунаем и Тисой и гепиды, занявшие долину Тисы.

В Паннонии водворилась главная масса остготов; но значительная часть племени со своими вождями перешла в эту пору за Дунай и встала там в давно уже сложившиеся и всем понятные отношения федератов. С ними были и представители рода Амалов. Таков был Триарий. Местом обитания этой части остготского племени была область между Балканским хребтом и горами Родопы. После смерти Триария его сменил в начальстве над готами сын его, Теодорих, по прозванию Косой. Магистр армии Аспар находился в близких отношениях с этими готами и породнился с Теодорихом.

Едва успели остготы распределиться на занятой ими территории в Паннонии, как на них сделали набег сыновья Аттилы, желая отомстить им за измену.[1081] Гунны вторглись в земли Валамира и были отражены им с большим уроном. В тот день, когда Теодомир получил от Валамира известие о победе, у него родился сын от конкубины Ерельевы, будущий Теодорих Великий. Готы держались сначала мирно в отношении империи; но когда Лев прекратил выдачу дани, они сделали вторжение в Иллирик, взяли и разграбили много городов, и в их числе Диррахий. В военных действиях против них участвовал, между прочим, будущий император Рима Анфимий. Война окончилась договором, по которому готы очистили Иллирик и стали получать 300 фунтов золота ежегодных поминок.[1082] В обеспечение верности условиям договора, был выдан заложником Теодорих, сын Теодемира, которому исполнилось тогда семь лет. Десять лет провел Теодорих в столице. Хотя он жил при дворе, как обыкновенно соблюдалось это относительно царских детей еще со времен Августа, но, вероятно, был окружен сверстниками и людьми своего племени, так как не получил образования и не выучился даже писать. Впоследствии, когда ему приходилось подписывать под текстами латинских указов слово legi (читал), он делал это при помощи золотой дощечки с прорезными буквами, по которой водил пером, получая таким образом нужную подпись.[1083]

В то время, когда Теодорих жил в Константинополе, остготы вели войну с соседями и отражали нападения других народов на занятые ими земли. Так, они отразили нашествие Денгизиха, сына Аттилы, когда тот напал

[1076] *Prisci* frg. 36.

[1077] Prisci frg. 38.

[1078] Chron. Pasch. 598; *Marc. Com.* s. a. 469.

[1079] *Jord.* Get. 264.

[1080] Преувеличенное значение рода Амалов, как его выдвигает Иордан в своем изложении, заимствовано им у Кассиодора, который имел свои основания выдвигать эту тенденцию в угоду Теодориху.

[1081] *Jord.* Get. 268. Attilae filii contra Gothos quasi desertores dominationis suae, velut fugatia mancipia requirentes.

[1082] *Prisci* frg. 28.

[1083] *Anon. Vaies.* 14, 79. Igitur rex Theodoricus inilitteratus erat et sic obruto sensu, ut in decern annos regni siu quattuor litteras subscriptionis edicti siu discere nullatenus potuisset. De qua re laminam auream iussit interrasilem fieri, quatuor litteras regis (cs. legi) habentem; unde si subscribere voluisset, posita lamina super chartam per earn pen- nam ducebat, ut subscriptio eius tantum videretur. — В резком противоречии с этим стоит свидетельство Феофана, будто он учился у лучших учителей.

на город Бассиану (между Сингидоном и Сирмием),[1084] и пропустили через Паннонию свевов, предпринявших грабительский поход в Далмацию. Готы враждовали со скирами и, подвергшись нападению от них в своей земле, жестоко им отомстили. В этой войне пал старший из трех братьев-царей, Валамир, и его царство перешло к Теодемиру.[1085] Император Лев, вопреки настоянию Аспара, оказал скирам поддержку, но это их не спасло от поражения (466 г.). После войны со скирами готам пришлось отбиваться от целой коалиции соседних германских племен. По словам Иордана, они остались победителями и произвели страшное избиение своих врагов, а затем Теодемир предпринял зимою поход за Дунай в землю свевов, одержал над ними победу и опустошил страну.[1086] Свои обязательства в отношении империи готы держали плохо и, по-видимому, приняли участие в том вторжении, вождем которого был Денгизих. Римские войска, действовавшие против них, состояли под начальством вождей Анагаста, сына Анагискла, павшего в битве с Аттилой в 447 году, Василиска, брата царицы, и Остриса, под общим руководством Аспара.[1087] Римлянам удалось посеять раздор между готами и гуннами и истребить тех и других.[1088]

Когда Теодориху исполнилось 18 лет, император отпустил его к отцу с щедрыми дарами и удостоил его титула своего друга и сына. Из своего десятилетнего пребывания в столице Теодорих вынес честолюбивые замыслы, которые ему удалось осуществить впоследствии. По возвращении к отцу он начал немедленно воинские подвиги. Собрав дружину в 6 тысяч человек, он напал на царя соседних сарматов Бабая, который захватил Сингидон (Белград), принадлежавший дотоле империи. Но отвоевав город, Теодорих оставил его за собой и не возвратил империи.[1089] Вскоре готы, не довольствуясь ресурсами, которые предоставляла им Паннония, решили покинуть эту страну. Жребий указал Видимиру идти в Италию, а Теодемиру — на Византию. Видимир провел свою часть народа через Норик в Италию; там он умер, и царство перешло к его сыну, носившему то же самое имя. На римском престоле сидел тогда Глицерий (473-474). Щедрыми дарами Глицерию удалось убедить готов перейти в Галлию, где они соединились и слились с вестготами.[1090] Теодемир со своею частью народа перешел реку Саву и двинулся на юг.

Около того времени, когда Теодорих начал свою боевую жизнь войной с Бабаем, имп. Лев завершил борьбу с Аспаром, отделавшись от него предательским убийством. Острис и Теодорих, сын Триария, начали войну, о которой была речь выше. Среди тех осложнений, которые вызвало убийство Аспара, император Лев не принял никаких мер против самовольного передвижения остготов в задунайские области из Паннонии, которую они, по договору с Маркианом, должны были защищать от других варваров. В начале правления Зенона готы сидели по Дунаю, и главным их пунктом была крепость Новы. Если у остготов, когда они выходили в двух направлениях из Паннонии, была гордая надежда овладеть обеими столицами империи, как сообщает об этом Иордан, очевидно, на основании изложения Кассиодора, то цель эта оказалась недостигнутой. Готы, вышедшие с Видимиром, были удалены за Альпы, а готы Теодемира остановились в придунайских местностях. Во время этого перехода умер царь Теодемир, и его преемником стал Теодорих. Самая дата этого события не поддается точному выяснению. В 500 году Теодорих, уже как царь Италии, праздновал 30-летие своей царской власти. Если этот счет был верен, то отец его умер в 470 году. Но так как Теодорих, по свидетельству Иордана, вернулся к отцу в возрасте 18 лет, и это случилось около времени убийства Аспара, то 470 год не подходит к этой дате.[1091] Рассказ Иордана о том, как совершилось передвижение готов, не может быть признан надежным свидетельством, так как в нем, очевидно, смешаны события разного времени. [1092] Переселение готов сопровождалось взятием и разрушением городов, как засвидетельствовал о том Теодорих, сын Триария, когда хотел оправдаться в глазах императора в своих проступках, ссылаясь на безнаказанность злодейств своего одноименника.[1093] По всей вероятности, переселение готов совершилось помимо видов императора, и никаких сведений о том, чтобы этот захват новых территорий готами был узаконен, нет в наших источниках.

СОБЫТИЯ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. СМЕРТЬ ЛЬВА

Император Лев остался жить в памяти истории как столп православия и благочестия. Получив в наследие от Маркиана заботу об утверждении Халкидонского вероопределения, он оказывал твердую поддержку православию в борьбе с монофизитством в Египте и Сирии. Преемником сосланного Тимофея Элура был также Тимофей, по прозванию Салофакиол. Мягкий и кроткий по характеру, он справлялся на своем трудном

[1084] *Jordan.* Get. 272. Имя Денгизиха записано у Иордана в форме Dintzic.
[1085] Ib. 275-276. — Событие относится к году консульства Зенона.
[1086] *Jordan.* 280-281.
[1087] По недосмотру отец Анагаста назван здесь Анагисклом, а выше, на стр. 225 — он назван Арнегисклом. То и другое ошибочно. Иоанн Антиохский — Exc. de ins. c. 90, p. 130 — называет его Анегискл, Приск — fig. 38 — Орнигискл, Марцеллин-комит — Chron. min. II, 83 — Арнегискл.
[1088] *Prisci* frg. 39.
[1089] *Jordan.* 283-84.
[1090] Ib. 282.
[1091] За 470 или 471 год стоит Шмидт (Gesch. d. deutsch. Stamme Buch 2, 135).
[1092] *Jordan.* Get. 285-288.
[1093] *Malchi* frg. 11.

посту. Но население Александрии выказывало ему враждебное настроение, и, опасаясь участия Протерия, он держал при себе военную охрану. Желая примирить с собой свою паству, он хотел занести в диптихи имя Диоскора, но император запретил ему сделать это.[1094] В Антиохии монофизитство постепенно получило преобладание. Во главе агитации против Халкидонского собора стоял Петр, по прозвищу κναωεύς, т. е. сукновал. Это прозвище он получил от послушания, которое нес, состоя в юные годы монахом в монастыре акимитов в Константинополе. Покинув монастырь, он был священником в Халкидоне. Оттуда вернулся в столицу и нашел доступ к Зенону, с которым и прибыл в Антиохию, когда тот был назначен магистром армии Востока (468 г.). Пользуясь покровительством и поддержкой Зенона, Петр начал горячую борьбу против Халкидонского вероопределения и увековечил свое имя тем, что к песне «Трисвятое», распространившейся по всему христианскому миру при Феодосии, сделал прибавку «распныйся за ны» (ὸ σταυρωθείς δὶ ήμᾶς), в которой выражалась сущность монофизитства. Возбужденное настроение в Антиохии поддерживали монахи, стекавшиеся из соседних монастырей, и патриарх отправился в столицу искать поддержки. Благодаря участию патриарха Геннадия, Мартирий был принят с большим почетом, и на имя Зенона, в звании магистра армии Востока, был издан указ, сохранившийся в Юстиниановом Кодексе. Император воспрещал на будущее время монахам покидать свои монастыри и проживать в Антиохии и других городах, кроме случаев вызова по делу, а приезжающим воспрещалось устраивать публичные обсуждения вопросов догмы и культа.[1095] Этот указ не возымел действия, и патриарх Мартирий по возвращении нашел свою паству в таком возбуждении, что, опасаясь участи Протерия, сложил омофор и оставил кафедру (471 г.). Феодор Чтец приводит его заявление в такой форме: «От клира бунтующего, от церкви оскверненной я отрекаюсь, сохраняя за собою достоинство священства».[1096] Освободившуюся кафедру занял Петр при величайшем сочувствии антиохийцев.[1097] Но император и патриарх Геннадий твердо стояли за Халкидонский собор, и Петр был низложен и приговорен к ссылке на оазис в Египет, где некогда проживал Несторий. Ему удалось избегнуть ссылки; он вернулся в столицу и был отдан под охрану монахов-акимитов, где и оставался до освобождения при Василиске. Антиохийскую кафедру по избранию местного Собора занял Юлиан. Монофизитское движение на востоке вызывало поместные Соборы, и епископы вели широкие письменные сношения и пропаганду, в которой принимал участие и Тимофей Элур из своего далекого изгнания.

Важным по духу времени событием была смерть знаменитого отшельника Симеона (2 сент. 459 г.).[1098] Он был инициатором особого вида подвижничества, стояния на столпе, который облюбовал неподалеку от Антиохии. Из-за места упокоения его останков вышли крупные беспорядки. Антиохийцы добивались чести обладать ими, и магистр армии Востока Ардабурий, сын Аспара, удовлетворил их желание. На место смерти святого был отправлен готский отряд, который доставил его останки в Антиохию. Там был сооружен «мартирий», большое здание в честь святого, где и был водворен, его гроб, как новая святыня города.[1099] Один сирийский монах, по имени Даниил, возревновал о славе Симеона и перенес этот новый вид подвижничества в столицу. Он прибыл на Босфор в патриаршество Анатолия (449— 458) и поселился в окрестностях города на Анаплусе.[1100] Необычайная форма подвига создавала ему сначала много затруднений, но вскоре ему удалось заручиться покровительством патриарха, и он приобрел большую известность. Благочестивый император посещал его и оказывал ему всякое почтение. По его настоянию, Даниил, не сходя со своего столпа, был посвящен в сан пресвитера. Ходили слухи, что император получал от него предсказания. Свой подвиг Даниил продолжал долгие годы и скончался при патриархе Евфимии (490-496).[1101]

Стремление к подвижнической жизни было в духе времени, и монашество влекло к себе нередко людей высокого звания. Так, Иоанн Винкомал, занимавший пост магистра оффиций в 450 году и достигший консульства в 453, принял пострижение в монастыре Вассиана и самым ревностным образом исполнял в нем

[1094] *Zacharias*, 4, 10, p. 35-36. Cod. Just. 1, 3, 29 (от 471 г.).

[1095] Cod. Just. 1, 3, 29 (от 471 г.).

[1096] *Theod. Lect.* 1, 21; *Theoph.* 113, *27; Niceph. Call.* 15, 27.

[1097] По свидетельству Иоанна Эгейского *(Muller.* P. 401), избрание Петра произошло на Соборе в Селевкии при деятельном участии Зенона.

[1098] Chron. Edess. ed. Halier. № 69, p. 115; *Noldeke.* Orientalische Skizzen. Berlin, 1892. 224-39.

[1099] *Malala.* 364. — Новый способ подвижничества, изобретенный Симеоном, доставил ему широкую известность во всем римском мире, а также и в Персии. Феодорит Кирский (Hist. relig. XXVI, P. G. 82, 1464-1484), писавший при жизни Симеона, рассказывает, будто в Риме повсюду ставили его изображение в малом виде в передних мастерских φυλακήν καί ἀσφάάλειαν ποριξοτες. — Вокруг столпа, на котором спасался Симеон, возник монастырь. Его посещал и описал Евагрий. Грандиозные развалины этого монастыря описаны: *Vogué*. Syrie centrale. (таблицы 139-150). Ср.: Успенский Ф. И. Архитектурные памятники Сирии (Изв. Рус. археол. инст. в Константинополе, 1902, VII 175 и сл.). — Евагрий (1, 13) рассказывает, что император Лев хотел водворить останки Симеона в столице, но уступил настойчивым просьбам антиохийцев. Подробное изложение о подвижнической жизни Симеона Столпника см. в исследовании: Иеромонах Анатолий. Ист. очерк сир. монашества. Киев, 1911. 121-148.

[1100] Под именем Анаплус разумелся европейский берег Босфора и несколько гаваней на нем. Сосфений, названный у Иоанна Антиохийского Лосфением, ныне Стения, выше Румели-Гиссара. См.: *Pargoire.* Anaple et Sosthene // Изв. Р. Арх. Инст. в Константинополе. III, 60-97.

[1101] Theoph. 114, 11. *Sim. Metaph. v*. Daniels (P. G. 116, 969-1037).

всякую черную работу по монастырскому хозяйству.[1102] Звание и права сенатора он сохранял и, облачаясь в соответственные одежды, отправлялся со свитой, подобающей сану, в заседание сената, где исполнял свои государственные обязанности, чтобы вернуться затем к строгой жизни монаха.[1103]

Число монастырей в столице умножалось. Член римской сенаторской знати, консул 454 года, патриций Студий, переселившийся из Рима после нашествия вандалов, построил на Ксеролофе церковь во имя Иоанна Предтечи и соорудил при ней монастырь, пригласив в него монахов из монастыря «неусыпных».[1104] Так возник новый центр благочестия, стяжавший впоследствии большую славу.

Из событий религиозной жизни столицы следует отметить перенесение мощей св. Анастасии из города Сирмия, который тогда опять вошел в пределы империи после разрушения державы Аттилы. Событие записано под первым годом правления Льва.[1105] 469 год отмечен великим торжеством: в столицу была привезена риза Богородицы, обретенная у одной благочестивой иудейки в Иерусалиме. Она была водворена во Влахернском храме, сооруженном Пульхерией, и стала одной из наиболее чтимых святынь Константинополя.[1106]

Забота об утверждении христианского благочестия вызвала указ имп. Льва о праздновании воскресного дня (469 г.). Всем христианам предписывалось проводить его в молитве и делах благочестия, запрещены были всякие забавы и музыка на всех инструментах; правительственные учреждения были закрыты, воспрещено было производить аресты должников.[1107]

Христианство давно уже было господствующей религией, но язычество далеко еще не исчезло. Вопреки запретам, исходившим уже от Феодосия Старшего, язычники, или эллины, как тогда выражались, нередко оказывались даже на высоких постах государственной службы. 468 году принадлежит указ императора Льва, по которому только православные христиане могли на будущее время занимать государственные должности в администрации и суде.[1108] Быть может, этот указ стоял в связи с одним событием, которое записано в живых подробностях в Пасхальной Хронике под 467 годом.

Один знатный человек, Исокасий, родом киликиец из города Эга, достигший высокого поста квестора, был обвинен в принадлежности к эллинизму. Во время каких-то беспорядков, происшедших в Константинополе, он был арестован и отослан в Халкидон. Над ним был наряжен суд под председательством правителя провинции Вифинии. Известный в ту пору врач, комит Яков, пользовавшийся большим влиянием у императора, просил, чтобы суд и разбирательство дела Исокасия производились в сенате под председательством префекта претория. Этот пост занимал тогда Пузей. Заседание суда происходило в банях Зевксиппа.[1109] Суд был публичный, и большая толпа народа окружала трибунал. Исокасий предстал со связанными за спиной руками. Председатель Пузей сказал ему: «Видишь ли ты, в каком образе ты являешься?» Обвиняемый ответил: «Вижу и не дивлюсь. Я человек и впал в человеческие бедствия. Но ты суди меня праведно, как мы вместе с тобой судили других». — Этот ответ Исокасия вызвал сочувствие к нему в толпе, окружавшей трибунал, которая стала криками умолять императора прекратить суд. Император дал согласие, толпа овладела Исокасием и повела его в Софийский храм. Там его просветили светом христианского учения, окрестили и занесли его имя в списки христиан, после чего он был отпущен на родину.[1110]

Если в данном случае публичность суда и вмешательство толпы в ход разбирательства дела повели к спасению обвиняемого, то иначе вышло в другом аналогичном событии, рассказанном в той же хронике под 465 годом. Начальник ночной охраны города, по имени Мина, был привлечен к суду за какие-то неблаговидные деяния, и наряженный над ним суд синклита происходил на ипподроме. Мина был осужден и подвергнут телесному наказанию. Тогда толпа овладела им и поволокла его по улицам города. Близ зданий Студия какой-то гот ударил несчастного камнем в ухо и убил его. Толпа продолжала свою зверскую забаву и

[1102] К нему обращено письмо Феодорита от 450 г. после восшествия на престол Маркиана. Он был тогда магистром оффиций и сохранял это звание в 452 г. *Mansi*. 7,497.

[1103] Theoph. 114, 12.

[1104] *Theod. Led.* 1, 17. — Событие датировано временем патриаршества Геннадия, который занимал кафедру с 458 по 471 год. *Theoph.* 113 (у Феофана в этом отделе хронология неисправна).

[1105] *Theoph.* III, 7-8.

[1106] *Niceph. Cal.* 15, 24; *Zonara.* 14, 1, 31.

[1107] *Malala.* 371; *Theod. Lect.* 1, 18; Chron. Pasch. 596. Текст указа сохранился — Cod. Just. 3, 12, 9—от 13 декабря 469 г. В нем нет запрета музыки, о котором говорят хронисты, но воспрещены в этот день ристания, театральные представления и ferarum lacrimosa spectacula; etiam si in nostrum ortum aut natalem celebranda sollemnitas incident, differatur. — За нарушение этого закона император грозит отставкой и конфискацией имущества. В сокращенном виде указ воспроизведен в сирийском уложении 501 года. *Bruns und Sachau.* Syrischrömisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Leipzig, 1880. § 118, с. 36 нем. перевода.

[1108] Cod. Just. 1, 4, 15, от 31 марта 468 года.

[1109] Здания публичных бань были нередко местом публичных действий сановников. Так, в 373 году в Александрии комит царских щедрот Магн произнес в бане свой приговор над 19 священниками, осужденными на изгнание. — *Theodoret.* 4. 19 (p. 1176).

[1110] *Malala.* 370-371; Chron. Pach. 595-596; *Theoph.* 115. — В ответе Исокасия звучал стих Менандра, сохраненный в переводе Теренцием; homo sum, humani nil a me alienum puto. — *Gleye.* Byz. Zeitsch. V (1896), 376.

протащила его труп до моря.[1111] Таковы были нравы давно уже христианского населения столицы.

Из стихийных бедствий за время правления Льва отмечено в нашем предании страшное землетрясение, постигшее Антиохию 14 сентября 458 года. Пострадала лучшая часть города с великолепными общественными частными постройками. Помимо щедрот на отстройку города, император дал населению большие льготы в уплате повинностей: с общей суммы обложения была сбавлена тысяча талантов золота, и собственники всех пострадавших зданий были освобождены от лежавших на них повинностей.[1112]

В жизни столицы в правление Льва хронисты отметили под 463 годом страшную дороговизну хлеба, а под 465 — огромный пожар, начавшийся 2 сентября и длившийся четыре дня. Огонь появился в гавани Неория на Золотом Роге и прошел широкой полосой до Пропонтиды. Пострадало 8 из 14 регионов, на которые был разделен Константинополь. Выгоревшая площадь обнимала пространство — по берегу Золотого Рога от гавани Неория до древнего храма Аполлона, по побережью Пропонтиды — от гавани Юлиана до церкви Согласия в 9-м регионе; внутри города — от форума Константина до форума Тавра. Общая площадь пожарища была 5 стадий в длину и 14 — в ширину (т. е. ок. 1 версты и более 2½ верст). Все постройки выгорели до основания и представляли кучи развалин, в которых трудно было распознать прежний план.[1113] Аспар находился в ту пору в городе и самым ревностным образом бегал с ведром и побуждал сограждан бороться с огнем.[1114] Император выехал из города и провел шесть месяцев близ церкви св. Маманта. Ко времени пребывания Льва в окрестностях столицы относится сооружение новой гавани в той местности и портика, который получил название Нового и удерживал его еще столетие спустя.[1115]

В 472 году, 6 ноября, население столицы было страшно напугано необычайным явлением — пепельным дождем, и в воспоминание этого события установлено было в церковных святцах на все времена всенародное моление в этот день. Комит Марцеллин, занесший в свою хронику это известие, знал, что этот дождь имел своей причиной извержение Везувия.[1116] О буйных эксцессах толпы, вызванных борьбой партий на ипподроме, хронисты сохранили память только под 473 годом, когда перебито было много исавров, соплеменников будущего императора.[1117]

Благочестивый и твердый по характеру, воин по профессии, как и его предшественник, император Лев стоял по своему образованию ниже того уровня, который тогда был обычен в знатных семействах, и позднейшие хронисты именуют его, как и Маркиана, эпитетом ἀγράμματος. Но у историка Малха сохранился один эпизод, в котором засвидетельствован интерес Льва к делу просвещения. — Однажды Лев приказал выдать какому-то философу щедрое жалованье; присутствовавший при этом дворцовый евнух заметил, что эти деньги следовало бы сохранить для солдат. Лев сказал на это; «О, если бы в мое правление деньги на солдат шли на учителей!»[1118]

Память Льва, как милосердного радетеля правды сохранялась до поздних времен в столице империи в связи с его статуей на месте, называвшемся Питтакии. Эту статую воздвигла в его честь его сестра Евфимия близ своего дома. Она не была замужем и имела репутацию весьма благоразумной женщины. Император посещал ее каждую неделю и принимал при этом от стражей, приставленных к статуе, те прошения разных людей, которые клали их на пьедестал статуи. Позднее Лев начинал свой день рассмотрением доставляемых ему прошений и немедленно клал на них свои резолюции и отсылал к сторожам этой статуи для передачи просителям.[1119]

Лев умер в преклонном возрасте, достигнув 73 лет. Мужского потомства у него не было. Старшая его дочь, Ариадна, была в замужестве с Зеноном и имела сына Льва, а младшая, Леонтия, бывшая одно время невестой сына Аспара и выданная потом замуж за Маркиана, сына императора Анфимия, имела только дочерей. Тяжкая болезнь, постигшая императора и оказавшаяся смертельной, побудила близких к нему людей позаботиться об обеспечении престолонаследия. 18 ноября 473 года Лев венчал на царство внука. Константин

[1111] Chron. Pasch. 594. Очевидно, под Студием следует разуметь монастырь этого имени.

[1112] *Evagr.* 2, 12. Термин «талант» употреблялся вместо «кентенарий».

[1113] *Malala.* 372; *Marc. Com.* s. a.; *Evagr.* 2, 13; Chron. Pasch. 595. Некоторые подробности об этом пожаре сохранились в житиях св. Маркелла, архимандрита монастыря «неусыпных», и Даниила Столпника. См.: *Sumeon. Metaphr.* v. Marc. c. 31. P. G. 116, 737, v. Danielis c. 27, p. 1005.

[1114] *Zonar.* 14, 1, 14-19.

[1115] *Malala.* 372. Загородный дворец имени св. Маманта находился на севере от Сик (Пера) на берегу моря, но где именно — неизвестно. Отголоски пережитых тогда ужасов сохранились у Иоанна Лидийца в виде сообщения о страшных видениях, которые преследовали императора, и о том, будто он помышлял совсем покинуть столицу. *Iohan. Lyd.De* mag. 3, 44. Проф. Ф. И. Успенский в исследовании *Типикмонастыря св. Маманта в Константинополе* (Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Визант. отдел, 1, 1892, с. 79-84) сопоставил материал по вопросу о местоположении монастыря св. Маманта и пришел к заключению, что он лежал на Босфоре к северу от предместия Сики, а не на Золотом Роге, и никак не на материке в районе ворот Айван-Сарай, как то предполагали ранее.

[1116] *Marc. Com.* s. a. (II 90).

[1117] *Marc. Com.* s. a.

[1118] *Malchi* frg. 2.

[1119] *Patria Constant.* II 167 Praegr.

Багрянородный сохранил нам современную запись об этом событии, извлеченную из дворцового архива.[1120] Венчание Льва младшего произошло так.

18 ноября на ипподроме собрался народ, иностранные послы, которых было в то время много в Константинополе от разных народов, и все войска со своими знаменами. Из толпы раздались крики, вызывавшие царя. Народ кричал по-гречески, а солдаты по-латыни.[1121] Царь сделал выход в сопутствии синклита. Кесарь был в ту пору в зале, где обычно происходил прием синклита; там же находился и патриарх Акакий. Император встал перед троном и начал свое обращение к народу.[1122] Но раздались крики, приглашавшие императора сесть. Он сел, а народ и солдаты, прокричав ему приветствие: «Αὔγουστε» (вероятно, это сокращение обычного возгласа: Αὔγουστε Λέων τούβικας), стали просить, чтобы он венчал внука на царство. Когда император дал согласие, из толпы кричали, чтобы царь послал за кесарем магистра оффиций (Евсевия) и патрициев. Царь исполнил просьбу солдат и народа. Кесарь явился в сопровождении патриарха. Первый встал налево от трона, второй направо. Патриарх прочитал молитву, и все присутствующие возгласили «аминь». Затем препозит подал императору венец; он поднялся и возложил венец на голову внука со словом «на счастье» (εὐτυχῶς), которое произнес трижды. После этого патриарх удалился. Император сел опять. Лев младший посылал народу поцелуи рукой. Все кричали ему: «Αὔγουστε ». Затем к новонареченному императору подошли сенаторы в предшествии городского префекта и поднесли ему «по обычаю» золотой венец.[1123] После этой церемонии новонареченный император обратился к войску с речью — очевидно, устами глашатая — и обещал выдать всякому «согласно обычаю» по пять золотых монет и фунт серебра за свое провозглашение императором (ὑπὲρ αὐγουστιακῶν). — Так совершился обряд возведения на царство в сокращенной форме этой церемонии, ввиду болезненного состояния старого императора, и с перенесением ее на ипподром вместо Военного поля в Евдоме.

[1120] *Constant. Porphyrog.* De cerim. p. 431. — Хотя описание отличается достаточной точностью, но оно, очевидно, сокращено. Речь вновь нареченного императора не приведена дословно. Так как она читалась глашатаем, то нежный возраст императора не мог служить поводом опустить этот момент церемонии. Лев младший называется в тексте кесарем, καῖσαρ. Этот титул значил «наследник», и сообщение его должно было сопровождаться церемонией, имевшей для себя форму из давнего прошлого. Таким образом, следует предположить, что Лев младший был объявлен кесарем раньше провозглашения августом. Teod. Lect. 1, 24— поминает о возведении Льва младшего в кесари в тот год, когда шел пепельный дождь, а это событие занесено в хронику Марцеллина под 472 годом(Chron. min. II 90).

[1121] Латинский язык команды в имперской армии засвидетельствован для конца VI века «Стратегикой» Маврикия. Население фракийских областей в северной части сохраняло утвердившийся здесь с давних пор латинский язык. Доказательством этого служит язык писаний Иордана, происходившего из провинции Скифии. Возглас τούιας (tu vincas) навсегда сохранил память о том, что обращения к императору делались по-латыни, поскольку армия сохраняла свой римский характер.

[1122] Император обращался с речью к войску или народу стоя, как это изображено на многих древних рельефах.

[1123] Μοδίολον ἤτοι στέφανον.

ЗЕНОН

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ. ВАСИЛИСК. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕНОНА НА ЦАРСТВО

18 января 474 года скончался император Лев и оставил на троне внука, которому было 6 лет. По стародавнему обычаю Лев Младший был объявлен консулом на первый год своей власти. Отец малолетнего императора, Зенон, имел звание патриция и занимал пост магистра армии. По внушению матери и бабушки, Лев объявил его соправителем и возложил на него императорский венец во время одного выхода на ипподром. Это событие случилось 9 февраля того же года.[1124] На одиннадцатом месяце своего консульства Лев Младший заболел и умер.[1125] Зенон остался один на троне и пользовался доставшимся ему положением в свое удовольствие, предаваясь всяким излишествам и расточая на щедрые подарки друзьям средства, скопленные в государственной казне Львом.[1126] Префект претория Эритрий, считая невозможным нести свои обязанности при таком государе, ушел в отставку, к большому сожалению столичного населения.[1127]

Положение империи было весьма тяжко. В Месопотамию сделали набег сарацины, во Фракию — гунны, а вблизи самой столицы взбунтовались готы, состоявшие под начальством Теодориха, сына Триария, который занимал пост магистра армии in praesenti. Готы разбили имперские войска, стоявшие в Херсонесе Фракийском, и взяли в плен магистра армии во Фракии, Ираклия. То был, по суждению современников, человек весьма храбрый, с боевым прошлым. В 466 году он командовал на восточной границе империи, а в войне с Гензерихом ему поручена была сухопутная армия. Своей строгостью он раздражил против себя готов. Так, во время одного похода он приказал за незначительный проступок спустить в яму нескольких готов и забросать их камнями. Будучи связан с Ираклием личной дружбой, Зенон выкупил его за сто фунтов золота; но когда тот, после освобождений из плена, направился в Аркадиополь (Леле-Бургас), на него напали готы и из мести за старую обиду изрубили его на куски.[1128]

В высших кругах придворного общества было много лиц, не считавших Зенона достойным императорского сана, и в числе таковых была и его теща Верина. В преемники своему супругу она выдвигала своего брата Василиска и надеялась на успех, пока тот не уронил своего положения страшным крушением экспедиции против Гензериха. Теперь у Верины был другой кандидат в лице патриция Патрикия, с которым у нее были близкие отношения. Патрикий был удостоен консульства в 454 г., а в эту пору занимал пост магистра оффиций.[1129] Но тревожные обстоятельства настоящего сумел использовать в своих интересах Василиск, не терявший надежды достигнуть верховной власти. Он жил в ту пору в Гераклее. Теодорих, с которым он вступил в сношения, обещал ему свою поддержку. В столице Василиск заручился заранее сочувствием некоторых видных людей, и в их числе был блестящий военный человек Армат.[1130] Молодой красавец и столичный щеголь, прекрас-

---

[1124] *Theod. Led.* 1, 27; *Malala.* 379; Chron. Pasch. 399; *Theoph.* 121, 1-5. То обстоятельство, что провозглашение императором случилось на ипподроме, было нарушением старых традиций. *Vict. Tonnen* (Chron. min. II, 188) — отмечает это, хотя в дошедшем до нас тексте читается так: Zenon a Leone Aug. filio in Septimo contra consuetiidinem coronatur. Очевидно, следует читать: in Hippodromo, как отметил еще Валезий в замечаниях к Феодору Чтецу.

[1125] В хронику африканца Виктора Тонненского под 475 годом занесено известие, будто Зенон хотел убить сына, чтобы достигнуть верховной власти; но Ариадна подменила Льва чужим мальчиком, а Лев вырос, стал членом клира и жил до времени Юстиниана (Chron. min. II, 188). Зложелательная к Зенону позднейшая традиция приписывала ему отравление сына. — У Зенона был сын от первого брака, носивший имя Зенона. Он был втянут в дурную компанию и умер на 17 году от противоестественных пороков (*Malchi* frg. 9). Когда это случилось, раньше или после воцарения Зенона, об этом Малх не сказал.

[1126] *Evagr.* 3, 1; *Theoph.* 120. Малх характеризует Зенона как человека совершенно несведущего в деле государственного управления (*Malchi* frg. 6 и 9).

[1127] *Malchi* frg. 6. Эритрий занимал этот пост в конце правления Льва. Указы на его имя относятся к 469 году — Cod. Just. 5, 6, 8 — и к 472 — 1, 3, 32 и 33 и др.

[1128] *Malchi* frg. 4-5; *Prisci* frg. 41.

[1129] От времени Льва на имя Патрикия в звании магистра оффиций сохранилось три указа без точной даты (Cod. Just. 12, 19, 3-4-5).

[1130] Имя его в наших источниках является также в форме Арматий. Позволим себе высказать предположение,

ный наездник, одевавшийся Ахиллом для военных упражнений, честолюбивый и смелый, искавший популярности у столичного населения, Армат был связан роковой страстью с женой Василиска Зинонидой.[1131] Самым видным и влиятельным лицом среди исавров был в ту пору Илл. Он был отправлен из столицы, чтобы действовать против готов. Василиск сумел привлечь его на свою сторону и склонить к измене Зенону. С письмом от Василиска к Армату по поводу того, как устроить предстоящий переворот, Илл прибыл к Константинополь. Армат, осведомленный о честолюбивых планах Верины, свиделся с нею и купил ее помощь и содействие в предстоящем перевороте тем, что обещал ей помочь посадить на трон Патрикия. Зенон в это время давал ристания на ипподроме и успел провести только первую смену. К нему явился посол от Верины с приглашением к ней по важному делу. Открыв ему истину о составившемся против него заговоре, Верина под видом дружбы и участия посоветовала Зенону немедленно бежать из столицы, где он не мог надеяться отстоять свои права. В ту же ночь, 9 января 475 года, Зенон переехал с женой и матерью на азиатский берег Босфора, в Халкидон, и, выждав здесь некоторое время, спешно уехал в сопутствии свиты исавров на лошадях государственной почты на родину. Вскоре за ним последовала, спасаясь от интриг Верины, Ариадна.[1132]

Когда трон оказался свободным, Василиск с войсками подошел к столице, и на Военном поле в Евдоме совершилось в обычной форме возведения его на царство при полном сочувствии населения, имевшего свои основания питать вражду к исаврам за их бесчинства. Василиск провозгласил своего малолетнего сына Марка кесарем, а жену свою августой. Соучастница заговора против Зенона, Верина оказалась обманутой в своих надеждах доставить трон Патрикию, которого Василиск казнил во время каких-то беспорядков. Верина бежала в церковь; это не спасло бы ее, если бы ей не помог уйти оттуда и бежать Армат. Тогда она вступила в сношения с Зеноном и посылала ему деньги для снаряжения войска.[1133]

Чтобы обеспечить свое положение, Василиск отправил против Зенона войска под начальством Илла и его брата Трокунда. Вступив в Исаврию, они осадили Зенона в одной из горных крепостей. Вскоре, однако, обстоятельства резко изменились, и между ними и Зеноном произошло соглашение. У писателя Кандида Исавра, дошедшего до нас в кратком обзоре содержания его труда, сохранилось упоминание о страшном избиении исавров (ἀμύθητος σφαγή), последовавшем в столице после водворения на царство Василиска. Народ разбойников, который продолжал на своей родине быть грозой соседних стран, не терял своих исконных качеств, и поведение исавров в столица вызывало нередко кровавые столкновения с местным населением. В хронике Марцеллина отмечено под 473 годом большое избиение исавров, вызванное борьбой партий ипподрома. В данном случае действовало и соперничество готов, не желавших делить своего положения с исаврами.[1134] Но несочувствие к перебитым соплеменникам вызвало измену Василиску Илла и Трокунда. Они переменили свое отношение к Зенону под влиянием писем, полученных ими из столицы от людей, участвовавших в направлении течения дел.[1135] Василиск очень скоро совершенно испортил свое положение, и некоторые влиятельные люди, предвидя неизбежную катастрофу, просили Илла и Трокунда привести назад Зенона. Илл и Трокунд вступили с ним в соглашение и начали организовывать силы исавров для похода на Константинополь. Чтобы иметь поддержку на Западе, Зенон обратился к Теодориху остготскому, сидевшему в ту пору на Дунае, имея свою резиденцию в Новах.[1136]

После измены Илла и Трокунда Василиск решил послать против Зенона войска из Фракии, усилив их дворцовыми полками. Командиром этих войск он назначил Армата, состоявшего тогда магистром армии. Доверяя ему последнюю опору своего престола, Василиск предварительно взял с него в храме клятву святым крещением в том, что он ему не изменит. Армат двинулся в поход и близ Никеи встретился с исаврами. Готы, из которых в большинстве состояла армия Армата, оказались сильнее исавров, и была полная возможность уничтожить Зенона. Но, зная, в каком положении дело Василиска, Армат, как человек честолюбивый и легкомысленный, принял послов Зенона и вступил с ним в переговоры. Зенон дал ему обещание объявить его малолетнего сына кесарем, а за ним самим сохранить пожизненно сан магистра армии.[1137] На этих условиях Армат согласился изменить Василиску, дело которого было уже проиграно в столице.

Правление Василиска продолжалось 20 месяцев, и это краткое время было наполнено весьма тревожными событиями. Василиск успел вооружить против себя все слои населения столицы и вызвать большой бунт, который был тем опасен, что принял характер защиты правой веры против ереси.

Александрийцы не мирились с тем, что их излюбленный патриарх, Тимофей Элур, находился в изгнании на далеком севере, и ходатайства о его возвращении продолжались все время. Хотя преемник изгнанного Тимофея, ему соименный, был человек мягкого характера, но дело доходило не раз до кровавых столкновений на улицах

что Армат был внуком Плинты, консула 419 года, сын которого Арматий командовал в войне в Ливии при Феодосии и по возвращении умер.

[1131] *Malchi* frg. 8.

[1132] *Johan. Antiochen.* c. 94; *Viet. Tonn.* s. a. 475. Zenon Aug. in Isauriam, unde exortus fuerat, fugit et eum Ariadne Augusta sub hiemis discrimine navali itinere subsecutai (*Chron. min.* II 189).

[1133] *Candid Isaur.* p. 136.

[1134] В этом смысле следует понять намек Малха (frg. 11, p. 120, a, строки 11 — 13 по изданию Мюллера).

[1135] Theoph. 124, 10.

[1136] *Anonym. Vales.* 9, 42 — сведение это, впрочем, сомнительно.

[1137] *Malala.* 379.

Александрии. Когда в Египет дошла весть о смерти Льва, александрийцы решили снарядить посольство в столицу из нескольких монахов, между которыми был знаменитый Аммоний, по прозвищу Буйвол, софист Павел и Феопомп. Посольство прибыло в столицу к Зенону, но не имело успеха в своих ходатайствах. Когда же произошел переворот, положение дел изменилось. Родной брат Феопомпа был личным врачом Василиска,[1138] пользовался большим его расположением и занял по магистра оффиций. Под его воздействием Василиск склонился на сторону монофизитов. Тимофей Элур был вызван из Херсона и прибыл в столицу. Александрийские моряки, находившиеся всегда в большом числе в столице, устроили торжественную встречу своему патриарху, он въехал в город среди ликующей толпы и был любезно принят императором. Но патриарх Акакий не вступал с ним в общение, имея опору в многочисленном константинопольском монашестве, и ни одна церковь в Константинополе не была открыта для Тимофея Элура; а когда он хотел однажды войти в храм св. Софи монахи, собравшись огромной толпой, не дали ему доступа.[1139]

Тимофей Элур недолго пробыл в Константинополе, но его пребывание ознаменовалось событием, весьма важным по своим последствиям. Василиск открыто перешел на сторону врагов Халкидонского собора и заявил об этом в манифесте, получившем название энциклики. Этот акт был опубликован от имени императора и его малолетнего кесаря Марка. Ссылаясь на пример Константина Великого и Феодосия Младшего, утвердивших единую, обязательную для всех своих подданных веру, Василиск объявлял, что истинное вероучение дано в Символах двух первых Соборов и постановлениях, принятых на Первом соборе в Эфесе. Отвергая «томос» папы Льва и все разъяснения и толкования Символа веры, принятые на Халкидонском соборе, он повелевал всем епископам анафематствовать этот Собор и предавать сожжению все документы, относящиеся к нему.[1140]

Патриарх Акакий не принял энциклики, и среди монашества началось страшное возбуждение. Монахи нашли доступ к царице Зиноните и стали требовать возвращения Тимофея в его ссылку. Друзья Тимофея посоветовали ему поскорее покинуть столицу. По пути в Александрию Тимофей заехал в Эфес, собрал там Собор местных епископов, объявил независимость Эфесской митрополии от Константинопольского патриарха, как то было до Халкидонского собора, и восстановил на Эфесской кафедре низложенного Акакием Павла за единомыслие с Тимофеем Элуром. Петр Кнафей, освобожденный Василиском из-под ареста в монастыре акимитов, получил разрешение от императора занять Антиохийскую кафедру, которая стала в это время вакантна за смертью Юлиана. Во многих церквах Востока энциклика была встречена с большим сочувствием, ее принял и подписал Иерусалимский патриарх Анастасий, преемник Ювеналия. Тимофей Элур был торжественно встречен своей паствой в Александрии, и его смиренный заместитель, Тимофей Салофакиол, покинул Александрию и удалился в монастырь в Канопе, где состоял в числе братии до своего патриаршества. Водворившийся на своей кафедре Тимофей Элур назначил ему содержание по одному динарию в день. Восстановив имя Диоскора в диптихах Александрийской церкви, Тимофей распорядился привезти из Гангр его останки и с торжественной процессией водворил их в серебряном гробе на родной почве.

Монофизиты надеялись справиться с протестом Акакия. Они имели в виду собрать в Иерусалиме Собор, низложить Акакия и посадить на его место Феопомпа, брата Феоктиста, занимавшего при дворе Василиска пост магистра оффиций. Но торжество их было непродолжительно. Вести с Востока об измене Илла и Трокунда и соглашении их с Зеноном поставили Василиска в необходимость снарядить новую армию для борьбы с наступавшим неприятелем. Нуждаясь в деньгах, Василиск объявил экстренное обложение и хотел наложить руку на церковные имущества.[1141] Волнение в столице разразилось бунтом, который получил вид защиты правой веры от еретика-императора. Акакий облекся в траурные одежды и облек в траур храм св. Софии. Монахи и население сбежались на защиту веры, столпник Даниил, по убеждению Акакия, сошел со своего столпа и принял участие в народном протесте против Василиска. В городе не было военной силы, так как войска ушли с Арматом против Зенона, а Теодорих, сын Триария, из зависти к Армату отстранился от Василиска и даже подговаривал солдат убить его. По-видимому, он имел тогда смутную надежду захватить столицу, как сообщает об этом близкий по времени свидетель Малх.[1142]

Василиск бежал из города, отдав приказ, чтобы никто из членов сената не имел общения с Акакием. А Даниил с монахами и толпой народа пошел туда, где был Василиск, и монах Олимпий всенародно в грозной речи обличал царя за его измену правой вере и дурные поступки.[1143] Василиск должен был уступить. Он явился в Софийский храм, взял назад свою прежнюю сакру о монофизитстве и издал новую в отмену прежней. Теперь он отстаивал Халкидонский собор.[1144] Во время этих беспорядков произошел страшный пожар, который нанес большой урон тогдашней образованности: сгорела публичная библиотека, в которой было 120 тысяч томов и много редкостей. В числе последних был список Гомера золотыми буквами на коже дракона в 120 футов длиной.

[1138] Александрийские врачи пользовались репутацией лучших знатоков медицины. — *Амм. Марц.* 2, 150 (22, 16, 18).

[1139] *Zacharias* 5, 1, p. 58; *Theod. Lect.* 1. 30.

[1140] Текст энциклики см.: *Evagr.* 3, 4 и *Zachar.* 5, 6, p. 60-62.

[1141] *Malchi* frg. 7.

[1142] Ib. Frg. 11, p. 120 a. 12-13.

[1143] *Theod. Lect.* 1. 32-33.

[1144] *Evagr.* 3, 7. Анафематствуя Нестория и Евтихия и прочие ереси, Василиск заявлял, что по этому делу не нужно ни Собора, ни какого-либо исследования (ἢ ἑτέραν ζήττησιν).

Тогда погибли знаменитые изваяния древних мастеров: Венера Книдская, Афина из Линда и Гера из Самоса.[1145]

Пережив бунт столичного населения и отступившись от монофизитства, не располагая никакими военными силами, Василиск в полной беспомощности ожидал дальнейшего хода событий. Зенон, дойдя до Никеи, исполнил свое обещание Армату и провозгласил его сына Василиска своим кесарем. Событие было отпраздновано играми на ипподроме, а малолетний Василиск, сидя вместе с Зеноном, давал сигналы для начала ристаний. Из гавани Пилы (южнее Никомидии) Зенон переправился с войсками на европейский берег и беспрепятственно вступил в город. Синклит и дворцовые войска были на его стороне, и он мог вполне рассчитывать на сочувствие партии прасинов.

Когда Зенон вступал в город, Василиск бежал со своей семьей в Софийский храм, сложил там царский венец и укрылся в баптистерий. Зенон направился прежде всего в Софийский храм, чтобы возблагодарить Господа за благополучное возвращение, и на ипподроме был вновь всенародно признан царем. Василиску он дал ручательство, что не будет проливать его крови. Его, жену и сына вывели из церкви, и Зенон распорядился сослать их в одну крепость на восточной границе, где их заключили в башню, заложили двери и уморили голодом. Убит Василиск не был, и клятва считалась не нарушенной.[1146] Вдова Льва, Верина, перешедшая еще раньше на сторону Зенона и поддерживавшая его деньгами во время похода на Константинополь, осталась жить во дворце. По случаю своего возвращения на царство Зенон издал указ о льготах по взысканию податей и щедро одарил многих своих друзей. По обету, данному в трудное время в Исаврии, Зенон воздвиг храм в городе Селевкии Исаврийской во имя св. мученицы Феклы и богато одарил его драгоценной церковной утварью.[1147]

Армат, измена которого Василиску имела решающее значение в совершившемся перевороте, сохранял свой пост магистра лишь самое недолгое время. Так как Армат нарушил клятву святым крещением, которая взята была с него в крещальне Софийского собора, то Зенон не питал к нему доверия и вскоре разделался с ним предательским убийством во дворе. Это дело справил Онульф, сын царя скиров, пользовавшийся некогда большим доверием Аттилы. При содействии Армата, принявшего его на службу императору, он был назначен магистром армии Иллирика и отплатил ему убийством. Зенон хотел казнить и Василиска, объявленного недавно кесарем. Но так как он приходился родственником Ариадне, то она упросила супруга не лишать его жизни. Василиск был пострижен в клир и стал впоследствии пресвитером в Кизике.[1148]

Самым могущественным лицом по возвращении Зенона на царство был тот, кому он был больше всего обязан, — его соплеменник Илл. Он был вознагражден назначением в консулы на 478 год, и этот год отмечен именем его лишь одного ввиду особого положения дел в Риме в ту пору. Соглашение между ним и Зеноном имело особый характер, о котором ничего не говорят нам источники, но дают чувствовать последовавшие события. Зенон в Исаврии отдал ему в заложники своего брата, Лонгина, которого тот оставил там под охраной. Восстановление Зенона на престоле совершилось благодаря тому, что он мог найти опору на своей родине, в которой Илл имел, по-видимому, большее значение, чем Зенон. Желая взять в свои руки власть и дать преобладание исаврам, Илл желал обеспечить свое положение от интриг в среде придворной знати, с которой он был знаком по своим сношениям во время переворота в пользу Василиска. Опасаясь интриг Верины, он еще в Исаврии предупреждал насчет ее Зенона и теперь требовал удаления ее из дворца. Но нежная привязанность Ариадны к матери была причиной того, что Зенон не послушался доброго совета. Зенон тяготился властолюбием Илла, и вскоре по возвращении в столицу на Илла было сделано покушение: схвачен был один раб Зенона с кинжалом, который он прятал. Зенон выдал Иллу раба на казнь. В год консульства Илла было сделано второе покушение на него одним аланом. Он был схвачен и под пыткой указал на Эпиника как на виновника покушения. Эпиник занимал тогда высокий пост по ведомству финансов (comes sacrarum largitionum) и был выдвинут препозитом Урбикием. Зенон выдал Иллу Эпиника, и тот отослал его в Исаврию. Туда же уехал вскоре и сам Илл. Иоанн Антиохийский, упоминая об отъезде Илла в Исаврию, сообщает, что он выставил предлогом смерть своего брата Аспелия. Малала говорит, что он уехал, чтобы привезти из Исаврии брата Зенона, Лонгина. Но Лонгин остался в руках Илла до 485 года. Есть и третья версия, в хронике Иешуа Стилита, более вероятная. Зная о той ненависти, которую питало население столицы к исаврам, Зенон хотел упрочить свои связи с родиной. Для этой цели решено было усилить одну крепость в этой стране, которая должна была хранить сокровища Зенона.[1149]

Во время пребывания в Исаврии Илл выяснил из показаний Эпиника, что интриги против него исходили от Верины, и потребовал от Зенона письмом хартии о своей личной безопасности, заявляя, что он не уверен в отношении к нему самого Зенона. Император выдал хартию с ручательством за его безопасность. Тогда Илл потребовал выдачи ему Верины как виновницы покушения на него. Верина доказала свою враждебность к нему

[1145] *Zonara.* 14, 2, 22-24.

[1146] Насчет имени и места этой крепости источники наши разногласят: *Theod. Lect.*1 (1, 36) называет ее Бусамы; *Marc. Com.* — Limnis: *Iord.* — Lemni: Chron. Pasch (602) — Αἴμναι: *Theoph.* (124) — армянский город Кукуз, куда был сослан Иоанн Златоуст; *Malala* (380) — τὸ κάστρον Λίμνας ἐν Καππαδοκία.

[1147] *Evagr.* 3, 8. —Дары Зенона видел в этом храме сто лет спустя Евагрий.

[1148] *Malala.* 381-382; Chron. Pasch. 602-603; *Theoph.* 125, 2-13. — В Пасх. Хрон. убийство Армата записано под 484 годом.

[1149] Chronique de Josue Stylité, c. 14.

также высылкой из столицы некоего Пампрепия. То был египтянин, родом из Фиваиды, учившийся в Афинах, где он постиг, как думали современники, тайные науки. Он оставался язычником и, явившись в Константинополь, после того, как был за что-то удален из Афин, искал, как человек, стоявший на высоте образования и владевший словом, соответственных занятий, выступая с публичными речами. После одной из них он обратил на себя внимание Илла и через него получил кафедру красноречия в Константинопольском университете с соответственным окладом. Илл приблизил его к себе и оказывал ему поддержку. Воспользовавшись отсутствием Илла, Верина добилась через Ариадну того, что Зенон выслал Пампрепия из Константинополя. Тот уехал в Пергам и дал знать о своем изгнании Иллу. Илл вызвал его к себе в Исаврию, сошелся с ним еще ближе и, оценив его образование и умелость в устройстве всяких дел, давал ему разные административные поручения.

Когда Илл, устроив дела в Исаврии, возвращался назад, Зенон выехал к нему навстречу вместе с высшими сановниками двора, и свидание состоялось за 50 миль от Халкидона. По возвращении в Константинополь Илл занял пост магистра оффиций (479 г.). Приехавший с ним Пампрепий был назначен квестором. Верина была выдана Иллу. Он передал ее брату своей жены, Матрониану, и тот, с большой свитой из исавров, увез ее в Тарс. Там в церкви она была пострижена в монахини и препровождена в крепость Долистанд в Исаврии.[1150] Так сложились отношения при дворе по возвращении Зенона на царство.

СУДЬБА РИМСКОГО ПРЕСТОЛА. МИР С ВАНДАЛАМИ. ГОТЫ В ИМПЕРИИ

По возвращении на престол Зенону пришлось утвердить авторитетом императорской власти важные перемены, происшедшие в Западной империи, узаконить то, что совершалось без всякого участия восточного двора, объявить навсегда упраздненным императорский престол на Западе. Юлий Непот, занявший трон с соизволения Льва, не мог на нем удержаться. Против него восстал магистр армии Орест. В свои молодые годы Орест состоял на службе у Аттилы и сопровождал его послов в Константинополь. Его судьба в протекшие после смерти Аттилы два десятилетия нам неизвестна; но в 475 году он был в Италии, и Непот назначил его магистром армии в Галлии вместо вызванного оттуда Экдиция, сына Авита. Причины бунта Ореста неизвестны. Непот бежал (28 августа 475 г.) из Равенны в Салону в родной ему Далмации, где у него были большие земельные владения. Орест провозгласил императором своего малолетнего сына Ромула-Августула (31 октября 475 года), но в следующем году произошел новый и на этот раз более решительный, чем прежние, переворот.

Германцы разных племен, из которых состояла военная сила империи, не пожелали оставаться в Италии на положении наемников. Их соплеменники, вестготы, бургунды, вандалы, давно показали им пример того, как можно устроиться в империи с вынужденного согласия со стороны римского правительства и двора. Если постой давал по римским законам право на занятие трети дома обывателя, то они распространили то же положение и на самые земли, принадлежавшие населению. Форма крупного землевладения с его выработанными порядками арендного хозяйства и общего управления отдельных поместий облегчала возможность передела земли, и как вандалы в Африке, так вестготы в Галлии и Испании и бургунды в Лугдунской провинции отбирали в свою пользу треть обрабатываемых земель.[1151] Такого же дележа пожелали и варвары, служившие на правах федератов в Италии. Во главе этого движения оказался Одоакр, скир по племени, служивший офицером в императорской гвардии. Он был сыном царя скиров Эдекона, некогда близкого человека к Аттиле. В 472 году, во время войны Рехимера с Анфимием, Одоакр был в числе видных офицеров первого. Орест, чувствуя себя более римлянином, чем эти наемники, восстал против их требований; но оказался слабее, был взят в плен в Тицине и казнен в Плаценции. Сын его был низложен в Равенне (22 августа 476 года) и поселен в одном из замков Кампании, где и жил затем как частный человек, на пенсии от государства в 6 тыс. солидов. Римский сенат, бессильный пред вождем армии, признал совершившийся переворот, и Одоакр, не посягавший на императорскую порфиру, был признан верховным правителем государства. Сокровища императорского двора Одоакр отослал в Константинополь.[1152]

Когда в Рим дошла весть, что Зенон вернулся на царство, римский сенат, по инициативе Одоакра, отправил к нему посольство. Сенат заявлял, что Риму не нужно особого императора и в обеих половинах империи довольно одного, и просил Зенона назначить Одоакра как человека подходящего, сведущего в военном деле и разумного, патрицием и поручить ему управление Италией. Одновременно с этим посольством явилось в Константинополь другое — от Непота, проживавшего в Далмации. Он просил помочь ему вернуться на царство, обещая собрать нужные для этого деньги и войско. Дипломаты, составлявшие ответ Зенона сенату, напомнили о том, что восточный император направлял в Рим двух императоров и что один из них еще жив; к нему бы и следовало обратиться с просьбой о назначении Одоакра патрицием, и устами Зенона заявляли, что он готов предоставить Одоакру этот сан, если его не предупредит Непот. В письме к Одоакру Зенон титуловал его патрицием, удовлетворяя желание сената.[1153] Так варвар с предоставленным ему титулом патриция оказался представителем

[1150] *Johan. Antiochen.* с. 94 — ἐν τῇ κατὰ Ταρσὸν ἐκκλησίᾳ καθιεροῖ (p. 134, 4).

[1151] Точно так же поступал некогда царь Ариовист, перебравшийся со своими соплеменниками в Галлию к секванам. *Caesar,* De bel. Gal. 1, 34.

[1152] *Anonym. Vales.* 7, 37.

[1153] *Malchi* frg. 10.

верховной власти на той сравнительно незначительной территории, в которую превратилась к тому времени Западная Римская империя. В отношении германцев он принял титул царя, rex, который ему предоставили соплеменники, проделав обычную у германцев церемонию поднятия на щит. Одоакр не посягал на императорский пурпур,[1154] сохранил старый административный строй и исконные туземные отношения. Император Непот не слагал своего звания и жил в Далмации в своих владениях. Попытки осуществить свое титулярное право он не делал, а в 480 году был убит собственными комитами, т. е. членами своего двора, Виатором и Овидой.[1155] Одоакр выступил мстителем за него и в 481 году вел войну в Далмации, разбил Овиду и присоединил к Италии эту страну как входившую издавна в пределы Западной империи.

Источники наши ничего не сообщают об отношениях, какие установились между византийским двором и Римом. В течение нескольких лет консул был только один, а в 482 году их было опять два,[1156] из чего можно заключить, что восстановились прежние сношения Рима с Константинополем. Господство Одоакра в Италии не нарушало единства империи в сознании тогдашних поколений, и 40 лет спустя имп. Анастасий, обращаясь к римскому сенату, именовал его «своим» (suo senatu).

Наряду с установлением новых отношений к Италии, времени правления Зенона принадлежит также заключение мирного договора с вандалами. Пока был жив Гензерих, он продолжал свои морские предприятия, распространяя их на пределы Восточной империи. Зенон в первый год своего правления среди начавшейся уже смуты отправил к Гензериху посольство и избрал для этой цели сенатора Севера, которого возвел в сан патриция, желая тем оказать уважение грозному царю вандалов. Предупреждая прибытие посольства, Гензерих сделал нападение на берега Эпира и захватил Никополь. Север знал, что Гензерих разминулся с ним в пути, и, прибыв в Карфаген после остановки в Сицилии, резко упрекал его за разбой. Достоинство Севера, его умение держать себя соответственно положению и отказ принять обычные подарки произвели свое действие на Гензериха, и он удовлетворил его требование выдать ему без выкупа всех пленных.[1157] Мир, однако, не был прочен. Гензерих выставлял какие-то обиды, причиненные карфагенским купцам греческими моряками, и два года спустя, в 477 году, он опять грабил побережье Иллирика и Пелопоннеса. Будучи отражен у мыса Тенара, он бросил с досады в море 500 пленных, захваченных на острове Закинфе.[1158] То был последний его подвиг, и в том же году он умер.

Гензерих рассматривал свое царство как вотчину и разделил его между сыновьями. Щедрее других были наделены Генцон и Гунерих, но первый скончался раньше отца. Преемство верховной власти Гензерих установил в той форме, что наследовать на троне должен старший в роде. Таковым оказался Гунерих, супруг Евдокии, которой в ту пору уже не было в Карфагене. Он был убежденный арианин, и на этой почве царевна не могла примириться с мужем. После 16-летнего пребывания у вандалов она устроила побег при помощи верного человека, по имени Бурк, и направилась в Иерусалим. Она не застала уже в живых своей бабки, прожила недолго в Иерусалиме и была погребена в храме св. Стефана. Свои средства Евдокия предоставила храму Воскресения и поручила Бурка с детьми заботам патриарха.[1159]

Когда весть о перемене на троне в Карфагене дошла до Константинополя, к новому царю было отправлено посольство с прокуратором Плацидии Александром во главе. Выбор посла объясняется тем, что Плацидия имела родственные отношения к Гунериху, и Александр был, очевидно, непосредственно знаком с положением дел в Африке и сумел уладить спорные вопросы. Вместе с ним Гунерих прислал ответное посольство. Он выражал готовность поддерживать добрые отношения с империей, не чувствуя себя ей чужим благодаря своему браку. Зенон принял вандальских послов с большой честью, и Александр, устроивший этот мир, был вознагражден назначением на пост комита царских домен (comes rerum privatarum).[1160] Заключенный с вандалами мир стоял нерушимо до времен Юстиниана.

Возвращение Зенона на престол вызвало осложнения в отношениях с готами, жившими в империи на правах федератов. Признанный Львом в 473 году «автократором» готов Теодорих, сын Триария, потерял за поддержку Василиска свое прежнее положение магистра армии, которое было передано Теодориху, сыну Теодемира. Оба Теодориха принадлежали к царскому род Амалов и являлись соперниками в привлечении под свою власть соплеменников. Продолжая жить разбоем и свирепым грабежом местного населения, Теодорих, сын Триария, изыскивал, однако, способы воротить утраченное положение. Около того времени, когда Зенон узаконил переворот, произведенный Одоакром в Италии, Теодорих, сын Триария, отправил от себя посольство в Константинополь и просил принять его опять на службу империи. Дело обсуждалось в заседании сената.

[1154] *Cassiod. Chron.* s. a. 475; nomenque regis Odovacar adsumpsit, cum tamen nec purpura nec regalibus uteretur insignibus (Chron. min. II 159).

[1155] *Marc. Com.* s. a. 480 (Chron. min. II 92).

[1156] Трокунд и Северин.

[1157] *Malchi* frg. 3. Гензерих выдал ему без выкупа тех пленников, которые при разделе достались ему и его сыновьям. Остальных Север выкупал на деньги, какие имел и какие выручил от продажи с аукциона своей обстановки и вещей.

[1158] *Procop.* b. v. 1, 7.

[1159] *Theoph.* 118, 19-29. — Бегство Евдокии приходится отнести к 471 г.

[1160] *Malchi* frg. 13. В ноябре 478 г. Александр имел титул vir illustris. Cod. Just. 9, 35, 11.

Исчислены были все преступления просителя и было признано, что государственная казна не в силах принять на себя расходы по содержанию обоих Теодорихов. Зенон созвал затем во дворец представителей войска и гвардию и в этом собрании держал обвинительную речь против Теодориха, сына Триария. Слова императора возымели действие, и войска признали Теодориха врагом. Дело было, таким образом, решено. Зенон, однако, почему-то медлил сообщить официально ответ послам Теодориха, не отпустил их и собирал какие-то дополнительные сведения. У Теодориха были свои благожелатели в столице, и вскоре стало известно, что придворный медик Анфимий и чиновные лица, Маркелл и Стефан, поддерживали сношения с ним и обнадеживали его насчет симпатий к нему в столице. Когда это обнаружилось, снаряжена была комиссия из трех сенаторов под председательством магистра оффиций для производства следствия по этому делу. Лица, уличенные в сношениях с Теодорихом, были подвергнуты телесному наказанию и сосланы, а не казнены, так как Зенон, по замечанию Малха, был вообще не склонен применять кровавые казни.[1161]

Между тем Теодорих, сын Триария, увеличивал свои военные силы, привлекая под свои знамена соплеменников. Это обстоятельство вызвало тревогу во дворе, и Зенон возобновил переговоры с ним. Он предложил Теодориху заключить мир, выдать заложником сына в обеспечение спокойствия и обещал воротить ему то, что было конфисковано из его имущества. Теодорих не соглашался на эти условия, отказывался выдать сына в заложники и заявлял, что вынужден собирать войско в видах личной безопасности; но раз у него есть войско, то он должен начать войну, чтобы прокормить своих людей. Зенон прервал переговоры и начал спешно стягивать войска из Азии, заготовлять провиант и перевозочные средства. Главнокомандующим был назначен Мартиниан. Войска были плохо дисциплинированны и ненадежны.[1162]

Так как Теодорих, сын Теодемира, занимал пост магистра армии, то Зенон потребовал, чтобы он поддерживал военные действия. Но тот поставил предварительным условием своего выступления требование, чтобы император, сенат и военные начальники дали клятву, что они никогда не вступят в соглашение с Теодорихом, сыном Триария. Сенаторы и вожди дали требуемую клятву, прибавив оговорку: «если этого не захочет император», а Зенон поклялся, что никогда не отступится от договора, если ему раньше не изменит Теодорих. Дело было слажено. Согласно условию, Теодориха должны были поддержать 10 тысяч конницы и 2 тысячи пехоты, а с юга от Адрианополя должны были подойти 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. В Гераклее и других городах должны были находиться резервы.

Центром расположения Теодориха был тогда город Маркианополь. Теодорих предпринял не поход с отрядом войск, а целое переселение. Готы выступили с огромным обозом, в котором были жены и дети воинов, а также мать и сестры Теодориха. Переход через Балканы представил много трудностей, как позднее жаловался Теодорих.[1163] Когда готы спустились в долину, к ним не присоединились войска из Адрианополя, и, продолжая свой поход, они вскоре встретились с готами Теодориха Косого.[1164] В начавшихся между ними схватках было много убитых. Теодорих Косой воспользовался этой близостью, чтобы разъяснить соплеменникам бессмысленность междоусобной истребительной войны, тогда как война с империей могла бы обеспечить им полное изобилие во всем. Эти речи возымели действие, и в лагере Теодориха, сына Теодемира, началось брожение и недовольство против вождя. Громкими кликами готы требовали прекращения войны с соплеменниками. Оба Теодориха съехались на одной речке с противоположных берегов и вступили в переговоры. Сговорившись между собой, они отложили вражду, заключили мир и условились насчет совместных предприятий против империи. Оба готских царя предъявили свои требования императору через послов.[1165] Теодорих Косой требовал исполнения условий договора, который он заключил с имп. Львом, т. е. восстановления в сан магистра армии in praesenti, уплаты денег за все предшествующее время, выдачи родственников, находившихся в плену; а Теодорих, сын Теодемира, — новых мест для поселения, провианта для войск до будущей жатвы, прибавляя угрозу, что ввиду скудости во всем в его лагере он не будет в состоянии удержать своих людей от грабежа.

Зенон упрекал Теодориха, сына Теодемира, за предательство и не терял надежды расторгнуть состоявшийся союз готских вождей. Он предлагал Теодориху, в случае, если он откажется от союза с соплеменником, выдать ему тысячу фунтов золота и 40 тысяч фунтов серебра, положить ежегодно жалованье в тысячу номизм и устроить его брак с дочерью Олибрия или другой знатной женщиной. То обстоятельство, что римские войска не присоединились к Теодориху, Зенон оправдывал поведением его самого: командиры боялись присоединиться к его готам, чтобы не очутиться в стане врагов. Послов Теодориха Зенон возвел в разные чины и щедро одарил, надеясь подействовать тем на его настроение и побудить отказаться от союза с Теодорихом Косым. Одного за другим посылал Зенон двух послов, Филоксена и Юлиана. Но Теодорих оставался тверд в своем решении. Тогда Зенон с большой горячностью начал готовиться к войне, заявив солдатам, что он сам станет во главе войск. Это придало бодрости армии. Лазутчики Теодориха Косого были взяты в плен, отряд Теодориха, сына Теодемира,

---

[1161] *Malchi* frg. 11.
[1162] Ib. Frg. 14-15.
[1163] Иречек (Die Heerestrasse von Belgrad nach Konstantinopel. C. 147) полагает, что под именем Σόνδις, как назван проход у Малха, следует разуметь перевал между Повардом и Аймом.
[1164] Теодорих, сын Триария, назывался Στραβός, что значит косой.
[1165] *Malchi* frg. 15.

был с большим уроном отбит от передовых укреплений столицы.[1166] Но Зенон не только не пошел сам на войну, но впал в обычное бездействие; это вызвало негодование в армии, и настроение солдат скоро стало так неприязненно к Зенону, что Мартиниан посоветовал как можно скорее распустить войска на зимние квартиры во избежание восстания.[1167]

Между тем Теодорих, сын Теодемира, направился со своими готами в местности Родопы, производил страшные грабежи и опустошения, захватывал скот, разгонял земледельческое население, уничтожал то, чем не мог воспользоваться. Теодорих, сын Триария, злорадствовал тому, что его соперник портит свои отношения с империей. Вступив сам в переговоры, он вскоре достиг соглашения с Зеноном на следующих условиях: восстановление в звании магистра армии in praesenti, командование двумя схолами придворных войск, содержание и довольствие на 13 тысяч человек личной дружины, прием в состав которой является делом личного его усмотрения, восстановление во всех почетных званиях, какие ему предоставил Василиск, возвращение состояния его родственников, какие остаются в живых. Город для жительства Теодориха должен был назначить сам Зенон. По заключении договора была немедленно препровождена Теодориху значительная сумма денег для раздачи ее готам.[1168]

Одновременно с тем Теодорих, сын Теодемира, был объявлен лишенным своего звания магистра армии. Перейдя из Родопы в Дарданию, Теодорих взял город Скупы и перерезал всех солдат гарнизона, которые не захотели перейти к нему на службу. Когда в Фессалонику, центр управления префектуры Иллирика, пришло известие, что Теодорих приближается к этому городу, то граждане по ложному слуху, будто император предоставил их город Теодориху, взбунтовались против Зенона, низвергли его статуи и готовы были убить префекта и сжечь преторий. Епископ и другие представители власти успокоили жителей, опровергнув ложный слух, и убедили их стать на охрану родного города. Ключи от ворот были отняты у префекта и переданы епископу. Получив известие об этих бедствиях, Зенон отправил послом к Теодориху Артемидора со своим секретарем Фокой, с требованием прекратить грабежи и прислать посла к императору. Теодорих исполнил требование и отправил послов в Константинополь. Он находился в эту пору поблизости от Гераклеи в Македонии. Местный епископ сумел предупредить щедрыми дарами грабеж и разорение своего города. Население укрылось за стенами укрепления, не доверяя готам. В Константинополе послы Теодориха заявили, что большие силы готов не могут надолго быть удержаны от грабежа, если не будут приняты меры к обеспечению их пропитания, и просили прислать доверенное лицо с широкими полномочиями, чтобы на месте устроить отношения. Зенон послал патриция Адамантия, сына Вивиана, бывшего префекта города и консула 463 года. Он имел поручение поселить готов Теодориха в Павталии, — так назывался город и округ в провинции Средиземной Дакии, на границах между Иллириком и Фракией,[1169] и вез с собой 200 фунтов золота, на которые местные власти должны были заготовить провиант для готов.

Ввиду событий, происшедших в Фессалонике, Адамантий должен был сначала заехать туда, чтобы водворить там порядок. Пока он был в Фессалонике, Теодорих с места своей стоянки снесся со своим соплеменником Сидимундом, состоявшим на службе в Эпире. Сидимунд был родственник Айдоинга, командира доместиков, пользовавшегося большим расположением Верины. Войдя в виды своего родственника и выдавая себя действующим по поручению императора, Сидимунд убедил двухтысячный гарнизон города Эпидамна, или Диррахия, как он тогда назывался, и жителей выселиться на острова, укрыв или взяв с собой ценное имущество, ввиду предоставления этого города готам Теодориха. Гарнизон и население поверили Сидимунду и решили покинуть город. Извещенный об этом успехе Теодорих решил немедленно двинуться в Эпир. Он потребовал у гераклейцев, запершихся в крепости, провианта, и когда те отказали, то, раньше чем тронуться в путь, сжег дома в предместье, которыми пользовались готы.[1170] Двинувшись затем по крутой дороге в Новый Эпир, Теодорих послал вперед конные отряды, чтобы захватить окрестные высоты, и нагнал такой страх, что римские гарнизоны оставили свои позиции. Лихнид,[1171] крепкий город, хорошо снабженный провиантом, отстоял себя, и Теодорих взял направление на город Скампию, покинутый жителями, который он разрушил. Оттуда Теодорих направился в Диррахий и захватил город. Готы двигались в трех эшелонах, с, передним шел сам Теодорих. Узнав о передвижении готов, Адамантий послал одного из состоявших при нем чинов дипломатического ведомства задержать Теодориха, который нарушал тем предварительные условия, принятые во время переговоров в

[1166] *Malchi* frg. 16. — Малх употребляет выражение μαχρὸν τεῖχος, хотя создание этой линии укреплений приурочивается ко времени Анастасия.

[1167] Вряд ли прав Малх в своем обвинении Зенона в трусости и распущенности. При той ненависти населения столицы к исаврам, которая была известна Зенону, он не мог решиться оставить столицу, чтобы не вызвать восстания. — Так объясняет нерешительность Зенона Э. В. Брукс в своей статье: The emperor Zeno and the Isaurians (The Englisch Historical Review, 1893, 39, 218).

[1168] *Malchi* frg. 17.

[1169] Такое положение области представляло то удобство, что готы оказались бы посередине между армиями Фракии и Иллирика, размещенными в крепостях. С другой стороны, если бы Теодорих, сын Триария, вышел из повиновения, то можно было надеяться воспользоваться для подавления его силами готов Теодориха Амала. — Павталия лежала к югу от Сардики (Софии).

[1170] Во время сборов в путь здесь умерла одна из сестер Теодориха.

[1171] Охрида.

Константинополе, но было уже поздно: Теодорих овладел Диррахием.

Командиром войск Иллирика был назначен Сабиниан, проживавший в городе Эдессе.[1172] Диплом о назначении привез ему Адамантий. На совещании с ним о положении дел выяснилось, что наличные силы Сабиниана недостаточны для успешного преследования готов, так как войска были распределены по крепостям, а часть их вышла с Онульфом, который оставил свой пост и ушел к своему брату Одоакру в Италию. Магистриан Адамантия, съездивший к Теодориху в Диррахий, вернулся с готским священником. Вместе с ним Адамантий и Сабиниан прибыли в Лихнид.

Адамантий желал лично переговорить с Теодорихом, но свидание не могло устроиться в Лихниде, куда сначала вызывал Теодориха Адамантий, а произошло вблизи Диррахия. Адамантий проехал туда под охраной 200 всадников по горным дорогам. Адамантий и Теодорих сошлись на противоположных сторонах глубокого оврага, по которому протекал ручей. Теодорих жаловался на обиды и оправдывал свое поведение предательством, которое он усмотрел в поведении императора. Адамантий со своей стороны обличал его и требовал, чтобы он перешел в местности, назначенные для жительства его готов императором. Теодорих отказывался от этого перехода в наступившее зимнее время, ссылался на утомление своих войск и затруднение от большого числа сопровождавших войско семейств. Выражая готовность переселиться весною, он предлагал очистить Фракию от готов с 6 тысячами войска, если ему будет обещано положение, какое занимает Теодорих, сын Триария, и в то же время выражал готовность идти с войсками в Далмацию, чтобы, если то будет угодно императору, восстановить Непота на римском троне. Адамантий заявил, что он не уполномочен решать такие вопросы. На том и кончились переговоры.

В эту пору третий эшелон готов находился еще в пути и был близ города Кандавии. Командовал им брат Теодориха, Тевдимунд, а в обозе ехала мать Теодориха. Сабиниан, успевший к тому времени собрать войска, решился сделать нападение на готский арьергард. Разослав конные отряды, чтобы захватить высоты, Сабиниан выступил вечером, а с рассветом окружил готов при выходе из ущелья. По расстилавшейся долине протекала река в глубоком русле и на ней был мост. Тевдимунд с матерью успел переехать мост, который сами готы затем сломали, оставив в беспомощном положении свой обоз и людей. Подоспевшая пехота напала на обоз. Много готов было перебито, более пяти тысяч человек попало в плен; две тысячи телег и большая добыча достались победителям. Лучших людей из пленных Сабиниан отдал под стражу, других вместе с добычей предоставил солдатам, часть телег сжег, чтобы не таскать их по горным дорогам, другие распределил по крепостям. В Лихниде Сабиниан застал Адамантия, который вернулся уже из поездки на свидание с Теодорихом. Согласно обещанию, данному Теодориху, Адамантий отправил известие императору о своем с ним свидании. Сабиниан, со своей стороны, сообщил о своем успехе и настаивал на том, чтобы не заключать с Теодорихом мира. Донесение Сабиниана подействовало: Зенон отозвал посла и решил прекратить переговоры, а Сабиниану приказал продолжать военные действия против Теодориха и воспользоваться для этого дружиной Гентона, гота, женатого на римлянке, который стоял в Эпире.[1173] Пока жив был Сабиниан, Теодорих был лишен возможности тревожить соседние области.

БУНТ МАРКИАНА. ТЕОДОРИХ, СЫН ТРИАРИЯ. БУНТ ИЛЛА. ВЫХОД ТЕОДОРИХА АМАЛА В ИТАЛИЮ

В том самом году, когда Теодорих, сын Теодемира, причинил такие тяжкие затруднения и самовольно водворился в Эпире, в столице подготовлялся заговор на трон Зенона. Среди правящей знати было много людей, не мирившихся с возвышением Зенона и утвердившимся после его возвращения господством исавров. Заговор созрел совершенно неожиданно для Зенона и ближайших его друзей. Он имел некоторую тень династического спора. Сыновья западного императора Анфимия, погибшего в Риме от руки Гундобада, жили в Константинополе и пользовались высоким положением, благодаря, между прочим, и своем богатству, скопленному еще их прадедом при Феодосии Младшем. Старший из них, по имени Маркиан, носивший имя деда по матери, императора Маркиана, на дочери которого был женат Анфимий, приходился зятем Зенону, так как был женат на младшей дочери императора Льва, Леонтии. Он был удостоен консулата на 469 год как наследник отца, а в 471 году был опять консулом, вероятно, уже от восточного двора как зять императора Льва. Леонтия родилась, когда Лев был уже императором, тогда как старшая его дочь, Ариадна, появилась на свет, когда он был еще трибуном.

Ближайшими помощниками Маркиана были его братья, Ромул и Прокопий, а также два командира полков, расположенных в Константинополе Бусальб и Никита. Заговор созрел в глубокой тайне. В конце 479 года, когда во дворце никто не думал об опасности, заговорщики захватили внезапным нападением дворец, носивший имя Кесарий,[1174] и стали оттуда действовать — Маркиан против большого дворца, а Прокопий против Илла,

---

[1172] Эдесса. — город в Македонии. Marc. Com. s. a. 479 (Chron. min II 91). Sabinianus magnae Illyricinae utriusque millitae ductor creatus… Disciplinae praeterea millitaris ita optimus institutor coercitorque fuit, ut priscis Romanorum ducibus compararetur.

[1173] *Malchi* frg. 18.

[1174] Он находился в третьем регионе города, недалеко от спуска к гавани на Пропонтиде, которую расширил и улучшил имп. Юлиан. Позднее она называлась Portus Sophianus, от имени жены Юстина II.

находившегося в местности, которая называлась Варана. Население столицы, ненавидевшее исавров, оказывало нападавшим помощь, стреляя с крыш домов. Зенон был захвачен совершенно врасплох. Заговорщики ворвались во дворец и побоище произошло в Дельфаке, как назывался зал, украшенный колоннами, вывезенными из Дельф.[1175] Экскувиты не выдержали нападения, перебито было много народа, Зенон едва не попал в плен, и только счастливый случай позволил ему бежать. До самой ночи успех был на стороне бунтовщиков, и страшная паника царила в городе. Победители, не обеспечив за собой даже дворца, считали дело оконченным и стали праздновать победу пиром. Илл сначала растерялся, считая все погибшим, но его поддержал Пампрепий, который выражал полную уверенность в победе и, между прочим, изрек слова: «решение Промысла с нами» (τά τῆς προνοίας μεθ'ἡμῶν ἑστι τεταγμένα).[1176] Илла ободрила уверенность Пампрепия, он напряг всю свою энергию и ночью переправил на лодках исавров из Халкидона. Наутро все высшие сановники были собраны и взяты под арест, и под начальством Илла исавры пошли на заговорщиков. Вчерашние победители терпели везде поражение и были выгнаны из города. Им удалось поджечь дом Илла.[1177] Маркиан и его братья были захвачены в банях Зевксиппа. Им удалось, однако, бежать, и Маркиан укрылся в храме св. Апостолов. Будучи выведен оттуда, он был посвящен в духовный сан и сослан в Кесарию Каппадокийскую; жена его, Леонтия, была заключена в монастырь акимитов. Многие участники заговора, и в том числе Бусальб, бежали к Теодориху, сыну Триария, который, по-видимому, не принимал непосредственного участия в этом восстании. Все бежавшие были наказаны конфискацией имущества. В это трудное время пришли в столицу тяжкие вести: Теодорих остготский взял город Диррахий, а исавры, продолжавшие и теперь разбойничать, хотя на византийском престоле сидел их князь, захватили и ограбили два города, Корик и Севастию в Киликии. Братья Маркиана уехали в Рим, с которым поддерживали живые связи. Маркиан по дороге к месту изгнания бежал, сумел набрать шайку и хотел захватить город Анкиру в Галатии. Но Трокунд, назначенный на пост магистра армии in praesenti вместо Теодориха, сына Триария, предупредил Маркиана, занял Анкиру, взял его в плен и сослал в Исаврию в одну из тамошних крепостей.[1178]

Вскоре после подавления бунта Маркиана, а быть может, как результат следствия по этому делу, обнаружился заговор против Зенона в среде высших сановников. То были магистр оффиций Дионисий, возвращенный Иллом из Исаврии Эпиник и Фравстила, занимавший высокий военный пост. Они были казнены.

Был ли Теодорих, сын Триария, в соглашении с Маркианом, или дело обошлось без его участия, это остается неясным. Иоанн Антиохийский называет его имя, перечисляя участников заговора. Но из свидетельства Малха видно, что он находился далеко от столицы в ту пору и, узнав о неудаче Маркиана, поспешил собраться в поход. Вполне осведомленный о той ненависти, какую питало население столицы к исаврам, Теодорих считал этот момент весьма удобным для себя, чтобы сделать попытку захватить Константинополь и овладеть особой императора. Но он выставлял на вид желание помочь Зенону в его затруднениях. Получив известие о том, что Теодорих приближается к городу с большими силами готов, Зенон послал к нему всадника, благодарил за желание помочь, извещал о подавлении бунта и просил его воротиться назад в места своей стоянки. Теодорих заявил, что готов исполнить волю императора, но не может удержать своих людей, которые собрались в большой массе, сделали трудный поход и понесли большие расходы. Тогда Зенон отправил к нему послом Пелагия с большой суммой денег и еще более щедрыми обещаниями. Отчасти деньгами, отчасти угрозами Пелагию удалось заставить готов отступить. Исавры, оказавшиеся хозяевами в столице после подавления бунта Маркиана, приготовили на случай, если бы пришлось ее покинуть, длинные шесты, смазанные серой на концах, чтобы поджечь город, раньше чем сдать его готам. До этой крайности дело не дошло, так как готы отступили и город остался в руках исавров.[1179]

Теодорих приютил у себя участников бунта, людей Маркиана и Бусальба. Зенон несколько раз требовал их выдачи, но Теодорих ему отказал, ссылаясь на невозможность для готов выдавать тех, кто прибег к их защите. Так они и остались у Теодориха. В связи с этими событиями Теодорих был лишен звания магистра армии. Этот пост был передан Трокунду, а Теодорих опять превратился из магистра армии во врага. В этом трудном положении, Зенон призвал против готов их прежних повелителей — гуннов из-за Дуная. Орда, которая явилась по вызову императора, названа новым именем болгар.[1180] Но Теодорих Косой справился с болгарами и подступил к Константинополю. Бдительность Илла, выставившего охрану у ворот, спасла столицу. Не обладая достаточными силами для осады огромного города, Теодорих попробовал захватить предместье Сики; будучи и тут отражен, он подался к северу на Анаплус, стал лагерем в четырех милях от города и задумал переправиться в Вифинию из гавани Сосфения. Но императорский флот не допустил переправы, и Теодорих отошел назад, в местности

[1175] *Iohan. Antiochen.* c. 95. Κατὰ τὴν τοῦ Λέλωακος στοὰν, ἐν ἧοί Λέλωικοί κίονες ἑστήκασι, ποικίλου χρώματος ὄντες. Ebersolt (Le grand Palais, p. 66) помещает этот зал поблизости от ипподрома вне дворца Дафны.

[1176] *Malchi* frg. 20.

[1177] Дом Илла находился, по-видимому, там, где впоследствии стояла церковь св. Иоанна, называвшаяся Διίππιον, в начале улицы Μέση), неподалеку от бань Зевксиппа. *Mordtmann.* Esquisse topographique de Constantinople. Lille, 1892. § 107. 119.

[1178] *Iohan. Antiochen.* c. 95.

[1179] *Malchi* frg. 19.

[1180] *Johan. Antiochen*. c. 95.

обычной своей стоянки во Фракии. Оттуда он намеревался совершить грабительский поход в Фессалию и Ахайю. Собрав до 30 тысяч готов, Теодорих двинулся в поход, но вскоре умер от тяжкой раны, которую получил, наткнувшись на стоявшее у его палатки копье, когда садился на коня (481 год).[1181] Готы находились тогда в городе, носившем имя Конюшня Диомеда (Διομήδουσ Στάβλος). Сын Теодориха, Рекитах, принял начальство над готами под опекой своих дядей, но вскоре устранил их убийством. Рекитах не продолжал похода и остался со своими готами во Фракии.

Фессалия не избегла готского нашествия. Туда направился в следующем году Теодорих, сын Теодемира. Это случилось после того, как был предательски убит храбрый и заслуженный Сабиниан, магистр армии Иллирика, который умел держать в страхе Теодориха. После его смерти Теодорих двинулся из Эпира в Македонию, прошел Фессалию до Пегасейского залива, взял и ограбил Лариссу. Против него были направлены вожди Иоанн-скиф и Мосхиан, но, по-видимому, успеха они не имели.[1182] Не располагая силами, которые могли бы справиться с Теодорихом, Зенон предпочел вступить с ним в соглашение (483 год). Он восстановил его в звании магистра армии при дворе (praesentalis), каким был его соперник, назначил консулом на 484 год и для обитания его готов предоставил часть Побережной Дакии и Нижней Мезии.[1183] В год своего консульства Теодорих жил в столице.

Со времени возвращения Зенона на царство первым лицом при дворе был Илл, занимавший пост магистра оффиций. Верина томилась в заточении в далекой исаврской крепости и в письмах к дочери молила ее устроить ее возвращение в столицу. Ариадна обращалась с просьбами к мужу, но тот был связан обязательством, данным Иллу, и предлагал ей самой упросить его освободить Верину. На слезные просьбы царицы Илл доказывал ей, что возвращение Верины поведет к новым заговорам против Зенона. Ариадна обиделась и резко поставила Зенону вопрос: ей или Иллу оставаться во дворце. Зенон ответил, что он избирает ее, и предоставил ей свободу действий. Тогда Ариадна подготовила через препозита Урбикия новое покушение на жизнь Илла.[1184] Однажды, когда Илл проходил из ипподрома, где шли ристания, в зал приемов чужеземных посольств, исполняя свои обязанности магистра оффиций, на него бросился с мечом в проходе из дворца на кафизму ипподрома солдат схолы, Сфоракий. Он метил в голову и нанес два удара, но отсек только ухо. Телохранители Илла тут же убили покушавшегося. Таким образом, следствие было невозможно. Зенон клялся Иллу, что он непричастен к этому делу, но у Илла запало сомнение. Рана была весьма болезненна, и когда он от нее оправился, то стал просить Зенона отпустить его на Восток для поправления здоровья. Зенон освободил Илла от его обязанностей магистра оффиций и назначил магистром армии Востока. Илл обещал вернуть Верину, уступая просьбам Ариадны, и просил себе в спутники патриция Леонтия, которому обязывался выдать ее для препровождения в столицу. Кроме Леонтия, Илл взял в свою свиту много знатных людей: Пампрепия, который достиг уже сана патриция, бывших консулов Марса и Юстиниана, бывшего префекта претория Элиана, Куттулу и еще несколько членов сената. Этот великолепный состав свиты, подобавшей высокому положению Илла, был подобран с определенными целями, которые выяснились позднее.

Илл провел зиму в Никее, а затем отправился в Антиохию, столицу Востока. Свое пребывание в этом городе он ознаменовал возведением многих общественных сооружений.[1185]

Взаимное недоверие между Зеноном и Иллом, усилившееся после покушения, устроенного Ариадной, повело к открытой вражде и полному разрыву. Наши скудные и отрывочные источники не позволяют выяснить в точности, как начался самый разрыв. Своего обещания выдать Верину Илл не исполнил. Он держал также в Исаврии заложником брата Зенона, по имени, Лонгин.[1186] Когда Илл находился в Антиохии, Зенон потребовал у него отпустить к нему Лонгина, но это требование исполнено не было. Вскоре выяснилось, что Илл поднимает восстание против Зенона. В ответ на его начинания, Зенон лишил его звания магистра армии Востока, изгнал из столицы всех людей Илла, конфисковал их имущество и вырученные от продажи с аукциона суммы предоставил

[1181] Ib. C. 95; *Evagr.* 3, 25; *Marc. Com.* s. a. 481 (Chron. min. II 92).

[1182] *Iohan. Antioch.* c. 97.

[1183] *Marcel. Com.* s. a. 483. Theodoricus rex Gothorum Zenonis Augusti munificentiis paene pacatus magisterque praesentis militiae factus, consul quoque designatus creditam sibi Ripensis Daciae partem Moesiaeque Inferioris cum suis satellitibus pro tempore tenuit (Chron. min. II 92).

[1184] Так рассказывает об этом событии Малала (с. 35), у Иордана — Rom. 349-351 — дело изложено иначе. — Илл подговорил Зенона устроить покушение на Ариадну. Но человек, который взял на себя это убийство, проговорился одной из служанок царицы, а та предупредила свою госпожу. Ариадна, оставив в своей постели ту служанку, сама бежала к патриарху Акакию. Наутро Зенон, полагая, что замысел осуществился, предался скорби и никого не принимал. Но к нему явился патриарх, разъяснил все дело и взял ручательство безопасности для царицы. Тогда Ариадна дала волю своей мести и устроила покушение на Илла при посредстве Урбикия.

[1185] Малала (с. 35), говорит о двухлетнем пребывании Илла в Антиохии, а в тексте хроники (p. 388) — ποιήσας ὀλίγον χρόνον и, таким образом, опровергает возможность возведения зданий на общую пользу.

[1186] *Marcel. Com.* s. a. 485. (Chron. min. II 93): Longinus Zenonis frater Augusti, post decennalem custodiam, quam eidem Illus apud Isauriam infliexerat, ad germanum suum Constantinopolim advenit. — Так как Лонгин пробыл в охране у Илла десять лет, то, значит, он был отдан ему в 475 году, когда между Зеноном и Иллом состоялось соглашение, в силу которого Зенону удалось вернуться на царство с помощью Илла и Трокунда. Илл, переходя на сторону Зенона и изменяя Василиску, выговорил себе тогда те особые полномочия, которыми и пользовался затем, являясь главным направителем государственной политики до второй своей измены.

городам Исаврии. Илл стал готовиться к войне и, снаряжал флот для морского похода. В поисках союзников он освободил из заключения Маркиана и послал его к Одоакру в Италию с просьбой поддержать его в борьбе с Зеноном; он отправил также посольства к персидскому царю и армянским сатрапам. Одоакр отказался принять участие в этом деле, а царь персидский и армянские магнаты выразили готовность оказать поддержку и предложили прислать уполномоченных для заключения договора. В ответ на эти приготовления Зенон назначил магистром армии Востока, вместо Илла, Иоанна-скифа, действовавшего в 482 году против Теодориха в Македонии и Фессалии, и предоставил военное командование Конону, сыну Фускиана, который уже принял духовный сан, и побочному брату Илла, человеку, известному своей храбростью, Иллулингу.[1187]

Между тем Илл освободил из заключения Верину и воспользовался ее титулом августы, чтобы объявить нового императора. Свой выбор он остановил на патриции Леонтии. То был сенатор с почтенной репутацией, родом исавр из Долистанда, быстро сделавший карьеру при Зеноне. Провозглашение его императором произошло в Тарсе в церкви св. Петра за городом. Стоя в царском облачении на солее храма, Верина возложила на Леонтия царскую диадему и объявила его императором вместо низложенного Зенона. Из Тарса Леонтий переехал в Антиохию, и здесь был сформирован двор. Высшие посты получили сановные члены свиты, увезенной Иллом из Константинополя.[1188] От имени Верины был составлен манифест (сакра), который она публично читала в Антиохии и затем разослала по всем городам Востока и Египта. Малала и Феофан сохранили его текст.

«Элия Верина, всегда августа, антиохийцам, нашим гражданам, привет. — Вы знаете, что царская власть (τὸ βασίλειον) после смерти вечной памяти Льва принадлежит нам. Мы избрали царем Стракодисса, названного потом Зеноном, чтобы направить на лучшее наших подданных (τὸ ὑπήκοον) и все военные дела. Видя теперь, что государство (τὰ πολιτεία) вместе с подданными пошло на убыль, вследствие ненасытности (ἀπληστία — корыстолюбие) Зенона, мы сочли за необходимое венчать вам царя, украшенного благочестием и справедливостью, чтобы он уврачевал государственное дело, заставил успокоиться врагов и охранил всех подданных вместе с законами. Мы увенчали императором римлян благочестивейшего Леонтия, который удостоит всех вас своим попечением» (πρόνοια).[1189] — Народ ответил криками: «Велик Бог! Господи, помилуй! Подай прекрасное и полезное».

Занимая пост магистра армии, опираясь на родную Исаврию и задобрив антиохийцев разными щедротами на общую пользу, Илл надеялся поднять против Зенона весь Восток. Но его расчеты оказались неверными. Сирийский город Халкида не принял изображения Леонтия (λαυρᾶτα), и префект претория Элиан начал против него военные действия. Чтобы обеспечить власть в Месопотамии, туда был послан Матрониан, брат жены Илла, с 500 всадниками. Но жители города Эдессы заперли ворота, не вступили с ним ни в какие сношения и остались верны Зенону.[1190]

Зенон отправил на Восток Иоанна-скифа с сильной армией и снарядил флот, поставив его под начальство Иоанна и Павла. Этот последний был по происхождению рабом Илла и занимал в ту пору должность сакеллария. Теодорих со своими готами должен был также выступить на поддержку Иоанна. В обеспечение настроения исавров, Илл назначил своей родине чрезвычайное денежное пособие, а Зенон принял его на счет казны, и с тех пор Исаврия стала получать ежегодно 1500 фунтов золота.[1191] Эти быстрые меры, принятые Зеноном, вызвали измену Иллу многих его близких людей. Против Иоанна-скифа выступили Папим, начальник конницы Илла, и Артемидор, оруженосец Трокунда, брата Илла, и потерпели решительное поражение. Исавры рассеялись по своим горным ущельям, и силы Илла вскоре растаяли до двух тысяч человек. С ними он бежал в крепость Херрис в Исаврии[1192] и вызвал туда из Антиохии Леонтия, процарствовавшего всего 61 день, Верину и сенаторов, связавших с ним свою судьбу.

[1187] Иоанн Антиохийский называет его также Лингинином и Лингом.

[1188] Либерат — *Breviar*. с. 17 —представляет дело так, будто Илл был послан на Восток, чтобы подавить бунт восставшего против Зенона Леонтия. Иордан — Rom. 352 — дает другую версию, которая отчасти объясняет искажение истины у Либерата. — Леонтий не был в свите, с которой уехал Илл на Восток, а был послан Зеноном в Антиохию со специальным поручением отклонить Илла от его замыслов, или овладеть его личностью и тем положить конец возбужденному им бунту. Но Иллу удалось соблазнить Леонтия видами на победу над Зеноном, и он стал вместе с Иллом во главе восстания. — Точно так же изложено это дело в хронике Иешуа-Стилита (Chronique de Josue Stylite, chap. 15). Брукс считает эту версию более вероятной, чем та, которую сохранил Малала и др.

[1189] Текст манифеста приведен у Малалы (с. 35) и Феофана с незначительными различиями. — Водворение Леонтия в Антиохии Феофан точно датирует 27 июня 7 индикта, т. е. 484 года (p. 129, 30).

[1190] *Ios. Stul*. с. 17.

[1191] *Jordan*. Rom. 354.— Иордан не определяет количества, но цифра дана у Иоанна Антиохийского.

[1192] Так называет крепость, куда укрылся Илл, Иоанн Антиохийский (Exc. III, p. 137), а Малала знает только Папирий (ib. 166). Но у Иоанна поминается еще ἀντιφρούριον. Что касается крепости Папирия, то она была разбойничьим гнездом. Свое имя она получила от второго ее владельца, Папирия. Основал ее исавр, по имени Неон. Производя грабежи в соседних областях и разбойничая по дорогам, он собрал туда большие богатства. При Зеноне она перешла к третьему властителю, сыну Папирия, Индаку, который прославился удивительной быстротой ног, чем вообще отличались исавры. Индак мог в один день пройти из Папирия в Антиохию — очевидно, не столицу Востока, а город в Исаврии, или в Неаполь (Suidas, s. v. Ἰνδακός). Во время своего консульства в 469 году Зенон посылал отряд войск в эту крепость, чтобы выгнать из нее Индака, который беспокоил соседей своими разбоями. А 478 году ее укреплял Илл по поручению Зенона.

Когда Зенон узнал о бегстве Илла, он отозвал Теодориха, который успел дойти только до Никомидии, и вместо готов послал ругов под начальством Арменриха, сына Аспара, который был обязан ему спасением в 471 году и находился с ним в родстве.[1193] В то же время Зенон назначил магистром обоих разрядов армии своего соплеменника Коттомену, а Лонгина из Кардал — магистром оффиций. Брат Зенона, Лонгин, пробывший десять лет заложником у Илла, был освобожден Иоанном, или нашел случай бежать, и прибыл в Константинополь в 485 году.

Осада крепости, в которой отсиживался Илл, затянулась надолго. Верина умерла в самом начале осады, и тело ее было погребено в свинцовом гробе. Умер также и Марс. Пампрепий вызвал против себя подозрение; он был в глазах Илла чернокнижником и знатоком тайных наук, на его предсказания Илл полагался и теперь покарал его смертью и сбросил его труп со стены осажденной крепости. Будучи лично знаком с Иоанном, как своим боевым товарищем, Илл вступил с ним в сношения, и тот согласился переслать императору его письмо. Илл умолял о прощении и напоминал Зенону о всех своих многочисленных заслугах перед ним. Но Зенон остался непреклонен (486 г.). Осада длилась. Заболела дочь Илла Анфуса и умерла. Отвлеченный семейным горем, Илл поручил командование охраной и обороной крепости Индаку, сыну Коттуны, который был известен своими разбойничьими подвигами и быстротой своих ног. Леонтий пал духом, и Илл читал какие-то книги, быть может чернокнижные, в которых Пампрепий нашел указание на предсказанное Иллу царство. Индак оказался предателем. Он убедил однажды Илла выслатьохрану ночью за стены, так как будто бы имел известие о готовящемся приступе, и в ту же ночь пустил осаждавших в город. Леонтий и Илл спокойно спали, когда на улицах раздался обычный возглас имперских солдат: Ζήνων Αὔγουστε τούβικας.[1194] Ворвавшиеся в неприступную крепость солдаты не давали никому пощады, и в происшедшей свалке был убит предатель Индак. Леонтий хотел лишить себя жизни, но Илл удержал его: он все еще надеялся примириться с Зеноном. Оказавшись пленником Иоанна, Илл просил отослать прах его дочери Анфусы в Тарс, где у него был семейный склеп, пощадить жизнь его жены и другой дочери, Феклы, а также и некоего Конона. Иоанн исполнил его волю. Но Конон предупредил помилование и лишил себя жизни, хотя оказалось, что Зенон был согласен помиловать его. Илла и Леонтия Иоанн сдал правителю соседней провинции Памфилия, имевшему резиденцию в Селевкии, городе, который часто страдал от исавров, и тот казнил их на площади за стенами города. Головы казненных были отправлены в Константинополь. Там их носили на шестах в ипподроме и выставили затем в предместии Сики (488 г.). Зенон приказал срыть большую часть укреплений в Исаврии. Из причастных к восстанию видных людей подверглись казни Артемидор, телохранитель Трокунда, брата Илла, Конон, сын Лонгина, и Коттуна. Иешуа-Стилит прибавляет сведение, что всем оставшимся в живых защитникам Илла отрубили руки.[1195] Гроб Верины Зенон, по просьбе жены, приказал доставить в Константинополь, и мятежная супруга Льва была погребена в церкви св. Апостолов рядом с ним.[1196] Так счастливо для Зенона закончилось это замешательство.

Подавление восстания Илла имело свои последствия для части Армении находившейся под властью империи. Эта страна делилась на пять областей которые состояли под управлением знатных местных фамилий с правом наследования. Зенон наказал сатрапов за измену тем, что лишил их этого права, сохранив его только за одним из пяти, как менее виновным. Его область называлась Балабитена. В остальных четырех с этих пор власть предоставлялась лицам из местной знати по усмотрению императора, без права наследования.[1197]

Когда дело Илла было уже проиграно и Иоанн осаждал его в крепости Папирия, Зенон задумал отомстить Одоакру, которого Илл просил о помощи через Маркиана. Он снесся с главной массой ругов, живших на Дунае к северу от Норика, и побудил их сделать вторжение в эту страну. Но Одоакр отразил нашествие, сам перешел в наступление и нанес ругам страшное поражение в их земле за Дунаем. Взятых в плен царя Феву и его жену он увез в Италию и там казнил. Битва произошла 18 декабря 487 года.[1198] Признавая Зенона своим верховным повелителем, Одоакр прислал ему часть добычи которую получил от этого похода.[1199] Хотя Одоакр справился с ругами, но северная пограничная область его царства оказалась в таком положении, что он не считал возможным удерживать ее за собой и перевел остатки населения в Италию. Тогда же были перенесены в Неаполь останки св. Северина предсказавшего некогда Одоакру высокое положение, которое его ожидало в Италии.

В тот самый год, когда головы Илла и Леонтия были выставлены в Константинополе в доказательство окончания замешательств на Востоке, Зенону удалось освободиться от другого, гораздо более опасного союзника, Теодориха остготского. В год своего консульства Теодорих воспользовался своим пребыванием в столице, чтобы свести личные счеты с Рекитахом, сыном Теодориха Косого. Унаследовав власть над готами, признававшими своим царем его отца, Рекитах освободился от своих дядей путем убийства. Так как Теодорихи состояли в родстве, то Рекитах подверг себя опасности кровавой мести. В 484 году Рекитах был в Константинополе и

[1193] *Jordan.* Get. 266. Часть ругов была принята в империю после разгрома державы Аттилы и получила разрешение поселиться во Фракии в местности городов Bizzim и Аркадиополя. Bizzim — очевидно, Bizye.

[1194] Этот старый победный клич сохранялся в придворном обиходе Византии и в десятом веке, когда димы кричали императору на приемах τούβικας.

[1195] *Ios. Styl*. c. 18.

[1196] *Iohan. Antioch,* c. 98.

[1197] *Procop.* De aed. 3, 1.

[1198] Chron. min. 1, 313.

[1199] *Johan. Antioch,* c. 98.

пользовался вниманием двора, соответственно своему положению. Однажды, когда он направлялся во дворец на обед, Теодорих встретил его в части города, называвшейся Бонифацианы, и всадил ему в бок свой меч. Это убийство прошло Теодориху безнаказанно, а современники приписали вину его императору, который будто бы хотел освободиться от Рекитаха. Но византийскому двору, напротив, было удобно иметь соперников среди лиц власти в варварской и грубой массе готов, а потому и самое обвинение императора вызвано недоброжелательством к нему современников.[1200] Для Теодориха было важно устранить Рекитаха, чтобы тем самым объединить живших в империи готов вокруг своего царского имени. Предательским убийством Теодорих не брезговал, как доказал это впоследствии в Равенне. Хотя в год консульства он был удостоин особой чести и вблизи дворца поставлена была его конная статуя, но он продолжал сохранять свое враждебное настроение и честолюбивые замыслы. В 486 году, выступив из своей резиденции, крепости Новы, он предпринял грабительский поход по фракийским областям. Чего, собственно, хотел Теодорих и что было причиной нарушения мира с империей, это остается неясным ввиду краткости сообщений наших источников. Такой же поход повторил Теодорих и на следующий год, но в еще более враждебном тоне. Он подошел к столице, занял город Регион, расположенный в 12 римских милях от Константинополя (ныне Кучук-Чекмедже), повредил городской водопровод, вступил в предместье Сики.[1201] Теодорих имел, по-видимому, намерение захватить столицу. Зенон не нашел другого средства воздействовать на него, как отправить к нему его сестру, жившую во дворе в качестве заложницы, с щедрыми подарками.[1202] То была Амалафреда, ставшая впоследствии женой вандальского царя Тразамунда. Теодорих отвел свои дружины от столицы и вернулся в Новы.

В ту пору, когда Теодорих принимал такое угрожающее положение относительно Константинополя, шла война, вызванная Зеноном между ругами и Одоакром, Сын Февы, Фридрих, возобновил враждебные действия против Одоакра, но был разбит братом Одоакра, Онульфом, и бежал к Теодориху в Новы. Так завязались сношения, которые открыли Теодориху другой горизонт. Он был, конечно, осведомлен о том, как устроились вандалы в Африке, германцы Одоакра в Италии, вестготы в Галлии и Испании, отняв треть земли у местных жителей и превратившись в богатых землевладельцев, заставлявших работать на себя зависимое население. Область, в которой пребывали его готы, после стольких опустошений в течение двух столетий, не представляла особенно благоприятных условий. Труд земледельца на опустошенной земле не мог прельщать воинственных и диких готов, искавших бранной славы и легкой наживы при помощи меча. Мысли Теодориха обратились на Италию. Он вступил в сношения по этому вопросу с двором. Переговоры велись через посредников. Зенон дал свое согласие на выход Теодориха в Италию против Одоакра и обещал в случае удачи предоставить ему то положение, какое занимал Одоакр, т. е. верховную власть в стране, которая считалась состоящей под властью императора.[1203]

Осенью 488 года Теодорих выступил в поход на Запад. То не было передвижение всего готского племени, а лишь тех готов, которые добровольно принимали это предложение царя, — qui ei praebuerunt consensum, как выражается Иордан. С Теодорихом не были связаны не только все вообще готы, жившие на Балканском полуострове, но и далеко не все остготы, распределившиеся в разных местах и обособившиеся в предшествующее время разделения между двумя Теодорихами. Теодорих выступал не только как царь своего племени, но и как магистр армии византийского двора. К нем присоединились руги со своим царем Фридрихом и другие люди, как варвары, так и туземцы, искатели приключений, военной славы и наживы.[1204] Путь этого воинства, имевшего характер племени, так как люди шли с семьями лежал по старой римской дороге из Нов на крепости Эск, Виминакий, Сингидон, затем Сирмий и по долине Савы на крепости Сискию и Эмону в Аквилею. Гепиды, которые захватили Сирмий после выхода готов из Паннонии, заняли крепкую позицию близ этого города на реке Ульке и не пропускали готов. Союзниками гепидов явились болгары. Только после блестящих подвигов храбрости самого Теодориха, позиция была взята, и победителям досталась большая добыча и запасы провианта.[1205]

В области Сирмия готы провели зиму и весной, не встречая более сопротивления, прошли в Италию. Одоакр приготовился встретить Теодориха в укрепленной позиции при впадении Фригида (Виппах) в Сонтис (Изонцо)

[1200] Ib.

[1201] Эту подробность сообщает Малала (Chron. 383). Общее представление Малалы о выходе Теодориха в Италию обличает полное непонимание тогдашних отношений. — По сообщению Малалы, Теодорих бежал из столицы, опасаясь участи Армата, и направился сначала в Селимврию. Там он поднял восстание и захватил всю Фракию. После продолжительной и безуспешной осады Константинополя он пошел на Рим, находившийся во власти Одоакра. Овладев Римом, примирился с Зеноном и наладил с ним добрые отношения. — От Малалы заимствовал свои сведения об этих событиях Иоанн Никиусский (Chonique de Jean, Evegue de Nikiou. P. 480-481).

[1202] *Iohan. Antioch,* c. 98.

[1203] *Anon. Vales.* 11, 49. Cui (Zenoni) Theodoricus pactuatus est, ut si victus fuisse Odoachar, pro merito laborum suorum loco eius, dum adviveret, tantum praeregnaret.

[1204] Было бы весьма интересно знать цифру готов во время этого исхода, но источники не дают точных указаний. Шмидт (Gesch. d. d. Stamme. 1, 2, c. 152), определяет число воинов в 20 тысяч, а всю массу в 100 тысяч человек.

[1205] О чудесах храбрости Теодориха свидетельствует епископ Эннодий в своем Панегирике. *Ennod.* Paneg. c. 7, 31-33.

28 августа 489 года произошла битва, в которой победа досталась готам. Через месяц другая битва, под стенами Вероны, окончилась также неудачи для Одоакра. Одоакр укрылся в Равенну, а Теодорих без боя вступил в Медиолан. Города верхней Италии, а потом средней и южной, прислали к нему посольства и признали своим повелителем. Туфа, занимавший пост магистра армии при Одоакре, перешел на его сторону и дал клятву верности. Но вскоре он изменил и опять перешел к Одоакру. В 490 году 11 августа произошла битва на берегах Адды, стоившая страшных потерь Теодориху, но он остался победителем. Римский сенат вступил с ним в сношения, и глава сената, Фауст, отправился послом в Константинополь, чтобы урегулировать новое положение дел. Осада неприступной Равенны, где сидел Одоакр, затянула войну до начала 493 года. 25 февраля, при посредстве равеннского епископа Иоанна, заключен был мир, по которому Одоакр и Теодорих должны были совместно править Италией. Через десять дней после клятвенного договора Теодорих покончил с Одоакром предательским убийством[1206] и стал единоличным правителем страны. Жену Одоакра он заморил голодом в темнице, сына сослал в Галлию, а потом казнил; много германцев, сохранявших верность Одоакру, было перебито в разных городах Италии.

Выход Теодориха из пределов Балканского полуострова значительно облегчил положение дел в Восточной империи. С Теодорихом вышла только часть остготов. Остались где-то на Янтре и малые готы Ульфилы, переселившиеся еще в половине IV века, остались во многих местах обжившиеся группы этого племени, не чувствовавшего никогда такого тесного племенного единства и значения рода Амалов, как то выставляет в своих писаниях Иордан. Положение свободных «федератов» успело стать привлекательным для многих групп этого племени, и военная сила империи еще долго опиралась главным образом на готов с их воинственным духом и страстью к бранным подвигам. Они верно хранили свое арианское исповедание, и православный двор и правительство допускали в отношении к ним исключения и льготы из общего нетерпимого тона законодательства о религии в те времена. Допускал это позднее и Юстиниан.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

За время правления Зенона богословская мысль на Востоке была упорно сосредоточена на том вопросе, который был так определенно и до известной степени просто разрешен на Халкидонском соборе.

Непререкаемый в ту пору авторитет римского патриарха, преемника апостола Петра, того камня, на котором Иисус Христос обещал основать Свою Церковь так, что она не подвижется вовек, — сделал свое дело, и после настойчивой защиты Феодосием деяний Диоскора государственная власть в лице Маркиана и Пульхерии поддержала папу Льва. Его послание легло в основу вероопределения, касавшегося тайны слияния Бога с человеком. Восток не мирился с этим простым и смиренным решением великой тайны и самая формулировка, принятая отцами Халкидонского собора, допускала возможность разных толкований, которые имели за себя богословский авторитет, одно — Кирилла Александрийского, другое — Феодорита Кирского, третье — папы Льва. Запрет Маркиана продолжать публичные прения на эту тему не действовал, и борьба против уз, наложенных Халкидонским собором, получила страстный и нетерпимый характер и начала связываться с вопросом национальным. В Египте и на армянском Востоке господствующим вероучением было монофизитство, в Сирии оно было весьма распространено, но не имело еще преобладания. Население Александрии томилось без своего пастыря, Тимофея Элура. И хотя среди клира было много и таких лиц, которые, в уважение к авторитету папы, перенесли дело на его суд, но весь народ стоял за Тимофея Элура, как засвидетельствовал это в своем окружном послании император Лев. В краткое правление Василиска вожделенный архипастырь Александрийской церкви воротился на свою кафедру. Зенон после своего возвращения на царство не решился применить силу в отношении Тимофея Элура, который был уже глубоким старцем, и дал ему окончить жизнь на кафедре.[1207] По его смерти, александрийский клир избрал в патриархи диакона Петра, по прозвищу Монг (косноязычный), который был близким сотрудником почившего патриарха. Император пригрозил виновникам этого избрания смертной казнью и предписал, чтобы Тимофей Салофакиол, проживавший в Канопе, занял александрийский престол. Возвращение его на кафедру вызвало большой бунт и кровопролитие.[1208] Кроткий по характеру Тимофей не принимал никаких мер строгости против не признававших его александрийцев, и на улицах раздавались крики: «Хоть мы не общаемся с тобой, но мы тебя любим».[1209]

Энергичный и пользовавшийся широкой популярностью в Александрии Петр Монг укрылся от преследования и, оставаясь в Александрии, являлся самым опасным агитатором, подрывавшим положение патриарха Тимофея Салофакиола, силой водворенного на кафедре св. Марка. Желая предупредить возможность, что он окажется его преемником, Тимофей обращался римскому папе Симплицию с просьбой воздействовать на

[1206] Убийству был придан характер кровавой мести. Оно случилось на десятый день после договора. Хотя убийц было много, но Теодорих и сам нанес удар Одоакру, который успел только сказать: «Где Бог?» Теодорих ответил: «Вот тебе за то, что и ты сделал моим», и так как меч не коснулся кости, то прибавил: «И кости-то не было в этом негодяе». Труп Одоакра был предан земле на иудейском кладбище. *Iohan. Antioch,* с. 99.

[1207] *Evagr.* 34, 11.— Тимофей Элур умер 31 июля 477 года. См.: *Gutsch.rn.id A.* Die Pa riarchen von Alexandrien (Kleine Schriften. II 453).

[1208] Низложение Петра произошло 4 сентября 477 года. *Gutschmid A.* Ib.

[1209] *Liberati* Breviar. с. 16.

императора, чтобы тот отправил его в ссылку, и папа в своих письмах императору и патриарху Акакию настаивал на этом.[1210] Обе церковные партии, на которые разделилась Александрийская церковь, старались склонить двор на свою сторону, и в Константинополь отправлялись депутации с целью воздействовать в желательном смысле. В составе посольства от патриарха был его родственник, епископ Гермополя, Геннадий и эконом церкви Иоанна Предтечи Иоанн Талайя. Посольство имело целью обеспечить избрание на кафедру после смерти Тимофея, который был уже в преклонных годах, человека его партии. Властное положение, которое занимал тогда Илл при дворе Зенона, побудило Талайю искать его покровительства. Илл уже замышлял в ту пору переворот, который позднее осуществил в Антиохии, и вступил в частное соглашение с Иоанном, который принял на себя роль посредника в тайных соглашениях с августалом Египта Феоктистом. В личных сношениях с императором по вопросу о преемнике Тимофея Иоанн, по соглашению с Иллом, отказался от своей кандидатуры на будущую вакансию и дал в том присягу пред императором, патриархом и членами сената. Геннадий остался в Константинополе в звании апокрисиария при дворе, а Иоанн вернулся в Александрию и поддерживал затем сношения с Иллом, выказывая пренебрежение патриарху Акакию и епископу Геннадию. В июне 482 года патриарх Тимофей скончался. Рассчитывая на поддержку Илла, Иоанн при помощи Феоктиста устроил свое избрание на патриарший престол.

Посол Иоанна, отправленный с синодальной грамотой в Константинополь, имел поручение действовать по указанию Илла. Не застав его в столице, он отправился в Антиохию, не доставив синодального послания патриарху Акакию.[1211] Глубокое взаимное недоверие, которое существовало между Зеноном и Иллом в ту пору, делало Иоанна Талайю подозрительным в глазах императора, и данная им клятва об отказе от своей кандидатуры давала формальный повод не признать законным его избрание на александрийский престол. Патриарх Акакий, по-видимому при участии Геннадия, вел сношения с Петром Монгом и выставил императору его кандидатуру, как желательную ввиду его популярности в Александрии, в смысле восстановления мира и единодушия в Александрийской церкви. Чтобы облегчить Петру его задачу, Акакий пошел на уступки, и хотя доселе он твердо стоял за Халкидонский собор, но теперь выработал текст императорского указа о вере, объявлением которого Петр, как он надеялся, мог объединить вокруг себя все Церковные партии в Александрии. Так как августал Феоктист провел избрание Иоанна и находился в сношениях с Иллом, то он был отставлен. Его преемником был назначен Пергамий, которому и был вручен составленный Акакием указ Зенона к Церквам Египта, Ливии и Пентаполя. На него возложено было поручение низложить Иоанна Талайю, как нарушившего клятву и возвести на кафедру Петра Монга при условии принятия им составленного Акакием указа Зенона о вере. Пергамий исполнил свое дело. Петр принял императорский указ, объявил и разъяснил его в Александрии и при большом одушевлении населения занял кафедру св. Марка. Указ Зенона, получивший название Энотикона, был составлен в очень осторожных выражениях и имел целью восстановить церковное общение Египетской Церкви с Константинопольской и прекратить ожесточенную борьбу партий в Египте.

«Признавая началом, основанием и непреоборимым оружием нашего царства веру, которая в истине и правде утверждена наитием Бога 318 святыми отцами Собора, состоявшегося в Никее, и подтверждена святыми отцами в числе 150 на Соборе в Константинополе, мы днем и ночью, речью и законами ревностно преследуем одну цель, чтобы повсюду Апостольская и Кафолическая церковь, мать нашего царства, множилась в мире и согласии».[1212] Отметив затем те бедствия, нередко сопровождавшиеся кровопролитием, которые омрачили нарушение единства вероучения, и церковные несогласия, Зенон заявлял, что Никейский символ признали также отцы Собора в Эфесе, которые осудили Нестория. «Мы анафематствуем Нестория вместе с Евтихием, принимая также 12 глав, которые составлены боголюбезной памяти Кириллом, епископом Кафолической Александрийской церкви. Мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, единосущный с Отцом по божеству и единосущный нам по человечеству, снисшедший и воплотившийся от Марии Девы Богородицы, есть один, а не два. Единому мы приписываем чудеса и страдания, которые он добровольно претерпел плотью, а разделяющих, или сливающих, или вводящих призрачность воплощения не приемлем, ибо безгрешное по истине воплощение от Богородицы не произвело в Сыне прибавления. Осталась Троица и после воплощения одного из Троицы, Бога-Слова... Всякого же, кто иначе мудрствовал или мудрствует, теперь или когда бы то ни было, в Халкидоне или на каком ином Соборе, анафематствуем, а особенно Нестория и Евтихия и единомышленных с ними».

В тексте Энотикона было, таким образом, с полной определенность осуждено учение Нестория и Евтихия, возглашен в значении единого истинного символа — Никейский с дополнениями, принятыми на Соборе 381 года в Константинополе; а кроме того, в нем намеренно устранены выражения «две природы» и «одна природа», признаны правильными анафематствования Кирилла Александрийского и обойден Халкидонский собор, который так упорно отвергали Восточные Церкви.

Энотикон должен был, по мысли своих составителей, явиться вестником умиротворения для Восточных Церквей и содействовать упрочению того политического единства, которое представляла тогда Восточная

[1210] *Simplic.* Epp. 11 (к Зенону), 12 (к Акакию).

[1211] Эту подробность сообщает *Либерат* (Brev. с. 17).

[1212] Текст Энотикона, с незначительными вариантами, сохранился у следующих писателей: *Zacharias* (по-сирийски), с. 75-77, нем. перев.; *Liberati.* Breviar. (по-латыни), с. 17 (P. L. 68, 1022); *Evagr.* (по-гречески) 3, 14.

империя, являвшаяся слишком слабой по своим силам, чтобы претендовать на старое наследие западного римского императора, раздробленное на германские царства. Но римский Запад в лице папы не замедлил оказать воздействие во враждебном смысле.

Папа Симплиций немедленно заявил протест против низложения Иоанна Талайи и водворения на кафедре св. Марка еретика, каким признавал раньше Петра Монга патриарх Акакий в переписке с папой, когда нуждался в его поддержке в борьбе за православие против еретика-императора.[1213]

Низложенный Иоанн явился в Рим и принес папе лично жалобу на действия Акакия. Папа вскоре заболел и в начале 483 года скончался (10 марта). Его преемником был Феликс III. Рассмотрев дело Иоанна на поместном Соборе в Риме, папа решил потребовать Акакия на свой суд и снарядил посольство в Константинополь, исправление которого поручил епископам Мизену и Виталию.

Пока в Риме подготовлялся протест, на защиту Халкидонского собора выступили в Константинополе монахи. Во главе движения стали акимиты со своим архимандритом Кириллом. Он послал от себя извещение папе о том, что происходило в столице, и папа отправил вдогонку уже уехавшим послам приказание вступить в соглашение с акимитами и пользоваться их поддержкой в своих действиях. Но правительство приняло свои меры: послы папы были арестованы в Абидосе, от них были отняты письма папы к императору и Акакию, и они сами попали в заточение. Щедрыми обещаниями Акакию удалось склонить их на свою сторону. Они совершили с ним литургию, вместе причащались Св. Тайн, и в их присутствии имя Петра Монга возглашалось в диптихах. Кирилл отправил от себя к папе послом монаха Симеона, который изобличил папских легатов в том, что они не вошли предварительно в сношения с акимитами, как приказывал папа, и обвинял Акакия в ереси. Папа на соборе в Риме в 484 году обсудил все дело, наказал своих легатов низложением и предал анафеме Акакия. Посланец папы сумел укрыться от осмотра в Абидосе, где была центральная таможня, и прибыл в монастырь Дия в Константинополе. В ближайшее воскресенье монахи этого монастыря вручили патриарху во время службы в церкви отлучительную грамоту папы. Они были казнены, и много других монахов было подвергнуто тюремному заключению.[1214] Акакий вычеркнул из церковных диптихов имя папы, и так возник первый раскол между Западной и Восточной Церковью,[1215] длившийся то усиливаясь, то ослабевая, до первого года правления Юстина (518 год). Около того времени, когда предоставление Александрийской кафедры Петру Монгу послужило поводом к расколу Востока с Западом, Энотикон был принят в Антиохии. За все время правления Зенона антиохийская церковь переживала тяжкие тревоги. Еще в пору начала своего возвышения Зенон содействовал избранию Петра Кнафея на патриарший престол. Но имп. Лев и патриарх Геннадий расстроили это дело. Петр был низложен и заточен в монастыре акимитов. Переход Василиска в лагерь врагов Халкидонского собора открыл для Петра возможность осуществить свои права на Антиохийскую кафедру, и он занял ее с разрешения Василиска. Когда Зенон вернулся на царство, Петр Кнафей был низложен, как примкнувший к восстанию, и присужден к ссылке на край римской державы, в Питиунт. Кара была смягчена, и Петр проживал в течение нескольких лет в городе Евхастах в провинции Еленопонт. По избранию Собора местных епископов кафедра была предоставлена Иоанну Кодонату. Будучи посвящен Петром в епископы для города Апамеи, он не был принят населением и проживал в Антиохии. Патриарх Акакий, только что отстоявший православие от еретика-императора, не считал возможным предоставить Антиохийскую кафедру сторонникy Петра Кнафея, и через три месяца Иоанн был низложен. На освободившуюся кафедру был избран местным Собором Стефан. Враждебная ему партия возбудила против него обвинение в приверженности к учению Нестория и довела свою жалобу до императора. В Лаодикее собрался собор, который оправдал патриарха. Но не прошло и года после его избрания, как он был зверски убит членами своего клира во время выхода в одну загородную церковь. Толпа овладела его трупом и бросила его в Оронт.[1216]

Когда вести об этой жестокой смерти дошли до столицы, император отправил в Антиохию специального комиссара для производства следствия, и Антиохийская церковь была лишена права поставить себе нового епископа из своей среды. Патриарх Акакий, поддерживавший непрерывные сношения с римским престолом,

---

[1213] В сборнике писем Симплиция сохранились письма Акакия от 479 года. P. L. 52, p. 46-47. Письмо папы к Акакию от 15 июля 482 года является 17-м в сборнике.

[1214] *Theoph.* 132, 27-33; *Nic. Call.* 16, 17.

[1215] История начала первого раскола между Восточной и Западной церковью подробно изложена в специальной статье: *Revillout.* Le premier schisme de Constantinople / Rev. des Questions Historiques. XXII, 1877. P. 83-134. Автор стоит на папской точке зрения, во всем одобряет Симплиция и винит Акакия, который будто бы обнаружил только честолюбие и лживость. Но автор совершенно не касается политических условий того времени на Востоке и, по-видимому, не знает, как попытка Илла поднять Восток против Зенона связалась с борьбой между приверженцами и врагами Халкидонского собора. Исследование Revillout интересно и важно в том отношении, что он привлек новый материал, коптские документы, которые, однако, вряд ли все подлинны. Среди них есть и Энотикон на коптском языке, в сокращенной редакции. В этом первом расколе с полной силой сказалось то глубокое различие между Восточной и Западной церковью, которое кратко формулировал протестантский ученый Луфс в таких словах: das Dogma war im Abendlande stets mehr Glaubensgesetz ad Glaubensphilosophie gewesen (Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte. Halle. 1906. P. 335). («Христианская догма была на Востоке более законом веры, чем философией веры» *(пер. А. Г. Грушевого)].*

[1216] *Theod. Lect.* 1, 20-22, *Malala.* 381; *Evagr.* 5, 10.

известил папу Симплиция об этом решении, и папа в письме от 23 июня 479 года одобрил его.[1217] Свой выбор Акакий остановил на Иоанне Каландионе, который твердо стоял за Халкидонский собор и пользовался покровительством всевластного в ту пору Илла. Антиохийский клир в осуществление своего права избирать епископа на патриаршую кафедру сделал попытку выдвинуть опять Иоанна Кодоната; но Каландиону удалось, при поддержке Илла, устранить претендента и занять кафедру, на которую он был посвящен. В его патриаршество начал свою деятельность прославившийся впоследствии поборник монофизитства, сироперс по происхождению, Аксинайя, принявший греческое имя Филоксена. Талантливый проповедник и блестящий писатель, он являлся опасным возмутителем церковного мира и был изгнан Каландионом из Антиохии.[1218] Когда затеянный Иллом государственный переворот окончился полной неудачей, Каландион, как повинный в измене императору, был низложен, причем одним из его обличителей явился Филоксен. Проживавший в изгнании Петр Кнафей пользовался большой популярностью в Антиохии, и Зенон, по настоянию многочисленных его приверженцев, дал Петру разрешение занять кафедру, с которой он был дважды смещен в прежнее время. Первым делом Петра Кнафея было принятие Энотикона. Предоставление кафедры тому, кто дважды с ведома папы был смещаем с нее как еретик, явилось новой обидой римскому престолу, и папа в непрекращавшихся дипломатических сношениях с императором требовал его низложения и восстановления в правах Иоанна Каландиона. Зенон объяснял политические мотивы низложения Каланднона и отстаивал Петра Кнафея.

Надежды императора и патриарха на то, что Энотикон даст возможность умиротворить Египетскую церковь и прекратить агитацию против Халкидонского собора, не оправдались. Петр Монг дал императору и патриарху клятвенное обещание не анафематствовать Халкидонский собор; но он не мог сдержать своей клятвы. В среде александрийского клира была большая партия непримиримых. Во главе ее стояли пресвитеры Юлиан и Иоанн и софист Павел, член посольства, ходатайствовавшего некогда за Тимофея Элура. Подчиняясь их требованию, Петр Монг вынужден был нарушить свое обещание и открыто анафематствовал Халкидонский собор. Каландион, занимавший тогда Антиохийскую кафедру, не вступил в церковное общение с Петром и обличал его пред Акакием. В письме к Акакию Петр отрицал этот факт и объяснял его сплетнями, которые распускают о нем фанатичные монахи. Евагрий сохранил это письмо.[1219] Но та уступка, на которую пошел Петр, не возымела действия, и непримиримые ставили ему в вину, что он имеет церковное общение с Акакием, который признает Халкидонский собор. Петр вынужден был действовать силой против упорствующих и изгнал их из монастырей. Пострадавшие отправили к императору жалобу на насилие, и Зенон послал в Александрию одного из своих оруженосцев, Косьму, возложив на него поручение примирить патриарха с мятежным монашеством. В присутствии Косьмы состоялось объяснение патриарха с депутацией от монахов, которое, однако, не достигло своей цели. Возбуждение населения города против монашества было так сильно, что можно было опасаться кровавых столкновений. По докладу Косьмы о положении дел в Александрии император назначил нового префекта-августала по имени Арсений, соединив в его лице гражданские и военные полномочия. Старания Арсения водворить согласие между патриархом и не признававшей его партией не имели успеха. Хотя Петр уже открыто анафематствовал Халкидонский собор, но его противники этим не довольствовались. С разрешения префекта была отправлена депутация к императору. Она заявила требование анафематствоватьХалкидонский собор и «томос» папы Льва.[1220] Это требование не было принято, и отколовшиеся от своего патриарха египетские монофизиты получили кличку акефалов (безголовых), которая с этих пор осталась жить как обозначение крайних монофизитов.

Смерть Петра Кнафея, последовавшая в 488 году, Акакия и Петра Монга — в 489, и имп. Зенона — в 491 — не изменили общего положения церковных дел. Кратковременный преемник Акакия, Фравита, имел переписку с папой и отстаивал Энотикон. Его преемник, Евфимий, был сторонником Халкидонского собора и внес имя папы в диптихи своей церкви; но этого было недостаточно для римской курии, которая выставила устами папы Феликса требование осудить память Акакия и исключить его имя из церковных диптихов.[1221]

Ни патриарх Акакий, ни император во всем этом споре не желали выступать противниками Халкидонского собора и не склонялись на сторону монофизитства, но римский папа не признавал православия без Халкидонского собора. Допустив послабление в отношении Восточных церквей изданием Энотикона, чтобы не пребывать в расколе с большинством христиан Египта и Сирии, Константинопольский патриарх относился неукоснительно строго к несторианству. Об этом свидетельствует одно событие, имевшее отношение к истории тогдашнего просвещения. — На крайнем востоке империи, в городе Эдессе, бывшей некогда резиденции династии Абгаров, откуда пошел нерукотворный образ Христа, а тогда главном городе провинции Осроены в Месопотамии, была богословская школа, получившая известность высоким образованием своих профессоров. Она возникла в ту пору, когда после несчастного похода Юлиана в Персию его преемник Иовиан сдал персам несколько областей и пограничную крепость Нисибин. Многие жители Нисибина не пожелали остаться под

[1217] *Simplicii* Epp. 14.

[1218] О его литературной деятельности см.: *Райт, Коковцов.* Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902. С. 51.

[1219] *Evagr*. 3, 17.

[1220] Подробное изложение этих событий см.: *Zacharias*. 6, 1-4, 80-91.

[1221] *Felicis* Epp. XII (P. L. 58, p. 69-71).

властью персов и переселились в ближайшие к границе города империи.[1222] Переселившийся тогда в Эдессу христианский поэт Ефрем основал там школу, которая получила большую известность. Близкие связи, которые установились между переселенцами и их соплеменниками, оставшимися под властью персов, имели своим последствием то, что эта школа стала центром христианского просвещения для персидских христиан и называлась персидской. Господствующим христианским исповеданием в Персии было несторианство, и так как оно возобладало в этой школе, то она и была закрыта.[1223] Изгнанные профессора переселились в Персию, и два из них, Нарсай и Барсаума, основали школу в Нисибине, которая скоро достигла большой известности.[1224]

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ В АФРИКЕ. ВРАЖДА ХРИСТИАН И ИУДЕЕВ НА ВОСТОКЕ. СОБЫТИЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ. СМЕРТЬ ЗЕНОНА

Мирный договор с вандалами, заключенный в начале правления Гунериха, обеспечил империю от тех бедствий, которые причинял ей Гензерих своими морскими набегами. Воинский дух пал у вандалов; изнеживающим образом действовали на энергию народа как самая природа, так и те громадные богатства, которые достались вандалам от дележа земли, грабежа туземцев и морских предприятий Гензериха. Когда 60 лет после того Велизарий с небольшими силами в полгода разрушил их державу, роскошь вандалов и их изнеженность поражали византийцев. Религиозный фанатизм, который проявлял уже Гензерих, насильственно склоняя туземцев к переходу в арианство, усилился при Гунерихе, и в восьмой год его правления начались жестокие преследования. По указу Гунериха все церкви православных в пределах земли, составившей удел вандалов (sortes Vandalorum), были закрыты, имущество их конфисковано и запрещено отправление православного культа. Твердо стоявшие за православие епископы, члены клира и миряне в огромном множестве стеклись в Карфаген. Они были удалены оттуда силой, и одни сосланы в царские имения, где были обращены в колонов, другие отправлены в Корсику, где должны были работать на корабельных верфях.[1225] Во многих городах начались жестокие экзекуции, воспламенявшие энтузиазм мученичества. В Карфагене можно было видеть множество искалеченных людей, без рук, без ног, без глаз, с отрезанным носом, без языка, с недержавшейся на шее головой как последствие особого вида истязания.[1226] Население обращало свои взоры на императора. Многие исповедники и калеки бежали в Константинополь и находили приют во дворце; случались и чудеса: люди с отрезанным языком говорили совершенно ясно, и таких видел комит Марцеллин, занесший известие об этом в свою хронику под 484 годом.[1227] От императора прибыл в Карфаген посол просить Гунериха смягчить свой гнев; но он устроил зрелище истязания на той самой улице, по которой посол должен был направляться во дворец. В довершение бедствий туземцев Африку постигла в тот год страшная засуха. Люди питались всем, чем могли. Пошли болезни и началась большая смертность. Стекавшихся в Карфаген голодных людей безжалостно выгоняли на смерть. Африка ждала помощи от императора; но он был в ту пору озабочен лишь тем, чтобы удержаться на своем шатавшемся троне. То было время, когда начиналась война с Иллом.

В том самом 484 году, когда начались кровавые преследования православных в Африке, в Палестине произошло восстание самарян. Центром восстания был город Неаполь. Поблизости от него находилась гора Гаризим, имевшая священное значение для самарян, которые на ее вершине совершали поклонение Иегове. Восстание разразилось в день Пятидесятницы. Самаритяне напали на христиан в храме во время церковного служения, перебили много народа, пострадал и епископ Теребинфий, которому отрубили пальцы на руке. Организовавшись под начальством разбойника Юстасы, самаряне провозгласили его своим царем и увенчали диадемой. Овладев городом Кесарией, Юстаса произвел избиение христиан и сжег храм св. Прокопия. Как царь, он председательствовал на конских ристаниях на ипподроме и казнил одного возницу-христианина. Епископ Теребинфий бежал в Константинополь и лично доложил дело императору. Бунт был подавлен дуксом Палестины Асклепиадом и одним из чиновных лиц Кесарии, по имени Регис, который имел специальную функцию «преследователя разбойников» (λῃστοδιώκης)[1228] и располагал военными силами отряда, носившего имя аркадиан. Юстаса пал в бою, и его голова с диадемой была отослана в столицу. В наказание за бунт и разрушение церквей император приказал обратить самарянскую синагогу на горе Гаризим в церковь Богородицы и отстроить погибший в пламени храм св. Прокопия. В городе Неаполе был поставлен сильный гарнизон, и команда из 10 солдат охраняла храм на горе Гаризим. Зажиточный класс самарян был подвергнут конфискации

[1222] С живым чувством возмущенного патриота описал это событие Аммиан Марцеллин, 2, 271-273 (25, 9, 1-6). *Mar Barhadbsabba Arbaya.* La cause de fondation des Ecoles (Patr. Orient. II 381 сл.).

[1223] Дата сохранена в Chron. Edes. № 73 — 48 8/9. — О закрытии этой школы сохранил свидетельство Федор Чтец (2, 5 и 49).

[1224] *Duval.* La litterature syriaque. Paris, 1907. P. 332.

[1225] Указ Гунериха см.: *Victor Vitensis.* Historia persecutions Africanae provinciae. 3, 2, § 3-14; ссылки — 5, § 20. — *Mansi.* 7, 1141 — первый указ и 1153 — второй.

[1226] Ib. 3, 7, §31.

[1227] *Viet. Vit.* 5, 6; *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II93). Юстиниан — Codex 1, 37, 4 — подтверждает это свидетельство: Vidimus venerabiles viros, qui abscisis radicitus linguis poenas suas mirabiliter loquebantur.

[1228] Военно-полицейские отряды для борьбы с разбойниками в городах Востока назывались диогмитами, их командир — иринархом.

имущества, и все они на будущее время были лишены права военной службы.[1229]

В Сирии, где иудеи составляли весьма значительную часть населения, особенно в городах и больших центрах, как Антиохия, столица Востока, столкновения между христианами и иудеями случались нередко.[1230] В конце правления Зенона проявилось в Антиохии весьма резкое раздражение христианского местного населения против иудеев в связи с тем возбуждением, которое вносила в жизнь города борьба партий ипподрома. Однажды во время ристаний, на которых, как полагалось, присутствовал начальник области Талассий, прасины произвели беспорядки и дошли до такой дерзости, что бросали камнями в правителя. Раненный в голову Талассий успел скрыться; но так как он знал в лицо того, кто бросил камень, то приказал арестовать виновного и привести его в преторий. Началось следствие; но толпа была так возбуждена, что ворвалась в преторий и отбила подследственных. Талассий бежал из города. Вскоре на смену ему прибыл Кодрат, и волнение утихло. Через шесть месяцев прасины опять устроили побоище во время ристания. Было много убитых, и в городе начались пожары. Иудеи смотрели ристание с венетами, как отмечает наш источник. Комит Востока Феодор вступил в город с войсками и усмирил население.

Около того времени один отшельник, каких тогда было очень много, выбрал себе для затвора одну из городских башен. Он отделил себя от мира и сносился с людьми только через дверцу. Партия прасинов отнеслась с большим интересом к этому новому подвижнику, и многие посещали его. Поблизости оказалась синагога. Ее сожгли, а затем, отдаваясь чувству раздражения против иудеев, собрали на расположенном поблизости кладбище кости умерших иудеев и предали их пламени. После издевательства над умершими начался погром живых. Антиохийцы хотели перебить всех живших у них иудеев. Донесение об этих беспорядках было отправлено императору. Зенон сместил комита Востока Феодора за неумение подавить бунт; но позднее, когда ему стали известны все подробности этого погрома и то, что антиохийцы жгли кости погребенных, он выразил свое отношение такими словами: «К чему было жечь кости тех, кого следовало сжечь живыми».[1231] Дело так и затихло. Нельзя, конечно, верить Малале, что Зенон действительно так выразился, но для характеристики тогдашних настроений имеет значение то, что Малала так записал.

В смысле характеристики времени имеет интерес и следующее событие, память о котором сохранил Феодор Чтец.[1232] На острове Кипр под корнями дерева были найдены останки апостола Варнавы. На его груди лежало Евангелие от Матфея, написанное рукой самого Варнавы. Священная рукопись была препровождена в столицу и возложена в храме св. Стефана во дворце. Ввиду этого события кафедра кипрского епископа, зависевшая дотоле от Антиохийского патриарха, объявлена была автокефальной.

Писатели, касавшиеся личности Зенона, оставили неблагоприятные о нем отзывы. Прокопий Газский в панегирике Анастасию свидетельствует, что конфискации имущества богатых и процессы по ложным доносам составляли общую характеристику того времени.[1233] Малх, писавший также при Анастасии, характеризует Зенона как человека легкомысленного, не любившего крутых мер, мягкого по характеру и не зараженного страстью к стяжаниям. По его словам, люди, пользовавшиеся доверием Зенона, нередко злоупотребляли его мягкостью и легкомыслием. Среди таких особенно выделялся Себастиан, занимавший долгое время пост префекта претория.[1234] При нем опять восстановился старый грех администрации — продажа должностей, который в свое время искоренял Маркиан. Дело велось самым беззастенчивым образом, и цены были значительно повышены. Если прежде управление Египтом можно было купить за 50 фунтов золота, то при Зеноне оно стоило 500. Деньгами оплачивались всякие дела в претории.[1235] Когда впоследствии Анастасий вновь вступил в борьбу с этим бедствием, то современники, прославляя его за это, с негодованием вспоминали о том, что было при Зеноне.[1236] Современник Юстиниана, лидиец Иоанн,[1237] называет его человеком легкомысленным, трусливым, боявшимся войны до того, что он не мог даже выносить вида картин, воспроизводивших сцены битв.

[1229] *Procop.* Aed. 5, 7; *Malala. c.* 34. Имя отряда названо в старом тексте хроники, (с. 382). — Очевидно, полк был сформирован при Аркадии, как раньше были полки иовиев и геркулиев. — О храме на горе Гаризим и самарянах см. сообщение Эпифания, сохранившееся в латинском переводе — Collectio Avellana, ed. *Gunter,* № 244 (II 769-773).

[1230] Иоанн Златоуст в своих проповедях, которые он держал в Антиохии, оставил нам живое свидетельство того жестокого раздражения христиан против иудеев, которое сам разделял. Синагоги иудеев он приравнивал к вертепу разбойников, непотребному месту, вступать в которое позорно для христианина. Сохранился целый ряд его проповедей о иудеях (Твор. Иоан. Злат. Т. 1, ч. 2, 635-749). Когда в правление Феодосия антиохийцы по какому-то поводу разрушили и сожгли иудейские синагоги, император сделал распоряжение об их восстановлении. Но знаменитый Симеон Столпник так резко напал на него за это распоряжение, что Феодосий отказался от его выполнения и оставил дело безнаказанным. См.: *Evagr*. 1, 13.

[1231] *Malala.* С. 35 и *Chron.* 389.

[1232] *Theod. Lect.* 2, 2. Ср.: *Georgii Cyprii* Descr. orb. Rom. v. 1096 p. 56. *Gelzer*(где названо Евангелие от Марка).

[1233] *Proc. Gaz.* Paneg. c. 5.

[1234] С 477 по 485 год. — Cod. Just. 1, 2, 15; 1, 23, 7; 1, 29, 3.

[1235] *Malchi* frg. 9 и 11. О размере уплат в судах сохранился указ Зенона от 487 года. Cod. Just. 7, 41, 5.

[1236] *Procop. Gaz.* Paneg. 11, p. 503. — ὡς γὰρ οἱ ἐμπορίας τινὸς προεστηκότες, τὰς ἀρχὰς ὠνίους ἐποίουν καί ἦν ἰδεῖν ἐν ἀρχης σχήματι πιπρασκομένας τὰς πόλεις...

[1237] *Johan. Lyd.* De magistr. 3, 45.

По его словам, Зенон откупался от войны деньгами и производил много несправедливых конфискаций имуществ богатых людей, чтобы добыть денежные средства.

В последние годы своего правления Зенон надеялся, по-видимому, выдвинуть в преемники своего брата Лонгина, которого Илл продержал в течение десяти лет в Исаврии. В 485 году Лонгин прибыл в Константинополь, и Зенон назначил его магистром армии in praesenti и два раза предоставлял ему высокий сан консула, в 486 и 490 году. В последний год жизни Зенона Лонгин имел сан патриция и состоял первым членом сената. Заискивая расположение столичного населения, Лонгин сохранил в памяти истории свое имя тем, что дал каждой из четырех партий ипподрома пантомимов, приобретших уже раньше славу своим искусством. Так как они были рабами какого-то предпринимателя, то Лонгин приказал выкупить их и щедро их одарил.[1238] Пантомимы обладали особым искусством возбуждать страсти толпы, и столичное население очень любило этот вид забав. Но сам Лонгин, человек необразованный и преданный чувственным удовольствиям, не мог приобрести популярности у столичного населения, которое относилось весьма враждебно к исаврам.

Суеверный и веривший в предсказания Зенон, какими тогда были очень многие, прибег к помощи своего оруженосца Мавриана, владевшего искусством предсказывать будущее, чтобы выведать, кому суждено быть его преемником. Мавриан открыл ему, что это будет бывший силенциарий. Подозрение Зенона пало на Пелагия. В этом звании Пелагий был в 479 году и оказал существенную услугу Зенону в сношениях с Теодорихом Косым. Теперь он достиг уже звания патриция. То был человек весьма почтенный, пользовавшийся безупречной репутацией. Зенон арестовал его, а экскувиты, вероятно сочувствовавшие кандидатуре Лонгина как своего соплеменника, задушили его.[1239] Когда об этом узнал префект претория Аркадий, он резко упрекал Зенона за его злое дело. Зенон приказал убить Аркадия, когда тот явится во дворец. Аркадий узнал об этом и, когда получил приказание явиться во дворец, сошел по дороге с экипажа (καροῦχα), в каком обыкновенно ездили префекты по городу, под предлогом, что он желает помолиться в Софийском храме. Он скрылся оттуда, не будучи никем замечен, и таким образом остался жив. Имущество Аркадия было конфисковано. Казнен был также протосаикрит Патрикий.

Зенон скончался 9 апреля 491 года.[1240] Предсказание о силенциарии как о его преемнике было, вероятно, темным слухом, доходившим до него, так как оно сбылось и престол Зенона занял силенциарий Анастасий.

[1238] Малала сохранил их имена: прасины получили александрийца Автокиона, с прозвищем Карамалл, венеты — Рода, также александрийца, по прозвищу Хрисомалл; красные — Элладия из сирийского города Эмессы, белые — Кацамия из Кизика, по прозвищу Маргарит *(Malala.* 386) — Что значит эпитет ἔμμαλος, остается неясным. Отметим, что приятельница императрицы Феодоры носила имя Χρυσομαλλώ — *Procop.* h. a. 17, 34. Интересно отметить, что Элладий помянут в указе Теодориха *(Cassiod.* Var. 1, 32). Очевидно, он как странствующий артист показывал и в Риме свое искусство.

[1239] *Marcel. Com.* s. a. сообщает, что он был задушен в заточении на острове Панорме, по приказанию Зенона.

[1240] *Malala.* 390. Chron. Pash. 606. — О кончине Зенона ходили впоследствии странные и маловероятные слухи, будто он в пьяном виде был принят за мертвого и уложен в гроб. А когда истина выяснилась, Ариадна не захотела открыть гроба, и Зенон был заживо погребен. — *Zonara*. 14, 2, 32-35.

АНАСТАСИЙ

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО. ВОЙНА С ИСАВРАМИ. ВОЛНЕНИЯ В СТОЛИЦЕ

Восшествие Анастасия на престол совершилось 11 апреля 491 года, в пятницу на Страстной неделе. Сохраненная Константином Багрянородным современная запись представляет это событие в таких чертах.[1241]

Вечером в день смерти Зенона в портике пред большой обеденной залой дворца собрались высшие сановники, члены синклита и патриарх. Одновременно с тем на ипподроме собрался народ и занял обычные места, распределившись по партиям. Туда же явились войска и встали на своем месте. Из толпы раздались крики с требованием поставить нового императора на опустевший престол. По совету сановников императрица Ариадна сделала выход на кафизму ипподрома. Она была облечена в царскую порфиру и вышла в сопутствии обоих препозитов, магистра оффиций и других высших чинов, которым полагалось смотреть на ристания с царской кафизмы, и некоторых кубикуляриев. Вместе с царицей вышел также и патриарх Евфимий. Остальные чины двора стали лицом к императрице пред решеткой и на ступенях подъема к кафизме, где во время ристаний полагалось стоять скороходам. Гражданские чины (χαρτουλαρικοί) стояли направо, военные — налево, и все распределились по своим чиновным рангам. Появление августы было встречено возгласами: «Ариадна августа, твоя победа» (σὺ νικᾷς), пением «Господи, помилуй», многолетиями и криком: «Православного царя для вселенной!» Царица встала на ступени пред троном и через глашатая, читавшего по заранее приготовленному тексту, обратилась к собравшимся с речью, в которой объявила, что, предваряя просьбы народа, она заранее отдала приказание, чтобы сановники и синклит, в согласии с войском, избрали императором христианина, прирожденного римлянина, украшенного царской доблестью, свободного от корыстолюбия и других страстей, свойственных человеческой природе. Верноподданнические возгласы покрыли голос глашатая. Когда тишина опять водворилась, глашатай стал читать дальше о том, что в обеспечение безупречности избрания и угодности его Богу, высшие сановники и сенат должны, в согласии с суждением войска, произвести выбор в присутствии патриарха, пред святым Евангелием, и все участники совещания должны помышлять только о благе государства, отложив всякие личные помыслы и счеты. В заключение царица просила народ не торопить избрания, чтобы дать возможность совершиться в должном порядке и благочинии погребению почившего императора Зенона. Из толпы раздались возгласы: «Славная Пасха миру! Порядок и благочиние городу! Многие лета царице! Прогони вон вора префекта города! Многие лета царице! Храни, Боже ее жизнь! Все блага да будут тебе, римлянка, если ничто чужое не умножит род римлян![1242] Царство твое, Ариадна августа! Твоя победа!»

В ответ на эти приветствия императрица, вознеся благодарение Господу Богу за свое единение с народом, возвестила о назначении префектом города Юлиана. После благодарственных криков толпы царица повторила обещание избрать на царство человека православного и безупречного (ἀγνόν) и речь ее закончилась словами: «Да не будет места вражде, и да не смути она течение этого прекрасного единения и благочиния».

Выход был закончен. Царица вернулась во внутренние покои, а сановники и синклит с патриархом составили заседание, расположившись на скамьях пред Дельфаком, и стали обсуждать вопрос о кандидате на престол. Начались споры и препирательства. Тогда препозит Урбикий предложил собранию предоставить выбор императрице. По поручению собрания патриарх Евфимий передал Ариадне это решение собрания. Царица избрала силенциария Анастасия. Выбор был одобрен всеми сановниками, и немедленно вслед за тем магистр оффиций приказал комитам доместиков и протекторов отправиться на дом к Анастасию и привести его во дворец. Его поместил в зале консистория.

На следующий день совершилось погребение Зенона, а вечером того же дня были сделаны распоряжения о назначении на утро силенция и конвента сановников. Все собрались в парадных белых одеждах. Туда же явился патриарх Евфимий. Анастасий приветствовал входивших и затем, в сопутствии всех собравшихся, вышел в портик, примыкавший к большому триклинию. Анастасий стал посредине портика. Сановники и члены сената предложили ему дать клятву, что он не сохранит ни против кого раздражения и злобы и будет править по чистой совести. Анастасий дал требуемую клятву. Шествие направилось из портика в триклиний, где

[1241] *Constant. Porphyrog.* De cerim. 417-425.

[1242] Смысл этой фразы, которую передаю дословно, по-видимому, такой: прогони исавров!

обыкновенно сановники приветствуют императора при его выходе на ристания. Анастасий был облечен в императорские одежды: белый с золотыми клавами дивитисий, поножи, τουβία, и пурпурные башмаки, и с открытой головой прошел на кафизму.

Войска, стоявшие на своем месте под кафизмой, держали опущенными на землю копья и знамена. Народ стоял на скамьях, с которых обыкновенно смотрел на ристания. Из толпы раздавались возгласы в честь императора. Анастасий встал на щит. Кампидуктор полка ланциариев возложил на его голову свою золотую цепь, сняв ее с шеи. Щит был поднят кверху. Одновременно с тем поднялись копья и знамена при громких кликах солдат и народа. Сойдя со щита, Анастасий прошел назад в триклиний. Здесь патриарх совершил молитву, облек императора в порфиру и возложил на него украшенную драгоценными камнями царскую корону. После того Анастасий появился опять на кафизме, уже в короне и порфире. Народ и войска приветствовали его восторженными кликами, а император посылал рукой поцелуи народу. Затем ему подали «ливеллярий» с текстом обращения к народу, и он передал его глашатаю, который стал читать во всеуслышание следующее: «Ясно, что человеческая власть зависит от мановения свыше. Всемилостивейшая августа Ариадна по собственному решению, выбор блистательных сановников и сената, согласие победоносных войск и "святого" народа принудили меня, против воли и вопреки отказам, принять на себя заботу о римском царстве, вручая себя милосердию Святой Троицы. Какое бремя за общее благо легло на меня, это я знаю. Молю Вседержителя Бога, чтобы мне оказаться в моей деятельности таким, каким в вашем единодушном избрании надеялись вы меня видеть. Ради торжества моего счастливого воцарения я дам вам на человека по пяти номизм и по фунту серебра. Да будет с вами Бог». Эта речь была неоднократно прерываема восторженными возгласами толпы в честь императора и императрицы. Среди многолетий раздавались крики: «Как ты жил, так и царствуй! Безупречных правителей миру! Подними свое войско! Сжалься над своими рабами! Изгони доносчиков! Царствуй, как Маркиан!» По окончании выхода император в сопутствии всех сановников направился в Софийский храм. В нарфике он снял корону и передал ее препозиту; взойдя затем в алтарь, возложил ее на престол и поднес дары на храм. Вернувшись в мутаторий, он надел на себя корону и направился во дворец. Церемония закончилась отпусканием сановников, а затем был обед, на который были приглашены избранные.

Так совершилось, по официальной записи, поставление на царство Анастасия. Сравнивая этот церемониал с тем, какой был применен в 457 году относительно Льва, нельзя не отметить некоторых существенных отступлений от прежних обычаев. Так, военный характер этого события ослаблен тем, что церемония происходит не на Военном поле пред всей армией, а на ипподроме, месте общения царя с народом; войска делят, таким образом, участие в этом событии с населением столицы, и сама церемония получает более гражданский характер. Старый обычай возложения шейной цепи на голову императора кампидуктором остается в силе, к нему присоединяется другой — поднятие на щите, которое не было применено в 457 году. Определеннее, чем прежде, выступает участие патриарха в этом событии: принятого войском через возложение цепи и уже провозглашенного избранника он облекает в порфиру и возлагает на его голову царский венец.

В церемониале 491 года новым моментом является также присяга, которую приносит намеченный избранием, но еще не провозглашенный император пред сановниками двора и членами синклита в том, что, облекаясь новой властью, он предает забвению все старые личные отношения, которые должны с этого момента потерять всякое значение. В описании, сохраненном у Константина, не помянуто о присяге императору сановников и синклита; но это умолчание вряд ли может быть истолковано в том смысле, что этой присяги не было. Она имела исконную давность со времен Августа и Тиберия и, по всей вероятности, была принесена в этот торжественный день.

В приведенной официальной записи о восшествии на престол Анастасия этот важный акт государственной жизни проходит при полном единодушии всех участников. На деле это было несколько иначе. Анастасий явился тем лицом, на котором сошлась местная аристократия, сознававшая в себе римлян и томившаяся под господством исавров, к которым питало живую ненависть столичное население. Если дело сладилось так быстро и с видимым единодушием, то, очевидно, оно было подготовлено заранее и имя Анастасия как преемника Зенона было намечено задолго до события. Недаром Зенон знал о том, что его преемником будет силенциарий, и старался убить такового, вопреки велению судьбы. В ту пору Анастасию было уже 60 лет. Он был высокого роста, с проседью на голове, очень красивым лицом и имел одну оригинальную особенность: глаза его были разного цвета, один голубой, другой черный. Греки называли таких людей словом δίκορος. Анастасий имел репутацию безупречной частной жизни и такой же общественной деятельности, и возглас, раздававшийся из толпы: «Как ты жил, так и царствуй», а равно и другой — об освобождении римлян от чужеземцев, имели особое значение. Очевидно, настроение народа было заранее подготовлено в известном смысле.

В заявлении Ариадны, помимо упоминания о том, что новый император должен быть римлянином по происхождению, было отмечено также и другое условие — его православие. Борьба, возгоревшаяся после издания Энотикона, продолжалась, и византийский двор прилагал большие усилия к восстановлению мира и единодушия в Церкви. Избранный в 489 году на патриарший престол после смерти Фравиты Евфимий не принял Энотикона и искал соглашения с римским папой. Сношения шли, но дело еще не выяснилось, так как папа решительно стоял на требовании, заявленном его предшественником Феликсом, изрекшим анафему над Акакием. Евфимий не терял надежды восстановить мир с Римом и положить конец расколу. При таких условиях

вопрос о православии преемника Зенона имел огромное значение. Анастасий был человек глубоко религиозный, богословски образованный и близко принимал к сердцу вопросы, волновавшие в ту пору восточный христианский мир. Крайние православные относились к нему с недоверием. Ходили слухи о том, что дядя его по матери был арианин, а его мать обвиняли даже в манихействе.[1243] В последние годы жизни Зенона Анастасий принимал непосредственное участие живым словом в религиозных спорах в среде столичного населения. Он устроил себе кафедру в Софийском соборе и проповедовал с нее на спорные тогда темы. Патриарх заподозрил его в склонности к евтихианству, приказал убрать его кафедру, жаловался на него Зенону и грозил Анастасию, что острижет ему волосы и выдаст народу.[1244]

Сомнения патриарха в правоверии Анастасия имели свои основания. В конце правления Зенона стала вакантной Антиохийская кафедра, и в числе трех кандидатов на нее был выставлен Анастасий. Об этом впоследствии с уважением и похвалой поминал Прокопий из Газы, державший публично похвальную речь в честь императора.[1245] Когда императрица и синклит остановили свои мысли на Анастасии как достойном преемнике Зенона, патриарх Евфимий заявил свой протест. Сторонники Анастасия настаивали на его кандидатуре, и патриарх уступил, но, как предварительное условие своего согласия на его избрание, выставил требование, чтобы Анастасий выдал собственноручно написанное исповедание веры с признанием Халкидонского собора. Императрица и синклит убедили Анастасия исполнить это требование патриарха.[1246] Таким образом, препятствие, оказавшееся на пути Анастасия к престолу, было устранено. Весьма вероятно, что возложение самим патриархом порфиры и царского венца на Анастасия было своего рода формальным свидетельством его согласия на этот выбор и имело целью положить конец зложелательным толкам, вызванным протестом патриарха, который не мог не огласиться в среде приверженцев православия.

Через сорок дней после восшествия на престол совершилось бракосочетание Анастасия с императрицей Ариадной. Он принял императорское имя Флавия, как раньше носил его Маркиан.[1247]

Вступление во власть Анастасия сопровождалось манифестом, по которому были сложены недоимки по взысканию податей за прежнее время и одновременно с тем был издан указ в ограничение тех бедствий, которые причиняли профессиональные доносчики, delatores, или συκοφάνται, как звали их по-гречески.[1248]

Избрание Анастасия на царство было делом национальной партии, желавшей низвергнуть иго исавров. Брат Зенона, Лонгин, которого он старался выдвинуть как своего преемника, занимал пост первого члена сената; другой Лонгин, из Кардал, был магистром оффиций; исавров было очень много в столице и Халкидоне. По-видимому, исавры затевали государственный переворот. На это намекает в своем панегирике Анастасию, сказанном в год двадцатилетия его правления, Присциан.[1249] Но своевременно были приняты меры, обеспечившие спокойствие столицы. Новый префект города Юлиан поспешил издать строгий приказ в предупреждение возможных беспорядков. Угрозы не подействовали, и на ристаниях в присутствии императора произошли большие буйства, так что пришлось пустить в дело войска. При подавлении беспорядков было много убитых, и возбужденные димоты отомстили поджогом ипподрома.[1250] Подавление беспорядков сопровождалось одной мерой общего характера. Пантомимы, которых дал каждой из четырех партий Лонгин, брат имп. Зенона, оказались, как можно предполагать, солидарны с исаврами, и Анастасий распорядился изгнать их из города.[1251] Префект Юлиан не выказал в подавлении беспорядков должной распорядительности, он был смещен, и Анастасий на его место назначил Секундина, мужа своей сестры Кесарии. Виновниками бесчинств были признаны исавры, и новый префект издал приказ, по которому всем без изъятия исаврам воспрещалось пребывание в столице, и они должны были немедленно покинуть город, сохраняя, однако, приобретенные чины и звания, а также и имущество. Брат Зенона был удален в Фиваиду и насильно посвящен в духовный сан в котором умер спустя семь лет. Свекровь императрицы, Лалия, жена Лонгина, сосланного в Фиваиду, Валерия, с дочерью Лонгиной и другие знатные дамы были удалены из дворца и проживали из милости в загородной вилле

[1243] *Theoct. Lect.* 2, 7.

[1244] *Theoph.* 134, 19-35.

[1245] *Procop. Gaz.* Paneg. c. 34.

[1246] *Theod. Lect.* 2, 6; *Evagr.* 3, 32. — Евагрий сообщает, что рукописание Анастасия получил на хранение Македоний, скевофилак храма св. Софии.

[1247] То было родовое имя Константина Великого.

[1248] *Iohan. Antiochen.* C. 100: τό τῆς δηλατορίας πάθος. — Указ этот в извлечении и без заголовка сохранился в *Юстин. Кодексе* — 10, 11, 7.

[1249] *Prise.* Paneg. 119-121.

Sic qui sperabant caplivas ducere matres,
Atque frui spoliis urbis sacrique Palati
Et reges iterum, infandum, se reddere nobis...
Так, те, кто надеялись пленницами увести матерей
И воспользоваться городом и Священным Палатием как военной добычей
И цари [их] снова, нет слов, сдались нам... *(пер. А. Г. Грушевого).*

[1250] *Marc. Com.* s. a. 491 (Chron. min. 94).

[1251] *Malala.* De ins. c. 36. По-видимому, сюда относится сообщение Иоанна Никиусского (Chron. de Jean de Nik. c. 89, p. 490).

Брохты, на азиатском берегу Босфора.[1252] Лонгин из Кардал, бывший магистр оффиций, бежал в Исаврию. Но раньше чем он успел прибыть на родину, вся страна была уже охвачена восстанием. Во главе движения стал Лингинин, назначенный при Зеноне правителем этой провинции.[1253]

В числе вождей восстания оказался также епископ города Апамеи, Конон, сын Фускиана, оставивший свою кафедру, чтобы стать воином. Под оружие встало до ста тысяч человек, так как исавры заставили присоединиться к себе отдельные военные отряды, а иные сами примкнули к восстанию в надежде поживиться от грабежа.[1254]

В конце правления Зенона, в связи с подавлением восстания Илла, Исаврия стала получать от казны ежегодную сумму денег, 1500 фунтов золота по одним сведениям и пять тысяч — по другим.[1255] Анастасий немедленно уничтожил эту привилегию и издал указ, по которому имущество исавров, проживавших в столице, откуда они были теперь удалены, подлежало немедленной конфискации и продаже с аукциона. Под действие этого закона было подведено и личное имущество покойного императора. Все было распродано, даже одежды Зенона. Иоанн Антиохийский сообщает, что одновременно с этим был отдан приказ срыть крепость Папирия, чего, по-видимому, нельзя было осуществить немедленно. Для войны с исаврами была сформирована армия, командирами которой были назначены два Иоанна. Иоанн, по прозвищу Скиф, магистр армии Востока, имел опыт войны в Исаврии, во время восстания Илла. Другой командир был Иоанн по прозвищу Кирт (горбатый), назначенный магистром армии in praesenti.[1256] Помощниками главнокомандующих (ипостратигами) были Юстин, будущий император, и гот Апсикал с отрядом соплеменников. Конные ополчения гуннов вели Сигизан и Зольбон.[1257] Главной силой имперских войск были старые регулярные полки, стоявшие в Силимврии.

В своем бранном воодушевлении исавры не ждали врага, и вышли из своей земли раньше, чем собралась имперская армия.[1258] Во Фригии на равнине близ города Коттиея произошла встреча враждебных сил в конце 492 года. Привычные сражаться в родных горах, исавры оказались слабее противников и потерпели жестокое поражение. В бегстве пал их вождь Лингинин. Ограбление убитых на войне было тогда обычным явлением, и после решительной победы начался грабеж. Если бы победители настойчиво продолжали преследование, то, по замечанию Иоанна Антиохийского, никому из исавров не удалось бы спастись в охватившей их панике. Близилась уже зима, и войска, дойдя до Тавра, встали на зимовку. С весною началась в Исаврии горная война, которая затянулась на шесть лет. Во второй год войны один из командиров, Диоген, осадил крепость Клавдиополь, лежавшую в долине между двумя хребтами Тавра. Попрятавшиеся в своих неприступных ущельях исавры спустились в большом числе на выручку крепости и поставили Диогена в очень трудное положение, отрезав ему все пути сообщения. Его выручил Иоанн Кирт, подоспевший вовремя, чтобы ударить на врага с тыла. Произошла упорная битва, окончившаяся победой имперских войск. Епископ Конон был смертельно ранен во время сражения и вскоре умер. [1259] То была вторая значительная победа римского оружия, ослабившая силу сопротивления. На третий год войны военные действия сосредоточились в южной Исаврии. Природа места и дикий характер населения представляли труднопреодолимые преграды для борьбы с врагом, и Лонгин Селинунтский, имевший свой центр в Антиохии Исаврийской, сумел организовать доставку провианта своим соплеменникам морем, с которым были хорошо знакомы исавры, имевшие давнюю репутацию умелых пиратов. Лонгин из Кардал и Афинодор руководили сопротивлением в этих местностях. Война шла с большим ожесточением, и дело покорения Исаврии подвигалось медленно. Только в 497 году Иоанну Скифу удалось захватить главных организаторов сопротивления. Лонгин и Афинодор были казнены, и головы их были отосланы в Константинополь. В столице торжественно отпраздновали победу над исаврами. Анастасий назначил ристания в честь победы. Головы казненных вождей восстания и присланные из Исаврии пленники радовали взоры толпы на ипподроме. Головы были потом выставлены на шестах в предместии Сиках, а пленные поселены во Фракии.[1260] Война, однако, не была еще окончена и продолжалась в диких горных ущельях Исаврии. Только в 498 году комит Приск взял в плен Лонгина Селинунтского. В цепях привезли его в Константинополь, показывали народу на ипподроме, затем казнили в Никее.[1261] Полководцы, сумевшие довести до конца эту трудную войну, были щедро вознаграждены за свои заслуги и удостоены консульства — Иоанн Скиф на 498 год, а Иоанн Кирт на 499-й.

Так удалось Анастасию справиться с первой задачей, которая выпала на его долю при самом вступлении на

[1252] *Johan. Antiochen.* с. 100. — Местность Βροχθοί или Βρόχοι, как ее называет Прокопий (De aed. 1, 8), — находилась напротив Сосфения. Имя это было искажением слова Πρόοχθοι.

[1253] Он был побочный брат Илла, но во время поднятого им бунта сражался против него, сохраняя верность Зенону.

[1254] Численность выступившего из Исаврии ополчения Иоанн Антиохийский определяет в 100 000 человек исавров «римлян», к ним присоединившимся.

[1255] Первое — Иоанн Антиохийский, второе — Евагрий из Евстафия Епифанийского. *Jord.* Rom. 354.

[1256] Указ на имя одного из них датирован 1 января 492 года. Cod. Just. 12, 35, 18.

[1257] *Johan. Antioh.* с. 100.

[1258] Для имперских войск Иоанн Антиохийский дает цифру две тысячи, но текст в этом месте неисправен.

[1259] Teoph. 138, 20-28.

[1260] *Marc. Com.* s. a. 496 (Chron. min. II 95).

[1261] По свидетельству Марцеллина, голова Афинодора была отослана в Тарс (Chron. min. И 95).

царство, — положить конец господству исавров в империи и превратить этот дикий народ в верноподданных римского императора. Сильно пострадавшая от шестилетней войны Исаврия потеряла свое привилегированное положение и в дальнейших судьбах империи никогда уже не имела того значения, какое ей выпало при Зеноне. Исавры были окончательно усмирены и в течение следующего столетия давали храбрых солдат на службу империи.

Жизнь столицы в первые годы правления Анастасия омрачалась кровавыми народными волнениями на почве соперничества партий ипподрома. Император не проявлял лично никакого интереса к играм, но по старой традиции не мог остаться вне деления на партии и считал своею партию красных, τὸ ῥούσιον μέρος.[1262] В разделении *четырех* партий на две соперничающие стороны красные примыкали к зеленым, прасинам, и, таким образом, эта партия считалась покровительствуемой и пользовалась, в ущерб противникам, своим привилегированным положением. Крупными волнениями ознаменовался 493 год. Виновниками беспорядков были на этот раз прасины. Когда префект города схватил нескольких буянов и посадил их под арест, то прасины во время ристаний стали требовать у императора освобождения арестованных. Анастасий приказал вывести экскувитов против толпы. Страсти разгорелись еще сильнее, толпа придвинулась к самой кафизме, и кто-то бросил камень в императора. Тот успел уклониться от удара, а экскувиты изрубили виновного в куски. В отместку прасины подожгли Халку, медные ворота ипподрома, и распространившийся пожар истребил всю арену до самой кафизмы, а также внешний портик до Эксаиппия и Форума Константина. Во время пожара упали со своих постаментов статуи императора и императрицы. Толпа овладела ими и, подвязав к ним канаты, с позором таскала их по улицам столицы. Во время подавления этих беспорядков было много убитых. Префект города был смещен, и этот пост занял Платон, патрон партии прасинов.[1263]

Какие причины вызвали столь резкое ожесточение против императора, это не поддается точному выяснению ввиду скудости сохранившихся свидетельств. Но весьма вероятным является предположение, что одним из мотивов раздражения народа было сокращение числа видов увеселений, и в частности запрет пантомимов. Папа Геласий в своем письме к Анастасию от начала 494 года поминает, что император «подавил народное волнение, pro rebus ludicris».[1264] Этот термин служил для обозначения забав, которые доставляли народу пантомимы. Помимо запрета пантомимов, Анастасий устранил из числа увеселений травлю диких зверей и распространил этот запрет на всю империю. В Эдессе указ об этом был объявлен в 499 году.[1265] Пантомимы с их танцами являлись неотъемлемым увеселением во время весеннего праздника, носившего имя τὰ Βρυτά, правившегося в первых числах мая, как римские Флоралии.[1266] И два раза этот праздник ознаменовался страшными беспорядками и большим кровопролитием. Первый раз — во время префектуры Константина Цурукки в 501 году. Во время театральных представлений в самый полдень прасины устроили засаду своим врагам венетам. Они нанесли камней в горшках, прикрытых овощами, запаслись оружием и встали под видом продавцов, в портике театра. Когда по сигналу префекта началось представление и присутствующие сосредоточили на нем свое внимание, вдруг полетели в зрителей камни, началась свалка, пошло в ход оружие. Всеобщее смятение и паника еще более ухудшили дело. Кровью обагрился весь театр, и в результате оказалось более трех тысяч убитых. В числе погибших был незаконный сын императора. Анастасий жестоко покарал виновных, многих казнил из обеих партий или отправил в ссылку.[1267] После подавления беспорядков 501 года Анастасий издал общий указ с воспрещением справлять весенний праздник в старой языческой форме и распространил этот запрет на все восточные провинции. Указ этот был объявлен в Эдессе в 502 году, и летописец, занося сведение об этом в свою хронику, относится к императору с большой похвалой за его старание очистить жизнь христиан от остатков старого язычества.[1268] В обоих панегириках, произнесенных пред императором в празднование 20-летия его правления, авторы их, грамматик Присциан и ученый ритор из Газы Прокопий, вменяют ему в большую заслугу искоренение борьбы человека с дикими зверями на потеху зрителей и запрещение развращающих народ языческих плясок.[1269]*

[1262] *Malala.* с. 393.

[1263] *Malala.* с. 38 (= Chron. 384 = Chron. Pasch. 608). В *Пасх. Хрон.* событие записано под 498 годом. В хронике Марцеллина (Chron. min. II 94) дата — 493 год. По-видимому, такая датировка вернее, так как этот бунт помянут в письме папы Геласия — *Gelas.* Epp. 8 (P. L. 59, p. 46). Папа Геласий занимал римский престол в 492-495 гг.

[1264] *Gelasii* ep. 6. (P. L. 59, p. 46 A).

[1265] *Ios. Styl*. с. 35.

[1266] Очевидно, это тот самый языческий праздник, который был повсеместно распространен на Востоке под именем Maiuma. При Аркадии он подвергся запрещению. Cod. Theod. 15, 6, 2 (399 г.). См. комментарий Готфреда (т. V. С. 325- 328).

[1267] *Malala.* с. 39; *Johan. Antioch,* с. 101. — В хронике Марцеллина (Chron. min. II 95) эти беспорядки описаны под 507 годом.

[1268] *Ios. Styl*. с. 47.

[1269] *Prise.* Paneg. v. 218-227; *Procop. Gaz.* с. 15-16.

* О характере плясок, которые воспретил Анастасий, весьма неодобрительно отозвался Прокопий Газский (Paneg. с. 16) в таких словах: «Мужчины, как бы обменивая свою природу на женскую, хотели быть по виду женщинами. Распущенными телодвижениями и мимикой (“заменяя слова движениями руки”), они приводили в неистовство весь народ сладострастным возбуждением. Распаляясь и доходя до ссор и неистовства, люди

Помимо столицы особенно ожесточенный характер борьба партий имела в Антиохии, причем прасины проявляли свою дерзость в отношении представителей верховной власти. Так, в первый год правления Анастасия вновь назначенный комит Востока, Каллиопий, был вынужден бежать из города вследствие открытого выступления против него прасинов. Вместо Каллиопия был назначен Константин из Тарса, которому были предоставлены чрезвычайные полномочия для водворения порядка в городе, и ему удалось обуздать своеволие прасинов.[1270] Помимо непосредственной причины народных волнений, соперничества партий, в Антиохии дело осложнялось тем, что иудеи представляли весьма значительную часть населения города, и взаимные отношения христиан и иудеев были издавна весьма враждебны. Разного рода взаимные обиды были явлением обычным, как и уличные свалки вследствие соперничества партий. Только более резкие нарушения порядка попали в заметки хронистов, и Малала сохранил подробное описание того, что случилось в 507 году. — В Антиохию явился известный возница Каллиопа из Константинополя. У прасинов в эту пору не было своего возницы, и комит Эдессы Василий помог им нанять этого опытного и искусного в своем деле мастера. Он одерживал победы и поднял настроение партии.

В роскошном предместии Антиохии, Дафне, справляли Олимпии — праздник, вызывавший большое стечение народа. Каллиопа со своими приверженцами поджег стоявшую там синагогу, толпа разграбила все, что там было, и перебила много иудеев. На развалинах был водружен крест, и принято решение превратить синагогу в храм св. Лаврентия. Узнав об этих бесчинствах, Анастасий послал в Антиохию в звании комита Востока антиохийца Прокопия, который попросил назначить никтепархом города, т. е. начальником ночной охраны, византийца Мину. Однажды, когда прасины произвел большие беспорядки, Мина арестовал нескольких буянов. Прасины сбежались в храм св. Иоанна за городом. Взяв с собою отряд готов, Мина отправился туда, чтобы разогнать толпу. Воины вошли в церковь, где искали убежища бунтари, и у самого алтаря Мина пронзил мечом некоего Елевферия, так что кровь убитого обрызгала алтарь. Труп был вынесен из церкви; туловище оставили на месте, а голову взял с собою Мина. Проходя через мост на Оронте, он бросил ее в реку. После полудня толпа принесла в город труп Елевферия. Подле общественных бань, называвшихся Ольвия, Мина встретил прасинов с отрядом войска и врагами прасинов, венетами. Произошла схватка, и победа осталась за прасинами, которые затем сожгли две базилики и преторий комита Востока. Прокопий бежал из города, а Миной овладела толпа. Ему обрили голову, оскопили, таскали по городу и, наконец, повесили, а потом сожгли его труп за городом. Когда в Константинополе было получено об этом известие, Анастасий назначил комитом Востока антиохийца Иринея Пентадиаста, который произвел экзекуцию над своими провинившимися земляками и на время успокоил город.[1271]

ДЕЛА НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ ИМПЕРИИ

В тот самый год, когда в Константинополе была отпразднована победа над исаврами, восточная граница империи подверглась нашествию со стороны всегда неспокойных арабов. Племена, находившиеся под властью филарха Наамана, признававшего над собой верховную власть персидского царя, вторглись в провинцию Евфратезию, но были отражены и разбиты дуксом этой области Евгением. Поражение было нанесено в местности ближайшего к границе персидского города Бифрапсы. Одновременно с тем Роман, командир военных сил в Палестине, вел войну с арабами, которые вторглись в пределы империи из пустыни. Он имел дело с филархами — сначала Огаром, потом Габалой. Не ограничившись отражением последнего, Роман сам перешел в наступление и отвоевал остров Иотабу, который был некогда уступлен имп. Львом филарху Аморкесу. Этот остров имел значение важного промежуточного порта в торговых сношениях с Индией. Восстановив зависимость его от империи, Роман предоставил его в ведение купцам, которые плавали в индийские порты, и установил пошлины, взимавшиеся в пользу имперской казны.[1272]

За два года раньше в Константинополь были присланы великолепный слон и два «камелопардала», т. е. жирафа.[1273] Записавший это событие в свою хронику комит Марцеллин считал их подарком Индии.[1274] Но в хронике Иешуа Стилита, проживавшего в Эдессе и ближе осведомленного о делах в Персии, есть упоминание о великолепном слоне, которого отправлял в Константинополь царь персидский Кавад в подарок императору в ту

делились на партии взаимной ненавистью и бросались друг на друга. Ты очистил от этой скверны своих подданных». — Юстин возвратил партиям их пантомимов, и они не только забавляли народ в ипподроме, но плясали с «паллиями» (μετὰ παλλίων) на улицах, гоняясь по всему городу и доводя народ до полного неистовства. *Malala. c.* 43 (Exc. de ins. 171). — О языческом и безнравственном характере плясок, правившихся в ночное время в марте месяце в Эдессе, пока их не запретил Анастасий, с возмущением говорит Иешуа Стилит (Chron. de Josue Stylite, cap. 28; 31). — Ученик Прокопия, Хорикий, явился впоследствии ревностным защитником пантомимов и мимов. — *Craux.* Chorikios, Apologie des mimes. Les textes grecs. Paris, 1886. 35-77.

[1270] *Malala.* 392-393.

[1271] *Malala.* 396-398. Из Малалы в сокращенной форме воспроизведено это свидетельство у Иоанна Никиусского (франц. перев., p. 491).

[1272] *Theoph.* 141, 8.

[1273] Это объяснение позволяет дать Никифор Каллист — 9, 19, p. 304.

[1274] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 94).

пору, когда шла война в Исаврии.[1275]

Три года спустя, по смерти Огара, брат его Бадихарим начал опять тревожить Сирию и Финикию и совершал свои набеги с такой стремительной быстротой, что римские войска не могли настигнуть арабов при отступлении. Тревожное положение на границе с арабами прекратилось после того, как Анастасий заключил мир с отцом Бадихарима, Аретой (502 г.).[1276]

В том же самом году началась серьезная война с персами. Долгий мир, не нарушавшийся с 442 года на восточной границе, имел своей причиной войны, которые приходилось вести персидским царям с их северо-восточными соседями, эфталитами, а также и те внутренние настроения в персидском царстве, которыми сопровождалась смена царей. Современник Анастасия, царь Кавад, был обязан восстановлением на престоле, после временного удаления, царю эфталитов, которому он обязался выплатить большую сумму денег. По договору 442 года, как и по прежним, империя обязывалась выплачивать персам известную сумму денег за охрану кавказских проходов от вторжений северных варваров. Тревожное положение дел в Персии позволяло византийскому двору уклоняться от исполнения этого обязательства, и персидские цари уже давно не получали условленной платы. Нуждаясь в деньгах для сведения своих счетов с эфталитами, Кавад потребовал от Анастасия уплаты сумм, которые персы считали в долгу за империей. Но император предложил ему заключить заем с письменным обязательством и не соглашался иначе помочь ему в его затруднениях. Кавад со своей стороны отказался от каких-либо обязательств для получения от империи того, что персы имели право считать долгом, и немедленно начал военные действия вторжением в Армению.[1277]

С большим войском, в котором, кроме персов, было много гуннов, Кавад подступил к Феодосиополю (Эрзерум). Командиром гарнизона в этом городе состоял Константин, член синклита, питавший вражду к императору. Он сдал Каваду город без сопротивления, и тот, опустошив окрестности, оставил начальником гарнизона того же Константина, а сам вступил в армянскую область, Софанену, с главным городом Мартирополем. Начальник этой области, сатрап Феодор, сдал ему без сопротивления город и выдал хранившиеся у него суммы взысканных налогов за два года.[1278] 5-го октября 502 г. Кавад осадил Амиду (Диарбекир) — пограничную твердыню римской власти на этой окраине.[1279] Этот неприступный по своему положению город был хорошо снабжен всем нужным для защиты, но гарнизон его был очень незначителен.

Когда в Константинополе стало известно, что Кавад собирается в поход, Анастасий отправил к нему послом Руфина с деньгами, но разрешил отдать их только в том случае, если Кавад не переступил еще границы.[1280] Доехав до Кесарии в Каппадокии, Руфин узнал, что Кавад вступил в пределы империи и занят осадой Амиды. Оставив деньги в Кесарии, Руфин явился в персидский лагерь. Кавад заточил посла и продолжал осаду. Дело имело вид безнадежный, так как город был превосходно укреплен и природа места делала его неприступным. Персы начали рыть подкопы, но дело плохо подвигалось.

Грабительские отряды из персидского лагеря под Амидой предпринимали набеги на юг. Против них выступил дукс Константины (Телла) Алипий и некоторое время действовал успешно, но 19 ноября в ночном нападении он был застигнут врасплох. Конница успела бежать, а пехота понесла тяжкие потери, и много людей попало в плен.[1281] В конце ноября царь персидских арабов Нааман сделал набег с юга в направлении города Карр (Харран), грабил и разорял страну и простер свои набеги до города Эдессы. По слуху о его вторжении жители Эдессы принялись за исправление пришедших в ветхость стен, очистили ров вокруг города, завалили ворота камнями и принимали все меры к усилению охраны. Нааману досталась огромная добыча, и число людей, уведенных в плен, летописец определяет огромной цифрой 18 500 человек, объясняя большое количество пленных как стремительностью набега, так и тем, что сбор винограда заставил в это время выйти на работу многих хозяев. Дукс Мелитены Евгений, который сначала поддерживал Алипия в его борьбе с персидскими отрядами, вернулся после поражения в свой город и организовал поход на Феодосиополь. Ему удалось овладеть городом и восстановить власть императора в стране.

Между тем Кавад упорно продолжал осаду Амиды. Он обложил город со всех сторон, строил осадные башни и орудия, но неприступное положение города и его мощные стены с их высокими башнями давали мало надежды на успех этого предприятия. Подошло зимнее время и дожди, и персы сильно страдали от холода. Кавад готов был уже отказаться от своего намерения и отступить, но вскоре счастливый случай отдал Амиду в руки персов. Это случилось 10 января 503 года.

Охрану одной из башен западной части стен города близ местности, которая называлась Трипиргий (три

[1275] *Ios. Styt*. c. 20.

[1276] *Malala.* 392; *Jean de Nik.* c. 89, p. 492. — Ср.: *Nöldeke.* Die Gassanidischen Ftirsten aus dem Hause Gafna's // Abh. d. Berl. Akad. 1887.

[1277] *Procop.* b. pers. 1, 7; *Ios. Styl.* c. 24. — Иешуа относит этот ответ Анастасия к более раннему обращению Кавада, в 495 году, до бегства Кавада к «гуннам».

[1278] *Procop.* De aed. 3, 2, p. 248; *Ios. Styl.* c. 51.

[1279] Описание Амиды см.: *Амм. Марц.* 1, 240 (18, 9). Город этот подвергся осаде со стороны персов в 359 году и был взят. Подробное описание этого события дано Аммианом Марцеллином, который выдержал осаду и спасся после взятия города персами. 1, 247-270 (19, 19).

[1280] Руфин был сын Иоанна Скифа. См.: *Theoph.* 176, 13.

[1281] Это поражение случилось в местности Бель-Теш, в 30 км к югу от крепости Марды.

башни), держали монахи расположенного поблизости Уртайского монастыря.[1282] Разделяя с населением бедствия осады, монахи приняли на себя охрану части стены в месте расположения их монастыря и три месяца верно исполняли возложенные на них обязанности. Близ Трипиргия были расположены каналы для стока нечистот из города. Один смельчак пользовался ими, чтобы по ночам выбираться из города и угонять скот у персов. Командир персидских войск, расположенных против этой башни, выследил смельчака, выходившего из города с товарищами на ночной грабеж, и высмотрел, каким путем он проникал назад в город. В холодную и дождливую ночь на 10 января кто-то хорошо угостил монахов, и они крепко уснули. Персы приблизились к башне, взлезли на стены тем самым путем, каким делал это тот смельчак, застали монахов спящими, перебили их и овладели башней. Когда присутствие врага было замечено и началась тревога, командир охраны подошел к тому месту с факелами, и персы в темноте поражали своими выстрелами людей на выбор. Охрана соседних башен не могла оказать помощи, и скоро они оказались также в руках персов. Спустившись со стены в город, персы стали избивать осажденных, искавших спасения в церквах, и три дня шла бойня.[1283] На третий день после взятия города в него вступил Кавад, въехав на слоне. Расположив в Амиде гарнизон в три тысячи человек под начальством храброго вождя Глоны,[1284] Кавад вышел из города и, заняв гарнизонами соседние укрепления, передвинул свои войска в горную местность близ Нисибина. Отсюда он отпустил в апреле 503 года к императору его посла Руфина с письмом, в котором предлагал уплатить деньги или принять войну. Анастасий выбрал второе и послал на Восток армию под начальством трех военачальников: Ареобинда, назначенного магистром армии Востока,[1285] Патрикия[1286] и Ипатия, своего племянника от брака сестры Анастасия Кесарии с сенатором Секундином. В числе вождей низшего ранга был ивер Ферасман, будущий император Юстин, Зимарх и командиры готов Годигискл и Бесса. Дукс Роман, успешно действовавший против арабов, присоединился к армии Ареобинда. Три командира, стоявшие во главе войск, не были подчинены друг другу, и главнокомандующего не было в армии. Начальником интендантской части был александриец Апион, пользовавшийся в ту пору большим доверием Анастасия.[1287]

Ареобинд с войском числом до 12 тысяч человек занял позицию между Дарой и укреплением Амудий и действовал против Нисибина. Патрикий и Ипатий, имевшие под своей командой 40 тысяч человек, направились к Амиде. Апион расположился в Эдессе и раздавал населению зерно, из которого пекли сухари для армии. Несколько раз Ареобинд успешно отражал нападавших на него персов и прогонял их в Нисибин. В свидетельство своих успехов Ареобинд послал императору золотое оружие, снятое с одного знатного перса, убитого в схватке.[1288] Но в июле месяце против него появились весьма значительные силы, состоявшие из персов, гуннов и арабов, под общим начальством изменника Константина, сдавшего Каваду Феодосиополь. Ареобинд звал на помощь Патрикия и Ипатия, но те не послушались. Паника, охватившая его армию, заставила его спешно отступить к городу Телле, бросив весь свой обоз в добычу врагам. Продолжая отступление, он укрылся за крепкими стенами Эдессы.[1289]

Патрикий и Ипатий, подступив к Амиде, начали правильную осаду города: строили осадные башни, вели подкопы, но храбрый персидский гарнизон умело вел охрану и отбивался от превосходящих сил противника. Когда до них дошла весть о наступлении персов и бегстве армии Ареобинда, они сожгли выстроенные уже

[1282] Основателем этого монастыря был сириец, родом из области Анзитены, получивший прозвище Уртайского по имени туземного племени, среди которого он распространял христианство. Монастырь был очень многолюден. Когда Кавад подступил к городу, многие монахи разбежались, но осталось до 300 человек. Таково свидетельство Иоанна Эфесского (Comment, p. 186), который провел здесь свои юные годы.

[1283] По сообщению Иешуа Стилита (гл. 54), число убитых доходило до 80 тысяч. Это число, по его словам, выяснилось, когда персы во избежание трупного запаха свозили потом тела в одно место. Цифра эта, очевидно, преувеличена. От Иешуа ее заимствовал Захария (VII4, p. 109), и через посредство последнего она перешла к Михаилу Сирийцу (Chabot. II, 156-159). Иоанн Эфесский сообщает, что из числа монахов было убито 90 человек, остальные были взяты в плен и уведены в Персию (Comment. 186).

[1284] Γλώντς — у Прокопия, Эглон — у Михаила Сирийца.

[1285] Ареобинд принадлежал по отцу и матери к высшей столичной знати. Он был сын Дагалайфа и внук того Ареобинда, который прославился единоборством с персом в первую войну Феодосия Младшего и затем достиг консульства. Мать его была Годисфея, дочь Ардабурия, внучка Аспара (см. *Theoph.* 145, 16-24). Ареобинд был женат на Юлиане, дочери кратковременного римского императора Олибрия и Плацидии, дочери Валентиниана III. Сын от этого брака был Олибрий, достигший консульства в 491 году. Плацидия отличалась великим благочестием и оставила по себе память сооружением великолепного храма и монастыря в квартале Гонориях; ее дочь унаследовала благочестие и благотворительность. Иоанн Лидиец (de mag, 3, 53) сообщает, что Ареобинд питал пристрастие к музыке, пению, танцам и что роскошь и нега, которые он себе позволял, вредно отражались на ходе военных предприятий.

[1286] Патрикий был консулом в 500 году вместе с Ипатием, племянником Анастасия. Малала называет его фригийцем по происхождению (Chronograph. 404, 1). — Прокопий не различает Патрикия от Патрикиола, отца Виталиана, и знает только одно лицо этого имени в персидской войне *(Proc.* b. p. 1, 8). Иоанн Лидиец (de mag.) бросает Патрикию и Ипатию упрек в трусости и неопытности в военном деле.

[1287] В 510 году он был сослан —*Marc. Com.* s. a. — и возвращен из ссылки уже Юстином.

[1288] *Theoph.* 146, 14-16.

[1289] Захария-ритор говорит, что Апион удерживал Ареобинда от отступления.

осадные башни и отступили. При этом два офицера устроили засаду и погнали около города стадо быков. Персы, видя со стены стадо, вышли из города, чтобы его захватить. Засада сделала свое дело, и вождь персидского гарнизона, Эглон, попал в руки римлян. Узнав об этом, Патрикий и Ипатий вернулись и потребовали от него сдачи Амиды; тот обещал сделать попытку, но гарнизон не послушал начальника, и храбрый перс был распят.[1290] Персидские арабы опять сделали вторжение в римские пределы, но храбрый дукс, командовавший в Каллинике, Тимострат, удачно сразился с ними и прогнал насильников в их пустыни.

В августе Кавад стянул свои силы к местности города Ападна.[1291] Армия Патрикия и Ипатия выступила против них, и передовой отряд эфталитов в 800 человек был истреблен. Победа ободрила настроение армии, и войска продолжали поход без должной осторожности. Узнав о гибели передового отряда, Кавад выступил против неприятеля со всеми своими силами, и персидская конница захватила римское войско на биваке во время обеда. Среди всеобщей паники началось бегство, во время которого погибло много народа от меча и много было взято в плен. Патрикий бежал за Евфрат и спасся в Самосату. Во время этой битвы царь персидских арабов, Нааман, получил тяжелую рану, от которой вскоре скончался. Один из вождей, комит Петр, занял укрепление Сифрин невдалеке от Амиды. Но население, опасаясь за свою жизнь, выдало Петра и его людей персам. Петр был взят в плен, а его люди перебиты.[1292]

После этого успеха Кавад подступил к Телле с намерением взять этот город. Жившие там иудеи устроили подкоп и давали сигнальные знаки персам, протыкая палки в крыши своих домов. Первый в лагере персов заметил и понял это находившийся в плену Петр. Так как он был взят в чем был, то успел обноситься. Он попросил позволения приблизиться к стене, чтобы получить от своих платье. Это было ему разрешено, и со стены ему бросили две перемены платья, а он нашел возможность при этом сообщить командиру Леонтию о предательстве иудеев. Тот обошел стены, нашел подкоп, и все иудеи, без различия пола и возраста, были перебиты. Местный епископ Бар-Хадад ходил с молитвой по стенам, совершал моления и кропил святой водой солдат, ободрял их к защите города. Он побывал в персидском лагере и просил царя пощадить город. Кавад не приступал к осаде и направился к Эдессе.

6 сентября жители Эдессы и гарнизон уничтожили все монастыри и гостиницы, расположенные за городом, вырубили все деревья, чтобы иметь лучший обстрел для метательных орудий, внесли в город все мощи и другие святыни и, расставив орудия на стенах, ждали приближения неприятеля. 9 сентября Кавад предложил Ареобинду или принять от него послом одного из его вельмож, или выйти самому из города для переговоров о мире. Ареобинд предпочел не пускать персов в город и вышел сам. Свидание состоялось в церкви св. Сергия близ города. Уполномоченный Кавада Бавай, имевший звание аспебеда,[1293] т. е. главнокомандующего, предложил немедленно уплатить 10 тысяч фунтов золота и затем уплачивать такую же сумму ежегодно. Ареобинд со своей стороны соглашался уплатить семь тысяч. Переговоры длились с рассвета до 9 часа (3 часа дня) и ничем не кончились. Иешуа приписывает Каваду злой умысел захватить Ареобинда, который, однако, не удался. Персидская армия, быть может вследствие затруднения прокормиться в опустошенной стране, отошла на юг, в направлении города Харрана; но жители города сделали засаду, истребили 60 человек и захватили в плен хана гуннов. Кавад потребовал его выдачи, и те прислали его и 1500 баранов в подарок.

Между тем арабы грабили страну и дошли до Евфрата. В эту пору явился на театр военных действий Патрикиол со своим сыном Виталианом. Перейдя Евфрат, он отразил арабов и хотел направиться в Эдессу; но узнав, что в тех местах находится сам Кавад с главными силами, отступил в Самосату.

17 сентября перед Эдессой появилась вся армия Кавада и укрепила свой лагерь поблизости от города. Начались переговоры о мире. Кавад потребовал заложников, и Ареобинд послал к нему знатного гражданина Эдессы Василия с 14 человек свиты и дукса Алипия, обещав доставить через 12 дней две тысячи фунтов золота. Кавад отвел свои войска от города, но на следующий день прислал посла с требованием немедленно уплатить 300 фунтов золота. Получив отказ, Кавад опять появился под стенами Эдессы 24 сентября, а затем отошел на Евфрат.[1294] Нападение на Каллиник, пограничную римскую крепость на Евфрате, было отражено храбрым

[1290] *Ios. Styl.* c. 58; *Zacharias*, 7, 5, p. 112-115.

[1291] Ныне Tel Abad. *Procop.* De aed. 223, 11.

[1292] У Прокопия — De bel. Pers. 1, 9. — ход военных действий представлен иначе. — Ареобинд бежит в крепость Констанцию, бросив свой лагерь на разграбление. Кавад не преследует его и направляется против Патрикия и Ипатия. Передовой отряд персидской армии, состоявший из 900 эфталитов, был истреблен до одного человека. О приближении армии Кавада вожди не имели никаких сведений и в полной беспечности готовили себе обед. Нападение конницы Кавада оказалось для них совершенно неожиданным и застало людей без оружия за обильной трапезой. В панике бежали все, кто куда мог. Патрикий и Ипатий бежали первыми и спаслись, но много людей погибло на месте и во время бегства. Так как Кавад получил известие о вторжении гуннов, то отступил со всеми своими силами на север и вел там войну. Иешуа Стилит знал события на месте, и его рассказ, более полный и точный, заслуживает большего доверия, чем сокращенное изложение Прокопия. Эпизод гибели Глоны рассказан подробно и Прокопием (b, p. 1, 9, p. 43-46). Сын Глоны, принявший начальство по смерти отца, сжег церковь св. Даниила, где погиб его отец, чего персы, по замечанию Прокопия, вообще никогда не делали.

[1293] Так Прокопий передает персидское слово spahbeldh. — Ср.: *Noldeke.* Tabari. C. 139.

[1294] По сообщению Иешуа Стилита, граждане Эдессы твердо верили, что их город находится под особой защитой Иисуса Христа и не может быть взят персами. Эту веру разделял Ареобинд и сами персы. Местные селяне,

Тимостратом. При этом попал в плен один знатный перс. Кавад подступил к городу и грозил взять крепость и перерезать всех жителей, если не будет выдан пленник. Тимострат удовлетворил требование царя, и персы отступили. Арабы, участвовавшие в походе, переходили на правый берег Евфрата, грабили страну и взяли город Батну. — Так закончились военные действия в этом году.

Несогласия вождей побудили Анастасия прислать на театр военных действий доверенное лицо с правами главнокомандующего. Он остановил свой выбор на своем земляке Келере. Прибыв уже в декабре месяце в Иераполь, Келер вызвал к себе вождей, отставил Ипатия и Апиона и сделал распоряжение о распределении войск на зимовку в разных городах. Пост Апиона занял Каллиопий. Еще в течение зимы Патрикий выступил из Мелитены к Амиде, захватил караваны с провиантом, направлявшиеся в город, и отрезал все сообщения. Выступивших на помощь Амиде персов он разбил на реке Калате (Нимфий) и, вернувшись под стены Амиды, обложил город. Ранней весной Келер собрал свои силы в большом лагере близ Решайны. Узнав, что большие силы персов вступили в Нисибин, и готовясь идти на выручку Амиды, отослали лошадей на пастьбу в горную местность к югу от Нисибина, Келер послал Тимострата захватить лошадей, и это дело блистательно удалось. После этого успеха Келер перевел свои войска к Амиде и приступил к осаде. Римляне тесно обложили Амиду и начали делать подкопы. Но персы храбро защищались и затопили подкопы. Самообладанием и отвагой отличился в это время гот Эллод, недавно получивший в Харране чин трибуна. Он пробрался в город через подкоп с несколькими товарищами; но, встретив большую толпу врагов, должен был уйти назад и, хотя был ранен, унес с собою труп убитого товарища. В июне явился в римский лагерь изменник Константин с двумя женами, которых дал ему Кавад. По приказанию императора, его препроводили в Никею и там постригли в духовный сан. Этим ограничил наказание изменнику Анастасий, запретив ему навсегда являться в столицу и во дворец.

Ввиду безуспешности осады Амиды Келер возложил продолжение ее на Патрикия, а Ареобинду приказал сделать вторжение в персидскую Армению. Ареобинд подверг страну страшному опустошению и привел с собою 120 тысяч баранов. Келер разорял земли за Тигром и избивал всех жителей старше 12 лет. В осажденной Амиде начался страшный голод и дело доходило до людоедства; персы тем не менее продолжали храбро защищаться и не допускали мысли о сдаче города.

Кавад, занятый войной с гуннами, не являлся на театр военных действий и, видя разорение своих областей, возобновил переговоры о мире. Он послал к Келеру уполномоченного вести переговоры сановника и выдал бывших у него римских заложников, а также прислал труп Алипия, умершего в Персии. Персидский уполномоченный просил разрешения доставить провиант в Амиду. Келер и все командиры, бывшие налицо, дали клятву в безопасности каравана. Но один командир отсутствовал, и так как он был свободен от клятвы, то устроил засаду и захватил караван в 300 верблюдов. Оказалось, что в тюках был не только провиант, но и оружие. Голодавший гарнизон тем не менее не терял бодрости и храбро отбивался. Переговоры затягивались. Между тем наступило холодное время, и войска стали расходиться на зимние квартиры, не ожидая на то разрешения. Келер отдал приказ Юстину собрать войска, но это оказалось неисполнимым.[1295] Переговоры с персидским уполномоченным закончились тем, что Келер уплатил от имени императора 11 кентенариев золота, а персы отказались от Амиды. Келер предоставил гарнизону право выйти из города с оружием и занял превращенный в развалины и страшно опустошенный город. Условия, на которых обе державы обязывались заключить мир, подлежали предварительному утверждению государей.[1296] Войска разошлись на зимние квартиры. Ареобинд со своими войсками отправился в Антиохию, Феодор — в Дамаск, Патрикий — в Мелитену за Евфратом, Ферасман — в Апамею и Каллиопий — в Иераполь.

Когда после заключения мира, подчиненные империи арабы решили сделать набег на персидские области, Келер выслал против них дукса Тимострата из Каллиника. Нагнав арабов, Тимострат заставил их вернуться назад, двум шейхам отрубил головы, а трех распял. Арабы, признававшие власть персов, сделали набег на римскую территорию и ограбили два селения. Командир гарнизона в Нисибине велел схватить шейхов и предать их смерти.[1297]

Каковы были нравы военных людей того времени, об этом дает представление один эпизод, рассказанный Иешуа Стилитом. — Стоявшие на постое готы вели себя очень буйно, ссорились между собою и нередко бились смертным боем, пьянствовали и позволяли себе насилия над туземцами. Буйное их настроение проявилось в особенно резкой форме, когда Роман, в интересах туземцев, захотел определить размеры того довольствия, на которое имели право солдаты на постое. Дикой толпой с обнаженными мечами ринулись они в дом, где жил Роман. Так как он помещался на втором этаже, то, заслышав шум, выскочил с мечом в руках и отражал

укрываясь за камнями, наносили урон персидской и гуннской коннице, оставаясь сами неуязвимыми. После отступления персов Ареобинд наградил их деньгами (*Jos. Styl.* с. 62-64).

[1295] Подробное описание осады Амиды дал в своем сочинении Евстафий из Эпифании, как сообщает о том Евагрий (3, 37). Вероятно, он пользовался такими первоисточниками, как Иешуа Стилит. Извлечение из Епифания сохранил Захария (7, 3-5, с. 103-115).

[1296] Захария знает цифру 11 кентенариев золота, но рассказывает, что Кавад не подписал присланного ему текста договора и разорвал хартию. *Zacharias.* 7, 5, p.

[1297] *Jos. Styl.* с. 89.

напиравших на него буянов. От тяжести людей сломалась лестница, готы попадали вниз, переранили друг друга, многие расшиблись, а Роман получил возможность спастись от осады, взобравшись на крышу своего дома и перейдя в другой. Бунт против Романа сам собой успокоился, но он не пытался больше защищать местных жителей от наглого поведения своих храбрых, но с трудом подчинявшихся дисциплине солдат.[1298]

Келер отправился в Константинополь, чтобы получить согласие императора на принятые им условия мира. Весною 506 года он вновь прибыл в Эдессу. Здесь он получил известие, что уполномоченный Кавада, с которым он вел переговоры, умер и царь намерен назначить другое лицо. Келер пробыл в Эдессе пять месяцев в ожидании персидского посла. Составлявшие главный контингент его войска готы вели себя так буйно, что Келер, опасаясь последствий поведения своих солдат, оставил Эдессу и выступил с войсками на границу. Осенью прибыл уполномоченный персидского царя, и после разных проволочек, вызванных взаимным недоверием, мир был заключен сроком на семь лет. Условия мирного договора были точно определены в тех грамотах, какими обменялись обе стороны.[1299] Но ни один из дошедших до нас источников о событиях этой войны не сохранил более точных указаний.

В числе условий мирного договора, который был заключен с персами при Феодосии, стояло обязательство, принятое обеими сторонами, — не возводить новых крепостей в пограничных местностях. По-видимому, этот пункт был сохранен в тексте нового договора. Так как персы имели в ту пору большие затруднения на северо-восточных границах, то Келер воспользовался этим, чтобы усилить охрану границы империи. Он решил создать новый опорный пункт, и местом для новой крепости была избрана Дара. Поселение этого имени находилось на расстоянии 98 стадиев от Нисибина (ок. 20 верст).[1300] Важность места, избранного Келером, была блистательно доказана тем, что во все дальнейшее время Дара была ключом обладания соседними областями. Место, занятое крепостью, принадлежало амидской церкви и было выкуплено у нее императором за деньги. В течение трех лет шли работы по возведению стен, крепостных сооружений, цистерн для воды, водопровода, казарм и других общественных зданий. В этом деле принимал живое участие епископ Фома, пользовавшийся большим доверием императора и состоявший с ним в постоянной переписке по сооружению крепости.[1301] Надзор за рабочими был поручен членам амидского клира. Дуксом в Амиде состоял в ту пору Феликиссим, человек вполне достойный и не зараженный корыстолюбием. Рабочие стеклись в множестве из соседних областей, а каменщики были присланы из столицы. Отпущенные на сооружение крепости деньги находились у епископа Фомы. По окончании работ, в ответ на заявление епископа, что он ничем не воспользовался из крупной суммы, бывшей в его ведении Анастасий прислал грамоту, в которой давал ручательство за себя и своих преемников, что амидская церковь никогда не должна подвергаться какой-либо ответственности по расходу денег, употребленных на сооружение Дары. Крепость получила имя Анастасиополя, но оно не удержалось и возобладало прежнее название, которое носил поселок. Первым епископом Дары был Евтихиан из Амиды. Анастасий снабдил его средствами на сооружение храма. Отвоеванный от персов Феодосиополь Анастасий распорядился укрепить надежнее прежнего, и старая крепость превратилась теперь в цитадель. Этот город был переименован в Анастасиополь, но это имя, как и в отношении Дары, не вошло в оборот, и город удержал старое имя.[1302]

Сооружение новой крепости поблизости от границы, а равно и укрепление Феодосиополя вызвали неудовольствие и жалобы со стороны Кавада, и Анастасию приходилось успокаивать его претензии денежными дарами.

В связи с событиями этой войны стоит один интересный эпизод. — Гуннский царь Амбазук, владевший крепостью в Каспийском проходе, в третий год войны вступил в сношения с императором и предложил ему передать этот опорный пункт. Но так как восточная Армения была под властью персов, то для империи было слишком трудно удерживать такой отдаленный пост, и Анастасий не принял предложения Амбазука. Впоследствии Кавад овладел этой крепостью, отняв ее у сыновей Амбазука по его смерти.[1303]

СТОЛКНОВЕНИЕ С ТЕОДОРИХОМ И СНОШЕНИЯ С ФРАНКАМИ И БУРГУНДАМИ

В то самое время, когда Анастасий был занят войной с Персией, на северо-западных границах империи вышло осложнение в мирных доселе отношениях с державой Теодориха. Упрочив свое положение в Италии, Теодорих завязывал сношения и вступал в союзы с разными германскими племенами. Так, эрулы, сидевшие на

[1298] *Ios. Styl.* c. 96.

[1299] *Theoph.* 149, 3. καί γοάμμασι αὐτὰ βεβαιώσοντες.

[1300] *Procop.* b. pers. 1, 10. Г. С. Дестунис в своем переводе Прокопия — прил. 10 к 4 гл. I кн. «Персидские войны» — собрал несколько сведений о положении Дары по путевом журналу Чирикова (Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. за 1875 год).

[1301] Подробное описание сооружения Дары сохранил Захария (7, 6, p. 115-118). Интересно отметить одну подробность о поденной плате: рабочие получали по 4 кератия в день, а человек с ослом — 8 кератиев. Кератий равнялся 6 фоллам, а 2 кератия составляли один милиарисий; 24 кератия в пересчете на золото принимались за одну номизму, т. е. $^1/_{72}$ часть фунта золота. Название «милиарисий», milliarense, происходит оттого, что эта монета, которых из фунта серебра чеканилось 72, составляла в пересчете на золото $^1/_{1000}$ часть фунта. См.: Mommsen. Das römishe Münzwesen. 790-791.

[1302] *Procop.* De aed. 3, 5, p. 255.

[1303] Ib. 1, 10.

Дунае в соседстве с гепидами, вступили с ним в союз, и царь их Радульф был признан сыном Теодориха по оружию. Так как Теодорих вступил в обладание наследием западного римского императора, то в его державу должна была войти часть префектуры Иллирика. Области к северу от течения Савы давно уже вышли из непосредственной зависимости от центра империи, а город Сирмий, лежавший на старой дороге, по которой прошел и Теодорих в Италию, был тогда и оставался позднее в обладании захвативших его гепидов. В первые годы VI века там сидел сын царя Фравстилы, Тразерик. В 505 году Теодорих послал войска в область Савы под начальством комита Пиции Гердуика, чтобы отвоевать этот крайний пункт Западной империи на востоке. Пиция разбил Тразерика, выгнал его из Сирмия, и с этого времени этот город был занят готским гарнизоном.[1304]

В это время начал свою историю некий Мунд. Иордан называет его гунном и родственником Аттилы.[1305] Но гораздо вероятнее сообщение Малалы, по которому Мунд был гепид, племянник царя Фравстилы.[1306] Мунд создал себе самостоятельное царство в запустевших местностях северной части Иллирика и сделал центром своих владений город Гетру (Hetra) на Дунае.[1307] Когда Пиция вступил в долину Савы, Мунд завязал с ним сношения и заключил союз с готами, чтобы иметь опору в своем неопределенном положении. Пост магистра армии Иллирика занимал в это время Сабиниан, сын соименного отца, убитого в 481 году. Чтобы покончить с захватами Мунда, он собрал 10 тысяч войска и большой обоз, привлек на помощь себе болгар и двинулся против Мунда. Узнав о грозившей ему опасности, Мунд обратился к Пиции с просьбой о помощи, и тот немедленно явился на место событий с отрядом в две тысячи пехоты и 500 человек конницы. Сражение произошло на берегах реки Марга (Морава) близ крепости, носившей имя Хлебный амбар Марга (Horrea Margi). Римское войско и болгары понесли тяжкое поражение, и Сабиниан с остатками своих сил бежал в укрепление Натум.[1308] Епископ Эннодий, прославлявший Теодориха и Пицию за дела в Иллирике, не упомянул о победе Пиции над войсками императора, и только славил его за поражение диких, свирепых и храбрых болгар. Несмотря на блестящий успех, Мунд предпочел, однако, перейти со своими людьми на службу к Теодориху в Италию и оставался там до его смерти.[1309]

Занятый другими важными делами, Анастасий оставил за Теодорихом Сирмий. Но три года спустя он снарядил эскадру в сто военных кораблей и сто грузовых (дромонов) и послал ее под начальством комита доместиков Романа и комита схол Рустика в воды южной Италии. На суда было посажено 8 тысяч воинов. Эскадра грабила побережье, захватила и разорила город Тарент.[1310] Имперский флот невозбранно вернулся в Константинополь, а Теодорих с тех пор усилил заботы о развитии морских сил своего государства.[1311] Быть может, выбор времени для этой экспедиции стоял в связи с тем, происходило тогда в Галлии.[1312]

Самым могущественным властителем в Галлии был в ту пору царь франков Хлодвиг, унаследовавший царство от своего отца в 482 году. Ему удалось расширить свою державу за счет той области, которая находилась под властью Сиагрия, носившего титул магистра армии, и вскоре затем он начал войну с вестготами, которые старались распространить свою власть до течения реки Лигера (Луара). В 506 году он разбил в большой битве близ города Пиктавы (Пуатье) царя вестготов Алариха, и сын последнего, Аталарих, бежал в Испанию, где и утвердил свою власть по смерти отца. Хлодвиг провел зиму в городе Бурдигале (Бордо) и перевез к себе из Толозы все сокровища Алариха. Теодорих остготский выступил в защиту своих соплеменников за Альпами, и в хронике Кассиодора под 508 годом записано об его успешных военных действиях против франков.[1313] Так как к тому же самому году относится морской набег византийского флота на юг Италии, то возможно предположить, что Анастасий избрал время для этой экспедиции, будучи осведомлен о делах в Галлии, и воспользовался замешательством на севере, чтобы отомстить Теодориху за нарушение границ в Иллирике. Сношения византийского двора с Хлодвигом не подлежат сомнению ввиду той высокой чести, которую оказал Анастасий повелителю франков вскоре после этих событий.

Из Константинополя прибыло посольство к Хлодвигу в его резиденцию, Тур, которое привезло ему императорскую грамоту с назначением консулом и доставило соответствующий орнат. Хлодвиг облачился в роскошные, блиставшие пурпуром и золотом тунику и плащ и с царским венцом на голове совершил верхом на

[1304] Ennod. Paneg 12. — Хотя у нас нет сведений о том, что готы завладели также Сингидоном, но Шмидт (Gesch. der deut. Stämme, I Abth., 5 Buch, 310) с уверенностью предполагает, что власть готов простиралась до Железных ворот на Дунае. Тут, как и в других случаях, проявляется шовинизм, не чуждый германским ученым в решении вопросов германской древности.

[1305] *Jordan.* Get. 301.

[1306] *Malala.* 450. Феофан, воспроизводя сведения из хроники Малалы, называет имя отца Мунда — Γίεσος — Chron. 218, 32. Марцеллин-комит (Chron. s. a. 505) называет его Geta, т. е. по тогдашнему словоупотреблению — славянином.

[1307] Местоположение этого города неизвестно.

[1308] *Marc. Com.* s. a. 505. (Chron. min. II 96); *Jordan.* Get. 300-301.

[1309] *Malala.* 451.

[1310] *Marc. Com.* s. a. 508.

[1311] Кассиодор сохранил письмо Теодориха к императору от 508 года (Var. 1, 1), в котором есть очень осторожный намек на враждебные действия между империей и царством Теодориха.

[1312] Такую связь этих событий отстаивает Gasquet (l'Empire Byzantin et la Monarch franque. Paris, 1888. P. 133).

[1313] *Cassiod. Chr.* s. a. (Chron. min. II 160); в хронике Мария Авен. — под 509 годом (ib. 234).

коне консульский выезд от атрия базилики св. Мартина и до главной церкви города.[1314] Как настоящий консул, он бросал в народ золотую и серебряную монету, на которой было изображение императора, так как другой в то время не было вовсе в обращении. Консулат Хлодвига был только титулярным и не значился ни в каких фастах. Но этот призрачный консулат вводил варвара в круг имперской знати и давал ему престиж в среде подчиненного силой оружия римского населения Галлии. Сам Анастасий сохранял в своем официальном титуле, когда обращался с манифестом на Запад, старый победный титул Francicus.[1315] Как в этом титуле императора, так и в той радости, с которой варвар принимал свой мнимый консулат, сказывалась жизнь идеи единства империи в тех пределах, какие она охватывала в давние, невозвратно минувшие времена.

В византийских источниках за время правления Анастасия нет свидетельств о сношениях византийского двора с Западом, как нет вообще упоминаний даже о сношениях с Теодорихом, хотя несомненное свидетельство о непрерывности сношений Византии с Римом и Равенной дают консульские фасты, в которых большинство годов помечены именами двух консулов, одного в Константинополе, другого в Риме. Если византийские источники молчат даже о сношениях с Теодорихом, которые должны были поддерживаться непрерывно, то тем более в них нет ни одного намека на сношения двора с какими-либо царями в пределах Западной империи. И однако такие сношения, несомненно, были, и Анастасий понимал во всей широте свое положение главы римского мира. В бургундском царстве преемники царя Гундиоха[1316] Гильперих и Гундобад, оба пользовались титулом vir illustris, саном патриция и званием магистра армии. Эти титулы и звания были приобретены еще до падения Западной Римской империи. Когда же в 516 году умер Гундобад, сын его Сигизмунд получил царское достоинство и обратился с письмом к Анастасию, которое написано на изысканном латинском языке того времени епископом Вьенны Авитом. Теодорих не пропустил посла. Тем не менее, в Константинополе знали, что происходило в Галлии. Из другого письма, составленного тем же автором, видно, что Анастасий соизволил на дарование желанного титула vir illustris бургундскому царю и сам известил его об этом. Сигизмунд изливался красноречивым пером Авита в благодарности императору, заявляя, что для него более лестно то, что он служит императору, чем то, что он правит своими соплеменниками.[1317] В этой условной лести жила старая традиция той зависимости от императора, которую признавали над собой германцы, утверждаясь в пределах империи и разрывая ее на части. Это мерцание старых идей и отношений не имело при Анастасии практического значения, но его преемник сумел дать жизнь этому призраку.

СОСТОЯНИЕ СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ ИМПЕРИИ

Положение придунайских областей в пору правления Анастасия было весьма печально. Старые города по Дунаю и крепости внутри страны были заняты по-прежнему гарнизонами, а среди туземного населения во многих местах были расселены на правах федератов готы, гунны, аланы, проникавшие в разное время еще до Аттилы, а затем в большой массе после разгрома гуннской державы. Там же жили и мирные готы, принятые в империю с Ульфилой еще при Констанции. В пограничных местах федераты состояли на положении пограничных солдат и сами занимали и охраняли крепости. Многократные нашествия варваров, еще с середины III века, обезлюдили страну, изменили состав населения, сократили число земледельцев, вызвали возвращение к скотоводческому быту и пастушеству, которое долго держалось здесь и после среди романизованной части населения.

Прямое свидетельство о печальном положении фракийских областей в ту пору сохранилось в указе имп. Анастасия от 505 года.[1318] Регламентируя общие для всей империи условия экстренной доставки хлеба в случаях чрезвычайной необходимости, император освобождает от действия этого закона Фракию. Указав на то, что в этой области налоги не взимаются полностью ввиду уменьшения земледельческого населения вследствие нашествий варваров и местного хлеба далеко не достаточно для прокормления жителей и многочисленных размещенных в этой области полков, законодатель сохраняет здесь прежний порядок, а именно: хлеб для солдат доставляют купцы за наличные деньги, которые уплачивает правительство в полновесной и полноценной монете, покупая также за деньги хлеб у местного населения, где оказывается его излишек.

С выходом значительной массы готов в Италию с Теодорихом в 488 году положение местного романизованного населения должно было стать легче; но вместе с тем стала слабее охрана Дуная. Сведения о нашествиях с севера исчерпываются краткими заметками летописцев. Так, под 493 годом сохранилось известие о том, что командир Юлиан пал в ночном бою, сражаясь с варварами во Фракии.[1319] Под 499 годом записано

[1314] *Creg. Turon.* 2, 38. Chlodovechus ab Anastasio imperatore codicillos de consulatu accepit, et in basilica beati Martini tunica blatea indutus est et chlamyde, imponens vertici diadema. Tunc ascenso equo aurum argentumque in itinere... praesentibus populis manu propria spargens... Ab ea die tanquam consul et augustus est vocitatus.

[1315] *Ciinter.* Collectio Avellana. Ep. 113 (II 506).

[1316] *Marii Avent. Chron.* s. a. (Chron. min. II 244).

[1317] *Auiti* Epp. 83 (P. L. 59, 85.). Vester quidem est populus meus, sed me plus servire vobis quam, illi praeecce delecat… Cumque gentem nostram videamur regere, non aliunos quam milites vestros credimus ordinary… Patria nostra vester orbis est… Jubar qui dem conspectus vestri contem platione non capimus, sed lucem serenitatis, cuam ubicus diffunditis, desiderio possidemus.

[1318] Cod. Just. 10, 272, 10.

[1319] *Mars. Com.* s. a. (Chron. min. II 94).

нашествие болгар. Борьба с ними шла во Фракии, но вел ее магистр армии Иллирика, Арист, который выступил с 15 тысячами воинов и обозом в 520 телег. Битва была дана на реке Цутре (Tzutra) и окончилась страшным поражением римского оружия. Четыре тысячи человек погибли в бою или утонули во время бегства, пало много офицеров, и «слава армии Иллирика погибла навеки», как замечает летописец.[1320] О вторжении болгар записано также под 504 годом.[1321] С уверенностью можно сказать, что бедствия придунайских областей не исчерпывались этими записанными в хрониках случаями. Нашествий было гораздо больше, и они имели характер стихийного бедствия для местного населения, на которое обрушивались убийства, грабежи и пленение. Хотя были как на Дунае, так и внутри страны крепости с гарнизонами и по-прежнему назначались магистры армии во Фракии и Иллирике, хотя войска, вызываемые из Фракии, успешно сражались с исаврами, персами и арабами, но, очевидно, прибалканские области в значительной степени запустели, и центральное правительство вынуждено было признать себя беспомощным в охране северных границ. Это признание определенно сказалось в сооружении «Долгой» стены. Она шла от Мраморного моря до Черного в 50 верстах от столицы и имела протяжение 420 стадий, т. е. около 70 верст. Конечными пунктами были Силимврия и Деркос.[1322]

В конце правления Анастасия появился новый враг на северо-западной границе империи. То были славяне, к которым в ту пору применяли старое имя «геты». Этот этнический термин в давнюю пору обозначал племена, жившие к северу от фракийцев. Фальшивая quasi-ученость Кассиодора связала судьбу гетов с историей готов, и Иордан перенес в свой труд эти искажения. Теперь имя геты применилось к новому, дотоле неведомому народу который в огромной массе надвинулся к Дунаю в направлении Иллирика. В 517 году совершилось первое вторжение этого нового врага империи. Славяне прошли по той самой дороге, по какой ходил на разорение империи Аттила, и направились к югу. Они опустошили обе Македонии, Фессалию, дошли до Фермопил на юге, а на западе прошли в Старый Эпир. В этих полчищах было много конных воинов. Огромное множество людей попало в плен, и император послал тысячу фунтов золота префекту претория Иллирии Иоанну на выкуп пленных. Славяне проявляли страшную жестокость, и если не получали выкупа, то убивали пленных под стенами городов, или жгли их, запирая в жилищах. Летописец, давая краткий отчет об этом событии, вспоминает об огненных стрелах с севера, о которых вещал когда-то пророк Иеремия.[1323] Так началось знакомство империи со славянами.

Вскоре затем славяне заняли низменные местности левого берега Дуная от самых его устьев. Разбитые на множество племен, не знавшие над собой единой сильной власти и не имея своей знати, как было у германцев, славяне представляли массу, с которой империя не умела справляться и долго терпела лишь нашествия.

В жизни придунайских областей совершилось при Анастасии еще одно событие, а именно переход на правый берег Дуная части племени эрулов. Это многоскитальное племя, о котором мы слышим и на Рейне, и в Приазовье, где воевал с ними Эрменрих до появления гуннов, подалось к западу вместе с гуннами и остготами. С Аттилой побывали эрулы на Каталаунских полях, участвовали потом в разрушении гуннской державы в битве на реке Недао и оказались в обладании земель на левом берегу среднего Дуная между реками Мархом и Эйпелем. Воинственные и предприимчивые, они составили главную силу Одоакра, который иногда называется rex Herulorum, предпринимали походы в Паннонию и Норик и в 480 году взяли и разрушили город Ював (Juvavum — Зальцбург). Они имели, по-видимому, желание податься дальше на юго-запад, но были оттеснены ругами. По сообщению Прокопия, который знал их на поле брани в Африке, Италии и Персии, то был самый дикий из германских народов, отличавшийся необузданной храбростью. Царь их Радульф завязал сношения с Теодорихом и был удостоен титула «сына по оружию».[1324] Когда в придунайские страны надвинулись с севера лангобарды, они потеснили эрулов. Тяготясь миром и жаждая военных подвигов, эрулы без всякого повода начали войну с лангобардами, и, несмотря на свою дикую отвагу, потерпели страшное поражение, пал и царь их Радульф (508 г.). Будучи сильно ослаблены этой битвой, эрулы вспомнили о своей скандинавской родине, и часть племени выселилась туда. Пройдя через славянские народы в бассейне Одера и Эльбы, они дошли до местностей нынешней Гольштинии и перебрались затем морем в Скандинавию.[1325] Событие относится ко времени несколько раньше 512 года.

Эрулы, остававшиеся в придунайских областях, подались в земли, занятые ругами, но не смогли там удержаться. Вступив в сношения с гепидами, они перешли на низовья Тисы. Но гепиды были тогда в союзе с лангобардами.[1326] Это обстоятельство, а также и дикость эрулов не дали им возможности ужиться в тех местах. Их грабежи и насилия довели дело до того, что между ними и гепидами началась война. Спасаясь от

[1320] Ib. p. 95.

[1321] Ib. p. 95.

[1322] Дата этого сооружения не поддается точному определению. В хронике Малалы (с. 610) сооружение Долгой стены отнесено к 512 году, но так как оно помянуто как заслуга Анастасия в панегирике Прокопия Газского (гл. 20), то его приходится отнести ко времени раньше 511 года, двадцатилетия правления Анастасия. Евагрий — 3, 38 — не приводит даты сооружения.

[1323] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II. 99-100).

[1324] В переписке равеннского двора есть письмо Теодориха к Радульфу. — *Cassiod.* Var. 4, 48.

[1325] *Procop.* b. g. 2, 15, 1-4.

[1326] *Paul. diac.* 1, 21.

окончательной гибели, эрулы перешли через Дунай на территорию империи в провинцию Дакию и отправили посольство к императору с просьбой дать им земли для поселения. Анастасий предоставил им захваченные ими земли.[1327] Вскоре, однако, они стали причинять такие бедствия местному населению, что против них пришлось направить войска. Эрулы были разбиты, смирились и отправили к императору посольство с просьбой о пощаде. Император оставил их на месте, но не зачислил в число «союзников».[1328] Хотя другие германские народы, близкие к империи, были христиане, но эрулы оставались и в ту пору язычниками. Впоследствии, во время Юстиниана, эрулы много потрудились во славу римского оружия на полях битв в Италии, Африке и на персидской границе.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

Жизнь Церкви в правление Анастасия была исполнена больших тревог. Раскол с римским престолом, вызванный Энотиконом Зенона, продолжался все время правления Анастасия. Геласий, преемник папы Феликса (с 492 г.), стоял на предъявленном его предшественником требовании исключить имя Акакия из церковных диптихов. Послы Теодориха к Анастасию, сенатор Фауст и Ириней, отправленные к нему после устранения Одоакра, имели поручение от папы оказать в этом смысле воздействие в Константинополе; но их старания оказались тщетными. После возвращения послов в Италию папа обратился сам с посланием к Анастасию, в котором выражал в весьма условной форме свои чувства верноподданности, заявлял о верховности духовной власти над светской и старался убедить императора подчиниться решению римского престола относительно Акакия.[1329] Послание это не имело успеха. В то же время папа обращался к епископам Иллирика, стараясь вызвать в их среде протест против константинопольского патриаршего престола.[1330] Преемником Геласия был Анастасий (496 г.), который немедленно оповестил императора о своем вступлении во власть обычным посланием. В это время Теодорих отправил к имп. Анастасию посольство, которое исправлял сенатор Фест. Его воздействию приписывается установление торжественного празднования в Константинополе дня памяти апостолов Петра и Павла.[1331]

Анастасий воспользовался пребыванием Феста, чтобы убедить его подействовать на папу в примирительном смысле, и Фест принял на себя это поручение. Но когда он вернулся в Рим, папы Анастасия уже не было в живых. Еще при жизни этого папы его примирительное в отношении Востока настроение вызвало в Риме раздор, и противная партия наметила ему преемника в лице Симмаха. Главой этой партии был сенатор Фауст, исправлявший первое посольство Теодориха к Анастасию. Дружественная Востоку партия имела своим главой Феста. Когда настали выборы нового папы, враждовавшие партии разделились, и каждая выбрала своего кандидата. То были Симмах и Лаврентий. Между приверженцами того и другого папы происходили схватки и кровавые столкновения на улицах Рима. Обе стороны обратились к Теодориху в Равенну, который решил дело в пользу Симмаха, и Лаврентий принял от Симмаха назначение в епископы города Нуцерии. Борьба партий продолжалась, и одно время Фауст и Фест были в открытой войне между собою. В отношении Востока Симмах придерживался прежней строгой точки зрения, и церковный раскол продолжался до самой смерти Симмаха в 514 году. Теодорих, арианин по исповеданию и стоявший поэтому лично вне этого спора, оказывал поддержку течению, враждебному Востоку, так как это было в его политических интересах.

При вступлении на царство Анастасий был заподозрен со стороны патриарха Евфимия в евтихианстве. Хотя в руках патриарха было собственноручное исповедание веры императора, но этот документ являлся лишь причиной взаимного недоверия и нерасположения. На третий год войны с исаврами Анастасий, желая поскорее привести ее к концу, просил патриарха снестись с епископами этой области, чтобы повлиять через них на настроение народа. Патриарх имел личные сношения с представителями исаврского движения и выдал мысли императора зятю Афинодора, одного из главных вождей восстания. Когда это стало известно императору, он обвинил патриарха в измене. Прежнее взаимное недоверие превратилось в открытую вражду. Считая за оскорбление своего царского достоинства то, что Евфимий держал его рукописание с признанием Халкидонского собора и выказывал тем недоверие к нему, Анастасий потребовал выдачи этого документа и исторг его силой.[1332] Вскоре затем произошло покушение на жизнь патриарха. Убийца проник в мутаторий храма во время разоблачения патриарха. Покушение не удалось, так как стоявший около Евфимия экдик церкви Павел, человек огромного роста, прикрыл патриарха.[1333] Удар пришелся в него, а один священник выхватил дверной

[1327] *Marc. Corn.* s. a. 512. Gens Herulorum in terras atque civitates Romanorum iussu Anastasii Caesaris introducta (Chron. min. II 98).

[1328] *Procop.* b. g. 2, 14, 26-32.

[1329] *Gelasii* Ep. 8 (P. L. 59, p. 41)... te sicut Romae natus, Romanum principem amo, colo, suscipio, et sicut Christianus, cum eo, qui zelum Dei habet secundum scientiam veritatis (pacem) habere desidero. — Duo quippe sunt, imperator Auguste, quibus principaliter mundus hie regitur: auctoritas sacra pontificum et regalis potestas. In quibus lanto gravius est pondus sacerdotum, quanto etiam pro ipsis regibus Domino in divino reddituri sunt examine rationem.

[1330] *Gelas.* Epp. 1-3, 13; *Günter.* Collectio Avellana. 79, 95 (p. 218-220, 368- 398) — распространенная редакция, 101 (p. 464-468) от 496 года.

[1331] *Theod. Lect.* 2, 17; *Theop.* 142, 28-143, 17.

[1332] *Theod. Lect.* 2, 8; *Evagr.* 3, 32. — По словам Евагрия, Анастасий требовал выдачи своего рукописания у хранителя его, скевофилака Македония, заявив, что дело имеет оскорбительный для царской власти вид.

[1333] "Εκδικος — defensor. Этот чин был установлен в начале V века — Cod. Theod. 16, 2, 38 — для сношений Церкви

ключ и убил им нападавшего. В 496 году собрался, по воле императора, Собор, в котором был наряжен суд над патриархом. Последний был обвинен в несторианстве, низложен и сослан в город Евхаиты на восточной границе империи.[1334]

Преемником Евфимия был избран Македоний, состоявший тогда скевофилаком Софийского храма. Евфимий потребовал выдачи охранной грамоты, очевидно ввиду того покушения, которое он благополучно пережил. Между новым патриархом и низложенным состоялось свидание в баптистерии Софийского храма, и наши источники сохранили упоминание о почтительном поведении Македония в отношении низложенного патриарха: отправляясь на свидание с Евфимием, Македоний приказал своему диакону снять с него омофор раньше, чем он встретится с Евфимием. Ручательство безопасности было выдано, и Македоний, заняв деньги у частных лиц под проценты, снабдил ими удалявшегося в изгнание Евфимия.[1335]

Подчиняясь воле императора, Македоний принял Энотикон Зенона[1336], и таким образом, осуществился опять раскол между Восточной и Западной церковью, продолжавшийся во все царствование Анастасия. В Константинополе на защиту Халкидонского собора встали монахи монастырей Дия Вассиана, акимитов и Матроны. Они отказывались от общения с патриархом, и все усилия Македония восстановить согласие были тщетны. С соизволения императора он делал попытку соборного обсуждения халкидонских определений. В Соборе участвовали находившиеся в Константинополе «восточные» епископы. Но и после этой попытки раздор с монахами продолжался, и разные меры понуждения не приводили ни к каким последствиям, кроме еще большего раздражения.[1337]

Склоняясь к монофизитству по своим религиозным убеждениям, Анастасий не был вообще расположен преследовать людей за веру. Евагрий дает общую его характеристику в таких словах: «Будучи миролюбив по характеру и имея большую опытность в государственных делах, Анастасий не желал никаких новшеств, особенно в делах церковных. Его заботы были сосредоточены на том, чтобы устранить смуты и водворить глубокий мир между своими народами. Поэтому он был против всяких разделений и пререканий как церковных, так и гражданских».[1338] Но дух времени был иной, христианский мир пребывал в раздоре из-за Халкидонского собора, и крайние партии находились в ожесточенной борьбе. Патриарх Македоний поддерживал в мере возможности церковный мир и в течение нескольких лет жил в согласии с императором. Упорный протест столичного монашества, с акимитами во главе, ставил его в весьма трудное положение.

Отношения резко изменились с 506 года. Многие епископы стали публично заявлять осуждение Халкидонского собора, а в Сирии началась ожесточенная борьба против него. Евагрий, описывавший ее перипетии почти сто лет спустя после событий, констатирует, на основании современных свидетельств, наличность трех партий: 1) одни твердо стояли за Халкидонский собор и анафематствовали тех, кто его отвергал, 2) другие отвергали этот Собор и анафематствовали как Халкидонское вероопределение, так и «томос» папы Льва. Между этими двумя партиями стояла 3) третья, которую составляли те, кто более всего дорожил церковным миром. Их объединяло признание Энотикона. Но в этой партии не было единодушия, так как одни склонялись на сторону Халкидонского вероопределения, а другие более сочувствовали монофизитскому учению о тайне Воплощения. Эта третья партия имела своим представителем патриарха Антиохии Флавиана, который старался водворить мир и сдерживал борьбу против Халкидонского собора. Самым ожесточенным врагом патриарха в его усилиях водворить мир в церкви был Филоксен, талантливый проповедник и изящный писатель на родном ему сирийском языке. В ожесточенной борьбе против Халкидонского собора Филоксена поддерживали епископы: Элевзиний — города Сасима в Каппадокии, Никий — города Лаодикеи, Константин — Селевкии и другие. Во время поездки имп. Анастасия в Кизик в 507 году Филоксен нашел к нему доступ, и император привез его с собой в столицу, а вместе с ним одного художника, земляка Филоксена, которому поручил роспись храма св. Стефана во дворце Елены. Император потребовал от патриарха, чтобы он принял Филоксена в церковное общение. Но патриарх считал Филоксена еретиком и отказался исполнить волю императора. Живопись приезжего художника вызвала соблазн и была обозвана манихейской, как тогда честили всех врагов Халкидонского собора константинопольские монахи.[1339] В городе началось волнение, которое приняло такой тревожный характер, что император издал повеление, чтобы на всех крестных ходах при его особе присутствовал префект города. Не добившись уступки от патриарха относительно Филоксена, император вынужден был тайно выслать из столицы последнего. Среди всеобщего возбуждения некто Ахолий сделал

с судебными учреждениями.

[1334] В изложении Захарии дело Евфимия выставлено как церковное. Евфимий вступил в сношения с римским папой Феликсом и грозил низложить Александрийского патриарха Афанасия. В это дело вступился патриарх Иерусалимский Саллюстий, который обличил в ереси самого Евфимия. *Zacharias*, 7, 1, p. 101-102.

[1335] *Theod. Lect.* 2, 12-15.

[1336] *Theoph.* 140,15.

[1337] *Theoph.* 141, 19-142, 8.

[1338] *Evagr.* 3, 30. Такой же отзыв о терпимости Анастасия дает Иоанн Никиусский — Chron. c. 89, p. 500.

[1339] Феофан сохранил свидетельство, что Филоксен не признавал икон Христа и святых (Chron. 134, 12). Об этом поминали впоследствии на Вселенском соборе при Юстиниане — *Mansi.* 7, 1176-78. Сирийские монахи жаловались папе на то, что Филоксен убирал из церквей золотые и серебряные изображения Святого Духа в виде голубя.

покушение на жизнь патриарха, но тот выказал свое незлобие тем, что вознаградил покушавшегося на него, обеспечив ему существование, как и вообще в интересах умиротворения прибегал к этому средству. Таким образом, первая попытка императора воздействовать на Македония в смысле сближения с монофизитами не имела успеха.[1340]

Ожесточенная борьба в Сирии продолжалась, и с соизволения императора в 509 году состоялся Собор в Антиохии под председательством патриарха Флавиана. На Соборе было выработано новое вероопределение. В нем были осуждены учения Нестория и Евтихия, сочинения Диодора, Феодора Мопсуестийского, принят Энотикон Зенона, помянуты первые три Вселенских собора и в заключение выставлены четыре положения (κεφάλαια), формулировавшие осуждение диофизитов. Флавиан изложил соборные решения в пространном послании к императору. На Соборе не было достигнуто полного единомыслия, и Филоксен, настаивавший на анафематствовании Халкидонского собора, послал императору свое изложение веры со включением и этого пункта. Анастасий склонился к точке зрения Филоксена.

С целью воздействия на Константинопольскую церковь и ходатайства перед императором в Константинополь явилась депутация от сирийских монахов, числом 200 человек. Среди них был образованный, энергичный и убежденный исповедник монофизитства Север. Уроженец города Созополя в Писидии, Север изучал право в юридической школе Берита, имея в виду вступить на практическое поприще. Но, приняв крещение, он отдался аскетическим подвигам и жил в монастыре Триполиса неподалеку от Майюмы. Епископом Газы был тогда Петр Ивер, с которым Север имел живое общение.[1341] Переход императора на сторону врагов Халкидонского собора воздействовал на патриарха в обратном смысле, и он сблизился с правоверными акимитами. На требование анафематствовать Халкидонский собор Македоний заявил, что такое решение может быть принято только на Вселенском соборе под председательством римского папы. Он отказался принять апокрисиариев Александрийского патриарха, ополчился на Флавиана, не принял и анафематствовал его апокрисиариев. Борьба затянулась на целый год. По свидетельству Феодора Чтеца волнения в столице приняли такой резкий характер, что Анастасий лишил права убежища храм св. Софии и сохранил его только для тех церквей, клир которых склонялся к монофизитству.[1342] С особой энергией против патриарха Македония выступали епископ Галикарнасский Юлиан и монах Север, возбудившие против него обвинение в противоестественных пороках. На поддержку патриарха Македония в его борьбе с врагами Халкидонского собора стали являться в большом числе православные монахи из Палестины. Император был вынужден принять строгие меры охраны, чтобы не допускать их в столицу. Патриарх Македоний представил при посредстве племянницы Анастасия Магны целую книгу в защиту Халкидонского собора с обильными ссылками на свидетельства из писаний святых отцов. Но император приказал книгу сжечь и сослал на оазис в Египет ее автора, монаха Дорофея. Император требовал от патриарха выдачи актов Халкидонского собора. Но Македоний держал их под печатью на престоле храма св. Софии. Евнух Калоподий, эконом храма, доставил акты императору, и они были уничтожены. Открытый переход Анастасия на сторону монофизитов выразился в том, что в одно воскресенье певчие во время богослужения в церкви Архангела Михаила запели Трисвятое с прибавкой «распныйся за ны». В следующее воскресенье то же самое повторилось в Софийском храме. Этого было достаточно, чтобы брожение перешло в открытый бунт. Возбужденная толпа, собиравшаяся на площадях и улицах, честила императора кличкой манихея, раздавались требования низложить его. Анастасий заперся во дворце и приготовил даже корабли на случай необходимости бежать из города. Хотя он прекратил общение с патриархом, но ввиду крайности положения вынужден был устроить свидание с Македонием и пригласил его к себе. Патриарх повиновался, был встречен с почетом, и дворцовая гвардия, между рядами которой он проходил, выражала ему свое сочувствие восторженными кликами в его честь.[1343] После этого свидания волнение в городе улеглось, вероятно, благодаря строгим полицейским мерам; но борьба между патриархом и императором не прекратилась. В заседаниях сената 27 и 31 июля император обеспечил себе сочувствие высших сановников, а также командиров армии и настроение солдат. 7 августа произошла шумная манифестация народа против Македония во время церковной службы. После этого магистр двора Келер получил приказание арестовать патриарха. По просьбе близких к нему людей, опасавшихся насилия толпы над патриархом, он исполнил это поздно вечером, а ночью Македония перевезли на азиатский берег Босфора.[1344]

Не считая удобным оставить дело Македония без формального суда, Анастасий послал в город Клавдиополь в провинции Гонориаде префекта и несколько других сановников. Здесь, при участии епископа города Кизика, произошел суд, окончившийся формальным постановлением о низложении Македония. Подсудимый

[1340] *Theod. Lect*. 2, 21; *Theoph*. 150.

[1341] Биография Севера на сирийском языке с франц. переводом — Patrol. Orient. 1-115; 204-264; Extraits notices et poesie sur Severe — 235- 339; Textes grecs relat a Severe, 335-400. — О монашеской депутации к императору — II, 232-37.

[1342] *Theod. Lect*. 2, 24.

[1343] *Theod. Lect.* 2, 26-27, от него почерпнул это сведение Теофраст (154, 15).

[1344] *Theod. Lect*. 2, 28; Захария (7, 8, p. 121-128) дает подробное изложение о том, как шла борьба, словами сирийского монаха Симеона Бетаршамского к архимандриту монастыря в Габале (Сирия). Самуилу. Дружественная Македонию версия сохранилась в кратком рассказе Феофана (Chronogr. 155).

протестовал, называя своих судей севастианами и македонианами.[1345] Приговор был приведен в исполнение и Македоний отправлен в ссылку. Преемником его был поставлен скевофилак Софийского храма Тимофей, который действовал по указаниям императора и удержался на престоле до самой своей смерти. Он относился с большой нетерпимостью к памяти своего предшественника и, являясь в храмы столицы на церковные службы, не приступал к началу богослужения раньше, как убедившись в том, что устранен со своего почетного места портрет Македония.[1346] По аналогии с давним обычаем рассылать по всей империи изображения императора при вступлении его во власть возник обычай ставить портреты патриарха в церквах его епархии, которые затем оставались в храме. Тимофею принадлежит одно нововведение в церковном обиходе. Раньше Символ веры читался только раз в год, в пятницу перед Пасхой, когда епископ наставлял крещаемых. Тимофей установил чтение Символа во время каждой службы (σύναξις).[1347]

В Константинополе продолжалась ожесточенная борьба между врагами и приверженцами Халкидонского собора. В ней принимали участие и некоторые благочестивые знатные женщины. Такова была Юлиана, дочь кратковременного римского императора Олибрия и Плацидии, внучки Феодосия. Она была в замужестве с Ареобиндом, сыном Дагалайфа и внуком того Ареобинда, который положил начало своей карьеры единоборством с персидским витязем во время войны с персами в 422 году. Юлиана отличалась большой преданностью православию и высоким благочестием.[1348]

Административные преследования, к которым был вынужден император, простирались прежде всего на монахов. Много акимитов было сослано в оазис в Фиваиде, другие бежали и рассеялись по Финикии, а некоторые направились в Рим. В течение 512 года в Константинополе нередко случались кровавые столкновения на улицах и происходили пожары.

В начале ноября, в воскресенье, префект города Платон и комит царских щедрот Марин объявили в храме св. Софии с амвона приказ императора петь Трисвятое с прибавкой «распныйся за ны».[1349] Среди собравшихся в церкви произошло большое волнение и кровавая свалка, много людей было арестовано и заключено в тюрьму. Такое же замешательство и волнение произошло и на следующий день в церкви св. Феодора с еще большим числом жертв. Так в течение двух дней росло всеобщее возбуждение, а на третий, 6 ноября, когда правилась в Триконхе на Форуме Константина лития в память пепельного дождя, напугавшего население Константинополя в 472 году, разразился страшный бунт. Всю ночь толпа ходила с пением псалмов по городу и, собравшись на Форуме Константина, бесчинствовала, поносила императора и, низвергнув его статуи, провозглашала императором мужа благочестивой Юлианы, Ареобинда. Сенаторы Келер и Патрикий, сделавшие попытку подействовать на бушевавших, были прогнаны камнями. Толпа двинулась к дому Марина, разгромила его и подожгла. Сам Марин спасся бегством; но в его доме нашли одного восточного монаха. Он был зверски убит как виновник прибавки к Трисвятому, и его отрубленную голову толпа с торжеством носила на шесте как трофей победы. Префект города Платон, не располагая достаточными силами для обуздания разъяренной толпы, бежал и скрылся. Бунтовщики направились к дворцу Юлианы, чтобы провозгласить Ареобинда императором. Ареобинд уклонился от этой чести и бежал на азиатский берег Босфора.

Императрица Ариадна находилась во Влахернском дворце, который тогда был еще загородным местом. Анастасий пал духом и явился туда же. Но Ариадна ободрила мужа, и он решился на смелый поступок. Без диадемы, знака императорского сана, и без порфиры он направился на ипподром и воссел на кафизму. Народ повалил на ипподром. Величественный вид благообразного старца магически подействовал на толпу. Император обратился с речью к народу и выражал готовность сложить свой сан, убеждал не производить бессмысленных убийств и успокоиться. Настроение возбужденной толпы резко изменилось, раздались крики: Αὔγουστε Ἀναστάσιε τούβικας, и те же люди, которые только что низвергали Анастасия, с торжеством и радостными кликами повели его во дворец. Так окончился бунт 512 года. Ввиду той разнузданности, которую проявило столичное население, император принял затем очень строгие меры. В течение долгого времени шли аресты

[1345] *Theoph.* 156.

[1346] *Theoph. Lect.* 2, 29. — Портреты патриархов выставлялись в церквах и оставаясь на месте после их смерти. Это видно из рассказа об одном случае в патриаршество Тимофея, когда обвиняемый указал на портреты Флавиана (449 г.) и его преемника Анатолия. — *Frag, ex libro* III *Johan. Domasc.* (P. G. 86, 220). Ср.: *Johan. Eph.* Kirchen-Gesch. 1, 5; 2, 27. — Портреты могли быть расписаны al fresco на стене. В недавних раскопках в Риме, когда открыта была на Палатине базилика S-ta Maria antiqua, которая была в течение столетий закрыта церковью S. Maria Liberatice, на стенах оказались портреты пап VII—VIII века. *Marucchi.* Le Forum Romain et le Palata Rome, 1902. P. 230-248. *Gruneisen.* S-ta Maria antica. Rome, 1910.

[1347] *Theoph. Lect.* 2, 32.

[1348] В части города, называвшейся Гонории, был храм Пресвятой Богородицы, ктиторшей которого была эта щедрая благотворительница. О ее благочестии и верности православию помянуто в житии св. Саввы Освященного. Юлиана, вместе с Анастасией, женой Помпея, посещала св. Савву во время его пребывания в Константинополе в 512 году.

[1349] Захария-ритор приписывает инициативу введения в Константинополе прибавки к Трисвятому патриарху Тимофею, объясняя это его происхождением из Антиохии, где «со времен Евстафия» водворилась эта форма Трисвятого. Возражения «еретиков» Тимофей отстранял таким аргументом: ангелы в своих славословиях не могли возглашать, что Господь пострадал за них, а люди, напротив, должны это делать, так как Иисус Христос воспринял плоть от нас и был распят за наши грехи. *Zacharias*. 7, 9, p. 129.

виновных в беспорядках. Было очень много казней (πλήθους ἀπείρον φονευθέντος), многие отделались заточением в тюрьме. «Немалый страх был в Константинополе и во всех городах Романии», — говорит Малала, и с тех пор столичное население держало себя спокойнее.[1350]

С наибольшим ожесточением борьба из-за Халкидонского собора шла по-прежнему в Сирии. По повелению Анастасия, в конце 511 года состоялся Собор в Сидоне, на котором присутствовало 80 епископов, под председательством Сотериха, епископа Кесарии Каппадокийской. Главное руководство принадлежало Северу и Филоксену, которые пользовались личным доверием императора. Патриарх Флавиан не соглашался открыто анафематствовать Халкидонский собор и томос папы Льва, чего добивались Филоксен и Север. Епископы Тира и Берита в Финикии, Дамаска и Бостры в Аравии, а равно и монахи в провинции Сирии Второй стояли за Халкидонский собор. Но монахи в провинции Сирии Первой ревностно отстаивали монофизитство. При их помощи Филоксен устроил демонстрацию, враждебную патриарху Флавиану. Но население Антиохии заступилось за него, и много монахов было убито или потонуло в Оронте.[1351] Собор был распущен (512 г.), и никакого решения принято не было. — Так изображает дело Евагрий. Феофан сохранил другую версию: Флавиан был вынужден анафематствовать Халкидонский собор. Но так как его обвинили в том, что он только устами, а не сердцем произнес анафему, то он был все-таки низложен и сослан в г. Петру в Аравии, где и умер через несколько лет.[1352] Антиохийскую кафедру Анастасий предоставил Северу (6 ноября 512 г.). Под его председательством в 513 году собрался многочисленный Собор епископов Сирии, Евфратезии, Аравии и Финикии. Филоксен доложил свое истолкование Энотикона, Халкидонский собор был единогласно осужден. Соборное решение было доведено до сведения патриархов Тимофея Константинопольского и Иоанна Александрийского.

Вскоре после Флавиана подвергся такой же участи Иерусалимский патриарх Илия. Когда Анастасий низложил Македония и возвел на константинопольский патриарший трон Тимофея, он потребовал, чтобы Флавиан и Илия вступили в общение с Тимофеем. Оба они приняли исповедание веры Тимофея, но не признали правильным низложение Македония. В предупреждение возмездия Илия снарядил посольство в Константинополь из видных монахов Палестины и в числе их отправил св. Савву, пользовавшегося огромным авторитетом во всей Палестине. Император любезно принял депутацию и с особенным вниманием отнесся к Савве. Согласно его просьбе, он разрешил ему провести зиму в столице и несколько раз удостаивал аудиенции, а перед отъездом подарил ему тысячу золотых на нужды его монастырей.[1353] Савва жил в Руфинианах на азиатской стороне Босфора. Своим пребыванием в столице он воспользовался для борьбы с монофизитством и, по словам биографа, имел в этом успех. В мае месяце 512 года Савва уехал в Палестину и поддержал Илию в его православном настроении.

Когда произошло низложение Флавиана и Север занял Антиохийскую кафедру, то, согласно обычаю, он послал Илии синодальную грамоту о своем возведении в сан епископа. Илия не принял послания и не пожелал вступить с ним в общение. Север вторично прислал синодальную грамоту Илии, и с привезшими ее монахами были уже и солдаты. Но Савва с огромным множеством монахов явился в Иерусалим, выгнал из города послов Севера и на лобном месте возгласил ему анафему. Получив известие об этом, Анастасий отдал приказ дуксу Палестины Олимпию низложить Илию и сослать его. Явившись с войсками в Иерусалим, Олимпий исполнил приказание императора и поставил на кафедру Иерусалима пресвитера Иоанна, который дал обязательство признать Севера (516 г.). Монахи убедили его не вступать в общение с Севером и обещали ему поддержку. Когда император узнал об этом, он отдал приказ дуксу Палестины Анастасию заставить Иоанна исполнить обязательство или низложить его. Вступив в город с войсками, Анастасий арестовал Иоанна и посадил его в тюрьму. По совету одного знатного антиохийца Иоанн прибег к хитрости. Он обещал исполнить царскую волю в ближайшее воскресенье в церкви, и дукс выпустил его из тюрьмы. Но поддерживавшие его монахи прибыли во множестве в город, и в воскресенье был переполнен обширный храм св. Стефана, сооружение Евдокии. В Иерусалиме находился в эту пору племянник императора Ипатий, который после плена у Виталиана (о чем будет речь дальше), приехал помолиться в Святой город. Присутствие такого гостя привлекло в храм еще больше народа. Когда патриарх вступил на амвон в сопутствии Саввы, Феодосия и других видных монахов, из толпы раздались крики с требованием утвердить Халкидонский собор и анафематствовать Нестория, Евтихия, Севера и Сотериха. Патриарх исполнил желание народа и анафематствовал всех, кто не признает Халкидонского собора, а Феодосий добавил: «Если кто не признает четырех соборов, как четыре Евангелия, да будет анафема». Присутствовавший в церкви дукс Анастасий, видя страшное возбуждение толпы, не счел возможным прибегать к мерам насилия и удалился в Кесарию, а Ипатий публично заявил, что он прибыл только помолиться и не имел

[1350] *Malala.* 407 сл., короче *Evagr.* 3, 44; *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 97- 98). — В житии св. Саввы (гл. 54) бедствия Марина вложены как грозное пророчество в уста св. Саввы за его противодействие сложению ста фунтов золота с населения Палестины, о чем он ходатайствовал.

[1351] *Evagr.* 3, 33.

[1352] *Theoph.* 153, 26. *Jean de Nik.* c. 89, p. 497. Много живых подробностей об этом тревожном времени сохранил Захария (7, 9-12, c. 122-136); см. также статью: *Getzer.* Josua Stylites und die damaligen kirchlichen Parteien des Ostens // Byz. Zeitsche 1892, 34-49).

[1353] Савва употребил эти деньги на то, чтобы превратить свой дом на родине в церковь св. Космы и Дамиана.

никаких поручений насчет Севера. Он внес сто фунтов золота на святыни города, дал другие сто для раздачи монахам и уехал из Иерусалима (516 г.).

Император, узнав о случившемся, хотел вновь послать войска, чтобы изгнать Иоанна. Но Савва и Феодосий, собрав на совещание всех монахов, решили отправить к императору послание с изложением веры, обличением Севера и просьбой даровать мир палестинской Церкви. На это послание монахов император дал свой ответ, который сохранил автор жития Феодосия, его ученик, епископ Петры Феодор. Призывая Бога в свидетели, Анастасий снимает с себя всякую вину за происшедшие бедствия и дает такое объяснение: «Некоторые монахи и клирики, присвоив себе православие, возбудили эти соблазны, силою вынуждая признать свое первенство в знании тайны проповедания веры. Но так как это непонятно людям, то они являют себя не чем иным, как лжецами и клеветниками». В заключение император просит Феодосия молить Бога о ниспослании мира церковного.[1354] Никаких дальнейших мер воздействия на палестинскую Церковь Анастасий не принимал, быть может, потому, что имел в ту пору другие тяжкие заботы.

ВОССТАНИЕ ВИТАЛИАНА. СНОШЕНИЯ АНАСТАСИЯ С ПАПОЙ ГОРМИЗДОМ

Волнения, происходившие в столице империи, отражались в провинциях, так как раздор между православными и монофизитами захватывал все круги населения империи. Дело обострялось еще тем, что непримиримые и скомпрометированные люди в моменты кризисов бежали из столицы и продолжали свою агитацию в других местах, где находили сочувственное настроение. И вот в 514 году в защиту православия поднялся против императора один полуварвар, вероятно гот, а может быть и гунн по происхождению, родом из города Зальдапы в Нижней Мезии, Виталиан, сын Патрикиола, участвовавший вместе со своим отцом в войне с персами 503-506 годов.[1355] Занимая положение комита федератов, Виталиан жил в Скифии (Добруджа)[1356] и поддерживал живые сношения с задунайскими гуннами, для которых тогда уже возобладало имя болгары. Магистром армии во Фракии был в ту пору Ипатий, племянник Анастасия.

Так как Виталиан навлек на себя подозрение в сомнительной верности императору, то Ипатий лишил его содержания по должности и, по-видимому, вообще сократил суммы, которые отпускались на содержание федератов (annonae foederaticae) в пределах Фракии. Всеобщее неудовольствие, которое должно было вызвать подобное распоряжение в воинственной среде живших в империи варваров, дало возможность Виталиану подготовить восстание. Устранив путем убийства нескольких близких к Ипатию офицеров, дукса Нижней Мезии Максимина, Константина, лидийца по происхождению, и Келерина, Виталиан распустил слух о своем назначении магистром армии во Фракии и заставил чиновника финансового ведомства Карина открыть ему доступ к казенным суммам, хранившимся в Одессе (Варна). Таким образом он обеспечил себе свободу действий. Собранная им военная сила доходила до 50 тысяч человек. С нею он двинулся на юг, выставляя причиной своего бунта защиту православия от покушений Анастасия. Не встречая сопротивления, он дошел до самой столицы, расположился лагерем в Евдоме и подъезжал к Золотым воротам.

Анастасий распорядился заранее выставить на городских стенах медные кресты, на которых была начертана причина бунта, и сделал щедрое пожертвование на церковь: отдал четвертую часть сбора налога на скот с провинций Вифинии и Азии.[1357] На стенах Софийского храма была выставлена хартия с изъяснением обстоятельств дела. Для переговоров с Виталианом был назначен магистр армии Патрикий.[1358] То был заслуженный человек, знавший Виталиана по прежней службе и имевший случай оказать ему внимание и помощь. На свидании с ним Виталиан заявил, что цель его похода — устранить те обиды войску, которые причинил Ипатий, и потребовать от императора восстановления православной веры.[1359] На следующий день Анастасий имел свидание во дворце с наиболее видными и влиятельными офицерами армии Виталиана. Успокоив их насчет причиненных им обид и щедро раздав подарки, он поклялся в своем благорасположении к ним на будущее время и обещал предоставить решение вопроса о правой вере римскому папе.[1360] Результатом

[1354] Текст послания монахов см.: Житие св. Саввы, гл. 75; письма императора — *Usener.* Der heilige Theodosius, c. 60-61.

[1355] *Johan. Antioch*. c. 103; *Zacharias*. 7, 13, p. 137.

[1356] Скифия, как все земли по течению Дуная, была страной латинского языка, который здесь утвердился со времени первых стоянок войск на Дунае при Августе. Помимо других доказательств, это подтверждает Иордан латинским языком своей «Истории готов», написанной в 551 году.Те аланы, к которым он принадлежал по крови, имели пребывание в Скифии. Епископы городов Скифии и Нижней Мезии писали свой ответ имп. Льву по делу Тимофея Элура в 457 году на латинском языке. См.: *Mansi*. 7, 545-547. Таким образом, в этих местах могла быть агитация с Запада. О протесте Виталиана знали не только в Риме, но и в далекой Галлии, как свидетельствует о том письмо Авита, епископа Вьенны. (*Aviti* Ep. 42), обращенное к Виталиану, от имени Сигизмунда еще при жизни Гундобала. (P. L. 59.).

[1357] Capitatio animalium — Cod. Theod. 11, 20, 6.

[1358] Консул 500 года, вместе с Ипатием действовал в 503 году на театре войны с персами. Малала (Chron. 404), называет его фригийцем по происхождению.

[1359] κυρωθῆναι δὲ καὶ τὴν ὀρθῶς ἔχουσαν δόξαν.

[1360] ἀξειν δὲ ὑποσχόμενος τονς τῆς πρερβυτέρας Ρώμης τὰ περὶ τῆς δόξης τῶν ἱερῶν καταστήσοντας. Exc. de ins. p. 144.

этих сношений и переговоров было то, что на восьмой день после прибытия Виталиан очистил Евдом и направился со своими войсками на обычные стоянки.

Магистром армии во Фракии вместо Ипатия был назначен Кирилл, командовавший в Иллирике. Он вступил в Мезию, занял Одесс и изыскивал способ захватить Виталиана. Но последний предупредил его. Снесшись с какими-то изменниками в гарнизоне Одесса, Виталиан ночью вступил в город и захватил Кирилла спящим. Действовавший заодно с Виталианом, его союзник гунн Таррах своей рукой убил его «гетским» ножом.[1361] Когда весть об этом пришла в Константинополь, Анастасий подверг обсуждению дело Виталиана в заседании синклита, в котором было принято решение объявить Виталиана врагом отечества. Для борьбы с ним была сформирована армия в 80 тысяч человек, и главное командование было предоставлено Ипатию. Ближайшими помощниками его были назначены гот Алафар, заменивший Кирилла в звании магистра армии во Фракии, и комит царских щедрот Федор. Последний был, очевидно, начальником интендантской части армии как и Апион во время войны с персами.

Снабженная всем нужным армия, с обозом в 800 телег, выступила против Виталиана, который со своей стороны готовился к войне и вызвал из-за Дуная большие полчища гуннов. Первые стычки были удачны для Ипатия, и когда весть об этих успехах дошла до Константинополя, Анастасий посчитал дело оконченным и стал являться народу на ипподроме. Вскоре, однако, пришло известие, что видный чиновник императорской канцелярии (scenium memoriae), Юлиан, принимавший участие в походе, попал в плен и был посажен Виталианом в клетку. Его выкупили за большие деньги. В одной схватке пал протектор Тимофей. Армия Ипатия подвинулась к морскому берегу около города Акры, неподалеку от Одесса. Войска расположились в большом лагере и окружили его табором из телег.[1362] Виталиан стянул свои силы, и гунны сделали нападение на табор Ипатия. Сначала войска храбро отбивались от нападавших. Но те вскоре сумели вызвать полный беспорядок в лагере: они начали стрелять в быков, запряженных в телеги. Раненые быки ринулись со своего места, произошла паника. Дело ухудшилось еще более от того, что шаманы гуннов навели своими чарами темноту! Целые полки бросались в разные стороны, ища свободного места для битвы. Местность была пересеченная: люди попадали в овраги и разбивались насмерть. Гунны ринулись внутрь лагеря, и в этой страшной битве пало со стороны римлян 60 тысяч человек. Ипатий бежал и искал спасения в море со многими другими. Его узнали, вытащили из воды, и Виталиан тщательно оберегал этого дорогого пленника и своего личного врага. Почти все офицеры пали в битве или оказались в плену. Алафар и Асигней были вскоре выкуплены за большие деньги. Ипатия Виталиан не выдавал и держал под надежной охраной в городе Акрах.

Справившись с армией Ипатия, Виталиан начал захватывать укрепленные пункты страны. Император отправил к нему посольство, состоявшее из начальника канцелярии магистра оффиций, Урания и двух других членов, Полихрония и Мартирия, исполнявших дипломатические поручения к гуннам. Послы везли с собою 1000 фунтов золота для выкупа пленных. Цели они не достигли, так как Виталиан захватил их близ Созополя (Аполлония) и отнял деньги. Взят был и город Созополь. Виталиан овладел всеми крепостями этой области и помышлял о провозглашении себя императором. Настроение населения в столице было весьма тревожно, и раздор партий ипподрома повел к большому побоищу. Во время подавления этих беспорядков был убит префект ночной стражи (praefectus vigilum) Гета.

Обеспечив свое положение во Фракии, Виталиан двинулся на Константинополь. Кроме конного и пешего войска, он имел в своем распоряжений флот в 200 кораблей. То были суда сторожевой дунайской эскадры (naves lusoriae). Флот спустился до гавани Сосфения (ныне Стения) на фракийском берегу Босфора, в десяти римских милях от столицы. Навстречу Виталиану был послан Иоанн, сын Валерианы, сестры Виталиана, стяжавший себе впоследствии военное имя в войнах с готами в Италии. Виталиан предъявил такие требования: пять тысяч фунтов золота,[1363] звание магистра армии во Фракии, восстановление на патриарших престолах Македония и Флавиана, эдикт о правой вере с устранением всяких обид православным. На этих условиях Виталиан соглашался держать мир с императором, но требовал, в виде гарантии его прочности, чтобы договор был скреплен присягой со стороны императора, всего синклита, старших офицеров, дворцовых схол и представителей димов (ἀρχοντες λαῶν).[1364] Анастасий вынужден был согласиться на все эти условия, дана была и клятва. Виталиан получил звание магистра армии во Фракии. Он отступил от столицы на свои стоянки и отпустил в Константинополь Ипатия из укрепления Акры, где он содержался в заточении.

[1361] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 99).

[1362] Моммзен в своих разъяснениях этого свидетельства Иоанна Антиохийского (Hermes, VI (1872), с. 354, примеч. 1), видит в этих телегах артиллерию, ссылаясь на свидетельство Вегеция, (Epit.r. m. 2, 25). Но со времен Вегеция прошло более ста лет, состав армии и тактика изменились, в особенности на этом театре войны, и в таборе армии Ипатия нельзя видеть ничего, кроме обычного у готов carrago, о котором сообщает Аммиан Марцеллин в рассказе о битве с готами. (3, 258 (31, 7, 7)).

[1363] Такую цифру дает Иоанн Антиохийский (Exc. de insid. p. 146), у Марцеллина иначе: nongenta pondo auri exceptis regalibus muneribus, pro pretio tunc accepit Hypatii iam mille centum auri libris cum Uranio captivo sibi a suis in Sozopoli ablatis. — Итак, за Ипатия было уплачено 2 тысячи фунтов золота (Chron. min. II 99). Моммзен в своем разборе отрывка Иоанна Антиохийского (Hermes, VI, 350, п. 3) полагает, что у Марцеллина стояло Lauri pondera — pondus в смысле кентенария.

[1364] Такую же клятву, без упоминания о димах, брал некогда с Зенона Теодорих остготский.

В тот же самый год, к которому относится этот поход Виталиана, гунны-сабиры[1365] прорвались через Каспийские ворота (Дербентский проход), подвергли страшному опустошению Армению, Каппадокию, Понт, Галатию и дошли до Ликаонии.[1366] Во время этого нашествия патриарх Македоний, находившийся в ссылке в Евхаитах, бежал ввиду опасности в Гангры, где и жил до смерти под стражей.[1367] В тот же год умер в Анкире его предшественник Евфимий.[1368]

С большой добычей гунны ушли назад в свои степи, а в столицу явились беглецы из пострадавших мест, понеслись жалобы. Анастасий освободил население от всех повинностей на три года и сделал распоряжение о возведении новых укреплений, особенно в Каппадокии. В провинции Второй Армении Анастасий остановил свое внимание на городе Мелитене, который обнаруживал в то время быстрый рост и широко обстроился вокруг старого акрополя. Анастасий распорядился окружить этот город крепкими стенами. Эти большие работы не были закончены в год смерти Анастасия, и дело довел до конца Юстиниан.[1369]

Море гуннских племен от Паннонии и до Кавказских гор не знало над собой единой власти, как было при Аттиле; но отдельные племена находились в общении, и византийский двор имел основания подозревать, кто был виновником бедствий, посетивших восточные области.[1370] Анастасий лишил Виталиана звания магистра армии во Фракии и передал этот пост Руфину (516 г.). Враждебный Анастасию Феофан корит императора за вероломство и приписывает ему такие слова: «Существует закон, повелевающий царю в случаях необходимости нарушать клятву и лгать».[1371]

Лишенный своего сана Виталиан собрался в третий поход на Константинополь. С большими силами, в составе которых преобладали, по-видимому, задунайские гунны, т. е. болгары, он двинулся к столице и занял предместье Сики. Свою штаб-квартиру он разбил близ церкви Архангела Михаила.[1372] Его флот дошел опять до Сосфения. Экипаж составляли готы и гунны. Виталиан рассчитывал встретить сочувствие у исавров, которые имели свою стоянку в Халкидоне, и завязал еще раньше сношения с ними в надежде, что они к нему присоединятся. Но исавры обманули расчеты Виталиана и остались верны императору. Комит экскувитов, Юстин, будущий император, командовал эскадрой имперского флота. Корабли Виталиана смело подходили к самому Хрисополю (Скутари). Юстин напал на передовой корабль Виталиана и потопил его. Тогда двинулись и другие суда эскадры. Неопытные моряки Виталиана не могли бороться с военными кораблями императорского флота, и победа была полная. Стоявшие в Сиках гунны бежали с такой поспешностью, что покинули своих раненых и больных. Ночью бежал и сам Виталиан. Сделав в один переезд 60 римских миль (ок. 100 верст), он укрепился в Анхиале.

С церковной процессией Анастасий вышел из города в предместье и в течение нескольких дней совершал благодарственные моления в храме Архангела Михаила. Вскоре после того гунн Тургун обманом захватил своего соплеменника Тарраха, убийцу Кирилла, и выдал его за деньги императору. С торжеством привезли его в Константинополь, подвергли жестоким пыткам в Халкидоне и сожгли живым. Руфин, продолжавший преследование бежавшей после разгрома армии Виталиана, взял в плен двух его оруженосцев, Анастасия и Домника. Так как было выяснено, что за ними числилось много преступлений, то их отдали на казнь полицейским ночной охраны (νυκτοφύλακες). Головы казненных сподвижников Виталиана были выставлены на шестах в Сиках.

Малала сохранил подробности этого события, восходящие, быть может, к слухам и рассказам стариков, которыми пользовался этот автор, по собственному признанию. Он рассказывает, что защиту столицы Анастасий поручил Марину. Случайно находившийся в Константинополе афинский философ Прокл открыл Марину секретный состав из жидкой серы, которым можно было поджечь корабли неприятеля на расстоянии, не вступая в бой. Марин воспользовался этим секретом и без битвы уничтожил весь флот Виталиана и потопил его суда вместе с экипажем.[1373] Страшное смятение, которое вызвал непонятный для пострадавших пожар флота,

---

[1365] Территория сабиров недостаточно определенно показана у Прокопия. Проф. К. П. Патканов извлек из одного новоизданного списка географии Моисея Хоренского (Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, март. С. 31) следующее свидетельство о местожительстве сабиров: «К востоку (от гуннов, живших севернее Дербента — Вараджана) живут сабиры до реки Талта (Атель — Волга), отделяющей азиатскую Сарматию от Скифии, то же, что Апахтар или Туркестан. Царь их зовется хаган, а царица, жена хана, — хатун».

[1366] *Johan. Antioch,* с. 103; *Marc. Com. s. a; Malala.* 406.

[1367] *Theod. Lect.* II 36. — Македоний сохранил до самой смерти враждебное чувство к Анастасию. По сообщению Феодора Чтеца, один из верных Македонию людей, по имени Феодор, имел видение по смерти Македония. Ему явился Македоний и приказал передать царю такие слова: «Я ухожу к моим отцам, веру которых я сохранил до конца, и не перестану умолять Господа, пока ты не придешь, чтобы нам предстать на суд».

[1368] *Vict. Tonn.* s. a. (Chron. min. II 195).

[1369] *Procop.* De aed. 3, 4.

[1370] Так комбинирует эти события Моммзен.

[1371] *Theoph.* 161, 40. — ἔλεγεν νόμον εἶναι κελεύοντα βασιλέα κατ' ἀνάγκην ἐπιορκεῖν καί ψεύδεσθαι.

[1372] Храм Архангела Михаила был выстроен Константином Великим на месте, где ему было видение, как сообщает Феофан (p. 24, 1). Он находился на побережье (Ἀναπλοῦς), близ Сосфения, т. е. нын. Стении. Pargoire. o. c. p. 82 sq.

[1373] Так как огненосные суда имел Гензерих в 468 году, то в этом сообщении Малалы нет ничего невероятного.

облегчил борьбу с сухопутными силами Виталиана, занимавшими Сики.[1374] В сохранившихся отрывках Иоанна Антиохийского нет упоминания о выдающейся роли Марина, и победа над Виталианом является заслугой одного Юстина.

Так бунт Виталиана окончился победой императора. В течение двух лет после того Виталиан держался где-то в Скифии и сохранял свои связи с приверженцами Халкидонского собора, но был бессилен и не представлял уж никакой опасности для Анастасия.[1375]

В связи с бунтом Виталиана, который выставлял себя защитником православия против еретика-императора, начались сношения Анастасия с новым папой Гормиздом, занявшим римский престол в 514 году. В письме к нему от 28 декабря того же года Анастасий высказал готовность созвать Собор и местом его назначал Гераклею на Пропонтиде. То же самое предложение он повторил в письме от 12 января 515 г.[1376] Папа отозвался с полным сочувствием на это предложение и, с разрешения Теодориха, отправил для переговоров в Константинополь своих легатов с епископом Тицина (Павии) Эннодием во главе.[1377] По тому же поводу Анастасий обращался позднее к римскому сенату (от 28 июля 516 г.). Текст этого послания сохранился. Хотя в нем есть упоминание о Теодорихе и ему дан титул царя, тех, с эпитетами gloriosissimus и excelsus, тем не менее Анастасий называет сенат «своим» — senatui suo. Власть варварского царя в Италии не устраняла ни в теории, ни на практике прерогатив императора как верховного главы христианского мира. С формальной стороны этот царь был лишь доверенным лицом, которому поручено управление Италией и Римом (apud excelsum regem, cui regnandi vos potestas vel sollicitudo commissa est). Анастасий в заголовке письма дает себе старый титул римских императоров: Imperator Caesar Flavius Anastasius, pontifex inclitus, Germanicus inclitus, Alamannicus inclitus, Francicus inclitus, tribunici imperii *(sic!)* XXV, cons. tertio, pius, felix, victor ac triumphator, semper Augustus, pater patriae.[1378] Эти старые гордые римские слова многое говорили сознанию и сердцу тогдашних людей и были не пустыми звуками для варваров, создававших свои царства на развалинах империи в западных областях, и недалеко было время, когда Юстиниан сделал попытку восстановить грозную силу этого титула. В ответе сената императору выдержан тон верноподданных, как в отношении Теодориха, так и императора.[1379]

Посольство от папы, состоявшее из епископов Эннодия и Фортуната, пресвитера Венанция, диакона Виталия и нотария Гилария, прибыло в Константинополь в 515 году. Инструкция, данная папой легатам, касалась следующих пунктов: признание Халкидонского собора и томоса папы Льва, анафематствование Нестория, Евтихия, Тимофея Элура, Петра Кнафея, Петра Монга и Акакия, возвращение из ссылки всех сосланных за православие епископов, предоставление папе суждения и решения по делу как этих лиц, так и тех епископов, на которых могут быть поданы жалобы папским легатам о преследовании ими приверженцев Халкидонского собора.[1380] После продолжительных совещаний Анастасий отпустил папских послов зимой 515 года, вручив им свой ответ папе. Император заявил, что он признает и Халкидонский собор, и послание папы Льва, анафематствует Нестория и Евтихия; но он решительно возражал против анафематствования остальных, так как это не могло послужить делу мира в Церкви, но грозило вызвать большие беспорядки. Из-за мертвых пришлось бы изгонять живых, и этого нельзя было бы осуществить без большого кровопролития. В заключение император предлагал папе обсудить это дело в связи с теми сведениями, какие сообщат ему в подробностях его легаты. Свой ответ он закончил словами Христа: «Мир мой даю вам, мир мой оставляю вам».[1381] Папа не удовлетворился этим ответом и настаивал на своих требованиях, не принимая в соображение опасений императора вызвать бунты и кровопролитие и тем усилить пропаганду врагов Халкидонского собора в Египте и на Востоке. Мерами вразумления, к которым неоднократно прибегал Анастасий, как он поминает об этом в своем ответе папе, нельзя было остановить борьбы, которая охватила Церковь на юге и востоке.[1382]

Сношения с римским престолом осложнились в ту пору вопросом об Иллирике. Провинции, входившие в эту префектуру, составляли диоцез римского патриаршего престола и сохранили старое отношение, несмотря

[1374] *Malala.* Chron. 402-406 (короче — с. 41). Рассказ Евагрия (3. 43) представляет сокращение изложения Малалы. Jean de Nik. 497-500.

[1375] Иордан (Rom. 358) знает о многократных поражениях Руфина и Алафара в войне с Виталианом. — Rufinus Alathorque mag. mill. saepe superati, saepe incise ab eo et spreti sunt.

[1376] *Cünter.* Coll. Avellana. 109 (II 501-502); 107 (500). — ut adea, quae de Scythiae partibus mota sunt, unde et concilium fieri convenire perspeximus mediatorem se apostolatus vester faciat, ut contentionibus mutatis unitas sanctae restituatur ecclesiae. — Письмо 107 получено в Риме 28 марта 515 года, а 109 — 14 мая.

[1377] Ib. 115 (II 510-513) от 15 авг. 515 г.

[1378] *Günter.* Collectio. Avellana. 113 (II 506-507). У Манси титул короче и не в том порядке (8, 399). — Цель письма — просьба к сенаторам воздействовать на то, чтобы Теодорих и папа внимательно отнеслись к послу императора и не полагались только на слухи, которые заносили в Рим беглецы, т. е., вероятно, монахи.

[1379] Ib. 114 (II 508-509).

[1380] *Günter.* Collectio. Avellana. 116 и 116 a (II 513-520).

[1381] Ib. 125 (II 537-540). §11: Nunc universa, quae sint facienda, perpendite, quia grave esse dementia nostra iudicat de ecclesia venerabili propter mortuos vivos expelli nec sine multa effusione humanae sanguinis scimus posse ea, quae super hoc scribitis, ordinari.

[1382] Ib. § 8. Nam pro hac causa attestantur nobis etiam divinae litterae ad Alexandriam non semel sed multotiens destinatae, per quas obiurgavimus, cur sibi non arbitrarentur posse sufficere directam fidei doctrinam recedentes ab anathemate Chalcedonensis synody vel venerandae memoriae Leonis episcopi.

на попытки Аттика и Прокла, вплоть до времени возникновения раскола, вызванного появлением Энотикона. Усилия папы воротить Иллирик под свою власть после 484 года долго были безуспешны. Но в 515 году епископ Фессалоники Дорофей стал искать, по своему почину, восстановления церковного общения с Римом. Его примеру последовали епископы Дардании и провинции Старого Эпира с епископом Никополя Альциссом во главе. Пребывание папских легатов в Константинополе ускорило и облегчило дело.[1383] Папа ставил непременным условием воссоединения анафематствование Акакия, Тимофея Элура, Петра Кнафея, Петра Монга. Анастасий в 516 году вызвал к себе епископов Лихнида, Наисса, Сардики, Никополя и Павталии для объяснений по этому делу. Совещание ни к чему не привело, а два епископа, Альцисс Никопольский и Гайан Наисский, умерли в Константинополе.[1384] В том же году епископы провинции Старый Эпир составили Собор для выбора преемника умершему Альциссу. Избран был Иоанн, который вступил в сношения с папой, и папа издал по этому поводу «Правило веры» (Regula fidei), в котором утверждал как незыблемое положение, что Римская церковь всегда хранила неповрежденную веру (immaculata religio) и что в ней одной — «цельная и истинная твердыня христианской религии» (integra et verax christianae religionis soliditas).[1385]

Принимая близко к сердцу дела Иллирика, папа продолжал сношения с Анастасием, и в 517 году прибыли в Константинополь папские легаты с тем же Эннодием во главе,[1386] а всего съехалось до 200 епископов. Так как папа упорно стоял на своих анафемах, то было ясно, что никакого соглашения последовать не могло, и Анастасий предпочел не открывать Собора. Сохранилось письмо Анастасия к папе Гормизду от 11 июля 517 года. Начав с рассуждения об искупительном значении вольных страстей Иисуса Христа, император говорит о прощении и милосердии как заветах Христа и заявляет папе, что он считает нецелесообразным обращать просьбы к тем, кто проявляет высокомерное презрение к просящим. «Мы можем снести, — так заканчивает император, — что нас обижают и вменяют в ничто, но мы не допускаем, чтобы нам отдавали приказания».[1387] Этим письмом Анастасий закончил свои сношения с папой.

Съехавшимся епископам было предложено возвратиться в свои епархии, а папские легаты были посажены на корабль и под военной охраной отправлены назад. Им было запрещено сообщать кому бы то ни было выработанное в Риме вероопределение в 19 пунктах. Несмотря на этот запрет и военную охрану, легаты, как они о том сами сообщили папе, сумели через монахов распространить этот документ по всем епископиям.[1388] Но получившие его епископы почли за лучшее препроводить это вероопределение императору. Так вопрос о Соборе с участием римского престола кончился ничем к большой обиде папы и ревностно отстаивавших его авторитет константинопольских монахов.[1389]

Весною следующего 518 года, в апреле, скончался патриарх Тимофей, и на третий день Пасхи (17 апреля) опустевшую кафедру занял, по выбору императора, пресвитер и синкелл Софийского храма Иоанн, каппадокиец по происхождению. Длившийся уже много лет протест монахов принес свои плоды: население столицы разделяло в значительном большинстве их воззрения, и новый патриарх выдержал бурный натиск толпы, которая требовала от него, чтобы он изрек анафему на Севера.[1390] Так назревала та реакция, которая наступила немедленно по смерти Анастасия, последовавшей в июле месяце того же года.

ФИНАНСОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ АНАСТАСИЯ

Внешние войны в первую половину правления Анастасия, вторжения варваров из-за Дуная, особенно грозные в начале и в конце этого царствования, столь частые волнения в столице, сопровождавшиеся убийствами и пожарами, стихийные бедствия, посещавшие отдельные местности империи в разное время, сооружения пограничных крепостей в обеспечение мира с внешним врагом — все это в целом предъявляло огромные требования государственному казначейству. Анастасий, как опытный государственный муж, не только умел справляться со всеми этими затруднениями, но доказал блестящее состояние финансов империи тем, что оставил в наследие своему преемнику огромный фонд в количестве 320 тысяч фунтов золота, т. е. ок. 120 миллионов золотых рублей на наши деньги. Этот блестящий результат финансового управления Анастасия является лучшим свидетельством верности суждения об этом человеке тех, кто выдвигал на престол, опустевший по смерти Зенона, гражданского чиновника сравнительно невысокого ранга, не достигшего звания сенатора, хотя

[1383] *Duchesne.* L'lllyricum ecclдsiastique (Byz. Zeitsch. I (1892). 511-550); *Лепорский П. И.* История Фессалоникского экзархата до присоединения его к Константинопольскому патриархату. СПб., 1901. С. 199 и сл.

[1384] *Marc. Com.* s. a. (Chron. min. II 99).

[1385] *Mansi.* 8, 407.

[1386] Посольство было отправлено 5 апреля 517 года. — По этому поводу папа вел переписку с Авитом, епископом Вьенны (*Aviti Ep.* 87(P. L. 59)).

[1387] Coll. Avel. 138 (II 565): inrationabile iudicantes illis precum adhibere bonitatem, qui rogari se nolint contumaciter respuentes. Iniuriari enim et adnullari sustinere possumus, iuberi non possumus.

[1388] *Mansi.* 8, 407. Imperator furore repletus eiecit eos (sc. legatos) et imposuit in navi periculosa cum militibus, ut niillam civitatem ingrederentur. Legati autem sedis apostolicae secretius epistolas fidei permanus monachorum et orthodoxorum exposuerunt per omnes civitates.

[1389] Феофан (161, 12) корит императора за его вероломство и честит кличкой «манихействующего», которую тогда давали всем сторонникам Энотикона.

[1390] *Theoph.* 164, 8-12.

ему было уже 60 лет. Очевидно, Анастасий имел случай внушить им уважение к своим высоким дарованиям, хотя и не занимал раньше ответственных постов.

Анастасий начал свое царствование изданием манифеста о сложении недоимок по государственным податям за прежнее время. Одновременно с тем был опубликован указ в ограничение бедствия, которое причиняли профессиональные доносчики (delatores). Весьма вероятно, что этот указ имел ближайшее отношение к взысканию податей и повинностей; но в нем была и другая сторона. Анастасий заявил им разрыв с прошлым, так как при Зеноне специальность доносчиков, приносившая денежные выгоды как им самим, так и правительству, стала тяжким общественным бедствием.[1391] Другим злом, против которого Анастасий вступил в борьбу с самого начала своего правления, была продажа административных должностей, которую пытался в свое время искоренить Маркиан. Но это старое зло вскоре возродилось, и при Зеноне выросли цены отдельных постов, смотря по их доходности. Прокопий Газский в своем панегирике Анастасию, вспоминая время Зенона, утверждает, что в ту пору административные должности отдавались тому, кто больше предлагал, в надежде затем нажиться за счет управляемых.[1392] Анастасий положил конец такому порядку и достиг в этом отношении блестящих результатов. В свидетельствах источников о времени его правления нет обычных жалоб на вымогательства и обиды чиновников, а в хронике Иешуа Стилита, писавшего в Эдессе, о многих помянутых по разным поводам чиновниках с похвалой отмечены их бескорыстие и забота об интересах подчиненного им населения.

По старым традициям империи функция суда была связана с администрацией, а потому продажа должностей вела к большой неправде в судах. На деятельность суда Анастасий обратил самое ревностное внимание и заслужил репутацию восстановителя правды в судах. Администрация империи завершалась в лице префекта претория. По свидетельству Иоанна Лидийца, при Анастасии выросло значение этой магистратуры как центральной апелляционной инстанции.[1393] В связи с этой переменой в характере префектуры стоит другое крупное нововведение. Анастасий начал назначать на этот пост опытных юристов, получивших прочную репутацию и авторитет в судебной практике (δικανικῶν ῥητόρων τοὺς ἀρίστους).[1394] Присциан в своем панегирике славит Анастасия за эту реформу, выставляя ее как величайшую и важнейшую.[1395]

Свою новую систему Анастасий проводил очень строго и не сделал исключения для Анфимия, сына одноименного императора, хотя о назначении его префектом усиленно просила императрица Ариадна, состоявшая в свойстве с домом Анфимия через замужество своей младшей сестры, Леонтии, со старшим сыном Анфимия, Маркианом. Свой отказ Анастасий мотивировал тем, что префектура есть пост, который могут занимать только люди, получившие специальную подготовку (λογικοί).[1396]

Огромные заслуги имел Анастасий по упорядочению и организации финансового управления империи. По свидетельству Иоанна Лидийца, он установил государственный бюджет, водворил строгую отчетность и прилагал самое внимательное отношение к соответствию расходов с приходом.[1397] К сожалению, это замечание слишком кратко, но результат финансового управления за 27 лет царствования Анастасия, а именно оставленная им свободная наличность в количестве 320 тысяч фунтов золота, — является доказательством справедливости этого сообщения.

[1391] Присциан славит Анастасия в таких стихах (135-139):

Insidias nemo diras metuitque venenum
Linguae, quo multi ceciderunt crimine ficto.
Perdita res populi fuerat sub tempore diro;
Restituit tamen hanc domini prudentia mira,
Perficiens firmum, quod cepit debile, regnum.

(Никто не боится жестоких коварств и яда языка, от чего прежде гибли многие по ложному обвинению. Погибшим было дело народа в жестокое время. Его восстановил, однако, дивный разум владыки, сделавший прочным царство, которое он принял слабым).

[1392] *Procop. Caz.* Paneg. c. 11-12; *Prise,* vv. 201:

Aurum non adhibes, moderantes ante solebant
Quod dare, ne liceat socios evertere furtis.

1393 Иоанн видит в этом умаление достоинства этого сана. De mag. 3,49: τῆς ἐπαρχότητος τρόπω χαμαιζήλου δικαστοῦ μόναις ταῖς ἰδιωτικῖς διαδικσίαις σχολαζούσης.

[1394] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 50. Так как образование по древним традициям имело своим идеалом владение словом, то от будущих юристов требовалось заявить свое искусство в публичных речах, которые награждались щедрыми премиями.

[1395] *Prisc.* Paneg. vv. 239-253. «Но все хвалы в твою честь, государь, превосходит разумное решение избирать верных стражей двора, чтобы через них возрастало римское могущество... Ты, великий государь, праведным своим решением избираешь своими помощниками людей, блистающих красноречием, постигших науку, потевших на поприще муз, и мудрость их укрепляет римские законы. Ты один даешь им награды, достойные их трудов, обогащая их дарами и проявляя в отношении к ним твою благосклонность».

[1396] Факт этот сообщает Иоанн Лидиец. — Три сына Анфимия участвовали в бунте против Зенона в 479 году — Маркиан, Прокопий и Ромул. Их четвертый и, вероятно, младший брат был Анфимий. В 515 году император предоставил ему консульство.

[1397] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 45.

В системе взимания главной статьи в государственном бюджете, поземельной подати, Анастасию принадлежит отмена взыскания натурой, in speciebus, τὰ εἴδη, и замена этой формы взимания уплатой деньгами по расчету на золотую валюту. Отсюда название χρυσοτέλεια для этой реформы. Наши источники дают лишь краткие сведения о ней, так как их внимание сосредоточено на событиях, а не мероприятиях общего характера, в которых Анастасий проявил свое понимание государственных интересов и нужд населения. Краткие замечания Евагрия и Малалы восходят, по-видимому, к одному источнику — Евстафию Епифанийскому. «Блаженной памяти император Анастасий,— говорит Малала, — установил хрисотелию югов для всех плательщиков, чтобы солдаты не взыскивали натурой на свое пропитание».[1398] Евагрий в таком же кратком замечании об этой реформе отмечает в укор императору вящее отягчение плательщиков.[1399] Быть может, одновременно с этой реформой Анастасий издал указ на имя префекта претория Матрониана в 491 году, в котором были определены условия экстренных закупок хлеба συνωνή. В случаях чрезвычайной надобности никакой землевладелец не имел права уклоняться от поставки хлеба, и действию этого закона подле жали личные владения самого императора и императрицы.[1400] В 505 году был издан более детальный указ об экстренных закупках хлеба, причем император разъяснял, что стоимость поставленного хлеба должна быть зачтена в сумму обложения, уплачиваемую в золотой валюте, запрещал брать весь запас хлеба у землевладельцев, установил изъятие для фракийских областей, о чем было помянуто выше, и особые условия для хлебородного Египта.[1401]

Если суждения о хрисотелии неблагоприятны, то все источники с чувством живейшей признательности отметили другую важную реформу Анастасия, а именно: полную и невозвратную отмену периодического, через четыре года, налога на промышленное население городов, который был установлен при Константине Великом под именем lustralis collatio или χρυσάργυρον, как называли его на греческом Востоке. Он лежал тяжким бременем на промышленном и ремесленном классе населения, не исключая самых низких и даже грязных видов промысла, и являлся весьма существенным стеснением для свободы промыслов, так как служил в руках правительства орудием закрепощения этого класса за своим занятием. Общим указом по всей империи Анастасий отменил его и принял меры к тому, чтобы его преемники не имели возможности восстановить его по старым документам. Он не только предал пламени весь архив центрального столичного ведомства по взысканию этого налога, но истребовал документы из провинциальных городов и сжег их.[1402] Событие относится к 498 году, и его хронологию дает Иешуа Стилит, гражданин Эдессы в Месопотамии. Он рассказывает, что публикация этого указа была встречена как величайшее благодеяние. Население высыпало на улицы в белых праздничных одеждах, устраивало крестные ходы с зажженными свечами, пением псалмов и восторженными кликами в честь императора, правило богослужения в храмах города, а всенародные пиры на церковных погостах и в городских портиках завершили торжество.[1403] Весьма вероятно, что Эдесса не представляла исключения, народное ликование имело такой же характер и в других городах, почувствовавших облегчение от тяжкого бремени, лежавшего на них в течение почти двух столетий. С полной и бесповоротной отменой этого налога государственная казна потерпела значительный убыток. По свидетельству Иешуа Стилита, Эдесса каждые четыре года платила 140 фунтов золота, а со всей империи должно было получаться несколько десятков тысяч фунтов. И однако ни о каком новом налоге в восполнение значительной убыли в государственном бюджете Анастасий не помышлял, а напротив, в конце своего правления задумывал уничтожить подушную подать, которая существовала, по-видимому, не повсеместно. Смерть помешала ему провести эту реформу, но он понизил подушный оклад, как сохранил об этом сведение Иоанн Лидиец.[1404]

Крупная реформа принадлежит Анастасию в самой организации способов взыскания с отдельных городских общин поземельного налога, являвшегося главной статьей бюджета. По старой традиции на городских сенаторах, decuriones, лежала круговая ответственность по сборам, взыскиваемым с населения. Множество указов IV и V веков и свидетельства, сохраненные Аммианом Марцеллином и Сальвианом, дают возможность видеть, как тяжко бывало это бремя и к каким последствиям оно вело. Правительство изыскивало всякие способы закрепостить декурионов за их сословием, стесня их личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. Вторжения варваров и войны на границах вели, при действовавших условиях податного взыскания, не только к разорению декурионов, но даже к бегству их от своего тягла и запустению цветущих прежде общин. Но, очевидно, эти бедствия не были всеобщим явлением, и на богатом и культурном Востоке империи обязанности декурионов не были непосильным бременем, а тот почет и то влияние в среде местного общества, которыми пользовались декурионы, являлись достаточным возмещением за труды и тяготы их положения. Анастасий

[1398] *Malala.* 394.
[1399] *Evagr.* 3, 42.
[1400] Cod. Just. 10, 27, 1.
[1401] Ib. 10, 27, 2. — Сюда же относятся два указа, помещенные в другой титул в Кодексе, а именно: 1, 4, 17 и 18.
[1402] *Evagr.* 3, 39; *Procop. Gaz.* c. 13.
[1403] *Jos. Styl.* c. 32; Chron. Edess. ed. Halier. № 74, p. 118. Эта хронология подтверждается свидетельством Кирилла Скифопольского в *Житии св. Саввы* (гл. 54). На приеме у Анастасия весною 512 года Савва поминал об этой милости императора, которою Палестина пользуется уже 13 лет.
[1404] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 47.

изъял из ведения декурионов взимание налогов с мелких землевладельцев и предоставил эту обязанность виндикам. Присциан в своем панегирике Анастасию видит в устранении курий от взимания податей облегчение земледельцев от несправедливых поборов.

Agricolas miserans dispendia saeva relaxas;
Curia perversis nam cessat moribus omnis,
Nec licet iniustis solito contemnere leges.
Nunc equites horrent rectorum iussa vehentes,
Nec lucri causa commiscent sacra profanis.

(В своем сострадании к земледельцам ты освобождаешь их от тяжких убытков, потому что курия с ее извращенными нравами совсем устранена и нельзя неправедным людям по их обычаю презирать законы. Теперь всадники, развозящие приказы правителей, находятся под страхом и не бесчинствуют ради корысти.)[1405] Но тот свидетель, который определеннее и яснее других сказал нам об этой реформе, а именно Евагрий, живший в Антиохии в конце VI века, весьма несочувственно отзывается об этом нововведении Анастасия и видит в нем умаление значения и почетного положения членов городского сената.[1406] С осуждением относится к этой реформе также Иоанн Лидиец и вносит тем весьма резкое противоречие в свою общую оценку финансовой политики Анастасия. Инициативу реформы он приписывает сирийцу Марину, который предложил императору новую организацию взимания налогов. Городские курии были освобождены от лежавших на них прежде обязанностей, а налоги с каждой общины сдавались на откуп (ἀπεμπολῶν τοὺς ὑπηκόους παντὶ ὡς ἔτυχεν). О виндиках он замечает, будто они поступали с населением «не лучше, чем враги». Казна обогащалась, а префектура потеряла свое значение, так как от нее отошли дела по сбору повинностей.[1407] По-видимому, водворение виндиков не было проведено повсеместно в империи, так как через несколько десятилетий после того Юстиниан в своих указах поминал о виндиках наряду с другими сборщиками налогов, как-то: exceptores (Nov. 134, c. 2), canonicarii aut alii quidam (Nov. 138, c. 5). Если виндики являлись откупщиками взыскиваемых с населения податей и повинностей, то эта реформа вряд ли могла явиться облегчением для плательщиков. Но возможно, что в отдельных местностях освобождение мелких собственников от крупных, какими являлись члены местных курий, в деле взыскания налогов вело к тому результату, о каком свидетельствует Присциан.

Осуждая введение откупов в дело взыскания податей, Иоанн Лидиец тем не менее хвалит Анастасия за то, что он заботился о своих подданных «как о родных детях». Эта репутация Анастасия является обобщением тех многочисленных случаев освобождения от уплаты прямых податей или сбавки податных окладов, которые бывали при нем по разным поводам в разных концах империи. Так, 25 декабря 503 года в Эдессе был опубликован указ о полном освобождении от взноса государственных податей населения Месопотамии ввиду бедствий, причиненных этой стране войной с персами. Эта льгота повторялась затем каждый год до полного прекращения военных действий и в самый год ратификации мира.[1408] Точно так же провинции восточной части Малой Азии после вторжения гуннов в 515 году были освобождены от податей на три года.[1409]

В случаях полного неурожая вследствие бездождия или налета саранчи в восточных областях империи население пострадавших местностей обращалось к императору с ходатайствами через епископов о сбавке оклада, и такие ходатайства встречали благосклонное внимание императора. Так, в 500 году епископ Эдессы ввиду неурожая, постигшего область этого города от засухи и саранчи, просил о полном сложении земельного налога. Но строгими мерами правителя деньги были уже собраны и доставлены в столицу раньше, чем прибыл туда епископ. Анастасий удержал их, но сбавил селянам по два фолла и освободил население от обязанности доставлять воду армии, чем создал для него новый вид заработка.[1410] В 501 году, когда голод сопровождался и мором, начальник области Демосфен получил от императора большую сумму денег и кормил голодных.[1411] В 505 году епископ Эдессы Петр прибыл в столицу по такому же поводу. Император милостиво принял его, но упрекнул за то, что он оставил свою паству в такое трудное время. Он был уже оповещен о бедственном положении населения Месопотамии, и местные представители власти объявили указ о сложении податей в ту пору, когда епископ находился в Константинополе. Сирийский город Гиераполь получил в то самое время сбавку третьей части податного оклада.[1412] После ужасов, пережитых Амидой во время персидской войны, император и патриарх посылали каждый от себя денежное вспоможение жителям, возвращавшимся на свои пепелища. Препозит Урбикий лично посетил пострадавшие местности и раздавал деньги от себя в Амиде и

[1405] *Prisc.* Paneg. vv. 193-197.
[1406] *Evagr.* 3, 42.
[1407] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 49. — В этих жалобах и сожалениях об умалении значения префектуры есть большая доля наивности и недоразумения. Общее заведование податным делом осталось в руках префектов, как видно из свидетельства Кирилла Скифопольского (Житие св. Саввы, гл. 54).
[1408] *Jos. Styl.* c. 67, 82, 94.
[1409] *Malala.* 406.
[1410] *Jos. Styl.* c. 40.
[1411] Ib. c. 43.
[1412] Ib. c. 79.

Эдессе.[1413]

В 512 году проживал в столице знаменитый палестинский монах Савва. Он воспользовался милостивым вниманием императора, чтобы ходатайствовать о сложении с оклада Палестины ста фунтов золота. Анастасий отнесся внимательно к его просьбе и отдал приказ о сбавке префекту претория Зотику. Но Марин привел основательные мотивы в отмену этого распоряжения, и дело расстроилось. Савва повидался с Марином, корил его за корыстолюбие и, если верить автору жития, предсказал пожар его дома во время бунта, происшедшего в тот год в ноябре месяце.[1414]

Деятельность виндиков и хрисотелия принесли свои результаты. Золото стекалось в казну и, вероятно, по местам выходили стеснения денежного рынка. В этом смысле можно понять жалобы на корыстолюбие императора Анастасия у Иоанна Антиохийского. Он корит императора за «ненасытную страсть к деньгам», за то, что он откупался от варваров вместо того, чтобы воевать с ними, и водворил всеобщую бедность (κοινην ἅπασι δωρύμενος ηἣν πενίαν). Но тот же самый автор прибавляет, что Анастасий возводил в обедневших по его вине городах общественные здания и заботился о благоустройстве их, давая делу вид благотворения и благочестия (εὐσεβείας τρόπῳ).[1415] Точно так же и Иешуа Стилит в конце своей хроники делает замечание, что этот столь внимательный раньше к нуждам своих подданных государь стал к концу своего правления иным.[1416]

В связи с упорядочением финансового управления империи стояло выделение из ведомства комита частной казны императора другого, носившего имя sacrum patrimonium, которое получило своего особого начальника с титулом комита. В Западной империи это выделение существовало, по-видимому, с давних пор. Краткий указ, сохранившийся в Кодексе Юстиниана (1, 34), не дает материала для более точного выяснения круга ведомства нового сановника.

К тем же заботам об улучшении и обеспечении государственного хозяйства относится указ Анастасия о лишении свободного поселенца на частной земле права покинуть свое местопребывание, если он состоял на данном хозяйстве в течение тридцати лет.[1417] По тогдашним условиям земельных отношений этот закон в равной мере обеспечивал интересы как землевладельца, так и арендатора.

В связи с заботами о благоустройстве финансового управления Анастасий ввел новый вид медной монеты, чекан которой начался в 498 году. Задолго до Анастасия, со времени расстройства денежного обращения в империи в III веке, существовал счет медной монеты на мешки, folles, которые принимались для счета запечатанными и должны были соответствовать определенному весу.[1418] Анастасий начал чеканить взамен старых folles новую монету с изображением на ней своего лица и соответственной надписью. Эта монета понравилась современникам, как видно из записи хрониста об этом событии,[1419] и тип ее держался затем в течение столетий. По своей стоимости она соответствовала 40 медным динариям или нуммам и составляла на серебро шестую часть одного кератия, или одну двенадцатую часть одного серебряного милиарисия, а 12 милиарисиев имели стоимость одного золотого солида или номизмы, которых чеканилось 72 из одного фунта золота. Отношение золота к серебру принималось тогда за 14:1.[1420] Вводя новую монету, Анастасий имел в виду положить конец тому бедствию, которое было хроническим в течение двух веков, а именно колебанию курса разменной монеты. В Феодосиевом Кодексе сохранилось много указов, определявших курс медной монеты в разное время. Успех, достигнутый Анастасием, не был удержан при Юстиниане, и курс опять стал изменяться в зависимости от условий денежного рынка.[1421]

В результате финансовой политики Анастасия и его отеческих забот о нуждах населения оказывались, за удовлетворением всех текущих нужд, огромные излишки поступлений, превышавших расходы. Очевидно, население империи оправилось в управление «римлянина», понимавшего истинные интересы империи, и морская торговля и разные технические производства, обогащая население, щедро питали казну от своих прибылей и чистых доходов. Константинополь, Антиохия, Александрия были богатыми и цветущими центрами производств и вывозной торговли, которая развивалась и усиливалась в восточной половине Средиземного моря, восполняя упадок, западной половины империи, которая оказалась во власти германцев, стоявших тогда на низкой степени культуры.

Среди забот Анастасия о благе населения следует также отметить запрещение кабальных записей, ἐγγαφον κοπιδρμίας, как значится у Малалы, который сохранил и несколько слов из текста указа, а именно:

[1413] Ib. c. 85.

[1414] Житие св. Саввы, гл. 54.

[1415] *Iohan. Antioch.* De virt. c. 73 (p. 205).

[1416] *Jos. Styl.* c. 100.

[1417] Cod. Just. 11, 48, 19.

[1418] По предположению *Seeck'a*, счет на мешки мелкой медной монеты был введен Диоклетианом в 302 году, одновременно с изданием его эдикта de pretiis rerum venalium.

[1419] *Marc. Com.* s. a. 498. Nummis, quos Romani Terentianos vocant, Graeci follares, Anastasius princeps suo nomine figuratis plasabilem plebe commutationem distraxit. — Вид новой монеты см.: *Гр. И. И. Толстой*. Византийские монеты. Вып. 2 (1912). Табл. 12.

[1420] Cod. Just. 10, 78 — фунт серебра ценился в пять солидов, т. е. 1:14,4 или 100 фунтов меди.

[1421] В начале правления Юстиниана считалось 210 фоллов на одну золотую номизму (*Procop.* Hist. arc. c. 25, 4), а в 534 году — 200 (Cod. Just. 10, 29).

«Мы молимся об освобождении находящихся в узах рабства. Как же нам дозволять, чтобы свободные люди поступали в рабство?» Одновременно с этим указом был издан другой — о воспрещении усыновления без императорской сакры об, этом акте.[1422] Краткость заметки хрониста лишает нас возможности точнее представить себе, чем вызваны были эти указы, где и почему возникли условия, вызывавшие случаи закабаления свободных людей. Быть может, в связи с действием закона о контроле права усыновления стоит жалоба Иоанна Антиохийского на то, что Анастасий отбирал в казну наследства умерших.[1423]

СМЕРТЬ АНАСТАСИЯ И ОБЩАЯ ОЦЕНКА ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

В тяжких трудах и заботах проходили для Анастасия последние годы его правления. Верная сподвижница его жизни, императрица Ариадна скончалась в 515 году.[1424] Обремененный годами, он не слабел духом и твердо вел до конца свою религиозную политику. К затруднениям, которые создавала эта борьба, присоединялись и внешние беды. Так, в предпоследний год его жизни, когда он обманул расчеты папы на Собор в Гераклее, иллирийские области подверглись страшному нашествию славян, и эта ужасная волна докатилась до Фермопильского ущелья. А в последний год его жизни Дарданию, область верхнего течения реки Аксия (Вардар), посетило страшное землетрясение. Скупы, центральный город провинции, провалился в разверзшиеся пропасти, но жители успели бежать раньше. Из 24 укрепленных городов в этой области два совершенно исчезли в недрах земных, одиннадцать потеряли третью часть своих сооружений, а семь — четвертую.[1425] Все подобного рода бедствия вызывали немедленно щедрую помощь из государственных средств.

В самом начале апреля 518 года умер патриарх Тимофей, сохранивший до конца единомыслие с императором, и его преемником был назначен Иоанн, пресвитер и синкелл Софийского храма. По поводу возведения Иоанна на патриарший престол императору пришлось убедиться в тщете своих надежд сделать в столице терпимым монофизитство: толпа под предводительством монахов совершила буйный натиск на нового патриарха, требуя, чтобы он анафематствовал Севера.[1426] Дальнейшим своим поведением патриарх Иоанн доказал, что он не был единомышленником императора.

Наше скудное предание, и притом в большинстве сохранившихся источников враждебное Анастасию, не дает материала для выяснения круга лиц, оказывавших сочувствие и поддержку императору в его тяжком труде царя и верховного блюстителя религиозной жизни своего народа. Император не мог стоять одиноко, его должны были окружать люди по его избранию, и они, конечно, были; но мы их не знаем, кроме одного сирийца Марина, его помощника в финансовых реформах и единомышленника в религиозных вопросах. Среди ближайшей родни Анастасия были люди, тяготившиеся расколом с римским престолом и не сочувствовавшие его религиозной политике. Таковы были его двоюродный брат Помпей и жена его Анастасия. Во время низложения Македония они оказывали всякое внимание патриарху и поддерживали его деньгами. Так же поступала и племянница императора Магна.[1427] Когда престол занял Юстин, они вступили в личную переписку с папой. Письмо Помпея к папе Гормизду, — archiepiscopo universali, как он его титулует, — исполнено чувства искренней радости по поводу восстановления единства Церкви.[1428] Тот же Помпей встречал вскоре легатов папы за десять римских миль от Константинополя вместе с Юстинианом и злейшим врагом Анастасия Виталианом.[1429] Жена Помпея, Анастасия, была ревностной поборницей православия и разделяла славу Юлианы, жены Ареобинда. Вместе с нею она посещала св. Савву в бытность его в Константинополе в 512 году, а в 518 году состояла в переписке с папой.[1430] На стороне папы был и Келер, заслуженный государственный деятель

[1422] *Malala.* 401. — Старые комментаторы хроники Малалы правильно объяснили этимологию слова κόπτω — рубить, резать, и δέρμα — кожа, но в юридическом материале не нашли никаких указаний по этому поводу. К. Э. Цахариэ фон Лингенталь в своей *Geschichte des byzantinischen Rechts* не остановился на этом вопросе. *Mitteis* привел свидетельство Малалы в своем капитальном исследовании Reichsrecht und Volksrecht (Leipzig, 1891. P. 362) и указал, что в Сирии и Палестине держался обычай продажи детей родителями; но позволительно усомниться, что «копидермия» имела отношение к этому обычаю. Скорее это кабала, которую давали на себя свободные люди.

[1423] *Johan. Antioch.* De virt. c. 73 (p. 205).

[1424] Ариадна поддерживала Анастасия в его религиозной политике, как это видно из одного эпизода, сохраненного в житии св. Саввы. — Во время пребывания в Константинополе весною 512 года св. Савва, после аудиенции у императора, явился к ней и убеждал ее держать веру отца ее, имп. Льва. Царица дала короткий ответ: «Ты хорошо говоришь, старец, если есть, кто тебя слушает». На этом закончилась аудиенция (гл. 50).

[1425] *Marc. Com.* s. a. 518 (Chron. min. II 100).

[1426] *Theoph.* 164, 8-13.

[1427] *Theoph.* 153.

[1428] *Günter.* Collectio Avellana. 163 (II 614).

[1429] Ib. 223 (II 683).

[1430] *Cünter.* Collectio Avellana. ib. 165 (II 616). Письма к ней папы — 157 (II 604-5 и 180 (II 635). — По свидетельству *Жития св. Саввы* (гл. 50), Анастасия спасалась в Иерусалиме на Елеонской горе в пору составления жития Кириллом Скифопольским. — Папа писал также Юлиане — 179 (II 635); она ему отвечала — 164 (II 615 и 198 (II 657).

времени Анастасия, префект города в 512 году и магистр оффиций в конце его правления.[1431]

Если Анастасий не имел опоры даже в среде своих родственников,[1432] то очевидно, круг верных ему людей был весьма незначителен. Быть может, это сознание своего одиночества и было причиной того, что Анастасий оставил надежду обеспечить престол одному из своих племянников. Он имел в виду Ипатия, сына сестры своей Кесарии и сенатора Секундина, который был префектом города в первые годы его правления. Несомненное указание в этом смысле дано в панегирике, сказанном Анастасию латинским ритором Присцианом, профессором высшей школы в Константинополе. В заключение своих похвал императору, сказанных без лести и преувеличений, Присциан, раньше чем помянуть царицу, отмечает отеческую любовь Анастасия к своим племянникам и называет из них по имени одного — Ипатия.

Hypatii vestri referam fortissima facta,
Qui scythicas gentes ripis depellit ab Histri,
Quem vidit validum Parthus, sensitque timendum?

(Говорить ли мне о храбрых деяниях вашего Ипатия, который отражает от берегов Истра скифские племена, мощь которого видел парфянин и почувствовал страх перед ним).[1433]

Быть может, поражение, которое Ипатий потерпел от Виталиана, и плен у него понизили его шансы, и Анастасий отказался от своих видов на него и ничего не сделал в обеспечение престолонаследия.

Современников Анастасия занимал вопрос о причинах проявленного им равнодушия к вопросу о преемнике, и в Равенну дошел такой рассказ. — Желая получить указание свыше, кто из трех его племянников должен сделаться его преемником, Анастасий прибег к гаданию. Пригласив однажды всех троих к себе на обед, он предложил им отдохнуть после обеда в комнате, где было приготовлено три постели. На одной из них он положил под подушку царский венец. Когда юноши уснули, он вошел в комнату и увидал, что та постель, где лежал венец, была пуста, так как два брата улеглись вместе на одной постели. Анастасий понял, что ни одному из его трех племянников не суждено наследовать ему на царстве. После этого император постом и молитвой просил указаний свыше на то, кто будет его преемником. И вот он имел видение: явившийся во сне человек сказал ему, что править после него будет тот, кто первый явится к нему завтра утром. На следующее утро препозит опочивальни доложил ему, что явился Юстин, комит экскувитов. Анастасий возблагодарил Господа за это указание, и когда однажды во время выхода Юстин, обходя его, наступил ему на царскую хламиду, он сказал: «Что ты спешишь!» Вскоре после того Анастасий заболел и мирно отошел в вечность. — Так записал в свою хронику равеннский летописец доходившие до него с Востока слухи.[1434]

Восточные летописцы сохранили рассказ о грозном видении, посетившем Анастасия перед смертью. В ночном покое Анастасию предстал благообразный старец с книгой в руках. Загнув в ней пять листов и назвав имя Анастасия, он сказал: «За твою ненасытность я вычеркиваю 14 лет». Встревоженный этим видением император рассказал о нем препозиту опочивальни Амантию. Оказалось, что в ту же самую ночь имел видение и Амантий. Ему привиделось, что когда он стоял подле императора, на него напал огромный кабан, схватил в пасть край его плаща, повалил его наземь, топтал ногами и пожирал. Приглашенный императором снотолкователь философ Прокл разъяснил эти сны в том смысле, что им обоим предстоит вскоре умереть.[1435] Ненасытность (ἀπληστία) как мотив наказания связывает этот рассказ с жалобами на корыстолюбие Анастасия в последние годы его правления.[1436] Более поздний летописец, Феофан, воспроизводит известие об этом видении и дает уже иной мотив кары — зловерие (κακοπισία) императора, за которое он честит его манихеем на всем протяжении своего изложения о его правлении.[1437]

Анастасий умер маститым старцем 88 лет; смерть его была скоропостижна и приключилась ночью во время грозы. Во враждебной императору среде православного монашества это обстоятельство послужило поводом к возникновению зложелательных сказаний, в которых смерть его являлась проявлением праведного гнева Божьего. Ближайшее по времени свидетельство сохранилось в Житии св. Саввы. Его автор Кирилл Скифопольский сообщает, что о смертном часе императора имел видение сосланный им патриарх Иеру-

---

[1431] Ib. 152 (II 600) письмо папы к Келеру, 197 (657) ответ Келера. — Захария в своем рассказе о низложении патриарха Македония сохранил указание на разномыслие Келера с императором в религиозных вопросах — 8, 8, p. 127. — От 1 апреля 517 года указ на имя Келера магистра оффиций — Cod. Just. 4, 29, 21.

[1432] Ипатий своим поведением в Палестине выказал также несочувствие религиозной политике Анастасия.

[1433] *Prisc.* Laudes Anastasii, vv. 298-300.

[1434] *Anonym. Vales.* 16, 74-78.

[1435] *Malala.* 409; Chron. Pasch. 610-611.

[1436] Против Марина были ожесточены приверженцы Халкидонского собора, и о нем ходили разные злостные толки, как об изобретателе новых способов обогащать казну; но Марин начал играть видную роль в 512 году. Феофан считает 14 лет, вероятно, с того времени, как Анастасий вступил в сношения с Аксинайей-Филоксеном.

[1437] *Theoph.* 163. — Позднейший хронист (*Кедрин.* 1, 635) рассказывает, будто незадолго до смерти Анастасия был открыт заговор на его жизнь и приняты деятельные меры к его подавлению. Много виновных было казнено. Во главе арестованных были Юстин и Юстиниан, которые также подлежали смертной казни по закону об оскорблении величества. Но грозное ночное видение открыло Анастасию, что эти люди — «сосуды избрания Божьего промысла», и он не имеет власти над ними. Анастасий подчинился и освободил их.

салимский Илия. Изгнанника посетил в это время Савва с другими монахами. Святые отцы вместе принимали пищу, но вечером 8 числа Илия не вышел к ним, и его гости долго ждали и не приобщались. В 6-м часу ночи (т. е. в полночь) Илия вышел к ним и, заплакавши, сказал, что сейчас скончался император Анастасий и что ему самому должно на десятый день покинуть мир, чтобы судиться с ним перед престолом Господа Бога. Когда после смерти Илии, последовавшей в день, который он сам себе назначил, Савва вернулся в Иерусалим, он узнал, что в ночь, «когда имел видение Илия, в Константинополе гремел гром и сверкали молнии над царским дворцом. Император Анастасий, не имея никого при себе, умирал от страха и в отчаянии бегал из одного места в другое; наконец, в спальной комнате гнев Божий постиг его и поверг мертвым».[1438] О грозе упомянуто у Малалы и в *Пасхальной Хронике.* Враждебный Анастасию Феофан сообщает, что, «по некоторым свидетельствам», он был убит молнией, а позднейший хронист Кедрин уже с уверенностью утверждает, что таков именно был конец жизни старца-императора. Феодор Чтец исчисляет его царствование в 27 лет и 3 месяца, т. е.. считает днем его смерти 9 июля,[1439] и эта дата находит себе подтверждение в *Житии св. Саввы.* Смерть постигла императора ночью, и в тот же день был избран на престол Юстин.[1440]

Правление Анастасия составило эпоху в жизни империи. В продолжительное правление Феодосия Младшего Восточная империя определилась в своем характере христианской державы. Военная сила государства не выступала из своего служебного положения, и ее представители не возвышались до властного положения в государственных отношениях. Замешательства в жизни Церкви в последние годы правления Феодосия грозили вызвать раздор с Западом, но при преемнике Феодосия Маркиане единство империи было поддержано возглашением единства религиозного исповедания в формуле, принадлежавшей папе Льву. Значение военного элемента выросло при Маркиане, и первым лицом среди столичной знати стал Аспар, варвар по происхождению, арианин по исповеданию. Благодаря его воздействию престол по смерти Маркиана достался военному человеку в том же скромном чине, какой имел Маркиан, когда был избран на царство Пульхерией. Государственная политика при Льве имела широкий общеимперский характер. Сближение с папой, как следствие Халкидонского собора, и ослабление Западной империи вызвали вмешательство Льва в дела Италии. В ее интересах он сделал попытку сокрушить арианское царство вандалов. Но это широкое предприятие потерпело жестокую неудачу и содействовало ослаблению Восточной империи. Последствием выступления против вандалов был раздор с Аспаром, и если победа осталась за Львом и властный представитель варварского элемента в империи был устранен, то в конечном результате этой борьбы готы высвободились из прежней зависимости от империи, значительная часть их объединилась под властью национального царя и заняла властное положение, угрожавшее самому существованию империи. Противовесом против готов явились дикие исавры, и исаврский князь стал зятем императора, а затем занял и престол. В господстве исавров современники видели насилие варваров над римлянами, и это царствование было нескончаемой цепью заговоров, междоусобиц, борьбы и интриг. Исавры сумели отстоять Константинополь от готов, и в этом их большая заслуга. После отступления Теодориха в Италию готы уже не представляли опасности для империи, исавры не были более нужны, их иго было свержено, и престол занял «римлянин» Анастасий.

Родиной Анастасия был город Диррахий, где с давних пор скрещивались культурные воздействия Запада и Востока.[1441] Услужливые составители генеалогий вывели его род от Помпея, соперника Цезаря.[1442] Его продолжительная государственная служба при дворе дала ему широкое знакомство с разными сторонами государственного управления, и, как правитель, он обнаружил огромный административный талант. Не имея родственных связей в среде столичной знати, будучи совершенно чужд армии, Анастасий сумел, однако, твердо взять в руки бразды правления и удержал их до самой смерти, направляя государственную политику по своим идеям. За все продолжительное время его правления не было ни одного заговора в среде столичной знати и армии. Чуждый военного задора и великих завоевательных традиций Древнего Рима, он направлял все свои усилия к поднятию благосостояния населения империи. Жизнь римских некогда стран, которые вышли из непосредственной зависимости от власти императора, входила в новые условия в раздроблении на германские царства. Старая идея единого главы христианского мира в лице римского императора продолжала жить в сознании германцев, разорвавших на части запад империи, и Анастасий поддерживал ее в своих сношениях с франками и бургундами, мирился с господством готов Италии и поддерживал добрые отношения с вандалами,

---

[1438] Житие св. Саввы, (гл. 60). Ср.: Patria Const, ed. Praeger. II., p. 271-272.

[1439] *Theod. Lect.* 2, 37; *Zacharias rhetor.* 7,15, p. 138; *Marc. Com.* s. a. 518 — 27 лет, 2 месяца и 29 дней (Chron. min. II 100); Малала (409), определяет его возраст — 90 лет и 5 месяцев; Chron. Pasch. 611 — то же сведение; Евагрий (3, 44) отводит Анастасию — 27 лет, 3 месяца и 3 дня. Теофраст (164, 14). — 27 лет и 7 месяцев.

[1440] Официальная запись об избрании на царство Юстина, сохраненная Константином Багрянородным (De cer. p. 426), подтверждает свидетельство о смерти Анастасия ночью на 9 число июля. Начало дня считалось в ту пору с захода солнца, а не восхода, как делаем мы теперь.

[1441] Свой родной город Анастасий украсил разными сооружениями и между прочим воздвиг в нем ипподром (*Malala*. 417, 22-418, 1).

[1442] Patr. Const. II 236 Praeger — свидетельство о том, что родители Анастасия переехали в столицу, когда он был мальчиком, и грамоте он учился в столице. Дом, где жили его родители, находился в тех местах, где Анастасий впоследствии построил церковь св. Юлиана.

царем которых бы в то время Тразамунд. Идея единства религиозного сознания христианского мира в определенной формуле вероопределения, завещанная ближайшим прошлым, вносила страшную тревогу в настроение тогдашних поколений и требовала от императора огромного дипломатического искусства и большого напряжения энергии и внимания к интересам населения отдельных областей империи. Сознавая невозможность объединить восточные области империи в признании Халкидонского вероопределения и разделяя сам монофизитские толкования догмата о воплощении Иисуса Христа, Анастасий сумел отстранить вмешательство папы, гордо и властно выступавшего со своими требованиями в сознании верховных прав римского патриаршего престола, которые отстаивало тогда палестинское и константинопольское монашество. Терпимый и снисходительный, Анастасий не избежал необходимости борьбы с протестовавшими против его религиозной политики епископами, и ему пришлось низложить четырех патриархов. С протестом монахов он справлялся мерами административного воздействия против нарушителей общественного благочиния. Бунт Виталиана, армию которого составляли преимущественно варвары, он подавил военной силой и искусством своей дипломатии.

Хотя Анастасий был по происхождению римлянином латинского языка, но его продолжительная государственная служба в столице дала ему ясное понимание истинных интересов империи, как она тогда определилась в географических и этнических условиях, и будущее доказало, что он был прав как государь, когда отстранял папу от гордого и властного вмешательства в дела Восточной церкви. Но идея религиозного единства мира была слишком сильна в настроении тогдашних поколений, и в среде высшей столичной знати и городского населения, находившегося под воздействием монахов, Анастасий встретил резкий протест, с которым он, однако, умел справляться до самой своей смерти, предоставляя будущему решить великий вопрос о том, выработается ли на Востоке свое религиозное единство, отдельное от Запада, или же восстановится духовное отечество Рима.

Посвятив свои силы и большой государственный опыт интересам управления, Анастасий улучшил администрацию, восстановил правду в судах, облегчил податное бремя, поднял благосостояние населения и после долгого правления оставил империю в цветущем состоянии и в мире с соседями. В огромной свободной наличности, которую он собрал своим умелым финансовым управлением, он представил непреложное свидетельство о ее благосостоянии и мощи.

Широко образованный, владевший обоими языками империи, Анастасий любил общество образованных людей и оказывал внимание людям, посвящавшим себя науке в тогдашнем смысле этого слова, проявляя в отношении к ним царскую щедрость.[1443] Он поощрял публичные чтения тогдашних представителей изящного слова, и счастливый случай сохранил нам два панегирика, которые сочинили специалисты, один — латинской, другой — греческой учености. Первый написан в латинских стихах и принадлежит ученому первой величины того времени, Присциану, автору грамматики латинского языка, которая была завершением учености предшествующих веков и сохранила свой авторитет на много столетий в последующие времена.[1444] Появление ученой латинской грамматики в Константинополе является наглядным свидетельством о процветании изучения римской древности в столице империи, в высшей школе, основанной Феодосием Младшим, и дает нам указание на то, где воспитал в себе римский дух Юстиниан, проходивший школу в правление Анастасия. Профессора, направлявшие умственное развитие Юстиниана, Трибониана и других ученых юристов, трудившихся над кодификацией римского права, неизвестные нам даже по имени, доказали в своих великих питомцах высокий уровень своего научного знания и образования, своего понимания миродержавной римской идеи. Так на закате славной судьбы старого Рима в Новом Риме оживали его мировые идеи.

Панегирик Присциана написан в гекзаметрах (312 стихов) с кратким посвящением в ямбическом сенарии. В посвящении автор отмечает нелюбовь императора к напыщенности и обещает говорить только правду.

Начав с упоминания о происхождении и роде Анастасия, Присциан кратко характеризует ужасное положение империи при Зеноне и славит Анастасия как посланного свыше спасителя из горнила бедствий. Он сравнивает его с лучшими императорами давнего прошлого и переходит затем к прославлению его победы над исаврами. Далее следует обзор его заслуг как правителя: запрещение доносов, облегчение налогов, восстановление правды в судах, постройки и сооружения на общую пользу, воздействие на нравы населения столицы, заботы об интересах науки и просвещения, внимание и щедрость к представителям науки. Он поминает о недавнем случае чудесного спасения Анастасия во время кораблекрушения (о чем не сохранили памяти другие наши источники) и в заключение поминает с уважением брата императора Павла, отмечает заслуги Ипатия, его племянника, и славит императрицу Ариадну за то, что избранием на царство Анастасия она была подательницей тех благ, которыми наслаждается империя.

В этом кратком панегирике выдержан спокойный твердый тон с печатью римского духа. Ожидать поэтического полета от ученого грамматика было бы неуместно; а отсутствие цветов красноречия и словесных

[1443] Сведения об отношении Анастасия к людям науки дает Иоанн Лидиец в рассказе о собственной карьере, которую он быстро сделал в столице, прибыв с родины в 511 году. De mag. 3, 26-30.

[1444] Prisciani Institutionum grammaticarum libri XVIII, rec. *Herz* // *Keil*. Grammatici latini. vol. II. Leipzig, 1856-60. Историк лангобардов Павел Диакон, называя знаменитых людей времени Юстиниана, не забыл помянуть и Присциана. Tunc quoque apud Constantinopolim Priscianus Caesariensis grammaticae artis, ut ita dixerim, profunda rimatus est. *Pauli* Hist. Lang. 1, 25.

прикрас, обычных в такого рода прозаических произведениях, сохранившихся от IV века, составляет его прямое достоинство.

Длиннее и цветистее панегирик, сказанный на греческом языке знаменитым ученым того времени, Прокопием Газским. Автор прославляет императора за те же дела и заслуги, что и Присциан, но останавливается на каждой из них в отдельности. Начав с похвалы родному городу Анастасия, Диррахию, его древнему роду и блестящему образованию, которое он вынес из своего дома, помянув затем о единодушии, с которым состоялось его поставление на царство, Прокопий обозревает удачные войны Анастасия на Востоке, славит его доблести как правителя, водворившего правду в судах, с благодарностью поминает о его финансовых реформах, хвалит за устранение кровавых зрелищ и запрещение пантомимов, разжигавших народные страсти, за сооружение Долгой стены и некоторые большие работы на общую пользу на Востоке и в том числе отстройку знаменитого маяка в Александрии, отмечает высоконравственный образ жизни, которым Анастасий подавал благой пример своим подданным, и заканчивает сравнением его с великими мужами древности: Киром, Агесилаем, Александром и Филиппом Македонскими, предсказывая ему вечную славу в потомстве. В этом панегирике чувствуется старая греческая школа, жившая преданием давних времен. Геракл, Писистрат, созданный Ксенофонтом Кир, царь персидский, — живые и привычные образы, среди которых вращается риторическая мысль автора.

Этот государь жил, как и Феодосий Младший, заодно со своим народом. С ним он всем сердцем разделял религиозные тревоги об истине христианского вероопределения. Если Присциан и Прокопий Газский славили Анастасия как правителя, отдавая должную дань признания его огромной энергии и пониманию задач своего времени, то в ту пору был другой человек, который ничего не сказал нам об Анастасии, но явился лучшим выразителем его времени в духовном отношении и отразил в своем творчестве эпоху высокого подъема религиозного духа, которым согрета была вся жизнь императора. То был Роман Сладкопевец. Монах, сириец по происхождению, диакон церкви в Берите, он переселился в Константинополь и остался жить при церкви Богородицы, носившей имя префекта Кира, современника Феодосия. Там получил он дивный дар песнопений и раскрыл его в богатейшем творчестве. Скудное позднейшее предание о жизни Романа закрепило его связь со временем Анастасия.[1445] По свидетельству сказания, Роману явилась во сне Богоматерь и, протянув к нему хартию, повелела съесть ее. То был канун Рождества Христова, и на следующий день раздалась на церковной службе его песня: «Дева днесь пресущественного рождает...» Он сочинил свыше тысячи кондаков, и подлинник его творений хранился в церкви, при которой он жил. По единогласному признанию современных ученых ценителей творений религиозной лирики, Роман Сладкопевец является первым по таланту среди всех церковных поэтов. В его религиозном экстазе пред ним выступают все великие образы Ветхого и Нового Завета. Своими духовными очами он видит всю славу Сиона, патриархов, пророков, Христа, Богоматерь, апостолов, мучеников, переживает в своем экстазе их чувства и славу, созерцает самого Бога. Высокий подъем религиозного чувства дает ему неистощимые красоты живого слова в тех восторгах благодарений и прославлений, которыми исполнены его песни. В это время тяжких и ожесточенных споров об истине диалектического изъяснения естества Богочеловека Роман в своем религиозном экстазе поднялся выше условных понятий и определений и с дивным дарованием поэта излил богатство религиозного чувства в своих навсегда живых творениях. Его дивный дар не могли не признать современники, но странная ирония судьбы не сохранила нам современных о нем сведений, и до недавнего еще времени ученые колебались в определении хронологии деятельности этого лучшего и наиболее возвышенного церковного христианского поэта.[1446]

Роман Сладкопевец не был первым творцом в своей области. Уже при императоре Льве Константинополь имел двух славных церковных поэтов, Анфима и Тимокла. Они принадлежали к противоположным партиям: первый стоял за Халкидонский собор, второй был его врагом.[1447] Роман в своем высоком воодушевлении был выше вопросов, смущавших его современников, и своим «пресуществленным», ὑπερούσιος, поднимался над обеими споривши тогда жестоко партиями, увлекая дух человека в горний мир вечного света, царства истины и блаженства. В своем отрешении от мира он славил тот самый идеал, которому верно служил на своем посту Анастасий. Но служение царя было много труднее с его долгом вести к миру, согласию и благоденствию мятущееся в материальных условиях земной жизни человечество.

Юстиниан, оказавшийся преемником Анастасия, сначала как руководитель политики при своем дяде Юстине, а потом как единоличный повелитель империи, поставил себе более широкие задачи. Восстановив мир с папой и утвердив вселенское единство Церкви под верховенством Римского патриаршего престола, он мечтал восстановить единство империи в старых ее границах и воспользовался огромными денежными средствами, которые собрал Анастасий, для широкой завоевательной политики на Западе. Он начертал блестящую скрижаль

[1445] Analecta Bollandiana. XIII, 1894. P. 192.

[1446] Заслуга установления хронологии Романа Сладкопевца принадлежит нашему славному византинисту В. Г. Васильевскому. Творениями Романа всю свою жизнь занимался Карл Крумбахер, имея целью представить критическое издание великого наследия. Но беспощадная смерть похитила его 1 декабря 1909 года. В русской ученой литературе разъяснению вопроса о хронологии Романа Сладкопевца посвящена статья проф. А. А. *Васильева:* Время жизни Романа Сладкопевца (Визан. врем. VIII, 1901. 435-478).

[1447] *Theod. Lect.* 1, 19; *Nic. Coll.* 15, 23.

в летописях истории Византии. Но этот блеск был куплен слишком дорогой ценой, и силы Восточной империи не выдержали этого напряжения. Идея вселенского единства Церкви под эгидой одного императора пленяла Юстиниана, и он напрягал все богатые дарования своего ума и всю изобретательность своего дипломатического искусства, чтобы найти почву для примирения между монофизитством, получившим значение национального исповедания в Египте и на Востоке, и Халкидонским вероопределением. Это ему не удалось. Он пережил много тяжких разочарований и разбитых надежд, оживлял временами религиозные преследования в жестоких формах и подготовил внутренний раскол между отдельными областями своей империи. После продолжительного блестящего царствования он оставил империю лишенной прежней мощи, ослабленной резко определившимся расколом, который роковым образом связался с вопросом национальным, и содействовал постепенному упадку империи и превращению ее в греческое государство, сохранившее титул Римской империи лишь по преемству исторических традиций.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РИМСКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ ОТ АВГУСТА ДО ЮСТИНИАНА

Август	27 г. до н. э.–14 г. н. э.
Тиберий	14–37 гг.
Калигула	37–41 гг.
Клавдий (I)	41–54 гг.
Нерон	54–68 гг.
Гальба	68–69 гг.
Отон	69 г.
Вителлий	69 г.
Веспасиан	69–79 гг.
Тит	79–81 гг.
Домициан	81–96 гг.
Нерва	96–98 гг.
Траян	98–117 гг.
Адриан	117–138 гг.
Антонин Пий	138–161 гг.
Марк Аврелий	161–180 гг.
Луций Вер	161–169 гг.
Коммод	180–192 гг.
Пертинакс	193 г.
Дидий Юлиан	193 г.
Септимий Север	193–211 гг.
Клодий Альбин	193–197 гг.
Песценний Нигер	193–194 гг.
Каракалла	211–217 гг.
Гета	211–212 гг.
Макрин	217–218 гг.
Элагабал	218–222 гг.
Александр Север	222–235 гг.
Максимин	235–238 гг.
Гордиан (I)	238 г.
Гордиан (II)	238 г.
Пупиен	238 г.
Бальбин	238 г.
Гордиан (III)	238–244 гг.
Филипп Араб	244–249 гг.
Филипп (Младший, соправитель Филиппа Араба, своего отца)	247–249 гг.
Деций	249–251 гг.
Деций (Младший)	251 г.
Гостилиан	251 г.
Требониан Галл	251–253 гг.
Волузиан	251–253 гг.

Эмилиан	253 г.
Валериан	253–260 гг.
Галлиен	253–268 гг.
Постум	258–268 гг. (Провозглашен императором в Галлии, оспаривал власть у Галлиена)
Викторин	268–270 гг. (Наследовал Постуму, правил Галлией)
Клавдий (II) Готский	268–270 гг.
Тетрик	270–273 гг.
Квинтилл	270 г.
Аврелиан	270–275 гг.
Тацит	275–276гг.
Флориан	276 г.
Проб	276–282гг.
Кар	282–283гг.
Карин	283–285гг.
Нумериан	283–284гг.
Диоклетиан	284–305гг.
Максимиан	286–305 гг.; 307–310 гг.
Галерий	293–311 гг.
Констанций (I)	293–306 гг.
Караусий	286–293 гг. (Провозглашен императором в Британнии, оспаривал власть у Констанция).
Аллект	293–296 гг. (Преемник свергнутого им Караусия. Оспаривал власть у Констанция).
Флавий Север	305–307 гг.
Максимин Дайа	305–313 гг.
Максенций	307–312 гг.
Александр	308–311 гг. (Провозглашен императором в Африке, оспаривал власть у Максенция).
Лициний	308–324 гг.
Константин (I)	306–337 гг.
Константин (II)	337–340 гг.
Констант	337–350 гг.
Констанций (II)	337–361 гг.
Магненций	350–353 гг.
Юлиан	361–363 гг.
Иовиан	363–364 гг.
Валентиниан (I)	364–375 гг.
Валент	364–378 гг.
Грациан	367–383 гг.
Валентиниан (II) Младший	375–392 гг.
Магн Максим	383–388 гг.
Флавий Виктор	384–388 гг.
Евгений	392–394 гг.
Феодосий (I)	379–395 гг.

Западная Римская империя

Гонорий	395–423 гг.
Констанций (III)	407–411 гг.
Был провозглашен императором в Британнии, правил в Галлии, оспаривал власть у Гонория	
Приск Аттал	409–410; 414–415 гг.
Провозглашен императором по приказу Алариха в 409–410 гг. на севере Италии; в 414 г. провозглашен императором вторично в Галлии, оспаривал власть у Гонория.	
Констанций (III)	421 г.
Иоанн	423–425 гг.

Восточная Римская империя

Аркадий	395–408 гг.
Феодосий (II)	408–450 гг.

Валентиниан (III)	425–455 гг.
Петроний Максим	455 г.
Авит	455–456 гг.
Майориан	457–461 гг.
Либий Север (III)	461–465 гг.
Антемий	467–472 гг.
Олибрий	472 г.
Глицерий	473–474 гг.
Непот	474–475 гг.
Ромул Августул	475–476 гг.

Маркиан	450–457 гг.
Лев (I)	457–474гг.
Лев Младший	474 г.
Зенон	474–491 гг.
Василиск	475–476 гг.
Марк	475–476 гг.
Марциан	479 г.
Леонтий	484–488 гг.
Анастасий	491–518 гг.
Юстин (I)	518–527 гг.
Юстиниан	527–565 гг.
Юстин (II)	565–578 гг.
Тиверий (II)	578–582 гг.

Западная Римская империя	Восточная Римская империя
	Маврикий 582–602 гг.
	Фока 602–610 гг.
	Ираклий 610–641 гг.
	Константин (III) 641 гг.
	Ираклеон 641 г.
	Констант (II) 641–668 гг.
	Константин (IV) Погонат 668–685 гг.
	Юстиниан (II) 685–695 гг.
	Леонтий 695–698 гг.
	Тиверий (II)[1448] [Апсимар] 698–705 гг.
	Юстиниан (II), во второй раз 705–711 гг.
	Филиппик Вардан 711–713 гг.
	Анастасий (II) [Артемий] 713–715 гг.
	Феодосий (III) 715–717 гг.

ПАПЫ РИМСКИЕ С I В. Н. Э. ДО ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО (ВКЛЮЧАЯ АНТИПАП, ТО ЕСТЬ ТЕХ, КТО СЧИТАЛСЯ ВПОСЛЕДСТВИИ НЕЗАКОННЫМИ ПРЕТЕНДЕНТАМИ НА ПАПСКИЙ ПРЕСТОЛ)

Петр, апостол	
Лит	67–76
Клет (Анаклет)	76–88
Климент I	88–97
Эварист	97–105
Александр	105–115
Сикст I	115–125
Телесфор	125–136
Гигин	136–140
Пий I	140–155
Аникет	155–166
Сотер	166–175
Элевтерий	175–189
Виктор I	189–199
Зефирин	199–217
Калликст I	217–222
Ипполит	217–235, антипапа
Урбан I	222–230
Понтиан	230–235
Антер	235–236
Фабиан	236–250
Корнелий	251–253
Новациан	251–окт. 258, антипапа
Луций	253–254
Стефан I	254–257
Сикст II	257–258
Дионисий	259–268
Феликс I	269–274
Евтихий	275–283
Гай	283–296
Марцеллин	296–304
Марцелл I	308–309
Евсевий	309, или 310
Мильтиад (Мельхиад)	311–314
Сильвестр I	314–335
Марк	336
Юлий I	337–362
Либерий	352–366
Феликс II	355–365, антипапа
Дамасий I	366–384

[1448] В некоторых изданиях этот император фигурирует как Тиверий Третий. Эта разница в счете номера определяется следующим: берется или не берется в расчет преемник Августа император Тиберий (14–37).

Урсин	366–367, антипапа
Сириций	384–399
Анастасий I	399–401
Иннокентий I	401–417
Зосим	417–418
Эвлалий	418–419,антипапа
Бонифаций I	418–422
Целестин I	422–432
Сикст III	432–440
Лев I	440–461
Гиларий	461–468
Симплиций	468–483
Феликс III	483–492
Геласий I	492–496
Анастасий II	496–498
Симмах	498–514
Лаврентий	498–499; 501–506, антипапа
Гормизд	514–523
Иоанн I	523–526
Феликс IV	526–530
Диоскур	530, антипапа
Бонифаций II	530–532
Иоанн II	533–535
Агапит I	535–536
Сильверий	536–537
Вигилий	537–555
Пелагий I	556–561
Иоанн III	561–574
Бенедикт I	575–579
Пелагий II	579–590
Григорий I Великий	590–604

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПАТРИАРХИ ДО КОНЦА VI В (АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ЕПИСКОПЫ ПОЛУЧИЛИ СТАТУС ПАТРИАРХОВ ПО РЕШЕНИЮ ПЕРВОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА 325 Г.)

Феон	282–330
Петр I	300–311
Ахилл	312
Александр	?—328
Афанасий	328–373
Пист	336 или 338
Григорий	339 или 341; 344 или 348
Георгий	357–361
Луций	365
Петр II	373–380
Луций (вторично)	375–378
Тимофей I	380–384
Феофил	394–412
Кирилл	412–444
Диоскор	444–451
Протерий	451–457
Тимофей II Элур	457–460
Тимофей II Салофакиол	460–475
Тимофей II Элур	475–477, вторично
Петр III Монг	477
Тимофей II Салофакиол	477–482,вторично
Иоанн I Талайа	482
Петр III Монг	482–489, вторично

Афанасий II Келит	489–496
Иоанн I	496–505
Иоанн II	505–516
Диоскур II	516–517
Тимофей III	517–535
Павел из Табенны	537–540
Зоил	540–551
Аполлинарий	551–570

ЕПИСКОПЫ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ И ЗАТЕМ, С 381 Г. ПО РЕШЕНИЮ ВТОРОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА, ПАТРИАРХИ ДО КОНЦА VI ВЕКА

(епископы)	
Руфин	284–293
Метрофан	306/307–314
Александр	314–337
Павел I	337–339
Евсевий Никомедийский	339–341
Павел I	341–342, вторично
Македоний I	342–346
Павел I	346–352, в третий раз
Евдоксий Антиохийский	360–370
Демофил	370–380
Евагрий	370
Григорий Назианский	379–381
Максим	380
(патриархи)	
Нектарий	381–397
Иоанн I Златоуст	398–404
Арсакий	404–405
Аттик	406–425
СисинниЙI	426–427
Несторий	428–431
Максимиан	431–434
Прокл	434–446
Флавиан	446–449
Анатолий	449–458
Геннадий I	458–471
Акакий	472–489
Фравит	489–490
Евфремий	490–496
Македоний II	496–511
Тимофей I	511–518
Иоанн II Каппадокийский	518–520
Эпифаний	520–535
Анфим	535–536
Мина	536–552
Евтихий	552–565

ОСНОВЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ МЕТРОЛОГИИ

(ПО: *E. SCHILBACH.* BYZANTINISCHE METROLOGIE. MUNCHEN, 1970)

В приводимых таблицах отражены только официальные, общегосударственные меры, без учета локальных.[1449]

[1449] По приводимым на следующих страницах данным хорошо видно, сколь сложна была византийская система мер, ибо нередко одна и та же единица имела в разных ситуациях разное цифровое выражение. Более подробная

МЕРЫ ДЛИНЫ

1. Δάκτυλος («палец») — 1,95 см
2. Κόνδυλος («сустав») — 3,9 см
3. ʼΑντιχείρ («большой палец руки») — 5,86 см
4. Παλαιστή («палеста») — 7,81 см
5. Διχάς («дих»[1450]) — 15,62 см
6. Λιχάς («лих»[1451]) — 19,5 см
7. Σπιθαμή («спитама») — 23,4 см
8. Πούς («нога») — 31,23 см

9a. Πῆχυς («локоть») — 46,8 см

9b. Γεωμετρικὸς πῆχυς («геометрический локоть») — 62,46 см

10. Βῆμα («шаг») — 78,1 см

10a. Δίπλουν βῆμα («двойной шаг») — 156,2 см

11a. 'Απλῆ ὀργυία («оргийа простая») — 187,4 см

1lb. Γεωμετρικῆ ὀργυία («оргийа геометрическая») — 210,8 см[1452]

12a. Σχοινίον (схойн) = 10 ὀργυία
(синонимы: ἑποπτικὸν μέτρον, σχοινίον μέτρητόν — 21,67 м

12b. Σχοινίον (схойн) = 12 ὀργυιαί — 25,3 м

13a. Πλέθρον (плетр) «римский» — 29,81 м

13b. Πλέθρον (плетр) «греческий» — 30,65 м

13c. Πλέθρον (плетр) «филетерский» — 35,77 м

14a. Μίλιον (миля) римская — 1480 м

14b. Μίλιον (миля) египетская — 1575 м

15. ʼΑλλαγή (перемена)[1453] — μίλια — около 9,5 км

16 'Ημερήσος δρόμος (дневной пробег) — 5ἀλλαγαί — около 47 км

Формулы взаимосвязи

δάκτυλος = 1/16 ποῦς
κόδυλος = 2 δάκτυλοι
παλαιστή = 4 δάκτυλοι = ¼ποῦς
δίχας = 8 δάκτυλοι
λίχας =10 δάκτυλοι
πούς = 16 δάκτυλοι
πῆχυς (простой) = 1,5 πόδες = παλαισταί = 24 δάκτυλοι
πῆχυς (геометрический) = 2 πόδες = 32 δάκτυλοι
βῆμα (простая) = 2,5 πόδες = 40 δάκτυλοι
βῆμα (двойная) = 5 πόδες = 80 δάκτυλοι
ὀργυία (простая) = 6 πόδες = 96 δάκτυλοι
ὀργυία (геометрическая) = 6,75 πόδες =108 δάκτυλοι
σχοίνίον (a) = 10 ὀργυία =1110 δάκτυλοι
σχοίνίον (b) = ὀργυία = 1296 δάκτυλοι
πιέθρον (в теории) = 100 πόδες. На практике соотношение иное и более дробное ввиду того, что
плетров было три

МЕРЫ ПЛОЩАДИ ДЛЯ ПАШНИ И ВИНОГРАДНИКОВ

1. ʼΕξάγιον (Эксагий) — 0,31 м²
2. Οὐγγία (Унгиа) — 1,85 м²
3. ʼΟργυία (Оргийа) — 4,44 м²
4. Λίτρα (Литра) — 22,22 м²
5. Ταγάριον (Тагарий) — 111,09 м²
6. Πινάκιον (Пинакий) — 222,18 м²
7. Σχοινίον (Схойн) — 444,37 м²
8. ʼΑννονικὸς μόδιος (Модий анноны) — 592,49 м²
9. Μόδιος (Модий) — 888,73 м²
10. Μέγας μόδιος (Большой модий) — 3554,92 м²
11. Ζευγάιον (Зевгарий) — 127977,12 м²

информация по данным вопросам может быть заимствована из работы Э. Шильбаха. У него же есть и обширная библиография всех исследований и источников по метрологии.

[1450] Само слово означает — «удвоенный». И действительно — 1 дих составляют две палесты.

[1451] Буквально это слово означает «указательный палец». В реальности оно здесь употреблено в значении — «расстояние от большого пальца до указательного».

[1452] Меры 9b; l1b употреблялись в землемерных, землеустроительных работах. Известны они в основном по египетскому материалу.

[1453] Имеется в виду, во всяком случае в теории, расстояние от привала до привала.

Формула взаимосвязи, общая для всех трех таблиц византийских мер площади

1 Μόδιος = 1,5 ἀννον. μόδιοι = 2 σχοινίοι = 4 πινάκια = 8 ταγάρια = 40 λίτραι = 480 οὐγγίαι = 2840 ἑξάγια

Формула взаимосвязи, общая для первых двух таблиц

1 Ζευγάριον = 36 Μ. μόδιοι = 144 μόδιοι = 216 ′Ανν. Μόδιοι = 288 σχοινίοι

МЕРЫ ПЛОЩАДИ ДЛЯ МАЛОЦЕННЫХ ЛУГОВ И ЗЕМЕЛЬ. ОНИ ЖЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПРИ ЗЕМЛЕМЕРНЫХ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ

1. ′Εξάγιον — 0,44 м²
2. Οὐγγία — 2,67 м²
3. ′Οργυία — 4,44 м²
4. Λίτρα— 31,99 м²
5. Ταγάριον — 159,97 м²
6. Πινάκιον — 319,94 м²
7. Σχιονίον — 639,89 м²
8. ′Αννονικὸς μόδιος — 853,19 м²
9. Μόδιος — 1279,78 м²
10. Μέγας μόδιος — 5119,12 м²
11. Ζευγάιον — 184288,32 м²

МЕРЫ ПЛОЩАДИ ДЛЯ ЦЕННЫХ ЛУГОВ И ЗЕМЕЛЬ

1. ′Εξάγιον — 0,16 м²
2. Οὐγγία — 0,93 м²
3. ′Οργυία — 4,44 м²
4. Λίτρα — 11,11м²
5. Ταγάριον — 55,55 м²
6. Πινάκιον — 111 ,09 м²
7. ′Αννονικὸς μόδιος — 296,25 м²
8. Σχιονίον — 444,37 м²
9. Μόδιος — 444,37 м²
10. Μέγας μόδιος — 1777,47 м²

Особенности мер в третьей таблице: схойн и модий совпадают.

Соотношения крупных мер

1 Μέγας μόδιος = 4 μόδιος = 4 σχοινίοι = 6 ἀννονικὸς μόδιος = 16 πινάκια

Отсчет от модия на уменьшение полностью совпадает с приведенным выше.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ МЕРЫ ПЛОЩАДИ, «ПРИВЯЗАННЫЕ» К РИМСКОМУ ФУНТУ

А. Для высококачественных земель

1. libra (фунт) — 21,03 м²
2. kabiaia (каб) — 105,14 м²
3. satiaia (сат) — 420,56 м²
4. modius castrensis (модий лагерный) — 841,11 м²
5. iugerum (югер) — 1261,67 м²
6. arura, iugerum castrensis (арура, югер лагерный) — 2523,34 м²
7. iugum, koriaia (юг, кор) — 12616,7 м²

Б. Для низкокачественных земель

1. libra (фунт) — 25,23 м²
2. kabiaia (каб)—126,27 м²
3. satiaia (сат) — 504,67 м²
4. modius castrensis (модий лагерный) — 1009,32 м²
5. iugerum (югер) — 1261,67 м²
6. arura, iugerum castrensis (арура, югер лагерный) — 2523,34 м²
7. iugum, koriaia (юг, кор) — 15140,04 м²

Формулы взаимосвязи для таблицы А

1 iugum = 5 arura = 5 iugerum = 15 modius castrensis = 30 satiaia = 120 kabiaia = 600 libra

1 arura = 2 iugerum = 3 modius = 6 satiaia = 24 kabiaia = 120 libra

1 iugerum = 1, 5 modius castrensis = 3 satiaia = 12 kabiaia = 60 libra

Формулы взаимосвязи для таблицы Б

1 iugum = 6 arura = 12 iugerum = 15 modius castrensis = 30satiai = 120 kabiaia = 600 iibra

1 arura = 2 iugerum = 2,5 modius castrensis = 5 satiaia 20 kabiaia = 100 libra

1 iugerum = 1,25 modius castrensis = 2,5 satiaia = 10 kabiaia = 50 libra

В остальном взаимосвязи мер в обеих таблицах совпадают.

ВИЗАНТИЙСКИЕ МЕРЫ ОБЪЕМА ДЛЯ СУХИХ ФРУКТОВ И СУХИХ СЫПУЧИХ ТЕЛ

1. Φούκτα (Фукта) — 0,513 дм³
2. Ταγάριον (тагарий) — 2,136 дм³
3. Πινάκιον (пинакион) — 4,271 дм³
4. ’Αννονικὸς μόδιος (модий анноны) — 11,389 дм³
5. Μόδιος τριπινακίων (модий трех пинакионов) — 12,813 дм³
6. Μοναστηριακὸς μόδιος (модий монастырский) — 13,667 дм³
7. Θαλάσσιος μόδιος (морской модий) — 17,084 дм³
8. Ταγάριον для торговых целей — 38,439 дм³
9. Μέγας μόδιος (большой модий) — 68,336 дм³
10. Πινάκιον для торговых целей — 76,878 дм³
11. Μεγαρικον (мегарикон) — 102,503 дм³
12. Μόδιος для торговых целей — 307,512 дм³

Формула взаимосвязи

1 Μόδιος для торговых целей = 3 μεναρικ = 4 πινάκια для торговых целей = 4,5 μεγάλοι μόδιοι = 8 **πινάκια** для торговых целей = 18 θαλάσσιοι μόδιοι = 21,25 μοναστηριακοί μόδιοι = 24 μόδιοι τριπινακιονες = 27 ἀννονικοί μόδιοι = 72 πινάκια = 144 ταγάρια = 600 φούκτα

ВИЗАНТИЙСКИЕ МЕРЫ ОБЪЕМА ДЛЯ ЖИДКОСТЕЙ (ВИНО ИЛИ ВОДА)

1. Μίνα (мина) — 1,025 дм³
2. Τετάρτιον (тетартий) — 2,563 дм³
3. ’Αννονικὸς μέσρον (метрон анноны) — 6,833 дм³
4. Μοναστηριακὸν μέσρον (метрон монастырский) — 8,200 дм³
5. Θαλάσσιον μέσρον — 10,250 дм³
6. Μεγαρικόν— 102,503 дм³

Формула взаимосвязи

1 Μεγαρικα = 10 θαλάσσια μέσρα = 12,25 μοναστηριακὰ = 15 ἀννονικὰ μέτρα = 40 τέτάρτια =100 μίνα

ВИЗАНТИЙСКИЕ МЕРЫ ОБЪЕМА ДЛЯ ЖИДКОСТЕЙ (МАСЛО)

1. Σονάλια οὐγγία — 0,024 дм³
2. Σονάλια λίτρα — 0,284 дм³
3. Τετάρτιον — 2,130 дм³
4. ’Αννονικὸς μέτον’ — 5,680 дм³
5. Μοναστηριακὸν μέτρον— 6,816 дм³
6. Θαλάσσιον μέτρον— 8,520 дм³

Формула взаимосвязи

1 Θαλάσσιον μέτρον = 1,25 μοναστηριακοῦ μέτρον = 1 , 5 ἀννονικοῦ μέτρον = 4 τετάρτια = 30 σουάλια λίτρα = 360 σουάλια οὐγγία

ВИЗАНТИЙСКИЕ МЕРЫ ВЕСА (грамм)

	Вес в 4-6 вв.	*Вес в 6-7 вв.*	*Вес в 7-9 вв.*	*Вес в 9 в.*
1. Κριθόκκον (критокк)	0,038	0,037	0,037	0,0372
2. Σιτόκκον (ситокк)	0,047	0,047	0,046	0,046
3. Κεράτιον (кератион)	0,188	0,186	0,185	0,185
4. ’Οβολός (обол)	0,563	0,559	0,556	0,554
5. Γράμμα (грамма)	1,125	1,118	1,111	1,10
6. Δραχμή (драхма)	3,375	3,354	3,333	3,323
7. ’Εξάγιον (эксагий)	4,5	4,472	4,444	4,431

	Вес в 4-6 вв.	*Вес в 6~7 вв.*	*Вес в 7-9 вв.*	*Вес в 9 в.*
8. Σουάλια οὐγγία (унгиа)	21,6	21,467	21,333	21,267
9. Λογαρική οὐγγία	27,0	26,833	26,667	26,583
10. Ἀργυρικὴ οὐγγία (серебряная унгиа)	28,125	27,951	27,778	27,691
11. Σουάλια λίτρα (литра)	259,2	257,6	256	255,2
12. Λογαρική λίτρα	324	322	320	319
13. Αργυρικὴ λίτρα (серебряная литра)	337,5	335,417	333,333	332,29
14. Κεντηνάριον (кентенарий)	32400	32200	32000	31900
15. Γομάριον (гомарион)	97200	9600	9600	95700
16. Πῆσα (песа)	129600	128800	128000	127600

Формула взаимосвязи

1 πῆσα = 1/4 γομάριον = 4 κεντηνάρια = 384 ἀργυρικαὶ λίτραι = 400 λογαρικαὶ λίτραι = 500 σουάλιαι λίτραι = 608 ἀργυρικαὶ οὐγγίαι = 4800 λογαρικαὶ οὐγγία = 6000 σουάλιαι οὐγγίαι = 28800 ἐξάγια = 38400 δραχμαι =115200 γραμμαί = 230400 ὀβόλοι = 691200 κεράτια = 2764800 σιτόκκια = 3456000 κριθόκκια

А.Г.ГРУШЕВОЙ

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ (1855-1919) И ЕГО «ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ»

Переиздающийся ныне первый в отечественной историографии обобщающий труд по истории Византии нуждается в нескольких страницах послесловия о его авторе и самом труде.

Юлиан Андреевич Кулаковский был известным на рубеже веков антиковедом, археологом и византинистом. Показательно, в сколь положительных тонах выдержана о нем биобиблиографическая заметка в известном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 33, с. 952). Не менее, однако, важно, что даже в таком очень идеологизированном по подаче материала многотомнике, каким было второе издание Большой Советской Энциклопедии, имеется небольшая заметка о Ю. А. Кулаковском, выдержанная, учитывая специфику издания, в достаточно положительном и объективном духе.

Родился Ю. А. Кулаковский в г. Поневеже Виленской губернии (ныне литовский город Паневежис) в семье священника.[1454] Учился он в Виленской гимназии, где проявил себя отличным учеником и был принят бесплатным пансионером в Лицей цесаревича Николая в Москве. Там он в 1873 г. окончил гимназический курс и затем, за три года, в 1876 г., университетский курс, занимавший тогда четыре года. На формирование научных интересов Ю. А. Кулаковского большое влияние оказал известный византинист, будущий академик В. Г. Васильевский (1838-1899), преподававший в виленской гимназии тогда, когда в ней учился Ю. А. Кулаковский.

После окончания в 1876 г. Московского университета несколько лет он провел в Германии, где слушал лекции и принимал участие в семинарах Теодора Моммзена, наиболее известного во 2-й половине XIX в. немецкого специалиста по римской истории. В Германию он был направлен по решению Министерства народного просвещения как один из наиболее отличившихся студентов.

С 1881 г. и до конца жизни Ю. А. Кулаковский преподавал в Университете св. Владимира в Киеве и на Высших женских курсах в Киеве. В основном он читал лекции по римской словесности и латинскому языку, по римской истории. Интересы исследователя были связаны с различными проблемами римской истории. Так, все диссертации, представленные и защищенные им, были связаны с интерпретацией разных проблем именно римской истории. В Киеве, в 1881 г. им была защищена диссертация pro venia legendi «Надел ветеранов землею и военные поселения в Римской империи» (Киев, 1881). В 1882 г. в Москве Ю. А. Кулаковский защитил магистерскую диссертацию «Коллегии в Древнем Риме» (Киев, 1882).

Постепенно, однако, позднеантичные сюжеты начинают играть все более важную роль в его занятиях. Большой резонанс имела прочитанная им в 1891 г. публичная лекция «Христианская церковь и римский закон в течение первых двух веков».[1455] Ю. А. Кулаковский доказывал, что принцип религиозной нетерпимости был проведен в жизнь государства христианскими императорами Рима. Подобный, смелый для своего времени взгляд вызвал ожесточенную критику в церковных изданиях (Труды Киевской духовной академии. 1892. № 6; 1893, № 2,4).

Ю. А. Кулаковский занимался также археологическими изысканиями. В 1895 и 1896 гг. он руководил экспедициями, занимавшимися раскопками катакомб в Керчи.

Полного списка статей Ю. А. Кулаковского, видимо, не существует. Хорошее представление о его работах может, однако, дать сборник *Serta Borysthenica* (Сборник в честь заслуженного профессора Императорского Университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911). Книга, выпущенная к тридцатилетию его деятельности в Университете, открывается полным списком трудов до 1910 г. Надо сказать, что количество серьезных и не устаревших с современной точки зрения статей Ю. А. Кулаковского достаточно велико.[1456] По тематике это либо частные проблемы византийской истории, [1457] либо различные вопросы истории

[1454] Существенный вклад в науку внес также старший брат Юлиана Андреевича, Платон Андреевич Кулаковский (1848-1913) — известный русский славист.

[1455] Опубликовано — Университетские известия, 1891, № 12 и затем продолжение — Там же, 1892, № 7.

[1456] Публиковались они в основном либо в изданиях Университета святого Владимира, либо в *Византийском*

Крыма или северного Причерноморья.[1458] Наиболее значительными из статей или небольших работ Ю. А. Кулаковского являются: «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, XII; отдельное издание — Киев, 1899); «Карта Европейской Сарматии Птолемея» (Киев, 1899); «Смерть и бессмертие в представлениях древних греков»; «Прошлое Тавриды» (Киев, 1906, второе издание — Киев, 1914).

Основными же трудами его жизни стал первый в российской историографии перевод Аммиана Марцеллина[1459] и трехтомная «История Византии», переиздаваемая сейчас.[1460] Как пишет сам автор, основу работы составил дважды прочитанный им в университете курс по истории Византии. При этом, однако, сам Ю. А. Кулаковский не рассматривал свое сочинение как учебное пособие для студентов.

В доступных сейчас источниках материалов о последнем периоде жизни Ю. А. Кулаковского немного. По данным официального издания Академии наук,[1461] Ю. А. Кулаковский 2 декабря 1906 г. был избран членом-корреспондентом по разряду классической филологии и археологии Историко-филологического отделения.

Несмотря на отрицательное в целом отношение ведущих византинистов к основному труду Ю. А. Кулаковского (об этом подробнее см. ниже), его ценили как хорошего специалиста. Показательно письмо А. А. Васильева Ф. И. Успенскому от 23 мая 1915 г. В письме перечисляются лица, которые могли бы быть полезными при замещении будущих кафедр византиноведения по всей России.[1462] А. А. Васильев не забыл вставить в этот список Ю. А. Кулаковского, несмотря на сдержанное отношение к его труду, о чем подробнее речь пойдет чуть ниже, при анализе рецензии А. А. Васильева.

Упоминавшийся на предыдущих страницах хронологический «приоритет» «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского относителен. Действительно, если первый том сочинения вышел в 1910 г., то в 1913 г., в год выхода второго тома «Истории» Кулаковского, вышел в свет первый том «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского, оказавшейся волею судеб наиболее известной обобщающей работой по византийской истории, написанной в России.

Между 1912 и 1914 гг. были опубликованы 4 выпуска «Очерков по истории Византии» под редакцией и с предисловием В. Н. Бенешевича.[1463] Опубликованная чуть позже, в основном уже после революции 1917 г., четырехтомная «История Византии» А. А. Васильева была написана в годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны.[1464]

Таким образом, все основные русские дореволюционные работы обобщающего характера по истории Византии созданы практически в одно и то же время. Этот параллелизм, конечно, не случаен.

За повышенным интересом общества к истории Византии, которым воспользовались русские ученые, стояло многое. Здесь и поиск идеала мудрого, справедливого правителя, способного преодолеть возникающие в обществе трения и способного установить мир и согласие; здесь и интерес к собственной истории, к истокам своей культуры и государственности, хорошо понятный в условиях углубляющегося общественного кризиса в начале XX в.; здесь, наконец, и внешнеполитический фактор — повышенный интерес к восточному вопросу, Палестине, православию на Востоке. По своему характеру сочинение Ю. А. Кулаковского традиционно. В истории науки можно привести множество примеров обобщающих или конкретно-исторических исследований, выдержанных в подобном стиле, который можно было бы назвать позитивистским. Особенностью таких исследований, бесспорно имеющих право на существование наряду с любыми другими, является предпочтение их авторов излагать факты на основе источников и при этом по возможности воздерживаться от аналитических обобщений и общих рассуждений.

Здесь представляется излишним пересказывать содержание и структуру работы, ибо принцип организации материала, выбранный Ю. А. Кулаковским, чрезвычайно прост. Изложение идет строго хронологически, по годам правления императоров. После пространного введения изложение собственно византийской истории

временнике, либо в *Журнале Министерства народного просвещения* (далее: ЖМНП).

[1457] Записка готского топарха (Рецензия на: Westberg F. Die Fragmente des Toparcha Gothicus aus dem X Jahrhundert. СПб., 1901) // ЖМНП. 1902. № 4. Отд. 2. С. 449-459.

[1458] К истории готской епархии в Крыму в VIII веке // ЖМНП. 1898. № 4. Отд. 2. С. 449-459.

[1459] *Аммиан Марцеллин.* История. Вып. 1-3. Киев, 1906-1908. Новое издание: СПб., Издательство «Алетейя».

[1460] Т. 1 (395-518). Киев, 1910; т. 2. (518-602). Киев, 1913; т. 3. (602-717). Киев, 1915.

[1461] Академия наук СССР: Персональный состав. Книга 1. 1724-1917. М., 1974. С. 181.

[1462] *Куклина И. В.* А. А. Васильев. «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под редакцией И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 336-337.

[1463] Вып. 1: Предисловие *В. Н. Бенешевича.* Очерк политической истории Византии профессора *Г. Гельцера.* СПб., 1912. вып. 2: Государственный строй Византийской Империи. Историко-юридический этюд *Дж. Б. Бьюри.* Очерк культурной истории Византии *Г. Гельцера.* СПб., 1912; вып. 3: Византийские историки и хронисты *К. Крумбахера.* СПб., 1913; вып. 4 (дополнительный): Таблицы—библиография— указатели. СПб., 1914.

[1464] *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до крестовых походов. Петроград, 1917; *Васильев А. А.* История Византии. Вып. 1: Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081-1204) и Ангелов (1185-1204). Петроград, 1923; вып. 2: Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204-1261). Петроград, 1923; вып. 3: Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261-1453). Л., 1925.

начинается с момента разделения империи в 395 г. и доведено до 717 г., до начала правления Льва III. В первом томе изложены события от Аркадия до конца правления Анастасия. Во втором томе — от Юстина до конца правления Маврикия. В третьем томе — от Фоки до воцарения Льва III. (Список императоров с годами их правления приведен в Приложении к данному тому.)

В сочинении Ю. А. Кулаковского хорошо изложена по сочинениям светских и церковных историков внешнеполитическая история, жизнь столицы, двора, дворцовые интриги. В работе приведены интересные характеристики всех императоров. Достаточно много говорится о церковных делах и государственных учреждениях ранневизантийского времени. Однако же материал, касающийся истории и структуры государственных учреждений, в «Истории» Кулаковского подан не систематически и не дает единой связной истории государственного строя и государственных учреждений, особенно если при этом брать за образец известные работы Т. Моммзена по римскому государственному праву.

Ввиду того что первый том сочинения Ю. А. Кулаковского оказался первым томом первого в России обобщающего труда по византийской истории,[1465] появление работы Ю. А. Кулаковского не осталось не замеченным. Здесь представляется необходимым подробнее остановиться на имеющихся рецензиях.

Надо сказать, что рецензии на первую в истории русской науки общую историю Византии были заинтересованными и одновременно скептическими из-за большого количества отмечаемых рецензентами неточностей и недостатков.

Детальный разбор первого тома «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского осуществлен А. А. Васильевым в рецензии на страницах «Журнала Министерства народного просвещения». (В данном случае использовано издание рецензии А. А. Васильева в виде отдельной брошюры.)[1466]

Претензии А. А. Васильева сводятся к трем типам замечаний. Первый — это недостаточная четкость оформления работы в мелочах: имеется в виду множество опечаток и неточностей в ссылках. Внимательный просмотр проводимых А. А. Васильевым примеров неточностей и опечаток показывает, что вызваны они не незнанием Ю. А. Кулаковского, а либо поспешностью, либо невнимательностью автора при подготовке работы к изданию. В данном издании учтены все неточности и опечатки, подмеченные А. А. Васильевым.

Второе замечание А. А. Васильева — это невнимание Ю. А. Кулаковского к общим проблемам, недопустимым в книге, рекомендуемой для студентов.

В последнем утверждении А. А. Васильев прав и не прав одновременно, ибо сам Ю. А. Кулаковский, как уже отмечалось, не рассматривал свое сочинение как университетский учебник. Что же касается проблем общего характера, то автор рецензии бесспорно прав, ставя в упрек Ю. А. Кулаковскому отсутствие вообще каких-либо рассуждений о проблеме начала византийской истории.[1467] Со своей стороны хотелось бы заметить парадоксальность ситуации, когда Ю. А. Кулаковский прав по существу,[1468] начиная изложение с 395 г., с момента окончательного разделения империи на Западную и Восточную, однако, конечно, разбор современных Ю. А. Кулаковскому точек зрения по данному вопросу был бы естественно желателен.

Второе замечание общего характера, приводимое А. А. Васильевым в конце своей рецензии,[1469] это отсутствие в труде Ю. А. Кулаковского определения разницы между эллинизмом и византинизмом. Судя по всему, употребляя такие термины, А. А. Васильев имел в виду греческую (античную) и византийскую культуру. Упрек этот справедлив в двух отношениях. Ю. А. Кулаковский говорит о византийской культуре очень немного и ничего не говорит о специфических чертах византийской культуры.

Третий тип упреков А. А. Васильева — это конкретные замечания и пожелания по тексту. Эти замечания рецензента воспринимаются неоднозначно, ибо не все они — если так можно сказать — по существу. Отметим здесь два из таких замечаний, ибо в большинстве своем они касаются мелких вопросов.

Так, дважды А. А. Васильев (с. 5 и 17 рецензии) подчеркивает, что изложение событий до 518 г.[1470] является как бы введением в историю собственно Византии. Видимо, это следует понимать как то, что, с точки зрения А. А. Васильева, история собственно Византии начинается с воцарения Юстина. Такой подход в дальнейшей истории

[1465] См. подробно: *Васильев А. А.* Новый труд по истории Византии. СПб., 1911. С. 3.

[1466] Небольшая рецензия на первый том Ю. А. Кулаковского написана также *П. В. Безобразовым* (Византийский временник. Т. XVII, 1910. СПб., 1911. С. 328-335). Основные замечания П. В. Безобразова те же, что и у А. А. Васильева. Отметим здесь интересное и точное определение стиля изложения Ю. А. Кулаковского, найденное П. В. Безобразовым. Последний говорит о летописном изложении. Несмотря на констатацию немалого количества недостатков, П. В. Безобразов написал свою рецензию на первый том в благожелательной и достаточно нейтральной манере. Рецензия завершается словами о том, что труд Ю. А. Кулаковского заслуживает одобрения и сочувствия.

[1467] *Васильев А. А.* Там же. С. 5.

[1468] Сложность проблемы заключается в том, что какой-то твердой даты, однозначного хронологического рубежа между римской и византийской историей не было, и разделение империи на два государства является всего лишь наиболее удобной и условной точкой отсчета истории Византии.

[1469] *Васильев А. А.* Там же. С. 17.

[1470] То есть года начала правления Юстина.

науки поддержки не получил.

А. А. Васильеву непонятно пристрастие Ю. А. Кулаковского к личности Феодосия II, не самого выдающегося из императоров ранневизантийского времени. Видимо, дело в том, что здесь, как и при оценке императора Анастасия, сказались политические пристрастия самого Ю. А. Кулаковского (монархизм), перенесенные им из современной ему действительности. Правление любимых Ю. А. Кулаковским императоров было достаточно длительным[1471] и относительно мирным. Скорее всего, как раз поэтому Ю. А. Кулаковский и восхваляет императоров, оказавшихся способными в достаточно сложное время не только сохранять власть, но и поддерживать в обществе спокойствие, «жить заодно со своим народом, сердцем чувствовать долг государя», утверждать «монархическую идею на основе христианских воззрений и принципов».

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что рецензия А. А. Васильева в целом объективна и справедлива и автор, несмотря на множество замечаний, относится к Ю. А. Кулаковскому и его труду благожелательно.[1472] Рецензия завершается пожеланием Ю. А. Кулаковскому успеха в дальнейшей работе и пожелание обработки вглубь, а не расширения вширь тех лекционных курсов, которые положены Ю. А. Кулаковским в основу «Истории Византии».

Ответ Ю. А. Кулаковского на рецензию А. А. Васильева был помещен также на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».[1473] Реагировал Ю. А. Кулаковский на критику с большой обидой. Как сам он пишет на первой странице своего ответа, после труда, написанного с большим увлечением, он ожидал благожелательной критики, однако же увидел в лице А. А. Васильева судью, изрекающего непререкаемые истины.[1474]

Ввиду того, что ответ Ю. А. Кулаковского А. А. Васильеву посвящен разбору преимущественно мелких, частных вопросов, ниже отмечены из этого ответа лишь три положения общего характера, принципиально важные для понимания его взглядов.

Ю. А. Кулаковский признает справедливость замечания об опечатках, но никак не объясняет их появление, говоря лишь, что в любой большой работе они неизбежны.

В ответ на замечание А. А. Васильева о пристрастии к легендарным сюжетам и смешении легендарного и исторического в изложении событий, Ю. А. Кулаковский пишет,[1475] что смешения у него нет и все легендарные подробности приведены у него для передачи духа эпохи. С этим вполне можно согласиться, однако важно отметить следующее. Сам Ю. А. Кулаковский, к сожалению, нигде не дает в тексте понять, как сам он относится к легендам, и у читателя вполне может возникнуть ощущение, что автор труда воспринимает их столь же серьезно, как и сообщения любого другого источника.

Принципиально важным для понимания взглядов Ю. А. Кулаковского является его ответ на замечание А. А. Васильева об отсутствии у автора рецензируемого труда каких-либо рассуждений о начале византийской истории. «Зачем мне dissertis verbis толковать о том, что такое история Византии, когда я веду читателя своим изложением в самый templum historiae byzantinae» (Храм истории Византии).[1476]

На наш взгляд, ответ на этот риторический вопрос Ю. А. Кулаковского очевиден и, продолжая сравнение, хотелось бы сказать, что введение во храм без объяснения вводимому, куда его вводят, может привести к восприятию храма как простого строения. Возвращаясь же теперь к языку научному, отметим, что история не сводится к простой арифметической сумме фактов и уже в течение исторических событий так, а не иначе сказываются общеисторические закономерности. Судя по всему, для Ю. А. Кулаковского дело обстояло как раз иначе и он считал свою задачу как историка выполненной после изложения фактов на основании источников. Как уже отмечалось, такого подхода придерживались и придерживаются многие исследователи. Однако если в узко специальных исследованиях такой подход представляется оправданным, то в общих работах он оказывается в конечном счете непродуктивным. Не случайно «История Византии» Ю. А. Кулаковского оказалась в отечественной истории произведением уникального — на наш взгляд— жанра, определение которому предлагается в конце статьи.

В любой ситуации, однако, это сочинение нельзя назвать научным в строгом смысле слова, а яркость и эмоциональность изложения не заслоняют очевидного — многочисленных недостатков, которых чаще всего можно было с легкостью избежать. Это хорошо видно на примере разбора П. В. Безобразовым второго тома «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского.

[1471] Феодосий II — 408-450; Анастасий — 491-518.

[1472] Возможно, дело здесь и в особенностях характера А. А. Васильева, человека доброжелательного. Известно, что он переживал эту ситуацию, когда обстоятельства вынудили его написать отрицательную рецензию на первый том сочинения Ю. А. Кулаковского. См.: *Куклина И. В.* А. А. Васильев. «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., С. 327.

[1473] ЖМНП, новая серия, т. 35 (1911), № 10, отдел 2. С. 377-388.

[1474] В целом ответ Ю. А. Кулаковского посвящен разбору мелких частностей. Поэтому здесь ниже разбираются лишь три момента общего характера, принципиально важные для понимания его взглядов.

[1475] Там же. С. 381.

[1476] *Кулаковский Ю. А.* История Византии (Ответ проф. Васильеву). С. 379.

Эта рецензия, справедливая по сути, но скандально-разгромная по форме, была опубликована в *Византийском временнике*.[1477]

Как в случае с рецензией А. А. Васильева на первый том «Истории Византии», ниже отмечаются лишь общие и наиболее важные моменты пространной статьи-рецензии П. В. Безобразова, посвященной в целом подробному разбору частных эпизодов.

Начинает П. В. Безобразов с того, что манера изложения и подачи материала у Ю. А. Кулаковского совершенно не изменилась и осталась летописной. С точки зрения рецензента, это приводит к такому существенному недостатку, как разорванность изложения. «Приходится знакомиться сначала с разгромом вандальского царства, совершенного Велизарием, потом с остготской войной, с персидской войной и вслед за тем с событиями, случившимися в Африке непосредственно после победы Велизария».[1478]

П. В. Безобразов пишет далее о том, что изложение у Ю. А. Кулаковского поверхностное — под этим понимается, правда, в данном случае, неполнота подхода к материалу в одной главе «Законодательство Юстиниана в области государственного управления». Действительно, у Кулаковского законодательство Юстиниана, инициатора кодификации римского права (Corpus iuris civilis), иллюстрируется только Новеллами и достаточно бессистемно. При этом, однако, замечание о поверхностности, на наш взгляд, не точно, ибо Ю. А. Кулаковский в принципе пересказывает большую часть Новелл, создавая представление об этом типе источников, характеризующих законодательную деятельность Юстиниана. Однако, будучи верным своему «летописному» методу, делает это бессистемно, практически лишь отмечая, но не раскрывая то, что могут дать Новеллы для характеристики внутренней жизни Империи.

К мысли о поверхностном изложении у Ю. А. Кулаковского П. В. Безобразов возвращается еще дважды. В первый раз — при оценке изложения событий восстания Ника в Константинополе, в 532 г. Смысл данного замечания в этом конкретном случае сводится к указанию, что Ю. А. Кулаковский не использовал одну немецкую работу, представляющуюся П. В. Безобразову очень важной. Более существенно оказывается третье, заключительное замечание о поверхностности.[1479]

П. В. Безобразов справедливо пишет, что Ю. А. Кулаковский «не старается найти в византийской истории то, что для современного историка наиболее ценно, не раскрывает социальные и культурные основы византинизма, не интересуется общественными движениями, вызывавшими разные события, отмеченные летописцами».

Несколько ниже в связи с данным заявлением П. В. Безобразов дает очень важное определение византинизма,[1480] с сожалением отмечая, что такие соображения общего характера для Ю. А. Кулаковского оказываются чуждыми.[1481] Рецензент при этом пишет, что во всех сферах византийской жизни (византинизме) прослеживается смешение трех потоков — восточно-азиатского, эллинского и римского. При этом успешное изучение истории Византии и ее специфики без учета этих трех потоков практически невозможно.

Последнее замечание принципиального характера — это невнимание Ю. А. Кулаковского к такому существенному вопросу, как положение крестьян. Или же — говоря современным языком — к экономике. Справедливо заметив, что ученые предшествующих поколений не могли много про это писать ввиду отсутствия источников — новых надписей и папирусов, — П. В. Безобразов отмечает, что Ю. А. Кулаковский прошел мимо большого количества специальных, недавно написанных исследований о крестьянах, крепостных и крепостном праве.[1482] Автор рецензии прав, когда говорит, что у Ю. А. Кулаковского имеются лишь обрывки разнообразной информации по крестьянскому вопросу.

Заканчивается рецензия П. В. Безобразова достаточно резким и не вполне справедливым высказыванием. «Всякий, работавший над византийскими источниками, понимает, как тяжело написать историю Византии вполне самостоятельно, не пользуясь трудами своих предшественников. С этой точки зрения нельзя не оценить исключительного трудолюбия проф. Ю. А. Кулаковского. Но в то же время нельзя не пожалеть, что он потратил много времени на работу не нужную, давно сделанную другими и не хуже его».[1483]

О нужности или ненужности «Истории Византии», написанной Ю. А. Кулаковским, у нас еще будет повод сказать ниже, сейчас же остановимся на реакции автора. Из его письма В. Э. Регелю от 11 ноября 1913 года известно, что Ю. А. Кулаковский реагировал на рецензию П. В. Безобразова с большой обидой, обвиняя последнего в излишней грубости и резкости и всячески отметая обвинения в научной недобросовестности. Правда, даже по письму видно, что Ю. А. Кулаковскому почти что нечего сказать по существу. Он отмечает, что в трех местах подправил текст, согласно замечаниям рецензента. Что же касается основного — своего метода изложения, — то защитить его Ю. А. Кулаковскому нечем и он лишь отмечает, что если рецензенту не нравится

[1477] Византийский временник. Том XVII (1911). СПб., 1913. Отдел II, с. 43-74.
[1478] *Безобразов П. В.* Там же. С. 44.
[1479] *Безобразов П. В.* Там же. С. 70.
[1480] То есть, говоря современным языком, специфики византийской культуры.
[1481] *Безобразов П. В.* Там же. С. 72.
[1482] Так П. В. Безобразов называет то, что в наши дни принято именовать на латинский манер колонами и колонатом.
[1483] *Безобразов П. В.* Там же. С. 74.

способ изложения по источникам, то это еще не дает ему права глумиться так, как это он сделал.

Из этого письма видно также, что неоправданная резкость рецензии привела к тому, что Ю. А. Кулаковский посчитал излишним писать специальный ответ П. В. Безобразову, подобно тому, как это он сделал в ответ на рецензию А. А. Васильева.[1484]

На третий том «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского рецензий уже не было, что объясняется целым рядом причин. Во-первых, это уже были годы Первой мировой войны. Во-вторых, здесь немалую роль сыграла и участь Византийского Временника — основного российского издания по византинистике. Уход В. Э. Регеля, основателя и редактора всех номеров Временника до начала Первой мировой войны, со своего поста как раз в годы войны, приход на смену В. Э. Регелю Ф. И. Успенского привели — в условиях военного времени — к быстрому упадку издания.[1485] Византийские штудии перестали быть столь общественно актуальными, как в предшествующие годы. Сочетание всех этих обстоятельств и привело к тому, что интерес к работе Ю. А. Кулаковского пропал.

Не приходится, однако, сомневаться, что рецензии на третий том «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского были бы точно такими же, как и на первые два. Последний том сочинения Ю. А. Кулаковского ничем принципиально не отличается от первых двух.

Здесь есть одна интересная проблема общего плана, разрешение которой автор данной статьи может предложить лишь в предположительной форме ввиду отсутствия какой-либо информации о существовании и сохранности где-либо архива Ю. А. Кулаковского. Нельзя не обратить внимание, сколь велика разница между Ю. А. Кулаковским, автором серьезных научных статей, и Ю. А. Кулаковским, автором «Истории Византии». В чем тут дело? Возможно, Ю. А. Кулаковский, принимаясь за написание общего труда по истории Византии, взялся — если так можно сказать — не за свой жанр. Не исключено также, что Ю. А. Кулаковский, взявшись за написание обобщающего труда, подошел к этой работе не как к научному труду,[1486] а как к своему общественному долгу, который, по не вполне уже сейчас ясным причинам, он считал необходимым выполнить как можно скорее. Ведь именно спешкой и ничем другим объясняется изобилие опечаток и неточностей, подмеченных авторами рецензий на первый и второй тома «Истории Византии».

Другой проблемой, столь же заслуживающей особого внимания и не имеющей ясного решения, является неоднозначность отношения к Ю. А. Кулаковскому.

Отрицательное отношение ведущих византинистов к труду Ю. А. Кулаковского ясно было показано по имеющимся рецензиям. В то же время А. И. Соболевский, который не мог не знать рецензий на «Историю Византии», оценивает ее в некрологе[1487] так: «В “Истории Византии” Ю. А. мы имеем вполне самостоятельный труд,[1488] основанный на самом тщательном изучении разноязычных источников и обширной, но преимущественно западноевропейской литературы». Для знакомого с отзывами рецензентов такая фраза говорит о многом и прежде всего — о скрытой полемике с А. А. Васильевым и П. В. Безобразовым.

Столь же положительно отзывается о Ю. А. Кулаковском Б. В. Варнеке, автор доклада «Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора Императорского Киевского университета Св. Владимира». Б. В. Варнеке дает полный обзор биографии, деятельности и трудов Ю. А. Кулаковского до 1906 года.[1489]

Сочетание столь сильно различающихся оценок наводит на мысль, что за критикой на Ю. А. Кулаковского со стороны А. А. Васильева и П. В. Безобразова и безоговорочной поддержкой Б. В. Варнеке и А. И. Соболевского стояли отнюдь не только научные интересы,[1490] но и иные: противостояние — если так можно сказать — «западнических » и «славянофильских» идей в обществе и научном мире. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют высказаться подробнее, однако хотелось бы все же отметить, что вся вторая половина жизни А. А. Васильева прошла в США,[1491] а А. И. Соболевский был одним из наиболее известных русистов

[1484] О письме Ю. А. Кулаковского В. Э. Регелю см. подробно: *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под редакцией И. П. Медведева. СПб., 1995. С.166.

[1485] Там же. С. 170-174; *Медведев И. П.* О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // Архивы русских византинистов... С. 57-61.

[1486] Издание некролога указано в прим. 8.

[1487] То есть как к труду, требующему спокойного написания, спокойной и обстоятельной проработки в деталях.

[1488] В этом утверждении А. И. Соболевский бесспорно прав. Никто и из рецензентов никогда не говорил о несамостоятельности труда Ю. А. Кулаковского. Другое дело, что этими словами содержание труда Ю. А. Кулаковского не исчерпывается.

[1489] Опубликовано в: Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Том XXIII. Вып. 1-6. 1907. Казань, 1908. Вып. 1. Приложение. Протоколы общих собраний. Приложение к протоколу 4 октября 1906 г. С. 14-30.

[1490] Отрицать их, естественно, невозможно, однако к ним, как видим, примешиваются и иные нюансы.

[1491] Отметим здесь от себя, что это возможно лишь при психологической готовности человека принять «западный» образ жизни.

советского времени. Что же касается самого Ю. А. Кулаковского, то уже отмечавшиеся выше оценки им Феодосия Второго и Анастасия позволяют охарактеризовать его как патриотически настроенного монархиста.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы сказать, что «История Византии» Ю. А. Кулаковского осталась в истории русской науки произведением уникального жанра. Это своего рода талантливо и ярко написанная историческая летопись первых веков византийской истории и — в отличие от других общих работ этого времени по византинистике — с хорошо ощутимыми политическими симпатиями и антипатиями автора.

Ю. А. Кулаковскому удалось создать произведение в чем-то — хотя и отдаленно — напоминающее знаменитую работу английского историка XVIII века Э. Гиббона об упадке Римской империи. Однако если яркость изложения и наличие типичных для своего времени концепций обеспечили Э. Гиббону долгую жизнь,[1492] то революция в России и отказ Ю. А. Кулаковского от концептуального подхода привели к тому, что труд Ю. А. Кулаковского оказался быстро забыт. Хочется надеяться, что нынешнее переиздание ярко и талантливо написанной работы позволит вернуть из небытия незаслуженно забытое широкой читающей публикой имя.

Несмотря на отмеченные недостатки, переиздание труда Ю. А. Кулаковского представляется целесообразным и полезным для студентов и аспирантов и просто для людей интересующихся в качестве добротного научно-популярного Пособия, раскрывающего основные моменты первого периода истории государства, которому так многим в культурном, политическом и историческом плане обязана Россия.

За прошедшие с момента опубликования сочинения Ю. А. Кулаковского десятилетия наука продвинулась значительно вперед, и поэтому многое из того, о чем писал Ю. А. Кулаковский и его современники, освещается иначе. Для интересующихся современной трактовкой того или иного вопроса будет, как кажется, достаточно отметить здесь несколько работ обобщающего характера с обстоятельной библиографией.

Из работ на русском языке хотелось бы назвать прежде всего трехтомную «Историю Византии» под редакцией академика С. Д. Сказкина. Все три тома вышли в Москве, в 1967 году. Здесь нельзя также не назвать трехтомный обзор культуры Византии.[1493]

Из иностранных работ отметим несколько наиболее известных и доступных:

Jones A. H. M. The Later Roman Empire 284-602. Vol. I—II. Baltimore, 1981 (есть английское издание в трех томах — Oxford, 1964);

Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 565 n. Chr. München, 1989;

Stein E. Histoire du Bas Empire. Tome I. De 1'Etat Romain a l'Etat Byzantin (284-476). Paris, 1959. Edition franfaise par Jean-Remy Palanque; Tome II. De disparition de PEmpire I'Occident a la mort de Justinien. Publie par Jean-Remy P lanque. Paris, 1949.

В заключение несколько замечаний общего характера. Особенности языка стиля Ю. А. Кулаковского в основном не корректировались. Изменены или объяснены лишь несколько случаев очень бросавшихся в глаза архаизмов словоупотребления. В языке Ю. А. Кулаковского иногда чувствуется налет модернизации. Так, он очень любит слово «полк», которое — как это видно из контекста — употребляет иногда как синоним легиона. Иногда же «полк» Ю. А. Кулаковского обозначает воинские подразделения меньших размеров.

А. Г. Грушевым составлены также приложения к данному тому.

[1492] Как известно, в англоязычных странах Э. Гиббон переиздается до сих пор.

[1493] Культура Византии. IV—первая половина VII вв. М., 1984; Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989; Культура Византии. XIII—первая половина XV в. М., 1991.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Ammmianus Marcellinus. Res gestae, ed. *Gardthausen.* Lipsiae, 1874-1875.[1494]
Zosimus. Historia, ed. *Mendelsohn. 1887.*
Claudii Claudiani carmina, rec. Koch. 1893.
Pauli Orosii Historiarum adversus paganos lib. VII, rec. *Zangemeister.* Vindobonae, 1882.
Notitia dignitatum utriusque imperil, ed. Böckling. Bonnae, 1839-53; id. op. ed. *Seeck.* Berolini, 1886.
Philostorgius. Ex historiis ecclesiasticis (P. Q. 65, 460-628).
Synesius. De regno (P. Q. 66, 1053-1108). De providentia (1212-1280).
Palladius. Historia Lausiaca, ed. by *Butler* // Texts and Studies, VI. Cambridge, 1904.
Socrates. Historia ecclesiastica (P. Q. 67).
Sozomenus. Historia ecclesiastica (ib.).
Theodoretus. Historia ecclesiastica; rec. *Parmentier* // Die chistl. Schriftsteller. Leipzig, 1911; Historia religiosa (P. Q. 82, 1264-1496), Epistolae (P. Q. 83).
Historici graeci minores, ed. *Müller,* vol. IV. Paris, 1885.
Excerpta historica Imp. Constantini Porphyrogeniti, ed. *Boissevain, De Boor* // *Biittner-Wobst*. I, 1. De legationibus; I, 2. De virtutibus. III. De insidiis. Berol, 1903-1906.
Chronica minora sec. IV, V, VI, VII, rec. *Mommsen* (Mon. Germ. hist.).
Victor Vitensis. Historia persecutions Africanae provinciae (Mon. Germ, hist.); Cassiodori senatoris Variae, rec. *Mommsen* (Mon. Germ. hist.).
Procopius Gazaeus. Panegyricus in imper. Anastasium. Bonnae, 1829.
Prisciani De laude Anastasii imperatoris // Bdhrens. Poetae latini minores. V. Lips, 1883. 264-274.
Liberatus. Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum (P. L. 68).
Jordanes. Romana et Getica, rec. *Mommsen* (Mon. Germ. hist.).
Jordanes Lydus. De magistratibus, ed. *Waensch.* Lips, 1903.
Theodorus Lector. Excerpta ex Hist, eccles. (P. G. 86, 1); и в дополнение*: Miller* Fragments inMts de Theodore le lecteur et Jean d'Egee //Rev. Archeol. 1873, v. 265.
Johannes Malala. Chronographia. Bonnae, 1831.
Evagrius. Historia ecclesiastica, ed. *Bidez and Parmentier.* London, 1889.
Chronicon Paschale. Bonnae, 1832.
Theophanes. Chronographia, rec. *De Boor.* Lips, 1883.
Georgius Cedrenus. Compendium historiarum. Bonnae, 1838.
Nicephorus Callistus. Historia ecclesiastica (P. G. 146 и 147).
Chronique de *(pseudo)* Josue le Stylite, ecrite vers L'an 515, trad. par. Martin // Abhandl. f. d. Kunde des Morgenlandes. VII. 1876.
Chronicum Edessenum, ed. *Hallier* // Texte und Untersuchunden, IX, I, 1892.
(Pseudo) Zacharias-Rhetor, Kirchengeschichte (Scrip, sacri et profani Almae Matris Jenensis, III) in deutscher Uebersetzung herausgegeben von *Ahrens* und *Krüger.* Leip, 1899.
Loofs. Nestoriana. 1905.
Nau. Nestorius: Le Uvre d'HSraclide de Damas. Paris, 1910.
Les Plerophories de Jean, 6vSque de Maiouma // Rev. d'Or. Chr. 1898. 232- 259, 337-392.
Chronique de Jean, Eveque de Nikiou, trad. par. Zotenberg (Notices et Extraits de manuscripts de la Bibl. Nat., XXIV).

[1494] Цитирован по русскому переводу, выполненому нами, вып. I, II, III. Киев, 906-1908.

Paris, 1883.
La Chronique de Michel le Syrien, trad, par Chabot. I—II. Paris, 1899-1901.
Georgii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum, ed. *Abelloos* et *Lamy.* Lov, 1872.
Mansi. Collectio conciliorum.
Liber Pontificalis, ed. *Duchesne.* I—II. Paris, 1886-1892.
Epistulae Imperatorum Pontificum aliorum. Avellana quae dicitur collectio, rec. *Günter*, I—II // Corp. scr. eccles. latin. Acad. Vindob., v. XXXV.
Petrus der Iberer, iibersetzt von *Raabe*. Leipzig, 1895.
Der heilige Theodosius, Schriften des Theodorus und Kyrillos, herausgeg. v Usener. Leipz, 1890.
Житие св. Саввы Освященного, изд. *И. В. Помяловский*. Петербург, 1890.
Theodosiani libri XVI et leges novellae, ed. *Mommsen* et *Meyer*. Berlin, 1905.
Codex Justinianus, ed. *Krüger*. Ber., 1900.

ЛИТЕРАТУРА

НАУКА XVII И XVIII ВЕКОВ

Baronii Annales Ecclestiastici, I—XII, Col. Agr. 1624 (новая перепечатка — Parisiis. 1887).
Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis *Jacobi Gothofredi.* 1655. (editionova, emendata, variorum observationibus aucta, quibus adiecit suas *Joh. Ritter*. Mantuae, 1740).
Du Cange. Historia Byzantina, duplici commentario illustrata. Lutetiae Parisiorum. 1680 (ed. nova. Venetiis, 1729).
Le Nain de Tillemont. Histoire des Empereurs. Paris, 1690-1738.
Banduri. Imperium Orientale. I—II. Paris, 1711.
Pagi. Critica historica chronologica in Annales Ecclesiasticas Baronii. I—III. Ant- verpiae, 1727.
Lebeau. Histoire du Bas Empire. Paris, 1764.[1495]
Gibbon. History of the decline and fall of the Roman Empire. London, 1770-1778 (рус. пер. Неведомского. Москва, 1884)[1496].

ХРОНОЛОГИЯ

Henry Fynes Clinton. Fasti Romani. Oxford. I—II. 1845.
Muralt. Essai de Chronographie Byzantine de 395 6 1057. S. P6tersbourg. 1855.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

KrumbacherK. Geschichtederbyzantinischen Literatur. 2-teAufl.München, 1897.
Райт А., Коковцов П. К. Краткий очерк истории Сирийской литературы. СПб., 1902.
Duval. La litterature syriaque. 3-me ed. Paris, 1907.
Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. I. Введение в церковную историю. Посмертное издание Бриллиантова. Петербург, 1907.

ТОПОГРАФИЯ

Дестунис Г. С. Топография средневекового Константинополя // Жур. Мин. Нар. Проев. 1882, январь; 1883, январь, февраль.
Его же. Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя // Труды VI Арх. съезда, т. III. Одесса, 1887. 235-280.
Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя (ib. 1 -229).
Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. Lille, 1892.
Unger. Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte. Wien, 1878.
Richter. Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte. Wien, 1897.
van Millinngen. Byzantine Constantinople. London, 1899.
Ласкин. Георгий Кодин. О древностях Константинополя. Киев, 1905.
Ebersolt. Le grand Palais de Constantinople et le Livre des c6r6monies. Paris. 1910.

ЦЕЛЬНЫЕ ОБРАБОТКИ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Финлей Дж. История Греции под римским владычеством (пер. Никитенко). Москва, 1877.
Herzberg. Geschichte der Byzantiner. 1883 (рус. пер. Безобразова).
Терновский Ф. История греко-восточной церкви в период вселенских соборов Киев, 1883.
Bury]. A History of the later Roman Empire. I—II. London, 1889.
Gelzer. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte (Anhang zur Krumbacher' Qesch. der byz. Literatur). Miinchen, 1897.
Hesseling. Essai sur la civilisation Bysantine. Paris, 1907.
Gelzer H. Byzantinische Kulturgeschichte. Tubingen, 1909 (рус. пер. под ред. проф. В. Н. Бенешевича в изд. «Очерки по истории Византии». СПб., 1912).

УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРИИ

[1495] Сочинение переиздано в 1824-1836 гг. с дополнениями *Saint-Martin* и *Brosset.*

[1496] В 1897-1900 гг. появилось издание Гиббона с весьма ценными примечаниями и экскурсами проф. Дж. Б. Бьюри.

Mommsen Th. RSmisches Staatsrechet, II. 1.
Его же. Abriss des romischen Staatsrechts. Leipzig, 1893.
Bury. The Constitution of the later Roman Empire. Cambrige, 1910.
Karlowa. Römische Rechtsgeschichte. I. 1903.
Hirschfeld. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten. 2 Aufl. 1905.
Ellissen. Der Senat im ostromischen Reiche. Gottingen, 1881.
Lecrivain. Le Sénat romain depuis Diocletien a Rome et a Constantinople. Paris, 1888.
Liebenam. Stadteverwaltung im romischen Kaiserreiche. Leipzig, 1900.
Waltzing. Etude hislorique sur les corporations professionelles chez les Romains. I-IV. Louvain, 1895.
Humbert. Essai sur les finances et la comptabilit6 publique chez les Romains. I-IL Paris, 1887.
Gelzer M. Studien zur Byzantinischen Verwalting Aegyptens. Leipzig, 1909.
Beurlier. Le culte impérial. Paris, 1891.
Zacharias von Lingenthal K. Geschichte des griechisch-r6mischen Rechts. 3-te Aufl. Berlin, 1892.

ХРИСТИАНСТВО И ЦЕРКОВЬ

Duchesne. Histoire ancienne de PEglise. I—III. Paris, 1908-1911.
Labourt. Le christianisme dans l'Empire perse. Paris, 1904.
Loofs. Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte. Halle, 1906.
Спасский А. А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов. I. Тринитарный вопрос. Сергиев Посад, 1906.
Hefele. Conciliengeschichte, 2-te Aufl. Freiburg in Br. 1875.
Курганов Ф. А. Отношения между церковью и гражданской властью в Византийской империи. Казань, 1880.
Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V века, изд. 2. Сергиев Посад, 1896.
Его же. Духовенство древней вселенской церкви. Москва, 1905.
Гидулянов П. В. Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов. Ярославль, 1908.
Gutschmid. Verzeichniss der Patriarchen von Alexandrien (Kleine Schriften II 395-525).
Феодосий Олтаржевский. Палестинское монашество с IV до VI века // Правосл. палест. сборник. Т. XV. Вып. 2. Петербург, 1896).
Иер. Анатолий. Исторический очерк сирийского монашества до половины V века. Киев, 1911.

ИСТОРИЯ ГЕРМАНЦЕВ В ИМПЕРИИ

Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstamme. München, 1837.
Richter. Das weströmische Reich. Berlin, 1865.
Wieterscheim-Dahn. Qesch. d. Völkerwanderung. I—II. Leipz, 1880-1881.
Hodgkin. Italy and her invaders. I—IX. Oxford, 1880-1899[1497].
Schmidt L. Qeschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. I Abth. Berl., 1904-1907 (Quellen und Forschungen zur alten Qeschichte und Geographie, herausgeg. v. Sieglin. Heft 10, 12).
Martroye. Gens6ric. La conquete vandale en Afrique. Paris, 1907.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ МОНОГРАФИИ

Sievers. Studien zur Geschichte der r6mischen Kaiserzeit. Berlin, 1870[1498].
Giildenpfenning und Ifland. Der Kaiser Theodosius der Grosse. Halle, 1878.
Thierry Amedee. St. JeanChysostomeet ПтрёгаМсе Eudoxie. Paris, (рус. перев. Поспелова. Москва, 1884).
Его же. Nestorius et Eutych6s. Les grandes her6sies du V siecle. Paris, 1879 (рус. перев. Поспелова. Киев, 1880).
Puech. St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris, 1891.
Попов И. Св. Иоанн Златоуст и его враги. Сергиев Посад, 1908.
Giildenpfenning. Geschichte des ostr6mischen Reichs unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885.
Brooks. The emperor Zeno and the Isaurians // The Engl. Hist. Rev. 1893. 30, 209-238.
Barth. Kaiser Zeno. Basel, 1894.
Rose. Kaiser Anastasius I. Halle, 1882; Die byzantinische Kirchenpolitik unter Kaiser Anastasius I. Wohlau. 1888.
Merten. De bello persico ab Anastasio gesto. Lips, 1906. (Comm. Jen. VII, 2).

Другие ученые исследования, а равно и специальные статьи в журналах *Byzantinische Zeitschrift, Византийский временник, Revue de TOrient Chretien* и других изданиях указаны в соответствующих местах в примечаниях.

[1497] Автор дает полную историю империи в порядке германских вторжений.

[1498] В этой великолепной критической работе указы Юстинианова Кодекса нередко имеют дату, не соответствующую современным изданиям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.А.Пучков. Юлиан Кулаковский и его "История Византии" в пространствах российского византиноведения 5

Предисловие ко второму изданию 49
Предисловие к первому изданию 50

Введение
Судьбы Римской империи 55
Государственное устройство империи в IV веке 64
1. Император 64
2. Двор и центральное управление империи 74
3. Гражданское управление империи 82
4. Система обложения и финансовое управление 90
5. Армия и военное управление 97
6. Сословия в империи 104
7. Управление столиц 109
8. Игры, цирк и партии 116

Христианство 127

Готы в империи 148

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Аркадий
Начало правления. Руфин 170
Евтропий. Гайна 176
Церковные дела Иоанн Златоуст 187
Разбои исавров. Смерть Аркадия 201
Начало разложения Западной Римской империи 207

Феодосий
Регентство Анфимия 222

Пульхерия. Воспитание Феодосия. Дела в Александрии. Брак Феодосия с Афинаидой. Основание высшей школы в Константинополе. Феодосиев кодекс. Катастрофа в царском семействе 227
Дела на Западе и отношения Феодосия к Риму Вандалы в Африке 245
Отношения на восточной границе империи 252
Отношения на дунайской границе Аттила 256
Церковные дела 268
Сооружения Феодосия. Жизнь столицы. Смерть Феодосия 285

Маркиан
Прошлое Маркиана, Начало его правления и церковные дела 296
Внешние отношения империи 308
Смерть Маркиана 308

Лев

Венчание на царство. Дело Тимофея Элура.Исавры 315

Вандалы. Дела на Западе. Смерть Аспара и ее последствия. Смена лиц на римском троне 324
Внешние отношения империи на востоке и севере 336
Остготы в правление Льва 339
События внутренней жизни. Смерть Льва 342

Зенон

Начало правления. Василиск. Возвращение Зенона на царство 350
Судьба римского престола. Мир с вандалами. Готы в империи 358

Бунт Маркиана. Теодорих, сын Триария. Бунт Илла. Выход Теодориха Амала в Италию 367
Церковные дела 379

Преследование православных в Африке. Вражда христиан и иудеев на Востоке. События внутренней истории. Смерть Зенона 387

Анастасий

Избрание на царство. Война с исаврами. Волнения в столице 393
Дела на восточной границе империи 404
Столкновение с Теодорихом и сношения с франками и бургундами 415
Состояние северных областей империи 418
Церковные дела 422
Восстание Виталиана. Сношения Анастасия с папой Гормиздом 432
Финансовые и административные реформы Анастасия 441
Смерть Анастасия и общая оценка его правления 450

Приложение (сост. А.Г.Грушевой) 461

А.Г.Грушевой. Ю.А.Кулаковский (1855–1919) и его "История Византии" 474

Источники и литература 487

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ *395-518 годы* Том I
Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Корректор: Н. М. Баталова Оригинал-макет: И. А. Смарышева

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство "Алетейя",
193019, СПб., пр. Обуховской обороны, 13.
Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53 E-mail: aletheia@rol.ru www.orthodoxia.org

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95 *Санкт-Петербург*, ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 14.07.2003. Формат 60x88'/,6. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,3. Тираж 2000 экз. Заказ № 4397.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

В СЕРИИ
«ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА» ВЫШЛИ В СВЕТ:

'AvtiScopov: Сборник в честь 75-летия академика РАН Г. Г. Литаврина
Алексиада / Пер., вступ. ст. и комментарии Я. Н. Любарского
Византийские очерки. Труды российких ученых к XX Международному конгрессу византинистов
Византийский медицинский трактат XI-XIV вв.
Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики Два византийских военных трактата конца X века / Под ред. В. В. Кучмы Житие Андрея Юродивого
Мир Александра Каждана: Сборник в честь профессора А. П. Каждана *Безобразов П. В., Любарский. Я. Н.*
Византийский писатель и государственный деятель М. Пселл: личность и творчество
Беляев Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение
Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа
Бибиков М. В. Историческая литература Византии
Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии
Бородин О. Р., Гукова С. Н. История географической мысли в Византии
Биданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения
Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника
Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I—II
Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги V-VI
Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги III—IV
Священник Георгий Завершинский. Дух дышит, где хочет: Введение в православное учение о Святом Духе
Игумен Иларион (Алфеев). Духовный мир преп. Исаака Сирина *Игумен Иларион (Алфеев).* Жизнь и учение св. Григория Богослова *Игимен Иларион (Алфеев).* Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание
Игимен Иларион (Алфеев). Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции
Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров: В 2 т.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов / GETICA *Каждан А. П.* Византийская культура *Каждан А. П.* История византийской литературы *Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя
Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян *Карпов С. П.* Латинская Романия
Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века
Священник Николай Ким. Рай и человек: Наследие Преподобного Никиты Стифата
Священник Николай Ким. Тысячелетнее Царство: Экзегеза и история толкования XX главы Апокалипсиса
Климанов И. Г. Византийские отражения в сфрагистике
Священник Олег Климков. Опыт безмолвия. Человек в миросозерцании византийских исихастов
Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей
Кривое М. В. Византия и арабы в раннем средневековье
Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография
Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии
Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 1 (395-518 гг.)
Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2 (518-602 гг.)
Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3 (602-717 гг.)
Кучма В. В. Военная организация Византийской империи
Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X в.
Лебедев А. П. История Константинопольских соборов IX века
Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X, XI веках
Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века
Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X, XI вв.
Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV-XX вв.
Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.)
Литаврин Г. Г. Византия и славяне
Литаврин Г. Г. Как жили византийцы
Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV-XV вв.
Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи
Олимпиодор Фиванский. История
Орозий П. История против язычников. Книги I—III
Орозий П. История против язычников. Книги IV-V
Орозий П. История против язычников. Книги VI—VII
Преосвященник Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей
Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни: Новооткрытые тексты
Преподобный Симеон Новый Богослов. Прииди, Свет истинный. Избранные гимны
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история
Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе
Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи

Пселл М. Хронография. Краткая история
Пичков А. А. Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византинистки в России
Рыдаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии
Скржинская Е. Русь, Италия и Византия в Средневековье
Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника
Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204-1461)